1860

ВОСПОМИНАНИЯ

Д.А.Милютин

1862

Д.А.Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

1860 – 1862

Д.А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

Д. А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

генерал-фельдмаршала
графа
Дмитрия Алексеевича
Милютина

1860 – 1862

Под редакцией
доктора исторических наук
профессора
Л.Г. ЗАХАРОВОЙ

РОССИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ
СТУДИЯ «ТРИ ГЭ»
НИКИТЫ МИХАЛКОВА
«РОССИЙСКИЙ АРХИВ»
Москва
1999

ББК 63.3(2)51
М 60

Предисловие *Л.Г. Захаровой*

Подготовка текста и комментарии
Л.Г. Захаровой, Т.А. Медовичевой и Л.И. Тютюнник

Указатели и подбор иллюстраций
Т.А. Медовичевой и Л.И. Тютюнник

Художественное оформление
Е.Н. Волкова и А.Я. Галкина

Компьютерная верстка *В.И. Тушевой*

В подготовке издания принимали участие
А.Н. Дорошенко, А.Н. Кузнецова, И.В. Пискарев,
А.И. Попков

ISBN 5-86566-015-2

НАЧАЛО ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Публикуемая книга Воспоминаний Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912), военного историка, генерала, государственного деятеля, бывшего 20 лет военным министром Александра II*, отражает сложное и переломное для России время конца 1860–1862 гг. – самый канун отмены крепостного права и первые два года освобождения. Необычность и глубину перемен, произошедших в стране, мемуарист воспринял и передал особенно ярко, так как ему не пришлось наблюдать постепенность и последовательность изменений. Он увидел результат их вдруг, после четырехлетнего пребывания на Кавказе, который «представлял какой-то свой обособленный мир». Милютин уехал из Петербурга до наступления «оттепели» (термин тех лет), он расстался с Империей Николая I, а вернулся в Россию обновляющуюся, сбрасывающую с себя оковы крепостного права. И был поражен увиденным.

От острого и чуткого взора Милютина не укрылись трудности общественно-политической ситуации в стране на переломе ее истории. Наряду с угрозой начинавшимся реформам со стороны реакционных сил Милютин подметил и прямо противоположное явление – опасность «нарождавшейся у нас в то время революционной и анархической пропаганды»: беспорядки в университетах и других высших учебных заведениях, появление революционных воззваний, подметных писем, распространение анархических понятий среди простого народа, огромную популярность в России запрещенных изданий А.И. Герцена, которые «ходили по рукам почти открыто». С особенной силой заявила о себе новая прогрессивная журналистика, «с которой снята была прежняя строгая узда» цензуры.

Особая ценность мемуаров Милютина заключается в широте охвата переживаемых Россией событий. Острота и необычность общественно-политической ситуации в столице и в центре страны раскрываются в связи с развитием национально-освободительного движения в Империи. Многие страницы книги повествуют о борьбе в Польше накануне восстания 1863 г., о «польской смуте», как называет эти события автор Воспоминаний, об «отголосках» ее в Юго-Западном и особенно Северо-Западном краях, о связях польского и русского революционных движений. Поражают увиденные мемуаристом масштабность и размах польских событий, всеобщее недовольство, охватившее край, город и деревню, столицу и

* См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843 гг. Под редакцией доктора исторических наук, профессора Л.Г. Захаровой. М. 1997.

провинцию, все слои и классы населения. И одновременно им показана полная разлаженность механизма управления, созданного Николаем I после подавления польского восстания 1830–1831 гг., его абсолютная непригодность, беспомощность, неспособность к слаженным, энергичным действиям, его несомненная чужеродность для коренного населения края. Милютиным очерчен еще один аспект общего кризиса николаевской государственной системы - взрывоопасность национальной политики на окраинах. И не только в Польше, но и в Финляндии.

Здесь так много интересного и важного, что нелегко выделить главное. Милютин пишет об уличных беспорядках и демонстрациях, о политике центра и действиях местной администрации, о людях противостоящих друг другу лагерей, вожаках польского движения разных направлений и оттенков и часто сменяющихся, не способных овладеть ситуацией наместниках.

На примере Польши, одной из национальных окраин, Милютин наглядно показал тяжеловесность, неповоротливость государственного управления самодержавной монархии, ее имперской политики. Принимаемые правительством меры оказывались подчас несвоевременными или вовсе опаздывали и не достигали цели, а иногда приводили к противоположным результатам. После смерти грозного правителя Польши, руководителя подавления восстания 1831 г. и бессменного наместника в течение четверти века фельдмаршала И.Ф. Паскевича, последовавшей за кончиной Николая I, еще пять лет на этот пост назначались сановники николаевской гвардии – престарелые, бездарные, неспособные к активным самостоятельным действиям. М.Д. Горчаков, Н.О. Сухозанет, А.Н. Лидерс были одинаково беспомощны перед сложной ситуацией, грозно заявившей о себе и требовавшей новых подходов и новых решений. Сказалась и слабость позиции самого Александра II, который далеко не сразу сориентировался в ситуации. Это проявилось еще в его речи в мае 1856 г. в Варшаве, содержавшей известные слова: «Pas de reveries»*, что сразу оттолкнуло поляков. Когда же спустя пять лет был принят указ 14 (26) марта 1861 г. о реформах, направленных на восстановление «автономной администрации» Царства Польского, время оказалось, увы, упущенным, национально-освободительное движение потребовало полной самостоятельности.

Чтение Воспоминаний Милютина подводит к мысли о том, что ни Александр II, ни правительство, ни либеральная бюрократия, которая возглавила освободительные реформы, не предвидели взаимосвязи между отменой крепостного права и ростом национально-освободительного движения, не предусмотрели, что, поднимая главный для России крестьянский вопрос, нельзя сохранять неизменной национальную политику. Милютин сам такого вывода не делает, но его Воспоминания невольно заставляют читателя задуматься над этим. Власть не имела конструктивной программы действий, ее инициатива ограничилась освобождением польских ссыльных и заключенных во время общей амнистии для политических в августе 1856 г.

Упорное и сильное оппозиционное движение, хотя и в мирных формах, без кровопролития, возникло в Финляндии, где сейм уже полвека фактически не созывался. Общественные силы разных направлений и от-

---

* Никаких мечтаний. *(Пер. с фр.)*.

тенков единодушно потребовали восстановления конституционных прав, и самодержавие вынуждено было уступить, но сделало это далеко не сразу, в тяжелых внутри- и внешнеполитических обстоятельствах 1863 г. В Воспоминаниях показаны возникновение борьбы финнов за конституцию и автономию и первые уступки центральной власти, которая пошла на отставку генерал-губернатора Финляндии Ф.Ф. Берга – явного противника созыва сейма, олицетворявшего прежние методы подавления финской оппозиции.

Милютин убежден, что в польском революционном движении видна «руководящая рука с запада», так же, как во «внутренней крамоле» – «польские козни». Его оценка внутриполитической ситуации свидетельствует о небывалой ранее конфронтации общества и власти, одновременно и о растерянности «верхов» перед новыми общественными явлениями в первый год освобождения от крепостного права.

Интересно личное отношение мемуариста к национальной политике самодержавия особенно потому, что оно характерно для значительной части либеральной бюрократии. Например, с самого начала он стоял за решительные меры подавления польской оппозиции, за «твердую власть», не одобрял попыток Александра II незначительными уступками, более гибкой тактикой и дипломатичностью достигнуть умиротворения. Милютин осудил назначение видного представителя польской либеральной аристократии маркиза А. Велепольского главным директором вновь учрежденной в связи с указом 14 (26) марта 1861 г. правительственной комиссии духовных дел и народного просвещения, считая даже его половинчатую соглашательскую программу неприемлемой для России.

Либеральные взгляды Милютина на широкие радикальные преобразования уживались с очень жесткой позицией в вопросах имперской политики. И это касалось не только имеющихся владений, но и присоединения и завоевания новых. Милютин был среди тех, кто не только выступал за активную и энергичную политику самодержавия на Кавказе, но и лично принимал участие в ее реализации силой оружия, в военных действиях в западной части края, продолжавшихся и после. Кавказ в пору окончательного его присоединения – это еще одна окраина Империи, о которой с чувством и глубоким знанием дела рассказывает автор Воспоминаний.

В Воспоминаниях Милютина запечатлен финал, которым должен был вскоре завершиться достопамятный исторический акт – «умиротворение Кавказа». Это «очищение» горной полосы от исконного населения (шапсуги, убыхи, абадзехи), которому предлагалось или спуститься на контролируемую царской администрацией равнину, или отправиться в Турцию. А параллельно с этим шло переселение в Закавказье казачества целыми станицами. Поднимался даже вопрос о переселении на Кавказское побережье черногорцев, но от этого плана отказались.

Значение этих событий подчеркивается личным вниманием к ним Александра II, который в сентябре 1861 г. посещает Кавказ, «любимый им край», принимает депутации и от казачества, и от местного населения. Облик края окончательно определяется, в отличие от другой азиатской окраины, где еще нет обозначенной границы от Арала до Каспия и где еще не налажена связь между Западной Сибирью и Средней Азией. Но и здесь в 1861 г.

намечаются перемены: продление Сыр-Дарьинской линии, основанной В.А. Перовским в начале 50-х гг.

Беглой характеристикой «успешного окончания дела о новой границе Восточной Сибири с Китаем» в результате блестяще выполненной в конце 1860 г. молодым генералом Н.П. Игнатьевым миссии заканчивает Милютин обзор положения окраин Империи и национальной политики самодержавия. И возникает полная, впечатляющая картина роли и места этой политики в истории России, в стратегии «верхов» на переломе эпох крепостнической и пореформенной.

Скупые, но выразительные цифры подтверждают эти наблюдения. В 1861 г. почти треть всех регулярных войск находилась на Кавказе и других азиатских окраинах, несколько менее трети – в западной пограничной полосе и в Новороссийском крае и немного более трети – в остальной части Европейской России, соответственно: 217482, 212950, 334372 из общего числа регулярных войск 764804 по штатам мирного времени (в военное время оно составляло 1371045). Здесь же уместно сказать, что расширение Империи и благоустройство вновь приобретенных земель ложились тяжелым грузом на экономику, особенно внутренних губерний. Только Кавказ накануне отмены крепостного права поглощал $^{1}/_{6}$ часть национального дохода Российской Империи.

Повествование Милютина не замыкается границами Империи. Читатель видит Россию в системе европейских государств, всего мира, от Китая до США. И хотя здесь автору приходится выходить из круга личных впечатлений, он признает такое отступление необходимым «для связи рассказа». Интересный и плодотворный подход, в котором угадывается высокий профессионализм.

Ведь автор не только генерал, но и военный историк-международник. Он подмечает, что в конце 50-х – начале 60-х гг. «все государства находились в каком-то тревожном ожидании..., как будто Европа была накануне большой войны». Один из очагов напряжения – Италия, где нарастало национально-освободительное движение, произошла короткая и победоносная война Сардинского королевства против владычества Австрии в союзе с Францией (1859), а в 1861 г. началось объединение расколотой страны под властью «короля-революционера» Виктора Эммануила. Россия прямо не причастна к этим событиям, но и не изолирована от них. Накануне франко-итало-австрийской войны и на фоне этого клубка противоречий происходит совсем не традиционное сближение России с Францией, завершившееся союзом, правда, краткосрочным. Итальянские события повлияли и на внутриполитическую ситуацию в России. Успехи национально-освободительного движения и помощь, оказанная итальянцам Францией, окрылили польскую оппозицию в ее стремлении к независимости, что обострило политическую борьбу в Царстве Польском в начале 60-х гг.

Милютин указывает и на новый очаг напряженности в Европе – изменение в соотношении сил между Австрией и Пруссией, нежелание немецких политиков и дальше признавать главенство Австрии, их стремление к созданию единого государства с «чисто немецким населением». Это – начало крупномасштабных изменений, которые в недалеком будущем, к исходу десятилетия, потрясут Европу и приведут к новой расстановке сил –

к разгрому наполеоновской Франции, игравшей первую роль на континенте после Крымской войны, и образованию в центре Европы милитаристской объединенной Германии.

Интересно следить по страницам Воспоминаний Милютина за внешнеполитической ориентацией России в самом начале, у истоков новой международной ситуации. Милютин отмечает настойчивое стремление П.Д. Киселева (его дядя по материнской линии), посла в Париже, содействовать сближению России с Францией в начале 60-х гг., не поддержанное, однако, русским Царем и его правительством в силу традиционных прогерманских настроений. На съезде монархов Австрии, Пруссии и России в Варшаве в октябре 1860 г. вновь наметилось сближение бывших участников Священного Союза для борьбы с революционным брожением. Приглашенный в Варшаву в это время Киселев представил проект оборонительного союза с Францией, однако документу не дали хода. Слишком тесными, кровными узами были, как отмечает Милютин, связи российского Императорского и прусского королевского домов, чтобы Александр II мог вырваться из плена устоявшихся традиций.

А в целом Воспоминания позволяют заключить, что, несмотря на поражение в Крымской войне, Россия все более активно действовала на международной арене и что престиж ее вырос благодаря реформам. Когда главный деятель крестьянской реформы 1861 г. Н.А. Милютин, уволенный в отставку, прибыл в Париж, то оказалось, что многие политические деятели и ученые хотели с ним познакомиться и «с любопытством слушали объяснения о великом событии, только что совершившемся во внутреннем быте обширной восточной державы». Но особенно восторженно отнеслись к отмене рабства в России Северо-Американские Штаты. В Воспоминаниях намечается параллель: отмена крепостного права в России и уничтожение рабства в США, что способствовало укреплению дружественных отношений между двумя странами.

Основные сюжеты Воспоминаний Милютина — осуществление крестьянской реформы 1861 г., рост революционно-освободительного движения, университетские беспорядки, политика самодержавия на окраинах, особенно на Кавказе и в Польше, международное положение России — органически переплетаются с рассказом о Военном министерстве. Деятельности этого ведомства молодой военный министр посвятил целые главы.

Роль и место возглавлявшегося Милютиным военного ведомства в России видны по доле его расходов в общем бюджете страны. По смете на 1861 г. военные расходы исчислялись в 115965000 руб. — больше, чем в 1860 г. на 9311000 руб. В «Государственной росписи» на 1861 г. военные расходы составили 33,6% от общей цифры, а в Росписи на 1862 г. — 37,8%, хотя сумма военных расходов уменьшилась на 4268000 руб. против 1861 г. Что цифры эти не случайны, видно из Государственной росписи на следующие годы*.

Как человек честный Милютин хотя и добивался утверждения своих финансовых проектов, но вынужден признать, что «эти сметы не выражают действительной стоимости военных сил». Реальные расходы милютинс-

* См.: Приложение к Государственной росписи доходов и расходов на 1864 г. СПб. 1864 и за последующие годы.

кого ведомства были выше сметных, ибо оно, как и остальные, имело «экономические капиталы» помимо росписи. Поэтому «сопоставление по росписи с другими странами не вполне корректно», – замечает министр.

Отдавая должное добросовестности и компетентности автора Воспоминаний, хочется обратить внимание на другое: на страшный, пугающий контраст в бюджете страны: 33,6% в 1861 г. и 37,8% в 1862 г. военных расходов в первые два года отмены крепостного права и никаких вложений в дело освобождения крестьян (только очень дорогостоящие кредиты).

В 1880-х гг., когда писались эти Воспоминания, Милютин уже понимал всю сложность и причины неудач крестьянской реформы. Оценка этих преобразований у мемуариста неоднозначна. Несомненным, благотворным результатом отмены крепостного права он считал «нравственное поднятие и возрождение к гражданской жизни 20-ти миллионов порабощенного народа». В то же время заслуживает пристального внимания мнение мемуариста о зависимости конечного результата реализации крестьянской реформы 1861 г. от всей дальнейшей политики правительства. Опасной чертой реформаторской деятельности правительства Милютин считал отсутствие общей выработанной стратегии*.

Воспоминания Милютина заставляют задуматься о многих серьезных проблемах русской истории. Например, о механизме самодержавной монархии. Роль военных в государстве далеко не замыкалась рамками своего ведомства, армии и флота. Они занимали важные посты в гражданских структурах, центральных и местных, даже в Святейшем Синоде.

Зарисовки Милютина, непосредственные и яркие, имеют непреходящую ценность, воссоздавая живую картину в конкретных лицах. Навсегда запоминается рассказ о недолгом пребывании адмирала Е.Ф. Путятина во главе Министерства народного просвещения и боевого генерала Г.И. Филипсона, героя Кавказской войны, на посту попечителя Петербургского учебного округа. Полная некомпетентность в делах просвещения и высшей школы этих вполне достойных воинов-профессионалов привела к драматическим последствиям в первый год отмены крепостного права — небывалому развитию студенческого движения, протесту либеральных профессоров, покинувших свои кафедры в знак несогласия с введением жестоких дисциплинарных мер, наконец, закрытию Петербургского университета. Но при этом — какие комические сцены! Чего стоит одно описание никогда не виданного ранее жителями столицы «небывалого шествия» возбужденной толпы студентов, сопровождавших Филипсона от его квартиры в Колокольном переулке к университету по Невскому проспекту, и комическая фигура попечителя, недавно еще храбро сражавшегося против горцев Кавказа, а теперь конвоируемого учащейся молодежью.

Все богатство Воспоминаний Милютина невозможно и вряд ли нужно раскрывать. Множество лиц и событий, крупных и незначительных, но одинаково ценных для понимания эпохи, найдет читатель в этой книге: акцизная реформа, сменившая винные откупа, о чем у нас еще мало написано; деятельность Главного общества железных дорог, финансовый и

* Помимо классических работ П.А. Зайончковского о реформах 1860–1870-х гг. см. кн.: Великие реформы в России 1856 – 1874. М. 1992.

банковский кризис, возникновение Совета министров, планы строительства Закавказской железной дороги, появление новых городов, станиц и поселений на Кавказе, празднование 1000-летия России и всеподданнейший адрес новгородского дворянства 10 сентября 1862 г., отношения с Ватиканом, прием японского посольства Александром II и многое другое — обо всем автор мемуаров рассказывает с большим знанием дела и любопытными подробностями. И целая россыпь драгоценных для историка фактов: министр народного просвещения А.В. Головнин, получив пост, отказывается от огромной казенной квартиры, в которой жили его предшественники, и предоставляет ее вновь учрежденной шестой гимназии и Русскому географическому обществу, которое занимало тесное и неудобное помещение на Мойке, у Певческого моста; или совсем удивительный для современного читателя факт — когда в середине 1862 г. в связи с ужесточением репрессий «Инженерному ведомству повелено было (8 июня) сколь можно поспешнее приспособить в казематах Петербургской (Петропавловской) крепости помещения на 26 политических арестантов», то такое их количество оказалось неожиданным и застало власти врасплох.

А сколько лиц встретит читатель в этой книге! От Александра II, Наследника престола и Великих Князей до рядовых сотрудников Военного министерства и других ведомств; от фельдмаршалов и адмиралов до солдат, матросов и казаков; здесь и духовенство, православное и католическое, профессора и студенты, дипломаты русские и иностранные, среди которых ярко выписан О. Бисмарк; единомышленники Милютина и его оппоненты, враги, люди различных политических взглядов... Россия предстает перед читателями в лицах, в деятельности и поступках людей, творивших ее историю. И еще из милютинских мемуаров можно узнать много интересного об укладе и быте русской жизни, о дорогих всем нам традициях не столь уж далекого прошлого.

А в целом знакомство с этой книгой Д.А. Милютина приводит к новому, более глубокому пониманию эпохи отмены крепостного права. Перевернув последнюю страницу мемуаров приходится расстаться с привычными представлениями о значении и масштабах крестьянских волнений в первый год освобождения. Кандеевка и Бездна пока только эпизоды.

Другое стояло на пути реформ: слабость либеральных сил, возглавивших преобразования, сохранение в неприкосновенности старых политических институтов (высших и центральных органов власти) и вообще государственной системы самодержавной монархии, устоявшей в переломную эпоху преобразований; огромные военные расходы, продиктованные традиционной имперской политикой; подчинение бюджета расширению и укреплению Империи, ее военной мощи, а не благоустройству обновленной реформами России. Цена освобождения крестьян с землей оказалась слишком дорогой, разорительной, корни самодержавной государственности и политической культуры, уходящие в крепостное право, – слишком глубокими. И это ставило под удар судьбу преобразований. Публикуемые Воспоминания показывают всю иллюзорность надежд на реформы и реальную опасность близящегося столкновения разных общественно-политических течений и сил.

Л.Г. Захарова,
доктор исторических наук, профессор

ОТ РЕДАКТОРА

Мемуарное наследие Д.А. Милютина, как и весь его архив, хранится в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (фонд 169). Незадолго до смерти, в ноябре 1911 г. Д.А. Милютин завещал свой богатый архив Николаевской Военной Академии, в которой учился, а потом преподавал.

Мемуарное наследие Милютина охватывает почти весь XIX в. (1816 — 1899 гг.). До настоящего времени, помимо первой книги «Воспоминаний», издан в 1947 — 1950 гг. лишь четырехтомный «Дневник» Д.А. Милютина под редакцией П.А. Зайончковского. Остальной бесценный материал остается в рукописях и ждет публикации.

Оригинал «Моих старческих воспоминаний» Д.А. Милютина подготовлен к печати автором, затем переписан (в основном А.М. Перцовой) под его личным наблюдением в 1900-х гг. Этот список с автографа и положен в основу предлагаемого читателю издания. Сравнение обоих текстов обнаруживает, что при редактировании Милютин вносил главным образом литературно-стилистические исправления. Эта правка, которой немного и которая не несет смысловой нагрузки, специально в издании не оговаривается. Те случаи, когда Милютин вычеркивал отдельные абзацы, содержащие дополнительные сведения о людях или событиях, оговорены особо, купюры воспроизведены в подстрочных примечаниях. Список выполнен очень качественно, полностью соответствует отредактированному Милютиным оригиналу; описки единичны.

Список, с которого сделана данная публикация, составляет три объемистые тетради-книги (28 см х 22 см) под номерами 9, 10 и 11; переплетен в ткань болотно-зеленого цвета с кожаным черным корешком. Оглавление написано автором. В фонде Д.А. Милютина это три единицы хранения (Ф. 169. Карт. 13. Ед. хр. 4. Карт 14. Ед. хр. 1 — 2). Написанный потускневшими чернилами, аккуратно и разборчиво, текст оригинала заключается в 26 тетрадях с самодельными обложками из плотной бумаги (Ф. 169. Карт. 9. Ед. хр. 15 — 29. Карт. 10. Ед. хр. 1).

В «Предварительном объяснении для читателя, в руки которого когда-нибудь попадут эти записки» Д.А. Милютин сообщает, что писал свои Воспоминания за период с конца 1860 по 1873 гг. сразу после отставки и переселения в Крым, т.е. в 1881 — 1886 гг. За начало своей работы он принял сентябрь 1860 г., т.е. возвращение с Кавказа в Петербург и вступление в должность товарища военного министра. Полный текст «Предварительного объяснения для читателя...» опубликован в первой книге Воспоминаний Милютина.

Воспоминания Д.А. Милютина публикуются без каких-либо сокращений. Текст приведен в соответствие с современными правилами, однако сохранены стилистические и языковые особенности написания некоторых слов. Оставлена без изменений транскрипция имен собственных и географических названий. Авторские подчеркивания выделены курсивом. Пропущенные и недописанные слова, за исключением общепринятых сокращений, воспроизведены в ломаных скобках. Разбивка на абзацы дается по оригиналу.

В подстрочных сносках приводятся авторские примечания, переводы, расхождения выправленного автором текста с первоначальным вариантом, смысловые неисправности текста. Авторская правка стилистического и грамматического характера не оговорена. Орфографические ошибки и описки исправлены без оговорок. Комментарии даны в конце книги.

Фамилии лиц, упоминаемых в Воспоминаниях, не поясняются в комментариях, а аннотируются в указателе имен. Дан также указатель географических названий.

Издание иллюстрировано. К сожалению, в фонде Д.А. Милютина изобразительного материала сохранилось немного.

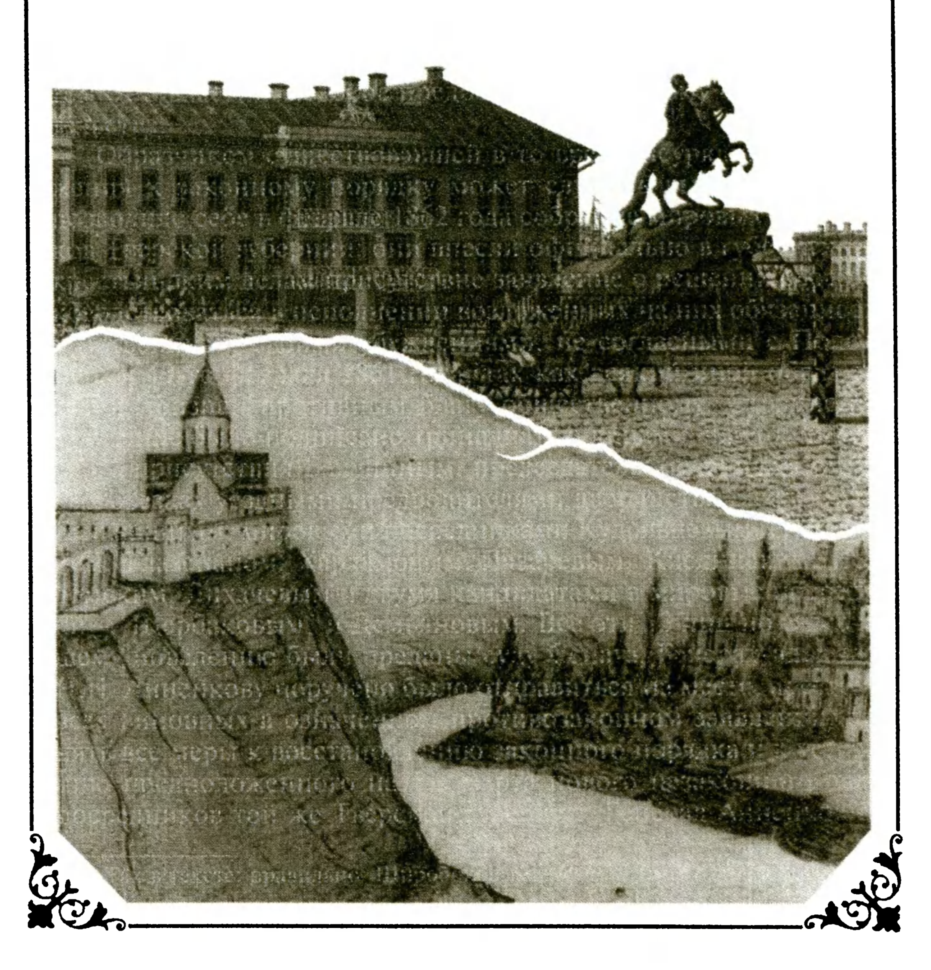
* * *

Составители приносят глубокую благодарность всем, кто оказал содействие и помощь в подготовке публикации; коллегам-историкам: В.И. Вельбель, А.А. Комарову, кандидату исторических наук М.А. Чепелкину, доктору исторических наук К.М. Ячменихину; ученикам Л.Г. Захаровой: А.В. Кухаруку, О.А. Потапенко, кандидатам исторических наук А.Ю. Полунову, Т.А. Тарабановой, М.М. Шевченко, и особенно Е.Е. Дашковой. Искреннюю благодарность составители приносят сотрудникам и руководству Отдела рукописей Российской Государственной библиотеки, содействовавшим подготовке издания.

This work was supported by the Research Support Scheme of the Higher Education Support Programme, grant № 772/1995.

Конец **1860** -го года
Начало **1861** -го года

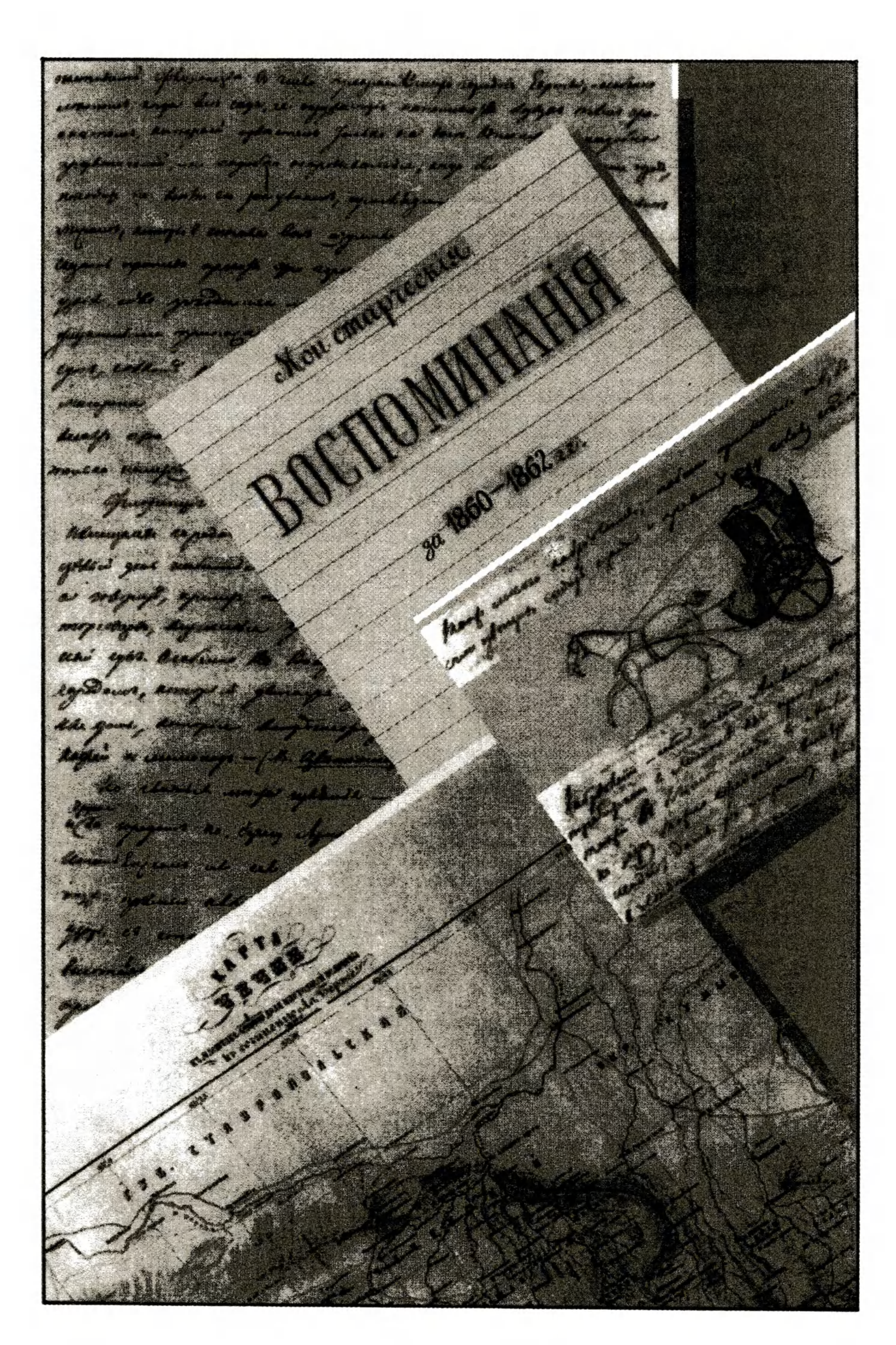
Д.А.Милютин

МОИ СТАРЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Кн. IX–XI

Конец 1860 – 1862 гг.

Мои старческия
ВОСПОМИНАНІЯ
за 1860–1862 г.г.
КАРТА
ГУБ. СТАВРОПОЛЬСКАЯ

Конец 1860-го года
Начало 1861-го года
Польская смута
Отмена крепостного состояния
Беспорядки в Варшаве
Апрель и первая половина мая в Петербурге
Поездка Государя в Москву
Положение дел в Польше в течение лета
Кавказ в первую половину года
Лето в Петербурге
Пребывание Государя в Крыму и на Кавказе
Петербург в отсутствие Государя
Университетские беспорядки

КОНЕЦ 1860-го ГОДА

Назначение мое на должность товарища военного министра последовало 30-го августа 1860 года; но я не мог оставить прежнее свое место начальника главного штаба Кавказской армии ранее 28-го сентября. Переезд от Тифлиса до Петербурга, с многочисленною семьей, в позднее осеннее время, при тогдашних средствах сообщения, представлял нелегкое дело, а к тому же в дороге я схватил простуду, и мы должны были остановиться в Москве на несколько дней, до моего выздоровления, так что в Петербург прибыли лишь 28-го октября, накануне погребения вдовствующей Императрицы Александры Федоровны, кончившей жизнь 20-го октября.

Первоначально поселились мы во временной квартире, нанятой для нас понедельно у Казанского моста, на Екатерининском канале (в доме Ковалевского); но помещение это было неудобно и дорого, а потому нужно было искать другое жилье. После нескольких дней поисков, нашлась приличная квартира на Английской набережной (в доме Челищева), на наем которой разрешено было отпускать из казны 3500 рублей ежегодно. Но квартира эта потребовала некоторых приспособлений; поэтому семья моя переместилась туда прежде, чем я мог переместиться, так что мне пришлось некоторое время жить одиночно в гостинице «Демут». Переехал я на Английскую набережную только в конце ноября.

Первые дни по приезде в Петербург, разумеется, были посвящены официальным представлениям и визитам. Военный министр Николай Онуфриевич Сухозанет принял меня, хотя и любезно, но заметно без удовольствия. Ему не могло быть приятно мое назначение, состоявшееся не по его выбору, а по рекомендации князя Барятинского. Генерал Сухозанет смотрел на меня как на кандидата на место преемника его. Притом у него должно было оставаться в памяти, что до назначения моего начальником главного штаба на Кавказ наши отношения с ним, с первых же дней его вступления в должность министра, были не совсем дружественные; я имел тогда повод считать себя обиженным и просил об отчислении меня от Военного министерства.

31-го октября представлялся я Государю в Царском Селе. Прием Его Величества был самый милостивый, ласковый и продолжался около получаса. Главным предметом разговора, конечно, были дела кавказские[1]. Прежде всего я доложил все, что было поручено мне фельдмаршалом князем Барятинским, в особенности же его убедительные просьбы об оставлении на Кавказе еще на некоторое время 18-й пехотной дивизии, а также о разных вопросах личных, интересовавших фельдмаршала. Государь слушал мой доклад внимательно и благосклонно, показывал теплое участие лично к князю Барятинскому; но дал мне заметить, что я слишком усердно исполняю роль адвоката, что я должен в своем новом звании быть беспристрастным и не смотреть с кавказской точки зрения. Государь высказал, что при тогдашнем затруднительном положении наших финансов необходима крайняя бережливость и что Кавказ поглощает слишком много средств. Я позволил себе объяснить Государю, что даже в видах финансовых нерасчетливо оставить дела на Кавказе в недоконченном виде, что лучше теперь нести некоторые затраты, чтобы достигнуть окончательной цели – полного умиротворения края, чем сокращая расходы, протянуть дело еще на многие годы и оставить без плодов сделанные уже затраты. Я не мог не заметить в словах Государя отголоска мнений, ходивших относительно Кавказа, как в Военном министерстве, так и в публике.

Императрице[2] я представился лишь 10-го ноября; ранее этого числа не было приемов у Ее Величества по случаю недавних родов (21 сентября родился Великий Князь Павел Александрович). Из прочих членов Императорского семейства особенно благосклонно приняла меня Великая Княгиня Елена Павловна, которая с давних пор оказывала и мне и моему брату Николаю самое милостивое расположение и любезное внимание. Мы оба удостаивались частных приглашений к Ее Высочеству, то к обеду, то по вечерам.

Пока Их Величества жили в Царском Селе, куда военный министр ездил ежедневно с докладом, я был почти совсем освобожден от служебных обязанностей: по утрам разъезжал с визитами; по вечерам знакомился постепенно с делами министерства; видался довольно часто с братом Николаем, который в то время был еще весь погружен в крестьянское дело[3], – также с сестрою Мордвиновой и с некоторыми из прежних хороших приятелей (И.П. Арапетов, семья Карцовых и др.).

Николай I

О вступлении моем в должность товарища военного министра было объявлено в Высочайшем приказе 1-го ноября, причем было сказано определительно, что мне непосредственно поручаются в заведывание «хозяйственные» департаменты министерства, на правах, присвоенных товарищу Положением 4-го января 1851 года (при назначении князя Вас<илия> Андр<еевича> Долгорукова товарищем к князю А.И. Чернышеву). Несмотря на этот категорический приказ, генерал Сухозанет продолжал сам непосредственно входить во все дела и дал приказание, чтобы доклады **по всем** департаментам, даже самые маловажные, присылались прямо к нему. Было ли это недоверие его ко мне или нежелание что-либо выпустить из своих рук – не знаю; но во всяком случае мне было весьма неприятно и унизительно, после прежнего моего самостоятельного положения на Кавказе, сделаться безгласным и бездейственным ассистентом, прочитывать бумаги, уже бывшие у военного министра, при возвращении их с его резолюциями в департаменты и чувствовать себя «лишнею спицею в колеснице». Изредка военный министр передавал мне на просмотр какую-нибудь бумагу или дело; но поручения эти большею частию были такого рода, что легко было видеть намерение только чем-нибудь занять меня и тем отнять у меня повод к жалобе на совершенное устранение меня от дел. Такое положение мое было крайне неприятно; но на первое время я молчал и только изливал свою досаду пред братом Николаем, с которым мы были с детства очень дружны. Только с ним одним я мог быть вполне откровенным и делиться мыслями.

Николай Онуфриевич Сухозанет был человек старого покроя: под видом добродушия у него была известная доля лукавства, или что называется – «себе на уме». Впрочем, думаю, что он был человек не дурной, совсем не такой, каким был старший его брат Иван Онуфриевич Сухозанет, которого можно было вполне назвать злым и жестоким самодуром. Николай Онуфриевич, напротив того, был человек добрый, но весьма мало образованный, почти полуграмотный. В описываемое время ему было 67 лет от роду; но он имел уже вид дряхлого старика: весь белый, тщедушный, полуслепой. Утром приободрится, смотрит живым и бойким; а к вечеру – в полном расслаблении. Ежедневные поездки в Царское Село с докладом были для него крайне тяжелы: по возвращении оттуда он приезжал обыкновенно с вокзала железной

Н.О. Сухозанет

дороги в квартиру дежурного генерала, в здании Главного Штаба, где ожидали его некоторые из директоров департаментов и другие лица, имевшие надобность видеть министра; в числе их — и я. Старика, еле живого, вводили под руки в кабинет генерала Герстенцвейга, где ожидал его камердинер с переменою платья. Я был несколько раз свидетелем его разоблачения: с него буквально стаскивали всю наружную меховую оболочку, и, после нескольких минут отдыха, он передавал по принадлежности доложенные бумаги для дальнейшего канцелярского исполнения.

Случалось мне приезжать к министру и по вечерам. Он жил на Большой Миллионной, в наемном доме князя Владимира Иван<овича> Барятинского, том самом, который некогда принадлежал князю Чернышеву (тестю князя Владимира Барятинского) и где он жил прежде, чем куплен был для жительства военного министра великолепный дом Татищева, в Малой Морской (впоследствии подаренный ему). Обширная, длинная зала в нижнем этаже служила кабинетом министру. По вечерам, только в самой глубине залы, одна лампа с зеленым колпаком освещала стол, стоявший пред кушеткой, на которой лежал старый министр; вся остальная часть залы была погружена во мрак. Н.О. Сухозанет занимался в полулежачем положении, с зеленым зонтиком на глазах. Толстый чиновник, выслужившийся из писарей (Харжевский), обыкновенно читал ему вслух бумаги и даже большею частию писал за него резолюции под диктовку министра.

Ближайшими и самыми влиятельными помощниками министра были: директор канцелярии генерал-майор конной артиллерии Александр Федорович Лихачев и дежурный генерал генерал-адъютант Александр Данилович Герстенцвейг. Оба они, люди способные и честолюбивые, ворочали всеми делами. Лихачев, как давнишний подчиненный генерала Сухозанета по артиллерии, был у него почти домашним человеком; он как-то в особенности недружелюбно смотрел на мое появление в министерстве. Лихачев – человек желчный и резонер – не был даже в силах скрывать свое нерасположение ко мне. Напротив того, А.Д. Герстенцвейг, хотя, может быть, также не очень сочувствовал моему назначению, однако ж был со мной, по крайней мере по наружности, в самых лучших отношениях.

Директором Департамента Генерального Штаба, или генерал-квартирмейстером был генерал-адъютант барон Ливен – любимец покойного Императора Николая Павловича[4], который давал ему часто поручения полудипломатические, полуинтимные. В свое время барон Ливен был одним из самых блестящих офицеров Генерального Штаба. С ним мы были давнишние знакомые и сослуживцы; но он был гораздо старше меня и летами и чином; он был уже полковником и обер-квартирмейстером гвардейской пехоты, когда я только поступил в Гвардейский генеральный штаб в чине поручика. Теперь мы встретились с ним старыми друзьями; его добродушие сглаживало неловкие наши служебные отношения, так как я, в качестве товарища министра, становился некоторым образом его начальником. В то время, о котором идет речь, барон

А.Ф. Орлов

Ливен не имел значения в министерстве, как потому, что генерал Сухозанет трактовал его с некоторым пренебрежением, или как говорят французы – ne le prenait pas au sérieux*, так и потому, что по тогдашнему распределению делопроизводства в министерстве Департамент Генерального Штаба имел самый тесный круг действий. Департамент этот вместе с подчиненным ему Военно-топографическим депо (начальником которого был тогда старик генерал-лейтенант Бларамберг) копошились над картами, марш-

---

* Не принимал его всерьез. (*Пер. с фр.*)

рутами, квартирными расписаниями, тогда как главные дела по устройству и службе войск велись в Инспекторском департаменте. Генерал Герстенцвейг все забрал в свои руки, – что, впрочем, и оправдывалось необходимостью: в Инспекторском департаменте дела велись с большим знанием, умением, с большею энергиею, чем в Департаменте Генерального Штаба, который еще со времен генерала Шуберта отличался сонливым равнодушием к делам и исключительностию своего специального направления.

Товарищ барона Ливена по службе в Генеральном Штабе, также считавшийся некогда блестящим офицером, но совершенно иных свойств человек – генерал-лейтенант Александр Иванович Веригин был в то время начальником Управления иррегулярных войск. Хотя сам он был высокого мнения о себе, но в действительности не отличался ни особенными способностями, ни обширным умственным кругозором, и мало имел значения в глазах министра. Затем во главе хозяйственных департаментов – Комиссариатского и Провиантского состояли: генерал-майор свиты граф Валериан Егорович Канкрин и статс-секретарь тайный советник Петр Александрович Булгаков**. Первый был сын знаменитого нашего министра финансов времен Императора Николая I-го, этим только и можно объяснить выбор его на должность «генерал-кригс-комиссара». Он отличался чрезвычайною тучностию, славился как bon vivant* и ничем не проявлял своих административных способностей. Комиссариатский департамент был самый расстроенный во всем министерстве и более всех других озабочивал генерала Сухозанета, который журил и пилил графа Канкрина; но совершенно вотще, так как ни граф Канкрин, ни сам генерал Сухозанет не были в силах привести в порядок запутанные дела обширной комиссариатской части. Что же касается Провиантского департамента, то во главе его стоял статс-секретарь Булгаков – человек бойкий, самонадеянный и грубый в обращении. Он прославился двумя неудачными изобретениями: учреждением должности «обер-провиантмейстеров» – взамен прежнего столь же неудачного учреждения провиантских комиссий, – и введением особого способа провиантских заготовлений чрез «дворянскую поставку». Практика скоро выказала дурные стороны этого способа. Несмотря на то, Булгаков все-таки пользовался благосклонностью министра, ценившего в нем энергию, бойкость и честность. К

---

* В тексте подлинника ошибка; надо: Петр Алексеевич Булгаков. (*Прим. публ.*)
** Бонвиван (кутила). (*Пер. с фр.*)

Александр II

сожалению, однако же, на счет последнего этого качества не все были того же мнения: в публике ходили слухи о каком-то весьма неблаговидном деле по поводу завещания одной вдовы-старухи. Дело это относилось к тому времени, когда П.А. Булгаков был еще губернатором в Тамбове, где подвиги его сохранились в памяти как баснословные легенды. Впоследствии (в 1862 г.) означенное дело разбиралось судом, который однако же не нашел достаточных улик для обвинения Булгакова.

По частям артиллерийской и инженерной существовала тогда в министерстве крайне неудобная двойственность. Рядом с департаментами состояли независимые от них и даже от министра штабы генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектора инженерной части. Оба Великие Князя – Николай и Михаил Николаевичи ревниво отстаивали свое независимое положение, и штабы их постоянно враждовали с департаментами. У генерал-фельдцейхмейстера правою рукою был генерал-адъютант А.А. Баранцов, у генерал-инспектора – генерал-майор свиты Константин Петрович Кауфман, – оба прекрасные люди, преданные своему делу. А.А. Баранцов – мой старый товарищ по гвардейской артиллерии и, могу сказать, – друг мой, – человек добрейший, честный, но горячий, впечатлительный, принимавший близко к сердцу всякое служебное дело. Поэтому он был в натянутых отношениях с директором Артиллерийского департамента генерал-адъютантом Ив<аном> Серг<еевичем> Лутвиковским, о котором нельзя иначе отозваться, как о человеке хорошем и дельном, но совершенно иного склада, чем А.А. Баранцов. По инженерной части происходил такой же разлад между К.П. Кауфманом и Эд<уардом> Ив<ановичем> Тотлебеном. Последний, пользовавшийся большим авторитетом и знаменитостию, балуемый при Дворе, был крайне тяжел в работе, особенно для подчиненных. Отличительные черты его – тщеславие и самолюбие, доведенное до крайней щекотливости и обидчивости. Что же касается до К.П. Кауфмана, то, по моему мнению, он был в то время одним из самых дельных и симпатичных лиц в составе центрального военного управления.

Директором Медицинского департамента был тайный советник Иван Васильевич Енохин, близкий человек к Государю, при котором он состоял лейб-медиком до восшествия Его Величества на престол. Енохин не имел высокой репутации врача, но был человек умный, прикидывавшийся неотесанным простаком: под этою маской он позволял себе многие вольности при Дворе и со всеми близкими к Государю лицами держал себя за панибрата.

Императрица Мария Александровна

Наконец, директором Аудиториатского департамента недавно был назначен действительный статский советник Владимир Дмитриевич Философов – один из старых питомцев Училища правоведения, человек дельный и достойный полного уважения, но в глазах военного министра авторитетом по военно-судной части был – член Генерал-Аудиториата и сенатор Иван Христианович Капгер, которому поручено было составление проекта нового военно-уголовного устава. Работа эта продолжалась уже несколько лет и подвигалась туго. Председателем же Генерал-Аудиториата был генерал от инфантерии Обручев – бывший генерал-губернатор оренбургский, человек преклонных лет и бесцветный.

Сверх перечисленных главных частей Военного министерства к составу его принадлежало еще несколько комитетов и комиссий: Комитет о раненых, председателем которого был престарелый генерал-адъютант граф Петр Петрович фон-дер-Пален; комиссия для улучшений по военной части под председательством командира Гвардейского корпуса генерал-адъютанта Николая Федоровича Плаутина; Военно-кодификационная комиссия, председательствуемая генерал-лейтенантом А.А. Непокойчицким; Временный распорядительный комитет по устройству военных поселений, под председательством генерал-адъютанта графа Карла Карловича Ламберта и другие.

Таковы были главные действующие лица, которых застал я в Военном министерстве при своем вступлении в должность товарища министра. Между ними, конечно, были личности достойные и мне лично весьма симпатичные; но большинство было таких, с которыми трудно было мне сойтиться. Вообще первое впечатление, мною испытанное при вступлении в новую должность, – было несколько мрачное; в душе я сожалел о перемене прежнего своего завидного положения на Кавказе.

28-го ноября, в сороковой день после кончины Императрицы Александры Федоровны, была торжественно отслужена заупокойная литургия с панихидой, в присутствии всей Царской фамилии, Двора, свиты и высших чинов. К этому дню Их Величества переселились из Царского Села в Зимний дворец. С того же времени я получил приказание присутствовать при докладах военного министра. Ежедневно, к 9 $^1/_2$ часам утра, являлся я во дворец и входил в кабинет Государя вместе с генералом Сухозанетом. Его Величество всегда относился ко мне весьма милостиво и ласково; я слушал молча доклады министра, иногда читал за него бумаги,

которые он сам затруднялся читать по слабости зрения; потом присутствовал по-прежнему в квартире дежурного генерала при распределении по принадлежности доложенных министром бумаг. В этом только и заключалось мое участие в делах. Таким образом ненормальное мое положение по службе не изменялось; личные же мои отношения к Н.О. Сухозанету делались все более натянутыми. Он не мог не замечать неудовольствия и холодности с моей стороны и усугублял свои любезности; приглашал к себе по воскресеньям на скучные вечера, иногда же к обеду. Супруга его, Авдотья Владимировна (рожденная княжна Яшвиль), также старалась быть сколько могла внимательна и любезна ко мне.

Не раз намеревался я объясниться откровенно с министром; но все откладывал, думая, что, быть может, он считал нужным дать мне некоторое время, чтобы ознакомиться ближе с делами министерства, и что затем установленный им порядок занятий будет изменен. Однако же наступил и новый 1861 год, время шло, а порядок все оставался прежний.

НАЧАЛО 1861-го ГОДА

Новый год начался обычным выходом во дворце. В процессии участвовали наследный принц Вюртембергский и супруга его принцесса Ольга Николаевна. В день Крещения, 6-го, опять выход с процессиею на Иордан, но без наружного парада гвардии, по случаю сильного мороза. Императрица вовсе не присутствовала в большой церкви дворца, а слушала обедню в малой церкви, с принцессой Ольгой Николаевной, Великою Княгинею Ольгой Федоровной (тогда беременной) и Великою Княжною Марией Александровной (которой было тогда 7 лет).

Зима с 1860 года на 1861-й была чрезвычайно суровая. Даже на юге России, например, в Одессе, морозы доходили до 27°Р. Старожилы не помнили такой холодной зимы с 1837 года.

В начале января прибыл в Петербург прусский генерал-адъютант фон-Линдегейм с формальным извещением о вступлении на престол короля Вильгельма I, который до того времени правил королевством (с 1858 года) в звании принца-регента, по случаю психического расстройства старшего его брата короля Фридриха Вильгельма IV-го. С кончины последнего (21-го декабря 1860 г./2 января 1861 г.) принц-регент принял королевский титул. При погребении покойного короля Фридриха Вильгельма IV-го (26-го декабря/7 января) присутствовал Великий Князь Николай Николае-

вич. 14-го же января Государь принимал в официальной аудиенции прусского посланника Бисмарка, представившего новые верительные грамоты*.

Ожидаемые обыкновенно на Новый год награды и назначения на разные должности не представляли на этот раз ничего выдающегося; но 8-го января последовало увольнение генерал-адъютанта князя Алексея Федоровича Орлова от всех лежавших на нем должностей председателя – в Государственном Совете, в Комитете министров, в Главном комитете по крестьянскому делу, в Кавказском и Сибирском комитетах. Соединение в одном лице председательства в стольких учреждениях было едва по силам даже и человеку не таких преклонных лет, до каких достиг тогда князь Орлов; но в действительности он прекратил вовсе свои служебные обязанности еще с 9-го октября 1860 года, когда его постиг удар паралича, так что уже 10-го октября, в заседании Главного по крестьянскому делу комитета председательствовал Великий Князь Константин Николаевич. Случилось это в то время, когда Государь находился в Варшаве по случаю свидания его с императором австрийским и принцем-регентом прусским. Тогда пост председателя Государственного Совета был предложен Государем русскому послу в Париже графу П.Д. Киселеву, который однако же положительно отклонил это назначение, по преклонности лет и слабого здоровья. Граф Киселев считал недобросовестным принять должность, которую «исполнять с честью не чувствовал себя в силах» «Я надеюсь, – писал он в своем дневнике, – сойти в могилу, не запятнав своей продолжительной службы недобросовестным поступком»** . Высказанные по этому случаю графом Киселевым убеждения должны бы служить назиданием всем государственным сановникам.

Князь Орлов, при увольнении, получил от Государя весьма лестный благодарственный рескрипт. Оставленные им должности не были замещены окончательно; председательство в Государственном Совете возложено было на статс-секретаря действительного тайного советника графа Дм<итрия> Ник<олаевича> Блудова, с оставлением за ним и звания председателя Департамента законов; он же председательствовал в Комитете министров, в комитетах Кавказском и Сибирском; в Главном же комитете по крестьянскому делу, как уже сказано, принял председательство Великий Князь Константин Николаевич.

---

* Далее в автографе зачеркнута фраза: «Генерал Линдегейм уехал из Петербурга 20-го января». (*Прим. публ.)*

** В автографе зачеркнуто следующее авторское примечание: «Заблоцкого: «Граф П.Д. Киселев и его время. Т. III. С. 201 - 204». (*Прим. публ.*)[5]

Великий Князь Михаил Николаевич

В течение января произошли и многие другие перемены личностей в административных должностях. 7-го числа петербургским губернатором, на место тайного советника Смирнова, назначен действительный статский советник граф Александр Алексеевич Бобринский (сын известного киевского богатого землевладельца, хозяина и сахарозаводчика), а в Самаре – действительный статский советник Адам Ант<онович> Арцимович заместил действительного статского советника Конст<антина> Карл<овича> Грота, назначенного директором Департамента податей и сборов.

Последнее это назначение состоялось в связи с предположенным в то время важным преобразованием системы винных откупов – системы, заслужившей почти всеобщее осуждение. Высочайше утвержденным 26-го октября 1860 года положением Государственного Совета, решено было откупа заменить акцизной системой; выработка нового положения была возложена на особую комиссию, под председательством тайного советника Андрея Парфеновича Заблоцкого-Десятовского, занимавшего в Государственной Канцелярии должность управляющего отделением государственной экономии. Членами комиссии были назначены: от Министерства финансов – член Совета министра статс-секретарь М.Хр. Рейтерн и директор Особенной Канцелярии по кредитной части статс-секретарь Ю.А. Гагемейстер; от министерств внутренних дел, государственных имуществ и уделов назначены представители по выбору министров; сверх того в комиссии принимали участие статский советник Конст<антин> Ив<анович> Домонтович – один из помощников Заблоцкого в Государственной Канцелярии, коллежский советник Александр Аггеевич Абаза, заведывавший гофмейстерской частию Двора Великой Княгини Елены Павловны, и наконец Александр Иванович Кошелев, не имевший в то время официального положения. Тайный советник Грот с назначением директором департамента сделался главным деятелем в комиссии. Наконец, образован был при комиссии особый специальный или технический отдел, под председательством академика Купфера. Комиссии было поставлено в обязанность вести работу таким образом, чтобы предположенная новая акцизная система могла быть введена в действие с 1-го января 1863 года.

19-го января праздновался 50-летний юбилей министра финансов действительного тайного советника Александра Максимовича Княжевича. По этому случаю ему пожалован орден Св. Владимира 1-й степени; утром принимал он поздравления, а затем дан в честь его большой обед в зале Дворянского собрания.

А.М. Княжевич

В тот же день, 19-го числа, последовала перемена в главном начальстве Западной Сибири. Генерал-губернатор этого края и командир Отдельного сибирского корпуса генерал от инфантерии Гасфорт назначен членом Государственного Совета, а на место его назначен в Омск генерал-лейтенант Дюгамель, состоявший в то время сенатором, долго служивший в Генеральном Штабе, но преимущественно исполнявший разные дипломатические поручения на востоке: в Персии, Египте и проч. До назначения сенатором он занимал несколько лет пост русского посланника в Тегеране. Это был человек образованный, рассудительный, но с узким

взглядом, крайне тяжелый и характером, и умом. Это было воплощение инерции.

Вскоре переменилось главное начальство и Восточной Сибири. Генерал-адъютант граф Ник<олай> Ник<олаевич> Муравьев-Амурский, который оказал столько заслуг тому краю, должен был, по своему болезненному состоянию, просить увольнения в продолжительный отпуск за границу. 19-го февраля он был назначен членом Государственного Совета и получил орден Св. Владимира 1-й степени при лестном рескрипте. На место его генерал-губернатором и командующим войсками Восточной Сибири назначен состоявший в звании помощника его генерал-майор свиты Мих<аил> Сем<енович> Корсаков – человек еще молодой, пользовавшийся особенным покровительством и любовью своего близкого родственника графа Н.Н. Муравьева-Амурского.

В дипломатическом нашем корпусе также произошли некоторые перемены. Посланником в Копенгаген, на место тайного советника барона Унгерн-Штернберга, назначен действительный статский советник барон Николай Павл<ович> Николаи. Действительный тайный советник барон Бруннов переименован из посланников в звание посла при лондонском Дворе. Бывший посланником в Турине, генерал-адъютант граф Стакельберг (старый товарищ мой по гвардейской артиллерии[*]), отозванный от этой должности по случаю перерыва наших дипломатических отношений с туринским Двором, перемещен посланником в Мадрид. Наконец, флигель-адъютант полковник Балюзек, принимавший участие в посольстве генерала Н.П. Игнатьева в Китай, в 1860 году, был назначен министром-резидентом в Пекин. Оба последние назначения последовали уже в феврале месяце.

В то же время произошла перемена представителя Великобритании в Петербурге: на место посланника сэра Джона Кремптона назначен послом лорд Нэпир. Первый был принят Государем в прощальной аудиенции 25-го февраля, а два дня спустя новый посол представил свои верительные грамоты.

---

[*] Мы были в одно время юнкерами; но граф Стакельберг произведен в офицеры несколько позже меня, в июле 1834 года. Он был весьма образованным и блестящим офицером; состоял адъютантом при военном министре князе Чернышеве, участвовал в нескольких экспедициях на Кавказе, потом был военным агентом в Париже, начальником отделения в канцелярии Военного министерства; затем состоял при посольстве в Вене до назначения в 1853 году посланником в Турин.

С.С. Ланской

В начале 1861 года, в среде находившихся в Петербурге кавказских сослуживцев, родилась мысль о «кавказских вечерах». Предположено было ежегодно, в определенный день, именно 4-го февраля, собираться всем, кому дороги воспоминания о Кавказе. Первыми учредителями кавказских вечеров были: полковник Генерального Штаба Романовский, статский советник Золотарев, флигель-адъютант полковник Шереметьев, флигель-адъютант штаб-ротмистр граф Воронцов-Дашков и еще некоторые другие. С первого же раза эта мысль осуществилась с большим успехом, несмотря на то, что задуманный вечер состоялся почти внезапно. В гостинице «Демут» съехалось до 50 кавказцев; председателем общества, или, как тогда окрестили, его «хозяином» провозглашен был старый кавказский ветеран генерал-лейтенант Викентий Михайлович Козловский, состоявший членом Генерал-Аудиториата. Это был добродушнейший старик, большой оригинал, зас-

луживший на Кавказе общее уважение беззаветною храбростию и солдатскою простотой. Нельзя было бы найти другое, более подходящее лицо для роли «хозяина» на этих вечерах, посвященных исключительно воспоминаниям о кавказской боевой жизни. Кроме беседы и взаимных друг другу рассказов, слышались и музыка грузинская, и лихие казацкие песни (хора казаков из Собственного Е.В. конвоя)· бывала и пляска – знаменитая «лезгинка»; но главным актом был ужин, с обильным возлиянием «кахетинского». В первые годы вечера кавказские были очень оживлены. Викентий Михайлович Козловский оставался в роли «хозяина» до самой смерти своей*. За ужином, разумеется, возглашались бесконечные тосты и произносились речи. Главным, как бы присяжным оратором и «тулумбашем» был граф Владимир Александрович Сологуб. Произнесенная им в первый же вечер мастерская речь, полная юмора и остроумия, вызвала общие аплодисменты, и в следующие годы он не пропускал кавказских вечеров, приезжая иногда в Петербург издалеча, чтобы оживить ужин своим застольным словом. Он поставил себе в обязанность каждый раз рассказать новый анекдот из боевой жизни В.М. Козловского и каждый раз его рассказ вызывал дружные рукоплескáния. Сам же «хозяин», о котором шел рассказ, слушал всегда с серьезным видом и по окончании анекдота добродушно замечал: «да, это правда» или «да, верно».

В первые годы я посещал весьма охотно кавказские вечера и всегда находил радушный прием. Большинство собравшихся на вечера состояло из личностей мне знакомых; со многими я служил на Кавказе и, стало быть, мог провести с удовольствием часа два, три, уделенных от служебных работ. Но впоследствии на кавказские вечера стали являться личности совсем мне неизвестные, а число моих сослуживцев, конечно, все уменьшалось. Со времени же окончательного умиротворения Кавказского края и прежнее сочувствие к Кавказу заметно охладело.

В продолжение четырехлетнего пребывания моего на Кавказе я не имел возможности следить за общим ходом дел в остальной России и в особенности в Петербурге. Кавказ представлял какой-то свой обособленный мир, с местными своими интересами, заботами и воззрениями. Хотя в течение означенного времени и до-

---

* В последний раз он председательствовал в 1872 году; умер 15-го января 1873 года.

В.Ф. Адлерберг

велось мне съездить в Петербург осенью 1857 года, но в короткое это пребывание я был так озабочен специальными делами, составлявшими цель моей поездки, что не имел случая подметить то движение в русском обществе, которое началось с Крымской войны. Прибыв уже в Петербург в конце 1860 года и на досуге прислушиваясь к общественному говору, я был поражен глубокою переменой, совершившеюся с 1856 года[6].

Мертвенная инерция, в которой Россия покоилась до Крымской войны, и затем безнадежное разочарование, навеянное Севастопольским погромом, сменились теперь юношеским одушевле-

нием, розовыми надеждами на возрождение, на обновление всего государственного строя. Прежний строгий запрет на устное, письменное и паче печатное обнаружение правды был снят, и повсюду слышалось свободное, беспощадное осуждение существующих порядков. Печать сделалась орудием обличения зла. Правительство принялось за коренные преобразования; во всех ведомствах, во всех отделах управления разрабатывались новые законы и положения. В губерниях открывались комитеты для совещания по разным возбуждаемым правительством вопросам. Со дня на день ожидалось самое крупное, великое событие – упразднение крепостного состояния, освобождение миллионов людей от позорившего Россию рабства[7].

Нельзя было не радоваться такой оживленной деятельности в правительственных сферах; нельзя было не сочувствовать предпринятому искоренению давнишних наших язв, замене отживших безобразных порядков новыми, более соответствующими современным европейским понятиям. Новое направление правительственной деятельности привлекло к общему делу массу людей развитых и просвещенных, ставящих интересы общественные и государственные выше личных, эгоистических. Те личности, которые в прежнее время были под опалой, как опасные либералы, теперь сделались полезными деятелями. Казалось, наступило наконец время осуществления тех идеалов, которые прежде были только заветною мечтой людей передовых.

Однако ж сочувствие к новому направлению правительственной деятельности далеко не было всеобщим. Реформы, предпринятые по личному почину самого Государя, встречали то явную, то скрытую оппозицию в составе самого правительства; им противодействовали те самые лица, которым вверялось руководительство при разработке новых проектов и приведение их потом в исполнение. Старые сановники, поседевшие еще в царствование Императора Николая I, не могли отрешиться от понятий того времени, убежденные в том, что только фельдфебельскою палкою может поддерживаться существование Империи. Многие из них искренно верили, что с новым мягким режимом – все пропадет. Затем большая часть дворянства (к которому, конечно, принадлежали и все правительственные лица и все почти чиновничество) была взволнована крестьянским вопросом. Помещики не могли представить себе, как будут они существовать без крепостных мужиков. В высшем, так называемом аристократическом кругу столиц, даже в среде приближенных ко Двору, громко вопили

В.А. Долгоруков

против предпринятых нововведений, в особенности же против посягательства на права дворян-помещиков. Некоторые из самых ярых представителей барства цинично заявляли, что они сумеют опрокинуть все выдумки «красных», «демагогов» и повернуть дело на другой путь. Были примеры, что государевы флигель-адъютанты и генерал-адъютанты, в своем раздражении, покидали службу и уезжали за границу.

Государь показывал в это время такую непреклонную твердость в задуманном им лично великом перерождении государства, что можно было пренебречь ропотом и ворчанием ярых против-

ников нововведений. В этом отношении мягкий и гуманный Император Александр II выказал более решимости и вернее оценил свою силу, чем отличавшийся железною волей родитель его. Но предпринятому благому делу созидания благоустроенного государства угрожала большая опасность с противоположной стороны – от нарождавшейся у нас в то время революционной и анархической пропаганды. Работа эта велась преимущественно в среде учащейся молодежи, а также между рабочими на фабриках, отчасти и в сельском населении. Она велась несомненно в связи с тогдашними польскими происками, и плоды ее проявились уже довольно явно в 1860 году. Беспорядки в университетах и других высших учебных заведениях, появление революционных воззваний, подметных писем, распространение анархических понятий среди простого народа в воскресных школах, – все это вместе указывало на организованную подпольную работу. Заграничные революционные издания, вроде герценовского «Колокола»[8], которые в прежнее время проникали в Россию только изредка и считались самою преступною контрабандой, навлекавшею на виновного уголовные кары, теперь ходили по рукам почти открыто. Неопытное юношество увлекалось этими страстными, грубыми и большею частию лживыми памфлетами против всего существующего в России. И в нашей домашней печати начали появляться разные книжки, которые, под обманною оболочкою, с цензурным разрешением, в виде какой-нибудь азбуки или детского учебника, проводили самые вредные революционные бредни.

Что касается нашей журналистики, с которой снята была прежняя строгая узда, – то она воспользовалась данным ей простором уже слишком широко: она не ограничилась обличением существовавших язв, злоупотреблений и беззаконий, а приняла характер оппозиции против всего правительственного, начала возбуждать недоверие и презрение ко всякой власти, разрушать все, чем держится в государстве равновесие и порядок. Насколько печать принесла пользы своею «обличительною» ролью, преследованием привычных у нас самодурства, грубости нравов, диких наклонностей татарщины, настолько же вреда произвела она распространением крайних противугосударственных софистических учений и в особенности подстрекательством молодежи к легкомысленному вольнодумству. Некоторые журналы сделались специально органами социалистических и коммунистических теорий; другие поставили себе задачею – свергать с пьедесталов все, что составляло прежде предмет уважения, благоговения, страха. Дош-

ло до того, что даже правительственные издания заразились обличительным духом, не исключая и органов военного ведомства. «Военный Сборник»[9] одно время совершенно вдался в обличительную литературу, и подобно другим журналам, хватил через край. Но что в особенности поразило меня – это издание «Русского Инвалида»[10], переданное в частные руки на арендном праве подполковнику Писаревскому, которого я знал прежде по его специальным занятиям физикою и фотографиею. Это был человек неосновательный, шаткий, легко увлекающийся; под его именем редакция «Инвалида» составилась из группы молодых социалистов и пропагандистов, и таким образом **военная** газета, украшенная двуглавым орлом в заголовке, основанная с патриотическою целью в пользу раненых, сделалась органом социалистической пропаганды!

Привыкнув с молодых лет к прежним порядкам службы и возвратясь в Петербург под впечатлением кавказских боевых традиций, я был крайне удивлен той перемене, которая в короткое время произошла в служебном режиме, в отношениях между начальниками и подчиненными, между старшими и младшими. Прежней драконовской дисциплины не оставалось и следов. Если б перемена заключалась лишь в замене прежней суровости и грубости более мягкими и человечными отношениями, то можно было бы только радоваться такой счастливой метаморфозе; но, к сожалению, и здесь хватили через край: смягчение перешло в распущенность; молодежь, под влиянием обличительной литературы, сделалась крайне строптивою и смотрела на начальство чуть не с пренебрежением; старшие же, начальствующие лица, под тем же влиянием печати, обратились вдруг из тигров в кротких овец, притаили свои скалозубовские привычки, чтобы не попасть на зубы газетному обличителю. Вышло престранное явление: уже не подчиненные трепетали, как прежде, пред начальством, а наоборот, начальство старалось заслужить благорасположение подчиненных; прежнее высокомерие и деспотизм высших чинов пред низшими заменились угодливостью и заискиванием популярности.

Что было в службе, то же и в школе. Уже не начальство и не преподаватели держали в дисциплине учащуюся молодежь, а наоборот, масса юношей держала в страхе начальство и менторов. Чтоб избегнуть так называемых студенческих «историй», открытых возмущений и беспорядков, начальство отреклось совсем от власти, ограничивалось увещаниями, успокоительными речами,

а преподаватели или уклонялись от всяких личных отношений к своим слушателям, или разыгрывали роль защитников их пред начальством и даже нередко сами подкладывали в огонь горючий материал.

Военное ведомство, как я сказал уже, не избегло того же разрушительного влияния пропаганды. Между молодыми офицерами, особенно в специальных родах оружия, уже проникла зараза; были такие, которые даже отзывались с пренебрежением о военной службе и с цинизмом называли себя «штатскими офицерами». Дисциплина в их глазах признавалась чем-то вроде отжившего свое время предрассудка; они более занимались политическими и социальными вопросами, чем прямыми своими обязанностями. Немало офицеров оказалось замешанных в тайные политические общества или кружки и попавших в число государственных преступников.

Корень этого опасного направления военной молодежи находился в самих рассадниках нашего офицерства. Пропаганда проникла и в военно-учебные заведения, несмотря на то, что они состояли под непосредственным начальством Царского брата и под глазами Государя*, который сам был еще так недавно начальником их. Начальники этих заведений, воспитатели и преподаватели более или менее уступали современному течению и чувствовали свое бессилие, чтобы бороться с ним, хлопотали лишь о том, чтобы не всплывали наружу частые случаи нарушения дисциплины и порядка.

Примером тогдашнего настроения военной молодежи может служить случившееся в конце 1860 года в Инженерной академии. Вследствие частного столкновения одного из учащихся офицеров с преподавателем и сделанного начальством военно-учебных заведений распоряжения об отчислении того офицера от академии, почти все учащиеся (126 из числа 135) подали прошения об увольнении их из академии. Высшее начальство переполошилось; назначено было следствие, результатом которого был приказ главного начальника военно-учебных заведений от 15-го января 1861 года об отчислении от академии 115 офицеров с тем, чтобы они были обойдены при первом производстве в чины; остальные же 11 офицеров, раскаявшиеся в своем необдуманном поступке, ос-

---

* Великий Князь Александр Николаевич, будучи Наследником престола, являлся главным начальником военно-учебных заведений (1849 — 1855 гг.), его сменил Великий Князь Михаил Николаевич.

тались в академии, и взыскание с них ограничилось лишь тремя днями ареста.

Грустно вспомнить, что в то время даже польские враждебные против России замыслы находили сочувствие в известной части русских революционеров, которые по примеру своих предшественников во времена Севастопольских бедствий цинически провозглашали: «чем хуже, тем лучше». Безумцы эти имели наглость радоваться всему, что могло причинить вред отечеству, и сами замышляли против него всякое зло, в том ложном убеждении, что разрушая все существующее, они работают для будущего блага.

Такова была прискорбная обстановка, при которой предпринята была Государем обширная преобразовательная работа. Нужна была большая твердость убеждения, соединенная с гибкостью, или так сказать, упругостью приемов, чтобы вести дело между противуположными враждебными течениями: с одной стороны – противудействием помещичьей и аристократической оппозиции, с другой – безрассудными революционными попытками. Одни старались влиять на Государя, чтобы остановить движение, пугая призраком революции и анархии; другие – воображали себе, что могут ребяческими демонстрациями и пропагандою разрушительных учений перевернуть весь строй государственный на свой лад. При таких условиях не легко было преобразователю вести предпринятое дело и следовать безостановочно твердыми шагами по намеченному пути, не уклоняясь ни в ту, ни в другую сторону.

Задача была тем труднее, что из числа лиц, составлявших тогдашнее высшее правительство, лишь немногие могли быть деятельными сотрудниками Государя и усердными исполнителями его благих видов. Можно сказать, что один только Великий Князь Константин Николаевич искренно и сознательно сочувствовал предпринятым реформам и сам усердно принимал в них участие. Министр внутренних дел действительный тайный советник Сергей Степанович Ланской[11], – содействие которого было в особенности важно в реформе крестьянской, – также принадлежал к небольшому числу лиц высшего правительства, сочувствовавших делу, хотя и не был в силах вести его собственною инициативою; зато он охотно давал водить себя другим закулисным деятелям. Председательствовавший в Департаменте законов действительный тайный советник граф Дмитрий Николаевич Блудов и главноуправляющий путями сообщения генерал-адъютант Константин Владимирович Чевкин сознавали необходимость реформ, даже сочувствовали им; но по своей натуре везде видели опасности и

потому большею частию тормозили движение, а министр иностранных дел князь Александр Михайлович Горчаков, хотя и высказывался обыкновенно в либеральном смысле, но только в пределах общих, отвлеченных принципов, пока дело не затрагивало сословных привилегий. Что же касается председателя Государственного Совета генерал-адъютанта князя Алексея Федоровича Орлова, министров: Двора – генерал-адъютанта графа Владимира Федоровича Адлерберга, юстиции – графа Виктора Никитича Панина, государственных имуществ – генерала от инфантерии Михаила Николаевича Муравьева, шефа жандармов – генерал-адъютанта князя Василия Андреевича Долгорукова и государственного контролера генерал-адъютанта Николая Николаевича Анненкова, – то все они были положительными противниками всяких либеральных реформ, а в особенности крестьянской. К этой же группе можно причислить остзейского аристократа барона Петра Казимировича Мейендорфа, заступавшего место председателя в Департаменте государственной экономии, за болезнью графа А.Д. Гурьева. Остальные затем министры: военный – генерал-адъютант Н.О. Сухозанет, народного просвещения – действительный тайный советник Евграф Петрович Ковалевский, финансов – действительный тайный советник Александр Максимович Княжевич, а также главноначальствующий Почтовым департаментом - действительный тайный советник Федор Иванович Прянишников и Управляющий Морским министерством генерал-адъютант Николай Карлович Краббе - имели такой слабый голос в общих вопросах государственных, что трудно было бы определить, к которому из политических направлений каждый из них принадлежал. Также и председатель Департамента гражданских и духовных дел принц Петр Георгиевич Ольденбургский, не обладавший даром выражения складного и логического своего образа мыслей, подавал всегда свой голос в том смысле, какой считал угодным Государю; но вообще обнаруживал наклонности более ретроградные, чем прогрессивные.

При таком личном составе нашего высшего правительства, очевидно, дело общего государственного преобразования не могло двигаться как по гладкой дороге; оно беспрестанно встречало толчки и задержки то с одной, то с другой стороны. К тому же и обстоятельства так сложились к началу 1861 года, что действительно положение нашего правительства было затруднительно. Финансы, расстроенные Крымской войной, не могли еще поправиться, и несмотря на все усилия сокращать расходы, на беспре-

рывные настояния Департамента экономии и самого Государя, чтобы восстановить баланс, каждый год финансовая смета заключалась с дефицитом[12]. Между тем польские революционные замыслы до того уже обнаружились и обострились, что можно было ожидать в самое близкое время решительного кризиса. Наконец, предстояло обнародование и введение в действие Положения об освобождении крестьян от крепостного состояния. Эта благодетельная мера представлялась нашим правителям таким рискованным, опасным шагом, что считалось необходимым обставить его всякими предосторожностями, мерами полицейскими и военными, чтобы отвратить воображаемую опасность[13].

ПОЛЬСКАЯ СМУТА

Прошло ровно тридцать лет со времени польского восстания 1830 – 1831 годов. Оно было укрощено силою оружия, но крамола польская все-таки не была искоренена[14]; она только притаилась под железною ферулой наместника Императора Николая. Между тем масса польских эмигрантов, – число которых полагали до 6 тысяч человек, – кишела за границей: в Париже, Лондоне, в Бельгии, Швейцарии, Италии. Эти непримиримые враги России, носители заветной идеи восстановления Польши не расставались с этою мечтой и постоянно конспирировали против России. С ребяческим легкомыслием затевали они самые безрассудные попытки для осуществления своей мечты, и несмотря на свои неудачи, повторяли их снова. Таковы были покушения в 1838, 1846 и 1848 годах; каждый раз они кончались только гибелью нескольких новых жертв. Всякое политическое событие в Европе возбуждало в них новые надежды; каждая война, где бы она ни разразилась, была в их глазах благоприятным моментом для восстановления Речи Посполитой в пределах 1772 года[15]. Однако ж мечты их не осуществились ни в 1849 году, во время венгерского восстания, ни в Крымскую войну, во время которой поляки не тронулись, в надежде, что они не будут забыты покровителем их Наполеоном III. Парижский трактат 1856 года[16] был для поляков крайне тяжелым разочарованием. Но кончина Императора Николая I и фельдмаршала князя Паскевича, изменение, последовавшее в духе управления с переменою царствования, дарование амнистии польским выходцам и ссыльным[17], – все это ободрило вожаков польской крамолы. Они сами не воспользовались царскою милос-

тию и продолжали интриговать за границей; но воспользовались возвращением в Царство Польское значительного числа темных личностей, частию из-за границы, частию из ссылки, чтобы обратить их в своих эмиссаров для организации в самой Польше революционной пропаганды и для подготовления восстания.

Управление нового наместника, генерал-адъютанта князя Михаила Дмитриевича Горчакова – человека старого, нервного, слабого и физически и нравственно, – составляло совершенную противоположность суровому режиму его предместника. Поляки, сохраняя до поры наружное спокойствие, пользовались слабостью русского управления и хитро проводили свои тайные замыслы. В 1857 году, при съезде в Варшаве трех монархов[18] – все обошлось вполне благополучно; оказанный им прием казался даже сочувственным; но знаменитая фраза в речи Императора Александра II-го «pas de reveries»* была как бы ушатом холодной воды, вылитой на горячие головы польских передовых людей. Заграничные вожаки усугубляли свои происки. Фантазии их снова разыгрались с открытием войны в Италии в 1859 году. Поляки были глубоко убеждены в том, что Наполеон III, освободив окончательно Италию, предпримет поход на Россию для освобождения Польши. Но Вилла-Франкский мир был новым разочарованием[19]; поляки увидели, что покровитель угнетенных народностей не только ничего не предпринимает в пользу Польши, но и в отношении к итальянской нации, за которую он прежде так горячо вступался, стал теперь в положение почти враждебное, воспротивившись довершению ее единства.

Политическая деятельность польской эмиграции представляла редкое в истории явление по той настойчивости, с которою так долго поддерживалась революционная агитация, при столь малых вероятиях успеха, можно даже сказать, при полной несбыточности цели. Настойчивость эта особенно замечательна при известной подвижности и впечатлительности польского национального характера и при тех раздорах, которые не прекращались в самой среде польских деятелей. Польские революционеры, как за границей, так и в самой Польше, делились на два противные лагеря: «белых» и «красных», то есть на партию аристократическую и партию демократическую. Во главе первой стоял престарелый князь Адам Чарторыйский, бывший некогда любимцем Импера-

* Никаких мечтаний. (*Пер. с фр.*)

Шерстяная ярмарка в Варшаве

тора Александра I и, как известно, имевший на него большое влияние в начале его царствования. Не успев достигнуть своих целей относительно восстановления Королевства Польского в прежних его границах, князь Чарторыйский однако ж оставил по себе в России глубокие следы, ополячив значительно молодежь в Литовском крае, в продолжение двадцатилетнего его кураторства в Виленском университете. В 1823 году он был уволен и от этой должности и с тех пор, сохранив звание сенатора, проживал за границей до 1830 года, когда он явился в Варшаву и стал во главе революционного правительства. Только накануне взятия Варшавы русскими войсками (1831 г.) князь Чарторыйский сложил с себя звание президента и уехал в Париж, где с тех пор непрерывно вел козни против России. Он принял на себя роль претендента на корону будущего короля польского. «Hôtel Lambert» – жилище князя Чарторыйского в Париже – служило как бы главным штабом партии «белых».

С другой стороны, средоточием партии «красных» был «Центральный комитет»[20], имевший также пребывание в Париже. Беспрерывные раздоры не только между «красными» и «белыми», но и в самой среде Центрального комитета, – повели к распадению последнего на разные фракции. Когда принц Луи Бонапарт, имевший тайные связи с партиею князя Чарторыйского, провозгласил себя императором, Центральный комитет польский должен

был перенести свою главную квартиру в Лондон; фракция же его, оставшаяся в Париже, нашла себе покровителя в лице принца Жерома Бонапарта, и под крылом его образовалась так называемая «Батиньольская школа». Palais Royal – жилище принца–сделался таким же средоточием польской демократической партии, каким был Hôtel Lambert для партии «белых».

Одним из самых ярых и задорных представителей партии «красных» был Мерославский (Meroslavsky), начавший свою революционную деятельность еще в революцию 1831 года. Тогда он 16-летним юношей состоял уже в чине подпоручика за ординарца при своем отце, начальствовавшем частию польской армии. После подавления мятежа он вместе с отцом бежал за границу и доканчивал свое воспитание в Париже, под покровительством князя Чарторыйского. Но молодой Мерославский скоро (1836 г.) отпал от партии «белых» и передался противникам ее, в качестве военно-политического писателя и публициста. Он скоро приобрел в этой партии большой вес своею горячею приверженностию к крайним революционным идеям, своею самонадеянностию и смелостию планов, так что на него начали смотреть как на будущего вожака восстания. Он даже присвоил себе самозванный титул «диктатора» польского, после неудачной его эскапады в Познани в 1846 году, кончившейся заключением его на несколько месяцев в прусской крепости. Проживая потом то в Париже, то в Лондоне, он успел своим наглым хвастовством привлечь к себе множество слепых приверженцев из польской молодежи, которая благоговела пред рьяным «диктатором». Из числа этих энтузиастов немало пошло добровольцами в шайки Гарибальди.

Безрассудные проделки «красных» часто шли в разрез тонким планам партии «белых». Аристократия польская и в своей революционной деятельности оставалась верною шляхетским традициям старой Польши; идеалом ее было – восстановление королевства Ягеллонов, тогда как противники ее мечтали о республике. Тем не менее партия Чарторыйских избегала явного разрыва с «красными», на которых она смотрела как на необходимое орудие для осуществления своих целей. Аристократы взяли на себя роль дипломатических представителей польского дела пред Европой. Живя в довольстве в разных столицах и наслаждаясь всеми благами цивилизованного общества, они старались загребать жар руками демократов; а эти, в свою очередь, при всей ненависти к аристократам, берегли их в двояких видах; от них и чрез них добывались денежные средства для поддержания восстания и самой эмиграции, а вместе с тем

М.Д. Горчаков

приобреталась и поддержка Европы. Только с помощью «белых» восстание в Польше могло сделаться вопросом европейским.

Вожаки польской крамолы, поддерживая связи с дипломатией, с высшим аристократическим обществом всей Европы, с Ватиканом и католическим духовенством, в то же время не гнушались и союзом с самыми демократическими элементами европейской революции. Они не отвергали ни партии Мадзини и Гарибальди, ни русских выходцев, ни раскольников, ни полудиких племен кавказских: везде искали они союзников, чтобы вредить

России и подтачивать ее силы. В этом отношении нельзя не отдать справедливости необыкновенной деятельности и изобретательности, с которыми велась польская интрига. Вожаки ее пользовались всеми путями, чтобы пропагандировать революционные идеи и подготовлять восстание. Повсюду были у них агенты и пособники, не исключая даже петербургских правительственных сфер. Полезнейшими орудиями их были ксендзы и женщины; притворство, низкопоклонство, лесть, клевета, мистификации – все оправдывалось патриотическою целью. Едва ли можно найти во всей истории другой пример подобной систематической обширной и выдержанной интриги в преследовании политической фикции.

Русские эмигранты, с Герценом и Бакуниным во главе, вошли в союз с польскими революционерами. Сначала они примкнули было к Мерославскому; но потом же разошлись с этим хвастливым говоруном и сблизились с батиньольскою фракцией[21]. Польские вожаки очень рассчитывали на помощь русских революционеров, уверивших их, что Россия находится уже в полном разложении, накануне общей революции, и что немедленно, как только поляки поднимутся, восстание распространится на всю Россию. Поляки верили, что сам Император не прочь отказаться от Польши и даже от западных губерний; что при первой демонстрации Франции Царь поспешит исполнить все требования польские. Подобные идеи были тогда в ходу в среде легкомысленной молодежи, не только польской, но и русской.

В числе разнообразных пружин, которыми действовала польская интрига, было систематическое извращение понятий молодежи. Агенты польской крамолы везде действовали на учащееся юношество, возбуждая среди него беспорядки и смуты, стараясь подорвать в нем всякое уважение к начальству, ко всему государственному строю. Также действовали они и на молодых офицеров; в этом отношении способствовало им то обстоятельство, что многие части армии, особенно же кавалерия и специальные роды службы были переполнены офицерами польского происхождения. Поляки умели ловко пробираться во все части администрации; занимали влиятельные должности, наполняли все специальные, технические ведомства: как-то учебное, почтовое, телеграфное, по железным дорогам и т.д. Они вторгались и во внутреннюю жизнь русской семьи в званиях домашних учителей, воспитателей, управляющих имениями. Не говоря уже о том, что в западных губерниях России землевладение находилось почти исключительно в руках польских помещиков, весь край был вполне ополячен, даже там, где масса сельского населения была русская и православная.

Л. Мерославский

Ополячеванию Западного края способствовали чрезмерная доверчивость и близорукость начальства местного и центрального. Правительство привыкло само считать этот край польским. В течение долгого времени, под глазами русских властей, деятельно велась польская пропаганда. Враждебные России элементы еще усилились в крае в конце 1860 года и начале 1861-го массою возвращенных из Сибири, из Оренбургского края и Кавказа поляков, сосланных в разное время за участие в прежних заговорах и революционных попытках. Ни ссылка, ни приобретаемая с летами рассудительность, ни сближение с русским обществом и русскими

товарищами не образумили их. Они возвратились на родину теми же восторженными безумцами, какими были в молодости.

Систематическая, неустанная работа польской крамолы подготовляла постепенно почву для успеха замышленной революции. Круг действий не ограничивался Царством Польским и западными губерниями; даже в столицах и во внутренних губерниях образовались тайные революционные кружки, польские и русские. Руководящий комитет петербургский[22] был в сношениях с секциями в Москве, Киеве, Одессе, Вильне, а с другой стороны, сам получал указания из Варшавы и от заграничных вожаков. В этих революционных кружках группировались личности самые разнородные, но преимущественно юношество; тут были и чиновники и офицеры, литераторы, учителя, студенты, юнкера. Руководители кружков коварно заманивали неопытную молодежь.

В 1860 году агитация в Царстве Польском приняла уже характер вызывательный. Началось с демонстраций религиозных; затем в Варшавской медико-хирургической академии все студенты, под каким-то пустым предлогом, оставили заведение; но вскоре они образумились и взяли назад свои прошения; дело разъяснилось подстрекательством некоторых подозрительных личностей. Летом того же года предпринята была в Варшаве уличная демонстрация по самому пустому поводу – погребению одной старухи, вдовы польского генерала Совинского, убитого в 1831 году при штурме Воли. Процессия, сопровождаемая массою народа, с пением патриотических песен и ругательствами против русских властей, произведена была совершенно беспрепятственно, без всякого вмешательства полиции. С этого времени патриотические демонстрации всякого рода повторялись не только в Варшаве, но и в других местах Царства. Городское население подчинялось беспрекословно какой-то таинственной власти, которая заставляла женщин носить траур, лавочников – заменить русские и иностранные вывески польскими и т.д.

В октябре 1860 года, когда происходило в Варшаве свидание императоров русского и австрийского и принца-регента прусского[23], население города получило от подпольной власти запрет принимать участие в каких-либо общественных собраниях, театральных представлениях и празднествах в честь монархов. В день, назначенный для парадного представления в театре, пред самым началом его, кресла партера были облиты какою-то зловонною жидкостию, так что с трудом успели очистить воздух к приезду государей. Все подобные проделки проходили безнаказанно; законная власть оказалась бессильною, тогда как тайная власть дер-

Краковское предместье Варшавы

жала все население в страхе и повиновении. Ослушники этой власти подвергались всяким преследованиям: женщин, показывавшихся на улице в цветном платье, обливали кислотою; мужчинам угрожали смертью. На улицах Варшавы появились чемарки, кунтуши, конфедератки[24], пояса с эмблематическими знаками польской национальности. Подметные письма держали население постоянно в тревожном положении.

В ноябре 1860 года опять происходила в Варшаве большая уличная демонстрация по случаю тридцатилетней годовщины революции 1830 года. В то же время и в Кракове возникли беспорядки, вынудившие австрийские власти прибегнуть к оружию и закрыть на время тамошний университет[25].

Поднятый русским правительством крестьянский вопрос не мог не повлиять на планы польских революционеров. Хотя в Царстве Польском крепостное состояние давно уже было отменено юридически[26], однако ж в сущности крестьянин оставался в полной зависимости от помещика, так что при существовавшем искони в Польше шляхетском строе и полном бесправии «хлопов» положение сельского населения было еще тяжелее, чем крепост-

ных в Империи. Еще в царствование Императора Николая I русское правительство неоднократно поднимало вопрос об экономическим устройстве крестьянского сословия в Польше; но местные власти, всегда потворствовавшие польской аристократии, не выказывали большой настойчивости в разрешении щекотливого вопроса о положении крестьян, и дело это не подвинулось ни на шаг. Однако ж польские революционеры сознавали, что для осуществления их планов необходимо было им самим сделать что-нибудь для улучшения быта польского крестьянства прежде, чем русское правительство примется за это дело. Обе партии – и «белых», и «красных» старались привлечь сельское население на свою сторону и морочили бедных хлопов несбыточными обещаниями.

Аристократическая партия решилась неотлагательно взять крестьянское дело в свои руки, и главное руководительство в этом деле принял на себя граф Андрей Замойский, племянник князя Адама Чарторыйского и также один из деятелей польской революции 1830–1831 года. По усмирении этого возмущения, граф Замойский не последовал за своим дядей, а остался в Царстве Польском и с того времени поставил себе целью – сплотить воедино польское дворянство всех частей распавшейся Речи Посполитой и вместе с тем привлечь к нему простой народ посредством развития общих интересов их: хозяйственных, промышленных и торговых. В этих видах граф Андрей Замойский стал во главе так называемого Земледельческого (агрономического) общества[27], учрежденного в Царстве Польском с дозволения русского правительства. Под маскою сельских хозяев, заботящихся об экономических нуждах края, вожаки Земледельческого общества втайне работали с целями революционными. К началу 1861 года в обществе считалось уже до 2 тысяч членов; оно имело общие свои собрания в Варшаве, но разветвлялось на все Царство. Членами общества были помещики всех губерний и уездов, так что граф Андрей Замойский сгруппировал около себя большинство землевладельцев Царства и сделался средоточием обширной революционной сети. Предполагалось распространить круг действия общества и на западные губернии Империи учреждением отделов его в Вильне и Киеве, – на что однако же последовал со стороны правительства положительный отказ.

Уже в начале 1860 года начала выказываться политическая подкладка Земледельческого общества. В годичном своем общем собрании в феврале того года происходило весьма бурное заседа-

ние, в котором поднят был крестьянский вопрос. С этого времени граф Андрей Замойский открыто принял на себя роль защитника народа пред правительством и всячески старался приобрести популярность; задавал гомерические угощения собранным из провинции крестьянам и братался с городскими просторабочими. Все это не мешало ему пред наместником прикидываться усердным радетелем о поддержании порядка и спокойствия в городе и крае; он становился как бы посредником между русскою властью и толпою, как будто для укрощения ее раздражения. Такая коварная игра была всегда обычным приемом польских деятелей. Той же иезуитской системе следовало большинство поляков, занимавших разные должности в местном управлении края.

Польские помещики долго ласкали себя надеждами, что русское правительство не будет иметь довольно выдержки и настойчивости, чтобы довести поднятый крестьянский вопрос до действительного разрешения. Надобно сознаться, что такие надежды оправдывались всеми предшествовавшими попытками правительства в Царстве Польском, всегда остававшимися без практического результата. Притом в воображении весьма многих поляков, – как уже было замечено, – рисовалась близкая и неминуемая катастрофа в самой России. Они верили, что и русское дворянство не допустит предпринятой коренной реформы. Но в течение 1860 года крестьянское дело в России уже так подвинулось, что сомневаться в осуществлении реформы сделалось невозможным. В то время, когда в Петербурге заканчивались последние приготовления к обнародованию Императорского манифеста[28], дарующего свободу и земельный надел десяткам миллионов русских крепостных крестьян, – в Варшаву съезжались польские землевладельцы на годичное собрание Земледельческого общества.

В заседании 8/20-го февраля 1861 года этим обществом принят был с большою торжественностию проект графа Андрея Замойского, состоявший в том, чтобы существовавшую барщину обратить в денежный оброк, с предоставлением крестьянам выкупать свои земельные участки чрез капитализацию оброка по расчету 6%. Постановлению этому польские паны придали громкое значение – дарования крестьянам земли в собственность, и по окончании заседания по этому случаю устроена была уличная демонстрация в ознаменование мнимого братского союза, установившегося между поместным дворянством и крестьянами. Сам граф Андрей Замойский, во главе собравшейся пред домом Земледельческого общества толпы народа, прошелся мимо наместниковс-

кого замка под руку с каким-то просторабочим. И в этом случае разыграна была бессовестная мистификация: принятое Земледельческим обществом решение прославлялось как патриотический акт со стороны помещиков, как великодушно оказанное ими благодеяние крестьянам; но в сущности помещики ни к чему себя не обязывали, предоставив переложение барщины на оброк и затем выкуп земельных участков добровольному соглашению обеих сторон и притом без определения какого-либо срока. Если б постановление польских панов получило в законном порядке утверждение правительства, то весь выигрыш был бы на их стороне. Им удалось бы вполне достигнуть своей настоящей цели – устранить применение к Царству Польскому тех основных начал, которые были приняты при разработке положения об освобождении русских крестьян[29].

Польское революционное движение, как уже было замечено, не ограничивалось пределами одного Царства Польского (так называемой «конгресувки»); оно охватило и западные губернии Империи, которым поляки дали название «забранного края». Все, что творилось в Варшаве, имело отголосок в Вильне и Киеве.

Представителями высшей правительственной власти в том крае были: в северо-западной части – генерал-губернатор виленский, ковенский и гродненский генерал-адъютант Владимир Иванович Назимов; в юго-западной – генерал-губернатор киевский, волынский и подольский генерал-адъютант князь Илларион Илларионович Васильчиков. Первый из них был человек простой, честный и добрый; он пользовался благорасположением Государя, который с юности своей сохранил к нему привязанность и уважение, так как Назимов еще полковником Преображенского полка состоял в качестве военного инструктора при Наследнике Цесаревиче. Позже Назимов был начальником штаба Гренадерского корпуса, потом попечителем Московского университета, а в 1856 году назначен виленским генерал-губернатором.

Назначение это было принято в том крае с сочувствием, вследствие того, что Назимов еще в 1840 году, в качестве доверенного лица Императора Николая Павловича, был командирован в Вильну для расследований по донесению генерал-губернатора Мирковича об открытом будто бы, после известного дела Канарского, обширном политическом заговоре, и тогда Назимов выказал свою правдивость и мужество, опровергнув донесения генерал-губер-

натора. С тех пор сохранилась в польском обществе Северо-Западного края добрая память о Назимове. Со вступления его в должность генерал-губернатора сочувственное к нему отношение местного дворянства дало Назимову возможность дать благоприятное направление стоявшему тогда на очереди крестьянскому делу в Северо-Западном крае. Было бы неуместно здесь входить в подробности этого дела, объяснять затруднительное положение, в которое поставлены были помещики западных губерний вследствие введения Положения об инвентарях[30], и почему Назимову, знавшему твердое намерение Государя приступить к освобождению крестьян в Империи, не трудно было склонить дворянство вверенных ему трех губерний к представлению всеподданнейшего адреса о готовности своей отказаться от своих крепостных прав. Всем известно, что Высочайший рескрипт 20-го ноября 1857 года на имя генерала Назимова был первым официальным актом, вызвавшим последовательную подачу адресов от дворянства всех губерний, и таким образом Назимову случайно досталась видная роль в истории отмены крепостного права: он дал, так сказать, первый толчок к осуществлению этого великого дела[31].

Хотя польское дворянство западных губерний хвалилось тем, что ему принадлежит почин в этом деле, однако ж последующий образ действий этого дворянства, к сожалению, вовсе не соответствовал первому его шагу. Когда приступлено было к действительной разработке вопроса, помещики западных губерний начали всячески противудействовать ходу дела; собирались для совещаний о том, как затормозить его, ввиду готовившегося восстания Польши. В то время каждый поляк находился в полном убеждении, что недалеко время освобождения всех польских стран из-под власти России; а раз, что совершилось бы желанное воссоединение Литвы с Польшею, вопрос крестьянский принял бы совсем иной оборот. Нужно ли объяснять, что польское дворянство западных губерний следовало в этом деле той же самой тактике, как и дворянство Царства Польского: под маскою великодушной инициативы оно заботилось только об ограждении собственных своих помещичьих прав.

Главным вожаком дворянства Северо-Западного края был гродненский помещик граф Старжинский – друг графа Андрея Замойского и приверженец партии князя Чарторыйского. Получив воспитание за границей у иезуитов, он приехал в 1846 году в Петербург, попал в большой свет, и увлеченный военною блестящею молодежью, поступил на службу в гвардию юнкером. Дослу-

жившись уже до чина штаб-ротмистра, он вследствие какой-то романтической связи уехал без разрешения за границу, за что был разжалован в рядовые и отправлен на службу на Кавказ. Он служил в Гребенском казачьем полку до конца Крымской войны; в 1856 году вышел в отставку с чином сотника, поселился в своих имениях и, благодаря связям своим с петербургскою аристократией, попал в предводители дворянства Гродненской губернии. Подобно большей части своих земляков, граф Старжинский играл двуличную роль: пред русскими властями выказывал заботливость о поддержании порядка и легальности; старался вкрасться в доверие генералу Назимову; подавал ему разные записки и проекты; а в то же время поддерживал тесные связи с графом Андреем Замойским, с Hôtel Lambert и руководил всеми кознями и замыслами польского дворянства в Северо-Западном крае. Ближайшим его пособником в этом отношении был проживавший в Вильне минский помещик Оскерко.

Поляки вели дело в Западном крае с обычным своим коварством: работая, с одной стороны, чтобы затормозить дело освобождения крестьян, они, с другой стороны, внушали крестьянам, что им нечего ждать от правительства, что одни паны могут облагодетельствовать их, когда власть перейдет в польские руки. В то время, когда в Петербурге все было уже подготовлено к обнародованию Манифеста и Положения об освобождении крестьян, польское дворянство северо-западных губерний вздумало еще сделать попытку приостановить приведение этой реформы в исполнение. Предводители дворянства официально заявили министру внутренних дел, что новое Положение неприменимо к Западному краю; но им дан был ответ, что дело решено окончательно, утверждено верховною властию и должно быть приведено в действие.

Даже и по обнародовании Манифеста 19-го февраля, когда в западные губернии командированы были чиновники для введения нового Положения, и тут польское дворянство сумело повернуть дело сообразно своим тайным видам: оно прикинулось озабоченным сохранением порядка и спокойствия в крае, будто бы угрожаемых вследствие своеволия и разнузданности крестьянского населения. Помещики и ксендзы приняли на себя разъяснять крестьянам новое Положение, устранив местных православных священников, которых паны выставляли людьми невежественными, будто бы возбуждающими народ своими превратными толкованиями. Русских чиновников паны уверяли в необходимости стро-

гих мер для удержания крестьян в повиновении. В некоторых местах сами же поляки распускали разные ложные толки с тем, чтобы подстрекнуть крестьян к неповиновению и тем вызвать строгие меры со стороны русских властей. Эта двуличная игра нередко им удавалась, благодаря легковерию и недальновидности начальствующих лиц, из которых многие сами были не чужды в глубине души одинаковых с панами помещичьих наклонностей. Поэтому в некоторых местностях, по науськиванию польских помещиков, против крестьян употреблены были даже войска. Так, например, в одном имении Белостокского уезда (Заблудов), в соседстве с имением графа Старжинского, крестьян подстрекнули к отказу от отбывания повинностей, а затем привели войска и подвергли виновных тяжкой расправе. Паны указывали крестьянам на такие примеры, дабы внушить им необходимость полного подчинения воле помещиков, и сильнее чем когда-либо наложили свою тяжелую руку на бедствующее крестьянское население. Мировые же посредники[32], набранные, конечно, из местных же поляков, во всем держали сторону панов и угодничали перед ними. Таким образом, крестьянское дело в Северо-Западном крае приняло весьма неблагоприятное направление, противное русским государственным интересам.

Что же касается юго-западных губерний: Киевской, Волынской и Подольской, то в этом крае польское дело находилось совсем в иных условиях, чем в Северо-Западном. В тамошнем населении поляки составляют лишь незначительное меньшинство: масса же простого, крестьянского народа, несмотря на вековое польское владычество, сохранила религию своих предков, свою малорусскую типичную национальность и прониклась глубоко недоверием, даже ненавистью к польским панам и шляхте. Поэтому в начале польского революционного движения поляки в Юго-Западном крае держали себя довольно осторожно; не оказывая явного противудействия ходу крестьянского дела, они заботились лишь о том, чтобы переход от крепостного состояния к свободному свершился как можно выгоднее для помещиков. Главный начальник края князь И.И. Васильчиков – человек честный, благородный, но* пропитанный барскою спесью, мало входил в подробности дел и довольствовался тем наружным спокойствием, которое пока сохранялось в крае.

---

* В автографе далее зачеркнуто: «довольно ограниченного ума». (*Прим. публ.*)

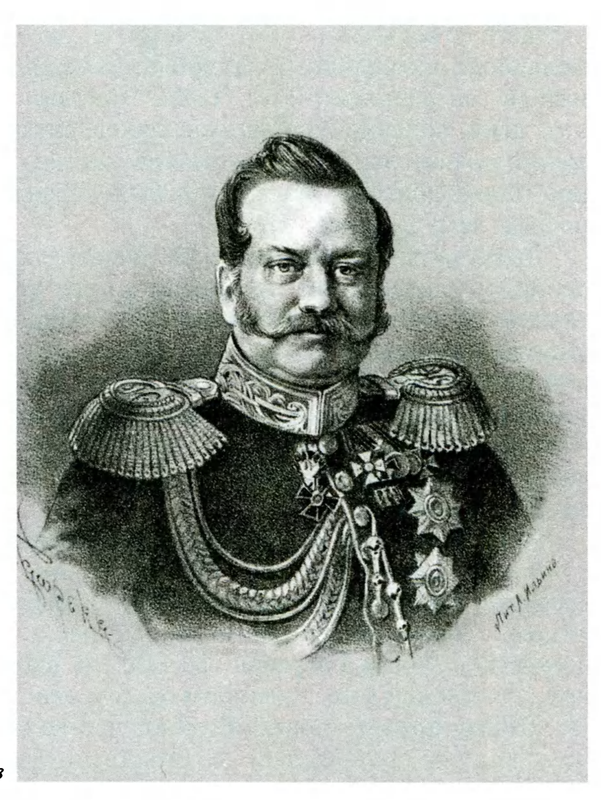
ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО СОСТОЯНИЯ

Как ни тревожны были известия из Варшавы, однако ж они отступали на второй план пред главною заботой, занимавшей всю Россию, – вопросом о предстоящем освобождении крестьян. Редакционные комиссии, в которых по смерти Якова Ивановича Ростовцева (6-го февраля 1860 года) председательствовал граф Виктор Никитич Панин, окончили свою тяжелую и сложную работу к октябрю 1860 года и вслед за тем были закрыты. Составленный проект Положения поступил на обсуждение Главного по крестьянскому делу комитета, который и возобновил свои заседания 10-го октября, под председательством Великого Князя Константина Николаевича. Комитету объявлена была Высочайшая воля, чтобы проект Положения об освобождении крестьян от крепостного состояния был обсужден в самое короткое время и внесен в начале 1861 года на окончательное рассмотрение общего собрания Государственного Совета.

Так и было исполнено. В Главном комитете, благодаря отличному ведению дела председателем, оно прошло без особенных затруднений и без существенных изменений[33], а в январе 1861 года поступило в общее собрание Государственного Совета. 28-го января Государь лично открыл первое заседание и в сказанной им речи[34] заявил непременную волю свою, чтобы рассмотрение дела было окончено в течение первой половины февраля. Таким образом Государственный Совет имел всего какие-нибудь две недели на обсуждение столь важного и сложного дела; поэтому можно сказать, что внесение проектированного Положения в общее собрание было только одною формальностию. Дело было предрешено, и противники освобождения поняли, что не было уже возможности ни изменить данное делу направление, ни затянуть его. Им удалось однако же ввести в проект кое-какие статьи не в пользу крестьян[35].

Представление на Высочайшее утверждение целой коллекции объемистых Положений, указов[36], табелей требовало еще громадной массы работы канцелярской и типографской. Работа эта велась с кипучею поспешностию и была успешно окончена к 19 февраля – годовщине восшествия на престол Императора Александра II. В этот самый день и последовало Высочайшее утверждение всех представленных работ.

Так день 19-го февраля 1861 года сделался великою историческою эрой для русского народа.

Я.И. Ростовцев

В Петербурге ожидали этого дня с различными чувствами: иные – с восторженною радостию, другие – с каким-то страхом, а третьи – с затаенною злобой. Само правительство не чуждо было тревожного ожидания того момента, когда вдруг снимется узда с многих миллионов порабощенного народа. Поэтому заранее обсуждались и принимались всякие меры к предупреждению и укрощению ожидаемых беспорядков и волнений; были даже сделаны некоторые перемены в дислокации войск, в тех видах, чтобы повсеместно имелась под рукой военная сила. Местным начальствам даны были заблаговременно инструкции на случай нарушения спокойствия и порядка; определен был самый порядок объявления народу великой Царской милости одновременно по всей России. Для этого нужно было предварительно разослать во все концы Империи десятки тысяч экземпляров Манифеста, указов и Положений, – на что требовалось известное время после Высо-

чайшего утверждения. Вот почему за два дня до 19-го февраля появилось объявление от петербургского военного генерал-губернатора генерал-адъютанта Павла Николаевича Игнатьева, что в этот день, вопреки ходившим в городе слухам, никаких распоряжений правительства по крестьянскому делу не будет. Повсеместное обнародование Манифеста было назначено на 6-е марта – первый день Великого Поста.

Лишь только последовало 19-го февраля Высочайшее утверждение, немедленно же поскакали во все стороны фельдъегеря с тюками отпечатанных экземпляров; командированы флигель-адъютанты и генералы свиты для торжественного возвещения великой Царской милости во всех губерниях. Как ни торопились всеми этими распоряжениями, все-таки оказалось невозможным поспеть в некоторые отдаленные места к назначенному дню; поэтому объявление Манифеста последовало в иных 7-го или 8-го числа, а в других даже позже.

В Петербурге же и в Москве обнародование Манифеста последовало днем ранее назначенного числа, именно 5-го марта, в воскресенье, т.е. в последний день Масленицы. Манифест был прочитан с амвона священниками во всех церквах обеих столиц. В час пополудни, когда Государь выезжал из дворца к разводу в Манеж, вся площадь пред дворцом была усеяна густою массою народа, которая приветствовала Его Величество восторженными «ура». Депутация от проживавших в Петербурге мастеровых из крестьян подошла к Царскому экипажу и в простых, но теплых выражениях принесла от имени народа благодарность Царю-Освободителю. Погода была в этот день прекрасная; улицы кишели народом; на всех лицах выражались радость и удовольствие; многие, встречаясь со знакомыми, обнимались и целовались как бы в Светлое Воскресенье. Колокольный звон придавал этому счастливому дню торжественную обстановку. Некоторые из иностранных дипломатов присутствовали в этот день у обедни в православных церквах для того, чтобы быть очевидцами того впечатления, которое произведет на простой народ чтение Манифеста. Вечером в театрах публика потребовала народный гимн, который был повторен по нескольку раз.

В самый день подписания Государем Манифеста 19-го февраля Великий Князь Константин Николаевич, как председательствовавший в Главном по крестьянскому делу комитете, получил от Его Величества прекрасный рескрипт, в котором изъявлена была Великому Князю «живейшая и глубокая признательность за точное,

Великий Князь Константин Николаевич

скорое и вполне соответствующее Высочайшей воле окончание сего государственного дела...» Воздав должную справедливость личному участию самого Великого Князя в ходе этого дела, Государь поручал Его Высочеству передать и членам комитета «искреннюю благодарность» Его Величества. «Я не забуду, – говорилось в рескрипте, – и со Мною, конечно, вся Россия не забудет, как действовали в сем важном случае Ваше Императорское Высочество и все прочие члены Главного комитета. Будущее известно единому Богу, и окончательный успех предпринятого великого дела зависит от Его святой, всегда благостной воли; но Мы можем ныне же с покойною совестью сказать себе, что нами употреблены для совершения оного все бывшие во власти Нашей средства, и со смирением уповать, что покровительствующее любезному Нашему отечеству Провидение благословит исполнение Наших намерений, коих чистота Ему известна».

В заключение рескрипта была выражена следующая Высочайшая воля: «При утверждении предположений об отмене крепостной зависимости помещичьих крестьян и дворовых и об устройстве их быта, Я признал необходимым принять меры к устройству всего вообще сельского состояния на общих и единообразных началах. Для сего я учреждаю особый, под Моим непосредственным ведением Комитет, в который назначаю Ваше Императорское Высочество членом и председательствующим. Не сомневаюсь, что Вы, зная Мои по сему предмету мысли и желания, с обычным Вашим, ничем не охлаждаемым усердием, деятельно приступите к трудам по сему новому, но имеющему тесную связь с довершенным уже, делу...»

Учрежденный вновь «Главный комитет об устройстве сельского состояния»[37] (заменивший прежний «Главный комитет по крестьянскому делу»), сверх выраженного в рескрипте назначения, сделался высшим совещательным учреждением, в котором обсуждались и решались новые вопросы или сомнительные случаи, возникавшие при самом введении в действие Положения об устройстве крестьян. Членами комитета состояли министры внутренних дел, финансов, государственных имуществ, юстиции и уделов, главноуправляющий II-м отделением Собственной Е.В. Канцелярии и главный начальник III-го отделения; затем лично – статс-секретари граф Блудов и Н.И. Бахтин и генерал-адъютант Чевкин. Управляющим делами комитета назначен был тайный советник Степан Михайлович Жуковский (состоявший в числе делопроизводителей в прежнем Комитете по крестьянскому делу), а в по-

К.В. Чевкин

мощь ему – действительный статский советник Конст<антин> Ив<анович> Домонтович.

Со дня объявления Манифеста в каждой губернии открывалось «Губернское по крестьянским делам присутствие»[38], образовавшееся из прежних временных Комиссий, учрежденных в декабре 1860 года для предварительных распоряжений по введению в действие новых Положений. 16-го же марта последовал новый указ – о распространении Положения 19-го февраля на крестьян посессионных фабрик[39].

Во всей России Манифест 19-го февраля встречен был народом с радостию и глубокою признательностию. Депутации от раз-

ных уездов Петербургской губернии приносили благодарность Государю в следовавшие за объявлением Манифеста два воскресенья, 12-го и 19-го марта: отслужив предварительно молебствия в церквах и освятив приготовленный для поднесения Его Величеству хлеб-соль, депутации шли торжественно к Зимнему дворцу и со слезами выражали Государю свои чувства. В ответных своих речах Его Величество каждый раз внушал депутациям обязанность крестьян разумно пользоваться дарованной свободой и в точности исполнять все требования закона. Везде крестьяне служили благодарственные молебствия; посылали адресы Государю, делали разные приношения для увековечения памяти о великом дне 19-го февраля. Петербургская городская Дума, в заседании 22 марта, постановила устроить в память этого дня больницу для чернорабочих, с присвоением ей наименования «Александровской»[40]. Множество подобных пожертвований и благотворительных учреждений служило вещественным выражением общего одушевления, охватившего тогда всю Россию.

Да и не в одной России, а во всей Европе великая государственная мера 19-го февраля 1861 года произвела глубокое впечатление. Заявления высокого сочувствия к этой мере и лично к Императору, освободившему десятки миллионов людей из рабства, раздались официально в английском парламенте, в берлинском ландтаге, даже в итальянском собрании представителей, несмотря на то, что между туринским и петербургским кабинетами тогда были прерваны дипломатические сношения.

Опасения, с которыми наши пессимисты ожидали рокового дня отмены крепостного состояния, оказались совершенно напрасными: вообще дело прошло вполне благополучно, и оправдались слова Мих<аила> Петр<овича> Погодина, который за несколько дней до 19-го февраля выразился так в своем журнале: «Только невежество и пошлость опасаются беспорядков и замешательств; это значит не иметь понятия о коренных свойствах русского народа...» Все сочувствовавшие делу освобождения торжествовали. Однако ж торжество их и радость были вскоре омрачены известиями из некоторых захолустий, где возникли в среде крестьян недоразумения, вследствие превратного толкования Манифеста, отчасти злоумышленного, а большею частию по невежеству. В некоторых местностях крестьяне ожидали не одного лишь освобождения от помещичьей власти, но и безвозмездной передачи земли в полное их владение; а потому заподозрили подлинность прочитанного им Манифеста, вообразив себе, что на-

стоящая милость Царская – «чистая воля» – скрыта от них помещиками и чиновниками. В этих местах крестьяне прекратили было работы на помещиков и отказались отбывать всякие повинности. В большей части случаев дело разъяснилось миролюбно, без насильственных мер, одним лишь нравственным влиянием людей разумных, заслуживших доверие населения. Но в других, к счастию, немногих местах, не обошлось без крутых мер и даже употребления оружия.

Самый крупный из таких случаев произошел в Казанской губернии, Спасском уезде, в селении Бездне – имении действительного тайного советника графа Мусина-Пушкина[41]. Здесь один из крестьян (Антон Петров) не только смутил своих односельцев, но и замыслил поднять население во всей окрестности. Никакие увещания местной полиции, ни прибывшего предводителя дворянства Молоствова, ни командированного по Высочайшему повелению генерала-майора свиты графа Апраксина, приехавшего в Бездну с двумя адъютантами казанского военного губернатора (генерал-майора Козлянинова), не могли образумить толпу. 12-го апреля приведены были войска. Крестьяне собрались в числе до 5 тысяч человек, вооруженных кольями и дубинами. Граф Апраксин, после всех безуспешных увещеваний, решился прибегнуть к оружию. Сделано было несколько залпов, от которых легло на месте до 55 убитых и ранено 71 человек. Крестьяне разбежались, и тогда началась расправа. Собранною на самом месте преступления военно-судною комиссией главный зачинщик беспорядка Антон Петров приговорен к смертной казни и был тут же, в селе Бездне расстрелян (19-го апреля). Крестьянам же некоторых соседних деревень, не поддавшимся подстрекательствам бездненского народного трибуна и предупредившим даже начальство о его попытках, объявлена была Высочайшая благодарность.

Подобные же столкновения произошли еще в некоторых пунктах Симбирской и Пензенской губерний. Самое упорное сопротивление оказали крестьяне в имении графа Уварова, Чембарского уезда, где выстрелами пехоты убиты 3 крестьянина и ранены 4. В имении Веригина крестьяне разграбили помещичий дом и едва не убили священника. Командированный в Пензенскую губернию генерал-майор свиты Дренякин прибыл 14-го апреля в имение графа Уварова на пятый день происходивших там беспорядков, с двумя батальонами пехоты (Казанского и Тарутинского полков). Появление этой силы заставило крестьян смириться и сознаться, что они были возбуждены превратным толкованием

Манифеста священником села Студенки. Но генералу Дренякину не посчастливилось кончить дело столь же благополучно в другом имении, помещика Волкова, селе Кандеевке[42], в Керенском уезде. Здесь крестьяне были взволнованы одним раскольником секты молоканов. Генерал Дренякин прибыл туда 16-го апреля, с тремя ротами; крестьян собралось до 10 тысяч человек; в толпе раздавались крики: «воля, воля». Дошло дело до оружия; сделанными тремя залпами убито 8 человек и ранено до 26; но толпа все-таки упорствовала и оставалась в сборе. Тогда генерал Дренякин приказал войскам двинуться на толпу так, чтобы некоторую часть отделить от остальной массы, – что и было исполнено: около 400 человек было оторвано от толпы. Однако ж и эта небольшая часть не смирилась, а заявила, что готова на смерть. Дренякин велел вытаскивать этих несчастных из толпы по одиночке и сечь. Расправа эта продолжалась несколько дней, до 25-го апреля. Крестьяне смирились.

Были отдельные случаи призыва войск и в других губерниях, как, например, во Владимирской, в имении Нарышкиной; в нескольких селениях Симбирской и проч.; но во всех этих местах крестьяне смирялись при первом же появлении войск. Само Министерство внутренних дел в официальном повествовании обо всех этих случаях замечало, что они большею частию ограничивались одними недоразумениями, в которые крестьяне были вначале введены превратными толкованиями Положения людьми невежественными и злонамеренными. Но не странно ли, что в числе всевозможных мер, которые с такою заботливостию принимались правительством из опасения беспорядков между крестьянами по объявлении им свободы, не подумали прежде всего о надлежащем им разъяснении смысла нового закона[43]. Только в циркуляре 8-го мая министр внутренних дел поручал местным начальствам разъяснять крестьянам недоразумение, в которое они впадают, полагая, что Положением 19-го февраля сразу прекращена издельная повинность.

Более всего способствовал прекращению означенных прискорбных недоразумений удачный выбор личностей на должность «мировых посредников». Везде, где эти лица оказались разумными, беспристрастными и заботливыми об интересах крестьян, новые Положения были введены в полном порядке, и с мая месяца уже устроилось крестьянское самоуправление[44]. В официальных известиях, опубликованных Министерством внутренних дел в конце июня, уже заявлялось, что дело вообще пошло на лад. Открытие

сельских и волостных управлений везде сопровождалось молебнами и торжествами. В некоторых волостях заявлялось самими крестьянами желание учредить школы.

Таким образом введение в действие Положения 19-го февраля 1861 года в самом начале подавало самые светлые надежды на будущее. Но **освобождение** крестьянства от крепостной зависимости, то есть отмена собственно крепостного права, было только первым, хотя и самым важным шагом к устройству крестьянского сословия. Для полного осуществления намерений Царя-Освободителя предстояло еще выработать последовательно целый ряд законодательных мер. Отмена крепостного состояния вызывала преобразования во всех инстанциях местного управления и вообще пересмотр значительной части нашего законодательства. От того направления, которое предстояло дать всем этим работам, зависела вся будущность России.

К крайнему прискорбию, возбужденные счастливым началом крестьянского дела светлые надежды – не осуществились. Великое это дело было немедленно же вырвано из тех рук, которые потрудились над ним с любовью и преданностью[45]; оно перешло к таким личностям, которые, не сочувствуя делу, приложили все старания к тому, чтобы исказить его и умалить практические его последствия.

БЕСПОРЯДКИ В ВАРШАВЕ ФЕВРАЛЬ-АПРЕЛЬ

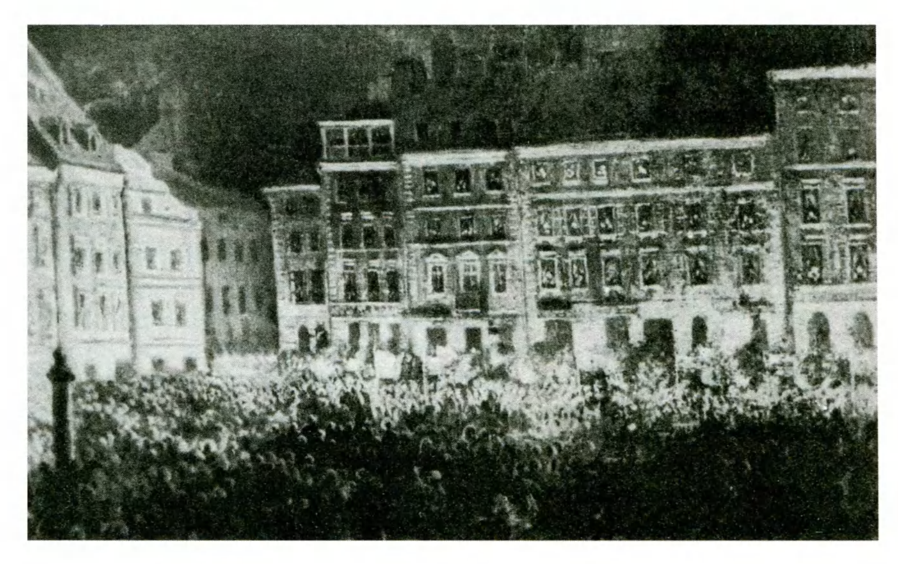
Принятое Варшавским земледельческим обществом, в заседании 8-го (20) февраля, решение относительно положения крестьян в Царстве Польском было первым шагом выполнения общего плана, предначертанного польскими вожаками революции. План этот был раскрыт только несколько лет спустя (в конце 1863 г.), когда при обыске дома графа Замойского найден был, вместе со складом оружия, военных снарядов и секретной переписки, один весьма любопытный документ, помеченный 1-ым числом марта 1861 года (нов. ст.)*. Документ этот, очевидно, хранился в большой тайне; он был написан таким мелким шрифтом, что казался с первого взгляда просто разлинованным лис-

* Документ этот приписывался Мерославскому, что однако же кажется мне сомнительным.

том. В нем изложена была подробная программа всех последующих действий польского мятежа, и потому считаю нелишним привести здесь сущность этого документа.

В числе первых мер для подготовления народа к мятежу указывалось именно на ту, которая была уже совершена постановлением 8-го (20) февраля Земледельческого общества. В плане прямо заявлялось, что польское шляхетство должно взять само почин в крестьянском деле, дабы привлечь к себе крестьян и не допустить вмешательства русского правительства в этот вопрос. Далее предлагалось отправить в Петербург депутацию, не от одного Царства Польского («конгресувки»), но также и от других частей прежней Речи Посполитой, то есть Литвы и Украины, с требованием утверждения постановленного Варшавским земледельческим обществом решения. Отказ русского правительства дал бы оружие для возбуждения против него озлобления в народе, а если б паче чаяния оно изъявило согласие, то и в таком случае следовало продолжать агитацию в народе, распространяя толки, что Царь был вынужден из страха подчиниться решению польских патриотов. Во всяком случае план революционеров предлагал всеми мерами подрывать в народе доверие к правительству и вместе с тем поддерживать в Европе сочувствие к польскому движению беспрестанными газетными известиями, хотя бы даже и вымышленными (sic). «Надобно убедить свет, – говорилось в программе, – что никто, кроме поляков, не может одолеть царизм; следует докучать английскому и французскому правительствам, посылая им из Варшавы подложные жалобы, как будто оставленные в Петербурге без уважения...» Относительно посылки депутаций в Париж и Лондон программа высказывалась в таком смысле: «Депутации эти сначала ничего не добьются; но это не должно охлаждать их рвение, ибо главная наша цель – заставить эти правительства скомпрометировать себя пред Россией, а нам иметь повод жаловаться пред светом на их равнодушие к нашему делу. Это совет людей, хорошо знакомых с тюльерийскою политикой, и подтверждением ему служит пример итальянцев, которые в течение нескольких лет, надоедая своим патриотизмом, преодолели все затруднения дипломатии и убедили императора французов сделать то, чего он никогда не хотел и о чем никогда не помышлял, то есть – оказать помощь освобождению Италии...»

Что касается до внутренней работы в самой Польше, то программа категорически противилась преждевременному вооруженному восстанию, признавая необходимым сперва подготовить

Манифестация в Варшаве 25 февраля 1861 г.

Казаки разгоняют манифестацию в Варшаве

почву как в самом Царстве, так и в западных губерниях Империи, подкапывая постепенно русскую власть, возбуждая повсюду неудовольствие и смуты. В особенности советовалось мутить учащуюся молодежь. «Пусть нетерпеливый патриотизм уразумеет, что такая деятельная подготовительная проволочка необходима, дабы склонить народ, особенно литовский, малорусский и галицийский, к прежнему доверию (?) и подчинению шляхте, от которой он отвык под влиянием долгой неволи московской и австрийской, а также и для того, чтобы запастись материальными средствами для вооружения; наконец, чтобы дождаться одного из двух: или войны внешней, или возмущения в России, а – даст Бог – того и другого вместе...» Переходя далее к периоду вооруженного восстания, автор программы указывал на образ действий тактических, на вооружение народа, на необходимость формирования за границей иностранного легиона, чему должно было способствовать явное сочувствие к польскому делу мадьяр, итальянцев и других. В одном месте приводимого документа было даже прямо упомянуто о состоявшемся уже «полном соглашении» между Мерославским, Гарибальди и Клапкой.

В виде post-scriptum упоминалось о недопущении в Польше ни насильственного набора рекрутов, ни конскрипции[46], хотя бы оказалось нужным для того открытое сопротивление.

Такова была программа польских революционеров, начертанная в начале 1861 года, но сделавшаяся нам известною только три года спустя, когда мятеж уже был укрощен. Дальнейший ход событий был точным выполнением этой программы, несмотря на продолжавшуюся непрерывно в среде поляков борьбу партий и раздоры между личностями.

В исполнение приведенной программы вожаки революции в Варшаве придумывали всякие предлоги, чтобы мутить народ уличными демонстрациями. Вслед за процессиею 8 (20) февраля задумано было в огромных размерах народное сборище на 12 (24) февраля, под предлогом годовщины Гроховского сражения[47], и на самом поле этого сражения; но варшавское начальство, узнав вовремя о готовившейся демонстрации, приняло свои меры; толпа, найдя место сбора занятым войсками, разошлась. На следующий день, 13 (25) числа, вновь назначен был сбор на «Старом месте», у церкви Паулинов, под предлогом панихиды по убитым в означенном сражении. После церковной службы процессия, с крестами, хоругвями, факелами и разными эмблематическими значками, в сопровождении массы народа, двинулась к намест-

никовскому замку, в котором в то время заседало Земледельческое общество. Полиция и жандармы преградили дорогу процессии, и тут произошло первое столкновение толпы с военною силой, – чего давно желали революционеры. Процессия возвратилась в церковь, а толпа была рассеяна, причем дело обошлось без кровопролития. Тем не менее это столкновение послужило предлогом для наложения общего траура и назначения вновь торжественной панихиды на 15 (27) число, в том самом кармелитском монастыре, где в прошлом ноябре была отпразднована годовщина революции 1830 года: вожаки польской смуты, верные своей программе, искали всяких предлогов, чтобы придать демонстрациям характер религиозный. Во время церковной службы присутствовавшим раздавались портреты одного из вожаков гнусной резни 1794 года, башмачника Килинского. С панихиды опять двинулась процессия по улицам к замку, в сопровождении большой толпы. Подходя к площади замка, она была встречена двумя сотнями линейных (кавказских) казаков, за которыми стоял у замка батальон пехоты. Несмотря на принятые военные меры, процессия продолжала двигаться через площадь с пением молитв и вышла на Краковское предместье. В то время, как она проходила мимо бернардинского монастыря, выносили оттуда покойника, и обе процессии слились в одну массу, в узком месте улицы. Тут произошло столкновение, оставшееся не вполне разъясненным. Известно только, что появление роты Низовского пехотного полка, приведенной самим генерал-лейтенантом Заболоцким (дежурным генералом армии), произвело страшную суматоху, что из толпы начали бросать в роту камни и что по распоряжению генерала Заболоцкого произведен был ротою залп, которым убито 5 человек и ранено 6.

Прискорбный этот случай пришелся как нельзя более на руку вожакам смуты. Первая пролитая кровь дала им новое средство, чтобы подогреть в народе раздражение против русских властей. Убитые и раненые были провозглашены мучениками за народное польское дело; к тому же пущен был слух, будто бы несенный в процессии крест был порублен казаками, тогда как последние даже и не обнажали своих шашек. К наместнику явилась депутация от обывателей с просьбой о разрешении торжественно похоронить убитых. Князь М.Д. Горчаков, совершено растерянный и смущенный, имел слабость дать просимое разрешение, возложив притом на самих депутатов ответственность за соблюдение порядка во время церемонии. Таким образом представился повод к

новой манифестации, назначенной на 18-е число (2-е марта нов. ст.), да к тому же, под предлогом возложенной самим наместником на представителей народа обязанности охранения порядка, представился удобный случай образовать открыто нечто вроде обывательской стражи из всякого сброда людей, преимущественно уже из молодежи. Мальчишки, принявшие на себя обязанности полиции, начали распоряжаться в городе с развязностью и нахальством. Демонстрация 18-го февраля совершилась в грандиозных размерах; в процессии беспрепятственно появились на глазах русских властей разные революционные и национальные эмблемы, распевались политические гимны, а на могилах произнесены самые яростные, возмутительные речи. Наместник, довольный тем, что день прошел благополучно, без нового столкновения, и видя бессилие городской полиции, поддался до такой степени коварным внушениям графа Андрея Замойского, что согласился на учреждение особой комиссии, из представителей городского населения, для заведывания порядком и спокойствием в городе. Комиссия эта, под названием «делегация», была образована под председательством генерал-майора маркиза Паулучи, состоявшего в числе генералов для поручения при главнокомандующем I-ой армии. Хотя он был наполовину поляк и человек весьма двусмысленного направления, однако ж на него возложено было председательство в следственной комиссии по политическим делам. Трудно придумать более неудачный выбор. 21-го февраля (5 марта) маркиз Паулучи открыл формально заседание делегации, состоявшей из 24 представителей разных слоев городского населения: тут были и крупные домовладельцы, банкиры, торговцы, ремесленники. В числе последних состоял сапожник Гишпанский, выказавший особенный задор в бывших уличных демонстрациях. Был также и раввин, Мейгельс, как представитель еврейского населения, в среде которого он пользовался большим авторитетом. Вожаки революции очень заискивали в евреях и старались привлечь их на свою сторону, окрестив их замысловатым наименованием: «поляков Моисеева закона». Случалось, что евреи участвовали даже в церковных процессиях.

«Делегация» собиралась в ратуше и, постепенно распространяя свое вмешательство во все дела, забрала в свои руки все городское управление. Она имела свою стражу, своих агентов и почти парализовала действия законных властей. Кроме официальных заседаний, делегация имела особое совещание в купеческом клубе (на Сенаторской улице); здесь втайне вырабатывались вся-

кие козни и предательские замыслы. Городское население смотрело на делегацию как на свой орган управления, и каждый вечер собирались толпы на Сенаторской улице, в надежде услышать радостную весть, если не провозглашение независимости Польши, то по крайней мере конституции. Вожаки поддерживали в народе подобные надежды, зная, конечно, их несбыточность; чем заманчивее иллюзии, тем досаднее разочарование.

Еще 16-го февраля, то есть на другой день после столкновения народа с войсками, явилась к наместнику депутация из трех лиц, с варшавским архиепископом Фиалковским во главе. Депутация передала князю Горчакову прошение или адрес на имя Государя, для представления Его Величеству; в прошении выражались, хотя и в почтительных формах, сетования всего польского народа о лишении его национальности и тех политических прав, которыми пользуются другие цивилизованные народы европейские; высказывалась мысль, что одни меры принудительные и насильственные только усиливают раздражение в народе; в заключение высказывалось требование восстановления в Польше (без упоминания однако же в каких пределах) национальной ее самобытности в смысле религии, законодательства, просвещения и всего социального строя.

Наместник принял этот дерзкий адрес и препроводил его в Петербург. Это было в то самое время, когда у нас все помыслы были заняты приготовлениями к обнародованию Манифеста об освобождении крестьян. Известия из Варшавы отравляли настроения той части общества, которая с восторгом ожидала великой реформы. Государь был весьма озабочен ходом дела в Польше и крайне недоволен выказанною наместником чрезмерною слабостью; но берег заслуженного старика и ограничивался негласными ему внушениями – действовать с твердостью для поддержания порядка и авторитета законной власти. Однако ж, по получении представленного князем Горчаковым адреса от имени варшавского населения, сам Государь выказал колебание и нерешимость. По совещании с некоторыми из министров положено, согласно с мнением министра иностранных дел, не принимать крутых мер, а продолжать действовать в смысле примирительном, то есть вводить постепенно в административном устройстве Царства Польского такие изменения, которые, не ослабляя политической его связи с Империей, дали бы управлению его возможную автономию. Подобною уступкою национальным желаниям польского народа надеялись тогда успокоить волнения и вместе с тем обезоружить

общественное мнение в Европе, сильно возбужденное против России и в пользу поляков.

Вследствие такого решения, дан был ответ на адрес варшавских жителей[48] в форме следующего Высочайшего рескрипта на имя наместника князя М.Д. Горчакова от 25-го февраля (9 марта):

«Я читал прошение, вами ко Мне препровожденное. Оно могло бы быть оставлено без внимания, как мнение нескольких лиц, которые под предлогом возбужденных на улицах беспорядков присваивают себе право осуждать произвольно весь ход государственного управления в Царстве Польском. Но Я готов видеть во всем этом одно лишь увлечение.

Все заботы Мои посвящены делу важных преобразований, вызываемых в Моей Империи ходом времени и развитием общественных интересов. Те же самые попечения распространяются безраздельно и на подданных Моих в Царстве Польском. Ко всему, что может упрочить его благосостояние, Я никогда не был и не буду равнодушен.

Я уже на деле доказал им Мое искреннее желание распространить и на них благотворные действия улучшений истинно полезных, существенных и постепенных. Неизменны пребудут во Мне таковые желания и намерения, и потому Я вправе ожидать, что попечения Мои не будут затрудняемы, ни ослабляемы требованиями несвоевременными или преувеличенными и несовместимыми с настоящими пользами Моих подданных. Я исполню все Мои обязанности; но ни в каком случае не потерплю нарушений общественного порядка. На таком основании созидать что-либо невозможно. Всякое начало, порожденное подобными стремлениями, произносит самому себе осуждение. Я не допущу до того; не допущу никакого вредного направления, могущего затруднить или замедлить постепенное, правильное развитие и преуспеяние благосостояния сего края, которое будет везде и постоянно целью Моих желаний и попечений».

Сама редакция этого рескрипта наглядно показывает, что это перевод (и притом плохой) с французского подлинника и что этот документ был сочинен не столько в ответ полякам, сколько для Европы. И действительно, вслед за отправлением рескрипта в Варшаву копии с него были разосланы, при циркуляре князя Ал<ександра> Мих<айловича> Горчакова от 8 (20) марта[49], ко всем представителям России при иностранных дворах, и вместе с тем препровожден им последовавший 14 (26) марта Указ о ре-

К.К. Ламберт

формах в управлении Царства Польского[50]. Реформы эти заключались в учреждении Государственного Совета Царства с упразднением существовавшего Общего Собрания варшавских департаментов Сената; в учреждении советов губернских, уездных и городских (муниципальных), образуемых на избирательном начале; наконец, в учреждении особой Правительственной комиссии для заведования делами духовными и народного просвещения. В циркуляре министра иностранных дел было заявлено, что даруемые Царству новые учреждения составляют лишь первый шаг в

плане предположенных реформ и что дальнейшее развитие их будет зависеть от того, насколько поляки сумеют оправдать доверие Его Величества*.

Указ 14 (26) марта представлял немаловажные для первого раза уступки со стороны русского правительства: это было начало восстановления существовавшей до революции 1830 года автономной администрации Царства и, следовательно, обратное движение против той политики, которой русское правительство держалось с 1831 года. Но не того ожидали и требовали поляки, им нужна была конституционная, самостоятельная Польша, в пределах 1772 года. В Варшаве ожидали с нетерпением ответа из Петербурга на представленный адрес и были уверены в торжестве польского дела. Зато 2 (14) марта, когда в варшавской газете опубликован был Высочайший рескрипт 25-го февраля (9 марта), разочарование было полное. На улицах варшавских возобновились всякого рода насилия и безобразия; опять началось пение патриотических гимнов; учащаяся молодежь перестала посещать уроки, буйствовала; в домах, занятых лицами, не сочувствовавшими польскому движению, выбивали стекла и задавали «кошачьи концерты». Полиция потворствовала беспорядкам; русские офицеры и чиновники не смели показываться на улице, а русским солдатам запрещено было выходить из казарм.

4 (16) марта в варшавских газетах появилось от имени наместника воззвание, убеждавшее жителей избегать уличных сборищ и манифестаций, дабы не вынудить власти прибегнуть к вооруженной силе. Угроза эта вызвала протест со стороны делегации. Князь Горчаков убедился, наконец, что учреждение это было большою ошибкою; вместо того, чтобы облегчать городским властям поддержание порядка и спокойствия, как ожидалось, делегация, с маркизом Паулучи во главе, сделалась сама источником смут и затрудняла на каждом шагу действия властей. Однако ж наместник все еще не решался упразднить это безобразное учреждение: он ограничился на первый раз (13 (25) марта) только сокращением состава делегации до 8 членов (вместо прежних 24-х) и переименованием ее во «временный обывательский отдел магистрата». В этом виде она просуществовала еще десяток дней (до 23-го марта).

---

* Впоследствии поляки указывали на циркуляр князя А.М. Горчакова в доказательство того, что само русское правительство признавало устройство Царства Польского вопросом общеевропейским, а не домашним своим делом.

Высочайший Указ 14 (26) марта о реформах в управлении Царства был объявлен в Варшаве 21-го марта (2-го апреля) воззванием наместника к населению. Князь Горчаков убеждал поляков воздерживаться от всякого нарушения общественного порядка и спокойствия, дабы возможно было осуществить дарованные Польше новые учреждения. С того же времени приступлено к введению этих учреждений, и последовали назначения на разные должности. Все назначенные лица были природные поляки. Главным директором Правительственной комиссии внутренних дел, на место тайного советника Павла Александровича Муханова, назначен генерал-майор свиты Гечевич, служивший большею частью в русских войсках и в военных должностях в Петербурге, но остававшийся в душе поляком. Под его председательством образована временная комиссия из нескольких крупных помещиков для приготовительных мер к открытию новых советов губернских и уездных; также приглашены были некоторые из влиятельных лиц городского населения для соглашения с ними относительно образования варшавского городского совета или магистрата.

Главным директором вновь учрежденной Правительственной комиссии духовных дел и народного просвещения назначено было лицо, которому предстояло играть видную роль в последовавших событиях, – граф Александр Велепольский маркиз Гонзаго-Мышковский. Это был один из крупных представителей польской аристократии, человек твердого характера и самостоятельного направления. В польской революции 1830–1831 года он участвовал сначала в качестве дипломатического агента, а потом в должности товарища министра внутренних дел революционного правительства. По усмирении восстания, оставшись в своих поместиях, маркиз Велепольский предался всецело своим частным хозяйственным делам и ведению бесконечных тяжб. Он держался в стороне от всех политических партий и ко всем относился с высокомерием и надменностью. Собственная же его политическая программа заключалась в том, чтобы Польша, не домогаясь полного отделения от России, старалась получить лишь самостоятельные и национальные свои учреждения. Подобная программа не противуречила тогдашним видам русского правительства; очень вероятно, что Велепольскому, с его настойчивостью и систематичностью, удалось бы вполне осуществить его идеал; но на беду Польше и к счастью России Велепольский не имел много сторонников и приверженцев; он стоял почти одиноко, преследуемый злобою и «белых», и «красных», равно враждебных всякому сближению с Россией.

Первым шагом Велепольского по вступлении его в должность было распоряжение, чтобы во всех костелах с амвона было объявлено народу о твердости желаний правительства осуществить соглашение между помещиками и крестьянами относительно чинша (переложения барщины на оброк). Таким объявлением Велепольский имел в виду парализовать влияние Земледельческого общества, сохраняя однако ж за помещиками участие в устройстве крестьянского населения*. При официальном приеме духовенства Велепольский произнес речь, в которой выразил весьма явственно свою программу – действовать легальным путем и не допускать посрамления церкви и духовенства участием в незаконных и противуправительственных манифестациях. Заявления эти крайне не понравились слушателям. Велепольский получил от викарного епископа Декерта письмо, в котором духовенство с дерзкою откровенностью признавалось в своих противуправительственных стремлениях. Что же сделал Велепольский? Он пропечатал полученное письмо в газетах, присовокупив, что викарный епископ Декерт, которому оно приписывалось, не признал себя автором этого письма. С еврейским же духовенством Велепольский обошелся весьма любезно и обнадежил его своим покровительством.

Маркиз Велепольский сразу приобрел полное доверие наместника и большое влияние на дела. Вскоре на него же было возложено и заведование Правительственною комиссией юстиции (вместо вышедшего в отставку сенатора Држевецкого). По совету Велепольского последовали распоряжения наместника: 23-го марта – об упразднении городской или обывательской делегации при Магистрате, а 25-го марта – о закрытии Земледельческого общества. В указе наместника по этому последнему распоряжению было выражено, что общество, учрежденное собственно в видах поощрения и развития сельского хозяйства в крае, приняло характер резко политический, несовместимый с целью его существования.

Закрытие Земледельческого общества было таким ударом для партии «белых», что можно было ожидать немедленного возобновления политических демонстраций. На другой же день этого

---

* Вопрос о замене барщины оброком (чиншем) разрешен Указом 4 (16) мая, причем, в отличие от фиктивного решения Земледельческим обществом, положительно определены были как оклады, на которых основывалось переложение, так и срок приведения этой меры в исполнение. Срок этот был назначен 1-го октября того же 1861 г. (нов. ст.).

А. Велепольский

распоряжения, 26-го марта, толпы народа собрались пред домом, занятым упраздненным обществом, и произвели восторженные овации графу Андрею Замойскому, а затем устремились к наместниковскому замку. Князь Горчаков решился выйти на балкон; но был встречен бранью и насмешками. Приказано было вывести войска, но толпа сама разошлась.

На другой день, 27-го марта, повторилась демонстрация еще в больших размерах. После обычного пения патриотических гимнов перед изваянием Богородицы толпы народа опять устремились по разным улицам к Сигизмундовской площади. Выведены

были сперва полицейские, жандармы и казаки. Несколько раз повторены были, с барабанным боем, увещания, чтобы толпа разошлась; но ответом были свистки, насмешки и крики. Жандармы и казаки пробовали оттеснить толпу, не обнажая оружия, но в то время, как одни кучки отходили, другие, более многочисленные массы народа, нахлынули по разным улицам. Выведена была и пехота. Между тем в некоторых соседних улицах (Подвальной и Сенаторской) толпа начала уже устраивать баррикады. Тогда пехоте приказано было открыть огонь, и скопище мятежников рассеялось. Жертвою этого столкновения были 10 убитых и до 100 раненых; на этот раз тела убитых уже не были выданы, а погребены безгласно, в цитадели. В войсках было также 5 убитых и 10 раненых. Арестовано было до 70 участников беспорядка, наиболее выказавших буйства и дерзости.

С этого времени варшавские власти начали принимать более действенные меры для противудействия уличным беспорядкам: на городских площадях расположены части войск во временных бараках; обнародованы постановленные Советом Царства правила для действий полиции и войск в случае уличных сборищ; определены наказания за ослушание распоряжениям полиции; запрещено ходить по улицам с дубинами, носить траур и всякие знаки польской национальности: как-то кунтуши, чемарки, конфедератки; наконец предприняты были некоторые работы с целью занять рабочие руки и отвлечь массу от участия в сборищах. Но все эти меры и распоряжения все-таки оказывались без действия, благодаря тому, что сама полиция, состоявшая из тех же поляков, бездействовала или даже потворствовала беспорядкам. Толпа глумилась над строгими объявлениями городского начальства; ношение траура и национальных костюмов не прекращалось; народ продолжал почти ежедневно стекаться в костелы для пения запрещенных патриотических гимнов. Сам архиепископ варшавский Фиалковский отказался от исполнения распоряжения маркиза Велепольского относительно прекращения такой профанации храмов Божьих. И даже энергия маркиза не в силах была побороть упорную враждебность духовенства. Ксендзы и монахи были едва ли не самыми деятельными участниками всех народных демонстраций, которым они придавали религиозный характер и тем фанатизировали толпу. Велепольский воздержался от открытого разрыва с этою могущественною силой, опасаясь довести дело до вооруженного восстания, которое совершенно ниспровергло бы задуманный им план реформ. Маркиз без того уже

Похороны пятерых погибших в Варшаве 2 марта 1861 г.

Разгон польских демонстрантов 8 апреля 1861 г.

навлек на себя такую ненависть, что в анонимных письмах ему угрожали смертью. Он не мог иначе показываться на улицах, как под охраною конвоя.

Военные меры, к которым вынужден был наконец прибегнуть наместник, вызвали страшную бурю в заграничной печати, особенно в польских газетах. Значение случившихся уличных столкновений было раздуто; число павших жертв чрезвычайно преувеличено; известия были переполнены ложью и небылицами, как, например, что Варшава была предана на разграбление, что наложена на город страшная контрибуция и т.д. Придумали, будто русские власти сами вызывают столкновения, дабы иметь предлог взять назад только что дарованные Царству Польскому новые учреждения. Толки эти вызвали официальные опровержения в «Journal de St Pétersbourg», в котором было высказано, что невзирая на беспорядки, возбуждаемые в варшавском населении злонамеренными людьми, русское правительство продолжает твердо следовать по намеченному им пути к развитию и усовершенствованию государственного устройства Царства Польского; но не потерпит анархии.

Заявление петербургского кабинета о предпринятых реформах произвело на первых порах довольно благоприятное впечатление на европейскую дипломатию. Во французском официальном «Монитере» от 11 (23) апреля появилась заметка в таком смысле: «Изъявления участия к Польше оказали бы плохую услугу нации, если б ввели общественное мнение в заблуждение, подав повод к предположению, что император (т.е. Наполеон III) поощряет надежды, которых он не мог бы осуществить. Великодушный образ действий русского Монарха служит несомненным ручательством намерения его произвести улучшения, возможные при настоящем положении Польши. Правительство желает, чтобы исполнению этого намерения не помешали манифестации, которые поставили бы достоинство и политические интересы Российской Империи в противуречье с благим расположением ее Государя...»

Заметка эта была вызвана неоднократными объяснениями нашего посла в Париже графа Киселева с французскими министрами и самим императором Наполеоном III по поводу оказываемого во Франции покровительства польским проискам и резких речей, произнесенных в сенате против России принцем Наполеоном (Жеромом), который в заседании 7 (19 марта) даже высказал с самоуверенностью, что император Наполеон непре-

менно окажет помощь полякам*. Наполеон III, желавший в это время поддерживать дружественные отношения с русским правительством, выразил неодобрение безрассудным речам своего cousin и счел нужным поправить неуместную его выходку приведенною заметкою «Монитера».

АПРЕЛЬ И ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА МАЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

Опасения и заботы, преобладавшие в петербургском официальном мире по поводу крестьянской реформы и варшавских беспорядков, несколько улеглись к концу марта, и восстановилось обычное течение дел.

К этому времени относится довольно важное распоряжение нашего правительства относительно Великого Княжества Финляндского. Страна эта, соединенная с Империей на особых основаниях[51], определенных дарованным ей самоуправлением, была лишена в продолжение более полувека пользования своим конституционным правом – собрания государственных чинов (или сейма); а потому законодательство Финляндии оставалось во все это время в полной неподвижности. Накопилось множество вопросов, требовавших настоятельно разрешения законодательным порядком, то есть через сейм. Император Александр II, со вступления своего на престол, предприняв обширные преобразования в Империи, не мог обречь одну Финляндию на застой в гражданской и экономической ее жизни; поднят был вопрос и о созыве финляндского сейма. Уже в 1859 году последовало предварительно Высочайшее повеление финляндскому сенату о представлении ведомости делам, требовавшим разрешения в законодательном порядке[52]. Повеление это возбудило во всей Финляндии радостное чувство; но генерал-губернатор финляндский генерал-адъютант Берг, находя опасным созывать сейм при тогдашних обстоятельствах и настроении умов, оттягивал по возможности приведение в исполнение желания Государя, а в начале 1861 года, по соглашению с министром-статс-секретарем финляндским графом Армфельдом, убедил Государя отложить предположенную меру до более благоприятного времени. Между тем оба они не

* «Soyez sûrs que l'Empereur fera quelque chose pour la Pologne!» Будьте уверены, что Император сделает что-нибудь для Польши! (*Пер. с фр.*)

могли не признавать крайней необходимости неотлагательного разрешения некоторых законодательных вопросов; а потому придумали, в виде компромисса, учредить особую комиссию из 48 выборных лиц, представителей всех четырех сословий, по 12 от каждого (дворянского, духовного, городского и сельского) для обсуждения приготовленных сенатом законопроектов. Высочайшим Указом 29-го марта (10 апреля) 1861 года повелено было собрать означенную комиссию в январе следующего 1862 г. в Гельсингфорсе, под председательством сенатора Грипенберга[53]. Цель комиссии была объяснена в указе таким образом:

«Хотя созвание Государственных чинов тотчас же по приуготовлении подлежащих дел более всего согласовалось бы с Нашим всегдашним сердечным желанием блага верноподданным финляндцам, однако другие, более важные государственные интересы, попечение о которых Провидением возложено на Нас как самый священный долг, – не позволяет Нам **в настоящее время** пользоваться сим правом, основными законами Финляндии Нам предоставленным».

Указ 29-го марта произвел в Финляндии сильное разочарование и неудовольствие. Собравшиеся в Гельсингфорсе влиятельные лица из разных частей края решили подать Государю адрес[54], в котором заявляли, что Финляндия предпочтет, чтобы созыв обещанного законодательного сейма был отложен до более удобного времени, чем допустить нарушение конституции учреждением предположенной комиссии. Таким образом придуманная графом Бергом и графом Армфельдом комбинация оказалась совершенно неудачною; вместо успокоения края она повела бы к раздражению и волнению. Тогда решено было дать делу другой оборот: 12 (24) апреля последовало, в форме Высочайшего рескрипта на имя председателя комиссии, разъяснение Указа 29-го марта в том смысле, что задачей этой комиссии должно быть только предварительное рассмотрение составленной сенатом ведомости делам, дабы отделить подлежащие внесению в сейм от тех, которые должны поступить непосредственно на Высочайшее утверждение[55]. «Члены комиссии – сказано было в рескрипте – должны свободно и откровенно высказать свои мнения по тем вопросам, которые могут быть разрешены не иначе, как узаконенным коренными законами путем, и представить **проекты** предложений подлежащих обсуждению Государственных чинов». В том же смысле появилось официальное разъяснение Указа 29-го марта в «Journal de St Pétersbourg».

Разъяснение это (или вернее поправка сознанной ошибки) успокоило финляндцев; но принятое Государем окончательное решение, вопреки мнению и настояниям графа Берга, было одним из поводов к оставлению им должности финляндского генерал-губернатора.

Еще до приведения в исполнение Положения 19-го февраля уже начали ходить слухи о предстоявших переменах в составе Министерства внутренних дел. Перемены эти ожидались на 17-е апреля – день рождения Государя; но в этом году 17-е число приходилось в понедельник Страстной недели, поэтому празднование дня рождения Государева было перенесено на 24-е апреля – второй день Пасхи; обычные же награды, производства, назначения – объявлены в самый день – Светлого Воскресения, то есть 23-го апреля.

Однако ж, в виде исключения, 17-го числа подписаны были Высочайшие рескрипты графу Панину, Ланскому и графу Блудову, с изъявлением им Монаршей благодарности и Высочайшего благоволения всем лицам, принимавшим участие в разработке Положения о крестьянах. Того же числа последовал Указ об учреждении медали в память этой великой реформы[56].

Всех лиц, входивших в состав Редакционных Комиссий, граф Панин представил к наградам. Несмотря на просьбы брата моего Николая и ближайших его сотрудников, князя В.А. Черкасского и Юр<ия> Фед<оровича> Самарина, о том, чтобы не включать их в представление, они, к величайшей досаде своей, получили соответствующие их рангам ордена. Первые двое не придали особенного значения полученным, вопреки их желанию, наградам; Самарин же не послушал совета своих друзей и возвратил графу Панину полученный орден, при письме, мастерски редактированном, но крайне удивившем как графа Панина, так и прочий чиновный люд, не постигавший, как можно обижаться получением награды. Как Черкасский, так и Самарин уехали из Петербурга немедленно по утверждении Положения и проживали сперва в Москве, а потом в своих имениях.

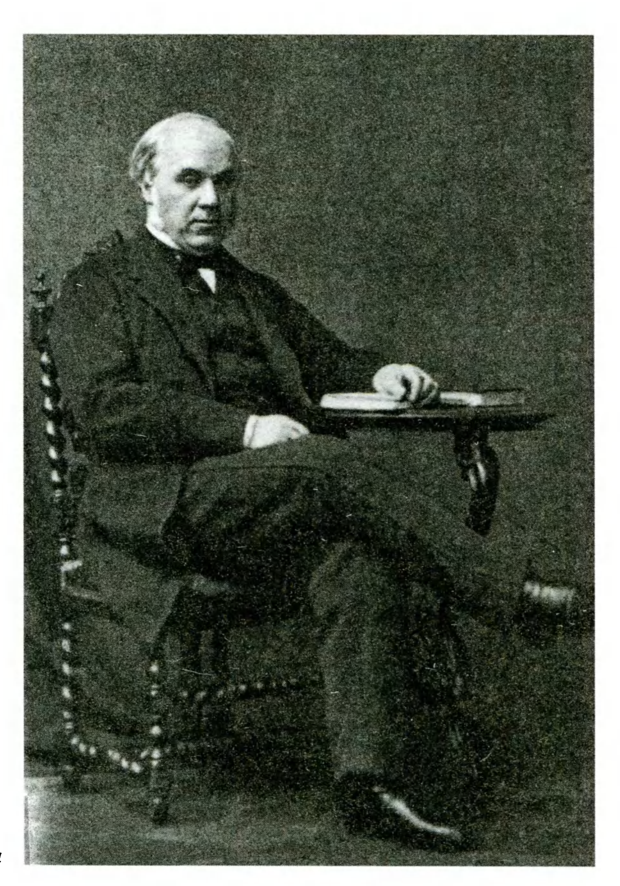
Брат мой, со свойственною ему чуткостью, предусматривал, что не ему суждено продолжать дело, к которому приложил он всю свою душу и все свои силы. Он предвидел, что и сам министр внутренних дел Ланской не удержится на своем месте; что дело крестьянское перейдет в новые руки. Поэтому он решил просить

увольнения в продолжительный отпуск за границу, для поправления своего здоровья. Великий Князь Константин Николаевич и Великая Княгиня Елена Павловна убеждали брата не покидать крестьянского дела и хлопотали, чтобы он был назначен министром, на место Ланского, которому тогда было уже 75 лет от роду. Но брат мой не обманывал себя на счет своего служебного положения. Если двумя годами раньше его выставляли в глазах Государя красным, демагогом, врагом дворянства; если тогда на его назначение товарищем министра последовало Высочайшее соизволение не иначе, как с титулом «временно исправляющего должность», – то могло ли быть вероятнее успеха его кандидатуры в министры после той роли, которую он играл в Редакционных Комиссиях, когда на него обрушились вся злоба и ненависть противников освобождения крестьян. Вскоре представилось тому и фактическое подтверждение: даже на представление Ланского об окончательном утверждении брата в должности товарища последовал со стороны Государя решительный отказ*. На прошение же брата об увольнении в продолжительный отпуск за границу состоялось 21-го апреля Высочайшее соизволение, с отчислением, конечно, от должности товарища, но с назначением сенатором и сохранением содержания.

Два дня спустя, в день Светлого Воскресения, и сам Ланской уволен от должности министра, причем получив графский титул и придворное звание обер-камергера. В Высочайшем рескрипте по этому случаю, как обыкновенно, прописаны были весьма красноречиво оказанные им заслуги и выражена была Монаршая благодарность. Вслед за тем Ланской также взял отпуск и уехал за границу.

Удаление Ланского и в особенности моего брата было неизбежным последствием той непрерывной интриги, которая велась противниками освобождения крестьян. Государь удерживался против течения, пока эти личности были необходимы для доведения крестьянского дела до конца; но раз, что цель была достигнута и новое Положение вошло в силу, Государь, по свойству своего характера, счел нужным смягчить неудовольствие, которое совершившаяся Великая реформа произвела на помещичье сословие, и примирить сколько возможно с новым Положением те личности, интересы которых были затронуты принятою

* Вопрос этот был поднят Ланским помимо моего брата и без его ведома.

Н.А. Милютин

государственною мерой. Для этого самое приведение в исполнение нового закона должно было быть вырвано из рук тех, которые навлекли на себя ненависть помещичьего сословия, и вверено таким личностям, которых нельзя было ни в каком случае заподозрить во враждебности к дворянству.

В этих-то видах преемником Ланского назначен был статс-секретарь Петр Александрович Валуев. Об этой личности мне придется упоминать часто в моих воспоминаниях, как об одном из видных действующих лиц в нашей официальной жизни. Поэтому следует здесь несколько очертить эту личность.

Служебная карьера П.А. Валуева началась с 1833 года (год и моего поступления на службу). Во время пребывания Высочайшего Двора в Москве из всей тогдашней московской молодежи,

которую Императору Николаю I случалось видеть на балах, особенное внимание его обратили на себя Валуев и Скарятин, о которых Государь отозвался как о молодых людях «образцовых». Оба они, по Высочайшему повелению, были определены на службу в I отделение Собственной Е.В. Канцелярии и, конечно, заняли видное место в петербургском высшем обществе. Но служба в означенном отделении не представляла пищи их честолюбию и желанию деятельности; поэтому при назначении генерал-адъютанта князя Александра Аркадьевича Суворова генерал-губернатором прибалтийских губерний Валуев охотно принял должность чиновника, состоящего при нем для поручений. Он отлично владел немецким языком и вообще обладал всеми свойствами, которые должны были сблизить его с немецкими баронами. Вскоре он был назначен губернатором в Митаву, а позже, по выбору министра государственных имуществ, Мих<аила> Ник<олаевича> Муравьева, занял место директора Второго департамента этого министерства. В этой должности оставался он до 1-го января 1861 года, когда последовало назначение его управляющим делами Комитета министров, вместо умершего статс-секретаря Акинфия Петровича Суковкина. Валуев был женат сначала на дочери известного нашего поэта князя П.А. Вяземского, овдовев, он вторично женился в Митаве на дочери тамошнего полицмейстера Вокульского. Валуев имел наружность внушительную: высокий рост, стройный стан, приятные черты лица; он отличался изящными формами, держал себя с большою важностью и был очень занят собой; особенно же старался блистать красноречием. Речь его всегда была вычурна, округлена, переплетена цитатами на разных языках; казалось, как будто он говорил не иначе, как подготовленными фразами. Как в речах, так и во всех приемах его неприятно выказывались искусственность и аффектация. В сущности это был человек с разносторонним образованием и европейскою культурой (чем отличался от большей части наших государственных людей), но с односторонним кругозором. Его воззрения, политические и государственные, всего ближе можно назвать аристократическим доктринерством. Сочувствовал он, например, английским учреждениям, порядкам в наших прибалтийских губерниях, и напротив того, претил ему русский демократизм. Наши русофилы и славянофилы, зная слабость П.А. Валуева к немцам, полякам и другим иноземцам, упрекали его в космополитизме. Аристократическая же или, точнее, помещичья партия имела полное основание рассчитывать на Валуева для осуществления

Великая Княгиня Елена Павловна

своих видов. Партия эта, не успев помешать осуществлению крестьянской реформы, старалась, по крайней мере, при самом введении в действие Положения 19-го февраля оградить сколько возможно свои интересы, затянуть составление «уставных грамот», замедлить выкуп крестьянами земельных наделов, замещать должности мировых посредников личностями, более расположенными угождать помещикам, чем блюсти выгоды крестьян и т.д.

Новый министр, при вступлении в должность, со свойственным ему красноречием и торжественностью, заявил свою программу действий. В отношении крестьянского дела он выразился в том смысле, что будет держаться буквально Положения 19-го февраля, но применяя его в духе примирительном. В личных отношениях с моим братом старался выказывать особенную любезность. Но действительное направление нового министра вскоре выказалось в выборе личностей на некоторые должности по министерству. Заметно давал он предпочтение лицам титулованным, принадлежащим к аристократическому кругу. Так по случаю назначения (в Светлое Воскресение) генерал-майора свиты графа Петра Андреевича Шувалова управляющим III отделением Собственной Е.В. Канцелярии и начальником штаба корпуса жандармов на его место директором Департамента общих дел назначен был его родной брат, флигель-адъютант граф Павел Андреевич Шувалов, бывший пред тем военным агентом в Париже и не имевший никакого случая приобрести какие-либо знания в делах гражданского управления. Место директора департамента перешло как бы по наследству от старшего брата к младшему. Места директора и вице-директора Департамента полиции исполнительной, взамен деловых чиновников – тайного советника Жданова и действительного статского советника Титова, заняли действительный статский советник граф Дмитрий Николаевич Толстой и надворный советник граф Конст<антин> Ив<анович> фон дер Пален (впоследствии достигший поста министра юстиции).

Брат мой Николай, сдав свою должность тайного советника Тройницкому, начал готовиться к отъезду со всею своею семьей за границу, на продолжительное время. 6-го мая он откланялся Государю, который обошелся с ним весьма благосклонно, благодарил за службу и несколько раз обнимал его. Друзья, сослуживцы и почитатели брата дали ему прощальный обед, в котором приняли участие до 80 человек; при этом было высказано

П.А. Валуев

ему много задушевного сочувствия, много лестного для минувшей его деятельности. Конечно, ему грустно было расстаться с делом, которому посвятил столько трудов и забот; еще грустнее было видеть, в чьи руки оно перешло и какое направление может быть ему дано при дальнейшем практическом осуществлении; но с другой стороны, после нескольких лет непрерывной работы, с постоянною борьбою против встречаемого противудействия, против интриги и клеветы, – ему необходим был некоторый отдых для восстановления утомленных сил физических и душевных[57]. Он рад был на некоторое время вырваться из душной атмосферы петербургской бюрократии и подышать свободным воздухом Западной Европы. Кроме того пребывание за границей могло принести пользу и для здоровья его жены и детей.

Выехав из Петербурга на Берлин, брат прибыл 18 (30) мая в Париж, где желал провести некоторое время с дядей своим графом Павлом Дмитриевичем Киселевым, очень любившим и ценившим его.

Кроме приведенных перемен в составе Министерства внутренних дел, в течение апреля произошли еще многие другие личные перемены, имевшие более или менее значение.

Вследствие варшавских происшествий должны были оставить свои должности дежурный генерал 1-ой армии генерал-лейтенант Заболоцкий и исправлявший должность варшавского оберполицмейстера полковник Трепов. Оба они уволены 2-го апреля: первый с назначением в число состоящих при военном министре, а второй – с производством в генерал-майоры и увольнением в отпуск за границу на один год для лечения. В тот же день последовало назначение генерал-майора Крыжановского (начальника Михайловского артиллерийского училища) помощником начальника главного штаба Первой армии генерал-адъютанта Коцебу, который, по расстроенному здоровью, также просил об увольнении от должности. Увольнение его состоялось 19-го апреля[*].

В числе объявленных в Светлое Воскресение многочисленных наград, пожалован орден Св. Андрея Первозванного графу Панину и генерал-адъютанту Чевкину[**]. В память заслуг, оказанных крестьянскому делу покойным Яковом Ивановичем Ростовцевым,

---

[*] Далее в автографе зачеркнуты два абзаца: «2-го же числа уволен от должности, за преклонностью лет и болезнью, командир 3-го армейского корпуса (входившего в состав Первой армии) генерал от кавалерии барон Карл Егорович Врангель. Место его занял другой барон Врангель, Карл Карлович, генерал-лейтенант, командовавший 4-м армейским корпусом, а на его место назначен начальник 7-й кавалерийской дивизии генерал-адъютант Безобразов, некогда подвизавшийся на Кавказе в звании командира боевого Нижегородского драгунского полка. Начальником же этой дивизии назначен командир Кавалергардского полка генерал-адъютант граф Бреверн де Лагарди.

16-го апреля, по случаю двадцатой годовщины свадьбы Их Величеств, бывшие в то время при Государе адъютантами граф Александр Владимирович Адлерберг и Паткуль произведены в генерал-лейтенанты. Производством этим они обошли множество старших генерал-майоров, даже из числа генерал-адъютантов и генералов свиты». (*Прим. публ.*)

[**] Далее в автографе зачеркнуто: «и Св. Владимира 1-й степени государственному контролеру генерал-адъютанту Н.Н. Анненкову. Из числа лиц, принимавших деятельное участие в крестьянском деле, государственный секретарь тайный советник Вл<адимир> Петр<ович> Бутков получил только короткий и довольно сухой рескрипт». (*Прим. публ.*)

пожалован его вдове и потомству графский титул. Назначены члены Государственного Совета – московский военный генерал-губернатор генерал-адъютант П.А. Тучков, генерал-губернаторы: рижский генерал-адъютант князь А.А. Суворов и виленский генерал-адъютант В.И. Назимов, с оставлением в должностях; также назначен членом Государственного Совета и варшавский генерал-губернатор генерал-адъютант Панютин, но с увольнением от должности, исправление которой возложено на генерал-майора Крыжановского, сверх исправления должности начальника главного штаба Первой армии.

Генерал-адъютант граф Александр Влад<имирович> Адлерберг заместил своего отца графа Владимира Федоровича в должности командующего Императорскою Главною Квартирой.

Начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III-м отделением Собственной Е.В. Канцелярии генерал-адъютант А.Е. Тимашев, один из озлобленных противников освобождения крестьян, выразил свое неудовольствие оставлением своей должности; он был уволен в бессрочный отпуск и уехал за границу. Место его занял, как уже упомянуто, генерал-майор свиты граф Петр Андр<еевич> Шувалов, также не отличавшийся сочувствием к произведенной реформе, но человек более гибкий и менее желчный, чем Тимашев. Назначение графа Шувалова было, конечно, приятною новостью для помещичьей и аристократической партии.

Наконец, произошли перемены и в личном составе управления Кавказской армии. По ходатайству фельдмаршала князя Барятинского генерал-лейтенант Филипсон назначен членом Военного Совета, а на место его начальником главного штаба армии назначен А.П. Карцов, с производством в генерал-лейтенанты. Вместо прежних моих сотрудников генерал-майоров Карлгофа и Ольшевского назначены генерал-квартирмейстером генерал-майор Зотов, а дежурным генералом – полковник Лимановский.

В приведенном перечне пасхальных новостей упоминаю преимущественно о тех личностях, с которыми в последующем моем рассказе придется встречаться не раз.

На Фоминой неделе происходил обычный «майский парад» войскам гвардии, на Марсовом поле (или Царицынском лугу), а вслед за тем Царское семейство переселилось из Петербурга в Царское Село.

В это время в городе распространились тревожные известия о положении князя Алексея Федоровича Орлова. Болезненный недуг его делал быстро успехи, а 9-го мая он скончался. Погребение происходило 12-го числа, со всеми подобающими почестями. Государь, почти все члены Императорской фамилии, весь высший чиновный персонал собрались на вынос тела из дома (находившегося на Мойке, между Полицейским и Красным мостами) и присутствовали при отпевании в полковой церкви конной гвардии, в которой он и погребен.

В самый день погребения сын покойного, князь Николай Алексеевич Орлов, занимавший пост посланника в Брюсселе, назначен генерал-адъютантом.

О личности князя Алексея Федоровича Орлова я не стану распространяться; он так известен, что едва ли я мог бы сказать что-нибудь новое, тем более, что мне и не приходилось никогда быть с ним в личных отношениях.

Но здесь я должен приостановить свой рассказ и возвратиться несколько назад, чтобы объяснить собственное свое личное положение в описываемое время.

С самого приезда в Петербург, как уже я говорил, служебное мое положение было совершенно ненормальное, не соответствовавшее прямым постановлениям о должности товарища военного министра. Почти устраненный от дел министерства, я оставался лишь безучастным слушателем ежедневных докладов генерала Сухозанета Государю. В первое время я молчал в том соображении, что быть может, мой ближайший начальник считал нужным, чтобы я предварительно ознакомился с делами министерства и что по прошествии известного времени установятся надлежащий порядок занятий и законные отношения. Притом я не считал уместным поднимать личный о себе вопрос, пока в высших правительственных сферах продолжалось тревожное настроение по поводу крестьянского вопроса и варшавских смут. Таким образом я переносил свое неловкое положение более четырех месяцев; но когда наконец, в исходе марта, суматоха успокоилась и дела приняли обычное свое течение, я решился объясниться с генералом Сухозанетом. Ничего другого не домогался я как законной обязательной для меня деятельности в управлении министерством. Генерал Сухозанет не мог, конечно, не признать такое требование вполне основательным и отдал немедленно приказа-

ние, чтобы все доклады по хозяйственным департаментам присылались сначала ко мне, а потом уже от меня пересылались к нему; но при этом подтвердил, что все-таки, интересуясь всеми подробностями дела, желает, чтобы ничто не шло помимо его.

Сначала я принял было не в шутку это новое распоряжение министра и начал заниматься делами серьезно; но скоро увидел, что переменилась одна только формальная процедура, порядок пересылки бумаг, в сущности же мне предоставлялось столь же мало влияния на дела, как и прежде. Очевидно было, что министр более доверял директору канцелярии генералу Лихачеву, чем мне; наши взгляды были совершенно различны. Особенно часто расходились мы в вопросах по Кавказской армии. Генерал Сухозанет, озабоченный исключительно требованиями Финансового комитета о сокращении расходов, налегал на уменьшение их на Кавказе и для того настаивал на немедленном возвращении во внутренний район временно командированных на Кавказ 18-й пехотной и Кавказской резервной дивизий, с приведением их на мирное положение. При докладах министра Государю по этому предмету я позволял себе оспаривать мнение генерала Сухозанета и даже представил записку, в которой доказывал цифрами, что от возвращения означенных дивизий непосредственного сбережения в расходах вовсе не будет, а между тем уменьшение войск на Кавказе неизбежно отзовется на ходе военных действий и снова придется отказаться от надежды на скорый конец войны. Доводы мои имели успех; Государь решил оставить дивизии на Кавказе еще на год, согласно настоятельным просьбам фельдмаршала князя Барятинского.

Смета кавказская также была поводом к разномыслию. Военный министр преимущественно по этому предмету обращался ко мне, как более знакомому с местными условиями Кавказа, чем все те лица, которые в Петербурге судили и рядили кавказские дела. Я предложил генералу Сухозанету вызвать в Петербург самого генерал-интенданта кавказского генерал-майора Колосовского, для личного разъяснения возбужденных сомнений и недоразумений. Колосовский, как человек умный и ловкий, уладил все вопросы к общему удовольствию. Генерал Сухозанет должен был поддаться уму и бойкости кавказского генерал-интенданта; но продолжал считать меня адвокатом Кавказа.

Накануне 17-го апреля, вечером, Государь прислал за мною фельдъегеря. Крайне удивился я такому приглашению в неурочный час. Оказалось, что Его Величеству угодно было, чтобы в

приказе на следующий день внесено было назначение генерала Сухозанета шефом 2-й батареи 1-й резервной артиллерийской бригады, – той самой батареи, которою он некогда командовал. Государь желал, чтобы назначение это было сюрпризом для военного министра.

С переезда Государя в Царское Село я перестал присутствовать ежедневно при докладах генерала Сухозанета. Как и прежде, я мало принимал участия в делах, и меня начинала тревожить мысль, что Государь остается в заблуждении, считая меня деятельным и ответственным помощником министра. 4-го мая решился я написать к генералу Сухозанету письмо, в котором просил увольнения в отпуск за границу, на воды, с дозволением провести зиму в теплом климате. В тот же день вечером министр пригласил меня к себе для объяснения такой неожиданной просьбы. Я не скрыл от него, что не просил бы отпуска, если бы присутствие мое в Петербурге было сколько-нибудь полезно для службы, но что при полном моем бездействии служба ничего не потеряет, если я воспользуюсь свободным временем для отдыха и поправления здоровья своего и детей. На другой день, 5-го числа, просьба моя была доложена Государю, и я получил приказание в следующий понедельник, 8-го мая, приехать в Царское Село с докладом, вместо самого министра. Государь был чрезвычайно милостив и выразил положительную свою волю, чтобы я остался на своем месте, прибавив однако же, что в случае, если я действительно нуждаюсь в лечении заграничными водами, то отпустит меня не более, как на два летних месяца. После этих милостивых слов и после откровенного доклада о моем пассивном участии в делах, мне ничего другого не оставалось, как отказаться от своего намерения. Теперь совесть моя успокоилась; Государь уже выведен был из заблуждения, и меня не тяготила моральная ответственность перед Ним и перед общественным мнением.

Не прошло недели после моей поездки в Царское Село, как обстоятельства приняли вдруг совершенно неожиданный для меня оборот. 15-го мая получено было известие из Варшавы об отчаянной болезни наместника князя М.Д. Горчакова, и тогда же Государь решил, чтобы военный министр генерал Сухозанет немедленно отправился в Варшаву и вступил временно в управление Царством Польским и в командование Первою армией, на правах главнокомандующего и наместника. На время же отсутствия его управление Военным министерством возлагалось на меня. 16-го мая вышел приказ, как о назначении генерала Сухозанета,

так и о моем вступлении в управление министерством, на основании существующих на такой случай постановлений. На другой же день, 17-го мая, Н.О. Сухозанет выехал из Петербурга в Варшаву, одновременно с выездом самого Государя в Москву.

Внезапная эта перемена в моем положении наложила на меня тяжелую ответственность и массу забот при тогдашних, крайне трудных обстоятельствах и расстройстве в самом министерстве. Как временный заместитель министра, я не мог и помышлять о каких-либо мерах к исправлению этого расстройства, мне приходилось вести дело теми средствами, какие имелись.

Отъезд Государя в Москву пришелся для меня весьма кстати. Отсутствие Его Величества, хотя и кратковременное, облегчило мне первый приступ к делу, дало мне возможность спокойно ознакомиться со всеми частями министерства и завести свой порядок работы. Ко времени возвращения Государя, можно сказать, механизм всего министерского делопроизводства был уже в моих руках.

ПОЕЗДКА ГОСУДАРЯ В МОСКВУ
17 МАЯ – 10 ИЮНЯ

Поездка Государя в Москву непосредственно после совершившегося освобождения крестьян имела особенное, исключительное значение. Первопрестольная столица считалась ядром чисто-русской народности, гнездом не служащего дворянства и поместной аристократии. Правительство петербургское всегда относилось с некоторою осторожностью к московскому консерватизму и московскому фрондерству, признавая мнение Москвы как бы мнением всей России. Вот почему после такого важного правительственного акта, как освобождение крестьян из крепостного состояния, считалось почти обязательным оказать внимание ворчливой старушке, задобрить ее, примирить с совершившимся фактом, резко нарушившим ее заветные привычки и воззрения.

17-го мая, утром, Их Величества с младшими детьми: Великими Князьями Алексеем и Сергеем Александровичами и Великою Княжною Марией Александровной выехали из Царского Села* в Москву. Их сопровождали принц Петр Георгиевич Оль-

* Далее в автографе зачеркнуто: «В Колпино и оттуда по Николаевской железной дороге». (*Прим. публ.*)

денбургский и герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий. Свиту составляли: министры граф Владимир Федорович Адлерберг, князь Александр Ми<хайлович> Горчаков и генерал-адъютант Чевкин, шеф жандармов – князь Вас<илий> Андр<еевич> Долгоруков и командующий Императорскою Главною Квартирой – генерал-адъютант граф Александр Влад<имирович> Адлерберг.

Прибыв в белокаменную в $10\ ^{1}/_{2}$ часов вечера, Их Величества были встречены, как всегда, массою народа, толпившегося у вокзала железной дороги и вдоль всего пути до Кремля. Встреча эта была еще восторженнее, чем когда-либо. Проживавшие в Москве крестьяне, большею частью фабричные, приготовились было отпрячь лошадей из Государева экипажа и везти его на себе, что однако же не было им дозволено местными властями.

Утром следующего дня, 18-го мая, после выхода во дворце, при появлении Государя на Красном крыльце и обычном Его поклоне народу, воздух задрожал от восторженных возгласов толпы, густою массою застилавшей все пространство между кремлевскими соборами. Такие же крики «ура» неумолкаемо провожали шествие по соборам, при звоне колоколов и церковном пении. Момент этот при каждом Царском посещении Москвы производит поразительное впечатление, но в этот раз, по свидетельству очевидцев, бросалось в глаза в настроении народа какое-то особенное, небывалое одушевление.

После утренних церемоний и развода на так называемой Царской площадке (в Кремле) Их Величества переехали на житье в Александрию, прежнее Нескучное. Во время обеда получена из Варшавы телеграмма о кончине наместника князя М.Д. Горчакова. Известие это не было неожиданностью, тем не менее оно опечалило Государя, приказано было, чтобы полки, которых покойный князь Горчаков считался шефом, продолжали носить его имя. На другой же день, утром, в Александрийском дворце отслужена была панихида по умершем.

Их Величества ежедневно приезжали в город и посещали разные учреждения, в особенности учебные заведения. 20-го числа, в день именин Великого Князя Алексея Александровича, Их Величества слушали обедню в Чудовом монастыре, а потом происходил на плацу пред кадетскими корпусами смотр войскам Гренадерского корпуса, которым тогда командовал генерал-адъютант барон Рамзай – финляндец, бывший некогда командиром Гвардейского финского стрелкового батальона. По окончании смотра Государь посетил кадетские корпуса.

Великая Княгиня Мария Александровна
и Императрица Мария Александровна

На другой день, 21-го мая, в воскресение, назначен был прием депутаций от крестьян в Александрии, немедленно по окончании обедни. До 400 проживающих в Москве крестьян, избранных для принесения благодарности Царю-Освободителю, собрались предварительно в Чудовом монастыре, где отслужена была обедня и освящен приготовленный для поднесения Государю хлеб-соль*. Многочисленная эта депутация, в сопровождении присоединившейся к ней толпы других крестьян, двинулась в 10 часов утра, с обнаженными головами, от Кремля в Нескучное, и прибыв туда, введена была во двор Царского дворца. Когда Государь вышел на крыльцо, его приветствовали восторженные крики «ура». 70-летний старик Захаров, крестьянин имения графа Хрептовича, хозяин красильного заведения в Москве, поднес Его Величеству хлеб-соль и со слезами на глазах произнес краткую благодарственную речь. В ответ на это сердечное излияние благодарности Государь сказал крестьянам, что освобождение их от крепостного состояния было уже давно задушевным желанием Императора Николая Павловича, но что обстоятельства не позволили покойному Государю исполнить это благое намерение; затем следовало наставление, что «первый долг крестьян – повиноваться закону и свято исполнять возложенные на них обязанности». После этой краткой речи Государь спустился с крыльца и вышел в самую толпу крестьян; по мере движения его вперед крестьяне падали пред ним на колени, обнимали его ноги, плакали, и крики «ура» не умолкали. Некоторые из стариков, ободренные милостивым обращением Царя, осмелились попросить его – показать «матушку Государыню». Когда же Императрица вышла на балкон, то раздались новые взрывы «ура», и многие из крестьян опять пали на колени.

Искренность и неподдельность энтузиазма, выказанного Государю в Москве собственно в простонародии, не подлежат сомнению, хотя завзятые крепостники уверяли, что все манифестации восторга были подготовлены начальством. По свидетельству очевидцев, это решительно ложь. Вот что писал мне (25-го мая) находившийся в то время в Москве один близкий мой приятель, которого уже никак нельзя заподозрить в маниловщине: «Поднесение хлеба-соли было мыслью самих крестьян, никем не

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «на богатом вызолоченном блюде, изящной работы первого в то время мастера Сазикова». (*Прим. публ.*)

подученных; выборные в самых сердечных выражениях приносили благодарность и тут же просили позволения послать поздравительную депешу к Великому Князю Константину Николаевичу*, называя его крестьянским попечителем...» «Помещичья партия дуется; Москва переполнена нелепых слухов; разуверить в неправильности какого-нибудь толка – напрасный труд...» «Погодин и некоторые другие поборники крестьянского Положения избегают показываться в клубе, чтобы не попасть в раздражительные споры, – да и мне советовали не ездить туда...» и т.д. Крепостники распускали, например, слухи, будто крестьяне отказываются от какой бы ни было работы, и потому пугали всякими страшными последствиями и даже голодом**. Но против этого возражал тот же корреспондент мой: «Полученные здесь сведения из губерний гласят, что хотя кое-где является непослушание крестьян, но что вообще поля везде засеяны; я надеюсь, что и будут сжаты осенью, и что, следовательно, все крики о возможности голода суть только крики. Многие неповиновения и беспорядки вызваны были притеснениями и тупоумием управителей больших имений...»

Привожу эти выписки с тем, чтобы подчеркнуть свой взгляд на тогдашнее положение дел свидетельством очевидца, имевшего возможность следить на месте за настроением разных слоев московского населения.

Затем возвращусь к своему рассказу.

Кроме многочисленного сборища крестьян, явившегося в Александрию 21-го мая с хлебом-солью, Государь принимал еще отдельно некоторые крестьянские депутации: 23-го числа – от крестьян имений графа Шереметьева, а 1-го июня – от крестьян Тульской губернии. 1-го же числа представлялась депутация от Сибирского казачьего войска, приехавшая благодарить Государя за дарованное этому войску незадолго пред тем новое положение.

24-го мая происходил в Кремле, на Царской площадке, смотр Московскому батальону внутренней стражи, а затем Государь по-

---

* 21-го мая – день Св. Константина и Елены.

** В автографе зачеркнуто авторское примечание: «Впрочем, я припоминаю, что в прежнее время, когда еще не поднимался вопрос об освобождении крестьян, а заговорили о нем только шепотом, сам Яков Иванович Ростовцев выражал мнение, что если б когда-нибудь осуществилось такое предположение, то «Россия умрет с голоду». Это я слышал собственными ушами». (*Прим. публ.*)

сетил Измайловскую военную богадельню. С 29-го числа начались почти ежедневные смотры и учения войск на Ходынке*

5-го июня Их Величества с детьми ездили в Троицкую Лавру. Митрополит Филарет встретил их с крестом и святою водой при входе в собор и приветствовал речью. После молебствия они прикладывались к образам; потом слушали вечерню и ночевали в приготовленных для них покоях; а на другой день, 6-го числа, слушали обедню и причащали детей. Государь сам подводил их к причастию. После обедни Их Величества посетили митрополита в Гефсиманском скиту, Вифанский монастырь, келью митрополита Платона и в 4 часа выехали из Лавры обратно в Москву.

7-го июня прибыла в Москву Великая Княгиня Мария Николаевна с дочерью Марией Максимильяновной. На следующий день Их Величества ездили в село Бородино[58], а 9-го числа вечером выехали из Москвы обратно в Царское Село.

Во время пребывания своего в Москве, 23-го мая, Государь утвердил прошедшее через Комитет министров Положение о перемещении Румянцевского музея из Петербурга в Москву. Принадлежавший музею дом в Петербурге, на Английской набережной (у Николаевского моста), был продан с публичных торгов и достался литератору Старчевскому, а в Москве музей был помещен в так называемом «Пашковском доме» (на Неглинной), славившемся своею изящной архитектурой.

В отсутствие Государя в Петербурге совершена была 22-го мая, в Исаакиевском соборе, заупокойная обедня и панихида по знаменитом нашем воине генерале Алексее Петровиче Ермолове, скончавшемся в Москве еще 11-го апреля. Затрудняюсь объяснить, почему Петербург так запоздал в оказании этой посмертной почести замечательному русскому человеку, герою Двенадцатого года, грозе Кавказа. Известно, что Ермолов прожил последние 35 лет своей жизни в Москве, в полном бездействии. Мне довелось видеть его еще за несколько месяцев до его смерти, в проезд мой чрез Москву. И в этот раз, так же как и в прежние

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «В первый день Государь смотрел стрельбу в цель 3-го резервного стрелкового батальона, у Анненгофской рощи, а потом произвел учение как этому батальону, так и батальону кадетскому. 31-го числа произведено было на Ходынке учение двум бригадам 1-й и 2-й гренадерских дивизий, а 2-го июня, также на Ходынке, 2-й бригаде 3-й гренадерской дивизии. Во время этого учения неожиданно были вызваны «по тревоге» прочие войска, расположенные в лагере. Наконец, 3-го июня Государь смотрел стрельбу в цель и гимнастику гренадерских полков. Всеми вообще войсками Государь остался вполне довольным». (*Прим. публ.*)

мои посещения, я нашел его сидящим за письменным столом; так же как и прежде, тучное его тело покоилось на просторном кресле, с которого он почти не поднимался; львиная голова его внушала почтение; но уже заметно было влияние преклонных лет; не было уже прежнего живого взгляда, ни прежнего бойкого разговора. Кончина его прошла почти не замеченною.

28-го мая происходила в Новгороде, довольно в скромной обстановке, закладка памятника, проектированного художником Микешиным, по случаю предстоящего юбилея тысячелетия России. При этом торжестве присутствовал генерал-адъютант Чевкин, в ведении которого состояли в то время не одни «пути сообщения», но и «публичные здания»*.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ПОЛЬШЕ В ТЕЧЕНИЕ ЛЕТА**

Тревожное положение дел в Варшаве, беспрерывно возобновлявшиеся уличные беспорядки, наконец, чувство собственного бессилия – не могли не подействовать разрушительно на здоровье наместника князя Михаила Дмитриевича Горчакова. И без того по своей природе нервный, рассеянный, забывчивый, он доведен был до такого удрученного состояния, что по временам впадал почти в беспамятство. К началу мая болезненное состояние его усилилось, и 18 (30) числа этого месяца он кончил жизнь на 68-м году от роду. Согласно предсмертному желанию покойного решено было перевезти тело его в Севастополь; потребовалось некоторое время на приготовление к этой перевозке, и потому вынос тела из Лазенковского дворца на станцию Варшавско-Венской железной дороги происходил лишь 27-го мая (8 июня) с подобающею торжественностью, а погребение на Севастопольском кладбище (на Северной стороне) совершилось 7-го июня.

---

* Далее в автографе зачеркнут следующий абзац: «В начале июня Великая Княгиня Александра Иосифовна с детьми выехала из Петербурга морем за границу. Великий Князь Константин Николаевич проводил ее до Киля, откуда возвратился в Петербург. Великая же Княгиня из Киля проехала чрез Ганновер, где навестила своего отца, герцога Саксен-Альтенбургского, а затем прибыла в Киссинген, где пользовалась минеральными водами. Впоследствии Ее Высочество отправилась на морские купанья, в Гиер (Hyéres).В половине же июня также выехала за границу Великая Княгиня Елена Павловна». (*Прим. публ.*)

** В автографе первоначальный вариант заголовка: «Положение дел в Царстве Польском и Северо-Западном крае в течение лета». (*Прим. публ.*)

Еще накануне кончины князя Горчакова, по распоряжению из Петербурга, в должность наместника и главнокомандующего вступил временно, в ожидании приезда генерал-адъютанта Сухозанета, старший из генералов Первой армии – начальник артиллерии генерал-адъютант Мерхелевич. Хотя он сам был чистейший поляк, однако же всегда служил честно и был на счету хороших строевых офицеров. Мое знакомство с ним началось с поступления моего на службу юнкером, когда он, в чине полковника, командовал 1-ю батарейною батареей лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Генерал Мерхелевич, извещая жителей Варшавы о своем временном вступлении в должность, убеждал их не нарушать спокойствия и выразился при этом, что «будет действовать с солдатскою совестливостью».

Но в самый день кончины князя Горчакова, 18 (30) числа, в Варшаве произошел опять переполох. По случаю праздника «тела Господня» (Corpus Domini) происходила процессия, сопровождаемая по обыкновению массою народа. В то время, когда голова процессии выходила на площадь Старого города, в толпе раздался крик, будто идут войска. Произошло страшное смятение, и сам архиепископ Фиалковский, шедший во главе процессии, так испугался, что лишился почти чувств. Обер-полицмейстер, протискавшись сквозь толпу, поспешил успокоить архиепископа, объяснив, что войска, стоявшие на площади замка, не тронулись со своих мест и что даже ружья оставались в козлах. Процессия продолжала свое следование; но на возвратном ее пути снова повторился тот же злоумышленный крик. Однако ж дело обошлось благополучно, и толпа спокойно разошлась.

С приездом в Варшаву генерал-адъютанта Сухозанета положение дел нисколько не изменилось. Как в самой Варшаве, так и в других городах Царства продолжались уличные буйства, пение запрещенных патриотических гимнов, всякие оскорбительные нападки на тех, которые не сочувствовали смуте и не подчинялись подпольной революционной власти. По случаю раннего отпуска учащихся на каникулы вся варшавская школьная молодежь, рассыпавшись по губерниям Царства, занесла туда усвоенные в Варшаве революционные замашки, и вот повсюду начались те же проделки. В некоторых местах были нанесены оскорбления военным офицерам и даже частям войск. Так в Калише, куда перемещен был один из полков, участвовавших в укрощении варшавских беспорядков, полк этот, при своем вступлении на новые квартиры, был встречен свистками и кошачьею музыкой. С июня по-

явились в некоторых частях Польши, преимущественно в местностях закрытых, лесистых, тайные агенты Мерославского, под видом нищенствующих или юродивых; в ночное время они имели совещания с помещиками, шляхтою, ксендзами о формировании кадров дружин для будущего вооруженного восстания.

В лагере польских эмигрантов совершилось 3 (15) июля важное событие: претендент на польскую корону, глава партии «белых» – князь Адам Чарторыйский скончался в окрестностях Парижа, на 93-м году жизни. По этому случаю все поляки облеклись в глубокий траур; во всем Царстве Польском, в Париже, в Лондоне служили торжественные панихиды. Но смерть этого старца не имела никакого влияния на ход польского дела. «Le roi est mort, vive le roi»*, – гласит французская поговорка. Поэтому после смерти князя Адама немедленно же провозглашен был его преемником князь Владислав Чарторыйский, второй сын покойного князя, так как старший его сын всегда чуждался политики и держался в стороне от революционной агитации. Князь Владислав вступил вполне в роль претендента и главы партии «белых».

Лето прошло в Царстве Польском без особенных важных происшествий, но и без улучшения в чем-либо смутного положения края. Хотя генерал Сухозанет и писал в одном из своих писем ко мне от 9 (21) июля: «В настоящее время здесь совершенный штиль»[59], однако ж в то же время заявлял, что считает недостаточным тогдашнее число войск в Царстве, и требовал подкрепления их. Между тем войска Первой армии, то есть 1-й, 2-й и 3-й армейские корпуса еще с самой зимы были приведены в военный состав. В действиях генерала Сухозанета не было заметно ни общего плана, ни особенной энергии; он ограничивался полицейскими мерами для устранения по возможности крупных нарушений спокойствия и порядка. По его ходатайству последовало 6 (18) июня Высочайшее повеление о командировании московского обер-полицмейстера генерал-майора свиты А.Л. Потапова в Варшаву, для временного исполнения там обер-полицмейстерской должности и для приведения в устройство тамошней распущенной полиции**.

До чего доходила тогда распущенность всего вообще управления в Царстве Польском, может служить указанием циркулярное

---

* Король умер, да здравствует король. (*Пер. с фр.*)

** Исправление должности обер-полицмейстера в Москве было возложено на генерал-майора свиты графа Крейца.

предложение, которое генерал Сухозанет должен был дать 18 (30) июня директорам Правительственных комиссий о том, чтобы они строго наблюдали за подчиненными им чиновниками, не дозволяя им ношения национальных костюмов и революционных знаков, чтобы немедленно удаляли от должностей таких, которые не подчиняются означенному запрещению и не заслуживают доверия правительства. Большинство служащих поляков во всех ведомствах и учреждениях подчинялось более вожакам революционного движения, чем своим законным начальникам, которые, в свою очередь, не смогли быть слишком взыскательными к своим подчиненным и оказывали им всякие поблажки, опасаясь преследований со стороны крамольников. В этом отношении сам маркиз Велепольский, несмотря на свой самостоятельный и крутой характер, не составлял исключения: и он смотрел сквозь пальцы на предосудительное поведение своих подчиненных.

Положение маркиза Велепольского было весьма затруднительно; ни с которой стороны не находил он поддержки; с самим генералом Сухозанетом он не ладил и встречал явное нерасположение и недоверие во всем военном ведомстве. Приведению в исполнение Указа 14 (26) марта об учреждении советов губернских, уездных и городских представились непреодолимые препятствия в самом населении. В большей части местностей оно уклонилось от выбора делегатов в эти советы. Одни отказывались от участия в советах вследствие несочувствия к этим учреждениям, потому только, что они были учреждения правительственные; другие же – из боязни навлечь на себя преследование со стороны агитаторов. Таким образом весь план Велепольского оказался построенным на песке.

«Штиль», о котором писал Сухозанет в начале июля, был непродолжительным. В конце того же месяца неурядица в Царстве еще усилилась против прежнего. Начались уже политические убийства. 22-го числа, в день именин Государыни Императрицы, торжественное богослужение в варшавском кафедральном костеле было прервано пением патриотических гимнов, а вечером разбиты стекла в окнах иллюминованных казенных зданий. Затем, 30-го июля (11 августа), объявлено было жителям Варшавы, что предположенное празднование на следующий день годовщины Люблинской унии 1569-го года*[60] не будет допущено, с угрозою, в

* 12-е число августа (нов. ст.) было признано годовщиной унии только потому, что в это число в 1569 году разъехались послы Сейма; но сам акт унии 1569 года был утвержден 30-го июня, а присяга принесена 1-го июля.

случае ослушания, употребления военной силы. Однако ж объявления эти были срываемы в присутствии полиции, и предположенные торжества состоялись безнаказанно.

В подражание тому, что происходило в Варшаве и других городах Царства Польского, начались с мая месяца и в Северо-Западном крае такие же дерзкие проделки польских агитаторов: те же церковные манифестации, ношение траура и польских национальных костюмов, сборища на улицах пред изображениями Богородицы и святых, с пением патриотических гимнов. Смелость и дерзость поляков возрастали ввиду бездействия плохой полиции и бессилия местной власти.

Уличные беспорядки в Вильне приняли 31-го июля довольно крупные размеры. Многочисленное сборище в предместьях города не только распевало запрещенные гимны, но и производило разные буйства. Несмотря на предупреждения и увещания начальства, подобные же беспорядки повторились 4-го и 6-го августа. В последний этот день дело дошло до употребления войска; из толпы начали бросать камни, и тогда приказано было солдатам действовать прикладами, а казакам нагайками. Толпа была рассеяна; но при этом было 6 человек раненых в толпе; в войсках же получили ушибы палками и камнями 1 офицер, 2 солдата и 3 казака.

Об этих происшествиях в Вильне распущены были умышленно преувеличенные слухи; явилось подложное воззвание от имени виленского католического епископа о совершении панихид за упокой будто бы убитых 6-го числа; тогда как в действительности ни одного убитого не было, и даже те шестеро, которые были показаны ранеными, поправились очень скоро.

Генерал Назимов признал нужным объявить Вильну на военном положении, а потом та же мера распространена на другие города и уезды: Гродну, Белосток, Бельск, Брест-Литовск. В то же время было опубликовано Высочайше утвержденное Положение Комитета министров об учреждении в западных губерниях временных полицейских судов, для преследования нарушений общественного порядка и спокойствия[61]. В мотивах этого распоряжения было объяснено, что административные взыскания за подобные проступки обыкновенно вызывают упреки в произволе со стороны местных властей; оставление же этих проступков безнаказанными дает возможность злонамеренным людям поддерживать волнение в легкомысленном слое населения. Вместе с тем установлены были некоторые правила в руководство местным

властям в случае объявления какой-либо местности на военном положении. Вслед за тем объявлен временный наказ уездным полициям на случай усиления народных беспорядков и открытого неповиновения толпы.

При всей мягкости и благодушии генерала Назимова меры, к которым он наконец должен был прибегнуть в Северо-Западном крае, показались в Петербурге неуместно крутыми. Тогда в высшем нашем правительстве, – как я уже говорил, – господствовало чрезмерно гуманное и уступчивое отношение к польскому движению. Новый министр внутренних дел статс-секретарь Валуев, поддерживаемый шефом жандармов князем В.А. Долгоруковым и некоторыми другими влиятельными сановниками (в том числе и князем Александром Михайловичем Горчаковым), провозглашал политику примирения, успокоения, «привлечения местных консервативных элементов» и потому порицал распоряжение генерала Назимова относительно объявления некоторых местностей на военном положении. По этому поводу генерал Назимов в письме к князю В.А. Долгорукову от 11-го августа высказал ему мнение, что «система **сделок** между правительством и населением края, основанная на взаимных уступках, ведет только к уничтожению достоинства и чести правительства, которое в глазах народа теряет постепенно свой авторитет...» Назимов приводил пример Царства Польского; вместе с тем указывал шефу жандармов на «существование в самом Петербурге многочисленной и влиятельной партии людей злонамеренных, стремящихся к ниспровержению законной власти и государственного порядка», на происки католического духовенства и некоторых уроженцев Северо-Западного края, пользующихся доверием петербургских властей и злоупотребляющих этим доверием. В доказательство того приводился тот факт, что все предположения правительства и самые секретные бумаги, относящиеся к тому краю, делаются немедленно известны полякам.

Все эти указания генерала Назимова были вполне основательны и подтвердились позднейшими фактами. Но петербургские покровители поляков не хотели открыть глаза на происходившую вокруг них самих подпольную работу. В том же августе статс-секретарь Валуев счел нужным командировать в северо-западные губернии своего чиновника (статского советника Строженко) с секретным поручением проверить на месте донесения генерала Назимова о неблагонадежном положении края, а вслед за тем, по неизвестной причине и без предварительного сношения с генерал-губернатором, удалил гродненского губернатора действительного статского со-

ветника Шпейера. Генерал Назимов, обиженный такими действиями министра внутренних дел, жаловался Государю, и Валуев должен был потом написать извинительное письмо.

КАВКАЗ В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ ГОДА

После отъезда моего с Кавказа в должность начальника главного штаба Кавказской армии вступил генерал-лейтенант Григ<орий> Иван<ович> Филипсон – человек умный, опытный, деловой. Кончив первым курс Военной Академии в 1835 году, он был на счету лучших офицеров Генерального Штаба. Служил он почти постоянно на Кавказе (за исключением пяти лет, проведенных в отставке); занимал в последние годы место наказного атамана Черноморского казачьего войска и хорошо был знаком с западною половиною Кавказского края. Но по своему характеру он не мог сойтиться с князем Барятинским. Вот что писал мне по этому предмету полковник Лимановский вскоре после моего отъезда с Кавказа: «Деятельность наша с вашего отъезда значительно ослабела; Григорий Иванович (Филипсон) занимается усердно; но при настоящем переходном положении штаба, как и надо было ожидать, в ходу одни только текущие дела, а все, относящееся к обновлению края, заснуло на время. Конечно, занятия чрез это уменьшились, но жаль, что не без ущерба делу. Робость в сношениях с фельдмаршалом, к сожалению, не оставила Григорий Ивановича и на новом месте. Доклады его продолжаются обыкновенно с полчаса, много час. Князь, привыкший выслушивать самостоятельные мнения, а в некоторых случаях и возражения противу его мыслей, разумеется, не может довольствоваться простым изложением обстоятельств и испрошением разрешений без указания ясных, побуждающих к тому оснований. Желая уяснить дело и определить правильный исход его посредством откровенного разговора, фельдмаршал бывает вынужден прибегать иногда даже к моей малоопытности...»[62]

Строки эти подтверждали то, что можно было заранее предвидеть*, – что Филипсон не сойдется с князем Барятинским. Впро-

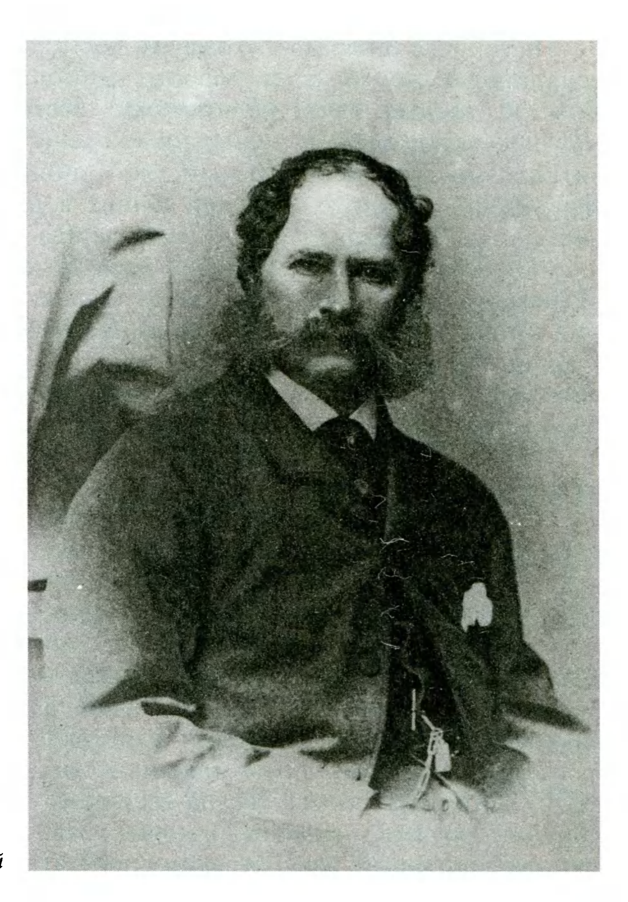
* В автографе зачеркнута следующая первоначальная редакция данного абзаца: «<> что генерал Филипсон недолго удержится на своем новом месте. И действительно, почти с самого вступления его в должность, фельдмаршал имел уже в виду на его место другого кандидата, мною же ему рекомендованного, генерал-майора свиты Александра Петровича Карцова, бывшего моего товарища по Гвардейскому генеральному штабу и по Военной Академии (где он был в одно время со мною профессором)». (*Прим. публ.*)

чем, и сам фельдмаршал смотрел на него только как на временного заместителя должности начальника главного штаба, пока предназначенный на эту должность генерал-майор Карцов, приехавший в Тифлис в ноябре 1860 года, объезжал разные части Кавказа для предварительного ознакомления с краем и с общим положением дел. При объезде Закубанья Карцов имел случай участвовать в зимней экспедиции и даже командовал временно одним из действующих отрядов. В начале марта прибыл он в Тифлис.

Еще в ноябре 1860 года, как уже было мною упомянуто, в Петербурге* решено было весною 1861 года вывести с Кавказа 18-ю пехотную дивизию в кадровом составе, обратив излишнее против этого состава число нижних чинов дивизии на пополнение остающихся на Кавказе полков. Резервную же Кавказскую дивизию полагалось оставить в крае до начала 1862 года, но с тем, чтобы батальоны были расположены в таких пунктах, где они могли бы заняться обучением рекрут будущего набора (о котором однако же еще не было и речи).

Князь Барятинский, получив в начале декабря собственноручное письмо Государя с выражением положительного повеления в означенном смысле, был, конечно, очень недоволен таким распоряжением, расстроившим план военных действий на 1861 год. Но Высочайшая воля была выражена так положительно, что фельдмаршал немедленно же вызвал в Тифлис генерал-адъютанта графа Евдокимова (командовавшего войсками как правого, так и левого крыла Кубанской и Терской областей) для совещания с ним о тех изменениях, которые придется сделать в предположениях вследствие предписанного уменьшения войск[63]. Тогда полки 18-й дивизии расположены были частью в Дагестане, частью в Терской области; с выступлением их оказывалось необходимым занять их места другими войсками из числа предназначавшихся для военных действий за Кубанью. По поручению фельдмаршала генерал Филипсон в письме ко мне от 18-го декабря[64] изложил весьма дельно все невыгоды такого перемещения войск. Письмо это, переданное мною генералу Сухозанету, было доложено им Государю, с приложением замечаний военного министра, в которых между прочим высказывалась забота не только о необходимости сокращения расходов, но и об усилении наших военных

* Далее в автографе зачеркнуто: «по настоянию военного министра». (*Прим. публ.*)

А.И. Барятинский

средств на западной границе, где, по его мнению, предстояло в близком будущем «разрешение современных громадной важности жизненных вопросов государства». В заключении своем генерал Сухозанет настаивал, чтобы фельдмаршал «неукоснительно руководствовался Высочайше данным ему указанием». По поводу этих-то замечаний военного министра я счел своим долгом представить упомянутую мною в своем месте справку о том, действительно ли последуют сбережения в расходах от предположенного перемещения 18-й пехотной дивизии во внутренние губернии. В справке этой наглядно выказывалось, что расходы не только не уменьшатся, но даже увеличатся, а в случае внешней войны дивизия, выступив с Кавказа в кадровом составе, все-таки принесет мало пользы.

На записке генерала Сухозанета Государь положил такую резолюцию: «Я же, со своей стороны, не столько ввиду пользы для Кавказа, **сколько ввиду политических обстоятельств в Турции*,** признаю оставление 18-й дивизии до осени в распоряжении князя Барятинского необходимым; ибо вполне разделяю мнение Франкини** о пользе действий наших в Малой Азии в случае войны или падения турецкого владычества в Европе».

Резолюция эта, положенная в первый день нового 1861 года, любопытна во многих отношениях; в ней высказывается тогдашний взгляд на политическое положение Европы и в особенности Турции. По отношению же собственно к Кавказу резолюция эта окончательно решила спорный вопрос согласно желанию князя Барятинского и к полному его удовольствию.

Общее положение дел на Кавказе представлялось к началу года в следующем виде.

После успешной экспедиции 1859 года, закончившейся пленением Шамиля, на всей восточной половине края, казалось, водворились мир и спокойствие. Можно было надеяться, что население Дагестана и Чечни радо будет наконец отдохнуть и оправиться после всех вынесенных им бедствий полувековой непрерывной войны. И действительно, в Дагестанской области, – стране наиболее гористой и дикой, бывшей главным гнездищем враждебной нам силы Шамиля, – наступило полное спокойствие, благодаря разумному управлению начальника этой части края генерал-лейтенанта князя Левана Меликова. Лезгины начали уже покидать оружие и занялись своими хозяйственными интересами; повсюду можно было русскому проехать без конвоя; деятельно разрабатывались колесные дороги в самых недоступных горных трущобах; обстраивались штаб-квартиры полков, составлявшие зародыш будущих городов. Введенным местным управлением само население было вполне довольно, и порядок полицейский охранялся туземными милициями.

Не совсем таково же было положение Терской области, состоявшей тогда, вместе с Кубанскою областью, под общим начальством генерал-адъютанта графа Евдокимова, в лице которого как бы восстановилось временно существовавшее в прежнее время (до преобразования, сделанного в крае князем Барятинским) звание командующего войсками Кавказской линии. Помощ-

---

* Строки эти подчеркнуты в подлинной резолюции.

** Полковник Франкини - наш военный агент в Константинополе.

Н.И. Евдокимов

никами графа Евдокимова были: по Кубанской области – генерал-майор свиты князь Дмитрий Иванович Святополк-Мирский, а по Терской – генерал-майор Павел Иванович Кемферт. Сам граф Евдокимов был тогда занят преимущественно Кубанскою областью и жил то в Ставрополе, то в Екатеринодаре или в отряде за Кубанью. Терскою же областью (во Владикавказе) управлял Кемферт – храбрый, боевой генерал, но плохой администратор и к тому же не чуждый слабости к крепким напиткам. Ему не по силам было справиться с такою нелегкою задачей, как приведение в благоустройство и в прочный порядок страны, только что покоренной и дотоле не знавшей никакой почти гражданственности. Чеченцы и ичкеринцы никогда не имели над собой прочно организованной власти и всегда отличались своим духом независимости, своеволия и хищничества. Вынужденные наконец подчиниться русской власти, они присмирели и домогались только

обеспечения за ними прочной оседлости. Вместо того начальство держало это население в неопределенном, переходном положении, замышляя выселить большую часть чеченцев из лесистых гор на открытые равнины и занять предгорья передовыми казачьими станицами. Слухи об этих предложениях и неизвестность будущей участи поддерживали в чеченцах тревожное состояние, возбуждали даже волнение, так что само начальство кавказское не было совершенно спокойно за эту часть края. Хотя вообще масса населения оставалась в повиновении поставленным над нею начальникам округов и «наибам», однако ж мелкие разбои не прекращались и сообщения за Сунжею далеко не были так безопасны, как в Дагестане; для проезжавших в большей части Чечни еще считался необходимым конвой. Еще менее спокойно было в нагорной части Терской области, в состав которой в то время входил Шатоевский округ, образованный из котловин верхнего Аргуна и верховий Андийского Койсу. В этих горных трущобах укрывались довольно значительные шайки: Ума-дуя, Атабая, Каракуля, Байсунгура, производившие дерзкие разбои и державшие в страхе местное население, которое однако ж оставалось спокойным, а туземные милиции даже оказывали усердно содействие войскам при поисках за разбойниками. В конце 1860 года предпринята была против них экспедиция в Шатоевском округе, но без всяких результатов. В начале же февраля 1861 года удалось в Ичкерии окружить и забрать шайку Байсунгура, который сам был захвачен и повешен.

Для довершения нашей исторической задачи на Кавказе оставалось еще покончить дело с горским населением западного Кавказа, то есть за Кубанью. Туда и были обращены главное внимание начальства кавказского и наибольшая часть армии Кавказской. В Закубанском крае применялась в широких размерах система постепенного передвижения вперед казачьего населения и устройство передовых кордонных линий, которые должны были отрезать от гор покорное туземное население. Начертанный в 1860 году план действий за Кубанью состоял в том, чтобы окончательно очистить горную полосу от исконного его населения, принудив его избрать одно из двух: или переселяться на указанные места на равнине и вполне подчиниться русскому управлению, или совсем оставить свою родину и уйти в Турцию; горную же полосу полагалось занять передовыми казачьими станицами и укреплениями на всем протяжении от занятых уже верховий Лабы до черноморского берега.

К выполнению этого плана приступлено было в 1860 году генералом Евдокимовым с непреклонною настойчивостью. В этом году докончено было устройство Адагумской линии (по дороге от Новороссийска чрез укрепления Крымское к Копыльскому посту на Кубани); линия эта отрезала натухайцев от шапсугов и убыхов. На равнине за Кубанью, между Адагумом и Белой, у подошв гор возведен ряд передовых укреплений: Ильское, Григорьевское, Дмитриевское, Хамкеты, и вдоль этой линии прорублена просека*. Занятием этих пунктов отняты у горцев лучшие пастбища и пахотные земли, что и вынудило часть шапсугов, в конце того года, прислать к графу Евдокимову депутацию с изъявлением желания покориться. В течение зимы (в конце ноября и начале декабря) граф Евдокимов лично прибыл к отряду генерал-майора князя Мирского и произвел рекогносцировку вдоль новых просек от укрепления Григорьевского к Абину. В феврале же 1861 года он вновь предпринял с Адагумским отрядом движение от укрепления Григорьевского в предгорья. В этом движении участвовал путешествовавший по Кавказу принц Вильгельм Баденский (второй брат Великой Княгини Ольги Федоровны и впоследствии вступивший в супружество с княжной Марией Максимильяновной Лейхтенбергской). Кроме того в зимних экспедициях за Кубанью приняли участие два французские офицера: Кольсон – военный агент в Петербурге и герцог Монтебелло, сын французского посла.

Закубанское население было уже доведено до такого стесненного положения, что не оставалось и тени того воинственного задора и той внушительной самоуверенности, с которыми в прежнее время связывались в нашем представлении громкие имена шапсугов, убыхов, абадзехов. Теперь уже возникло и среди этих многочисленных и воинственных племен сознание скорого конца их независимости. С тех пор, как главный предводитель этих племен, считавшийся наместником Шамиля за Кубанью, Мегмет-Эмин положил оружие пред русскими и предал свою участь великодушному решению русского Императора**, благоразумнейшие из горцев поняли, что дальнейшее сопротивление становится невозможным; что в ближайшем будущем предстояло им одно из двух: или покориться рус-

---

* В автографе зачеркнуто авторское примечание: «Мне удалось провести несколько дней при отрядах, действовавших летом 1860 года за Кубанью, под начальством генерала Филипсона. Возведенные укрепления Григорьевское и Дмитриевское получили свои названия в честь его и мою». (*Прим. публ.*)

** В апреле 1861 года Мегмет-Эмин получил разрешение отправиться на поклонение в Мекку и уехал туда чрез Константинополь.

ской силе, или выселиться в Турцию. Весь вопрос был только во времени. Но понимали это, конечно, не все: в каждом племени существовала всегда более или менее многочисленная воинственная партия непримиримых, настаивавшая на продолжении упорной войны до последней крайности. Вот почему дело не могло быть решено сразу: в то время, когда одна часть племени наклоняла к покорности и посылала депутации к русским начальникам с мирными предложениями, другая – затевала стычки с нашими войсками; многие же семьи уже в то время выселялись в Турцию.

*Кази-Магома,
сын Шамиля*

Таково было положение дел на Кавказе, когда фельдмаршал князь Барятинский покинул этот край, не дождавшись последнего финала, которым должен был вскоре завершиться достопамятный исторический акт – умиротворение Кавказа. С первых же дней января он подвергся сильнейшему приступу обычного его недуга – подагры; но на этот раз болезнь развилась до такой степени, какой никогда еще не достигала. Больной должен был лежать в постели почти неподвижно, в страшных страданиях; никого не принимал и передал исправление своей должности генерал-адъ-

ютанту Григорию Дмитриевичу Орбельяни. К началу марта болезнь приняла угрожающий характер; левая нога совсем онемела и начала сохнуть; подагра бросилась на мочевой пузырь; совершенная бессонница чрезвычайно ослабила больного; он страшно исхудал. Несмотря на то, он по-прежнему не допускал к себе врачей, не слушал их советов и издевался над медициной. Однако ж сильные страдания и безнадежность положения наконец довели его до сознания необходимости по крайней мере попытки лечения; князь Барятинский решился ехать за границу советоваться с тогдашним авторитетом в лечении подагры доктор Вальтером в Дрездене. 21-го февраля, письмом к Государю, он просил увольнения в отпуск, полагая ехать чрез Петербург; притом настаивал, чтобы разрешение прислано было как можно скорее. Но в то время сообщения Тифлиса с Петербургом были чрезвычайно медленные: курьеры приезжали на 10-й день и позже, особенно в период завалов на Военно-Грузинской дороге; телеграфная же линия доходила только до Ростова-на-Дону, так как сам князь Барятинский постоянно противился продолжению ее до Тифлиса. Поэтому Высочайшее разрешение пришло в Тифлис только в конце марта, причем Государь, в собственноручном письме, настоятельно требовал от фельдмаршала, чтобы он не пренебрегал врачебною помощью и слушался врачей[65].

Прежде еще получения Высочайшего разрешения страдания князя Барятинского до того усилились, что он признал совершенно немыслимым предпринять дальнее и утомительное путешествие чрез всю Россию, особенно в то время года. Он решился ехать морем из Поти прямо в Триест и оттуда по железным дорогам в Дрезден. Пред самым выездом своим он собрал в Тифлисе всех местных начальников края для передачи им последних своих наставлений. В то же время назначено было собрание дворянства Тифлисской губернии, и 26-го марта объявлена ему Высочайшая воля об открытии комитета для обсуждения вопроса о применении Положения 19-го февраля к освобождению крестьян Тифлисской губернии[66]. Объявление это было принято грузинским дворянством не только без всякого ропота, но даже с полною готовностью содействовать скорейшему исполнению Царской воли. Дворянству же других закавказских губерний было также объявлено, чрез собранных в Тифлисе губернаторов, в виде предварения, о предстоящем впоследствии открытии комитетов для той же цели. Кроме того, фельдмаршал, пред отъездом своим, несмотря на слабость и страдания, принимал лично живое участие

в переговорах с вызванным по его распоряжению английским инженером Бели (Baly) о сооружении Закавказской железной дороги, от Поти до Баку. Предположение об этой дороге давно уже составляло любимую мечту князя Барятинского.

4-го апреля он выехал из Тифлиса; но доехав до Кутаиса, остановился для отдыха и пробыл там десять дней. В продолжение этой остановки в пути произведена им полная смена всего личного состава управления кутаисского генерал-губернаторства, чем-то навлекшего на себя неудовольствие наместника: на место генерал-губернатора генерал-лейтенанта князя Георгия Романовича Эристова назначен эриванский губернатор генерал-майор Николай Петрович Колюбакин (по прозванию «немирной»), а на место старшего брата последнего, генерал-майора Михаила Петровича Колюбакина, управлявшего Мингрелией – назначен действительный статский советник Челяев; командовавший войсками в Абхазии полковник Иосиф Карганов заменен полковником Шатиловым. Должность кутаисского губернатора, занятая генерал-майором Ивановым, пользовавшимся прежде особым расположением князя Барятинского, совсем упразднена. В то же время и на Северном Кавказе генералы Кемферт и князь Святополк-Мирский перемещены один на место другого. Перетасовка эта удивила всех на Кавказе своею неожиданностью. Князь Барятинский был крайне недоволен изменениями, сделанными в решении Кавказского комитета[67] по его представлению относительно обеспечения будущего положения прежней правительницы Мингрельской княгини Екатерины Александровны Дадиан, и весь гнев его пал на управлявшего делами этого комитета статс-секретаря Влад<имира> Петр<овича> Буткова.

14-го апреля фельдмаршал продолжал свой путь в Поти и 16-го на военной паровой шхуне «Псезуапе» отплыл в Константинополь и оттуда в Триест. Прибыв туда 22-го апреля, он был в таком положении, что с парохода его перенесли в гостиницу на носилках. Из Триеста он отправился чрез Вену в Грейфенберг, а потом в Дрезден, где и поселился на попечении доктора Вальтера. Видевшие князя Барятинского в Дрездене изображали его истинным страдальцем; он не владел ни руками, ни ногами; его переносили с кровати до ванны. В конце мая А.В. Головнин, уехавший также лечиться за границу, проездом чрез Дрезден виделся с фельдмаршалом и писал мне, что «нашел его в постели сильно страдающим от боли в сочленениях кисти левой руки...» «Князь Барятинский сказал мне, что исполняя приказание Государя, он под-

чинился доктору Вальтеру и берет прописанные им ванны. По временам боль утихает, но он решительно не в состоянии двигаться...»* Доктор Вальтер говорил, что доволен послушанием фельдмаршала, брался вылечить его, но требовал, чтобы он оставался в Дрездене на неопределенное время, не ездил в Петербург, а на зиму отправился бы в Египет или Алжир.

Отъезд князя Барятинского с Кавказа был вынужден не одною только болезнью его, но и другим еще случайным поводом, который сначала держался в тайне, но потом сделался общеизвестным, а потому полагаю, что говорить о нем не будет нескромностью с моей стороны. Дело заключалось в романических отношениях князя Барятинского с женою одного из состоявших при нем штаб-офицеров – подполковника Давыдова, известного в тифлисском обществе под прозвищем «Gramont». Эта молодая, вовсе некрасивая женщина была дочь известной всему Тифлису Марии Ивановны Орбельяни. Князь Барятинский, знавший ее еще ребенком, продолжал называть ее «Лизой» и держал себя в отношении к ней как бы на положении старого** родственника или попечителя над малолетней. Он всем говорил, что занимается докончанием ее воспитания и развитием ее ума чтением серьезных книг, для чего она и проводила у него целые вечера глаз на глаз. Странные эти педагогические занятия были известны всему городу, и, разумеется, было немало о них толков. Муж, человек весьма ограниченный и пустой, был в милости у фельдмаршала и надеялся, как ходили слухи, получить место генерал-интенданта. Временно ему даже поручено было исправление этой должности по случаю командировки генерала Колосовского в Петербург; но испытание это выказало всю неспособность его к занятию подобного места. Когда он убедился в несбыточности своих надежд, произошел гласный скандал между мужем и женой, которая бежала от него и скрылась неизвестно куда. Раздраженный муж сделался посмешищем всего города, выходил из себя, грозил ехать в Петербург, чтобы искать правосудия, и кончил тем, что вышел в отставку и уехал за границу, где уже находились в то время и жена его, и сам фельдмаршал.

Во время пребывания своего в Дрездене, в самый период сильных страданий, князь Барятинский говорил всем посещавшим его о непременном намерении своем возвратиться к осени на

---

* Письма А.В. Головнина от 27-го и 30-го мая[68].

** Фельдмаршалу было тогда всего 45 лет.

Кавказ. В какой степени были искренни эти заявления – не знаю; но во всяком случае он в это время не переставал заботиться о делах кавказских, показывал живое участие в решении разных вопросов и часто обращался ко мне письмами[69], в которых высказывал свои виды, ходатайства и мнения. Генерал-адъютант князь Григорий Дмитриевич Орбельяни, на которого возложено было временное исполнение обязанностей наместника и главнокомандующего, не решался принимать какие-либо новые меры без указания фельдмаршала. Все перемены в личном составе кавказских управлений решались не иначе, как по желанию князя Барятинского. В своем месте уже было упомянуто о последовавших на Пасху новых назначениях генералов Карцова, заменившего Филипсона, Зотова и полковника Лимановского, заменивших Карлгофа и Ольшевского. Все эти вновь назначенные лица вступили в свои должности уже по отъезде князя Барятинского с Кавказа; а генерал-майор князь Мирский, перемещенный с правого фланга на левый, возвратился из отпуска лишь в мае месяце.

Между тем в течение лета спокойствие в Дагестане было на короткое время нарушено безрассудным покушением шайки, гнездившейся в неприступных горах Ункратля (в самых верховьях Андийского Койсу). Для производившихся построек в укреплении Преображенском (близь прежнего аула Ботлых, на Андийском Койсу) три роты Куринского пехотного полка заготовляли лес. Пока большая часть людей находилась на работе, в лагере оставалось человек 30 солдат при трех офицерах. 26-го мая на эту горсть людей внезапно напала шайка Каракуль-Магомы, так неожиданно, что два офицера и 11 нижних чинов были убиты, а третий офицер и 5 рядовых изранены. Предводитель шайки, ободренный успехом, задумал броситься в Аргунское ущелье на соединение с другими разбойничьими шайками Ума-дуя и Ата-бая. В то время только приводилась в исполнение предписанная передача Ункратля из Терской области в состав вновь образованного в Дагестане Андийского округа. Назначенный начальником этого нового округа, опытный и отважный генерал-майор Лазарев, находившийся в то время в Гумбете, получив известие о нападении 26-го мая, немедленно послал на место происшествия своего помощника Хаджио, бывшего казначея Шамилева, а сам начал поспешно собирать отряд и туземные милиции. В середине июля он двинулся с этим отрядом в Ункратль по едва проходимым горным тропам и 17-го числа подступил к главному притону хищников – аулу Харши. Появление в первый раз русских войск в этих недо-

сягаемых горных трущобах произвело своею неожиданностью сильное впечатление на горцев. Шайка, окруженная и притиснутая к непроходимым горам, просила помилования; только сам предводитель ее Каракуль-Магома с семью сообщниками, не хотевший сдаться, был схвачен милиционерами, и таким образом, благодаря энергическим распоряжениям Лазарева, спокойствие в этой части края было восстановлено.

В Кубанской области продолжались подготовительные работы для предположенного водворения за Кубанью 17 новых казачьих станиц, из которых предстояло сформировать новые три конные полка. Но приведение этого плана в исполнение встретило неожиданное препятствие. Еще до выезда фельдмаршала из Тифлиса прибыла туда депутация от казаков 1-го Хоперского полка и бывших черноморцев с настойчивою просьбой об отмене предписанного (по предположению Евдокимова) переселения целыми станицами, или, по крайней мере, об отсрочке этого переселения и вознаграждении казаков за покидаемые ими усадьбы. Князь Барятинский, приняв депутацию в присутствии графа Евдокимова, объявил казакам, что переселение не может быть ни отменено, ни отложено; но обещал некоторые облегчения, о которых и вошел со мною в переписку. Однако ж казаки, ввиду отъезда фельдмаршала с Кавказа, усомнились в том, что на предположенное переселение целыми станицами (небывалое с давних времен) последовала Высочайшая воля. Толки об этом произвели в предназначенных к выселению станицах сильное волнение, и в проезд графа Евдокимова обратно из Тифлиса в Ставрополь казаки обратились к нему с просьбою разрешить им отправить депутацию в Петербург. В ответ на эту просьбу граф Евдокимов приказал начать переселение через три дня и первому эшелону переселенцев выступить с полковым знаменем. Казаки решительно воспротивились, не дали знамени, хранившегося при полковом штабе в станице Александровской, и положили не исполнять приказания, пока не будет им предъявлен подлинный Царский указ.

Между тем граф Евдокимов, прибыв в Екатеринодар, встретил там еще более резкий протест против предположенного переселения задних станиц. Ему подано было (1-го мая) весьма дерзкое письменное заявление, за подписью 93 «панов» (т.е. офицеров всех чинов, начиная от отставного генерал-майора Котляревского и служащего генерал-майора Кухаренко), о том, на **каких условиях** черноморцы согласятся на переселение. Сущность этих условий заключалась в том, чтобы предназначенное для заселе-

ния казаками бывшего Черноморского войска пространство за Кубанью, в точно определенных границах, было присоединено формально к землям, отведенным этому войску с 1792 года; чтобы такое распространение войсковой территории было закреплено особою грамотой, с подтверждением прав и льгот, дарованных войску Черноморскому прежними грамотами Императрицы Екатерины II, Императоров Павла I, Александра I и Николая I; чтобы восстановлено было и самое наименование Черномории, с отделением тех полков, которые были в позднейшее время присоединены к Черномории от бывшего Линейного казачьего войска; чтобы означенное, вновь присоединяемое к Черномории пространство было предварительно очищено от горского населения и чтобы затем предоставлено было самим черноморцам постепенно занимать эти новые земли тем порядком, какой признают более выгодным, без стеснения какими-либо обязательными правилами.

Дерзкое это заявление очевидно показывало, что в Черномории сопротивление переселению возбуждено было не простыми казаками, а «панами», которые, захватив лучшие угодья, обогащались на счет простых станичников, держали их в нищете, под своим владычеством, и между тем возбуждали в них неудовольствие против правительства и ненависть против «москалей». К общему удивлению, протест черноморцев испугал графа Евдокимова, который, после высказанной им настойчивости и непреклонности в отношении хоперцев, вдруг поколебался и уступил. Он послал князя Мирского в станицу Александровскую объявить хоперским казакам об отмене предписанного переселения станиц и разрешил выбрать депутацию для отправления в Петербург. Такой же ответ был дан и черноморцам. Казаки возрадовались, бросились в церкви служить благодарственные молебствия. 27-го мая граф Евдокимов донес в Тифлис и написал мне, что вместо 17 станиц, которые предполагалось занять в течение лета 1861 года, он вынужден ограничиться водворением лишь 8, то есть переселением лишь того числа семейств, которое было разрешено первоначально, осенью 1860 года, преимущественно из охотников. «Затруднения, встреченные со стороны казаков к переселению целыми станицами, замедлят ход этого предприятия и вызывают необходимость отложить его до будущей весны»[70].

Донесение это, полученное в Петербурге в отсутствие Государя, несколько встревожило меня, так что я даже намеревался отправиться в Москву для личного доклада Его Величеству о вред-

ных последствиях, которые может иметь непонятная уступчивость графа Евдокимова пред оказанным казаками сопротивлением. Но вскоре Государь уже возвратился, и после первого моего доклада в Царском Селе немедленно же было дано знать кавказскому начальству, что на присылку депутации от казаков Высочайшего соизволения не последовало и что распоряжение графа Евдокимова об отмене предположенного переселения не одобрено Государем. Между тем фельдмаршал князь Барятинский, с которым уже велась мною переписка по этому делу, несмотря на тогдашнее свое тяжкое положение, прислал с обратным фельдъегерем (отправленным из Дрездена 14 (26) июня) свое мнение[71]. Он обвинял во всем графа Евдокимова, который, сам предложив переселение целыми станицами, ручался в том, что оно никаких затруднений не встретит*. Князь Барятинский признавал невозможным отказаться теперь от этой меры ввиду сопротивления казаков, но одобрял предположенные генерал-адъютантом князем Гр<игорием> Дм<итриевичем> Орбельяни облегчения, состоявшие в том, чтобы вместо переселения за раз целых станиц рассрочить на три года выселение до половины семейств каждой станицы. Фельдмаршалом была также весьма одобрена мысль о представлении новым закубанским станицам исключительной льготы – надела их участками земли не в общинное, а в частное владение каждого казачьего семейства. Льгота эта, составлявшая отступление от основного начала казачьего быта, должна была сама по себе привлечь к переселению за Кубань массу охотников.

Согласно мнению фельдмаршала, решено было Государем отправить на имя графа Евдокимова рескрипт, в котором выразить прежде всего Высочайшее неудовольствие за медленность исполнения возложенного на него поручения; а затем, ввиду упущенного времени года, удобного для переселения, отменить исполнение его в текущем году и объявить притом Высочайше утвержденные новые правила и облегчения для переселения в будущие годы. Графу Евдокимову предписывалось произвести строгое дознание о зачинщиках оказанного казаками сопротивления и таковых высылать административным порядком во внутренние губер-

---

*Замечательно высказанное при этом князем Барятинским соображение, что его собственное предположение состояло в заселении Закубанского края нижними чинами тех регулярных войск, которые имелось ввиду упразднить или сократить с экономическими целями, но что предположение это не могло состояться, будто бы вследствие последовавшего упразднения **кантонистов**, что и заставило его принять предложение графа Евдокимова.

нии России или переводить в другие казачьи войска. Князь Барятинский высказывал необходимость покончить это дело как можно быстрее, хотя бы с отступлением от общеустановленного легального порядка, и в особенности указывал на высылку из Черномории некоторых вредных личностей, подстрекающих казаков, и сочинителей поданного графу Евдокимову дерзкого заявления*.

Пока велась вся эта переписка, граф Евдокимов продолжал, так сказать, подготовлять почву для предстоявшего переселения за Кубань**. Отряды прорубали просеки через леса, устраивали дороги, мосты, истребляли остатки аулов и подготовляли места для новых станиц. Еще в мае сам граф Евдокимов с Адагумским отрядом предпринял движение от Абина к Геленджику; при этом встретил со стороны горцев довольно упорное сопротивление, особенно в узкой долине Адерби; в отряде были убитые и раненые.

В июле месяце явилась к графу Евдокимову новая депутация от шапсугов, убыхов и абадзехов с предложением условий покорности, или вернее – примирения. Горцы все еще не вполне отрешились от надежд на сохранение своих родных мест жительства. Депутация умоляла о прекращении военных действий, рубки лесов и продолжения дорог. Но граф Евдокимов повторил им прежние безусловные требования переселения из гор на указанные новые места прикубанской равнины, причем заявил, что такова непременная воля самого Белого Царя. Не убедившись ответом графа Евдокимова, горцы послали депутацию в Тифлис с теми же несбыточными просьбами. Туда прибыла депутация в августе и услышала от князя Орбельяни подтверждение заявленного графом Евдокимовым решения. В то время уже было известно намерение Государя посетить Кавказ, и потому горским депутациям было предложено прислать в свое время депутацию к самому падишаху, чтобы прямо из уст его услышать окончательное решение.

---

* В письме ко мне от 14 (26) июня князь Барятинский писал: «С самого моего прибытия главнокомандующим на Кавказ я с какие-то невольным недоверием смотрел на черноморских казаков. Поэтому я в особенности почел долгом слить их в одно, по возможности скорее, с прекрасным нашим русским казачьим элементом на Кавказе. Я, конечно, предвидел, что найду противудействие единственно в панах; но пугаться было нечего и давать теперь послабление значило бы только укрепить этот враждебный элемент».

** В автографе зачеркнута первоначальная редакция текста: «В это же время, по предложению фельдмаршала, граф Евдокимов был освобожден от обязанностей наказного атамана Кубанского казачьего войска». (*Прим. публ.*)

ЛЕТО В ПЕТЕРБУРГЕ

В продолжение пребывания Государя в Москве я предался вполне возложенным на меня новым обязанностям и погрузился в пучину дел Военного министерства, не пропуская притом ни одного заседания Военного Совета и других высших учреждений, в которых мне следовало присутствовать за военного министра. Моя семья переселилась на лето в один из флигелей Каменностровского дворца Великой Княгини Елены Павловны, которая, уезжая за границу, предложила мне это помещение. Такое любезное предложение принял я с искреннею признательностью; здесь моя семья имела все удобства дачи, оставаясь в черте города; я же мог, в отсутствие Государя, постоянно жить вместе с семьей, не удаляясь от места моих вседневных служебных занятий.

По обыкновению Петербург совершенно опустел с наступлением лета. После отъезда брата Николая за границу, а сестры Мордвиновой в псковское имение в городе не оставалось никого из близких нам. Лучшие наши друзья – И.П. Арапетов, А.В. Головнин и другие также отправились за границу. Разъехалась и большая часть моих ближайших сотрудников по службе, то есть директоров департаментов Военного министерства; должности их исправляли вице-директоры. Директор канцелярии генерал-майор свиты Александр Федорович Лихачев уехал в отпуск, с намерением не возвращаться к своему посту*, должность его исправлял вице-директор полковник Дмитрий Сергеевич Мордвинов – оказавшийся, к большому моему удовольствию, человеком дельным и способным. Директор Комиссариатского департамента генерал-майор свиты граф Канкрин уехал за границу лечиться от своей болезненной тучности и также не рассчитывал оставаться в своей должности**. Вместо него департаментом управлял вице-директор действительный статский советник Мейснер – человек совершенно неспособный. Генерал-адъютант Э.И. Тотлебен объезжал крепости на юге России, а потом должен был осмотреть крепости в Царстве Польском и т.д.

Между тем в министерстве разрешались в то время дела довольно важные и сложные; мне приходилось взяться за все разом. По всем департаментам шла кропотливая работа по сокращению смет. В Комитете министров я должен был отстаивать Военное

---

* 30-го августа он был назначен начальником 1-й кавалерийской дивизии.

** Он умер за границей 28-го октября.

министерство от придирчивых нападок государственного контролера генерал-адъютанта Н.Н. Анненкова, который со свойственным ему педантизмом привязался к давнопрошедшей операции Новикова (известного морского офицера) по комиссариатскому заготовлению сапожного товара. В Государственном Совете первым моим дебютом было – провести предположенные Артиллерийским департаментом изменения в существовавшем с давних времен порядке заготовления буртовой селитры. Оба эти дела вызвали большие прения и разрешились вполне успешно. К тому же времени подошло сложное и кляузное дело по винному откупу на Дону[72], а также и упомянутое выше затруднение, встреченное со стороны казаков Кубанского войска в исполнение предположенного переселения за Кубань. Таковы были первые серьезные дела, с которыми пришлось мне встретиться при самом вступлении в управление министерством.

В Государственном Совете, в последний период сессии пред наступлением вакантного времени, наиболее интересными вопросами были: преобразование системы винных откупов[73] и изменение договора с Главным обществом железных дорог[74]. По первому предмету положено было, в отмену откупов, ввести в действие с 1-го января 1863 года составленное особою комиссиею новое Положение об акцизной системе. Положение это было объявлено указом 4-го июля. Относительно же железных дорог обсуждалось представление главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий генерал-адъютанта К.В. Чевкина об исключении из договора 1857 года с означенным Обществом предоставленного ему сооружения двух линий: Московско-Феодосийской и Либавской (которую предполагалось направить от Либавы к которому-либо из пунктов первой линии: Курску или Орлу). К сооружению первой из этих двух линий уже было приступлено; но между Обществом и Главным управлением путей сообщения возникли сильные пререкания. Генерал Чевкин восстал против французского Общества, и в течение зимы 1860–1861 годов начатые работы были остановлены. К сооружению же Либавской линии не было и приступлено. Государственный Совет положил утвердить предположенные Главным управлением изменения в договоре с Обществом, и впоследствии (2-го августа) эти изменения были объявлены общему собранию акционеров*.

* Окончательный указ обнародован лишь 3-го ноября 1861 года.

Отмена постройки означенных двух линий, особенно же Феодосийской, принята была в публике с некоторым сожалением, несмотря на общее несочувствие к Главному обществу, во главе которого стоял француз Колиньон. Всеми признавалась первостепенная необходимость железнодорожной линии от центра России к одному из черноморских портов. В то время мы были еще крайне бедны относительно железных дорог: кроме Николаевской линии, соединявшей обе столицы и выстроенной казенным способом с замечательной прочностью и роскошью, да небольшой подгородной дороги от Петербурга до Павловска, строились Главным обществом пока только две новые линии: из Москвы на Нижний и от Петербурга к Варшаве, с ветвью за границу на Кенигсберг. Первая была доведена в 1861 году до Владимира, и первый поезд по этому участку был пущен 14-го июня. Из второй же линии к началу этого года было открыто движение лишь до Динабурга, и то в зимнее время оно нередко прерывалось снежными заносами; в апреле же (10-го числа) пущен первый поезд из Ковны до Вержболова. Замечательно, что ранее соединения центра государства с окраинами уже существовала дорога от австрийской границы до Варшавы и строилась дорога от Варшавы на Бромберг. Кроме того, по инициативе Военного министерства, приступлено было в этом году к постройке железной дороги от Аксайской станции на Дону к Грушевским каменноугольным копям, на счет войска Донского*.

Упоминаю здесь о тогдашнем положении железнодорожного дела в России потому, что в то время Военное министерство уже вполне сознавало стратегическую важность будущей железнодорожной сети. Бедственная для нас Крымская война наглядно высказала, чего могли мы ожидать и впредь в случае новой войны, при нашем бездорожье, когда Западная Европа была уже исчерчена рельсами по всем направлениям. В русском обществе возбужден был живой интерес к железнодорожному делу, в котором заключался, по общему убеждению, ключ к возрождению экономического благосостояния государства. В этом, почти исключительном, случае интересы военные и экономические совпадали, по крайней мере в общем стремлении к скорейшему снабжению России железнодорожною сетью, хотя в частности, в выборе того или другого направления мнений, иногда виды Во-

---

*Высочайшее утверждение этой линии последовало 18-го декабря 1860-го года.

енного министерства и расходились с требованиями экономическими. Вот почему в то время сильно сетовали на главноуправляющего путей сообщения генерал-адъютанта Чевкина за то, что он тормозил железнодорожное дело своим мелочным педантизмом. Дело в том, что К.В. Чевкин, человек умный, но крайне самолюбивый, покровительствуя сначала французской компании, потом разочаровался на ее счет, вошел в раздражительные пререкания с Колиньоном и сделался чрезмерно осторожным и недоверчивым во всех новых железнодорожных предприятиях. Военному министерству приходилось впоследствии, почти всякий раз, когда возбуждался вопрос о направлении новых железных дорог, встречать в лице генерала Чевкина упорного противника.

10-го июня Государь с семейством возвратился из Москвы в Царское Село, где провел остальную часть месяца, а потом переселился в Петергоф и по временам приезжал в Красное Село. В Петербурге Государь бывал редко. 27-го июня Их Величества с детьми посетили мануфактурную выставку, открытую с конца мая в залах биржевого здания на Васильевском острове. Подобные выставки открывались периодически то в Петербурге, то в Москве.

После посещения Их Величеств петербургская выставка была закрыта 30-го июня.

План распределения местных сборов войск в этом году был составлен по особому соображению, под влиянием тех опасений, которые первоначально возбуждало освобождение крестьян из крепостного состояния: признавалось нужным так располагать войска, чтобы повсеместно имелась под рукой местного начальства достаточная военная сила, на случай возникновения беспорядков и волнений. Предосторожность эта оказалась напрасною; но в течение лета некоторые перемещения войск были вызваны соображениями совсем иного рода. Вследствие смут, происходивших в Царстве Польском и Северо-Западном крае, решено было передвинуть в Царство гусарскую бригаду 1-й кавалерийской дивизии и драгунскую бригаду 2-й, а потом еще две пехотных дивизии – 2-ю и 7-ю. В Северо-Западном же крае войска усилены из внутренних губерний 12 батальонами, частью действующими, частью резервными. В резервных дивизиях батальоны приводились в тысячный состав.

В Красносельском лагере войска гвардии, по заведенному с давних времен порядку, собрались в первых числах июня (артил-

лерия с начала мая). Всеми войсками этого сбора, за отсутствием командира Гвардейского корпуса генерал-адъютанта Плаутина, командовал Великий Князь Николай Николаевич – командир Гвардейского резервного кавалерийского корпуса, состоявшего из обеих гвардейских кавалерийских дивизий: кирасирской и легкой. Дивизиями тогда командовали: 1-ю пехотною – генерал-адъютант Гильденштуббе, 2-ю пехотною – генерал-адъютант барон Бистром, 3-ю пехотною – генерал-лейтенант Павел Иванович Корф, 1-ю кавалерийскою – генерал-адъютант граф Бреверн де Лагарди и 2-ю кавалерийскою – генерал-лейтенант барон Бюлер.

Приехав 8-го июля с Государем в Красное Село на парадную «зарю», я был удивлен совершенно изменившимся видом лагеря, против былых времен, когда я служил в войсках гвардии. При Великом Князе Михаиле Павловиче строжайше преследовалось все, что только могло доставить удобство и украшение летней стоянке гвардии; посадка деревьев, устройство бараков и тому подобные улучшения считались чуть не преступлением. Теперь же разведены тенистые рощи, устроены навесы для солдатских столовых, кухни, офицерские бараки и т.д. Ветвь Петергофской железной дороги подвозит пассажиров к самому Красному Селу. Наконец, выстроен даже театр, где даются представления петербургскою русскою труппой. Все это было немыслимо в наши молодые годы. К исходу лагеря происходят офицерские скачки, о которых в прежнее время не было помина; в эти дни съезжается в Красное Село масса публики из Петербурга и окрестностей. В 1861 году скачка происходила 30-го июля.

Мой образ жизни совершенно изменился с приезда Государя из Москвы. Ежедневно ездил я с докладом в Царское Село, Петергоф или в Красное Село; иногда ночевал там, а в Красном даже проводил по нескольку дней сряду, так что в течение двух месяцев, с 10-го июня по 6-е августа, я редко виделся со своею семьей. В этой подвижной жизни, а еще более в придворной обстановке – все было для меня непривычно. Не знаю, как выдержал бы я эту жизнь постоянной суеты, при массе служебных занятий, если б не ободряли меня благосклонное расположение и доверие самого Государя и внимание Императрицы.

Занятия мои по управлению министерством в первое время усложнялись, как уже сказано, отсутствием большей части моих

ближайших сотрудников, а еще более отношениями моими к генералу Сухозанету, который, несмотря на свои заботы в Варшаве, продолжал и вдали интересоваться ходом дел в министерстве. Я должен был вести с ним постоянную переписку, сообщать ему обо всех подробностях дел и спрашивать его мнение или согласие на предположенные распоряжения. Я не скрывал от него беспорядков, которые встречал каждый день в департаментах, особенно же в Комиссариатском. Беспрестанно поступали от войск жалобы на неудовлетворение их предметами обмундирования, и по этому поводу велась бесконечная переписка. Бухгалтерия не могла свести счетов. В письме от 21-го июня я заявил генералу Сухозанету, что нахожу невозможным так тянуть долее дело и признаю необходимым произвести серьезную ревизию департамента, а затем приступить к преобразованию его.

Сверх ожидания, генерал Сухозанет, в ответном письме от 29-го июня[75], вполне одобрил мое предложение и вместе с тем указал на тех лиц, которых рекомендовал на места директоров департаментов. В первых числах июля, при одном из моих докладов Государю в Красном Селе, я доложил об этой переписке моей с генералом Сухозанетом и испросил Высочайшее разрешение поручить ревизию Комиссариатского департамента тайному советнику Якобсону, который тогда не занимал никакой должности* и был на списке рекомендованных мне генералом Сухозанетом кандидатов в директоры означенного департамента. Я предполагал обревизовать впоследствии и другие департаменты. Государь вполне одобрил эту меру и внимательно расспрашивал о делах, которые наиболее озабочивали меня. Его благосклонность и доверие поддерживали во мне бодрость; а при такой мощной опоре я мог относиться с пренебрежением ко всем доходившим до меня слухам об интригах, которые уже тогда велись с тою целью, чтобы удалить меня из Петербурга**.

---

* Иван Давыдович Якобсон был назначен 30-го мая «заседающим в Военном Совете с правом голоса».

** Н.А. Новосельский писал мне из Дрездена (куда он ездил для личных объяснений с фельдмаршалом князем Барятинским по делу о пароходстве на Риони и Кубани), что в бытность свою в Петербурге он убедился в интригах против назначения моего военным министром и что для этой цели возбуждалось предположение о назначении меня «помощником» наместника и главнокомандующего на Кавказе[76]. Таким замысловатым способом были бы достигнуты разом две цели: и князь Барятинский мог бы долее оставаться за границею для лечения, и я был бы удален из Петербурга.

В половине июля получено было известие о предстоявшем приезде в Петербург фельдмаршала князя Барятинского. Эта новость была совершенною неожиданностью после недавно еще приходивших из Дрездена сведений о состоянии его здоровья. Еще 14 (26) июня он сам писал мне: «Здоровье мое нисколько не поправляется, хотя Вальтер и подает надежду на мое выздоровление, но требует на это так много времени, что это приводит меня в отчаяние. Я приехал сюда, не владея одною ногой; теперь же к этому прибавилась страшная боль в обеих руках, так что меня с большим трудом переносят с кровати на диван, с дивана на кровать и еще с большим трудом сажают всякий день в ванну...» Затем, в письме от 30-го июня (11-го июля) он писал: «Мое здоровье поправляется медленно. К прежним способам лечения присоединилось с некоторых пор электричество. Я не могу вам сказать, до какой степени оно меня ежедневно расстраивает. Надо ждать, что будет дальше, и я жду терпеливо, покоряясь воле Государя – слушаться медиков. Опасаюсь только, что все это будет долго продолжаться...» В конце июня фельдмаршал вызвал к себе в Дрезден некоторых из служивших при нем лиц: В.А. Инсарского, А.А. Харитонова, а также Н.А. Новосельского, для объяснений с ними по разным кавказским делам, особенно интересовавшим князя Барятинского; также имел он свидание с В.П. Бутковым – 14-го же июля – ровно месяц после приведенной выше печальной картины его болезненного состояния, – получаю от него телеграмму с извещением о том, что доктор Вальтер разрешил ему ехать на несколько недель в Петербург, но противится поездке в Крым. На другой же день, 15 (27) июля, князь Барятинский выехал из Дрездена на Берлин и Штетин, откуда морем прибыл 20 июля в Петербург.

В этот день Государь находился в Красном Селе, и там получил я телеграмму об ожидаемом в тот же вечер прибытии фельдмаршала. Помещение для него было приготовлено в Петергофе, куда Государь и уехал на другой день (это был канун именин Императрицы). Я также поспешил явиться к своему прежнему начальнику и нашел его в лучшем состоянии здоровья, чем ожидал. Хотя он почти не двигался, однако ж имел вид бодрый, с обычною живостью говорил о кавказских делах и подавал полную надежду на выздоровление. Приезжая ежедневно в Петергоф с докладами, я часто виделся с фельдмаршалом; он был со мною весьма любезен; по обыкновению много говорил и мало слушал. В Петергофе он оставался до самого дня отъезда Государя в Крым.

Государь был чрезвычайно озабочен выбором лица на должность наместника в Царстве Польском и главнокомандующего 1-ю армией. Временное управление генерала Сухозанета не могло продолжаться. Ежедневные тревоги варшавской неурядицы были не по силам болезненному старику; нужен был человек со свежими силами, с энергией*. После долгих колебаний выбор остановился на генерал-адъютанте графе Карле Карловиче Ламберте, занимавшем должность председателя «временного распорядительного Комитета по устройству южных военных поселений». Это был еще молодой генерал-лейтенант, сохранивший ловкость и щеголеватость блестящего гвардейского офицера. До назначения на упомянутую должность – упразднителя военных поселений – он был командиром лейб-гвардии Конного полка и не имел случая оказать какие-либо особые заслуги, ни боевые, ни административные. Трудно решить, на каких соображениях основан был выбор на высокий и трудный пост наместника и главнокомандующего; разве на том предположении, что он, как сам католик и человек со светским лоском, мог легче другого понравиться полякам? Конечно, это была иллюзия; да и вся система, принятая тогда нашим правительством относительно Польши, была такою же иллюзией.

Граф Ламберт, вызванный в Петербург, прибыл в конце июля и начал знакомиться с делами, готовиться к предназначавшейся ему должности. 6-го августа состоялось назначение его «исправляющим должность наместника в Царстве Польском и командующим 1-ю армией», с производством в чин генерала от кавалерии, хотя он был в числе младших генерал-лейтенантов. На место его, председателем временного комитета назначен генерал-майор Россет, бывший офицер гвардейской конной артиллерии и потом служивший по Министерству государственных имуществ. Тем же приказом 6-го августа генерал-адъютант Сухозанет, согласно настойчивым его просьбам, уволен в отпуск за границу для лечения, с награждением орденом Св. Андрея Первозванного, при лестном рескрипте.

Генерал Сухозанет с нетерпением ожидал прибытия на смену ему молодого наместника, тем более, что он намеревался еще воспользоваться лечением заграничными минеральными водами и боялся упустить удобное для того время года. Граф же Ламберт

---

* В автографе зачеркнут конец фразы: «<> с гибким, находчивым умом». (*Прим. публ.*)

не торопился выездом из Петербурга, где он продолжал знакомиться с делами вверенного ему управления и старался подобрать себе надежных сотрудников. В особенности важно было для него замещение должности главного директора Правительственной комиссии внутренних дел, вместо генерал-майора Гечевича, и должности варшавского генерал-губернатора, временно возложенной на начальника главного штаба 1-й армии генерал-лейтенанта Крыжановского. Граф Ламберт предложил обе эти должности генерал-адъютанту Герстенцвейгу, с которым был с молодых лет в товарищеских отношениях. Выбор был недурен: Герстенцвейг был умен и твердого характера. Хотя Военное министерство лишалось в нем самого дельного работника, можно сказать, главного своего столпа, однако ж нельзя было противиться новому назначению Герстенцвейга, так как дела в Польше имели в то время первостепенную важность. На открывшуюся в министерстве должность дежурного генерала, то есть директора Инспекторского департамента, сам Государь указал мне генерал-майора свиты графа Федора Логгиновича Гейдена, который незадолго пред тем (6-го июня) был уволен в пятимесячный отпуск за границу, с отчислением от должности начальника штаба Гренадерского корпуса*. Графа Гейдена я знал молодым офицером Преображенского полка, причисленным прямо по выпуске из Пажеского корпуса к Гвардейскому генеральному штабу; с тех пор я не имел с ним никаких сношений; но знал его по отличной репутации, оправданной им на деле в должности начальника корпусного штаба.

Граф Ламберт и Герстенцвейг выехали из Петербурга 12-го августа, а с прибытием их в Варшаву генерал Сухозанет на другой же день, 14-го (26) числа, сдав должность свою, отправился за границу, чрез Дрезден, в Вильдбад, где по совету врачей предпринял лечение.

2-го августа Императрица выехала из Петергофа в Крым с младшими детьми: Великими Князьями Сергеем и Павлом Александровичами и Великою Княжною Марией Александровной. Свиту ее составляли обер-гофмаршал граф Андрей Петрович Шувалов, фрейлины княжна Александра Сергеевна Долгорукова и Анна

* На эту должность тогда же был назначен генерал-майор свиты Николай Геннадьевич Казнаков.

Федоровна Тютчева. Состояние здоровья Ее Величества не позволяло ей ехать скоро; каждую ночь поезд останавливался на несколько часов. 8-го числа Императрица имела дневку в Харькове, откуда проехала 9-го числа в имение Татьяны Борисовны Потемкиной «Святые горы»*, где дождалась прибытия Государя.

Его Величество выехал четырьмя днями позже Императрицы, 6-го августа, вечером, после обычного торжества по случаю полкового праздника Преображенского полка и гвардейской артиллерии. Свиту Государя в путешествии составляли: генерал-адъютанты князь Вас<илий> Андр<еевич> Долгоруков и граф Алекс<андр> Влад<имирович> Адлерберг, свиты генерал-майор граф Иосиф Ламберт (назначенный 23-го июля управляющим делами Императорской Главной Квартиры и командиром Собственного Е.В. Конвоя**), свиты генерал-майор Иван Григор<ьевич> Сколков, занимавший должность «эскадр-майора», и прочие лица, обыкновенно сопровождавшие Его Величество в путешествиях.

В тот же день, 6-го августа, фельдмаршал князь Барятинский отплыл на яхте «Штандарт» в Штетин, откуда проехал по железной дороге чрез Берлин в Дрезден. Из Берлина он писал мне 10 (22) августа, что доехал совершенно благополучно, без малейшей качки на море. Несколько дней спустя генерал Сухозанет, проездом чрез Дрезден, навестив фельдмаршала, писал мне 15 (27) августа, что «нашел его в полном смысле слова молодым. Вальтер не только надеется, но убежден, что он может быть совершенно восстановлен, лишь бы воздержанностью помог лечению»[77]. При князе Барятинском находились в то время полковник Василий Васильевич Зиновьев, адъютант Кузнецов и милиционер мингрелец Гватуа. Находившийся ранее в Дрездене старейший из адъютантов полковник Тромповский, к большому огорчению князя, занемог и умер.

О себе самом генерал Сухозанет писал мне из Дрездена, что, по мнению доктора Вальтера, силы нашего военного министра «в таком ослабленном положении, что решительно он не должен заниматься более 4 или 5 часов в день...» «Прошу Вас верить сему указанию и согласно оному действовать и все приготовлять по ближайшему вашему соображению...» Но после шестнадцати ванн

---

* В 40 верстах от г. Изюма.

** Должности эти оставались незамещенными с Пасхи, когда граф Алекс<андр> Влад<имирович> Адлерберг, занимавший их прежде, назначен был на место отца его графа Влад<имира> Фед<оровича> Адлерберга, командующим Императорскою Главною Квартирой.

в Вильдбаде генерал Сухозанет уже писал (1-го сентября), что силы его заметно укрепились[78].

В течение августа все члены Императорского семейства были в разъездах, за исключением Великого Князя Михаила Николаевича, остававшегося все время в Петербурге, в ожидании родов Великой Княгини Ольги Федоровны. Наследник Цесаревич Николай Александрович ездил на Нижегородскую ярмарку и провел несколько дней в Москве с Великими Князьями Александром и Владимиром Александровичами*. Великий Князь Константин Николаевич, пробыв некоторое время в Николаеве, Севастополе и в своем имении Ореанде, на южном берегу Крыма, проехал чрез Одессу, Галац и Вену в Hiéres (на берегу Генуэзского залива), где находилась Великая Княгиня Александра Иосифовна. Великая Княгиня Елена Павловна также находилась за границей, в Баден-Бадене, потом на Женевском озере, а позже, в сентябре, в Ницце. В Бадене Великую Княгиню посетили дядя мой граф П.Д. Киселев и брат Николай.

В первое время по отъезде из Петербурга (в мае) брат мой провел около месяца в Париже. Большую часть этого времени проводил он с дядею графом Киселевым, который очень его любил и уважал. По целым часам они вели беседы о делах государственных и политических. Граф Киселев, пользовавшийся большим уважением и почетом в парижском высшем обществе, познакомил моего брата со многими из тамошних знаменитостей политических и ученых, которые с любопытством слушали объяснения

---

* В автографе зачеркнут первоначальный текст о поездках членов Царской семьи: «Наследник Цесаревич Николай Александрович, прибыв 7-го августа в Москву, на другой же день выехал оттуда по вновь открытому участку железной дороги до Владимира и далее в Нижний, а 19-го числа возвратился в Москву, где съехался с Великими Князьями Александром и Владимиром Александровичами, прибывшими в тот же день из Царского Села. Все три молодые Царевича провели вместе в Москве неделю; в годовщину коронации, 26-го августа, присутствовали при торжественной литургии в Успенском соборе, а на другой день возвратились в Царское Село. Великий Князь Алексей Александрович вместе с Николаем Константиновичем отправились в Финляндию на пароходе «Рюрик», в сопровождении воспитателя, капитана 1-го ранга флигель-адъютанта К.Н. Посьета и 16-го августа возвратились в Царское же Село. Великий Князь Николай Николаевич ездил в свои имения и осматривал конские заводы. Герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский отправился на фрегате «Храбрый» в Стокгольм и Киль, а герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий выехал 8-го августа на юг России для инспектирования стрелковых батальонов; он возвратился в Петербург к 30-му августа и затем, вместе с Великой Княгиней Екатериной Михайловной, провел осень в Мекленбурге». (*Прим. публ.*)

Цесаревич Николай Александрович

о великом событии, только что совершившемся во внутреннем быте обширной восточной державы. Брат составил даже по этому предмету брошюру на французском языке, которая весьма заинтересовала французских государственных людей. В июне брат со всею семьей переехал в Соден, откуда ездил в Баден для свидания с Великою Княгиней Еленой Павловной; там нашел он графа Павла Дмитр<иевича> Киселева, его младшего брата Николая Дмитриевича (посланника в Риме и при тосканском дворе) и многих других русских.

О брате Николае писал мне Александр Васильевич Головнин, видевшийся с ним в Содене 21-го июля[79]. По мнению Головнина, болезненное состояние брата требовало серьезного внимания. Во время пребывания его в Бадене Великая Княгиня Елена Павловна также убеждала его в необходимости лечения; по настоянию ее тамошние врачи подробно исследовали состояние брата моего, нашли в нем сильное расстройство печени и завалы, происходившие от сидячей жизни, и предписали ему шлангенбадские воды, а потом виноградное лечение и строгий гигиенический режим. Брат обещал Великой Княгине в точности исполнять требования врачей. В исходе августа, во время пребывания Великой Княгини на Женевском озере, в Вевэ, съехались там брат Николай со всею своею семьей, свояченица его Вера Аггеевна Абаза, Алекс<андр> Вас<ильевич> Головнин и еще некоторые русские.

ПРЕБЫВАНИЕ ГОСУДАРЯ В КРЫМУ И НА КАВКАЗЕ 6-го АВГУСТА – 18-го ОКТЯБРЯ

6-го августа, как уже сказано, Государь выехал из Царского Села в 9 часов вечера на Колпинскую станцию, откуда по железной дороге отправился в Москву. Прибыв туда на другой день, в 11 часов утра, Его Величество продолжал путь далее на лошадях, на Тулу, Орел, Курск. В каждом из этих городов имел Он ночлег; по утрам 8-го, 9-го и 10-го августа принимал местные власти и представителей разных сословий, производил смотры войскам*, посещал собор, кадетские корпуса (Тульский и Орловский); с полудня же до ночи продолжал путь. 11-го августа Государь при-

* В Туле – Екатеринбургский и Тобольский пехотные полки и 10-й стрелковый батальон; в Орле – Охотский и Камчатский полки и два резервные батальона; в Курске – вся 4-я кавалерийская дивизия с ее конно-артиллерийскою бригадой.

был в имение Т.Б. Потемкиной «Святые горы», где Императрица находилась уже два дня. 13-го числа Их Величества вместе проехали обратно на Харьков и оттуда на Полтаву. В обоих городах они принимали начальствующих и почетных лиц, посетили соборы, а в Полтаве слушали обедню в девичьем институте и посетили древнюю церковь Спаса, в которой Петр Великий молился после своей победы. Государь посетил Полтавский кадетский корпус и произвел смотр резервному батальону. От Полтавы Его Величество ехал до Николаева отдельно от Императрицы: 16-го числа в Елизаветграде произвел смотр собранной там кавалерии: 5-й кавалерийской дивизии и уланской бригаде 3-й дивизии с конною артиллерией, а на другой день утром – маневры тем же войскам, и в тот же день, 17-го числа, вечером, прибыл в Николаев. Императрица же переночевала с 15-го на 16-е в Кременчуге, а с 17-го на 18-е – в Елизаветграде, где рано утром были представлены Ее Величеству воспитанницы тамошнего девичьего училища. В тот же день, вечером, Императрица прибыла в Николаев. Между тем Государь, того же 18-го числа, после обычного приема начальствующих лиц и посещения собора, произвел смотр расположенным в Николаеве войскам*, осмотрел Адмиралтейство, Инвалидный дом и возведенную в устье Буга Константиновскую батарею, прикрывавшую доступ к Николаеву с моря.

Из Николаева Их Величества выехали вместе, 19-го августа, морем в Одессу. Там, на другой день, в воскресение, они слушали обедню в девичьем институте и посетили собор; затем Государь произвел смотр Волынскому пехотному полку, а в 4 часа пополудни принял прибывшего для приветствования Его Величества от имени султана турецкого министра иностранных дел Мегмета-Джемиль-пашу с его свитой. К обеду были приглашены местные власти, почетные лица и турецкое посольство. Вечером того же дня Государь выехал в Бендеры, где произвел 21-го числа смотр и учение 15-й пехотной дивизии (начальником которой был генерал-лейтенант Кишинский – кавказский ветеран), и к вечеру возвратился в Одессу.

На другой день, 22-го числа, Их Величества, в полдень, отплыли из Одессы на пароходе «Тигр» и, прибыв 23-го числа в Севастополь, посетили собор, присутствовали при закладке храма Св. Владимира на развалинах древнего Херсонеса или Корсуня. Государь объехал верхом линию бывших укреплений и произвел смотр бата-

* Подольский пехотный полк и 13-й стрелковый батальон.

льону Белостокского пехотного полка. После обеда Их Величества посетили кладбище на Северной стороне, отслужили там панихиду по князю Мих<аилу> Дм<итриевичу> Горчакову и по другим почившимся защитникам Севастополя. Поблизости кладбища Государь смотрел батальон Брестского пехотного полка, и затем Их Величества проехали в Бахчисарай, где и ночевали в восстановленном дворце бывших ханов крымских. На другой день, 24-го числа, они осматривали Успенский монастырь, Чуфут-Кале, а на возвратном пути в Севастополь – поле Инкерманского сражения.

Из Севастополя Их Величества проехали сухим путем по южному берегу Крыма в Ливадию. Имение это, вблизи Ялты, сделалось собственностью Императрицы только незадолго до прибытия Их Величеств: оно было приобретено Департаментом уделов в начале 1861 года от князя Льва Потоцкого. Существовавший княжеский дом, довольно скромных размеров, был наскоро приспособлен к приему новых Августейших хозяев. Вообще имение далеко не удовлетворяло прихотливым привычкам нашего Двора. Только в последующие годы оно постепенно обстраивалось и принимало вид Царского местопребывания. Несмотря на то, Их Величества с первого же своего приезда полюбили Ливадию; здесь находили они спокойный и приятный приют, в котором могли на некоторое время отрешиться от обычной своей официальной, натянутой обстановки. Здесь они могли воображать себя частными владельцами. Всего же важнее было то, что благословенный климат южного берега Крыма действовал благотворно на здоровье Императрицы и тем избавлял Ее Величество от поездок за границу.

День 30-го августа праздновался в Ливадии в семейном кругу, в присутствии лишь немногих приезжих лиц[80]. По обыкновению этот торжественный день был ознаменован многочисленными наградами, производством в чины, новыми назначениями. В числе последних более крупными были по Министерству иностранных дел: товарищ министра обер-гофмейстер Иван Матвеевич Толстой (с молодых лет близкий к Государю человек) назначен членом Государственного Совета; место его занял обер-форшнейдер Николай Алексеевич Муханов – человек любезный в обществе, но еще более пустой, чем его предместник. Директор Азиатского департамента генерал-майор Егор Петрович Ковалевский, по расстроенному здоровью, уволен от должности, с назначением сенатором, а вместо него назначен генерал-адъютант Николай Павлович Игнатьев, выказавший свои дипломатические способности успешным исполнением прошлогодней миссии

его в Китай. По военному ведомству состоялись многие перемены, из которых некоторые имели существенное значение: генерал-майор свиты граф Ф.Л. Гейден назначен дежурным генералом Главного Штаба Е.И.В., то есть директором Инспекторского департамента, с производством в генерал-лейтенанты, а начальник штаба генерал-инспектора инженерной части генерал-майор свиты Константин Петрович Кауфман – директором канцелярии Военного министерства, на место генерала Лихачева, назначенного начальником 1-й кавалерийской дивизии. Великий Князь Николай Николаевич с сожалением уступил лучшего своего сотрудника и согласился на соединение должности начальника штаба генерал-инспектора с должностью директора Инженерного департамента, в лице генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена. На место генерал-адъютанта барона Ливена генерал-квартирмейстером и директором Департамента Генерального Штаба назначен генерал-лейтенант А.И. Веригин, вместо которого начальником Управления иррегулярных войск – генерал-лейтенант Н.И. Карлгоф, бывший генерал-квартирмейстер Кавказской армии. Таким образом переменились разом четыре из главных должностных лиц Военного министерства. Кроме того, по военному же ведомству последовали назначения: генерал-лейтенанта барона Егора Петровича Врангеля, бывшего попечителем Виленского учебного округа, членом Военного Совета; генерал-майора Гана – дежурным генералом 1-й армии (на место генерал-лейтенанта Заболоцкого), и управляющего делами Императорской Главной Квартиры графа Иосифа Ламберта – генерал-адъютантом. Во всех военных чинах последовало большое производство; в том числе 6 генерал-лейтенантов произведены в полные генералы*. В том же приказе произведен в генерал-майоры начальник офицерской стрелковой школы полковник Ванновский.

Пробыв в Ливадии две недели в полном отдыхе, Государь снова собрался в путешествие на Кавказ. Предположено было объехать Кубанскую область, взглянуть на местность, назначенную для

* Далее в автографе зачеркнуто продолжение текста: «<> барон Фитингоф (помощник командира Сводного кавалерийского корпуса барона Оффенберга), Дюгамель (генерал-губернатор Западной Сибири и командир Отдельного сибирского корпуса), барон Карл Карл<ович> Врангель (командир 3-го армейского корпуса), Лауниц (командир Отдельного корпуса внутренней стражи), Безобразов (командир 4-го армейского корпуса) и Мерхелевич (начальник артиллерии 1-й армии)». (*Прим. публ.*)

заселения казаками, и посетить некоторые пункты Черноморского побережья; на всю эту поездку уделялось около двух недель. Составленный мною проект маршрута был послан на окончательное заключение графа Евдокимова и князя Гр<игория> Дм<итриевича> Орбельяни, которые сделали в нем кое-какие частные изменения и приготовились к встрече державного гостя. Свита Государя в этом путешествии была по возможности сокращена: Его сопровождали генерал-адъютанты князь Вас<илий> Андр<еевич> Долгоруков, граф Алекс<андр> Влад<имирович> Адлерберг и граф Иосиф Ламберт, флигель-адъютант Рылеев и лейбмедик Енохин. Приказано было назначить для сопровождения Его Величества еще одного из кавказских врачей, наиболее знакомых с лечением местной лихорадки.

9-го сентября, в полночь, Государь отплыл из Ялты на пароходе «Тигр»; 10-го, утром, в воскресение, вышел на берег в Феодосии, слушал обедню в тамошней церкви, посетил военный госпиталь, Армянское училище, а вечером прибыл в Керчь. Здесь 11-го числа, утром, произвел смотр Виленскому пехотному полку, осматривал укрепления, как выстроенные уже, так и строившиеся, посетил в городе собор, музеум, девичий институт, а в полдень продолжал путь в Тамань и доехал до Темрюка, где назначен был первый ночлег. На другой день, 12-го сентября, продолжал путь вдоль Кубани до Екатеринодара.

В Тамани встретили Государя генерал-адъютанты князь Гр<игорий> Дм<итриевич> Орбельяни и граф Евдокимов и некоторые другие из местных начальников, а в Екатеринодаре происходил 13-го числа большой прием съехавшихся со всего Кавказского края начальствующих лиц, депутаций от казаков и покорных туземцев. Происходившие незадолго перед тем волнения между казаками, по случаю переселения за Кубань, успокоились ко времени приезда Государя. Высочайший рескрипт, данный на имя графа Евдокимова, о дарованных переселенцам новых облегчениях и льготах, произвел вполне благоприятное действие. Он был обнародован с большою торжественностью: в первых семи бригадах Кубанского войска (бывших линейных) – 1-го августа, во всех станицах одновременно, сперва в церквях, а потом в станичных правлениях. Для этого разосланы были предварительно печатные экземпляры рескрипта; подлинный же, подписанный Государем, был прочтен самим графом Евдокимовым в станице Михайловской, куда были собраны бригадные командиры и депутаты от всех других станиц. Казаки приняли дарованные пере-

селенцам новые льготы с восторгом; они не ожидали таких значительных льгот, благодаря которым переселение за Кубань не только уже не пугало казаков, но даже привлекло большое число охотников, так что пришлось назначать из них по жребию. Объявление Высочайшего рескрипта сопровождалось в станицах радостными заявлениями и празднествами.

В бывшем же Черноморском войске рескрипт объявлен был только 6-го августа, также с известным церемониалом. В Екатеринодаре объявление это не произвело такого же, как у бывших линейных казаков, выражения радости и благодарности; у коренастых хохлов продолжалось еще глухое неудовольствие, поддерживаемое происками панов. Простые же казаки простодушно заявляли генералу Иванову, что они готовы были и прежде исполнить Государеву волю, если бы не паны, которые, притесняя казаков, вместе с тем возбуждали их против начальства. Генерал-майор Кухаренко, один из главных участников поданного графу Евдокимову противузаконного заявления, теперь сам предлагал подать начальству прошение в таком же смысле, в каком было подано казаками Михайловской станицы по объявлении им новых Царских милостей, но большинство черноморских дворян и тут отклонило предложение; против генерала Кухаренко появились даже пасквили, обвинявшие его в измене делу Черномории.

Тем не менее Государь был встречен и черноморскими казаками с одушевлением. Впоследствии (29-го сентября) генерал Карцов писал мне, что «черноморцы, встретившие Государя со страхом, провожали его с восторгом, особенно когда узнали, что он приказал освободить арестованных; по отъезде Государя они служили благодарственные молебны»[81].

До приезда своего на Кубань Государь, припоминая свои разговоры с князем Барятинским в Петергофе, ожидал, что граф Евдокимов будет просить об увольнении его от должности, и в таком случае имел в виду, согласно мнению фельдмаршала, назначить начальником Кубанской области князя Святополк-Мирского, а вместо него начальником Терской области князя Левана Меликова, заместив последнего в Дагестане генерал-майором Михаилом Тариеловичем Лорис-Меликовым. Но в этих перемещениях не оказалось надобности. Граф Евдокимов, обласканный Государем, и не думал покидать свое место, – чему нельзя было не порадоваться: ибо при тогдашнем положении дел всякая перемена начальства в Кубанской области неизбежно замедлила бы ожидавшееся в близком будущем окончание войны на Кавказе.

13-го сентября Государь из Екатеринодара выехал верхом за Кубань и следовал с отрядом чрез укрепления Дмитриевское и Григорьевское, для обозрения местности, лежащей у подошв гор и назначенной к заселению казаками. В тот же день Его Величество вернулся на Кубань и к ночи прибыл в станицу Усть-Лабинскую. На другой день, 14-го числа, переехал опять за Кубань в укрепление Майкоп, а 15-го, после небольшой рекогносцировки за р. Белую, прибыл к вечеру в лагерь Верхне-Абадзехского отряда близ укрепления Хамкеты, возведенного в горах, между верхними течениями Белой и Лабы. Здесь назначена была на 16-е число дневка; сюда же, вследствие данного тифлисским начальством разрешения, прибыли в большом числе старшины абадзехского племени и депутаты от убыхов и шапсугов; собралось их всего до тысячи человек*; но из них допущено было представиться Государю только 60 избранным влиятельнейшим людям, во главе которых предстал пред русским Императором один из известной убыхской фамилии Берзеков, тот же, который приезжал и в Тифлис с депутацией к князю Григорию Дмитриевичу Орбельяни. Он обратился к Государю с речью, а один из абадзехских старшин поднес от имени всего народа абадзехского адрес[83], в котором высказывалась в начале готовность войти окончательно в подданство русскому Императору, «соединиться с ним так, чтобы никогда уже не выходить из повиновения поставленному им начальству»; испрашивалось прощение прежних проступков, «совершенных по невежеству и притом в то время, когда они, абадзехи, были еще непокорными...»; но затем слышались такие условия: «оставить за ними в неприкосновенности все земли от р. Лабы до пределов абадзехской земли, от р. Кубани до земель шапсугов и от Гагры до пределов земли убыхов; не строить более на сказанных землях ни крепостей, ни укреплений, ни сел, ни деревень, и не проводить дорог, которые вредят посевам хлеба, находящимся преимущественно поблизости дорог...» В заключение испрашивалась «выдача пленных горцев и возвращение беглых холопов». На этот адрес и на речь депутатов Государь ответил в немногих словах, что «примет покорность только безусловную, а устройство быта и судьбы народа поручил кавказскому начальству», а потому указал горцам обращаться с их просьбами к графу Евдокимову.

---

* В письмах графа Адлерберга ко мне показано даже до 10 тысяч человек[82]; но цифра эта очевидно преувеличена.

Горские депутаты уехали из лагеря крайне разочарованные и недовольные; ожидавшая возвращения их толпа, узнав об ответе «падишаха», пришла в сильное волнение, и партия, клонившая дело к покорности, должна была умолкнуть. Убыхи и шапсуги постановили решение – продолжать войну с русскими до последней крайности; абадзехи же положили выждать еще до новых переговоров с графом Евдокимовым по прибытии его в отряд. Можно полагать, что самое лицезрение Белого Царя, которое должно было бы произвести на горцев внушительное впечатление, не имело такого действия на депутатов при той простой лагерной обстановке, в которой они были приняты Государем.

17-го числа, в воскресение, после обедни в лагерной церкви и завтрака, Государь выехал из лагеря Верх-Абадзехского отряда и ночевал в станице Андрюковской (на Малой Лабе), на следующий день проехал вдоль Малой и Большой Лабы до станицы Лабинской, а 19-го прибыл обратно в Усть-Лабинскую, откуда 20-го числа проехал далее по Кубани до Копыльского поста.

21-го числа Государь снова переехал за Кубань на укрепления Адагумское, Крымское и Константиновское. В Новороссийске ожидал его пароход «Тигр», на котором Его Величество отплыл в Сухум, куда прибыл утром 22-го сентября, несколько ранее, чем Его ожидали. При выходе Государя на берег Его встретили местные начальники и толпа народа; не было лишь владетеля Абхазии, генерал-адъютанта князя Михаила Шервашидзе, почему-то опоздавшего на пристань. Он явился только уже после приема Государем князей и почетных лиц абхазских и цебельдинских. По показанию очевидцев князь Михаил, прибежав запыхавшись, бледный, едва стоял на ногах; холодный пот стекал по его впалым и посиневшим щекам, не столько от лихорадки, сколько от смущения и боязни неблагосклонного приема. Однако ж Государь обошелся с ним весьма милостиво, подал ему руку и обнял его. Князь Шервашидзе бросился целовать Государеву руку и видимо ожил. Придя в дом, приготовленный для приема Его Величества, не в дальнем расстоянии от пристани, Государь пригласил князя Михаила в особую комнату и, поговорив с ним наедине несколько минут, потребовал туда же князя Григория Дмитриевича Орбельяни и генерала Карцова, которым сказал: «Вот я говорил с князем о дороге, которую мы думаем провести из Сухума на северный склон хребта. Князь не считает это невозможным и охотно принимает на себя как разыскание местности, так и самое исполнение предприятия...» Князь Шервашидзе начал

говорить о необходимости предварительных изысканий, о предположениях своих относительно приведения горских племен в покорность и т.д. Владетель Абхазии, за которым много было в его жизни грехов, казался на этот раз совершенно благонамеренным и готовым усердно выполнить Высочайшую волю. Но когда Государь предложил ему сопровождать Его Величество в Кутаис, он отклонил это любезное приглашение под предлогом болезни.

После обеда, к которому был приглашен и князь Михаил, Государь отплыл из Сухума; на следующее утро, 23-го числа, высадился в Поти и в тот же день к вечеру приехал в Кутаис, где был приготовлен блестящий прием и празднество. Утром, 24-го числа, после приема местных властей, почетных лиц, депутаций, Его Величество слушал обедню в соборе, потом посетил гимназию, девичье училище и военный госпиталь. К великому прискорбию кутаисских жителей и начальства ненастная погода и проливной дождь помешали приготовленному за городом блестящему празднику. На другой день, 25-го числа, Государь произвел утром смотр прибывшим в Кутаис двум ротам лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка и местному линейному батальону и затем выехал из Кутаиса в обратный путь. Благодаря дождю накануне Рион сделался судоходным, и путешествие Его Величества до Поти совершилось на пароходе. На рейде Потийском ожидал пароход «Тигр», и предполагалось отплыть в тот же вечер; но сильное волнение на море воспрепятствовало выходу из Риона чрез бар и посадке на «Тигр», так что Государь был задержан в Поти целых 15 часов и мог отплыть только на следующий день, 26-го сентября, около 2 часов пополудни.

Почти в ту минуту, когда Государь отправлялся на пароход, курьер из Сухума привез письмо владетеля Абхазии к князю Григорию Дмитриевичу Орбельяни, заключившее в себе просьбу князя Михаила о разрешении ему поездки в Константинополь, будто бы для совещания с врачами. На эту просьбу немедленно же дано было Государем разрешение; но такое внезапное заявление князя Шервашидзе показалось кавказскому начальству несколько подозрительным после только что оказанного ему Его Величеством внимания. Князь Михаил во всю свою жизнь всегда хитрил и интриговал; не раз он был уличаем в сношениях и связях с турецким правительством, в подстрекательстве горцев против России и тому подобных происках. В самое последнее время обнаружилось, что по его внушению несколько небольших племен: там, баг, шах-гиреи, выгнанные графом Евдокимовым с северной сто-

роны хребта, не ушли в Турцию, как намеревались, а остались у медовеевцев на южном склоне гор; он же внушил горским племенам, еще остававшимся в западной части Кавказа, образовать между собою союз, очевидно, для противудействия русским, хотя впоследствии он уверял, в оправдание свое, будто имел при этом в виду облегчить нашему правительству успех переговоров с горцами и приведение их в покорность. Все эти обстоятельства побуждали кавказское начальство относиться с недоверием ко всем поступкам князя Шервашидзе и следить за его поведением в Константинополе, – о чем было сообщено и посланнику нашему князю Лобанову-Ростовскому.

Морской переход Государя от Поти до крымского берега был замедлен противными ветрами, бурей и дурной погодой, так что после двухдневной сильной качки, Его Величество только 28-го сентября вышел на берег в Ялте.

Путешествием своим на Кавказ Государь остался вполне доволен. Вот что писал мне граф Адлерберг (от 18-го сентября): «Государь наслаждается присутствием своим в любимом им крае и среди бесподобных войск Кавказской армии. Все, что Он видит, Ему нравится, утешает Его, и надобно отдать справедливость графу Евдокимову, что он, для приема Его Величества и показания Ему края, лицом в грязь не ударил. Один только раз Государь был несколько недоволен тем, что в лагере в Хамкетах Ему поставили не простую палатку, а смастерили большую, в несколько отделений, по Его словам, слишком роскошную. Дело в том, что невозможно убедить Государя, что солдаты, простой народ, а в особенности горцы и дикие абадзехи, приходившие в лагерь, никогда не поймут, чтоб он мог жить в такой палатке, как все. Неудовольствие это однако не продолжалось, а ограничилось замечанием, что не угадали Его вкуса и привычек и сделали хуже, желая сделать лучше...» «Войска все в блестящем состоянии...» Также и в письме из Ливадии, от 30-го сентября, граф Адлерберг присовокупил: «Поездка Государя на Кавказ произвела на Него приятнейшее воспоминание, как и первое Его путешествие...»[84] Генерал Карцов, в письме от 29-го сентября, замечает: «Особенно понравился Государю тот край, в котором селятся наши новые станицы».

Само собою разумеется, что пребывание Государя не осталось без последствий и для кавказцев. Оно ознаменовалось многочисленными наградами и милостями, отчасти вследствие собственной наклонности Государя к щедрости в подобных случаях,

отчасти же в угоду отсутствовавшему фельдмаршалу, который не упустил возможности замолвить слово о личностях, пользовавшихся особенным его благорасположением. Самому графу Евдокимову оказаны такие две милости, которые совершенно осчастливили его: разрешено графский титул передать женатому на его племяннице полковнику Доливо-Добровольскому с потомством и пожаловано 7 тысяч десятин земли в Ставропольской губернии. Генерал-майор свиты князь Дмитрий Иванович Святополк-Мирский произведен в генерал-лейтенанты, с назначением начальником Терской области, которая притом выделена из ведения графа Евдокимова. Начальник Дагестанской области генерал-лейтенант князь Леван Меликов получил звание генерал-адъютанта. В числе милостей, оказанных разным личностям из туземцев, – возвращен бывшему элисуйскому султану Даниель-беку чин генерал-майора, которого он лишен был вследствие его измены и побега к Шамилю.

Князя Барятинского Государь сам известил о вынесенных Им впечатлениях из поездки по Кавказу и об удовлетворении разных ходатайств фельдмаршала. В то время князь Барятинский значительно поправился в своем здоровье; ездил недели на две на Рейн, к своей сестре княгине Зейн-Витгенштейн и весьма интересовался поездкою Государя на Кавказ, как видно из тогдашних его писем ко мне. Полученное им в октябре письмо Государя чрезвычайно обрадовало фельдмаршала.

По возвращении в Крым Государь оставался в Ливадии еще около двух недель и наслаждался жизнью в этом очаровательном местопребывании. Императрица была также чрезвычайно довольна Крымом, который приносил несомненно пользу Ее здоровью. Но прискорбные известия, получавшиеся как из Петербурга, так и Варшавы, сильно озабочивали Государя и заставили Его ускорить свое возвращение в столицу. Отъезд из Крыма первоначально был назначен уже на 10-е октября; но свежая погода и волнение на море заставляли отлагать выезд со дня на день. Только 12-го числа Их Величества отплыли на пароходе «Тигр», а 15-го прибыли в Николаев, откуда Государь выехал в тот же день и, безостановочно путешествуя чрез Полтаву, Харьков и Москву, прибыл 18-го числа в Царское Село. Императрица же с детьми выехала из Николаева 16-го числа и, путешествуя с ночлегами, возвратилась в Царское Село лишь 23-го октября.

ПЕТЕРБУРГ В ОТСУТСТВИЕ ГОСУДАРЯ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ БЕСПОРЯДКИ*

Отсутствие Государя в продолжение двух месяцев с половиной было значительным для меня облегчением; я мог свободно располагать своим временем для занятий по министерству, живя притом со своею семьей на Каменноостровской даче. Однако ж время это провел я далеко не в спокойствии: почти каждый день получались тревожные известия из Варшавы и Вильны, а вместе с тем во всей России усиливались беспокойства и волнения умов. В самом Петербурге беспрестанно обнаруживались попытки злоумышленников произвести неудовольствия и смуты, особенно в среде учащейся молодежи. Революционные воззвания, обращенные то «к молодому поколению», то «к офицерам», или под заглавиями: «Великоросс», «Земля и воля»[85] и т.д., рассылались по почте, подбрасывались в общественных местах, в школах, казармах, даже совались в карманы и в руки проходящим по улице. Прокламации эти, так же, как и брошюры, рассылались без всякого толка, кому попало: чиновникам, офицерам, даже старым генералам, не подававшим, конечно, ни малейшего повода к подозрению в сочувствии их революционной пропаганде. Из числа получавших такие безымянные листки или брошюры иные представляли их начальству; многие же, не принимавшие этой предосторожности, попадали сами в число подозрительных, неблагонадежных лиц и подвергались преследованию, большею частию незаслуженному. Злоумышленники старались совратить не только молодых офицеров, но и нижних чинов. Бывали попытки пропаганды в казармах; бывали даже и такие случаи, грустно теперь об этом вспоминать, что революционная пропаганда производилась в войсках самими офицерами. Я счел своею обязанностью, циркуляром к главным военным начальникам (4-го сентября), указать им угрожавшую опасность и необходимые меры осторожности для поддержания в войсках дисциплины и порядка. В особенности нужно было усугубить надзор за молодыми офицерами и юнкерами.

При таком положении дел удаление Государя от столицы на продолжительное время казалось крайне неудобным. Да и сам Государь предусматривал, что в отсутствие его могли возникнуть в самом Петербурге и в других местах попытки нарушения спокой-

---

* В автографе первоначальный вариант заголовка дополнен: «6-го августа — 18-го октября». (*Прим. публ.*)

ствия и порядка. Поэтому Его Величество, пред отъездом своим из Царского Села, секретным распоряжением поручил Великому Князю Михаилу Николаевичу, по мере надобности, собирать у себя совещания из следующих лиц: министра внутренних дел статс-секретаря Валуева, управлявшего, за отсутствием шефа жандармов, III-м отделением Собственной Е.В. Канцелярии, генерал-майора свиты графа Петра Андреевича Шувалова, петербургского военного генерал-губернатора генерал-адъютанта Павла Николаевича Игнатьева и меня, а в случае надобности, начальника штаба Гвардейского корпуса генерал-адъютанта Эдуарда Трофимовича Баранова (за отсутствием самого корпусного командира) и других главных начальствующих лиц, смотря по роду дел, подлежавших обсуждению. Совещание это должно было принимать общие меры, которые могли оказаться нужными в каких-либо чрезвычайных случаях, для прекращения или предупреждения беспорядков и беспокойств.

Такое поручение возложено было на Великого Князя Михаила Николаевича потому, что оба старшие Великие Князья Константин и Николай Николаевичи находились в отсутствии. Великий Князь занимал тогда помещение в Зимнем дворце, под Эрмитажем, на Неву. Здесь происходили и наши совещания, имевшие характер негласный: не было ни протоколов, ни других формальностей. Часто, после совещания, Великий Князь приглашал нас в соседние покои, и там за чашкой чая и сигарой продолжалась непринужденная беседа.

В течение августа нам приходилось собираться не очень часто, и предметы, подлежавшие обсуждению, не представляли еще особенной важности. В торжественный день 30-го августа происходило в Петербурге обычное празднование: утром крестный ход в Александро-Невскую Лавру, торжественная там служба, после которой завтрак у митрополита Исидора; весь официальный Петербург съехался в Лавру; торжеству благоприятствовала прекрасная погода. Полученная из Ливадии телеграмма известила о Высочайшем утверждении всех предназначенных на этот день наград, назначений и чинопроизводств; но объявить о них я не счел возможным до получения официального уведомления о добавленных самим Государем наградах и назначениях.

С первых чисел сентября, к открытию курсов во всех учебных заведениях, начала постепенно съезжаться в Петербург масса молодежи, отсутствовавшей во время каникул. Как уже было сказано, давно замечались сильное брожение и строптивость между

студентами университета и других высших учебных заведений; с приближением же времени открытия курсов после каникул и по мере прибытия студентов начались между ними сходки, заявления неудовольствия на вводимые в университете новые порядки и требования начальства. Чтобы объяснить поводы к этому неудовольствию и к возникшим затем крупным беспорядками в Петербургском университете, я должен сказать несколько слов о предшествовавшем ходе дела и вообще о тогдашнем положении наших университетов.

Устав университетский 1835 года[86] давно уже утратил свою силу в практическом применении; значительные с тех пор изменения в понятиях и в условиях жизни заставляли университетское начальство отступать от устаревшего устава и вводить новые порядки, так что университеты, можно сказать, жили по обычаю, а не по закону. С 1845 года попечителем Петербургского университета был граф Мусин-Пушкин (бывший до того времени попечителем Казанского университета) – человек жесткий, грубый, заботившийся только о поддержании в университете внешнего порядка крутыми полицейскими мерами, что было нетрудно, когда число студентов ограничивалось предельною цифрою трехсот и когда можно было держать их на одной ноге с воспитанниками гимназий. Зато университеты наши и доведены были до жалкого, приниженного положения. С 1856 года совершилось полное изменение во взглядах и направлении правительственной системы: число студентов быстро возросло; в Петербургском университете оно уже достигло 1500 человек. Новый попечитель университета князь Григорий Алексеевич Щербатов – человек просвещенный, развитой, с современными воззрениями, круто повернул дело на новый путь: студентам предоставлена была большая самостоятельность в занятиях; отменен строгий надзор за посещением ими лекций, сокращены экзамены; с другой стороны, старался он поднять нравственный и научный уровень студентов, допустив между ними корпоративную организацию, для чего разрешено было завести студенческую библиотеку, читальни, кассу для воспособления бедным товарищам. Заведование этими общественными учреждениями вверялось выбранным студентам, а потому допущены были сходки студентов, как для выборов, так и для обсуждения вопросов, касавшихся кассы или учебных нужд студентов. Вместе с тем завелись литературные собрания, положено основание изданию сборника студенческих произведений и т.д. Все это имело прекрасную цель; но вводилось

как бы домашним образом, без формальной отмены Устава 1835 года, и, к сожалению, не получило прочной и законченной организации, а потому и существовало недолго. В 1858 году князь Щербатов оставил свою должность, и попечителем назначен действительный статский советник Иван Давыдович Делянов – человек с узкими взглядами, чиновник в душе. Пока министрами были А.С. Норов и Евграф Петрович Ковалевский, в Петербургском университете еще кое-как поддерживались заведенные князем Щербатовым порядки: и студенческая библиотека, и читальня, и касса, и сходки – все это не было отменено формально, но и узаконено не было, а только терпелось негласно. Однако ж отношения учащихся к начальству были уже не прежние; Делянов не пользовался таким доверием и сочувствием, с какими относились и студенты и профессора к его предместнику; благотворное влияние профессоров на слушателей заметно ослабело, а между тем уже носились в воздухе облака легкомысленных революционных бредней. Восприимчивое юношество первое заразилось ими и, перенося в свою школьную среду заимствованные извне и смутно понятые толкования злонамеренных пропагандистов, озабочивало начальство и правительство своими шумными сходками, дерзкими и безрассудными нарушениями порядка. Молодежь, предоставленная себе самой, избавленная от учебного контроля, почти перестала учиться и занималась только демонстрациями и скандалами. Студенческая инспекция оказалась бессильною для обуздания большой массы студентов, а профессора совсем устранились от личных сношений с учащимися. Одним словом, корпорация студенческая обратилась в нестройную, разнузданную толпу молодежи, не связанную никакою нравственною силой.

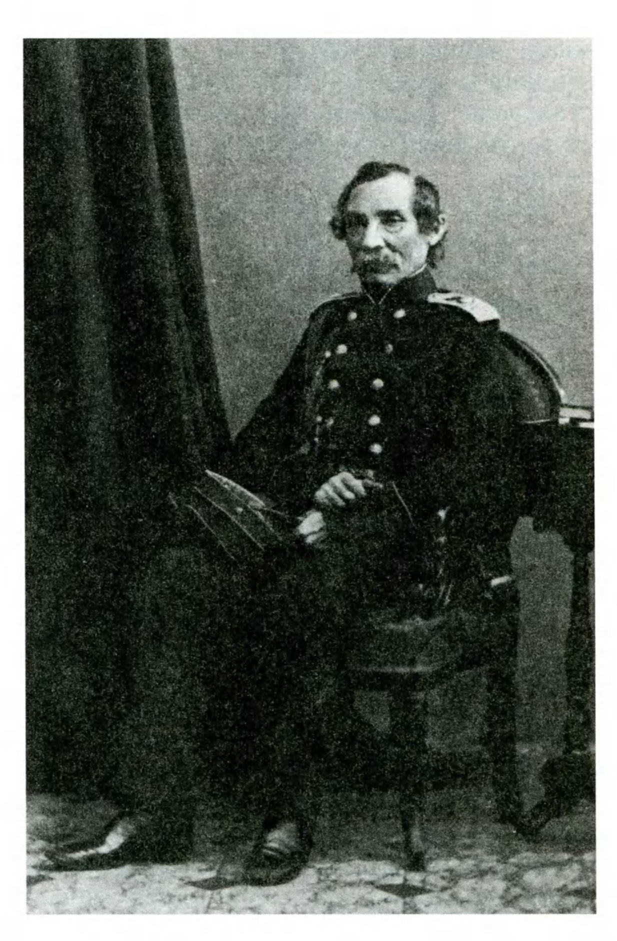
Такая неурядица в университете, имевшая, конечно, влияние и на другие высшие учебные заведения разных ведомств, не могла не озабочивать правительство. Университетскому начальству было поставлено в обязанность принимать меры к водворению между студентами порядка и дисциплины; в особенности же признавалось нужным воспретить студенческие сходки. Необходимость таких мер выказалась в начале 1861 года: на университетском годичном акте, 18-го февраля, студенты произвели шум и беспорядок по тому поводу, что речь профессора Костомарова, которую они ожидали с любопытством, не было прочтена, а вслед за тем возникли снова волнения и демонстрации вследствие пущенного слуха, будто бы следственная комиссия, учрежденная

по делу о панихиде по убитым в Варшаве, переносит свои заседания в здания университета. Попечитель университета Делянов потребовал от профессоров мнение о средствах к водворению порядка между студентами. По обсуждении этого вопроса профессора представили целый проект правил, клонившихся к приведению в устройство студенческих сходок и к лучшей организации надзора за студентами. Для последней этой цели они предлагали заменить тогдашнюю инспекцию, чисто полицейскую, авторитетом профессоров, из них же предлагалось образовать университетский суд.

Проект этот не был принят; в Министерстве народного просвещения составлены другие правила, опубликованные 31-го мая[87]. Существенною частью их было воспрещение студенческих сходок, без предварительного на то испрошения разрешения начальства, и отмена свидетельств о бедности, освобождавших студентов от платы за учение (в размере 50 рублей в год); установлены были новые правила для экзаменов приемных, переводных и выпускных. Из профессорского же проекта заимствованы были два предположения: замена инспектора студентов новою должностью «проректора», возлагаемою на одного из профессоров, по выбору совета, и учреждение университетского суда.

Правила 31-го мая появились в такое время, когда студенты уже разъезжались на каникулы, и потому сначала не произвели на студентов особенного впечатления. Но в течение каникул произошла перемена, имевшая большое значение в ходе университетского дела: 28-го июня действительный тайный советник Ковалевский, по собственному его прошению, был уволен от должности министра народного просвещения, с назначением членом Государственного Совета и награждением орденом Св. Владимира 1-й степени; на место его назначен генерал-адъютант адмирал граф Путятин, известный даже между моряками за человека крайне сурового и строгого до жестокосердия. Он никогда не готовил себя не только в руководители учебного ведомства, но и вообще к какой-либо высшей государственной деятельности. В молодости считался он хорошим морским офицером, весьма исполнительным, строгим к подчиненным и к самому себе; но и тогда славился своим деспотизмом и раздражительностью. Участвуя в одной из экспедиций на кавказском берегу Черного моря, в чине капитана 1-го ранга, он был ранен в ногу и после того решился было оставить службу и идти в монахи; но тогдашний морской министр князь Меншиков уговорил его остаться при

нем для особых поручений и, подсмеиваясь над меланхолией и ханжеством Путятина, между тем двигал его вперед по службе, давал ему значительные поручения одно за другим: так, в 1842 году он был послан в Каспийское море для прекращения пиратства туркмен и за удачное исполнение этого поручения получил чин контр-адмирала с назначением в свиту; потом он командирован в Англию, для заказа судов, и там женился на англичанке, сошелся с пиетистами и сам сделался пиетистом, ездил в Иерусалим; потом (в 1854 году) командирован с дипломатическим поручением в Японию; за успешное заключение торгового договора с царством Микадо[88] возведен в графское достоинство и затем снова поселился в Англии, в звании агента Морского министерства. В 1857 году он опять получил миссию в Китай, где ему посчастливилось вторично заключить в Пекине, в 1858 году, выгодный для России договор с Срединною Империей[89], за что получил звание генерал-адъютанта, кроме других наград. Но все эти служебные успехи не рассеяли меланхолического и сурового настроения адмирала; по-прежнему он удалялся от светской суеты, оставался сосредоточенным и мрачным. Неожиданное назначение его министром народного просвещения удивило всех и его самого. Вступая в эту должность, он не имел ни малейшего понятия об университетских нравах и традициях. Он видел пред собою одну только задачу – водворить дисциплину в распущенной толпе студентов. Как завзятый англоман, граф Путятин считал идеалом совершенства английские «колледжи» и задумал ввести в русских университетах такие порядки, которые даже в наших средних учебных заведениях трудно прививаются. В этих видах он признал нужным усилить строгость объявленных его предместником правил 31-го мая: в новых правилах положено было студенческие сходки запретить безусловно; заведование студенческою библиотекой и кассой возлагать на нескольких студентов по назначению университетского правления; выдачу пособий беднейшим студентам из общей кассы допускать с утверждения ректора; подтверждалось требование исправного взноса платы за учение; приемные экзамены для поступления в университет перенесены в гимназии; установлены более строгие правила испытаний переводных и выпускных; отменено оставление на второй год студентов, не выдержавших экзамена; положено таких прямо исключать из университета. Для вящего закрепления новых порядков придумано выдавать каждому студенту книжку с напечатанными новыми правилами: книжки эти, названные «матрикулами», должны были

Е.В. Путятин

служить студентам не только инструкцией, но и документом, удостоверяющим как зачисление их в число слушателей университета, так и принятие ими на себя обязательства строго соблюдать означенные правила[90].

Кроме того возникла мысль об отмене форменной одежды у студентов, дабы окончательно изгладить всякие корпоративные предания, а вместе с тем освободить университетское начальство от ответственности за поведение и поступки каждого студента вне стен университета. Вопрос этот был обсуждаем в совещании под председательством самого Государя и решен в положительном смысле. С отменою форменной одежды объявлено было запрещение студентам носить какие-либо отличительные наружные

знаки национальностей или сообществ. Это запрещение было вызвано опасением, чтобы студенты не стали носить одежды простонародья русского или польского. Вне университетских стен студенты были поставлены в полную зависимость от общей полиции.

Граф Путятин, предложив 21-го июля означенные правила советам университетов «к исполнению», потребовал однако же от них мнений по некоторым пунктам, причем обратился к ним с весьма неловким наставлением: «Имея в виду, – говорил он, – улучшить материальное положение университетских преподавателей и освободить их от труда приемных испытаний, правительство имеет тем более право ожидать от них усиления деятельности и направления оной всецело к истинной пользе обучающейся в университетах молодежи...»; «что они не примут на себя тяжкой ответственности уклонением от своего долга...», «что ректоры и деканы помогут правительству предотвратить то легкомысленное небрежение или превратное понимание своих обязанностей, которые были уже причиной несчастья многих молодых людей...»

Такое неловкое обращение к профессорскому сословию усилило раздражение против министра. Советы университетов в своих отзывах на запрос его большею частию высказались в том смысле, что ввести разом все предложенные изменения в университетских порядках считают крайне затруднительным; что правления университетов не имеют возможности назначать из числа студентов заведывающих студенческими библиотеками и кассами; что удаление студентов, не сдавших удовлетворительно испытания, поведет лишь к большей снисходительности со стороны экзаменаторов. Советы выразили сомнение в том, что кто-либо из профессоров, при предположенных условиях, решится принять на себя должность проректора и сопряженную с нею ответственность.

Смутные слухи о новых университетских правилах произвели и в публике, и между студентами общее неудовольствие. Отмена существовавшей широкой льготы освобождения бедных студентов от платы за учение закрывала доступ в университет значительному числу молодых людей и потому была равносильна возобновлению прежнего ограничения числа студентов; запрещение оставлять студентов на курсе во второй год — ставило в безвыходное положение тех, которые по каким-либо обстоятельствам не успели своевременно приготовиться к экзамену. Для студентов казалось обидным и унизительным подпасть под власть каждого городового.

Между тем пред самым началом нового учебного периода, в августе месяце, сменился и попечитель Петербургского университета: тайный советник Делянов получил назначение на должность директора Департамента народного просвещения (вместо тайного советника Ребиндера), а место попечителя занял генерал-лейтенант Филипсон, бывший начальник главного штаба Кавказской армии. Назначение это, по всем вероятностям, было основано на том предположении, что военный генерал, да притом кавказский, сумеет справиться с распущенною «командой» и водворить в ней дисциплину. Предположение это было ошибочно, а выбор генерала Филипсона показывал полное незнание его личных свойств и характера. Его робость, уклончивость, отсутствие самостоятельной воли — выказались на деле в самом непродолжительном времени.

Филипсон вступил в новую должность в то самое время, когда министр народного просвещения, получив отзывы университетских советов, отверг большую часть предложенных ими мер для смягчения перехода к предписанному новому порядку и потребовал неотлагательного приведения в действие новых правил. Граф Путятин настоял на безусловном воспрещении студенческих сходок под каким бы ни было предлогом; на подчинении студенческих библиотек и касс распоряжению университетского начальства, на немедленном введении билетов для входа в университет, с определенною платою для вольных слушателей; опровергал возражения против исключения не выдержавших экзамена студентов. Сверх того, в письме на имя попечителя, предназначенном для неофициального сообщения профессорам, граф Путятин делал им упрек за резкость тона их заявлений; относительно же мнения их о снисходительности экзаменаторов на испытаниях студентов отозвался как о нарушении долга службы; свой же намек на распространение профессорами вредных мыслей между студентами объяснил в смысле предостережения, на которое никто претендовать не может. Затем министр требовал, чтобы совет указал на профессора, который мог бы, на основании новых правил, занять должность проректора временно, на один год.

Генерал Филипсон, собрав совет университета, объявил полученное им предложение министра. Профессора были поставлены в крайне затруднительное положение; они предвидели, что предписанные министром крутые меры приведут неизбежно к прискорбным последствиям; никто из профессоров не

хотел принять на себя тяжелую ответственность исполнителя таких мер. Никакая прибавка содержания (на которую намекал граф Путятин в своем циркуляре) не выкупала тех невыгод, которым неминуемо подвергался профессор, принявший на себя обязанности проректора при вводимых новых порядках. Профессора откровенно высказали попечителю свои сомнения и опасения; но голос их не был уважен; им было подтверждено приказание выбрать проректора и безусловно ввести новые порядки.

По окончании заседания совета в особом совещании профессоров, продолжавшемся четыре часа, подробно обсуждался вопрос о выборе проректора, и окончательно положено представить попечителю, что «совет не может указать ни одного из своих членов для исправления этой должности на основании утвержденных новых правил». Министр принял такой отзыв совета за сопротивление распоряжениям правительства и ответил назначением в должность проректора - инспектора студентов, отставного полковника Александра Ивановича Фицтум фон Экстедта — 60-летнего старика, занимавшего эту должность уже более 23 лет, человека робкого, слабого, не пользовавшегося уважением ни со стороны профессоров, ни со стороны студентов.

К непредусмотрительности министра и его антагонизму с университетским советом присоединилось странное упущение самого начальства университета: никаких не было принято мер к своевременному объявлению и объяснению студентам новых постановлений правительства. О них узнали они из газет или даже по слухам, частию в извращенном и преувеличенном виде. С открытием лекций 18-го сентября снова начались, вопреки новым правилам, сходки студентов с речами и криками. Никто из начальства не останавливал их, никто не позаботился объявить формально студентам, что сходки безусловно запрещены. Вывешенное на стенах университета самое безрассудное воззвание не было снято в продолжение целого дня. На сходке положено было «не принимать» ненавистных матрикул, прием которых в понятиях студентов отождествлялся с обязательством подчиниться новым правилам. Раздражение студентов еще усилилось отказом правления в выдаче билетов на жительство, обусловленным принятием матрикул.

23-го сентября, в субботу, произошла самая многочисленная и самая шумная сходка. Толпа студентов до 500 человек, найдя запертыми входы в аудитории, где обыкновенно происходили

сходки, вломилась силою в большую актовую залу. Главным предметом толков было положение бедных студентов, лишенных возможности продолжать курс. По требованию толпы прибыл в залу исправляющий должность ректора профессор Измаил Александрович* Срезневский (за отсутствием профессора Плетнева, находившегося, по болезни, в отпуске за границей). Он старался успокоить толпу, увещал ее разойтиться; но студенты продолжали шуметь; один из них прочел приготовленный проект протеста против новых распоряжений правительства, и толпа постановила — отправить с этим протестом депутацию к попечителю.

Беспорядки в университете отразились на всей учащейся молодежи; во всех почти высших учебных заведениях, не исключая и военных, происходило глухое волнение, хотя новые распоряжения министра народного просвещения нисколько не касались других заведений, кроме университета. Студенты университетские приходили в виде депутаций в эти и другие заведения с приглашением принять участие в «общем деле учащейся молодежи». По всем вероятиям, были подстрекатели из посторонних лиц, иногда выдававших себя за студентов. Такие агитаторы являлись, между прочим, и в Медико-хирургическую академию, произносили в аудиториях возмутительные речи, подбивая медицинских студентов помочь университетским. В то время, за отсутствием президента академии действительного статского советника П.А. Дубовицкого, заведовал ею вице-президент действительный статский советник Иван Тимофеевич Глебов – человек ученый, скромный, безгласный; инспектором же студентов был полковник Мерхелевич, старавшийся только кое-как ладить с массою студентов. Начальство академии, чувствуя свое бессилие пред этою массою, избегало вообще прямых столкновений с буйною молодежью и ограничивалось мерами убеждения и успокоения. Ни один из являвшихся в аудитории подстрекателей не был захвачен, и несмотря на то, начальство уверяло, что подстрекательства эти не встречают сочувствия в среде студентов академии. В действительности же можно сказать только, что между ними в то время еще не выказывалось открытое участие в беспорядках, происходивших явно в университете.

Беспорядки эти и волнения во всей учащейся молодежи были, конечно, не раз предметом обсуждения в совещаниях у Великого

---

* У автора в тексте ошибка; правильно: Иванович. (*Прим. публ.*)

Князя Михаила Николаевича, с участием и министра народного просвещения. В самый день шумной сходки 23-го сентября граф Путятин заявил мнение о необходимости закрытия университета, дабы не допустить повторения беспорядков. Совещание признало полезным временно прекратить лекции и запереть входы в университетское здание, пока молодежь не успокоится. На другой день, 24-го числа, в воскресенье, граф Путятин, в первый раз по вступлении в должность министра, принял официально профессоров и преподавателей университета; тут он лично повторил им, что правительство заботится об увеличении их содержания, просил содействия их в успокоении студентов, объяснял необходимость и справедливость взимания с них платы за слушание лекций и выразил готовность оказывать в этом отношении снисхождение бедным, но достойным молодым людям. Тут же профессора впервые узнали о прекращении лекций, (но не из уст самого министра, а от исправляющего должность ректора профессора Срезневского).

На следующий день, в понедельник, 25-го сентября, утром, собравшаяся у входа в университет толпа студентов, найдя двери закрытыми и узнав из вывешенного объявления о прекращении лекций, решила, конечно, не без предварительного соглашения между вожаками и агитаторами, — идти массою к попечителю. Толпа двинулась чрез Дворцовый мост по Невскому проспекту и Владимирской улице в Колокольный переулок, где жил генерал Филипсон. Такое небывалое шествие толпы по улицам, разумеется, обратило на себя внимание полиции; дано было знать городскому начальству и, прежде чем успели студенты добиться объяснений с попечителем, уже прискакали на место обер-полицмейстер генерал-адъютант Паткуль и сам военный генерал-губернатор генерал-адъютант П.Н. Игнатьев. В это время наше совещание у Великого Князя Михаила Николаевича было в сборе в Зимнем дворце. Беспрестанно приезжали то один, то другой из лиц городского начальства с известиями о происходившем на улицах и пред квартирой попечителя университета. Исправлявший должность шефа жандармов граф П.А. Шувалов вызвался лично выехать к толпе, чтобы убедить ее разойтиться; но вскоре возвратился и объявил, что ни он, ни генерал Игнатьев, ни Паткуль ничего не могли сделать. Уже решено было прибегнуть к военной силе. Но между тем генерал Филипсон решился, наконец, показаться лично: он предложил городским и военным властям предоставить ему успо-

коить студентов, которым объявил, что готов войти с ними в объяснения, но только не на квартире или на улице, а в самом университете, и обещал туда сейчас же приехать. Однако ж студенты, не доверяя ему, требовали, чтоб он отправился туда вместе с ними, – и вот толпа двинулась обратно по улицам к университету, имея уже во главе своей самого генерала Филипсона, который сначала шел пешком, а потом взял извозчика и поехал шагом, под конвоем толпы студентов. Прибыв к университету, толпа осталась на улице и во дворе, а попечитель вошел в здание с несколькими студентами, выступившими в качестве депутации. Объяснение с ними кончилось тем, что студентам обещано было ходатайствовать пред высшим начальством о возможных облегчениях в новых правилах и о возобновлении лекций на следующей неделе. Затем толпа разошлась, частию же была разогнана полицией и казаками.

В нашем совещании, продолжавшемся почти все утро, постановлено было принять решительные меры для воспрепятствования, хотя бы военною силой, возобновлению подобных беспорядков. В этих видах поручено было начальнику штаба Гвардейского корпуса графу Баранову назначить в распоряжение городского начальства 3 эскадрона гвардейских казаков и 3 роты Преображенского полка; непосредственное начальство этими войсками было возложено на генерал-адъютанта графа Бреверна де Лагарди (начальника 1-ой гвардейской кавалерийской дивизии). Впоследствии (1-го октября) назначены были еще 2 роты Павловского полка в крепость, для охранения арсенала, складов, арестантских казематов.

Вечером того же дня собрался совет университета под председательством попечителя, а в течение ночи арестовано и заключено в крепость 28 студентов по указанию инспекции, как главных зачинщиков беспорядков. Произведенные аресты не только не успокоили волнения, но еще усилили раздражение молодежи, тем более, что арестованы были не те, которые действительно были вожаками, а случайно указанные инспекциею, и в том числе двое, выступившие депутатами для объяснений с попечителем.

Это подало новый повод к сходке 27-го сентября на университетском дворе, для составления прошения об освобождении арестованных товарищей. Университетское начальство тут уже совсем устранилось и предоставило вполне распоряжение полицейскому и военному начальству. Прибывшие на место сборища обер-полицмейстер и военный генерал-губернатор были встрече-

ны дерзкими криками, и толпа разошлась только с появлением нескольких рот лейб-гвардии Финляндского полка.

В сборищах студенческих 25-го и 27-го сентября замечено было довольно много посторонних личностей, к университету вовсе не принадлежавших, и в том числе несколько студентов Медико-хирургической академии. Некоторые из них были арестованы полицией. 26-го числа дано было мною вице-президенту академии предписание внушить студентам, чтоб они не принимали участия в университетской неурядице, вовсе до них не касающейся, и предупредил, что всякий, кто из них будет замечен в демонстрациях и сборищах, подвергнется еще более строгой ответственности, чем студенты университета. Вице-президент Глебов собрал 27-го числа студентов и объявил им мое предписание, упомянув в своей речи, что, вероятно, некоторые замеченные в сборищах студенты академии были привлечены одним любопытством; но при этих словах в толпе раздалось несколько голосов: «нет, нет». На другой же день, 28-го числа, в самой академии произошел такой случай: в химической аудитории, на лекцию профессора Сеченова, между 9 $^1/_2$ и 11 часами утра, собралось большое число студентов; но профессор почему-то не прибыл, а появился какой-то посторонний человек в сером пальто, обратившийся к студентам с речью, в которой убеждал их выразить свое сочувствие угнетенным студентам университета. Узнав об этом, инспектор студентов, а вслед за ним и сам вице-президент поспешили в аудиторию, и, когда они входили, в толпе раздались крики: «вон, вон». Вице-президент, обратившись к студентам, сказал: «если эти крики относятся ко мне, то я совсем оставлю академию»; тогда некоторые из студентов начали уверять его, что крики «вон» относились вовсе не к нему, а к появившемуся «чужому» человеку, который между тем мгновенно исчез. После того дано было приказание не впускать в академию посторонних лиц, ни университетских студентов; но распоряжение это осталось мертвою буквой.

28-го числа появилось объявление от обер-полицмейстера, подтверждавшее запрещение всяких сходбищ не только в стенах университета, но и вне его зданий. Несмотря на то, 2-го октября, утром, опять собралась толпа студентов пред университетским зданием. В этом сборище замечались не одни студенты, но разные подозрительные личности, возбуждавшие студентов к противудействию притеснениям со стороны начальства. Были даже женщины, говорившие речи, и несколько офи-

церов. На этот раз, по личному распоряжению обер-полицмейстера, арестованы были на месте 33 человека, наиболее выделявшиеся своим буйством, и затем толпа разошлась без дальнейшего сопротивления. Присутствовавшие при этом офицеры – 5 артиллерийских и один морской — были также арестованы и преданы военному суду.

Между тем Министерство народного просвещения придумывало новые полицейские меры. Предположено было, пред возобновлением лекций в университете, раздавать матрикулы не лично проректором или его секретарем, как делалось прежде, а с некоторою торжественностью, в факультетах. Попечитель, заявляя об этом предположении совету, объяснил, что присутствие уважаемых студентами профессоров будет иметь нравственное влияние на молодых людей и придаст в их глазах матрикулам желанный авторитет. Но профессора были иного мнения: большинство их (15 из 29) отвергло предположенную меру как неудобную и не ведущую к цели; самые уважаемые профессора потеряли бы свой авторитет, если б стали поддерживать пред раздраженною молодежью такие распоряжения, которые они сами, по совести, не могли одобрить. В этом ответе профессоров министерство опять усмотрело сопротивление Высочайшей воле и потребовало от них письменных отзывов, вероятно, в том предположении, что они не решатся изложить такие мнения на бумаге. Оказалось однако же противное: еще гораздо большее число профессоров высказалось против предположенного порядка раздачи матрикул; но чтобы показать желание свое помочь правительству в успокоении умов, совет университета единогласно предложил две меры: во-первых – составить из профессоров комиссию для исследования бывших в университете беспокойств и причин их, а во-вторых – облегчить студентам способы уплаты денег за слушание лекций. Первое из этих предложений совета было решительно отвергнуто; по второму же граф Путятин согласился образовать из членов университета комиссию для пересмотра правил о порядке взыскания 50-ти рублевой платы за слушание лекций. 3-го октября, по распоряжению министерства, последовало от университетского начальства объявление, чтобы те из студентов, которые желают остаться в университете для окончания курса, присылали по городской почте прошения о выдаче им матрикул, которые и будут им высланы также по почте. Получившие матрикулы будут признаны зачисленными в число студентов; про-

чие же будут считаться оставившими университет. Распоряжение это посеяло между студентами новое семя смуты и раздора. К вечеру 7-го числа в правлении университета получено было до 552 прошений от студентов и 101 от вольнослушателей. Этим 653-м слушателям (из общей массы 1500) и были высланы матрикулы, а 10-го числа последовало объявление о возобновлении лекций на другой день, с предварением, что допущены будут лишь те слушатели, которые при входе предъявят полученные матрикулы.

С 11-го октября снова открылись двери университета на всех факультетах. В этот день явилось до 260 слушателей, которые однако же молча, в недоумении побродили по коридорам, не заглядывая в аудитории; лекций не было. Большинство «матрикулистов» не явилось вовсе из боязни преследования со стороны упорствовавших товарищей и вожаков волнений. И действительно, спокойствие продолжалось недолго: на другой же день, 12-го октября, с 10 часов утра начала опять стекаться к университетским зданиям большая толпа; по-прежнему среди нее появились ораторы, возбуждавшие к сопротивлению властям. Теснившаяся около них молодежь была до того наэлектризована, что весьма многие из студентов, уже принявших матрикулы, тут же уничтожали свои книжки и с увлечением присоединялись к буйствовавшей толпе.

И в это утро Великий Князь Михаил Николаевич собрал у себя совещание; положено было немедленно привести войска, чтобы оцепить собравшуюся во дворе университета толпу и переписать поименно всех участников сборища. Приказание это было исполнено с помощью прибывшей роты Преображенского полка, под начальством молодого офицера штабс-капитана Толстого, и взвода лейб-гвардии Финляндского полка. В то время, как это происходило во дворе, другая толпа собралась пред наружным фасадом университетского здания и начала было ломиться во двор чрез запертые ворота, выходящие к стороне биржевых пакгаузов. Командир преображенской роты поручил подпоручику Корсакову с полувзводом стать в воротах и никого не впускать во двор; а вслед за тем начал выводить переписанных во дворе студентов между двумя цепями солдат. Когда эта колонна показалась вне университетского двора, в толпе студентов раздались крики: «нас бьют; народ, за нас..,» – и тогда стоявшая вне двора толпа бросилась с палками на полувзвод преображенцев, следовавший в замке, и на команду Финляндского полка. Столкнове-

ние это между толпою и солдатами произошло на глазах самого обер-полицмейстера генерал-адъютанта Паткуля. Некоторые солдаты получили удары палками до крови. Тогда войскам приказано было: «в приклады», и раздраженные солдаты начали расправляться не на шутку. Толпа отхлынула; некоторые из студентов также получили ушибы; но все арестованные были отведены в крепость. На пути они не переставали ругать солдат всякими неприличными словами и угрожали офицерам.

Число арестованных достигло 280 человек, так что встретилось затруднение в их размещении. Крепость была переполнена. Для подробного расследования происшедших беспорядков и для разбора арестованных учреждена была особая комиссия, под председательством назначенного от Министерства внутренних дел тайного советника Пущина, из делегатов от разных ведомств, в том числе и одного военного штаб-офицера; делегатом от университета был профессор Андреевский. По предварительному разбору всех арестованных лиц 240 человек из них были 17-го числа посажены на пароходы и отправлены в Кронштадт, где и продолжалось дальнейшее расследование дела. Затем все еще оставалось в Петропавловской крепости 90 арестантов, частию студентов, частию посторонних участников в бывших беспорядках*.

Происшедшее в Петербургском университете отозвалось и в других университетах. В Харьковском студенты собрались 5-го октября и объявили ректору, что не согласны принять новые правила; однако ж ректору удалось образумить их, и сборище разошлось без дальнейших последствий. В Московском же университете не обошлось так спокойно; 12-го октября (в самый день главных беспорядков в Петербурге) масса студентов собралась в большой зале, в крайне возбужденном настроении; сам попечитель генерал-майор свиты Н.В. Исаков стоически выдержал настоящий приступ, и все усилия его образумить молодежь оказались напрасными. Толпа, человек в 500 (в числе которых было немало посторонних), устремилась к дому военного генерал-губернатора, на Тверскую площадь; здесь она дошла уже до открытого буйства, напирая на подъезд с криками и угрожая палками. Полиции и жандармам приказано было

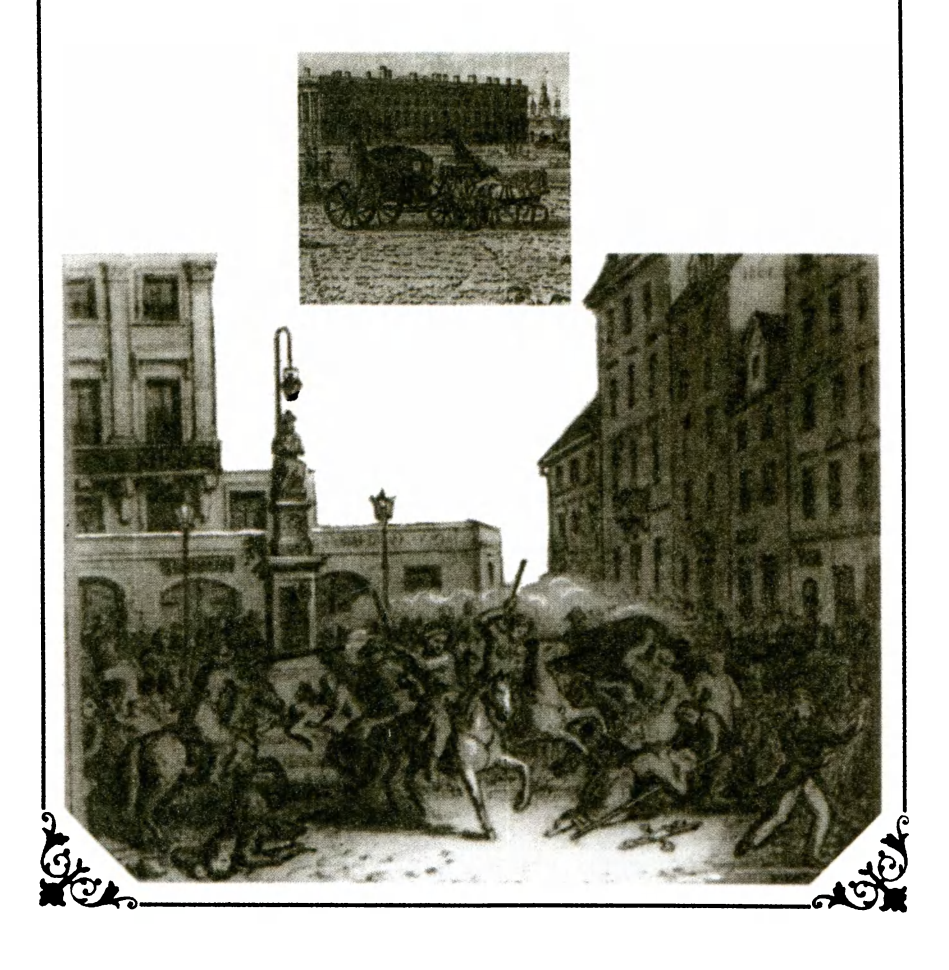
* В числе содержавшихся в то время в крепости находился писатель Михайлов, преданный суду за составление и распространение в Петербурге напечатанного в Лондоне возмутительного воззвания: «К молодому поколению».

арестовать буянов, и до 340 человек было отведено на так называемый «Колымажный двор», остальные разбежались. На площади подобрано было полицией до полусотни брошенных больших палок и несколько кинжалов. При арестовании два студента и два жандарма получили серьезные ушибы. Комиссия, немедленно назначенная для разбора арестованных, удержала из них только 22 студента и 17 посторонних лиц; прочие же были выпущены.

Одновременность беспорядков, происходивших в нескольких университетах, давала повод полагать, что они были делом одних и тех же агитаторов, имевших целью — возбудить повсюду смуту и волнения.

1861-й год
Вторая половина

Положение дел в Польше и Западном крае
Последние месяцы года
Кавказ во вторую половину года
и положение дел
на других азиатских окраинах
Политическое положение Европы
в 1861 году
Положение дел в Военном министерстве
в 1861 году

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ПОЛЬШЕ И ЗАПАДНОМ КРАЕ В АВГУСТЕ, СЕНТЯБРЕ И ОКТЯБРЕ

При назначении генерал-адъютанта графа Ламберта исправляющим должность наместника в Царстве Польском и командующим 1-ю армией опубликован был данный на его имя Высочайший рескрипт, в котором подтверждалась воля Государя, чтобы дарованные Царству Польскому новые учреждения были приведены в полное действие, и выражалась надежда на здравый смысл народа, который должен понять, что единственно в правильном развитии этих учреждений может он найти обеспечение успеха административной автономии и общественного благосостояния страны, а отнюдь не в народных волнениях, препятствующих осуществлению благих видов Его Величества. «Призовите людей способных и благомыслящих к содействию вам, – говорилось в Царском рескрипте, – с тем, чтобы мне представлено было, чрез ваше посредство, изложение истинных нужд моих любезных подданных, как законное выражение общих желаний, зрело обсужденных людьми просвещенными и благонамеренными, – а не в виде проявления поддельного патриотизма, возбуждаемого врагами порядка».

С такою миротворною миссией прибыл граф Ламберт в Варшаву 14 (26) августа. С первых же шагов своих он видимо старался чрезвычайною мягкостию и вежливостию в обращении приобрести расположение подчиненных; он понимал, что назначение его должно было произвести неприятное впечатление на старых генералов, давно служивших в 1-й армии и не признававших за новым своим молодым начальником ни особых заслуг, ни каких-либо выдающихся достоинств. По гражданскому управлению польские чиновники, – и во главе их сам маркиз Велепольский, с первых же дней подметили, что нетрудно им будет забрать в свои руки молодого наместника; католическое же духовенство возымело надежду подействовать на него с религиозной стороны, чтобы приобрести авторитет и проводить с большею смелостию свои революционные и властолюбивые виды.

Граф Ламберт, желая освободиться от некоторых из военных начальников, почему-либо для него не удобных, принял для того

странный порядок: без всякого официального представления и без объяснения причин он требовал секретными телеграммами смены того или другого корпусного командира или начальника дивизии. С этими телеграммами обращался он сперва ко мне, а потом уже прямо к Государю в Крым. Таким порядком был сменен командир 2-го армейского корпуса генерал от инфантерии Липранди, назначенный, по моему ходатайству, членом Военного Совета, а взамен его командиром корпуса назначен генерал-лейтенант Хрулев. Находя крайне неудобным повторение такого бесцеремонного распоряжения служебным положением старых, заслуженных генералов, я высказал откровенно свой взгляд графу Ламберту; по этому поводу возникла между нами колкая переписка, которая не привела ни к какому результату: граф Ламберт настаивал на необходимости таких отступлений от обыкновенного порядка дел при тогдашних чрезвычайных обстоятельствах. Мало того, он даже испросил, шифрованною телеграммою в Ливадию, предоставление ему права отдавать подозрительные личности в военную службу, не стесняясь никакими легальными формами.

Такой способ действий, под предлогом экстренности и необходимости энергических мер, в сущности выказывал только слабохарактерность графа Ламберта, не чувствовавшего в себе силы действовать прямо, открыто и легально. Ни по характеру своему, ни по способностям он не был в состоянии вести борьбу с явным восстанием и тайною крамолой. Граф Ламберт нашел край в полной анархии. Народные сборища в Варшаве, демонстрации разного рода, пение патриотических гимнов продолжались по-прежнему. На 23-е августа (4-е сентября) назначена была новая манифестация, под предлогом панихиды по «мученикам-братьям литовцам», будто бы умерщвленным в Вильне 6 (18) августа, а на следующие дни опять панихиды в память «мучеников 1831 года и взятия Варшавы москалями». 26-го августа в одной из улиц Варшавы (Наливки) образовалось сборище евреев, которое заставило городские власти закрыть лавку одного их же соплеменника, чем-то возбудившего их озлобление. Разные неурядицы происходили и в провинции: 22-го августа (3-го сентября) в городке Ленчице проезжавший в Ченстохов епископ куяво-калишский подвергся оскорблениям и поруганию со стороны черни, а чрез несколько дней там же толпа бросала каменьями в роту, вступавшую в город; 26-го же числа, в годовщину коронации, в костеле, гимн «Тебя, Боже, хвалим» был прерван пением запрещенных

Улица Фрета в Варшаве

политических песен. В Радоме произведена была колоссальная манифестация, в которой участвовало до 18 тысяч народа и допущены были ужасные зверства.

В начале сентября объявлено было в Царстве Польском проектированное Военным министерством, обсуждавшееся в Комитете министров и Высочайше утвержденное 4 (16)-го сентября наставление военным начальникам на случай употребления войск при усмирении народных волнений и уличных беспорядков[91]. В то же время маркиз Велепольский, утвержденный в должности главного директора правительственной Комиссии юстиции, с оставлением и в прежней должности по духовным делам и народному просвещению, опубликовал свое наставление (также 4 (16)-го сентября) лицам судебного ведомства, чтобы они строго соблюдали, по долгу совести, законы, карающие публичные беспорядки и бесчинства. Вслед за тем, 19-го сентября (1-го октября) граф

Ламберт открыл первое заседание общего собрание Государственного Совета Царства Польского, и первым внесенным на обсуждение Совета делом – был вопрос об очиншевании[92]. Выборы в уездные и городские советы производились туго; в большей части уездов и городов совсем даже не состоялись. К концу сентября произведены были некоторые перемены в устройстве варшавской полиции, по примеру преобразования петербургской: полицейские будки на улицах сняты, а вместо того учреждены посты и обходы, с увеличением числа полициантов и назначением в состав их нижних чинов из войск. Однако ж в этом составе все-таки осталась большая часть прежних ненадежных полицейских, и все без исключения вновь назначенные были также из поляков.

Все, что ни предпринималось русскими властями в Царстве Польском для успокоения края и водворения в нем благоустройства, – оказывалось бесплодным. Безуспешность всех мер ставила в безвыходное положение не только графа Ламберта, но и такого человека, как Герстенцвейг, которому нельзя было отказать в стойкости и твердости характера. Вот что писал он мне 12 (24)-го сентября: «Наше положение здесь совсем отчаянное. Вы знаете, что во мне нет недостатка силы воли; но меня часто берет раздумье; я чувствую, что совершающиеся события выше моих способностей, а незнание польского языка ежедневно ставит меня в положение безвыходное. Движение в Польше, по своим размерам и характеру, гораздо значительнее, чем мы его воображали в Петербурге. Я сильно сомневаюсь, чтоб в настоящее время могли бы помочь не только меры сильной строгости, но и осадное положение. Дело зашло слишком далеко. Наружные беспорядки могут быть подавлены, но ненависть увеличится...»[93]

В другом письме, от 21-го сентября (3-го октября), генерал Герстенцвейг еще нагляднее изображает картину тогдашнего положения русской власти в Царстве Польском. Письмо это заслуживает быть приведенным почти целиком:

«Положение наше не изменилось; оно становится с каждым днем труднее; нельзя себе вообразить, до чего весь механизм управления расстроен. Весь край находится под гнетом терроризма, которому все повинуются. Вы спросите: почему мы не действуем? Но чем и кем? – Полиции в Варшаве положительно нет; тайной полиции не существует, а устройство хорошей полиции составляет одну из самых трудных задач всякого правительства. Чиновники центральных, а в особенности подведомственных учреждений совершенно заодно с революцией; всякая предполагаемая

мера оглашается; приказания не исполняются; о происходящем в губерниях я узнаю случайно из донесений жандармских офицеров, которые (т.е. донесения) поступают прямо в канцелярию наместника; но от губернаторов я или не получаю донесений, или весьма поздно, но всегда с сокрытием истины. Город ежедневно наводнен множеством объявлений и плакардов* самого возмутительного и враждебного направления; во всех церквах не перестает заказываемая служба за избавление от русских, за соединение Польши с Литвою, причем производятся сборы денег. На все это мы должны были смотреть, так сказать, сквозь пальцы, по многим причинам. Необходимо было первоначально ознакомиться с положением дел и с личностями, дабы найти путь в этом хаосе; предстоящие выборы парализовали, по нашему мнению, возможность принятия решительных мер; нам казалось необходимым дать свободу произвести эти выборы, дабы правительство не могло быть обвиняемо, что даровав Царству новые учреждения, оно их отнимает при самом их осуществлении. Выборы производятся с наружным спокойствием; но везде избираются лица самые для нас враждебные; везде подписываются адресы и прошения выборных, законом не дозволенные. По моему убеждению, не обойдется без военного положения; мы к нему деятельно приготовляемся; ибо учреждение действительного и сильного военного положения потребовало больших приготовительных работ; даже для этого мы не нашли на месте удовлетворительных данных. Вчера было открыто общее собрание Государственного Совета, в котором, по моему мнению, положение графа Ламберта и мое будет более чем затруднительно. Все члены знают очень хорошо дела края; нам же они мало знакомы; а главное – мы не знаем языка; придется говорить по-французски, которого многие члены не понимают, а мы не будем понимать того, что будут говорить по-польски. Одним словом, я часто падаю духом от убеждения, что не в состоянии быть полезным и оправдать ожидания Государя».

Таково было настроение генерала Герстенцвейга; отсюда можно легко себе представить, каково было состояние духа графа Ламберта, который вдобавок, как сам католик, должен был испытывать еще более затруднений в борьбе с католическим духовенством. 13 (25)-го сентября ему подан был от имени этого духовенства адрес, в котором высказывались жалобы на униженное

* Так в тексте. (*Прим. публ.*)

положение, до которого оно будто бы низведено сравнительно с былым его значением в Польше; правительству делались упреки в нарушении данных в разное время торжественных обещаний и затем настойчиво требовалось восстановление не только религиозных, но и политических прав католической церкви. Права эти были формулированы в 15 пунктах, из которых главными были: 1) отмена некоторых статей уголовного кодекса 1847 года, а также постановлений относительно смешанных браков; 2) отмена многих других постановлений, ограничивавших свободу духовенства в исполнении его религиозных обязанностей; 3) воспрещение правительственной Комиссии духовных дел вмешиваться в дела церковные, а взамен того учреждение при этой комиссии особого совещания из нескольких высших духовных лиц; 4) предоставление самому духовенству заведывания церковными капиталами; 5) скорейшее замещение вакантных епископских кафедр и возвращение к своим местам духовных лиц из ссылки; 6) разрешение прямых сношений католического духовенства с Папой по делам религии, и т.д. Заявляя эти требования, епископы с самоуверенностью грозили, что не станут долее подчиняться постановлениям, противным свободе церкви, и что молчание с их стороны было бы преступно.

Агитаторы продолжали придумывать всякие предлоги, чтобы подогревать польский патриотизм разными историческими годовщинами, по случаю которых затевались церковные службы и процессии. С конца сентября начало чаще выказываться намерение установить связь между демонстрациями в Царстве Польском и в Литве. Выше уже упомянуто о панихиде в Варшаве по мнимо убитым в Вильне; затем, 28-го сентября (10-го октября) затеяна была манифестация в годовщину «мученической смерти» полоцкого католического епископа Иосафата Кунцевича, убитого в 1623 году православным населением того края, доведенным до отчаяния жестокими преследованиями католического епископа. Годовщина эта совпадала с другою — с установлением в 1413 году, в пограничном городке Городло (на р. Буге) первых начал союза Польши с Литвою. В память этого события придумана была совместная колоссальная демонстрация с обеих сторон Буга к означенному местечку Городло. Несмотря на меры, принятые начальством, как варшавским, так и виленским, для воспрепятствования этой демонстрации, она все-таки состоялась: несколько тысяч народа, с духовенством во главе, с хоругвями, крестами и эмблематическими значками всех сорока областей бывшей Речи

Посполитой, стеклись в назначенный день к названному месту. Хотя большая часть толпы была разогнана войсками, однако ж это не помешало духовным процессиям, согласно составленному плану, соединиться на берегах Буга, и здесь, в присутствии полиции и войск, было торжественно совершено молебствие, а затем составлен акт, которым констатирована разыгранная театральная сцена, причем было выражено, будто бы целью соединения обеих процессий было принесение благодарности Всевышнему за то, что народы Польши и Литвы сохранили неприкосновенно патриотические чувства, соединившие их 448 лет назад, и молитва о восстановлении вновь их отечества, раздробленного насильственными разделами.

Между тем, 23-го сентября (5-го октября) в Варшаве скончался архиепископ Фиалковский, – что представило новый предлог для демонстраций. Погребение архиепископа совершено 1 (13-го) октября с особенною торжественностию; стеклась масса народа; вызваны были депутации от крестьян разных местностей; в процессии, пред глазами наместника и всего начальства, пронесли до 60 знамен и значков, короны польскую и литовскую; по окончании же погребения происходило роскошное угощение крестьянских депутаций, причем произносились пламенные речи об освобождении отчизны, о братстве сословий и проч., и проч. Проводы гостей, так же как и встреча их, были вполне театральные.

Демонстрации эти произвели, наконец, сильное впечатление на графа Ламберта; он должен был уступить настояниям генерала Герстенцвейга, давно уже предлагавшего объявить в Варшаве военное положение. Мера эта оказывалась тем более неотложною, что 3 (15)-го октября ожидалась новая демонстрация, под предлогом годовщины смерти Костюшки. Накануне этого дня, 2(14)-го числа, Варшава объявлена на военном положении. В воззвании по этому случаю наместник счел нужным изложить в следующем виде мотивы принятой им меры:

«Враги общественного порядка, приписывая снисходительность правительства не благим его намерениям, а вероятно, бессилию, с каждым днем становятся дерзновеннее. Толпы уличной черни насильственно врываются в жилища мирных граждан, разбивают лавки и мастерские, грабят в особенности оседлых здесь иностранцев и, стараясь, посредством внушения им страха, овладеть волею всех сословий, не остановились даже нанести бесчестие священному для народа сану епископа. Полиция нисколько не уважается, но ежедневно подвергается обидам. Войско, при-

зываемое для водворения порядка, встречается оскорблениями. Повсеместно распространяются возмутительные объявления и воззвания к народу. Под видом религиозных обрядов совершаются революционные демонстрации. Так, во время выноса тела умершего архиепископа варшавского в процессии были несены эмблемы возмутительные, изъявляющие соединение Литвы с Польшею. Потворство и преступное содействие некоторых лиц римско-католического духовенства превратили католические храмы в места враждебных правительству изъявлений. Священники проповедуют ненависть и неуважение к верховной власти. В костелах и вне оных поют воспрещенные правительством гимны, производят сборы денег и вещей на революционные цели, и наконец, в некоторых местах, совершавшиеся в высокоторжественные дни молебствия за Государя Императора заглушались пением тех же запрещенных гимнов. Все это составляет ряд таких преступлений, которые не могут быть терпимы. Но предстоявшие выборы в уездные и городские советы побуждали меня воздержаться от принятия решительных мер, дабы не нарушать свободного выполнения дарованных краю учреждений. Между тем ход выборов не оправдал моих ожиданий. Во многих местах они совершались под влиянием нравственного насилия и сопровождались теми же враждебными правительству заявлениями. Избиратели, забыв, что права, им предоставленные, состоят только в выборе членов и кандидатов в уездные и городские советы, подписывали прошения или адресы, строго законами запрещенные...» и т.д.

Манифест заканчивался увещанием, чтобы население Царства Польского не подчинялось наущениям или угрозам, чтобы исполняло свои обязанности в отношении к Монарху, дабы дать возможность снять военное положение и снова приступить к правильному развитию дарованных царству учреждений.

Ни воззвание наместника, ни военное положение, ни строгости полицейские не остановили предположенной на 3 (15)-е октября новой демонстрации. С 10 часов утра этого дня во все костелы варшавские стекалось множество народа, и вопреки объявленным полицейским правилам, все лавки и магазины были закрыты. Ввиду такого явного пренебрежения со стороны населения к распоряжениям правительственной власти, генерал Герстенцвейг, с согласия графа Ламберта, дал приказание окружить костелы войсками и полицией и арестовать, при выходе из церквей, всех ослушников. Из большей части костелов народ разошел-

ся еще до прибытия войск; но в трех костелах, именно в кафедральном Св. Яна, Бернардинов и Святого Креста, наполненных более других*, участники манифестации, несмотря на все увещания, продолжали упорно пение запрещенных гимнов и, запершись изнутри, не выходили из церкви. Войска оставались также на своих местах, сменяясь новыми частями. Граф Ламберт и все начальство были в совершенном недоумении, не зная, что предпринять. Прошел в этом напряженном состоянии целый день. С наступлением ночи разнесся слух, что исправляющий должность архиепископа прелат Белобржеский готовился идти во главе огромной процессии, со всем духовенством и при колокольном звоне к осажденным костелам, для «освобождения из-под ареста Христа и Святыни». Тогда собрались у графа Ламберта на совет генералы Герстенцвейг, Крыжановский, Хрулев, Рожнов, – и решено было взломать двери костелов, ввести солдат без оружия и всех находившихся в храмах вывести по одиночке; из них женщин и детей отпустить, а мужчин арестовать в цитадели, с тем, чтобы потом всех молодых отдать в солдаты, а не способных к службе — отправить на поселение.

Решение было, конечно, слишком крутое; но в двух храмах: Св. Яна и Бернардинском оно было приведено в исполнение во всей точности; третий – Св. Креста найден был пустым: вся блокированная в нем толпа ушла потаенным ходом, который, как потом оказалось, был известен некоторым чинам полиции, и в том числе частному приставу Дзержановскому (которого и приказано было графом Ламбертом предать суду, как изменника, но который был помилован по ходатайству обер-полицмейстера генерал-майора Левшина, всегда потворствовавшего полякам). Число арестованных в двух первых храмах мужчин простиралось до 1684-х, которые и были отправлены в цитадель**. Вся операция была окончена к 3 часам ночи, и тогда генерал Герстенцвейг приехал к графу Ламберту, который подтвердил ему прежнее, принятое вечером в совещании, решение.

На следующее утро, 4 (16)-го числа, едва отдохнув от ночных тревог и волнения и отдав необходимые приказания, генерал Герстенцвейг отправился в цитадель, чтобы сделать распоряжение относительно арестованных лиц. Каково же было его удивление, когда, подъезжая к цитадели, он встретил толпы арестантов, ухо-

* В соборе Св. Яна служили ежедневно панихиды по умершем архиепископе Фиалковском.

** В числе арестованных оказался один офицер - прапорщик Смоленского пехотного полка Садовский, который был предан военному суду.

дивших оттуда с криками и угрозами. Оказалось, что в 8 часов утра, граф Ламберт, призвав к себе обер-полицмейстера генерал-майора Левшина, приказал ему ехать в цитадель, разобрать арестованных поляков и освободить тех из них, которых он признает менее виновными. Но Левшин, действовавший во все время варшавских смут крайне двусмысленно, освободил почти всех арестованных. Герстенцвейг был страшно взбешен, особенно когда Левшин дерзко отвечал ему, что исполнил приказание наместника и только пред ним одним будет отвечать. Немедленно же Герстенцвейг поехал к графу Ламберту и без доклада вошел к нему в кабинет. В то же время приехал генерал Хрулев. Что происходило в кабинете между наместником и генерал-губернатором — осталось неизвестным; но лица, находившиеся в соседней приемной комнате, слышали громкий и горячий разговор, потом увидели бледное лицо графа Ламберта, выглянувшего в дверь, чтобы пригласить в кабинет генерала Хрулева, и несколько минут спустя вышедших вместе из кабинета Герстенцвейга и Хрулева, которые были оба страшно взволнованы и молча уехали из замка.

В тот же день узнали в Варшаве, что генерал Герстенцвейг заболел и никого не принимает, а граф Ламберт, пригласив к себе отставного полковника С.М. Барщова (которого, по старой приязни, вызвал из Ниццы в Варшаву), предложил ему немедленно возвратиться в Ниццу к своей семье. Там же находилось и семейство Герстенцвейга; Барщову было поручено просить жену Герстенцвейга приехать как можно поспешнее в Варшаву по случаю болезни ее мужа.

Между тем в самую ночь с 3 (15)-го на 4 (16)-е октября прелат Белобржеский собрал у себя капитул и пригласил еще некоторых духовных и даже светских лиц для совещания о последствиях совершившегося «осквернения» храмов. Постановлено было не только закрыть и запечатать те три храма, в которых были произведены аресты, но и прекратить богослужение во всех костелах Варшавской епархии. Постановление это было приведено в исполнение утром же 4 (16)-го числа*, и в то же время наместник получил от Белобржеского письменное об этом уведомление, в котором он дерзко называл сделанные начальством распоряжения неслыханным варварством, постыдным для войска христианского государства, угрожающим возвращением ко временам

* Распоряжению этому не подчинился только настоятель Базильянского (униатского) монастыря, подведомственного епископу Холмскому.

Атиллы... и т.д. В этом заявлении упоминалось, будто солдаты вторгались в храмы с касками на головах, с оружием и расправлялись прикладами, — что было совершенно ложно, по всем имеющимся русским показаниям. В заключение прелат дерзко выразился, что отныне ничто уже не может восстановить доверие народа к правительству. Требование графа Ламберта, чтобы сделанное капитулом распоряжение было отменено, — отвергнуто; Белобржеский объявил, что он не иначе откроет костелы, как в том случае, если будет дано формальное обеспечение, что полиции и войскам будет решительно воспрещено входить в храмы, и если при том все арестованные будут освобождены.

Такой оборот дела крайне смутил графа Ламберта, который придал закрытию костелов чрезмерную важность, вообразив себе, что такая мера должна произвести в народе взрыв негодования и, быть может, вызвать открытое восстание. Однако ж ничего подобного не произошло; народ, на фанатизм которого рассчитывало духовенство католическое, не показал особенной скорби.

За болезнью генерала Герстенцвейга исполнение должности генерал-губернатора варшавского было возложено временно на генерала-адъютанта Мерхелевича. Генерал-майор Левшин был устранен от должности обер-полицмейстера (тогда как его образ действий заслуживал бы уголовного преследования); место его занял генерал-майор Пильсудский – родом поляк, начавший службу в гвардии, а в последнее время занимавший должность обер-полицмейстера в Петербурге. Вступив в должность 6 (18)-го октября, он немедленно же объявил, что сборища пред закрытыми костелами строго запрещаются и, в случае ослушания, будут разгоняемы войсками. В то же время объявлено все Царство Польское на военном положении.

Сам граф Ламберт, вслед за описанными событиями, телеграфировал Государю, что не может долее оставаться на своем посту, и убедительно просил о немедленном увольнении его за границу, для лечения от болезни. Увольнение его последовало 9 (21)-го октября, и вслед за тем граф Ламберт уехал втихомолку, ни с кем не простившись. Таким образом, его управление Царством Польским продолжалось всего два месяца. Однако ж он не совсем уволен был от должности; удалению его дан был вид отпуска, по случаю болезни, и на время отсутствия его, исправление должности наместника и главнокомандующего было возложено на старика графа Лидерса, который безоговорочно принял на себя это тяжкое бремя. В ожидании же приезда его из Одессы

Государем предложено было, по телеграфу, возвращавшемуся в то время из Германии в Петербург генерал-адъютанту Сухозанету вторично вступить в управление Царством Польским и в командование 1-ю армией.

Между тем генерал Герстенцвейг лежал в страшных страданиях. Как ни старались держать в тайне причины его болезни, скоро сделалось всем известно, что причина эта заключалась в покушении на самоубийство. Он прострадал 19 дней и кончил жизнь лишь 24-го октября (5-го ноября), десять дней спустя после выезда графа Ламберта.

Хотя обстоятельства трагической смерти Герстенцвейга остались тайною, однако ж никто не сомневался в том, что отчаянное решение его лишить себя жизни было последствием последнего свидания его с графом Ламбертом, в присутствии одного лишь свидетеля — генерала Хрулева, также сошедшего в могилу. Полагают, что генерал Герстенцвейг при этом свидании, в порыве негодования и досады, назвал графа Ламберта изменником и что между ними решено было покончить расчеты поединком по американскому способу. Известно, что Герстенцвейг, возвратившись к себе 4-го числа из замка, во весь тот день не виделся ни с кем, а на другой день, 5-го числа, в 7 часов утра выстрелил себе в голову два раза из того же самого пистолета, которым застрелился отец его во время венгерской войны, а впоследствии и сын его (Александр Данилович) в Туркестане. Одна пуля скользнула по черепу; другая засела в голове; она-то и причиняла больному такие продолжительные и мучительные страдания. Тело покойного было перевезено в Петербург; отпевание происходило 14-го ноября, со всеми военными почестями, в лютеранской церкви Св. Петра (на Невском проспекте), в присутствии Государя и большей части Императорской фамилии, а потом тело было погребено на кладбище Сергиевской пустыни.

По мере того, как революционное движение разгоралось в Царстве Польском, отголоски его все заметнее проявлялись в западных губерниях. В Северо-Западном крае, кроме упомянутой демонстрации в местечке Городло, в день годовщины союза Польши с Литвой, 28-го сентября, продолжались в самой Вильне и других городах сборища, производившие демонстрации, с пением запрещенных гимнов. Когда же объявлено было распоряжение местного начальства об арестовании за пение этих гим-

нов, началось пение на тот же голос других песен, – и тогда пришлось снова объявить запрещение всяких песен вообще, не входящих в установленный церковный обряд. Смерть варшавского архиепископа Фиалковского послужила и в Северо-Западном крае предлогом к церковным демонстрациям. При таком положении края признано было необходимым отсрочить дворянские выборы впредь до снятия военного положения.

В Юго-Западном крае, в населении которого поляки составляют лишь незначительное меньшинство*, сосредоточенное преимущественно в городах, польская смута не нашла благоприятной почвы. Однако же и там с сентября месяца появились в городах польские национальные костюмы; и там начались панихиды по самым разнообразным поводам, пение патриотических гимнов и другие демонстрации по образу варшавских. В Житомире произошли довольно значительные уличные беспорядки, заставившие генерал-губернатора князя Васильчикова объявить этот город на военном положении. 9-го же октября произошел беспорядок в самом Киеве, опять под предлогом панихиды по варшавском архиепископе Фиалковском. Католический костел был переполнен народом, в глубоком трауре. При выходе из церкви толпа молодежи, увидев на паперти квартального надзирателя, начала буйствовать, немилосердно избила его палками и кулаками и наконец сбросила его с паперти, так что жизнь несчастного подверглась опасности. Совершив такое безобразие, толпа, человек в четыреста, двинулась по Крещатику с криками и ругательствами. Принятые вследствие этого прискорбного случая строгие меры полицейские и военные восстановили на время порядок и спокойствие; но в начале ноября возобновилось в костелах пение гимнов, снова появились траур и польские национальные костюмы.

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ГОДА**

Государь возвратился из Крыма в Царское Село за день до годовщины кончины Императрицы Александры Федоровны. В самый день этой годовщины, 20-го октября, был съезд во дворце, отслужена заупокойная обедня в полном трауре, а затем траур был снят.

---

* На 5 $^{1}/_{4}$ миллионов всего населения трех губерний считалось всего 485 тысяч поляков-католиков.

** В автографе первоначальный вариант заголовка: «Последние месяцы года по возвращении Государя из Крыма». (*Прим. публ.*)

С приезда Государя начались почти ежедневные совещания в кабинете Его Величества по поводу неутешительных известий из Варшавы и продолжавшейся в Петербурге неурядицы в среде учащейся молодежи. Иногда к этим совещаниям приглашались все министры, и тогда совещание происходило в одной из зал верхнего этажа Царскосельского дворца или в Зимнем дворце, в приемном кабинете Государя, в те дни, когда Его Величество, по каким-либо случаям, приезжал в Петербург из летнего своего местопребывания.

В это именно время Государь вознамерился придать таким общим совещаниям характер учреждения постоянного, узаконенного и регулировать их формальную сторону. В этих видах последовало 12-го ноября Высочайшее повеление об учреждении «Совета министров»[94]. Главным мотивом такого нововведения поставлена была необходимость единства в распоряжениях разных ведомств по важнейшим предметам государственного управления. Положено, чтобы в Совете участвовали, кроме членов Комитета министров, также и председатель Государственного Совета, государственный секретарь, Наследник Цесаревич, некоторые из прочих Великих Князей и других лиц, по особому Высочайшему назначению. Делопроизводство возложено на управляющего делами Комитета министров. На обсуждение Совета предположено вносить, по особому каждый раз указанию самого Государя, предлагаемые министрами меры или предположения, в особенности же относительно изменения или отмены существующих узаконений, важнейших преобразований и таких мероприятий, которые требуют соглашения или содействия нескольких министров. Также предполагалось обсуждать в Совете заключения особых комиссий, учреждаемых для рассмотрения отчетов, представляемых министрами и главными начальниками ведомств и т.д. При этом обращено было Государем внимание на изыскание средств к сокращению переписки и облегчению делопроизводства. Совет собирался не в определенные сроки, а по мере надобности и по личному повелению Государя; но обычным днем заседаний был четверг, от 1 часа пополудни примерно до 3 часов. Суждения в Совете полагалось хранить в тайне; протоколов не составлялось; порядок ведения дел заключался в том, что письменный всеподданнейший доклад министра, послуживший поводом к назначению заседания Совета, по личному приказанию Государя читался вслух самим министром, который, по обсуждении вопроса, и по объявлении Высочайшего решения, редактировал резолюцию,

представлял ее на Высочайшее утверждение и затем сообщал резолюцию по принадлежности, для сведения, соображения или исполнения. При таком упрощенном порядке делопроизводства управляющему делами Комитета министров не оставалось никакого другого труда, кроме рассылки приглашений на заседание или каких-либо других извещений.

Учреждение Совета министров имело несомненно благую цель: оно могло бы действительно устранить в известной степени замечавшийся у нас полный недостаток единства в ходе правительственной деятельности; противудействовать личному произволу и индивидуальным воззрениям каждого из министров. Цель эта не могла достигаться нашим Комитетом министров по самому характеру этого учреждения и предоставленной ему компетенции. За неимением у нас первого министра естественно было, чтобы сам Государь принял на себя председательство в Совете министров, – что, по-видимому, могло бы только способствовать цели этого учреждения. К сожалению, на деле вышло не совсем так, и впоследствии Совет министров вовсе не оказал той пользы, которую можно было от него ожидать.

Важнейшим предметом совещаний по возвращении Государя из Крыма был, конечно, польский вопрос. Последние трагические события в Варшаве обострили положение дел и заставили усомниться в успешности принятого правительством образа действий в Царстве Польском.

Вторичное управление генерала Сухозанета продолжалось всего около двух недель. В этот короткий промежуток времени не произошло в крае ничего нового, продолжалась прежняя анархия; но генералу Сухозанету пришлось быть исполнителем заключительного акта открытой борьбы с католическим духовенством. Прелат Белобржеский был арестован и предан военному суду; капитулу предложено избрать другого «администратора» варшавской епархии, – что было во всяком случае необходимо уже потому, что самое вступление Белобржеского в эту должность, без предварительного утверждения гражданскою властию, было нарушением конкордата 1847 года и, следовательно, противозаконно. Однако ж капитул и тут оказал сопротивление, отказавшись от нового выбора, и тайно отправил к Папе жалобу на мнимые гонения против католической религии. Все костелы, за исключением Базильянского, оставались закрытыми.

На суде Белобржеский выказал менее мужества, чем во главе капитула: он отрекся от своей солидарности с революционерами, заявив письменно, будто бы согласился на закрытие церквей единственно в видах прекращения церковных демонстраций и пения «небожественных» гимнов, не находя иного для того средства*; в заключение же своего объяснения он просил оказания ему милосердия. Несмотря на такую отговорку, суд приговорил Белобржеского к смертной казни расстрелянием; но приговор этот, по Высочайшей конфирмации, был заменен заключением в крепости (Бобруйске) на один год, без лишения духовного звания и ордена. Польские и другие заграничные газеты выставляли заявление Белобржеского на суде подложным и осыпали русское правительство бранью за суровое будто бы обхождение с прелатом. «Journal de St. Pétersbourg» опроверг эту ложь и пропечатал целиком собственноручное заявление Белобржеского, засвидетельствованное директором Варшавской консисторальной канцелярии. Но что могли сделать эти официальные опровержения против гама большей части европейской печати, враждебной России или подкупленной поляками.

Генерал Сухозанет, как уже было мною упомянуто, не уживался с маркизом Велепольским, который с обычным своим высокомерием и надменностию смотрел свысока на хворого старца, временно лишь принявшего начальство в крае. Вследствие жалоб Сухозанета Велепольский был вызван в Петербург и выехал туда 23-го октября (4-го ноября), а 27-го прибыл уже в Варшаву граф Лидерс. Со вступлением его в должность генерал Сухозанет выехал в Петербург.

Первые распоряжения графа Лидерса были направлены к тому, чтобы объявленное в крае военное положение было применяемо на деле во всей строгости. Значительное число вожаков бывших беспорядков было арестовано. По представлению графа Лидерса были назначены: на должность варшавского генерал-губернатора — генерал-лейтенант Крыжановский, с оставлением и в должности начальника главного штаба армии; а главным директором Правительственной комиссии внутренних дел – сенатор тайный советник Крузенштерн.

* Не такого мнения был архиепископ львовский, который около того же времени гласным циркуляром положительно воспретил духовенству своей епархии допускать в костелах пение каких-либо недозволенных правительством гимнов, и хотя к нему являлись два раза депутации, убеждавшие его отменить такое распоряжение, однако ж архиепископ остался непреклонным и выразил вообще порицание всяких политических манифестаций в храмах Божиих.

Маркиз Велепольский, с первого появления своего в Петербурге, при Дворе и при свиданиях с главными нашими сановниками, произвел самое внушительное впечатление своим самоуверенным, докторальным тоном и обаятельною диалектикой. Из обвиняемого он обратился в обвинителя. В особенности князь А.М. Горчаков, П.А. Валуев, князь В.А. Долгоруков совсем поддались чарам польского аристократа. Несмотря на то, Государь признал, что при тогдашнем положении дел в Царстве Польском необходимо было прежде всего восстановить внешний порядок и авторитет законной власти, не отказываясь, однако же, от дальнейшего расширения дарованных Царству учреждений, применительно к программе маркиза Велепольского. При такой постановке задачи последнему предстояло, по крайней мере на некоторое время, посторониться, выждать более благоприятных условий для проведения его планов. 25-го ноября (7-го декабря) последовало увольнение Велепольского от обеих его должностей, с оставлением членом Государственного Совета Царства Польского. При этом пожалован ему орден Белого орла. Вместо Велепольского назначены были: главным директором Комиссии духовных дел и народного просвещения — тайный советник Губе, занимавший до того времени должность председателя Кодификационной комиссии при II отделении Собственной Е.В. Канцелярии; а главным директором комиссии юстиции – тайный советник Дембовский.

30-го ноября (12-го декабря) закрыта генералом Лидерсом первая сессия Государственного Совета Царства Польского.

Оставался щекотливый вопрос о замещении вакантной должности варшавского архиепископа. Назначение это не могло состояться иначе, как по соглашению с Ватиканом; а добиться этого нелегко при тогдашних враждебных к России отношениях курии. Неоднократные обращения к Ватикану нашего Министерства иностранных дел с жалобами на преступный образ действий католического духовенства в Польше оставлялись без внимания. Польское духовенство имело в Риме сильную опору в лице некоторых влиятельных членов курии, умышленно поддерживавших в католическом мире убеждение в том, будто церковь католическая в России претерпевает жестокие гонения; на самом же деле приходилось русскому правительству отстаивать свои права от властолюбивых посягательств Ватикана, который постоянно домогался, вопреки существовавшему конкордату, установить прямые сношения с местным католическим духовенством. Встречая в этом

отпор со стороны русского правительства, Ватикан поддерживал эти сношения втайне, подстрекая духовенство к противудействию местной власти. Таким образом возник чудовищный союз главы церкви католической с революцией.

В октябре 1861 года, после всех совершившихся уже безобразий в Варшаве, наше Министерство иностранных дел еще раз попыталось обратить внимание Папы на мятежные действия польского духовенства. В депеше к нашему посланнику в Риме Ник<олаю> Дм<итриевичу> Киселеву (от 9 (21)-го октября) князь Горчаков писал: «В настоящее время я не обязываю вас обратиться с формальными об этом представлениями к Святейшему Отцу; не хочу повторять заявления, которое уже раз отказались выслушать; но уполномочиваю вас передать кардиналу Антонелли, для прочтения, письмо графа Ламберта и настоящую мою депешу...» Однако ж и на это новое заявление получен был от кардинала Антонелли уклончивый ответ, что «Святейший Отец выразил **конфиденциально** порицание поведения польского духовенства». На замечание нашего посланника, что в подобных случаях необходимо не конфиденциальное, а сколь можно более гласное неодобрение, кардинал ответил, что Папе трудно в этом случае высказаться **открыто** потому, что до Его Святейшества доходят постоянные жалобы самого польского духовенства на встречаемые им со стороны русского правительства препятствия к исполнению их религиозных обязанностей. При этом был сделан намек на то, что Папа, не имея ни свободных сношений с местным духовенством, ни своего органа в Петербурге, лишен возможности следить за действиями означенного духовенства и руководить ими. Заявление это не было оставлено без внимания: князь Горчаков сообщил Киселеву, что жалобы польского духовенства не имеют никакого основания; что Государь наш, всегда питая самые искренние чувства веротерпимости, ограждает все вероисповедания в пределах существующих узаконений; что Его Величество, в доказательство полного своего внимания к религиозным потребностям всех своих подданных, готов сделать новую уступку желаниям Святого Отца, предлагая прислать своего посла специально для того, чтобы лично удостовериться в истине современных событий в Польше[95]. Посланнику нашему было поручено, при передаче этого заявления Императорского кабинета, дать заметить, что Государь может пойти еще далее на уступки, обратив означенное временное посольство в постоянное.

В то время, когда наше правительство выказывало такую уступчивость и когда кардинал Антонелли заявлял о «конфиденциальном» порицании Папою действий польского духовенства, вместо того послано было тайно варшавскому архиепископу папское «бреве», которым эти действия одобрялись. Существование этого документа, уличавшего Ватикан в крайнем двуличии, обнаружилось по смерти архиепископа Фиалковского, при осмотре его бумаг. Когда же нашим Министерством иностранных дел было указано римской курии на прямое нарушение конкордата присылкою означенного документа, то кардинал Антонелли имел наглость отговариваться тем, что обращение Святого Отца к архиепископу Фиалковскому было не формальным «бреве», а простым письмом, написанным хотя и по-латыни, но не на пергаменте[96]. Однако ж отговорка эта, по-видимому, была скоро позабыта; ибо означенное «простое письмо» попало в изданный впоследствии (в 1866 году), по распоряжению курии, сборник официальных документов[97].

При таких-то отношениях с Ватиканом возник вопрос о замещении вакантной кафедры варшавского архиепископа. Правительство наше выбрало в преемники Фиалковскому профессора Петербургской римско-католической академии каноника Фелинского. Выбор этот, сверх всякого ожидания, был одобрен курией. При личном приеме по этому случаю нашего посланника (15 (27)-го декабря) Папа выразил свою благодарность русскому Императору за доброе его расположение и за предложение отправить нунция[98]; вслед за тем (25-го декабря/6-го января) получено из Рима по телеграфу извещение об утверждении Папою выбранного русским правительством кандидата на место архиепископа варшавского.

Таким образом, в конце 1861 года казалось, что наступил благоприятный поворот в настроении Ватикана; можно было думать, что курия воспользуется уступчивостию русского правительства; но вышло совсем иначе: отношения между Римом и Петербургом скоро приняли оборот совсем враждебный. Нетрудно догадаться, в чьем интересе было ссорить нас с Ватиканом.

Не менее польских дел озабочивало Государя брожение умов в России и в особенности в среде учащейся молодежи. Всего же прискорбнее были проявления упадка дисциплины и извращение понятий между молодыми офицерами — питомцами тех заведений, которые состояли под таким близким надзором и попечением Царского брата и самого Государя.

Поэтому в числе первых вопросов, обративших на себя внимание Его Величества по возвращении из Крыма, было – решение участи пятерых офицеров, арестованных на студенческой сходке 2-го октября. Четверо из них были артиллеристы, а именно: три состоявшие при Петербургском арсенале – поручики Энгельгард и Семевский и прапорщик Странден, а четвертый – прапорщик Богданов был в числе обучавшихся в Михайловской артиллерийской академии. Все эти четверо были преданы военному суду по распоряжению Великого Князя генерал-фельдцейхмейстера. Суд признал первых трех виновными «в неисполнении приказания коменданта выйти из толпы студентов» и подлежавшими строгому наказанию; но во внимание к их прежней службе взыскание ограничено арестом, одного – на месяц, других – на две недели. Конфирмация Его Высочества генерал-фельдцейхмейстера в таком смягченном виде была утверждена Государем 9-го ноября. Относительно же четвертого офицера, прапорщика Богданова, последовало 14-го декабря еще более мягкое решение: он был даже оставлен в академии для окончания курса, и вменено ему в наказание лишь то, что во все время следствия и суда он оставался на половинном жаловании.

В тот же день, 14-го декабря, объявлен Высочайше утвержденный, согласно заключению Государственного Совета, приговор Сената о государственном преступнике отставном губернском секретаре Михайлове, который «за злоумышленное распространение сочинений, имеющих целью возбуждение бунта против верховной власти», лишен всех прав состояния и сослан в каторжные работы в рудниках на шесть лет. Строгостию взысканий за подобные преступные действия полагали в самом начале пресечь зло, угрожавшее подрывом основ государственного строя России, надеялись примером устрашить злонамеренных пропагандистов вредных учений. Однако ж надежды эти не оправдались: общее настроение умов было таково, что строгость взысканий только возбуждала фанатизм в массе заблудшейся молодежи и вызывала сочувствие к преступнику, на которого смотрели как на мученика за святое дело. Когда приговоренного к каторжным работам Михайлова отправили в ссылку, то никакие предосторожности полицейские не могли воспрепятствовать разного рода демонстрациям и заявлениям сочувствия к преступнику на всем его дальнейшем пути.

Между тем вопрос университетский оставался нерешенным. Как уже прежде было сказано, лекции в Петербургском универ-

ситете возобновились с 11-го октября; но почти никто из студентов не посещал их, и профессора большею частию перестали приходить в опустелый университет. Между всею петербургскою молодежью продолжалось сильное брожение; беспрестанно случались новые столкновения студентов с полицией; число арестованных все увеличивалось. Государь, по возвращении из Крыма, выразил неудовольствие свое по поводу бывших в Петербурге беспорядков и неудачных распоряжений городского начальства. Вследствие этого граф Петр Андреевич Шувалов оставил свою должность и уехал за границу, а вместо него назначен (23-го октября) генерал-майор свиты А.Л. Потапов*. Вслед за тем, 4-го ноября, и генерал-адъютант Павел Николаевич Игнатьев уволен от должности петербургского военного генерал-губернатора, с оставлением членом Государственного Совета; место его занял рижский генерал-губернатор генерал-адъютант князь Александр Аркадьевич Суворов, замещенный в Риге генерал-адъютантом бароном Ливеном. Князь Суворов, в награду за 14-летнее управление Прибалтийским краем, получил орден Св. Владимира 1-ой степени, при благодарственном рескрипте, хотя управление это в сущности принесло весьма прискорбные плоды: за это время заметно усилились притязания местной немецкой аристократии в ущерб туземному населению, благодаря слабости генерал-губернатора, искавшего популярности между прибалтийскими баронами. Слабость эта в погоне за популярностию скоро выказалась и на его новом посту в Петербурге.

В то же время и прежний попечитель Петербургского университета, а потом директор Департамента народного просвещения тайный советник Делянов совсем уволен от службы (17-го ноября), и на место его директором этого департамента назначен действительный статский советник граф Дмитрий Андреевич Толстой, служивший прежде в Морском министерстве и состоявший членом Главного правления училищ.

Прямой же и главный виновник университетской неурядицы – министр народного просвещения граф Путятин и бесхарактерный исполнитель его распоряжений генерал-лейтенант Филипсон продержались еще некоторое время на своих местах. Граф

* Окончательно утвержден он в должностях начальника штаба корпуса жандармов и управляющего III отделением Собственной Е.В. Канцелярии 15-го декабря. В то же время последовало утверждение генерал-майора свиты графа Крейца в должности московского обер-полицмейстера.

Путятин, в какие-нибудь четыре месяца своего управления, не только раздул огонь, уже тлевший в массе университетской молодежи, но умел довести до раздражения и профессоров, вообразив себе, что может обращаться с этою корпорацией, как с экипажем корабля. Он оскорблял их на каждом шагу своею неделикатностию и грубостию; они же не скрывали своего неудовольствия, и не раз он должен был извиняться пред ними. Не менее было озлобления и на попечителя генерала Филипсона: профессора отзывались с презрением о его трусливости пред высшим начальством, о его двуличности и неискренности; а студенты не могли простить ему, что он, для успокоения их, обманывал обещаниями, которых не мог сдержать.

Пятеро из числа лучших профессоров, принимавшие горячо к сердцу интересы университета, решились оставить его: Кавелин, Утин (Борис), Спасович, Пыпин и Стасюлевич. Профессор Константин Дмитриевич Кавелин, с которым я был давно в приятельских отношениях, человек высоких чувств и в высшей степени чистой души, извещая меня о своем решении письмом от 24-го октября, так объяснял мне причины, побудившие его покинуть кафедру: «Перенести горе опустения моей аудитории я не в состоянии. Связь, соединявшая меня со слушателями, которая доставляла мне столько утешения и радости, порвана; лучшие из наших студентов бедствуют и будут еще бедствовать. Как же мне оставаться на кафедре и даром получать жалование? Следовало только выбрать время, когда выйти, и мне казалось всего удобнее сделать это теперь. Университет на факте уже не существует...»[99]

В этом же письме К.Д. Кавелин, выражая опасение, чтобы отставка его не была принята начальством за демонстрацию, упоминал о своих стараниях успокоить студентов и между прочим писал: «После открытия университета я читал лекцию, глотая слезы, в злосчастное 12-е октября...» «Читать лекции в несуществующем университете я не в состоянии; это свыше моих сил. Начальство на меня дуется; студенты озлоблены; они находят, что профессора ничего не сделали для их защиты. Быть полезным университету при таких обстоятельствах я не могу, – и потому ухожу прочь, в частную жизнь, измученный, изверившись во все, в том числе и в самого себя. 1861-й год доконал меня совсем. Мысль о какой бы то ни было демонстрации также далека от меня, как надежды и мечты, которые похоронил с летами».

Прочие профессора, последовавшие примеру Кавелина, находились почти в таком же, как он, настроении и движимы были

теми же побуждениями. Поданные ими прошения были все-таки приняты начальством за явную демонстрацию, и в этом отношении высказанные Кавелиным опасения вполне оправдались. Об этом была речь и в Совете министров. 20-го ноября последовало увольнение четырех профессоров: Кавелина, Утина, Стасюлевича и Пыпина. Только Спасович отступил и оставался в университете еще до июля 1869 года. Вскоре потом (13-го декабря) оставил свою должность и почтенный, всеми уважаемый ректор, профессор Плетнев, занимавший эту должность более двадцати лет. Обязанности ректора, по распоряжению министра, были временно возложены на профессора А.А. Воскресенского*.

Таким образом граф Путятин своим крутым и резким образом действий, вместо предполагавшегося обуздания студентов и профессоров, успел в короткое время только разогнать и тех, и других и довести Петербургский университет до полного распадения.

Между тем следственная комиссия, назначенная для разбора степени виновности арестованных студентов, окончив свою работу, представила доклад, и 4-го декабря последовало Высочайшее повеление: пятерых студентов, признанных наиболее виновными в бывших беспорядках, исключить из университета и выслать в отдаленные губернии, под надзор полиции, с дозволением однако ж поступить там на службу; других 32-х студентов IV курса – также исключить из университета, с отдачею на поруки ближайшим родственникам и с допущением на службу, где пожелают; 192-х студентов III, II и I курсов – простить, сделав им строгое внушение и дозволив им в двухнедельный срок или поступить снова в университет, приняв матрикулы, или выехать на родину, или, наконец, остаться в Петербурге под надзором полиции.

Затем, 7-го декабря, открыты заседания Комиссии, назначенной для обсуждения вопроса о мерах к приведению университетов в лучшее устройство, с целью устранить поводы к беспорядкам, так резко проявлявшимся в последнее время. Комиссия эта была образована под председательством попечителя Дерптского учебного округа действительного тайного советника Брад-

---

* Инспектор студентов А.И. Фицтум был уволен еще 13-го октября, то есть на другой день после крупного скандала 12-го числа. На место его назначен один из его бывших помощников Н.В. Озерецкий

ке, из попечителей других округов: Петербургского – генерал-лейтенанта Филипсона, Московского – генерал-майора свиты Исакова, Казанского – действительного статского советника князя Вяземского и Киевского – действительного статского советника барона Николаи (бывшего ранее попечителем Кавказского учебного округа), помощника попечителя Харьковского округа – действительного статского советника Фойгта, профессоров – фон Эттингена (проректора Дерптского университета), Ленца, Никитенко, Соловьева, Бабста, Овсянникова, Бунге (ректора Киевского университета) и Пахмана.

Не выждав заключений этой комиссии, граф Путятин 20-го декабря представил Государю доклад о том, чтобы ввиду продолжающихся в Петербургском университете беспорядков временно закрыть университет, впредь до пересмотра университетского устава 1835 года, с тем, чтобы открыть его снова уже на новых началах, какие будут выработаны комиссией. Всех состоявших еще в университете студентов положено считать уволенными, а профессоров и должностных лиц оставить за штатом; впоследствии же, при открытии снова университета, допустить прием уволенных студентов уже на новых основаниях. Доклад этот был Высочайше утвержден 20-го же декабря[100]; при этом была отпущена в распоряжение петербургского военного генерал-губернатора некоторая сумма, для выдачи пособий нуждающимся студентам, которые встретили бы затруднение переселиться в другие места и не имели бы средств существования в Петербурге.

Чрез пять дней по утверждении доклада графа Путятина и почти одновременно с объявлением о закрытии университета, в праздник Рождества Христова (25-го декабря) последовало увольнение от должности самого министра народного просвещения и назначение на его место статс-секретаря тайного советника А.В. Головнина, состоявшего лично при Его Высочестве генерал-адмирале и считавшегося членом Главного правления училищ. Новым своим назначением он был, очевидно, обязан покровительству Великого Князя Константина Николаевича, имевшего полное к нему доверие.

С назначением нового молодого министра последовали немедленно и некоторые другие перемены в личном составе министерства. Товарищем министра назначен (28-го декабря) киевский попечитель барон Николаи, с которым А.В. Головнин был с молодых лет в товарищеских отношениях по Царскосельско-

А.В. Головнин

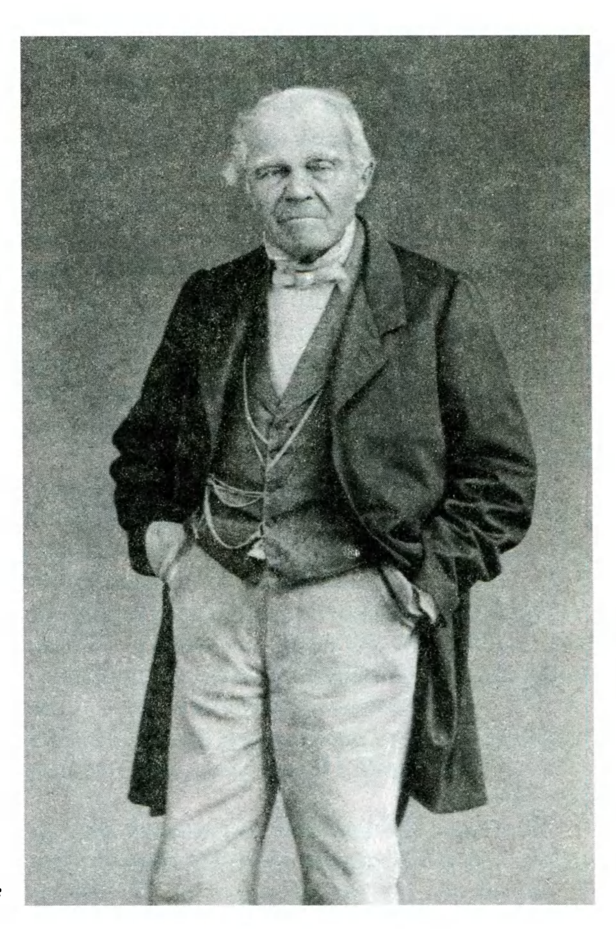
му лицею; сослуживец Головнина в Морском министерстве действительный статский советник Борис Павлович Мансуров назначен членом Главного правления училищ и управляющим Департаментом народного просвещения, на место графа Дм<итрия> Ан<дреевича> Толстого, который, таким образом, очень недолго занимал эту должность; не пожелав оставаться под начальством прежнего своего товарища по Морскому министерству, он получил звание сенатора и удалился на некоторое время с административного поприща. Наконец, бывший вице-директор Департамента народного просвещения статский советник Воронов получил место директора канцелярии министерства. Последние эти назначения состоялись уже в начале следующего 1862 года.

Кроме упомянутых уже перемен в личном составе высшей администрации в последние два месяца года, произошли еще некоторые другие, более или менее значительные. 8-го ноября генерал-адъютант граф Берг уволен от должности финляндского генерал-губернатора. Уже замечено было в другом месте моего рассказа, что граф Берг не сочувствовал намерению Государя восстановить в Финляндии сейм на точном основании дарованной этому краю конституции. Он клонил к тому, чтобы ввести в Великом Княжестве Финляндском устройство, подобное существующему в прибалтийских губерниях. Все объявленные уже распоряжения правительства в смысле приготовительных мер к предстоявшему созванию сейма были приняты Государем по представлениям статс-секретариата финляндского, то есть графа Армфельда, вопреки личным мнениям генерал-губернатора. После того графу Бергу становилось весьма неудобным оставаться на своем месте; он был уволен от должности с награждением алмазными знаками на ордене Св. Андрея и вместе с тем получил звание почетного президента Николаевской Академии Генерального Штаба. На место его, финляндским генерал-губернатором, назначен член Государственного Совета генерал от инфантерии барон Рокоссовский – человек уже преклонных лет, тихий, спокойный; но в былое время считавшийся дельным офицером Генерального Штаба.

8-го же ноября, как уже сказано, последовало назначение на место умершего генерал-адъютанта Герстенцвейга варшавским военным генерал-губернатором генерал-лейтенанта Крыжановского, с оставлением его и в прежней должности начальника главного штаба 1-й армии.

На другой день, 9-го ноября, праздновался 50-летний юбилей военного министра генерал-адъютанта Сухозанета. Всем военным начальствующим лицам и чинам министерства приказано было собраться утром в квартиру министра (в Миллионной), для принесения поздравления; приехали сам Государь, Великие Князья, множество сановных лиц, так что весь верхний этаж занятого министерством дома оказался слишком тесным. Юбиляру пожалован в этот день украшенный алмазами портрет Государя для ношения на груди, при благодарственном рескрипте; но вместе с тем последовало и увольнение его от должности министра, с назначением членом Государственного Совета. Тем же приказом 9-го ноября я назначен военным министром.

В тот же день статс-секретарь Валуев утвержден в должности министра внутренних дел; также последовали назначения воен-

Д.Н. Блудов

ными губернаторами: в Минск – генерал-адъютанта Ефимовича, вместо бывшего там гражданского губернатора графа Келлера, и в Нижний Новгород – генерал-майора Одинцова, на место генерал-майора Александра Ник<олаевича> Муравьева 4-го. Несколько дней спустя, 18-го ноября, на должность товарища министра внутренних дел (остававшуюся вакантною со времени увольнения моего брата Николая) назначен председательствовавший в совете того министерства тайный советник Тройницкий – человек почтенный и деловой.

Более важные назначения последовали 6-го декабря: председательство в Государственном Совете и Комитете министров возложено на графа Дм<итрия> Ник<олаевича> Блудова, с остав-

лением и председателем Департамента законов, но с освобождением от должности главноуправляющего II отделением Собственной Е.В. Канцелярии. По этому случаю граф Блудов получил весьма лестный Высочайший рескрипт, в котором выставлены были оказанные им видные заслуги в продолжение долговременного заведывания означенным отделением. На место его, главноуправляющим II отделением назначен статс-секретарь барон Модест Андр<еевич> Корф, с увольнением от должности директора Императорской Публичной библиотеки, в которой одна из зал, посвященная исключительно Русскому отделу (Rossica), получила в честь его наименование залы барона Корфа.

На должность директора означенной библиотеки назначен тайный советник Делянов, который, таким образом, оставался в отставке лишь несколько недель.

В том же декабре месяце праздновались два 50-летние юбилея: графа Владимира Федоровича Адлерберга и графа Сергея Павловича Сумарокова. По этому случаю им пожалованы звания шефов: первому – Смоленского пехотного полка и 5-ой роты лейб-гвардии Московского полка (в котором граф Владимир Федорович начал свою службу); а второму – Батарейной № 2-го батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Оба юбиляра получили благодарственные рескрипты. Для принесения поздравлений графу Адлербергу съехались к нему, в назначенный час утра, почти весь официальный Петербург, сам Государь и члены Императорской фамилии.

Вообще 1861 год представляется обильным разными переменами в личном составе администрации: много последовало перемещений в высших должностях; но много видных личностей и сошло в могилу. В течение этого года выбыло из числа членов Государственного Совета пятеро: князь А.Ф. Орлов, князь М.Д. Горчаков, Ал<ексей> Пет<рович> Ермолов, статс-секретарь Гофман и тайный советник Сенявин; из числа же генерал-адъютантов (сверх князя Орлова и князя Горчакова): Иван Онуфриевич Сухозанет, Алексей Фед<орович> Арбузов и Сергей Алекс<андрович> Кокошкин.

Лично мое положение совершенно изменилось с 9-го ноября, то есть с окончательным назначением меня военным министром. Назначение это развязало мне руки; я мог уже вести дело самостоятельно и приняться решительно за разработку тех изме-

нений и преобразований, которые считал необходимыми для усовершенствования наших вооруженных сил и военной администрации. Предположения эти были так обширны и находились в такой тесной между собою связи, что обозрению их я должен посвятить отдельную статью, в которой постараюсь объяснить в сжатом очерке предстоявшую мне задачу. Здесь же скажу только, что мне пришлось провести очень тяжелую зиму с 1861 на 1862 год. Надобно было поспевать и к ежедневным докладам у Государя, и на частные совещания по поводу тогдашних смутных и тревожных обстоятельств, и в заседания Государственного Совета, Военного Совета, Комитета министров, многих других комитетов и комиссий, а в довершение появляться на разных придворных и военных церемониях, парадах, разводах и т.д. Самому теперь не верится, что при всех этих разнородных обязанностях находил я время для предпринятых по министерству серьезных работ. Зато и не оставалось не только ни одного часа на отдых в течение дня, но и достаточно времени для сна (приходилось спать не более 5 или 5 $^1/_2$ часов в сутки), – что, конечно, не могло не отозваться на состоянии здоровья: почти постоянно я был в каком-то нервном напряжении, семьи своей почти не видел. Всего же тягостнее были для меня обязанности придворные, тем более, что в этой сфере я чувствовал себя как бы во враждебном лагере. Все, что считало себя аристократиею, высшим кругом, смотрело на меня косо; старые сановники видели во мне молодого выскочку; крепостникам я был не люб по брату. Никогда не имев охоты к светской жизни, далекий от всяких приманок тщеславия, с сильной дозой застенчивости и неуверенности в самом себе, я всячески избегал поводов соваться на глаза; да и необходимо было избегать их по крайнему недостатку времени для настоящей работы. Я решался иногда обращаться к обер-гофмаршалу графу Андрею Петр<овичу> Шувалову с просьбою об исключении меня из списка приглашаемых на какой-нибудь бал, вечер и т.п., к крайнему удивлению истого царедворца, не понимавшего, как может человек отказываться от такой чести, которой все другие добиваются всякими путями. Зато и прославили меня демократом, чуть не революционером.

Но благосклонность и доверие, которые оказывал мне постоянно Государь, поддерживали во мне бодрость духа и облегчали мое положение в официальной сфере. Вспоминаю также с сердечною признательностию о Великой Княгине Елене Павловне, у которой всегда находил я радушный прием. Необыкновенная

эта женщина обладала замечательным умением вести разговор с каждым собеседником, кто бы он ни был; всякий чувствовал себя в ее обществе, как говорится, á son aise*, поэтому и я, при всей своей дикости, нисколько не тяготился ее приглашениями то к обеду, то на вечернюю беседу. Великая Княгиня Екатерина Михайловна и супруг ее герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий также благоволили мне и приглашали иногда запросто к обеду.

Великая Княгиня Елена Павловна, как я упомянул уже прежде, после своего пребывания в Бадене и на Женевском озере переехала в начале сентября в Ниццу, где оставалась до 27-го числа того же месяца, и затем отправилась через Южную Францию и Страсбург в Россию. На свидание с Ее Высочеством выехали в Дижон 28-го сентября (10-го окт.) граф П.Д. Киселев и брат мой Николай. 6-го ноября Великая Княгиня возвратилась в Петербург. Великий Князь Константин Николаевич возвратился еще позже: пробыв некоторое время в Гиере (Hiyéres), он вместе с Великой Княгиней Александрой Иосифовною и детьми переехал в сентябре чрез всю Францию в Англию, провел около месяца (с 12-го сентября по 10-е октября) на острове Уайте и прибыл в Петербург только 18-го декабря.

Большим лишением для меня и для моей семьи было отсутствие брата Николая, который провел часть осени на Женевском озере, в Вевэ, а зиму в Италии, преимущественно в Риме. Туда же приехала на зиму и сестра моя Мордвинова. Брат, никогда прежде не бывавший в Италии, вполне наслаждался своим отдыхом и спокойствием в этой прелестной стране; читал на римских развалинах Тацита и других древних классиков, заинтересовался образцовыми произведениями искусства и старался заглушить в своих мыслях грустные воспоминания о последнем времени трудовой своей жизни в Петербурге. Приведу любопытную выписку из его письма от 18 (30)-го декабря 1861 года из Рима:

«В Риме мы все блаженствуем... Нигде нельзя так фланировать, как в Риме: нежишься, а между тем мысль постоянно работает, внимание всегда возбуждено, без утомления; нет и следа тех неприятных угрызений совести, которые оставляет за собою бесплодное и неразумное бездействие. Я погрузился в классические древности, читаю Тацита и Тита Ливия, и сказать ли? – вполне убедился, что наше русское пренебрежение к классикам есть истинное варварство и великий пробел в нашем развитии.

---

* Свободно, непринужденно. (*Пер. с фр.*)

Ты улыбнешься моей наивности, достойной гимназиста, а я убежден, что вы все, отрешенные от обычной возни, испытали бы то же чувство на моем месте. Читаешь и не веришь прежнему равнодушию к тому, что действительно великолепно. Впрочем, прелести древнего мира не исключительно занимают мои досуги. Я не бросил прежнего намерения изготовить здесь материал для истории эмансипации. К выезду надеюсь кое-что сделать. Может быть, со временем пригодится...»

Таким образом, и среди совершенно новой обстановки мысли брата обращались невольно на то, что было всего ближе к его сердцу; и вдали от родины он с заботливостию следил за ходом дел в отечестве, размышлял о тех болезненных явлениях, которые в последнее время выказались в его организме. Вот еще несколько строк из того же письма:

«Последние известия из России, особенно при их отрывочности, неясности и неточности, не могли не расстроить тот душевный мир, которым без того я наслаждался бы здесь в такой полноте и невозмутимости. Брожение у вас сильное, сильнее, чем следовало ожидать; но признаюсь, опасности я еще не вижу нигде, разве в одной только неразумности будущих правительственных действий. Революционные замашки были бы просто смешны, если б не обнаруживали в обществе глубокого пренебрежения к моральной силе правительства. Две характеристические черты обрисовывают, как мне кажется, нашу русскую оппозицию, охватившую, по-видимому, все общество: во-первых, наружу выходят только **крайние** мнения (по аналогии можно, пожалуй, употребить французские выражения: extrême droite и extrême gauche*; во-вторых, либеральные стремления не получили еще **определенных** образов: все это слишком обще, смутно, шатко и исполнено противоречий. Такая оппозиция бессильна в смысле **положительном**; но она бесспорно может сделаться сильною **отрицательно**. Чтобы отвратить это, необходимо создать **мнение** или, пожалуй, партию **серединную** (говоря парламентским языком – le centre), который у нас нет, но для которой элементы, очевидно, найдутся. Одно правительство может это сделать, и для него самого это будет лучшим средством упрочения. Пример Польши, кажется, слишком ясно показал, каково положение правительства, даже располагающего всею материальною силой, когда в стране истребились все следы **правительственной** партии, некогда суще-

---

* Крайне правые и крайне левые. (*Пер. с фр.*)

ствовавшей и, следовательно, возможной (при Екатерине и даже при Александре была в Польше русская партия). В России, конечно, во сто раз легче склонить на свою сторону серьезную часть образованного общества, сделав своевременные уступки, но сделав их ясно, с достоинством, без оскорбительных оговорок и без канцелярских уловок. В чем должны заключаться эти уступки? – вот главный вопрос. По-моему, это – широкое развитие выборного начала в **местной** администрации (кроме исполнительной полиции) и удвоение **бюджета народного просвещения**. Невероятно, чтобы такие реформы не сгруппировали около правительства лучших людей, которые подняли бы моральную силу его, обессилили бы крайние мнения и дали бы истинное, пошленькое значение нынешней оппозиции...»

Однако ж несколькими строками ниже добавлено:

«Знаю, как эти рассуждения должны казаться бесполезными и пустыми среди ежедневной, будничной, практической жизни; знаю, что нынешний состав нашего правительства не в силах возвыситься до общей, разумной программы, хотя бы она была написана семью древними мудрецами и заключалась бы в рамках крошечной четвертушки...»[101]

В заключение остается мне сказать несколько слов о фельдмаршале князе Барятинском, с которым переписка моя продолжалась, пока он находился в Дрездене. В начале октября он писал мне о своем намерении ехать на зиму в Египет, о чем поручил мне доложить и Государю; но поездка эта долго откладывалась, а в конце октября (28-го ст. ст.) он уже писал мне, что доктор Вальтер не соглашается на путешествие по Нилу, по случаю наводнения нижнего Египта, а посылает его на остров Тенериф, считая продолжительное путешествие морское лучшим средством от бессонницы. Фельдмаршал высказывал предположение свое возвратиться чрез Гибралтар, Мальту, Ионические острова, так, чтобы весною прибыть в Тифлис, где без хозяина нельзя оставлять долее военное, как и гражданское управление...[102]

Позднейшее известие о князе Александре Ивановиче из Дрездена заключалось в письме адъютанта его Брока (впоследствии состоявшего адъютантом при мне, а позже флигель-адъютантом), посланного из Тифлиса с бумагами к фельдмаршалу. Он писал 13 (25)-го ноября, что никогда еще не видел князя таким здоровым и веселым. Переписка же его со мною почему-то вдруг прерва-

лась. В течение всей зимы 1861 – 1862 г. не было даже известно его местопребывание, а потому я не мог писать ему и только в феврале 1862 г. получил наконец от него письмо из Малаги. Он известил меня, что вместо острова Тенерифа решился остаться в Испании, где прожил зиму в полном incognito, так что сам русский посланник в Испании граф Стакельберг (с которым я также был в переписке) не знал о пребывании там фельдмаршала.

Из Тифлиса же я получал только загадочные намеки на причину таинственности, с которою князь Барятинский, в продолжение нескольких месяцев, скрывал свое местопребывание. Так в письме от 22-го октября генерал Карцов упоминал о ходивших в Тифлисе слухах об отъезде княгини Марии Ивановны Орбельяни с ее мужем, «чтобы венчать свою дочь с князем Барятинским...» Позже, 28-го декабря, Карцов писал: «Слухи в Тифлисе, что князь Барятинский уехал из Дрездена с Елизаветой Дмитриевной Давыдовой и что вернется в Тифлис женатым...»[103]

Только гораздо позже сделалась известна развязка романических похождений нашего фельдмаршала: его странная, почти комическая дуэль с бывшим его адъютантом Давыдовым, развод последнего с женой и женитьба князя Барятинского с Елизаветой Дмитриевной Давыдовой.

КАВКАЗ ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ ГОДА И ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ НА ДРУГИХ АЗИАТСКИХ ОКРАИНАХ

После проезда Государя по Кубанской области отряды наши за Кубанью продолжали рубку просек, проложение дорог, устройство станиц и проч. Когда граф Евдокимов возвратился 12-го октября в Верхне-Абадзехский отряд, к нему снова явилась депутация от горских племен с прежними просьбами; но получила положительное и окончательное решение, чтобы все оставшиеся в горах племена непременно, до наступления ноября, избрали одно из двух: или переселиться на указанные места на равнинах, или же совсем покинуть Кавказ; депутации было объявлено, что в случае неисполнения этого требования к назначенному сроку войска двинутся в горы и очистят их силою оружия.

Мелкие племена, обитавшие в верховьях Большой и Малой Лабы и Ходзя (башилбаи, там, кизилбеки, баг и другие), подчинились требованию русского начальства: часть их переселилась на

равнины за р. Белую, остальные ушли на южный склон хребта, чтобы с наступлением весны отплыть в Турцию, так что к концу года все пространство между верховьями Урупа и Ходзя до Главного хребта было очищено от горского населения. Войска продолжали беспрепятственно устраивать новую линию постов вверх по р. Белой.

Что же касается до абадзехов и шапсугов, то по возвращении к ним депутации с последним решительным ответом графа Евдокимова воинственная партия в среде этих племен взяла окончательно верх, и решено было возобновить неприязненные действия против русских. 20-го ноября шайка горцев произвела нападение на команду, рубившую просеку на левом берегу р. Белой, причем были в войсках убитые и раненые. На другой же день более значительное скопище абадзехов проникло до станицы Ново-Лабинской (на низовьях Лабы, не далее 20 верст от Кубани) и произвело нападение так внезапно, что едва не ворвалось в станицу. Два раза горцы возобновляли натиск; но были окончательно отбиты подоспевшими двумя ротами пехоты и казаками соседних станиц*. Горцы обратились в полное бегство и понесли большую потерю. С нашей стороны было 13 убитых и 9 раненых.

Из 12 новых станиц, устроенных за Кубанью, сформированы три новые конные полка; в составе Кубанского казачьего войска прибавилась седьмая бригада. В ноябре произошла упомянутая уже мною перемена начальства в Кубанской области: с назначением генерал-майора князя Святополк-Мирского начальником Терской области** и оставлением за графом Евдокимовым начальства в одной Кубанской области последний получил возможность сосредоточить все свое внимание на ведении дел за Кубанью.

Такое разделение начальства было необходимо и в интересах Терской области, где разбойничество не прекращалось. Еще в октябре предпринята была, так сказать, облава против шаек Ума-дуя и Ата-бая. В верховья Аргуна направлены были войска и милиции с трех сторон: из Чечни, из Андийского округа (Дагестана) и с юга из Тионетского округа (милиция Тушино-Писаво-Хевсурская). Окруженные с всех сторон, шайки были почти истреблены; один из предводителей – Ата-бай сдался; другой – Ума-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «В преследовании отступавших горцев принял участие и эскадрон Тверского драгунского полка». (*Прим. публ.*)

** Далее в автографе зачеркнуто: «<...> и командующим в ней войсками, с производством в генерал-лейтенанты». (*Прим. публ.*)

дуй, бывший в прежнее время наибом у Шамиля и пользовавшийся большим влиянием между горцами, успел с небольшой частью своей шайки скрыться. Для розыска его пришлось войскам и милициям еще долго гоняться за ним по горным трущобам в суровое время года. Князь Мирский объявил, что не выведет войск из гор, пока не возьмет Уму живым или мертвым. Только 14-го декабря этот отчаянный вожак шаек явился к князю Мирскому, предав участь свою милосердию русского Императора. По ходатайству князя Мирского Ума, так же как и Ата-бай, был помилован; оба они были только высланы с Кавказа с их семьями во внутренние губернии России.

В Дагестане положение было вновь удовлетворительно. Во вновь образовавшемся округе, Андийском, устроилось новое управление и водворен порядок. Каракуль-Магома, волновавший Ункратль, был захвачен со всеми его сообщниками (до 150 человек) генералом Лазаревым, при помощи одних милиций дагестанских, за которыми войска следовали только в виде резерва.

В течение осени происходило перемещение войск в Терской и Дагестанской областях для освобождения от местной службы частей 18-й пехотной дивизии, которая, в исполнение Высочайшего повеления, постепенно выступала эшелонами с Кавказа в кадровом составе и расположилась на своих квартирах в Тамбовской губернии.

В Кутаисском крае назначение генерал-губернатором генерал-лейтенанта Николая Петровича Колюбакина оказалось не совсем удачным. Его задорный, раздражительный характер возбуждал общее неудовольствие. Владетель Абхазский князь Михаил Шервашидзе не мог слышать его имени. Колюбакин имел привычку поперечить всем и во всем; не уживался ни с высшим начальством, ни с подчиненными. Между прочим, и предположение, лично одобренное Государем, о проложении дороги из Сухума на северную сторону Кавказского хребта, встретило почему-то оппозицию со стороны нового генерал-губернатора, считавшего этот проект неисполнимым. Что касается до князя Шервашидзе, то он не воспользовался полученным Высочайшим разрешением на поездку в Константинополь, по причине болезни жены, которая вскоре и скончалась.

В конце года велась переписка относительно заявленного некоторою частью черногорцев желания переселиться на Кавказ. Мне казалось важным воспользоваться этим воинственным и дружественным России населением для занятия приморской полосы

гор, по очищении ее от враждебных туземных племен. Однако ж кавказское начальство нашло разные затруднения к осуществлению этого предложения, которое и осталось без последствий.

На среднеазиатских окраинах положение наше представлялось в каком-то неопределенном виде; не было у нас даже определенной государственной границы. Считавшиеся в русском подданстве киргизские роды терпели от набегов хивинских и коканских шаек и даже от своих хищников; старый путь караванов из Бухары и Хивы в Оренбург был не безопасен. С начала пятидесятых годов начато было генерал-адъютантом Перовским устройство Сыр-Дарьинской линии, для ограждения подвластной нам степи от хивинцев и коканцев*; но крайним передовым пунктом этой линии был Джулек, в 100 верстах от форта Перовского; а в 70 верстах далее по Сыр-Дарье находилось уже коканское укрепление Яны-Курган. Между этою оконечностию Сыр-Дарьинской линии и передовыми пунктами, занятыми нашими войсками со стороны Западной Сибири (укрепления Аульета), не было никакой связи; оставался большой промежуток, верст в 400, пересеченный горным хребтом Каратау, где вовсе не было определенной границы, так же как и на всем протяжении от Аральского моря до Каспийского.

По плану, предложенному оренбургским генерал-губернатором и командиром Отдельного оренбургского корпуса генерал-адъютантом Безаком, предполагалось Сыр-Дарьинскую линию продлить несколько вверх так, чтобы левый ее фланг упереть в хребет Каратау. В исполнение этого плана решено было в 1861 году предпринять движение к Яны-Кургану, чтобы выгнать оттуда коканцев.

С этой целью начальник Сыр-Дарьинской линии генерал-лейтенант Дебу (прежде служивший на Кавказе) в сентябре месяце выступил из Джулека с отрядом, не превышавшим 1000 человек, считая в том числе и волонтеров, с 9 орудиями. Подойдя 20-го сентября к Яны-Кургану, после предварительной рекогносцировки, затем ночью устроил траншеи в 25 саженях от крепостных стен, и на другой день коканский гарнизон сдался; укрепления были взорваны.

---

* В 1853 году занято Перовским коканское укрепление Ак-Мечет, где и возведено укрепление, названное впоследствии форт Перовский.

Уничтожение Яны-Кургана побудило некоторые из подвластных Кокану киргизских родов перейти под власть России. Чтобы наказать их за измену, коканский правитель Азрета (Туркестана), не успевший подать помощь Яны-Кургану, двинулся в октябре, с многочисленным скопищем, по обоим берегам Сыр-Дарьи. Часть этого скопища, следовавшая по правому берегу реки, внезапно напала на команду, высланную из Джулека за сеном; несмотря на малочисленность команды, нападение было отражено. Главные же силы коканцев, направленные по левой стороне Сыр-Дарьи, в обход Джулека, узнав о движении войск, высланных из форта Перовский, отступили, ничего не решившись предпринять. После этого бесплодного покушения коканцы приступили к возведению новой крепости, в 8 верстах выше разрушенного Яны-Кургана.

Отношения наши с ханством Хивинским были также недружественные. Как сказано выше, оттуда беспрестанно появлялись шайки грабителей, против которых приходилось ежегодно, в летнее время, выдвигать в степь небольшие летучие отряды. С Бухарой же у нас не было еще непосредственного соприкосновения; но с давних времен велись довольно деятельно торговые сношения. Бухарские купцы являлись в Оренбург, даже на Нижегородской ярмарке и в Москве. Несмотря на то, в Бухаре задерживали в рабстве случайно захваченных русских подданных. Бухарский эмир, обещавший еще в 1858 году не держать русских пленных, не исполнял однако ж этого обещания и, несмотря на неоднократные наши требования, не выдавал находившихся в то время в Бухаре 13 русских. Также содержались там трое итальянцев и один француз (Фердинанд Меаца, доктор Гаваци, граф Летта и переводчик Тесьер), вздумавшие еще в прошлом году предпринять рискованную поездку в Бухару, чрез Оренбург, для исследования по шелководству и для закупки шелковичных червей (вследствие появившейся в Италии на этих червях болезни). Эти несчастные, слишком доверчивые иностранцы содержались в Бухаре в строгом заточении, несмотря на все просьбы и требования как русского, так и турецкого правительства. Такое поведение эмира вызвало репрессалии с нашей стороны: в июне 1861 года сделано было распоряжение, чтобы впредь, до исполнения эмиром его обязательств, не допускать бухарских купцов и товаров ни в Москву, ни на Нижегородскую и другие ярмарки. Мера эта подействовала: эмир освободил упомянутых 13 русских пленных, а также и итальянцев. Те и другие прибыли в Казалу (форт № 1) 22-го

июля и отправились далее в Оренбург. Любопытно, что в письменном акте, выданном бухарским первым министром (Токсаба) сопровождавшему пленных «караван-баши», объяснялась причина задержания итальянцев тем обстоятельством, что они прибыли в Бухару без всякого письменного вида от русского начальства; притом высказано было, что они освобождаются лишь в знак уважения к русскому правительству; ибо в случае, если б они прибыли в Бухару не из русских пределов, то по местному обычаю не избегли бы смерти. Освобождение этих несчастных путешественников было принято в Италии с большою радостию; итальянский министр Висконти-Веноста выразил письменно князю Горчакову признательность итальянского правительства.

Коснувшись наших азиатских окраин, воспользуюсь случаем, чтобы пополнить пропуск в моем рассказе о начале 1861 года, относительно достигнутого в то время успешного окончания дела о новой границе Восточной Сибири с Китаем.

Айгунский договор, заключенный в 1858 году графом Муравьевым-Амурским и закрепивший за Россией весь левый берег р. Амура, оставил нерешенным вопрос о южной границе новоприобретенной территории за этою рекой, между р. Уссури и морским берегом. Притом китайское правительство продолжало уклоняться от ратификации договора. Для окончательного решения дела переговоры с Китаем возложены были, в 1860 году, на генерал-майора свиты Ник<олая> Павл<овича> Игнатьева – молодого еще генерала, но предприимчивого, ловкого и уже зарекомендовавшего себя удачным исполнением миссии в Хиву и Бухару. Колоссальная империя китайская находилась тогда в бедственном положении: расшатанная обширным внутренним мятежом «тайпингов»*, она вместе с тем подвергалась нападению двух сильных морских держав – Англии и Франции. В сентябре 1860 года, когда союзный экспедиционный отряд, высадившись при устье р. Пей-хо, двинулся к самой столице Поднебесной империи и, дойдя до ее предместий, варварски жег и грабил великолепный загородный дворец богдыхана (24-го сентября ст. ст.), русский уполномоченный, с небольшим конвоем казаков, мирно въехал в Пекин и явился в роли посредника между союзными генералами и китайскими властями. Оставшийся в столице, в качестве

* Так в тексте. (*Прим. публ.*)

Н.П. Игнатьев

правителя или наместника богдыхана, брат его Гун-цин-ван обратился к генералу Игнатьеву, прося его совета и заступничества пред беспощадным врагом. Русскому генералу удалось склонить обе стороны к примирению, и при участии его подписан 12 (24)-го октября между союзниками и Китаем мирный договор.

Англо-французская экспедиция открыла доступ в Китай европейской торговле и влиянию; но образ действий союзников, в особенности англичан, оставил в стране самое невыгодное для них впечатление. Варварское истребление и разграбление императорского дворца возбудили заслуженное негодование. Сановники китайские были раздражены высокомерием и грубым обра-

щением союзников. Тем более старались они выказать дружественные чувства русскому уполномоченному и выражали признательность за услугу, оказанную им в критический момент. Начатые Игнатьевым переговоры пошли весьма успешно, и по удалении союзников, 2-го ноября, подписан в Русском подворье окончательный договор между Россией и Китаем, в дополнение и подтверждение Айгунского. Вслед за тем последовала и ратификация этого договора.

При выезде генерала Игнатьева из Пекина сам Гун-цин-ван провожал его с большим почетом; местным начальствам по пути русского посла предписано было оказывать все возможные почести «спасителю Китая». С другой стороны, Игнатьев получил благодарность и от союзных военачальников; а впоследствии император Наполеон III, на приеме дипломатического корпуса в Новый год, обратившись к русскому послу графу Киселеву, поручил ему передать Государю признательность за оказанное Игнатьевым содействие успешному окончанию экспедиции в Китай. По возвращении генерала Игнатьева в Петербург, в начале 1861 года, он был обласкан Государем, получил звание генерал-адъютанта и, можно сказать, сделался героем дня. Россия окончательно приобрела обширную территорию по берегу Тихого океана с великолепною гаванью, названною Владивостоком.

В своем месте было уже упомянуто о перемене главного начальства Восточной Сибири в начале 1861 года; но перемена эта ни в чем не изменила характера местного управления. Образ действий нового генерал-губернатора, молодого генерал-майора Мих<аила> Сем<еновича> Корсакова можно вполне признать продолжением деятельности предшественника его графа Н.Н. Муравьева-Амурского. При всей кипучей ретивости и широких взглядах этого последнего гражданское благоустройство отдаленной и непомерно обширной Восточно-Сибирской окраины мало подвинулось вперед за время его управления. И при нем, и при его преемнике, так же как прежде и после них, доходило до Петербурга много жалоб на злоупотребления и беззакония тамошней администрации. Что же касается до вновь приобретенных областей Амурской и Приморской, то можно сказать, что этот край находился еще в состоянии первобытной дикости: тогда только что начинались первые попытки заселения его и кое-какого устройства. С большими трудностями водворялись вдоль левого берега Амура станицы Амурского казачьего войска, которое в полном смысле бедствовало; только в апреле 1861 года утверждены и об-

народованы, по рассмотрении в Сибирском комитете, составленные генералом графом Муравьевым правила для поселения русских и иностранцев в названных двух областях. Но заселение такого отдаленного и дикого края, разумеется, не могло осуществиться скоро, даже в самых ограниченных размерах. Военные средства края были совершенно ничтожны: на всем громадном пространстве Восточной Сибири было разбросано 5 линейных батальонов, кроме Иркутского гарнизонного батальона, да и те едва были похожи на регулярные войска. На солдат смотрели тогда не как на силу боевую, а как на рабочие руки, без которых не было возможности обойтиться не только для производства казенных построек военного, морского и гражданского ведомств, но и для первоначального устройства станиц и селений, для почтовой гоньбы и для всех других разнообразных надобностей администрации в пустынном крае, где приходилось все созидать заново. Для обороны устья Амура и доступа к Николаевску были возведены еще во время Крымской войны кое-какие полевые укрепления или батареи, вооружение которых едва ли могло оказать серьезное сопротивление европейскому флоту.

По соглашению генерала Игнатьева с пекинским правительством предстояло в 1861 году, с открытием навигации, обозначить на самой местности условленную новую границу. Для этого назначена была с нашей стороны комиссия, под председательством контр-адмирала Казакевича, из полковника Генерального Штаба Будогоского (обер-квартирмейстера войск Восточной Сибири) и того же Штаба капитана Турбина. Комиссия эта прибыла 30-го мая по р. Уссури на пароходе к посту «Турий-Рог». В 20 верстах оттуда уже стояла лагерем прибывшая к тому же времени китайская комиссия, под конвоем многочисленного отряда. 6-го июня произошло первое свидание комиссаров, с соблюдением всех формальностей азиатского этикета, а 12-го числа соединенные комиссии обозначили новую границу по карте, врученной китайскому правительству генералом Игнатьевым, в бытность его в Пекине. Следующие три дня прошли в изготовлении и проверке копий этой карты, а 16-го последовало с известною торжественностию подписание и размен карт и протоколов. На другой день комиссары обменялись подарками и разъехались, предоставив особой, назначенной от обеих сторон подкомиссии проехать вдоль всей границы для постановки пограничных знаков.

Вскоре после того совершилась в Китае перемена царствования: 12 (24)-го августа скончался богдыхан, занимавший престол

с 1850 года; наследовал ему 6-летний сын его; а потому учреждено было регентство из 8 высших сановников; но дядя малолетнего императора принц Конг произвел государственный переворот и, упразднив совет регента, сам стал во главе правительства.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРОПЫ В 1861 ГОДУ

По делам нашей внешней политики придется мне нередко, для связи рассказа, выходить из круга личных моих воспоминаний. Так на первый раз считаю не лишним изобразить, хотя в самом сжатом очерке, общее положение дел в Европе в 1861 году.

События предшествовавших лет оставили нерешенными столько важных вопросов политических, что все государства находились в каком-то тревожном ожидании, и несмотря на существовавшие, по-видимому, дружественные отношения между всеми большими державами, везде велись с напряженною поспешностию военные приготовления так, как будто Европа была накануне большой войны.

Одним из главных поводов к такому тревожному положению Европы были события на Апеннинском полуострове. Успехи, достигнутые королем сардинским в деле объединенного движения[104], пробудили национальное чувство в других народах и послужили поощрением для революционных попыток среди поляков, мадьяр, славянского населения австрийской монархии, немецкого населения Голштинии и Шлезвига, а также христианских племен на Балканском полуострове и в Сирии. Поддержка, оказанная итальянскому делу императором французов, частию явная, частию тайная, закулисная, внушала правительствам остальной Европы недоверие к беспокойной политике Наполеона III.

Франция занимала тогда в числе больших европейских держав первенствующее место. Голос ее имел преобладающий вес в общих дипломатических вопросах. Вся Европа прислушивалась к двусмысленным прорицаниям парижского сфинкса, который оправдывал вполне известное изречение Талейрана, что слово дано человеку для того, чтобы скрывать истинную мысль. Как в делах внешней политики, так и во внутреннем правлении Наполеон III беспрерывно измышлял новые проделки, поражавшие своею неожиданностию. Провозглашая при каждом случае, что «империя есть мир» («l'empire c'est la paix»), он постоянно держал Европу в тревожном

Король Виктор Эммануил

состоянии своими затеями и чрез то вынуждал все государства быть всегда на военном положении. В конце 1860 года и в начале 1861-го французские войска занимали Рим, эскадра французская стояла пред Гаэтой, осажденной сардинскими войсками; морские и сухопутные силы Франции действовали в Сирии, Кохинхине, Китае, и затевались еще новые экспедиции*.

При всем видимом могуществе и блеске «Второй империи», при всей напускной самоуверенности ее дипломатии внутреннее

* В автографе зачеркнута первоначальная редакция: «<...> и затевалась еще новая экспедиция в Мексику». (*Прим. публ.*)

ее государственное правление не отличалось устойчивостию. Наполеон III, по примеру своего великого дяди, забрав в свои руки всю власть, стеснив все либеральные учреждения, чувствовал однако же под собою нетвердую почву, а потому считал необходимым угождать общественному мнению, льстил национальным слабостям народа разными рискованными выходками в международной политике, тешил французов пустозвонными фразами о славе и величии отечества, о согласовании свободы с общественным порядком, а по временам громкими декретами о каких-нибудь новых уступках правительственной власти для мнимого расширения политических прав народа. Конституционная эта игра сопровождалась частыми переменами и в личном составе французского министерства.

Дела итальянские составляли главный предмет забот Наполеона III. Заключенный им с Австрией в 1859 году Виллафранкский мир, остановив наступательное движение сардинской армии на Венецию и тем обезопасив на некоторое время Австрию с той стороны, поколебал доверие итальянцев к своему покровителю и союзнику, хотя и не прекратил дальнейших стремлений Италии к своему объединению. Двусмысленный образ действий императора французов в отношении Италии был необходимым последствием руководивших им противуположных побуждений: с одной стороны – опасение, что Италия, лишившись поддержки Франции, могла кинуться в объятия Англии, которая явно и тайно покровительствовала революционному движению на Апеннинском полуострове.

Вековое соперничество между обеими западными державами не прекращалось и в то время, когда между ними происходили официально самые дружественные сношения. Вместе с тем Наполеон III не хотел совсем порвать связи с либералами Франции и Италии; полагают даже, что он был связан прежними своими обязательствами пред итальянскими революционерами и что орсиньевское покушение было как бы предостережением ему со стороны итальянских тайных обществ. С другой стороны – ему необходимо было ладить и с клерикальною партией, имевшей сильную поддержку в императрице Евгении. Поэтому он выказывал особенную заботливость о поддержании светской власти Папы, для чего и держал в Риме французский оккупационный корпус и покровительствовал формированию французским генералом Ламорисьером папских войск («зуавов») из волонтеров разных католических стран. Наконец, и для сохранения добрых отношений

Наполеон III

с континентальными державами Наполеон в некоторых случаях заявлял гласно неодобрение образа действий своего прежнего союзника. Так, после вступления сардинских войск в Романью и неаполитанские владения, когда провозглашено было присоединение Королевства обеих Сицилий к владениям короля Виктора Эммануэля – Наполеон III счел необходимым отозвать французского посланника в Турине, барона Талейрана*.

Однако же старания Наполеона III успокоить Европу не достигали своей цели. Никто уже не верил миролюбивым заявлени-

---

* Русское правительство протестовало (28-го сентября/10-го октября 1860 года) против насильственного захвата неаполитанских владений королем сардинским и отозвало (8/20-го октября того же года) своего посланника при туринском дворе генерал-адъютанта графа Стакельберга. Венский и берлинский кабинеты также протестовали; но прусский посланник оставался в Турине.

ям императора французов; ход дела в Италии внушал тревожные опасения. В особенности венский кабинет имел повод опасаться новых покушений сардинского короля на Венецианскую область, где почва была вполне подготовлена революционною агитацией. Озабоченный в то же время внутренним тревожным положением дел в самой Австрии, венский кабинет должен был искать союзников и решил сблизиться с берлинским двором, несмотря на традиционное соперничество между обеими германскими державами. Общая опасность временно примирила их и пробудила во всей Германии сознание слабости и непрочности тогдашнего Союза, как в политическом, так и в военном отношении. Между венским и берлинским кабинетами начались переговоры о преобразовании военной организации Германии. С тою же целью государи союзные съехались (в мае 1860 года) в Бадене на совещание, а потом (в июле того же года) происходило в Теплице свидание императора Франца Иосифа с принцем-регентом прусским Вильгельмом[105]. На совещании этом положено было привлечь Россию к союзу государств Центральной Европы для противудействия революционным движениям, явно поддерживаемым обеими западными державами.

Со времени Крымской войны не оставалось уже следов прежнего Тройственного союза[106]. Отношения России к Австрии сделались холодными, натянутыми. Наоборот, началось сближение между Россией и Францией. Назначенный после Парижского мира 1856 года русским послом в Париже граф П.Д. Киселев старался упрочить это сближение заключением формального союза между обеими державами, с привлечением к нему и Пруссии. Но при нашем Дворе относились к личности Наполеона III с затаенным недоверием, которое еще возросло после итальянской кампании 1859 года и явного посягательства императора французов на права, освященные формальными международными трактатами. Однако же еще в августе 1860 года русский министр иностранных дел, в письме к послу графу Киселеву, выражал готовность петербургского кабинета войти с Франциею в формальное соглашение относительно будущих политических видов[107].

Свидание императоров российского и австрийского и принца-регента прусского в Варшаве, в октябре 1860 года, встревожило Наполеона[108]. Чтобы предупредить могущую образоваться против него коалицию, он прислал, при собственноручном письме к нашему Государю, меморандум, в котором заключалось категорическое заявление, что Франция обязывается не оказывать ни-

Франц-Иосиф I

какой помощи Пьемонту в случае нападения его на Венецианскую область, если только не вмешается в дело Германский Союз. При этом высказывалось мнение, что для успокоения Европы было бы необходимо, чтобы общеевропейский конгресс установил на полуострове Апеннинском прочный порядок на началах федеративных[109]. По поводу этого сообщения Государь, пред своим отъездом в Варшаву на означенное свидание, имел личное объяснение с французским послом герцогом Монтебелло, которому поручено было успокоить Наполеона относительно цели и последствий предстоявшего в Варшаве съезда[110].

И действительно, старания императора австрийского втянуть Россию в войну ради обеспечения целости империи Габсбургов – остались без успеха. Приглашенный в Варшаву, во время свидания трех государей, посол наш в Париже граф Киселев представил записку о заключении с Францией оборонительного союза[111]. Предположение это не получило дальнейшего хода, ибо Госу-

дарь лично дорожил более всего своими традиционными связями с берлинским двором и не допускал, чтобы тесное сближение с Наполеоном охладило отношения России к ближайшему и надежнейшему в то время союзнику; но с другой стороны, Государь уклонился и от всяких обязательств в смысле военной помощи австрийскому императору, ограничившись обещанием ему нравственной поддержки. В этих видах Государь принял на себя посредничество в предстоявших объяснениях венского и берлинского кабинетов с парижским. Согласно состоявшемуся в Варшаве соглашению, первые два кабинета изложили свои политические соображения в коллективной мемории, которую прислали предварительно в Петербург, а наше Министерство иностранных дел отправило (в ноябре 1860 года) к русскому послу в Париже, для передачи французскому министерству[112]. Венский кабинет домогался, чтобы Наполеон, не ограничиваясь данным обещанием не помогать Италии в случае нападения ее на австрийские владения, принял бы на себя обязательство не допускать такого нападения. Однако ж Наполеон от подобного обязательства уклонился.

Таково было общее политическое положение Европы к наступлению 1861 года. Начало этого года, как уже было упомянуто, ознаменовалось переменою царствования в Пруссии. С кончиною душевно больного короля Фридриха-Вильгельма IV бывший принц-регент принял королевский титул, под именем Вильгельма I; но перемена титула не произвела никакого влияния на ход дел и направление прусской политики. В течение января месяца, по обыкновению, открылись почти одновременно заседания законодательных палат в Париже, Лондоне, Берлине, а несколько позже и в Турине. При открытии французских палат (23-го января/4-го февраля) Наполеон III в своей тронной речи снова заявил намерение воздерживаться от вмешательства в политические отношения других государств. В прениях об ответном адресе палат высказалось одобрение политики императора, сочувствие поддержанию папского престола и обеспечению владений церкви от дальнейших посягательств Пьемонта. Напротив того, в английском парламенте (открытом 24-го января/5-го февраля) при обсуждении вопросов общей политики выражено было сочувствие объединению Италии и недоверие к политическим видам Франции. При открытии прусского ландтага (2/14-го января) король, в тронной речи, упомянул о недавних свиданиях своих в Бадене, Теплице и Варшаве, укрепивших дружественные отношения с

П.Д. Киселев

другими государями*, настаивал однако же на необходимости увеличения вооруженных сил королевства, а также преобразования общей военной организации Германского Союза, на случай могущих возникнуть политических усложнений. Но палата, в прениях об ответном адресе, положительно высказалась в пользу объединения Италии и против солидарности Пруссии с Австрией.

Наконец в Турине открылась 6 (18)-го февраля первая сессия итальянского парламента, в состав которого уже вошли предста-

* Далее в автографе зачеркнуто: «<...> выразил однако же опасение за сохранение мира в Европе». (*Прим. публ.*)

вители почти всех частей Италии. Король Виктор-Эмануэль высказал в тронной речи намерение руководствоваться в политике советами благоразумия и выжидать благоприятных обстоятельств для довершения объединения Италии. К этому заявлению короля первый министр его граф Кавур добавил, что правительство вполне признает необходимым, для полного объединения Италии, присоединение Рима, который, естественно, должен со временем сделаться столицею ее; но что осуществление этого общего желания не иначе возможно, как с согласия Франции, содействию которой Италия столько обязана своими успехами; а потому, по мнению министра, оставалось лишь выжидать времени, когда устранятся те препятствия, которые пока встречаются к достижению идеала итальянской нации. Обе палаты (в заседаниях 14-го и 26-го февраля ст. ст.) провозгласили Виктора-Эмануэля королем Италии.

При необыкновенной быстроте переворота, совершившегося в Средней и Южной Италии, власть туринского правительства однако же утвердилась не сразу в бывшем королевстве Неаполитанском. Восстановление там порядка и спокойствия встречало противудействие как со стороны приверженцев свергнутой Бурбонской династии, так и республиканской партии Мадзини, поддержанной сбродом недовольных, оставшихся от распущенных шаек Гарибальди. Те и другие возбуждали народ к мятежу и междоусобице. Некоторые укрепленные пункты бывшего королевства обеих Сицилий оказывали упорное сопротивление войскам Виктора-Эмануэля. Сам король Франциск II с королевою и небольшою группою преданных им лиц около двух месяцев держался в Гаэте до тех пор, когда эта крепостца, осажденная с сухого пути и блокированная с моря, вынуждена была наконец (2/14-го февраля) сдаться на капитуляцию. Король и королева были приняты на французский военный корвет, на котором отправились в Чивито-Веккио и поселились в Риме, под охраною французских войск. Наш Государь, в знак своего высокого уважения к твердости и мужеству, проявленным королем и королевой, послал им с генерал-адъютантом князем Паскевичем знаки ордена Св. Георгия 4-ой степени. Последние пункты, еще державшиеся под знаменем Бурбонов, Мессина и Чивителла, сдались: 1 (13)-го и 8 (20)-го марта.

Новое королевство итальянское было немедленно же признано Англией, Швейцарией, Швецией, Данией, Португалией, Грецией, Северо-Американскими Штатами и некоторыми другими

мелкими государствами, а в конце мая – Портою. Франция же решилась признать лишь в июне, и с этого времени восстановлены были дипломатические сношения между туринским и парижским кабинетами, назначением представителем Франции в Турине Бенедетти – считавшегося сторонником объединения Италии, и представителем Италии в Париже – кавалера Нигра. При этом однако же было заявлено Наполеоном, что французские войска будут оставаться в Риме до тех пор, пока не будут вполне ограждены интересы папского престола. Пруссия и Россия признали новое королевство лишь в следующем году, а венский двор долго еще отказывался от возобновления дипломатических сношений с отлученным от церкви королем-революционером.

Среди своих успехов и торжества Италия понесла тяжкую утрату, лишившись главного своего деятеля, которому преимущественно была обязана своим объединением. Знаменитый граф Кавур, после непродолжительной болезни, кончил жизнь 25-го мая (6-го июня) 1861 года, 52-х лет от роду. Он занимал пост министра-президента с 1852 года, за исключением короткого промежутка времени, когда он удалился от дел в негодовании на заключение Виллафранкского мира. Преемником Кавура в звании первого министра стал Рикасоли – бывший некогда министром великого герцога Тосканского. Правительству туринскому представлялась задача нелегкая – сплотить в одно целое разнородные части, из которых составилось новое королевство*.

В обеих державах Центральной Европы – в Австрии и Пруссии – положение дел в 1861 году могло только усугублять то общее тревожное настроение, которое замечалось в политике европейской.

В Австрии – после несчастной войны 1859 года, все внимание правительства обратилось на реформу общего государственного

---

* Далее в автографе зачеркнуто первоначальное продолжение текста: «<...>, дать общую организацию его управлению и армии, устроить финансы и т.д. Задача эта еще усложнялась противудействием с двух сторон: с одной – приходилось бороться с укоренившимися традициями местной автономии, с пережившими революцию привязанностями к прежнему режиму и прежним династиям; с другой - сдерживать увлечения крайних революционеров, поклонников Мадзини и Гарибальди и слишком горячих патриотов, стремившихся неудержимо в Рим и Венецию. Немало забот причиняла правительству анархия, долго еще продолжавшаяся в Южной Италии, где принимались самые суровые военные меры для подавления мятежа». (*Прим. публ.*).

устройства, с целью скрепления в одно целое разнородных составных частей монархии. «Императорский декрет» 20-го октября 1860 года был первым опытом желаемого согласования местной административной автономии с общими интересами всего государства[113]. Но попытка эта не удалась: придуманный механизм не удовлетворил народных стремлений, особенно в Венгрии, где возникли открытые манифестации против декрета. В некоторых городах муниципальные советы в полном составе сложили с себя должность; в иных местах население отказывалось от уплаты податей. В исходе того же 1860 года декрет октябрьский был отменен; сменилось министерство. Стоявший во главе его Рехберг уступил свое место барону Шмерлингу – стороннику конституционной централизации. Выработанная им в этом смысле новая конституция, обнародованная «Императорским патентом» 14 (26)-го февраля 1861 года[114], удовлетворила лишь немецкую либеральную партию, но зато подняла бурю во всех областях с населением мадьярским и славянским. Венгерский сейм формально заявил, что никогда Венгрия не уступит какой-либо части своих древних, традиционных прав; требовал восстановления законов 1848 года, с отдельным законодательным правительством и особым министерством. Созванный на 19-е апреля (1-го мая нов. ст.) новый имперский сейм (рейхсрат) оказался далеко не полным: ни Венгрия, ни Трансильвания, ни Хорватия, ни Венеция, ни Штирия не прислали своих представителей; а в то же время в Буде шли горячие прения об условиях, на которых может быть установлена связь королевства Св. Стефана с империею Габсбургов. В заседании 24-го мая (5-го июня) венгерский сейм постановил подать императору Францу-Иосифу адрес с заявлением мадьярских притязаний. Присланная в Вену с этим адресом депутация не была принята императором; но позже, в августе, представлен был венгерским сеймом новый адрес, изложенный в более приличной форме, хотя и в прежнем смысле. Начались продолжительные переговоры между центральным правительством и мадьярскими вожаками о способах примирения их требований с сохранением единства монархии. Результатом этих переговоров, как будет объяснено в своем месте, было новое и весьма существенное преобразование всего государственного строя империи.

Другая германская держава, Пруссия, стоявшая с давних времен в антагонизме с Австрией, имела огромное преимущество над своею соперницей, как по единству своего состава, так и по достигнутой высокой степени внутреннего благоустройства, граж-

Вильгельм I

данского и военного. В сознании своего превосходства королевство прусское не удовлетворялось скромным международным положением члена Союза Германского, под главенством Австрии, а ставило своим призванием – полное преобразование Союза и политическое объединение народа германского под знаменем Гогенцоллернов*. С обычною систематичностию и выдержкою правительство прусское готовилось исподволь к выполнению заветной своей задачи; принимало энергичные меры к усилению и усовершенствованию армии, пополняло запасы, разрабатывало

* Стремление к единству глубоко запало в немецком народе с 1848 года. Крайнему увлечению этим национальным настроением приписывалось безумное покушение одного лейпцигского студента Бекера на жизнь короля прусского Вильгельма, в Бадене, 2 (14)-го июля 1861 года.

стратегические планы и т.д. Но поставленное в необходимость не обнаруживать до времени своих политических видов, министерство встречало со стороны прусского ландтага упорное сопротивление в ассигновании требуемых денежных средств. Еще в сессию 1860 года внесен был в палату проект военных преобразований, сущность которого заключалась в увеличении ежегодного контингента новобранцев и кадров, в изменении сроков службы, во включении ландверных частей в состав действующих дивизий и т.п. Министерству пришлось взять назад внесенный проект и в следующем 1861 году, устранив палату от обсуждения самого проекта, ограничиться испрошением кредита для покрытия расходов, уже произведенных для приведения в исполнение неразрешенных палатою военных мер. Несмотря на то, что во главе министерства стоял уже в то время популярный в среде либеральной партии барон Шлейниц, в палате поднялась ожесточенная буря. Отказать в требуемом кредите было невозможно; но палата высказала резкое порицание министерству в нарушении конституции.

В то же время в Берлине велись переговоры между Пруссией и Австрией об общей реформе военных сил Союза Германского. Продолжительные совещания эти не привели ни к какому заключению, и были прерваны, так как виды и стремления обеих держав оказались несогласимыми. Одним из представителей в прусском ландтаге 1861 года высказано было с трибуны, что желаемое политическое и военное объединение Германии может совершиться не иначе, как под главенством государства с населением чисто немецким, с армией вполне благоустроенной и с исправными финансами, на что министерством заявлено было, что прусское правительство не теряет из вида этой задачи своей и будет стремиться к ее решению **мирным путем**.

В отношении к Франции берлинский кабинет держался в то время политики приязненной. В сентябре 1861 года император Вильгельм посетил в Компьене Наполеона III, чтобы отдать прошлогодний его визит в Бадене; во время происходившего там съезда германских государей[115]. В Компьене король пробыл всего два дня, в тесном кругу императорской семьи, отклонив все обычные торжественные чествования, под предлогом траура. По возвращении короля в Берлин последовала перемена в личном составе прусского министерства: президентом кабинета и во главе иностранных дел стал граф Бернсторф, на место барона Шлейница, оставшегося министром Двора. Вслед за тем все королевс-

кое семейство переехало в Кенигсберг на коронацию, совершенную 6 (18)-го октября с особенною пышностию. Представителем России на этих торжествах был Великий Князь Николай Николаевич.

В международной политике европейской занимают видное место дела «восточные».

Со времени Крымской войны и Парижского мира Россия лишилась прежнего своего преобладающего влияния на христианское население Оттоманской империи; тем не менее и в последующем направлении европейской дипломатии продолжалось настойчивое стремление кабинетов к большему еще устранению русского влияния на востоке.

В таких видах западные державы – в особенности Франция – начали оказывать покровительство княжествам дунайским: Молдавии, Валахии и отчасти Сербии, с тем, чтобы придать им более самостоятельности и оторвать их от прежних связей с Россией. В княжествах этих, состоявших с 1856 года под коллективным покровительством пяти больших держав, уже оставались лишь слабые следы турецкого владычества; но они настойчиво стремились к тому, чтобы сбросить с себя и последние признаки верховной власти султана. Домогательствам их Порта противудействовала сколько могла; но под давлением европейской дипломатии была вынуждена последовательно делать все новые уступки. Наполеон III задумал соединить Молдавию и Валахию в одно самостоятельное государство; возникла уже мысль о возведении на престол этого нового государства которого-либо из принцев царствующих домов. Предположение это согласовалось с видами лондонского кабинета и, к удивлению западных держав, не встретило возражения и со стороны России; напротив того, посол наш граф Киселев, близко принимавший к сердцу дела княжеств, даже оказал поддержку французскому предложению.

Только Австрия и Порта воспротивились полному слиянию княжеств; а потому собравшаяся в Париже, в 1858 году, конференция должна была на первый раз остановиться на полумере: постановлено было сохранить каждому из двух княжеств отдельное управление, с особым господарем и отдельным «диваном» (советом), но с присвоением обоим княжествам общего наименования «Соединенных княжеств»(«Principautés Unies») и с учреждением Центрального совета из представителей обоих кня-

жеств, поровну, для разработки общих для них законопроектов и для поддержания между ними связи.

Такое решение не удовлетворило императора Наполеона; однако же он не отказался от своего плана и со свойственным ему лукавством замыслил осуществить свою мысль ловким маневром. В начале 1859 года, при выборе господарей, оказалось выбранным в обоих княжествах одно и то же лицо – полковник Куза, бывший префект (губернатор) галацкий, воспитанный в Париже, горячий приверженец Франции. Неожиданный этот результат выборов опять обсуждался в Парижской конференции, и несмотря на возражения Порты и венского кабинета, Александр Куза был признан господарем обоих княжеств, с оговоркою, что управление в каждом из них останется отдельное, на точном основании протокола 1858 года. Между тем учрежденный в Фокшанах Центральный совет разработал уже проект общей для обоих княжеств конституции, с полным слиянием законодательных и административных органов управления. Новый господарь не решился тогда же дать ход такому проекту, прямо противуречившему только что принятому решению Европы, и отложил дело до более благоприятного момента; а пока подготовлялись проекты других реформ по всем частям государственного устройства. Во всех этих работах образцами служили учреждения французские; переводился французский Code Napoléon; преобразовывались войска также на французский лад. Фокшанский Центральный совет неутомимо помогал князю в этой преобразовательной горячке. Один только вопрос из числа важнейших и основных встречал в совете непреодолимое сопротивление – это вопрос крестьянский[116]. Отмена существовавшего тогда в княжествах крепостного состояния, изменение отношений земледельца к землевладельцу – затрагивали такие интересы, на которых сходились и консерваторы, и либералы. Борьба между этими двумя партиями началась с первых же шагов князя Кузы: старые «бояры» отстаивали прошлое; молодое поколение, получившее большею частию воспитание на Западе, горячо сочувствовало преобразованиям самым радикальным. Борьба эта проявлялась и в ожесточенных прениях диванов, прениях, доходивших иногда до потасовки, и в частых переменах министров, в тайных заговорах против князя и даже в сопротивлении властям со стороны населения, подстрекаемого к открытому бунту.

В сентябре 1860 года князь Куза явился в Константинополь на поклон к султану, который принял его с большим почетом и

благосклонностию. Пользуясь этим удобным случаем и поддержкой представителей западных держав, князь Куза предъявил свой проект слияния обоих княжеств. Хотя Порта и воздержалась от какого-либо положительного заявления, однако ж князь Куза, по возвращении в Бухарест, со свойственной ему самонадеянностию объявил официально о согласии Порты на предположенное слияние княжеств. С этого времени Куза начал действовать совершенно самовластно; принимаемые им насильственные меры, в особенности чрезвычайное увеличение налогов, возбуждали во всей стране неудовольствие. В Крайове и Плоешти дошло до бунта; в Беи, арабских колониях, пользовавшихся при русском правительстве большими льготами и освобождением от воинской повинности, пришлось употребить силу для введения рекрутского набора. Крайнее негодование произвело в народе арестование и заключение в монастырь митрополита Молдавского, пользовавшегося общим уважением и навлекшего на себя гнев князя только своим противудействием его вмешательству в дела церковные и монастырские*.

В январе 1861 года собравшиеся в новом составе «диваны» в Яссах и Бухаресте подняли вопросы по поводу последних действий правительства: в Яссах – о насилии относительно митрополита, в Бухаресте – о причинах бывших народных бунтов. Результатом весьма бурных заседаний в ясском диване была отставка министерства Когольничано, а в Бухаресте – дело кончилось роспуском собрания.

Столкновения эти не только не смутили ставленника Наполеона III, но еще дали ему новый аргумент, чтобы убедить Порту в необходимости коренного преобразования государственного ус-

---

* Далее в автографе зачеркнуты два абзаца: «Предприняв коренной переворот в княжествах, в угоду Наполеону и под его покровительством, князь Куза явно пренебрегал советами России и вполне достиг указанной ему цели подорвать вековые с нею связи. В особенности навлек он на себя неудовольствие русского правительства незаконными и самовластными мерами относительно находившихся в княжествах, под покровительством России, греческих монастырей. Дело это будет объяснено впоследствии.

В то же время возникли недоразумения и с Портою, и с австрийским правительством. Захват в Галаце судна с военною контрабандою (оружием и военными запасами) и переход через границу княжеств венгерских перебежчиков подали повод обоим государствам заподозрить княжеское правительство в пособничестве революционерам, замышлявшим восстания как в Австрии, так и в турецких областях. Князь отрицал всякую солидарность свою с подобными умыслами и успокаивал соседей заявлением о принятых им мерах наблюдения за политическими выходцами». (*Прим. публ.*)

тройства княжеств и в особенности изменения избирательного закона. Уполномоченные Франции и Англии поддержали проект князя Кузы, и по совету их, Порта разослала этот проект иностранным кабинетам (29-го апреля/1-го мая 1861 г.). Русское правительство заявило, что оно не противится слиянию княжеств, но держась всегда на твердой почве международного права, считает необходимым, чтобы такое существенное отступление от прежних конвенций, установленных европейскими конференциями, было допущено не иначе, как по решению такой же конференции. К этому мнению присоединились кабинеты венский и берлинский. Однако ж Франция и Англия отклонили предложение новой конференции. После нескольких совещаний между представителями держав в Константинополе и довольно продолжительной дипломатической переписки состоялось наконец соглашение в том смысле, чтобы предположенное соединение управлений в княжествах было допущено, в виде временной меры, султанским фирманом.

Такое странное, можно сказать, несообразное решение вопроса было приведено в исполнение уже в исходе 1861 года. В фирмане 22-го ноября (4-го декабря) выражено согласие султана на предположенное объединение управления княжеств с оговоркою, что по смерти князя Александра Кузы вопрос о дальнейшем соединении княжеств будет подлежать новому соглашению Порты с другими державами, подписавшими трактат 1856 года. 10 (22)-го декабря 1861 года последовало в Бухаресте и Яссах торжественное провозглашение объединения княжеств, с образованием одного общего законодательного собрания. Таким образом, в конце концов князь Куза, с поддержкой Франции, добился своей цели*.

Скажу теперь несколько слов о положении дел в княжестве Сербском к началу 1861 года. Здесь Порта удержала еще за собою право содержать гарнизоны в нескольких укрепленных пунктах; присутствие турецких войск подавало повод к частым недоразумениям и неудовольствиям. В самом Белграде турецкие солдаты, занимавшие цитадель, появляясь в городе и даже водворяясь негласно в его предместьях, приходили нередко в столкновение с

---

* Далее в автографе зачеркнут абзац: «Во всем изложенном ходе дела соединения княжеств Дунайских бросается в глаза поразительная аналогия с позднейшею историею слияния Болгарии с так называемою Восточною Румелией. В тогдашней ловкой проделке Наполеона III новейшие доброжелатели России могли почерпнуть поучительный пример, чтобы <нрзб.> и Болгарию из-под русской опеки». (*Прим. публ.*)

Королева Виктория

жителями, отчего случались драки, иногда кровавые. Сербское правительство не раз поднимало вопрос о выводе турецких войск из ее пределов. Кроме того, оно домогалось признания княжеского достоинства наследственным в роде Обреновичей. Хотя престарелый князь Милош (призванный вторично на княжение в 1858 году после низвержения князя Александра Карагеоргиевича) и был тогда провозглашен наследственным князем, однако же Порта, утвердив его в княжеском достоинстве, не признала за ним наследственного права. Россия, Франция и Англия склоняли Порту к удовлетворению желания Сербии; Австрия же отговаривала султана. В сентябре 1860 года, по смерти Милоша, наследо-

вал ему (вторично же) сын Михаил Обренович, и снова возник вопрос о признании его наследственным. Признание это наконец последовало в 1861 году.

За исключением трех княжеств дунайских, уже добившихся полной автономии, и крошечного владения Черногорского, геройски отстаивавшего свою независимость, – все прочее христианское население Оттоманской империи, остававшееся под турецким владычеством, бедствовало в самом безнадежном состоянии. Реформы и облегчения, так громко возвещенные в 1856 году в пресловутом «гати гумаюне»[117], остались только на бумаге; во всех областях царили прежняя неурядица, прежние насилия турецких властей над беззащитной райей. Христианские подданные султана все еще смотрели на Россию, как на естественную свою покровительницу и по временам обращались к нашему посольству в Константинополе с жалобами и просьбами о заступничестве. С каждым годом возраставшее между ними недовольство и ропот внушали опасение неминуемого восстания и новых кровопролитий. Еще в марте 1860 года наше Министерство иностранных дел указывало другим кабинетам необходимость общего соглашения для совместного понуждения Порты к исполнению обещанных ею реформ. Посланник наш в Константинополе князь А.Б. Лобанов-Ростовский не раз обращался к самой Порте с дружескими советами и сообщал турецким министрам получаемые от русских консулов сведения о вопиющих беззакониях и притеснениях турецких властей над христианским населением; но Порта оставалась глухою ко всем этим заявлениям; а прочие кабинеты принимали холодно предложения русского правительства, всегда подозревая с его стороны какие-нибудь задние мысли[118].

Особенно же лондонский кабинет всегда выказывал недоверие к России и пользовался своим влиянием в Константинополе, чтобы противудействовать заступничеству петербургского правительства за турецких христиан. Тогдашние великобританские министры лорд Пальмерстон и граф Россель, в своем туркофильском увлечении, цинично заявляли, что единственное средство для поддержания спокойствия и порядка в христианских областях Оттоманской империи заключается в усилении в них турецкого элемента, на том основании, что «турки уже привыкли к власти и, составляя господствующий класс, приобрели авторитет над христианским населением». С такою теорией, конечно, не могло мириться русское правительство. Князь Горчаков предложил произвести на местах расследование получаемых от наших

консулов донесений особою комиссией из делегатов пяти больших держав[119]. Но и это предложение было отклонено. Порта, вероятно, по внушению английского же посла Бульвера, сама взяла на себя расследование положения христианского населения Балканского полуострова, возложив это поручение на верховного визиря Мегмет-Кипризли-пашу, который и отправился в сентябре 1860 года в объезд Румелии, Болгарии и Македонии.

Русское правительство предваряло другие кабинеты, что нельзя ожидать никакой пользы от поездки верховного визиря, и продолжало настаивать на необходимости соглашения между кабинетами относительно тех реформ, которые следовало требовать от Порты в исполнение принятых ею на себя обязательств. В письме князя Горчакова к барону Бруннову от 5-го августа 1860 года находим такое замечательное место: «В случае, если б для Турецкой империи прозвучал роковой час, мы не желаем никакого для себя территориального расширения, никаких исключительных выгод, с тем лишь условием, чтоб и другие державы показали бы такое же бескорыстие; но именно вследствие полного у нас отсутствия какой-либо затаенной мысли мы считаем своим правом и обязанностию возвышать как можно громче наш голос, настаивая на изменении существующего порядка вещей, нетерпимого с точки зрения человечности...»

Пока велась эта бесплодная дипломатическая переписка, опасения русского правительства начали уже оправдываться фактически. Кровопролития в Сирии и поголовное избиение христиан в некоторых местностях этой страны встревожили западные кабинеты, и только тогда (летом 1860 года) собралась в Париже конференция, результатом которой была заключенная между пятью большими державами и Турцией конвенция 6 (18)-го августа[120] о временной оккупации Сирии иностранными войсками для восстановления в стране спокойствия и порядка. Исполнение этой меры было предоставлено Франции с назначением 6-месячного срока оккупации. Русское правительство охотно присоединилось к этому решению; но все старания князя Горчакова поднять вместе с тем вопрос о христианах Европейской Турции остались напрасными. Лондонский кабинет не допускал включения в конвенцию предложенной русскими уполномоченными статьи, которою полагалось распространить вмешательство европейских держав и на другие подвластные Порте христианские области. Западные державы, имевшие торговые интересы в Сирии, смотрели на тамошнее католическое население совсем другими глаза-

ми, чем на единоверное с Россией население Балканского полуострова, привыкшее искать заступничества России. В особенности Англия пользовалась всяким случаем, чтобы показать этому несчастному населению всю бесплодность русского покровительства.

Поездка верховного визиря по Болгарии, Румелии и Македонии, как и предвиделось, осталась без всяких результатов. Возвратившись в Константинополь, он представил заключение султану в том смысле, что жалобы христиан на угнетения и насилия совершенно неосновательны; что нигде не нашел он систематического угнетения, а если по некоторым из жалоб и оказались кое-какие неправильности в действиях низших исполнительных чинов, то подобные случаи, по мнению верховного визиря, встречаются неизбежно во всех странах, даже при самом лучшем устройстве администрации. Против такого оптимизма Мегмета-Кипризли-паши посланник наш князь Лобанов-Ростовский заявил Порте возражения, на которые, со своей стороны, турецкое правительство опубликовало опровержение. Таким образом, результатом поездки верховного визиря было то, что у христианского населения отнята была и последняя надежда на какую-либо перемену к лучшему. После того стало невозможным для русского правительства, как выразился князь Горчаков, по-прежнему успокаивать христианское население и советовать ему терпеливо ожидать улучшения своего положения.

Наконец лондонский кабинет поддался на повторенные предложения русского правительства о международной конференции для обсуждения вопроса об улучшении положения христиан Балканского полуострова. Граф Россель даже пошел далее, предложив выработать в самой конференции готовый план реформ, с включением в него вооружения христианского населения и привлечения его к военной службе. Русское и французское правительства нашли такое предположение неисполнимым и, со своей стороны, предложили предоставить самому султану созвать особую конференцию для выработки означенного проекта реформ. Порта приняла это предложение с оговоркою, что считает необходимым отсрочить эту новую конференцию на три месяца, дабы иметь время для подготовительных работ. Петербургский кабинет дал на это, хотя и неохотно, свое согласие; но в то же время русский посол в Лондоне барон Бруннов писал (24-го января/5-го февраля), что из слов тамошнего турецкого посла Музуруса заметно, что требование означенной отсрочки имеет целью лишь

Ф.И. Бруннов

проволочку и что Порта вовсе не намерена что-либо предпринять. И действительно, трехмесячный срок прошел, а со стороны турецких министров – ни слова. В апреле 1861 года барон Бруннов объяснялся по этому предмету с графом Росселем, и тогда поручено было английскому послу в Константинополе напомнить Порте о выполнении данного ею слова. Но турецкие государственные люди давно поняли, что лучшая система действия против так называемого «Европейского соглашения» («Concert Européen») – отмалчиваться. Время проходило; народились новые политические заботы – и проект конференции канул на дно.

С самого почти начала 1861 года возникла между лондонским и парижским кабинетами переписка относительно очищения Си-

рии французскими оккупационными войсками к назначенному сроку, именно 5-му марта (нов. ст.). Французское правительство указывало невозможность очищения страны, пока не обеспечены в ней спокойствие и порядок; преждевременный выход французских войск имел бы неизбежным последствием новое избиение христиан. Русское правительство находило это заявление основательным и поддерживало требование Франции об отсрочке очищения Сирии; лондонский же кабинет и Порта упорно противились. Решено было обсудить вопрос в конференции из представителей шести держав в Лондоне, и 4 (16)-го марта поставлено было продлить оккупацию еще на три месяца, то есть до 5-го июня (нов. ст.).

Между тем опасения, которые столько раз выражало русское правительство относительно Балканского полуострова, начинали сбываться. С самого начала года возникли волнения в Боснии и Герцеговине; князь Черногорский взялся за оружие и сделал вторжение в пределы Турции к стороне Никшича и Спужа. В Спице высадилась шайка гарибальдийцев с целью поддержать восстание в Герцеговине. Порта усилила свои войска в прилежащих к Черногории областях и объявила (15-го/27-го марта) блокаду берегов Албании. Австрийское правительство, опасавшееся в то время восстания в Венгрии и возобновления войны с Италией, также вооружалось. На Ионических островах проявилось неудовольствие против английского протектората; в местном собрании народных представителей открыто выражено было желание присоединиться к греческому королевству, вследствие чего, по распоряжению английских властей, собрание было распущено.

Турки, несмотря на свое превосходство в силах, нередко терпели неудачи при встречах с черногорцами. В июне турецкие суда открыли огонь против Спицы; жители этого приморского городка должны были бежать в горы. Не успев одолеть геройское сопротивление горсти черногорцев, Омер-паша вошел в переговоры с князем при участии русского, французского и английского дипломатических агентов; но переговоры эти не привели ни к какому результату, и борьба продолжалась еще и в следующем году.

Между тем с приближением нового срока очищения Сирии французскими войсками наше Министерство иностранных дел снова подняло вопрос о принятии мер к обеспечению тамошних христиан от нового погрома со стороны мусульманского населения. Вследствие настояний России открыты были в Константинополе совещания между представителями держав и Портой об

устройстве будущего управления в Сирии. Вместе с тем послана в крейсерство у сирийских берегов союзная эскадра (из 16 судов английских, 8 французских и 3 русских). К концу мая выработан проект будущего управления в Сирии на следующих главных основаниях: во главе управления поставлен генерал-губернатор из христиан, назначаемый султаном с согласия больших держав, на 3-летний срок; в помощь ему даны два каймакана: один – мусульманин, для заведывания друзами, другой – христианин, для маронитов. Проект этот был утвержден всеми державами и введен в действие ко времени очищения Сирии французами. Первым генерал-губернатором Сирии, на основании приведенного положения, назначен Дауд-эфенди, родом армянин, католик.

В таком положении были дела в Оттоманской империи когда 13 (25)-го июня 1861 года скончался султан Абдул-Меджид, царствовавший 22 года и доживший только до 38 лет. Преемником его провозглашен брат его – Абдул-Азис, на 32-м году от роду. В Европе не без опасения узнали об этой перемене царствования: боялись столкновения между приверженцами старых восточных порядков (в силу которых престолонаследие переходит к старшему в роде) и сторонниками европейского перехода престола от отца к старшему сыну, тем более, что вторая эта партия, стоявшая за сына султана Абдул-Меджида, пользовалась поддержкою Франции. Однако же все обошлось спокойно, и новый султан торжественно заявил намерение следовать политике своего умершего брата, так что опасения ретроградного движения в новом правительстве рассеялись.

По получении в Петербурге официального извещения о вступлении на престол нового султана послан был в Константинополь с поздравлением генерал-адъютант Ник<олай> Павл<ович> Игнатьев – будущий наш посол при Оттоманской Порте.

Для полноты обзора политического положения Европы в 1861 году остается здесь сказать несколько слов о важном событии, хотя и происходившем в другой, отдаленной части света, но отразившемся в известной степени на международных отношениях европейских государств, – а именно о возникшей в то время упорной, междоусобной распре между штатами Северо-Американского Союза.

Не стану распространяться о поводах к давнишнему антагонизму между северными и южными штатами великой заатланти-

ческой республики; в одних преобладали интересы промышленные и торговые, в других – земледельческие. В южных штатах образовалось крупное землевладение и развились обширные хлопчатобумажные плантации, для обработки которых признавался будто бы необходимым, по климатическим условиям, труд рабов – негров. В северных штатах рабство не допускалось; оно считалось позорным для свободной страны анахронизмом. С каждым годом усиливалась партия так называемых «аболиционистов», ратовавших за отмену невольничества. Но в продолжение многих лет на выборах в президенты Союза южным штатам удавалось проводить своих кандидатов, которые и сдерживали, сколько зависело от них, агитацию аболиционистов. В 1860 году истекал срок председательства южанина – Буханана, и в ноябре того года, на новых выборах, одержал верх кандидат так называемой «республиканской» партии – Абрам Линкольн, из штата Огио*, человек высокой честности и твердого характера. Выбор этот был роковым ударом для южан и послужил сигналом к отпадению рабовладельческих штатов от Союза. Южная Каролина первая провозгласила (в декабре 1860 г.) расторжение союзного акта 1788 года, и по ее призыву немедленно присоединились к ней штаты Миссисипи, Флорида, Алабама; затем Георгия, Луизиана, Техас. В январе 1861 года в Монтгомери, главном городе Алабамы, представители отделившихся от Союза штатов постановили образовать особую Южную Конфедерацию[121], выбрали своим президентом генерала Джефферсона Дэвиса, которому предоставили широкие полномочия, и решились поддержать свою независимость даже силою оружия. Под руководством энергичного Дэвиса, занимавшего прежде в союзном правительстве пост статс-секретаря (т.е. министра) по военным делам, начались с замечательною деятельностию военные приготовления. Сепаратисты беспрепятственно овладели укрепленными пунктами, портами, арсеналами; приступили к снаряжению каперов и сбору милиции, для чего прибегли к насильственной вербовке и другим крутым мерам.

Центральное правительство Союза было захвачено врасплох. Находившийся еще во главе его президент Буханан, человек слабый и окруженный личностями, сочувствовавшими южанам, хотя и протестовал от имени Союза против незаконных действий сепаратистов, однако ж не торопился принять решительные военные меры. Союзные войска были крайне малочисленны и разбросаны мелкими частями по всей обширной территории Союза; а

* Так в тексте. (*Прим. публ.*)

флот, на который центральное правительство преимущественно могло полагаться, находился в разных гаванях разоруженный. Только 20-го февраля (4-го марта) вступил в должность новый президент Линкольн, с твердою решимостью во что бы ни стало отстоять единство Союза. Но в первое время и для него нелегко было взяться энергически за дело, при тогдашнем разделении партий в самом составе центрального правительства и разномыслии по вопросу о рабстве. Однако ж, ввиду военных приготовлений сепаратистов, Линкольн приступил и со своей стороны к сбору милиции и вооружению флота, а 15 (27)-го марта объявил блокаду портов южных штатов.

Но прежде, чем союзное правительство успело привести в исполнение предписанные меры, южане уже открыли военные действия нападением на форт Сомтер, прикрывающий подступы с моря к Чарльстону – важнейшему военному порту Союза, и после двух дней бомбардирования форт принужден был сдаться (31-го марта/12-го апреля). Вслед за тем присоединились к Южной Конфедерации еще три штата: Виргиния, Северная Каролина и Теннеси, так что центральному правительству приходилось начинать борьбу с десятью отложившимися штатами. Из остальных рабовладельческих штатов некоторые, как-то: Миссури, Канзас и Мериланд – хотя и примкнули также к южанам, однако ж по своему географическому положению на окраинах Южной Конфедерации заявили намерение до поры не принимать участия в предстоявшей вооруженной борьбе.

Нападение южан на форт Сомтер произвело чрезвычайное раздражение в северных штатах, и с этого времени прекратилось всякое колебание в центральном правительстве: решено было, не щадя средств, вести упорную войну и смирить мятежные штаты. В самое короткое время собрана была из волонтеров армия в 75 тысяч человек и вооружено до 50 военных судов и 25 частных пароходов, с 20 тысячами моряков. К сожалению, главное начальство над армией вверено было первоначально генералу Скотту – 75-летнему старику, мало способному к энергическим действиям. Главная армия расположилась по р. Потомаку для прикрытия столицы Союза, которая, с отпадением Виргинии и при сомнительном положении Мериланда, находилась в опасности. Сепаратисты занимали город Александрию, на правом берегу Потомака, насупротив Вашингтона, а своею столицею, то есть местопребыванием правительства, избрали Ричмонд, в 140 верстах от столицы Союза. Против 75-ти тысячной союзной армии южане выставили первоначально 50 ты-

сяч человек милиции, под начальством генерала Борегара; в то же время выслали в море каперов, чтобы наносить вред торговле северян (южные штаты не имели своих кораблей и для своих торговых сношений пользовались иностранными).

Несмотря на чрезвычайные трудности формирования и организации армий в стране, где не имелось для того никаких заранее подготовленных учреждений и запасов, при недостатке опытных офицеров и генералов, – обоим противникам удалось к лету довести свои сухопутные силы со стороны северян – до 150 тысяч, а со стороны южан – до 100 тысяч. В середине мая северная армия, пользуясь своим численным превосходством, открыла наступательные действия переходом на правую сторону Потомака и высадкою генерала Бутлера у форта Монроэ, в тылу южан, которые принуждены были отступить в свои укрепленные позиции, прикрывавшие Ричмонд. В то же время начались военные действия на другом театре войны: на берегах Миссисипи. Но действия на обоих театрах войны велись крайне нерешительно и без результатов, что было весьма естественно при совершенной неподготовленности армий к большим операциям и весьма плохом состоянии войск с обеих сторон*.

Первые серьезные столкновения между противниками произошли 1 (13)-го и 2 (14)-го июля. Северяне имели некоторый успех и 9 (21)-го числа предприняли решительную атаку на южан при Буль-Руне, но встретив неожиданный отпор, обратились в полное бегство, так что с трудом можно было остановить их и привести в порядок, хотя противник и не преследовал. Тут выказалось наглядно, как мало можно полагаться на импровизированные милиции, не подготовленные обучением и дисциплиной. Войсками северян овладел такой панический страх, что после понесенной неудачи некоторые части совсем отказались идти в бой, а иные разошлись по домам. К счастью северян, противник и не думал воспользоваться своим успехом.

После сражения при Буль-Руне генерал Скотт сам просил об увольнении его от командования армией; на место его назначен генерал Мак-Клелан, выказавший энергию и распорядительность при первых боевых встречах. Он отвел войска за Потомак и занялся приведением своей армии в лучшее устройство. Между тем

* Далее в автографе зачеркнуто: «<...>, но в особенности же у северян, у которых армии состояли из волонтеров, чуждых всякого обучения и дисциплины». (*Прим. публ.*)

набирались новые силы. Еще в начале июля вашингтонский конгресс, по предложению президента Линкольна, положил довести милицию до 500 тысяч человек и сделать заем на военные расходы в 500 миллионов долларов. Палата народных представителей выказала при этом патриотическое одушевление, заявив готовность предоставить в распоряжение правительства и большие средства, если потребуются. И действительно, месяц спустя палата ассигновала еще 266 миллионов долларов на военные расходы, провозгласила освобождение негров и расширила предоставленные президенту полномочия.

Генерал Мак-Клелан не считал возможным возобновить наступательные действия; до конца года обе враждебные армии на главном театре войны, разделенные рекою Потомак, оставались в бездействии. Генерал Мак-Клелан должен был прибегать к самым строгим мерам и даже смертной казни для водворения в своих войсках дисциплины и прекращения побегов. В обеих армиях свирепствовали страшная болезненность и смертность.

Действовавшие на других театрах войны отдельные отряды северян также не имели успеха и даже потерпели некоторые неудачи (29-го июля/10-го августа при Спрингфильде, в штате Миссури и 15 (27)-го октября – в штате Кентукки). На море союзному флоту удалось захватить несколько снаряженных сепаратистами военных судов и довольно много купеческих. Порты южных штатов были блокированы.

Таким образом, несмотря на чрезвычайное напряжение сил с обеих сторон, военные действия, в течение всего 1861 года, не привели ни к каким результатам, и борьба между двумя частями Союза затянулась на долгое время. Европейские морские державы смотрели на эту борьбу не без некоторого злорадства, надеясь на распадение и ослабление Северо-Американской республики, и хотя объявили официально намерение сохранять нейтралитет (Англия – 1 (13)-го мая, Франция – 20-го мая (11-го июня), Испания – 5 (17)-го июня) – однако ж тайком оказывали благоприятное расположение сепаратистам и входили в тайные сношения с Южною Конфедерацией. Такой образ действий Англии и Франции имел последствием охлаждение их отношений к вашингтонскому правительству, особенно же после того, как в октябре* федеральному флоту удалось перехватить на английском корабле

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «27-го октября / 8 ноября» (*Прим. публ.*)

«Trent» двух посланцев от Южной Конфедерации с поручением в Лондон. Случай этот был поводом к весьма резким дипломатическим объяснениям. Вашингтонское правительство сочло благоразумным на этот раз уступить и освободило захваченных на английском судне агентов; но случай этот оставил по себе следы взаимного озлобления. Французское правительство объявило себя солидарным с английским в случае разрыва между Великобританиею и Северо-Американским Союзом, в обеих державах уже начались на этот случай военные приготовления.

Напротив того, русское правительство с первого же раза стало твердо за поддержание Союза. В депеше князя Горчакова к русскому посланнику в Вашингтоне Стеклю от 28-го июня[122], выражалось глубокое сожаление Государя о возникшем междоусобии и сочувствие к союзному правительству, причем давался последнему дружественный совет искать пути к примирению для восстановления целости Союза. Вслед за тем, 2-го июля, сам Государь при официальном приеме нового американского посланника Клея лично выразил свое расположение к Союзу. Американский министр иностранных дел Сюард (Seward) принес от имени президента признательность русскому Императору.

Доброжелательным и праводушным* своим отношением к Союзу в критический момент Россия приобрела в заатлантической республике большое сочувствие, в противуположность тому раздражению, которое возбудил ехидный образ действий Англии и Франции. К побуждениям политического свойства присоединилось возбужденное в американском народе чувство благоговения к личности русского Царя-освободителя. Только что совершившееся у нас мирно и спокойно освобождение многих миллионов крепостных крестьян должно было произвести громадное впечатление в стране, где вопрос об отмене рабства решался кровопролитною междоусобною войною.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ВОЕННОМ МИНИСТЕРСТВЕ В 1861 ГОДУ

В заключение воспоминаний своих за 1861 год остается мне дать отчет в собственной своей деятельности в этот первый год управления Военным министерством. С первых же шагов в новой

* Так в тексте. (*Прим. публ.*)

должности пришлось мне приняться за переустройство наших военных сил и всех частей военного управления, выработав предварительно полную программу предпринимаемых преобразований. Чтобы выяснить, в чем именно состояли эти преобразования и почему признавались они необходимыми и неотложными, я должен буду указать, в каком состоянии застал я наше военное устройство при вступлении в должность военного министра. Задача эта не легкая; по своей обширности и сложности она потребует довольно пространного изложения, несоразмерного, быть может, с прочими статьями моих воспоминаний.

Во время Крымской войны, находясь неотлучно при военном министре князе Василии Андреевиче Долгорукове, я имел случай близко присмотреться к ходу дел Военного министерства, оценить наше военное положение, недостатки его и слабые стороны. По окончании войны, с переменою министра и по отъезде моем на Кавказ, разумеется, я несколько отстал от течения дел в министерстве; однако ж не мог не знать, что в продолжение четырех лет моего отсутствия из Петербурга не было сделано ничего, что способствовало бы сколько-нибудь улучшению устройства наших военных сил и большей готовности к войне. Напротив того, все меры, принятые генералом Сухозанетом, имели исключительною целью — сокращение военных расходов: то одно, то другое отменялось, упразднялось, убавлялось, и хотя некоторые из этих мер заслуживали полного одобрения (как, например, упразднение военных поселений и сословия кантонистов)[123], тем не менее все сделанное в этот период времени носило на себе характер отрицательный. Продолжая идти таким путем, можно было довести государство до полного бессилия, в то время, когда все другие державы европейские усиливали свои вооружения.

Мысль эта озабочивала меня с первых же дней по назначении товарищем военного министра. Еще до приезда в Петербург, на перепутье в Москве (во время невольной остановки по болезни), я набросал для самого себя некоторые заметки о тех предметах, которыми считал нужным преимущественно заняться по вступлении в свою новую должность. Впрочем, я нашел, что в Военном министерстве уже были подняты некоторые вопросы и разрабатывались предположения в смысле улучшения в устройстве войск. Директором канцелярии министерства генералом-майором свиты Лихачевым представлена была записка об изменениях в полковом управлении и хозяйстве; записка эта была сообщена на заключение некоторым главным начальникам, и в том числе,

конечно, главнокомандующему 1-й армией генерал-адъютанту князю М.Д. Горчакову, по распоряжению которого образована была при главном штабе армии комиссия для обсуждения означенных предположений Лихачева. По получении в Петербурге замечаний этой комиссии и заключения самого главнокомандующего, дальнейшая разработка этого важного дела была возложена на особую комиссию, под председательством командира Корпуса внутренней стражи генерал-лейтенанта фон-дер Лауница. Выбор этот, сделанный еще моим предместником, я нашел весьма удачным. Генерал Лауниц был старый служака, знал во всей тонкости быт войска, но не был рутинистом; нововведения не пугали его. В продолжение всего лета и осени 1861 года мне пришлось часто работать с ним; если б не глухота его, то работа с ним была бы даже приятна. Мы с Лауницем старались добиться того, чтобы казенные отпуски по табелям и положениям соответствовали действительным нуждам войска, так чтобы можно было прекратить произвольное хозяйничанье полковых командиров и так называемые законные их доходы от полка. Это и было первою задачей, за которую я принялся с жаром. В то же время приходилось заниматься с сенатором Капгером, которому поручено было, также моим предместником, составление нового устава о воинских преступлениях и наказаниях.

С назначением меня военным министром я счел своею обязанностию немедленно же заняться составлением общей программы предстоявшей мне деятельности, с тем, чтобы эта программа, получив Высочайшее утверждение, служила мне во всех действиях опорой. Составление такой программы потребовало всестороннего пересмотра и обсуждения всех частей нашего военного устройства. В этих видах я собирал почти ежедневно совещания, составлял особые комиссии по разным специальным вопросам; открыл свободный доступ всяким посторонним предложениям, мнениям и проектам. Правда, что я был завален множеством разнообразных записок и проектов, из которых только немногие оказывались к чему-нибудь пригодными; но этим средством возбуждена была в министерстве живая деятельность, общее участие в предпринятой работе. По вопросу об организации армии была образована комиссия под председательством начальника Николаевской Академии Генерального Штаба генерал-майора Александра Карловича Баумгартена. От всех Департаментов министерства потребованы были соображения о нуждах и недостатках, вызывающих новые меры или законодательные работы.

Вообще могу сказать, что с 9-го ноября во всем министерстве закипела необыкновенная деятельность, чему способствовало и назначение нескольких новых лиц в число ближайших моих сотрудников: генерал-лейтенанта графа Ф.Л. Гейдена – дежурным генералом, генерал-майора свиты К.П. Кауфмана – директором канцелярии, тайного советника Якобсона – управляющим Комиссариатским департаментом, генерал-лейтенанта А.А. Данзаса – генерал-провиантмейстером, генерал-лейтенанта Н.И. Карлгофа – начальником Управления иррегулярных войск и т.д.[*] Приниматься за переделку всего старого возможно только с новыми людьми.

Главными же моими сотрудниками собственно в составлении означенной выше общей программы предстоявшей деятельности Военного министерства были: действительный статский советник Фед<ор> Гер<асимович> Устрялов и полковник Генерального Штаба Виктор Мих<айлович> Аничков. Первый занимал прежде должность «Редактора Свода военных постановлений» (до учреждения «Военно-кодификационной комиссии»)[124] и был мне драгоценным помощником по своей опытности и познаниям в военном законодательстве; второй – был профессором военной администрации в Николаевской Академии Генерального Штаба, издал весьма дельный курс военной администрации, а в конце 1861 года был назначен в число положенных по штату чиновников для поручений при военном министре (с оставлением и профессором в академии). Это был человек еще молодой, весьма развитой, даровитый и отличный редактор. В течение всей своей службы встречал я мало таких искусных редакторов; он схватывал чужую мысль на лету, умел весьма скоро примениться к слогу и манере начальника. Полковник Аничков много облегчил мне исполнение, в короткое время, такой обширной работы, каково было составление общей программы преобразований и улучшений по всем частям военного ведомства. Работа эта была исполнена менее, чем в два месяца, и хотя не поспела к Новому году, как я желал, однако ж была поднесена мною Государю 15-го января 1862 года.

Составленной программе дана была форма **всеподданнейшего доклада**, разделенного на десять статей, посвященных разным отделам военного управления[125]. По каждому отделу излагалось со

---

[*] В число личных при мне адъютантов были назначены: прежний мой адъютант капитан князь Гагарин, из прежних адъютантов военного министра: ротмистр граф Строганов (сын графа Сергея Григорьевича), полковник Толстой и капитан Унковский. А из бывших адъютантов генерала Герстенцвейга – ротмистр Веймарн и штабс-капитан граф Апраксин.

всею откровенностию современное положение дел с указанием существующих недостатков и слабых сторон, вместе с предположениями о способах исправления этих недостатков. Все это составило довольно объемистую работу, из которой приведу здесь извлечение, ограничиваясь, конечно, существенными чертами и откидывая многие частности. По разнообразию и обширности содержания подразделю изложение на следующие главные отделы:

Войска: регулярные
иррегулярные

Управление и военно-судная часть.

Хозяйственные и технические части (комиссариатская, провиантская, военно-врачебная, артиллерийская, инженерная) с общим заключением о финансовом положении Военного министерства.

А.

Регулярные войска: их численный состав, организация и комплектование. С самого окончания Крымской войны как, уже замечено выше, Военному министерству поставлено было главною задачей – уменьшить сколько возможно военные расходы. Министерство усердно принялось за дело для достижения этой цели. Не ограничиваясь уменьшением наличной численности войск с приведением их на мирное положение, оно прибегло к упразднению целых частей и приступило к пересмотру всех штатов войск и военных управлений для сокращения **нестроевого** состава. Кропотливая эта работа Инспекторского департамента продолжалась многие годы; постепенно упразднялись разные команды: инвалидные, военно-рабочие, мастеровые и т.д. Работа эта хотя доставляла ничтожные сбережения, сравнительно с общею цифрою военных расходов, тем не менее заслуживала полного одобрения. Напротив того, нельзя было не скорбеть о том, что при этой хирургической операции над нашею армией слишком уже беспощадно пожертвовано было и значительною долей боевой ее силы, как-то чрезмерным уменьшением кавалерии, приведением пехотных полков в некоторых корпусах в двух-батальонный состав и т.д.

Ценою таких тяжелых пожертвований достигнуты были следующие результаты: бюджет Военного министерства доведен был к 1859 и 1860 годам до цифры около 106 миллионов рублей; число же войск по штатам мирного времени полагалось в 1860 году до 798194 нижних чинов, со включением 32662 человек в разных

нестроевых частях, не имевших боевого назначения. Но действительный наличный состав войск был гораздо значительнее штатного. Беспокойства в Польше, как уже было в своем месте сказано, побудили перевести войска 1-й армии и 5-й армейский корпус на военное положение, а батальоны соответствующих резервных дивизий в тысячный состав. Через это списочный состав регулярных войск к началу 1861 года возвысился до 862 тысяч нижних чинов при 33232 генералах и офицерах.

В течение 1861 года численный состав войск оставался почти тот же, хотя и сделаны были некоторые переформирования частей*, и по примеру предшествовавших лет, продолжалось сокращение штатов и упразднение некоторых нестроевых команд**. К концу года состояло по спискам в регулярных войсках 31856 генералов и офицеров и 858997 нижних чинов. С добавлением же к этому числу состоявших на действительной службе иррегулярных войск (до 86358 нижних чинов) все наличное число войск в 1861 году доходило до 946 тысяч нижних чинов при 38 тысячах генералов и офицеров, а всего на довольствии казны числилось 1034603 нижних чинов.

Цифра громадная для мирного времени! И таков был результат всех мер, принятых в истекшие четыре года для сокращения войск.

Какие же силы могли мы выставить в военное время?

Число регулярных войск по тогдашним штатам военного времени возрастало до 1410027 нижних чинов; с присоединением иррегулярных войск (штатный состав которых полагался в 184312 нижних чинов) все наши вооруженные силы достигали 1594340 нижних чинов.

Но, к сожалению, эта цифра была грозною только на бумаге. В действительности же наша тогдашняя организация представляла следующие важные невыгоды:

Во-первых, мы не имели в готовности ни запаса людей, ни запаса вещевого, нужных для приведения наших вооруженных

---

* Расформирован жандармский полк (в Киеве), с оставлением 1 эскадрона при главном штабе 1-й армии и команд при корпусных штабах; Образцовый пехотный полк переформирован в батальон, с перемещением его в Ораниенбаум, в казармы бывшего Учебного саперного батальона, упраздненного в 1860 году; (в том же году Образцовый кавалерийский полк был обращен в эскадрон); Иркутский батальон внутренней стражи переформирован в линейный № 6 батальон и перемещен во Владивосток; наконец 18-я пехотная дивизия, перемещенная с Кавказа во внутренние губернии, приведена в кадровый состав.

** Упразднены: некоторые инвалидные и этапные команды, Орская крепость, исправительные отделения при батальонах внутренней стражи, пересмотрен состав местных военных управлений в оренбургских степях и т.д.

сил в предположенный штатами военный состав. Для этого требовалось призвать на службу до 612 тысяч нижних чинов собственно для регулярных войск и 98 тысяч казаков. Последних имелось более чем достаточно*; но для регулярных войск числилось в начале года в отпуску (бессрочном и временном) всего 242 тысячи. Цифра эта, разумеется, постепенно уменьшалась, так как рекрутские наборы не производились с 1856 года[126], и вся текущая убыль в войсках пополнялась, по мере надобности, призывом нижних чинов из отпускных. Так уже к концу 1861 года число отпускных понизилось до 210 тысяч человек. Притом следует принять в расчет значительный недобор в числе призываемых на службу отпускных**. Следовательно, при том числе отпускных, которое имелось в 1861 году, необходимо было бы, для приведения всех наших военных сил в полный состав, произвести рекрутский набор в размере свыше 400 тысяч человек. Сколько требовалось времени, чтобы произвести этот набор при тогдашних порядках! Производство даже обыкновенного набора составляло сложную, весьма тяжелую и медленную операцию***. Сколько времени пошло бы на то, чтобы эту массу рекрутов одеть, обуть и снарядить при тогдашнем израсходовании всех прежних запасов в складах комиссариатских, провиантских и артиллерийских! А паче того, сколько времени пришлось бы обучать громадную массу новобранцев, и какова была бы армия, составленная на целую треть из рекрутов, только что взятых от сохи!

Вторая невыгода тогдашней организации заключалась в том, что для приведения на военное положение **резервных** войск (составлявших почти половину намеченной боевой силы пехоты), приходилось формировать вновь большое число новых тактических единиц, т.е. батальонов, полков и дивизий с их штабами****. Для формирования их не имелось в готовности персонала (то есть

---

* В то время состояло на льготе до 181 тысячи казаков.

** Так в 1861 году по первому расписанию было призвано 44793 временно-отпускных, а явилось на сборные пункты 42953, из которых оказались способными к службе лишь 40033, следовательно 10,6% недобора. По второму расписанию из числа 18122 призванных явилось 17368, а признано годными к службе 16493; стало быть, опять недобор в 9%.

*** По случаю рекрутского набора, также как и призыва отпускных нижних чинов, считалось нужным командировать во все губернии лиц Государевой свиты. В 1861 году призыв каких-нибудь 43 тысяч человек потребовал командировки 30 генерал-адъютантов, генерал-майоров свиты и флигель-адъютантов.

**** Именно: 27 дивизий, 164 полка, 918 батальонов, 128 эскадронов, 20 артиллерийских бригад и 86 батарей.

начальников и офицеров). Резервные войска, имея двоякое назначение — подготовлять вновь набранных рекрут и служить подкреплением для действующих армий — очевидно, не могли удовлетворять ни тому, ни другому назначению. «Запасные» же войска (144 батальона, включенные в приведенную выше цифру наших сил по военному составу) не имели даже и кадров, то есть считались лишь на бумаге, между тем как существовавший целый Корпус внутренней стражи (до 162 тысяч человек), не составляя боевой силы, отягощал военный бюджет весьма крупною цифрою расхода непроизводительного.

В-третьих — из приведенной цифры вооруженных сил, кажущейся громадной, только часть могла быть признана боевою силою против врага внешнего, в случае войны европейской; ибо весьма крупная доля войск полевых была, так сказать, прикована к отдаленным местностям азиатских окраин и Кавказа, частию же была необходима для обеспечения порядка и спокойствия внутри государства, особенно при тогдашних смутных обстоятельствах.

Если из приведенной цифры 798 тысяч регулярных войск по штатам мирного времени выделить 32662 нижних чинов, состоявших в разных командах, не имевших боевого назначения (както инвалидных, военно-рабочих и т.д.), да 1113 человек в войсках образцовых и учебных, то приходилось:

	по штатам военным	по штатам мирным
в действующих войсках	520922	644117
в резервах	81460	390278
в местных	161422	168325
всего	764804	1202720

да в запасных полагалось 168325

Если все части войск считать в штатном составе мирного времени, то распределение наших войск в 1861 году было следующее:

в Царстве Польском и западных губерниях —	164902	212950
в Новороссийском крае	48048	
внутри Империи и в Финляндии	334372	
на Кавказе	178854	217482
в Оренбургском крае	15174	
- Западной Сибири	16551	
- Восточной Сибири	6903	
	764804	

Таким образом почти треть всех войск находилась на Кавказе и других азиатских окраинах; несколько менее трети в западной пограничной полосе и в Новороссийском крае и немного более трети — в остальной части Европейской России.

Сокращать что-либо в войсках на дальних азиатских окраинах, при огромном их протяжении, было немыслимо. В Кавказской армии уже приводились тогда в исполнение довольно значительные сокращения, насколько признавалось возможным до окончания происходивших еще военных действий. В западном крае — не только не могло быть речи об уменьшении войск, но можно было предвидеть необходимость значительного усиления их. Наконец, во внутренних губерниях, с включением обеих столиц, не было излишества в войсках, даже и для мирного времени*.

Какие же боевые силы могли бы мы выставить на театр войны в случае, если б возгорелась война европейская. Предположим возможным вовсе не усиливать наших войск на Кавказе и на азиатских окраинах и употребить весь имевшийся запас отпускных нижних чинов на пополнение одних действующих войск в Европейской России; и в таком случае мы с трудом могли бы довести наши силы на западной границе до 500 тысяч человек. Силы эти были бы недостаточны даже для борьбы с одною Пруссией, а тем более с коалицией нескольких держав**. Резервные наши войска не могли бы принять участия в военных действиях ранее, как по истечении нескольких месяцев, да и то весьма сомнительно, в состоянии ли они были бы, при импровизованном их формировании, меряться с благоустроенною прусскою армией и ее ландвером.

Вот те соображения, которые привели меня к заключению, что при тогдашнем нашем военном устройстве не только не ус-

---

* В 1861 году, по случаю введения Положения 19 февраля, признано было нужным сделать некоторые перемены в нормальной дислокации войск и сократить назначение войск в лагерные сборы. В своем месте были мною указаны перемещения войск для подкрепления сил в Царстве Польском и западных губерниях.

** Хотя в то время ни Пруссия, ни Австрия, ни Франция не приступали еще к тем реформам, которые в последующее время дали колоссальное развитие их вооруженным силам, однако ж и тогда они имели уже такую организацию, что, содержа в мирное время войска весьма в ограниченном числе, могли развить их в военное время гораздо в большей соразмерности, чем мы. Так, Франция удваивала свои силы (400 тысяч и 800 тысяч); Австрия усиливала в 2 $^1/_2$ раза (280 тысяч и 629 тысяч), а в Пруссии (не вводя в расчет других германских государств) силы возрастали в 3 $^1/_2$ раза (200 тысяч и 700 тысяч).

матривалось какого-либо излишка в наших вооруженных силах и возможности дальнейшего сокращения их; но скорее можно было опасаться недостаточности сил для обеспечения политического положения и достоинства России в случае каких-либо европейских осложнений. Очевидна была необходимость изменения самой системы устройства наших военных сил, необходимость такой организации, которая позволяла бы нам, по примеру других государств и в особенности Пруссии, **развивать** в наибольшей соразмерности боевые силы в военное время, при наименьшем числе наличных войск в мирное время. Только с преобразованием самой организации и порядка комплектования, с устройством достаточного запаса людей и материальных средств, с принятием многих других мер к ускорению мобилизации войск, открылась бы возможность и сокращения наличного числа войск в мирное время.

Вследствие этого соображения указывались мною на первый раз следующие главные задачи для деятельности Военного министерства:

1) Продолжая прежнюю работу сокращения нестроевого элемента в войсках, переформировать или упразднить те части, которые исключительно несут одну службу мирного времени, не имея никакого полезного назначения для развития боевой силы в случае войны;

2) довести резервные войска до полной подвижности в прямом значении резерва **боевого**;

3) устроить кадры для войск **запасных**, формируемых в случае войны, с тем, чтобы постоянно пополнять убыль людей в частях войск, действующих на театре войны;

4) образовать исподволь такой запас нижних чинов, подготовленных к строю, какой действительно нужен для пополнения всей разности между штатным составом по мирному и по военному времени.

По первому пункту имелось в виду упразднить состоявшие при кавказских войсках инвалидные роты, преобразовать часть военно-рабочих рот инженерного ведомства в мастеровые команды, а прочие роты упразднить, и еще разные другие подобные меры; главное же предположение состояло в упразднении Корпуса внутренней стражи, с возложением обязанностей внутренней службы на другие разряды войск. Упразднение этого корпуса было давно желанием самого Государя; но министерство затруднялось привести его в исполнение. Мое предположение состояло

в том, чтобы во всех губернских городах Европейской России, за исключением 6 отдаленных (Архангельска, Петрозаводска, Вологды, Перми, Вятки и Астрахани) возложить караульную службу в мирное время на резервные войска; в военное же, с уходом этих войск, все обязанности внутренней службы переходили бы на вновь формируемые **запасные** части, для которых предполагалось иметь постоянные кадры. В означенных же шести отдаленных губернских городах — держать постоянно по батальону тех же запасных войск, которых главным назначением было бы в военное время пополнять действующие армии вновь призываемыми из запаса людьми и обучение рекрут в случае нового набора. Поэтому полагалось на командиров кадровых частей запасных войск в каждой губернии возложить и все обязанности по заведованию нижними чинами запаса и все распоряжения по призыву их в случае надобности.

Главнейшею мерой для образования действительно **боевого** резерва предполагалось — в замене существовавших четвертых батальонов всех пехотных полков, остававшихся в мирное время в составе резервных дивизий, в виде кадров для формирования резервных полков, — образовать целые полки трехбатальонного состава; но содержать их в мирное время в кадровом составе. При этих кадровых полках полагалось иметь в готовности полный материальный запас на целый полк по военному времени.

Для того, чтобы все действующие и резервные войска пополнять быстро до военного состава, указывалась совершенная необходимость установления впредь равномерного контингента для комплектования войск, посредством ежегодных наборов со всей Империи, а не по прежним полосам (западной и восточной). Применяясь к тогдашнему способу рекрутского набора, я считал возможным определить нормальный контингент рекрут по 4 на 1000 душ ежегодно; но в первые семь лет усилить до 5 рекрут с 1000 душ. Такой размер был бы достаточен для того, чтобы за пополнением ежегодной убыли в войсках и увольнением из строя известного сверхкомплекта нижних чинов, образовать в семилетний период запас людей, соответствующий надобности. По тогдашнему счету ревизского населения набор по 5 рекрут с 1000 душ давал приблизительно 125 тысяч человек контингента; предполагая общую численность регулярных войск в мирное время примерно в 750 тысяч человек, приходилось бы увольнять нижних чинов на 7-м или 8-м году службы, и в семь лет образовался бы запас в числе приблизительно 750 тысяч человек.

Такое предположение, разумеется, вело к сокращению сроков службы. По этому предмету в докладе моем высказывались следующие мысли: «Сокращение срока действительной службы солдат должно иметь благодетельные последствия для государства. Ваше Величество постоянно желали, чтобы военная служба не вела солдата к разрыву всех семейных и имущественных связей с родиной, чтобы по возвращении отставного домой он не оставался без приюта, не обращался в бродягу, ни к чему в сельском быту неспособного, и не был бы чрез то в тягость и себе и обществу. В этих видах Вашим Величеством уже положено в 1859 году начало сокращения сроков обязательной военной службы. Ныне, с прекращением крепостного права, устраняются и последние препятствия к полному достижению означенной цели. При развитии временных отпусков солдат, по окончании непродолжительного срока действительной службы, мог бы войти опять производительным членом в состав своего общества, с весьма незначительным пособием от казны» и т.д.

На первый раз я не решился предложить слишком значительное сокращение установленного тогда 10-летнего срока службы, чтобы не поднять напрасно тревогу в нашей военной среде; предложение же мое увольнять нижних чинов во **временной** отпуск ранее выслуги срока никого не пугало; это было уже дело привычное. Что же касается до предположенного размера ежегодных наборов, то он не мог считаться слишком обременительным для народа, ввиду соразмерности конскриптов, призываемых на службу в других государствах. Во всяком случае, ежегодный равномерный набор не имеет такого пагубного влияния на благосостояние населения, как те экстренные, усиленные наборы, которые приходилось у нас производить в каждую войну. Так в 1847, 1848 и 1849 годах произведено было каждый год по два набора, так что в эти три года было взято рекрут: с западной полосы 22 с 1000 душ, с восточной 18. В Крымскую войну (1853 – 1855) в самое короткое время взято с западной полосы 51, с восточной 42 рекрута с 1000 душ. Такие наборы вконец разоряли население и подрывали его жизненные силы на долгое время.

В программу мою входило как неразрывное условие коренное изменение самого порядка рекрутских наборов. Существовавший тогда варварский порядок придавал набору тяжелый, удручающий характер. Взятым рекрутам велся счет наравне с податями; рекрутские квитанции имели ход как всякие другие ценные бумаги; «недоимки» считались половинками и четвертями рекрута.

Самая процедура приема рекрут имела унизительную, суровую обстановку. Для пересмотра рекрутского устава я предложил образовать особую комиссию из представителей разных министерств и указывал некоторые меры к облегчению тяжести воинской повинности для народа, в том числе распределение рекрут по возможности в ближайшие от их родины части войск и привлечение к отбыванию этой повинности большей части населения, то есть ограничение существовавших многочисленных льгот и изъятий для разных классов и групп населения.

Перейду ко **внутреннему устройству и образованию наших войск.** Тяжелый урок Крымской войны открыл нам глаза на многие важные недостатки нашей армии, которую мы прежде считали верхом совершенства. В особенности выказалась бесплодность существовавшей прежде системы обучения войск, вся непригодность для войны прежних педантических требований на плац-параде и в манеже. С тех пор совершенно переменилась у нас точка зрения на обучение солдат. В этом деле большую заслугу оказал генерал-адъютант граф Ридигер, которому принадлежала инициатива всех мер, принятых в означенный промежуток времени, по части распространения между солдатами грамотности, гимнастики, фехтования, стрельбы в цель, упрощение строевых уставов, более осмысленное обучение войск и проч. Состоявшая первоначально под председательством графа Ридигера, а по смерти его генерал-адъютанта Плаутина «Комиссия для улучшения по военной части» принесла нашим войскам несомненную пользу[127]. Оставалось только идти вперед тем же путем, с возможно большим развитием работ этой комиссии. В этом отношении в 1861 году из бывших уже гимнастических команд образован общий «учебный фехтовально-гимнастический кадр»; имелось в виду: усилить в войсках средства к обучению солдат грамоте и развитию их умственных сил; усилить отпуск учебных припасов для стрельбы; устраивать стрельбища; продолжать устройство «полигонов» для усовершенствования артиллерийской стрельбы; все более и более упрощать строевые уставы и взамен бесполезной и бессмысленной «муштровки» усиливать занятия войск в летнее время маневрированием на разнообразной местности с наибольшим приближением к действительным требованиям войны.

Вопрос об улучшении полкового управления и хозяйства, как уже сказано, был также поднят еще до моего приезда в Петербург и возложен был на комитет генерала Лауница, в связи с разными другими задачами, касавшимися внутреннего устрой-

ства войск и положения солдата. Комитет тщательно разбирал все статьи полкового хозяйства и определял размеры всех видов довольствия; он также не упустил из вида жалкого состояния войскового обоза и предложил новый образец полковой повозки, хотя уже имелся ввиду другой проект, выработанный специальною обозною комиссией генерал-адъютанта Лутковского. Для сравнительного обсуждения обоих проектов образована была в конце 1861 года новая комиссия, под председательством члена Военного Совета генерала Липранди. Комитет Лауница затронул и вопрос обмундирования и снаряжения войск, с целью упрощения и удешевления их, а вместе с тем облегчения солдата. Некоторые из предложенных комитетом изменений по этой части были уже одобрены Государем в 1861 году; другие еще разрабатывались.

Кроме работ означенного комитета имелись в виду и другие предположения по Инспекторскому департаменту: установить правильный порядок для выбора лиц на должности командиров частей войск, для чего завести кандидатские списки; привести в большее единообразие чинопроизводство в разных разрядах войск, причем затронут был щекотливый вопрос о преимуществах гвардии «старой» и «молодой» пред армией, и т.д. Приступлено было к пересмотру правил и форм делопроизводства, в особенности же сокращение чрезмерно обременявших войска срочных донесений. Но всех затронутых в это время частных вопросов перечислять было бы здесь невозможно.

Одною из самых трудных задач было – поднять нравственно положение солдата и в особенности унтер-офицера. В этом отношении положение армии хотя несколько и улучшилось в последнее время, однако ж все еще представляло многие черты непривлекательные. Стоит заметить, какие элементы входили в состав комплектования войск. В 1861 году в числе 73514 человек, поступивших на пополнение годовой убыли, значилось: 2112 рекрут, взятых в зачет будущих наборов или без зачета (т.е. сданных в виде наказания); 567 – отданных в солдаты за бродяжничество и проступки; 587 – зачисленных во внутреннюю стражу из других ведомств по «неблагонадежности» в поведении; 247 – солдатских детей; 5688 – обращенных из неспособных 2-го и 3-го разрядов; 34 – воспитанника военно-учебных заведений, выписанных за дурное поведение, и т.д... На правах вольноопределяющихся поступило только 389 молодых людей.

Цифры эти показывают, что на войска в то время еще смотрели как на какое-то пенитенциарное заведение. Поэтому в них

скоплялось весьма большое число «порочных» и «штрафованных» нижних чинов. В 1861 году было до 3611 **бежавших**, что составляло 4,3 на каждую 1000 человек наличного состава; (в 1859 году приходилось почти 6 на 1000 человек). В законах того времени еще существовало определение известной платы за поимку беглых солдат. Раз попавший на службу солдат делался как бы казенною собственностию; участь его ничем не была ограждена. Так, например, на основании Высочайшего повеления 1858 года из Корпуса внутренней стражи и некоторых оренбургских линейных батальонов «порочные» нижние чины были отправляемы в Восточную Сибирь для обращения в казачье сословие в новоприобретенном Амурском и Уссурийском крае, и в течение четырех лет (1858–1861) таких людей переселено 14362, да при них 3400 женщин и детей. Можно представить себе, что это был за элемент для образования нового казачьего войска, предназначенного для занятия и защиты пограничного края. Подобным же образом и на Кавказе нередко поступившие по набору нижние чины перечислялись, по распоряжению начальства, в казаки или в поселяне.

Немалую обузу для Военного министерства составляла масса «неспособных» нижних чинов, разделявшихся на четыре разряда. Только причисляемые к 4 разряду совсем увольнялись в отставку или возвращались в первобытное состояние; 3-й разряд увольнялся во временной отпуск; люди же 1-го и 2-го разрядов оставались в разных нестроевых командах и при батальонах внутренней стражи, напрасно обременяя казну своим содержанием без всякой пользы для службы. В один 1861 год было причислено к батальонам внутренней стражи 7384 неспособных 2-го разряда и уволено в отпуск 5512 человек 3-го разряда.

Оставление неспособных 2-го разряда при батальонах внутренней стражи предположено было отменить; переселение »«порочных» солдат в Восточную Сибирь было прекращено. В 1861 году состоялось Высочайшее повеление (4-го июля) об отмене определения в военную службу бедных дворян Империи и Царства Польского, а также повеления 2-го апреля 1853 года об обязательном зачислении в военную службу сыновей офицеров и чиновников, не дослуживших до права потомственного дворянства. Кроме отмены этих драконовских мер, Высочайше утверждено (26-го июня) положение Военного Совета о дозволении вольноопределяющимся выходить в отставку, когда пожелают. Сроки выслуги на офицерский чин для вольноопределяющихся были

тогда установлены различные, по сословиям, и достигали для не дворян 6 и 12 лет. Понятно, что военная служба не могла привлекать молодых людей недворянского сословия, чем и объясняется малое число поступавших в войска вольноопределяющихся.

С повышением требований военной службы и с упразднением кантонистов войска начали встречать затруднение в комплектовании унтер-офицерского состава, а также писарей, мастеровых и других нестроевых должностей. Хотя от прежних батальонов кантонистов еще оставались так называемые «училища военного ведомства», но заведения эти сделались уже анахронизмом; предполагалось упразднить их или коренным образом преобразовать. Состоявшие при этих училищах «мастеровые команды» решено было упразднить неотлагательно. Команды эти, имевшие назначение приготовлять для войск мастеровых, состояли из солдатских сыновей (большею частию евреев), отдаваемых на 5-летний срок в обучение частным хозяевам ремесленных заведений, по контрактам. Такое учреждение – сколок прежнего крепостничества – не могло быть долее терпимо. Таким образом, Военному министерству предстояло изыскивать новые меры для устранения встречаемых войсками затруднений в приготовлении собственными средствами как унтер-офицеров строевых, так и разных нестроевых.

В деле благоустройства и совершенствования армии имеет первостепенное значение – хороший офицерский состав. И в этом отношении тогдашнее положение наших войск нельзя было признать удовлетворительным. Со времени Крымской войны в армейской пехоте образовался большой сверхкомплект офицеров; в числе их оставалось еще много таких, которые принимались на службу во время самой войны без всякого разбора, и хотя потом значительная часть этих офицеров была увольняема, однако ж такая очистка армии от непригодного элемента продолжалась еще и в 1861, и следующих годах. В кавалерии же, напротив того, жаловались на некомплект офицеров. Служба в армии была так непривлекательна, что молодые люди с достатком перестали стремиться к офицерскому званию.

В отношении к образованию офицерский состав делился на две резко отличавшиеся категории: главная масса офицеров в армии состояла из выслужившихся юнкеров, вольноопределяющихся и унтер-офицеров общего срока службы; большая часть этих офицеров не имела никакого образования; много было едва грамотных; военные же их познания ограничивались строевыми

уставами. Другая категория – воспитанники кадетских корпусов и других военно-учебных заведений – составляли меньшинство, служили почти исключительно в гвардии, в специальных родах оружия: в военных управлениях. Из этой категории офицеров старшие, выпущенные из корпусов в давние времена, большею частию были хорошие служаки, фронтовики, но мало развитые и чуждые вовсе специально-военного образования; младшие же – питомцы недавних выпусков, более образованные и развитые, к сожалению, были в значительной доле заражены тогдашнею революционною пропагандой, относились с пренебрежением к военной службе и составляли, можно сказать, опасную язву в войсках.

В четырехлетие, протекшее с Крымской войны, почти ничего не было сделано для возвышения и улучшения офицерского состава. Учреждение офицерских школ: стрелковой в Царском Селе* и кавалерийской в Елизаветграде – имело цели совершенно специальные – приготовлять инструкторов по части стрельбы и кавалерийского дела. Заведения эти не имели будущности; ибо цели учреждения их могли с большею пользою и меньшими издержками достигаться посредством преобразования образцового пехотного батальона и образцового кавалерийского эскадрона в учебные части, что вскоре и было сделано. Закрытию означенных школ содействовало и то обстоятельство, что в среду обучавшихся офицеров проникла довольно в сильной степени тогдашняя революционная пропаганда.

Тою же прискорбною заразой страдали и все три военные академии (Генерального Штаба, Артиллерийская и Инженерная), которые в управление покойного Я.И. Ростовцева и благодаря его личным стараниям получили непомерное расширение в ущерб специальному назначению каждой из них. В последние годы во всех трех академиях был громадный наплыв слушателей, чему покойный Яков Иванович радовался, считая академии в некотором роде военными университетами, имеющими целью возможно широкое распространение в войсках высшего научного образования. К сожалению, с увеличением числа учащихся заметно понизился уровень их образования и способностей; понизилась и

* Начальником школы был полковник лейб-гвардии Финляндского полка Ванновский, получивший 30-го августа 1861 года назначение директором Павловского кадетского корпуса, с производством в генерал-майоры. Начальником же офицерской стрелковой школы назначен был флигель-адъютант полковник барон Корф.

серьезность их занятий, особенно специально-прикладных, а вместе с тем облегчился доступ в академии личностям неблагонадежным в различных смыслах.

Многолетние заботы и старания Я.И. Ростовцева о поднятии кадетских корпусов в учебном отношении также привели неожиданно к столь печальному результату, что само начальство военно-учебных заведений увидело необходимость коренных изменений в устройстве этих заведений. В конце 1861 года, одновременно с возбужденными мною предположениями о преобразованиях в военном ведомстве, поднят был также и вопрос о преобразовании военно-учебных заведений; но так как управление этими заведениями не входило тогда в состав Военного министерства и приступало к делу совершенно независимо, то об этих работах его будет мною упомянуто особо, в другом месте.

Впрочем, надобно здесь заметить, что военно-учебные заведения в то время давали армии не более 650 офицеров, тогда как пополнение ежегодной убыли в офицерском составе требовало свыше 1600. Недостающее число и пополнялось, как выше сказано, людьми едва грамотными, вовсе не подготовленными к офицерскому званию. Поступавшие в войска юнкерами «недоросли из дворян», большею частию также без предварительного общего образования, лишены были средств получить какую-либо, хотя бы самую элементарную военную подготовку. Из существовавших в прежние времена при войсках «юнкерских школ» уцелела только одна — при 4-м армейском корпусе, но и та была в плохом состоянии. В 1861 году вновь учреждено было в Гельсингфорсе юнкерское училище, взамен существовавшей там прежде при 22-й пехотной дивизии «стрелковой школы», собственно для подготовления к военной службе молодых финляндцев, вовсе не знавших русского языка.

Устройство юнкерских училищ, сколь можно в большем числе и в приличной обстановке, считал я одною из неотложных мер к обеспечению комплектования армии офицерами, если не вполне соответствующими требованиям современного военного дела в Европе, то по крайней мере несколько подготовленными к их служебной деятельности и общественному положению. Какие бы ни были введены улучшения и изменения в устройстве кадетских корпусов, они все-таки никогда не могли снабдить офицерами всю нашу армию, особенно в случае предположенного развития наших вооруженных сил. Главным рассадником офи-

церов армии неизбежно должны были оставаться юнкерские училища. Еще надолго необходимо было нам довольствоваться такими заведениями, сравнительно низшего разряда, которые стоили бы недорого и в которых учебный курс соответствовал бы степени развития наибольшей массы поступающих в армию молодых людей. Уровень этот мог быть мало-помалу повышаем, соразмерно с повышением общего образования в государстве; на первое же время следовало быть не слишком требовательными, тем более, что тогдашнее положение армейского офицера и материальная его обстановка были далеко не привлекательны.

Поэтому в предположениях моих ставились в тесную связь между собою два ряда мер: с одной стороны, установление в юнкерских училищах такого учебного курса, который впредь служил бы общим мерилом образования, требуемого для производства в офицеры армии; с другой стороны, улучшение материального и нравственного быта офицеров.

Наконец, ввиду требуемого для приведения армии на военное положение огромного числа офицеров сверх состоящих на службе в мирное время, указывалась необходимость образования офицерского **запаса.**

Войска иррегулярные. Вследствие чрезмерного сокращения нашей регулярной кавалерии после Крымской войны оставалась у нас надежда на возмещение недостатка в этом роде оружия, в случае большой войны, многочисленною нашею иррегулярною конницей.

Общая цифра казачьей конницы была весьма внушительна: 154 конных полка*, несколько отдельных дивизионов и эскадронов** и 30 конных батарей. Во всех же строевых частях, со включением 34 $^{1}/_{2}$ пеших казачьих батальонов и Грузинской дружины, числилось по штатам 3984 офицера и 184318 нижних чинов; по спискам же – 4307 офицеров и 266208 нижних чинов, а со включением служащих башкир – до 302961 человек.

---

* В том числе 2 гвардейских донских.

** а именно: гвардейский Уральский дивизион, 4 эскадрона Собственного Е.В. конвоя (от Кубанского, Терского и Уральского войск), лейб-гвардии Крымско-татарский эскадрон, дивизион Кубанского казачьего войска в Варшаве.

Значительная часть этой силы была, так сказать, прикована к тем отдаленным местностям, охранение которых было прямою целью существования казачьих войск. В случае войны в Европе можно было рассчитывать лишь на известную часть ближайших казачьих войск: Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского и Уральского. В этих пяти больших казачьих войсках числилось штатных конных полков 125 и 24 батареи, а с присоединением небольшого Астраханского казачьего войска: 128 полков и 24 $^1/_2$батареи.

Из этого числа полков и батарей в то время несли действительную службу 71 полк и 11 $^1/_2$ батарей, то есть более половины*. Такая усиленная служба в мирное время объясняется тогдашним положением дел на Кавказе и в оренбургских степях. На Кавказе – продолжавшиеся военные действия за Кубанью и охранение спокойствия в остальных частях края не только поглощали большую часть сил местных казачьих войск (Кубанского и Терского), но еще удерживали значительное число выкомандированных в тот край донских казачьих полков, — хотя в последнее время число их было уже уменьшено на 7 полков. В оренбургские же степи высылались оренбургские и уральские казаки для охранения края от вторжения соседей и от разбоев внутренних хищников. Значительное число донских полков несло постоянную службу вдоль всей европейской границы от Торнео до Прута; от оренбургских и уральских войск высылались ежегодно части в Москву, в Нижний во время ярмарки, в Казанскую и Пермскую губернии для полицейской службы.

Таким образом в предположениях на будущее время одною из первых мер представлялось уменьшение наряда казачьих частей на службу в мирное время до узаконенной нормальной соразмерности (т.е. трети всего состава). Достижение этой цели зависело, конечно, от хода дел на Кавказе и на азиатских окраинах; на первый же раз следовало домогаться по крайней мере освобождения казаков от внутренней полицейской службы, и в этом отношении в 1861 году удалось отменить командировку из Оренбурга сводного казачьего полка в Москву и наряд астраханских казаков на внутреннюю кордонную и береговую Каспийскую линии.

---

* Во всех же иррегулярных войсках состояло на действительной службе 86358 нижних чинов, что составляло 47% всего штатного состава.

Сокращение наряда казаков на службу имело и цель финансовую. Содержание казачьих частей в мирное время обходилось не дешево – до 9 $^{1}/_{2}$ миллионов рублей. Единственным средством к уменьшению этого расхода было уменьшение наряда на службу.

Затем Военному министерству представлялась другая задача – совершенствовать строевое образование и вооружение казаков. В этом отношении все казачьи войска нуждались более или менее; но в особенности оставляли желать многого Донское и Оренбургское войска. С некоторым же усовершенствованием заключавшегося в этих войсках превосходного материала казаки могли действительно, в случае войны европейской, составлять отличную легкую конницу для аванпостной и партизанской службы.

На Кавказе существовали особого рода иррегулярные части, под названием «постоянных милиций». Кроме Грузинской пешей дружины, Дагестанского конно-иррегулярного полка и Гурийской пешей сотни в последнее время (частию в 1861 году) вновь сформированы: в Кубанской области – два конно-иррегулярные эскадрона, Лабинский и Кубанский (последний взамен прежнего Анапского горского полуэскадрона); в Терской – Терский конно-иррегулярный полк; в Дагестане – 12 конных сотен. Еще имелось в виду сформировать некоторые части в Кутаисской губернии. Формирование этих милиций из туземцев приносило двойную пользу: давало возможность уменьшать наряд казаков и вместе с тем извлекало из туземного населения и дисциплинировало именно тех бездомных сорванцов, которые обыкновенно являются первыми зачинщиками в народных волнениях и мятежах.

В какой степени боевая сила, доставляемая 3-х миллионным казачьим населением, вознаграждает те потери, которые государство несет в экономическом отношении – это такой вопрос, для решения которого требовались бы весьма сложные исследования; касаться его здесь было бы неуместным. Военное министерство, на которое возложено не одно лишь заведование казаками как частию военных сил государства, но также и управление всем населением известных областей, – должно считать своею задачей вести дело так, чтобы согласовать, сколько возможно, противуположные интересы военные и гражданские, то есть заботиться о наибольшем развитии и устройстве казачьего **войска** в боевом отношении, насколько эта цель совместима с гражданским благо-

состоянием и преуспеянием **народа**. Министерство не должно забывать, что казачьи территории — не военные лагери, но части государства, имеющие полное право пользоваться благами гражданского и экономического развития, наравне с другими частями Империи.

В этих видах предстояло приступить к целому ряду мер и преобразований по всем частям гражданского устройства с тою целью, чтобы применить по возможности к казачьим областям предпринимаемые общие государственные реформы; устранить все те устаревшие особенности казачьего быта, которые, не принося пользы в военном отношении, только задерживали гражданское преуспеяние и способствовали отчуждению казачьего населения.

Существовавшее законодательство относительно казачьих войск, основанное на Положении, составленном в 1835 году для Донского войска, совершенно устарело и не могло уже служить руководством на практике. Некоторые из казачьих войск вовсе не имели утвержденного Положения. Еще в 1859 году возникло в министерстве предположение о составлении для всех казачьих войск новых Положений; составление предварительных проектов было возложено на временные комитеты, образовавшиеся во всех войсках, под председательством атаманов их. Сроком представления проектов назначено было 1-е января 1862 года; но работы в комитетах подвигались туго; некоторые из них просили отсрочки. Притом работы эти, как и предвиделось, велись на совершенно различных основных началах. Поэтому в 1861 году министерством признано было необходимым преподать местным комитетам одну общую программу, в которой были бы установлены общие начала для всех Положений, насколько такое единообразие признавалось возможным и необходимым, с предоставлением комитетам применять эти основные начала к каждому войску, сообразно особенным местным условиям. Для составления этой программы образован был «временный комитет» при Управлении иррегулярных войск, под председательством нового начальника этого управления генерал-лейтенанта Карлгофа. Другой временный комитет образован был при том же управлении для определения главных оснований военного и гражданского устройства Кубанского казачьего войска, которое находилось тогда в положении исключительном: оно составилось из слияния двух разнородных войск – бывшего Черноморского с частию бывшего «Кавказского линейного». Образовавшееся новое войско – Кубанское получило

значительное приращение заселением обширного пространства за Кубанью, где в течение одного 1861 года водворено 11 новых станиц и сформирована новая бригада из двух новых полков. Водворенным на новых местах казакам, как уже сказано, предоставлены были, в виде приманки, исключительные права по поземельному владению, противуречившие основным началам казачества.

Некоторые из казачьих войск находились в то время в положении крайне неудовлетворительном; именно – Азовское и Новороссийское. То и другое, по малочисленности населения и по земельному стеснению, лишены были возможности получить и в будущем развитие и значение. Азовское войско, занимавшее в прежнее время низовья Дуная*, приучилось к службе на воде; а потому, с перемещением его на берега Азовского моря, несло крейсерскую службу, на легких баркасах, вдоль Кавказского берега. Предполагалось азовских казаков переселить на этот берег, равно как и Новороссийское войско, занимавшее весьма невыгодное расположение в южной части Бессарабии.

Войско Башкирское, в котором считалось до миллиона душ обоего пола, существовало почти только по имени[128]. Положением Комитета министров в 1855 году уже решено было постепенно обращать башкир в гражданское состояние; из числа 28 кантонов, на которые делилось войско, 19 были уже освобождены от военной службы, взамен которой население было обложено известным денежным сбором; остальные 9 кантонов пока отбывали еще казачью службу малыми командами; но имелось в виду вскоре упразднить окончательно все Башкирское войско**.

Из числа сделанных в 1861 году многих частных распоряжений по иррегулярным войскам заслуживают упоминания***: включение Тобольского конного полка, Тобольского пешего батальона и Томского городового полка в состав Сибирского казачьего войска и сравнение офицеров Кубанского и Терского войск в окладах жалования с офицерами армейской легкой кавалерии.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «еще до переселения своего в Турцию в 1829 году». *(Прим. публ.)*

** Далее в автографе зачеркнуто: «и передать население в ведение местного гражданского начальства». *(Прим. публ.)*

*** Далее в автографе зачеркнуто: «изъятие Астраханского казачьего войска из-под начальства астраханского военного губернатора». *(Прим. публ.)*

Б.

Военное управление. Рядом с предположенным изменением устройства наших вооруженных сил стоял другой, не менее капитальный вопрос — преобразование нашего военного управления.

Существовавшие у нас в то время управления войсковые и военно-административные не составляли стройной организации; между разными органами администрации и разными инстанциями власти не было правильной связи. Отсюда происходило излишество инстанций, многочисленность личного состава, усложнение отношений, размножение переписки. Не подлежало сомнению, что в тогдашнем устройстве военного управления можно было произвести многие упрощения и сокращения; но от этих сокращений нельзя было ожидать заметных сбережений в расходах. По моему мнению, пересмотр наших штатов управлений был необходим не в видах финансовых, а с целью упрощения административного механизма, приведения его в стройность посредством лучшего распределения органов и властей. Сокращения же, какие могли оказаться при этом в личном составе и в расходах, должны были послужить не в пользу Государственного казначейства, а к возможному повышению установленных с давних времен скудных окладов содержания служащих.

Главный и общий недостаток существовавшего у нас военного управления заключался в чрезмерной **централизации** его, уничтожавшей всякую самостоятельность административных органов, стеснявшей их мелочною опекой высших инстанций. Поэтому в основание предположенных преобразований была положена — возможная **децентрализация** всего военного управления посредством введения территориальной системы.

Предположение это заключалось в том, чтобы образовать **военные округа**, в которых главные начальники сосредоточивали бы в себе и высшее командование расположенными в округе войсками, и заведование местными органами военной администрации. Начальники эти, облеченные достаточно самостоятельною властию и правами, должны были служить непосредственными органами центральной власти для ближайшего на местах контроля за действиями местных хозяйственных учреждений. Предполагалось вместе с тем соединить в одном лице звания главного начальника военного округа и генерал-губер-

натора там, где существование этой последней власти признавалось нужным. В военное же время военно-окружная организация облегчила бы мобилизацию войск, доставила бы готовое устройство базиса и тыла действующей армии. Личный состав военно-окружных управлений послужил бы кадром для скорого сформирования полевых управлений армий.

Мысль о территориальной системе военного управления зародилась у меня еще за несколько лет ранее, именно в начале 1856 года и была изложена тогда в записке[129], составленной мною вследствие одного разговора с моим дядей графом Павлом Дмитриевичем Киселевым о военном положении России. Мысль эта постепенно развилась в продолжение моих работ по устройству военного управления на Кавказе, окончательно же выработалась в конце 1861-го и в последующие годы.

С образованием военно-окружного управления предположено было упразднить в мирное время не только существовавший главный штаб 1-й армии, но и деление войск на корпуса, в том соображении, что распределение войск на армии и корпуса, зависящее от обстоятельств военного времени, может без особых затруднений совершаться во время самой мобилизации войск. В мирное же время высшею единицей в группировке войск полагалась дивизия, причем имелось в виду предоставить начальнику дивизии несколько большие, чем прежде, права и значение.

Предположенное упразднение в мирное время корпусной организации вызвало впоследствии наиболее нападок на военно-окружную систему. Постоянному существованию армий и корпусов приписывалась та выгода, что избегалось формирование новых штабов при самом начале войны и что войска выступали в поход под начальством тех лиц, с которыми они уже свыклись и которые знали близко подчиненные им войска. Но выгода эта была более воображаемая, чем действительная. Опыт всех прежних войн показывал, что с самого начала мобилизации происходила значительная перетасовка начальствующих лиц; только немногие из командиров крупных частей оставались на своих местах; войска распределялись по стратегическим соображениям, так что редко целый корпус оставался в своем составе; случалось, что корпусный командир оставался с одним штабом своим без войск, в то время, как формировались временные отрядные штабы. Надобно притом заметить, что упразднение корпусов в мирное время было предложено

мною вовсе не потому, что корпусное деление признавалось несовместимым с военно-окружною системой, а единственно ввиду сокращения лишней инстанции и сбережения денежных средств, которые могли быть обращены на покрытие новых расходов по военно-окружным управлениям. Поэтому, если «корпусную» организацию противопоставляли «военно-окружной», то это было простым недоразумением. Восстановление корпусов в позднейшее время, без малейшего нарушения военно-окружной системы, было наглядным доказательством того, что корпусная организация вполне уживается с военно-окружным управлением и что существование в мирное время одной лишней **строевой** инстанции может возбуждать сомнение разве только со стороны экономии, нисколько не умаляя значения военно-окружной системы.

Вследствие подобного же недоразумения выставлялся впоследствии пример прусской «корпусной» организации как бы в противоположность предложенной у нас военно-окружной. Тут, очевидно, выказывалось неясное понимание прусской системы, которая не только не была противоположна нашей военно-окружной, но всего ближе служила ей образцом. Разница лишь в том, что у нас, по особым условиям географическим, деление на округа никак не могло совпадать с тактическим делением армии на корпуса. Мы не имели возможности, по прусскому образцу, распределить все наши войска равномерно по всей территории государства и каждую тактическую единицу приурочить к известному местному району. Большая часть нашей армии сосредоточена на западной окраине и на Кавказе. Обширнейшие пространства к северу и востоку остаются вовсе без полевых войск.

Надобно еще заметить, что существовавшие у нас корпуса имели неодинаковое значение: одни - были чисто единицами строевыми; из них три корпуса (1-й, 2-й и 3-й армейский) входили в состав 1-й армии, расположенной в Царстве Польском и в западной пограничной полосе; армия эта, во главе которой стоял наместник в Царстве Польском, сохраняла все органы **полевого** управления и служила как бы постоянною угрозой Европе. Прочие корпуса состояли в непосредственном ведении Военного министерства. На азиатских же наших окраинах: корпуса Кавказский (переименованный потом в армию), Оренбургский, Сибирский – имели совсем иное значение: это были военные управления **местные**; звание корпусного командира было присвоено местному

генерал-губернатору (на Кавказе — наместнику), как лицу, соединявшему в себе власть гражданскую и военную в крае. В управлениях этих корпусов заключались также все органы полевого управления армии. Следовательно, к значению этих корпусов всего ближе подходили те военные округа, которые предположено было образовать во всей Империи. Как западная наша полоса, так и азиатские окраины в сущности представляли уже то слияние власти в лице главного местного начальника, которое имелось в виду достигнуть в предположенном проекте.

Независимо от **строевого** деления полевых войск на корпуса существовали у нас и прежде **округа** специально по каждому из отдельных военных ведомств: были округа внутренней стражи, округа артиллерийские, инженерные, комиссариатские, провиантские, военно-учебных заведений. Но районы этих разных округов не совпадали, и потому каждая часть войск, расположенная в известном пункте, должна была, для удовлетворения своих материальных потребностей, обращаться в разные стороны: по части обмундирования туда, где находилась ближайшая комиссариатская комиссия; по части продовольствия – в провиантскую комиссию или к ближайшему обер-провиантмейстеру; по вооружению – в другой пункт, где находился артиллерийский арсенал и т.д. Можно представить себе, какие происходили от этого неудобства, проволочки и усложнения. Каждое из местных хозяйственных учреждений имело весьма ограниченный круг власти и должно было во всех мелочах обращаться за разрешением к соответствующему департаменту, права которого, в свою очередь, были весьма стеснены и в котором большая часть хозяйственных дел проходила чрез «общее присутствие» коллегиальным порядком. Кто помнит тогдашние порядки и кто имел сам случай испытать их на практике, тот не забыл, конечно, какие происходили тогда пререкания между строевыми начальниками и хозяйственными учреждениями, какие жалобы доходили до министерства от войскового начальства; какой был ропот в войсках, не говоря уже о крупных злоупотреблениях и воровстве. Можно представить себе, какие затруднения встретились бы в отношении мобилизации при тогдашнем разъединении местных органов военного управления; быстрая мобилизация была тогда совершенно невозможна. Приведение армии на военное положение требовало многих месяцев, несмотря на то, что войска содержались в

большем составе, несмотря и на существование корпусных штабов и главного штаба армии. Так, например, в 1859 году для приведения на военное положение четырех корпусов, т.е. для сбора каких-нибудь 67 тысяч отпускных нижних чинов потребовалось более пяти месяцев.

Военные округа были предложены именно для того, чтобы устранить испытанные уже в продолжение долгого времени огромные неудобства прежнего разъединения в местном военном управлении. Объединение было тем необходимее, что во всех европейских государствах, в подражание Пруссии, военные силы развивались в громадных размерах и везде принимались меры, чтобы иметь возможность в самое короткое время «мобилизовать» все войска, т.е. привести их на военное положение и сформировать армии там, где потребуется по соображениям политическим и стратегическим. При создании военных округов имелось в виду придать местному военному управлению достаточную степень самостоятельности, устранить излишнюю централизацию в министерстве, сохранив однако же связь территориальных отделов военно-окружного управления с соответствующими департаментами министерства, в той мере, сколько это необходимо для поддержания единства в направлении и общего контроля во всех войсках и частях Империи.

Само собою разумеется, что первое мое заявление о предположенном преобразовании всей организации нашего военного управления ограничивалось лишь указанием главных оснований военно-окружной системы. Только в случае Высочайшего одобрения этих начал могло быть приступлено к дальнейшему развитию предположения и к разработке проекта Положения.

Вместе с преобразованием местного военного управления имелись в виду и значительные перемены в организации министерства. Предполагалось соединить департаменты Комиссариатский с Провиантским в одно Главное управление «хозяйственное» или «интендантское»; департаменты Артиллерийский и Инженерный слить с соответствовавшими штабами генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектора инженерной части. От этих изменений ожидалось сокращение числа служащих лиц, упрощение делопроизводства и уменьшение переписки. Сокращение же личного состава министерства должно было доставить средства к улучшению содержания служащих.

Военно-судная часть[*] требовала коренной переработки. Источниками наших военно-уголовных законов были воинские артикулы Петра Великого, постановления XV-го тома Свода законов, замененные еще в 1845 году по гражданскому ведомству «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных», наконец, «Полевое уголовное уложение» 1812 года, почти буквально переведенное с французского кодекса того времени. Все эти узаконения, внесенные в Военный Свод без согласования одного с другим, дополненные или измененные отдельными постановлениями, выходившими в разное время и по частным случаям, — представляли ряд противуречий, неопределительность и неполноту, так что участь подсудимых предоставлялась в сущности произволу конфирмовавших дела начальников. Не менее было несовершенно военное судопроизводство и судоустройство. Военные суды не имели никакой самостоятельности; приговоры их получали силу только по утверждении начальником или Генерал-аудиториатом, имевшим право увеличивать или уменьшать положенное судом наказание на основании исключительно письменного производства дела, не видев в глаза ни подсудимого, ни свидетелей. Притом «полевой» суд был установлен совершенно на иных началах, чем обыкновенный военный суд мирного времени. Военно-судные комиссии составлялись из офицеров, временно командируемых из войск и вовсе несведущих в судебном деле, а потому все производство и решение дел зависело от аудиторов — людей необразованных, большею частию из выслужившихся писарей.

Еще в 1837 году предполагалось приступить к пересмотру военно-уголовного устава; но только в 1856 году работа эта была возложена на сенатора И.Х. Капгера, при содействии генерал-аудитора действительного статского советника В.Д. Философова и некоторых других лиц. К 1861 году, как уже было упомянуто, составлен был проект нового «Устава о воинских преступлениях и наказаниях»; труд этот, по Высочайшему повелению, поступил на рассмотрение особого комитета при II-м отделении Собственной Е.В. Канцелярии. Дело это затянулось в ожидании затребованных от разных ведомств сведений и заключений.

---

[*] Далее в автографе зачеркнуто: «столь важная по своему влиянию на нравственное состояние войск». *(Прим. публ.)*

При составлении означенного проекта введены были некоторые существенные изменения в системе наказаний. Шпицрутены вовсе отменялись; телесные наказания розгами полагалось оставить временно, пока не устроены тюрьмы, и то исключительно для нижних чинов второго разряда, то есть таких, которые уже неоднократно подвергались исправительным взысканиям. Зато полагалось в более важных случаях, требующих строгого взыскания, подвергать виновных и в мирное время суду по полевым уголовным законам, то есть назначать положенные для военного времени наказания, не исключая и смертной казни.

Предстояло еще приступить к двум другим работам: 1) преобразованию военного судопроизводства и судоустройства и 2) преобразованию военно-арестантских рот.

В первой из этих работ полагалось сообразоваться с теми основными началами, на которых разрабатывался проект общего уголовного судопроизводства и судоустройства в государстве. В ожидании результата трудов особого по этому предмету комитета при Государственном Совете в предположениях Военного министерства заявлены были предварительно следующие основания: 1) учредить в центральных пунктах расположения войск **постоянные** военно-судные комиссии; в случае введения территориальной системы военного управления полагалось избрать для означенных военных судов те же пункты, где учредятся военно-окружные управления; 2) для наблюдения за правильностию производства дел учредить при судах особых прокуроров; 3) военным судам предоставить полную самостоятельность, изъяв приговоры их от влияния воинских начальников; ревизии Генерал-аудиториата подвергать судебные решения лишь в кассационном порядке; 4) для ограждения участи подсудимых предоставить им право заявлять свои оправдания пред судом, лично или чрез защитников и 5) сократить по возможности письменное производство следствий, заменив его гласным и публичным производством в присутствии суда.

Таковы были первоначальные предположения относительно преобразования военно-судной части. Хотя впоследствии этому делу дана была несколько иная постановка в связи с общим преобразованием судебной части, однако ж в приведенных пяти пунктах уже заключался зародыш, и можно сказать, вся сущность того преобразования, которое осуществилось несколько лет позже.

Что касается военно-арестантских рот, то преобразование их было делом неотложным. Учреждения эти, состоявшие тогда в инженерном ведомстве (потому только, что арестанты были употребляемы на работы в крепостях), не способствовали исправлению преступников, а служили школою разврата. Предполагалось обратить эти роты в «военно-исправительные» на следующих основных началах: 1) изъять их из ведения инженерного начальства; 2) за проступки арестантов, взамен телесных наказаний, ввести одиночное заключение; 3) дать заключенным средства к умственному образованию; 4) ввести обязательные мастеровые работы взамен крепостных работ вне острога и с назначением небольшой урочной платы в виде поощрения к труду. Имелось также в виду устройство военных тюрем для кратковременного заключения виновных в проступках, не влекущих за собою более строгих наказаний. Только с устройством этих тюрем армия наша могла окончательно освободиться от телесных наказаний, и только с окончательною отменой этих унизительных наказаний возможно было поднять воинский дух и нравственное достоинство солдат.

Наконец, весьма существенным условием успеха предпринятых преобразований по военно-судебной части было — улучшение личного состава этого ведомства. Уже с 1857 года прекращено было производство писарей в аудиторы; к 1861 году более половины всего числа аудиторов (364 из 673-х) состояло из чиновников, получивших образование в средних учебных заведениях, и воспитанников Аудиторского училища, получившего в этом же году новое положение и штат. Но заведение это, и по преобразовании его, все еще не было поставлено на ту высоту, которая соответствовала бы требованиям от будущих деятелей военно-судебного ведомства в случае осуществления предположенных преобразований. Окончательное решение вопроса о способах комплектования этого ведомства на будущее время лицами специально подготовленными зависело от того служебного положения и той материальной обстановки, которые могли быть предоставлены этим лицам при будущем устройстве военного суда.

Точно также и вопрос о подготовлении военных чинов к занятию должностей в составе будущих военных судов оставался пока еще недостаточно выясненным; но высказывалась уже мысль о необходимости введения специального курса военно-уголовного права в Академии Генерального Штаба.

В.

Комиссариатская и провиантская части. Довольствие войск вещевое, провиантское и денежное составляет самую крупную часть военных расходов. Из общей цифры военного бюджета на 1861 год в 115 миллионов приходилось на означенные два департамента более 87 миллионов (45 миллионов на Комиссариатский и 42 миллиона на Провиантский), то есть почти 76%. Поэтому в хозяйстве Военного министерства важнее всего хорошее устройство этих двух отделов управления, ограждающее интересы казны и войска от непроизводительной траты и беззаконного расхищения отпускаемых громадных сумм.

К сожалению, именно эти два ведомства и застал я в самом неудовлетворительном состоянии. Комиссариатский и Провиантский департаменты более всех других требовали полной переработки, чтобы сколько-нибудь поправить заслуженную или невыгодную репутацию. Гнездившиеся в них с давних времен злоупотребления и хищения проистекали не только из низкого нравственного уровня личного состава этих ведомств, но из самих законоположений. При громадном личном составе служащие получали ничтожное содержание, едва достаточное на дневное пропитание, а между тем чрез руки этих лиц проходили миллионы казенных денег. Весь порядок военного хозяйства был построен на таких основаниях, что действительная практика расходилась с законом; во всех инстанциях, сверху донизу, главною заботой служащих было – облечь действительность в узаконенные формы, соблюсти внешнюю формальность.

Так, размеры разных видов довольствия войск определялись устаревшими Положениями и табелями (1809 и даже 1802 годов) и потому уже не соответствовали действительным нуждам войск, ни требованиям самого начальства. Недостаточные отпуски на иные надобности должны были по необходимости покрываться из «экономии» по другим статьям, а потому командир каждой части поставлен был в необходимость изворачиваться, как умел, и действительные обороты полкового хозяйства не могли соответствовать законным нормам. Если некоторые из командиров обращали сполна всю получаемую «экономию» на надобности полка, на улучшение довольствия солдата, то, наоборот, весьма многие (если не большинство) смотрели на все сбережения как на статью личного своего дохода. Притом каждый командир должен был заботиться об обеспечении сдачи полка своему преемнику. Сдача и

прием части были делом торга, выгодным или разорительным для той и другой стороны. Высшие начальники должны были потворствовать хозяйничанию полковых командиров, требуя иногда от них того, на что отпусков от казны не полагалось. Многие такие неправильности в хозяйстве вызывались непомерным требованием внешней щеголеватости на смотрах. Само министерство, так сказать, узаконяло негласные обороты в полковом хозяйстве, предоставляя командирам покрывать из «экономии» расходы, не предусмотренные Положениями и табелями. Таковы были, например, надбавки, делавшиеся заведомо при назначении цен на фураж, составлявший в кавалерии самую крупную статью дохода не только полкового командира, но и дивизионеров и эскадронных командиров.

Еще в 1857 году, по инициативе генерал-адъютанта графа Ридигера, родилась мысль об изменении существовавшего патриархального порядка полкового хозяйства, и тогда введены были в гвардейских полках «хозяйственные комитеты», на которые возложены были все распоряжения и ответственность, лежавшие прежде единолично на полковом командире. В виде возмещения прежних «доходов от полка» командирам назначено было добавочное содержание. Четырехлетний опыт этих комитетов в гвардии показал однако же, что одною этою мерой не может достигаться вполне предположенная цель, пока не определены точным образом самые потребности войск и соответственно им отпуски от казны. Необходимо было приступить к общему пересмотру всех табелей и Положений о довольствии войск, — и вот та обширная работа, которая была возложена на комитет генерала Лауница. В состав этого комитета назначены были генералы и офицеры, вызванные из разных частей войск и близко знакомые с полковым хозяйством. Хотя работы комитета относились только к армейским войскам, однако ж имелось в виду впоследствии заняться применением выработанных комитетом Положений к частям гвардии.

Комитет Лауница положил в основание своих работ следующие главные цели: 1) привести все табели к возможному единству, с отменою всех излишеств, но с введением всех без исключения действительных потребностей каждой части войск; 2) избавить войска от всяких коммерческих оборотов установлением большею частию отпусков натурою и 3) полковому хозяйственному управлению дать такую организацию, которая устранила бы произвол в расходовании отпускаемых от казны средств и с

тем, чтобы все могущие оказаться сбережения показывались гласно к зачету.

Приведение в должный порядок внутреннего хозяйства в частях войск должно было служить основанием к водворению лучшего порядка и в хозяйственных управлениях министерства. Я уже имел случай высказать, в каком расстройстве нашел я, при своем вступлении в управление министерством, Комиссариатский департамент и какие меры были мною приняты на первый раз. Комиссия, назначенная с Высочайшего разрешения (19-го июля), под председательством тайного советника И.Д. Якобсона, нашла, что довольствие войск по сроку 1861 года не было еще окончено и к началу 1862 года; склады были загружены вещами негодными, частию вышедшими из употребления; значительная часть заподряженных вещей не поставлялась к контрактным срокам; заготовительные цены в последние годы поднялись, а качество вещей не улучшилось; в заготовлении некоторых предметов (как-то кожаных, холстов) ежегодно встречались затруднения на торгах; подрядчики оказывались неисправными, и потому накопилась масса дел по взысканию долгов, достигших до 1280000 рублей. Приходилось требовать от Министерства финансов значительные суммы авансом на заготовление вещей на счет неисправных поставщиков. Вместе с тем чрезмерно расширились так называемые «хозяйственные» заготовления предметов довольствия, то есть не с торгов, а чрез чиновников, на комиссионерском или коммерческом основании.

По части провиантской хотя и не было такого же расстройства, как по комиссариатской, однако ж возникало сомнение на счет введенной с 1857-го года, по инициативе генерал-провиантмейстера, статс-секретаря Булгакова, так называемой «дворянской поставки», то есть заготовления провианта чрез посредство помещиков. Предстояло решить вопрос о том, может ли продолжаться этот порядок и после отмены крепостного права? На основании данных, собранных в 1861 году особою комиссией, Военный Совет нашел, что пятилетний опыт не оправдал предположения о выгодах прямой поставки провианта помещиками как главными производителями; оказалось, что из числа 14 миллионов четвертей, заготовленных во весь этот период, только 3 миллиона были поставлены помещиками; да и то некоторые из последних, как положительно известно, сами покупали хлеб на базарах или передавали поставку промышленникам с барышом. Поэтому Военный Совет постановил на будущее время за-

готовление провианта производить с торгов на законном основании, а дворянскую поставку отменить. Постановление это получило Высочайшее утверждение 5-го ноября 1861 года.

Вообще Военное министерство как весьма крупный потребитель известных предметов внутреннего производства должно иметь в виду прежде всего общие интересы государства, а не поощрение того или другого разряда производителей. Если действительно выгоднее для казны при заготовлении предметов фабричного или заводского производства иметь дело непосредственно с производителями, то есть с фабрикантами и заводчиками, то наоборот, для заготовления в огромных количествах хлеба или крестьянских холстов, составляющих предмет народного хозяйства, министерству невозможно обойтиться без посредничества торгового люда. Поэтому в программе деятельности Военного министерства по части комиссариатской и провиантской поставлены были следующие две главные задачи:

1) Восстановить доверие к министерству в промышленном и торговом классе, поколебленное в последнее время нерациональными порядками и способами заготовлений; привлечь к участию в торгах на казенные поставки благонадежных коммерческих деятелей и крупных фабрикантов устранением всего, что отталкивало честного производителя или торговца от поставок, а именно — злоупотреблений, прижимок и проволочек при приеме поставляемых предметов и при расчетах с контрагентами. В этих видах полагалось точнее установить образцы, условия и самый порядок приемки, оградив сдатчика от единоличного произвола приемщика.

2) Принять меры, чтобы не только текущее довольствие войск производилось своевременно, чтобы образовались постепенно полные запасы вещей и провианта сообразно дислокации войск в мирное время и требованиям стратегическим на случай войны. В особенности было важно пополнить сколь можно в кратчайший срок «неприкосновенный» запас вещей в соразмерности с числом людей, призываемых на пополнение войск до военного состава.

Разрешением этих двух задач были бы достигнуты важные цели: с одной стороны, облегчились бы заготовления, устранилось бы возвышение цен, открылась бы возможность постепенно улучшать самые образцы вещей, прекратились бы или уменьшились так называемые «хозяйственные» заготовления чрез чиновников; с другой стороны, ускорилась бы мобилизация армии.

В числе предметов комиссариатских заготовлений обращалось особенное внимание на сукна. В программе предполагавшихся преобразований указывалось на ненормальность существовавшего с давних времен порядка заготовления армейского сукна чрез Министерство финансов, которое, считая своею обязанностию покровительствовать промышленности, приняло особые меры к поддержанию известного числа фабрик, специально занимавшихся выделкою дешевого и грубого армейского сукна, не имевшего другого сбыта, кроме армии. Министерство финансов ежегодно производило «разверстку» между означенными фабрикантами того количества сукна, которое требовалось к поставке. Такой порядок отжил свое время: сукно поставлялось по образцам, установленным с прошлого столетия, и несмотря на крайне низкое качество, фабриканты уже не соглашались ставить по прежним низким ценам. Сукно было так грубо, что для обмундирования гвардейских войск заготовлялось особого сорта сукно – «гвардейское», которое выделывалось в прежнее время на казенной Павловской фабрике (под Москвой), закрытой в 1858 году. Военное министерство считало необходимым изменить как образец армейских сукон, так и порядок заготовления их, с передачею всей этой операции из Министерства финансов в Военное.

Самое устройство управлений комиссариатского и провиантского, по моему мнению, требовало значительных изменений. Главнейший недостаток существовавшего устройства заключался в чрезмерной централизации и отсутствии фактического контроля на местах. При этом общем обоим ведомствам недостатке каждое из них имело особую своеобразную организацию.

В провиантском ведомстве существовали два различные положения: одно — для окраин: западной, т.е. района 1-й армии, Кавказа, Оренбургского края, Сибири; другое — для внутреннего района. В первых — сохранились «провиантские комиссии» на положении «полевых» учреждений, действовавшие самостоятельно в ведении местного военного начальства; во внутренних же губерниях Европейской России учреждены были с 1858-го года «обер-провиантмейстеры» (в 39 губерниях), зависевшие непосредственно от Провиантского департамента, который, разумеется, не имел возможности контролировать своих чиновников. Впрочем, все крупные заготовления производились непосредственно департаментом.

В комиссариатском же ведомстве сохранены были прежние «комиссариатские комиссии» с их старинными коллегиальными

формами и с весьма ограниченными правами. Здесь централизация доведена была до крайних пределов: департамент руководил всеми распоряжениями комиссий по денежному и вещевому довольствию войск и госпиталей на всем пространстве Империи. Самые отдаленные комиссии, Кавказская и Сибирская, в противности организации других отраслей военного управления, были изъяты из подчинения главному начальнику края и управлялись из Петербурга.

В организации комиссариатской части замечался еще тот существенный недостаток, что на одном и том же учреждении лежали и заготовление вещей, и приемка их, и хранение, и отпуск в войска. Такое слияние распорядительных, исполнительных и контрольных обязанностей не могло не иметь вредного влияния на ход администрации и, разумеется, подавало повод к многочисленным злоупотреблениям. Неудобство это в особенности высказывалось на госпиталях, которые во всех отношениях были подчинены комиссариатским комиссиям, от которых получали свое довольствие.

Таким образом, в комиссариатском и провиантском ведомствах всего настоятельнее требовалось применение основных начал военно-окружной системы. В программе предположенной реформы по этим ведомствам указывались следующие главные меры:

1) Госпитальные учреждения вовсе изъять из ведения комиссариатского управления, за которым оставить лишь снабжение этих учреждений вещами, наравне с довольствием войск.

2) Слить комиссариатскую часть с провиантскою в одно ведомство «интендантское» в видах сокращения личного состава и объединения распоряжений по довольствию войск.

3) Распорядительную часть отделить от исполнительной, возложив приемку вещей от поставщиков на особые «приемные» комиссии, а хранение — на особых смотрителей вещевых складов и провиантских магазинов и оставив за управлениями надзор и контроль. Означенные приемные комиссии образовать из чиновников интендантства и строевых офицеров, командируемых от войск в качестве представителей их интересов.

Таковы были основания, на которых предлагалось устроить в составе министерства, – взамен существовавших двух департаментов, одно главное управление: «Хозяйственное» или «Интендантское», а в военных округах – «интендантский» отдел военно-окружного управления.

Военно-врачебная часть (госпитальная и медицинская). Военные госпитали, состоявшие, как уже сказано, в полном ведении комиссариатских комиссий, представляли большие недостатки во внутреннем их управлении и хозяйстве. Еще моим предместником учреждена была особая комиссия для составления нового госпитального устава, под председательством члена Военного Совета генерал-лейтенанта Вольфа – старого моего сослуживца по Генеральному Штабу и по Кавказу. Комиссия эта поставила себе целью – ввести в госпитальное хозяйство более строгий контроль и улучшить содержание больных. Заявленное мною предположение об изъятии госпиталей из ведения комиссариата требовало новых соображений относительно установления над ними особого начальства в прямом подчинении военно-окружному управлению.

После Крымской войны дислокация войск значительно изменилась; квартирный район армии раздвинулся во внутренние и восточные губернии, а потому места госпиталей и распределение последних по классам (по числу штатных кроватей) уже не соответствовали расположению войск. Во многих госпиталях оставались постоянно незанятые места, тогда как полковые лазареты оказывались недостаточными и приходилось помещать больных военного ведомства в так называемые «земские» больницы, весьма плохие и с высокою платой, превышавшею даже стоимость содержания больного в военных госпиталях. В этих последних содержание больного обходилось более 42 копеек в день, тогда как на полковые лазареты отпускались средства крайне скудные, так что приходилось на больного не свыше 8 или 9 копеек. Такое невыгодное для казны распределение врачебных средств предполагалось устранить следующими мерами: 1) изменить распределение госпиталей и штатное число кроватей сообразно действительной потребности войск*; 2) усилить денежные средства, отпускаемые войскам на содержание лазаретов, и 3) избегать помещения больных военного ведомства в гражданские больницы. Лазаретам при частях войск давалось решительное предпочтение пред госпиталями, которые полагалось иметь преимущественно в пунктах значительного сосредоточения войск как центральные учреждения, служащие в мирное время средством

* В автографе зачеркнуто авторское примечание к данному пункту: «При этом имелось в виду сократить число мест и в петербургских госпиталях (1-м и 2-м военно-сухопутных) в том соображении, что кроме этих госпиталей в Петербурге существовали еще на особом положении госпитали при некоторых из гвардейских полков». *(Прим. публ.)*

для поддержания и развития научного медицинского образования, а в случае войны — кадром личного состава и материальных запасов для формирования военно-временных госпитальных учреждений.

Относительно помощи больным и раненым в военное время разработка Положения входила в программу генерала Вольфа. На него же возложено было и решение вопроса о санитарных командах, необходимых в военное время при войсках, особенно на поле сражения для переноски раненых и подания им первой помощи. В этом отношении первый пример подан был Австриею. Кроме разработки Положений, необходимо было устроить склады запасов комиссариатских и медицинских для военно-временных госпитальных учреждений, а также изыскать средства к пополнению требуемого в военное время значительного числа врачей-хирургов и фельдшеров.

В мирное время средства наши для пополнения личного состава военно-медицинского ведомства заключались в казеннокоштных воспитанниках Медико-хирургической академии (300 штатных учеников) и в казенных стипендиатах в медицинских факультетах университетов (до 100 человек). Медико-хирургическую академию предположено было преобразовать по мысли президента ее тайного советника П.А. Дубовицкого: взамен интерната на 300 казеннокоштных учеников открыть аудитории академии для неограниченного числа приходящих слушателей, на одинаковых основаниях с университетскими факультетами и с учреждением 50 казенных стипендий. Предположение это Высочайше утверждено 31-го августа 1861 года*. Возбужден был даже вопрос о передаче Медико-хирургической академии в ведение Министерства народного просвещения; но конференция академическая, на обсуждение которой этот вопрос был предложен, признала положительно необходимым удержать академию в военном ведомстве, как по тесной связи ее с 2-м военно-сухопутным госпиталем, так и по специальному направлению образования врачей для военного ведомства. В этом последнем отношении имелось в виду дать в академии большее развитие и специальный характер некоторым предметам преподавания (военной гигиене, хирургии, патологии и терапии болезней, наиболее свойственных солдатскому быту, и проч.). Обветшалое здание 2-го военно-

* Самое Положение и штат академии Высочайше утверждены только 24-го апреля 1862 года.

сухопутного госпиталя необходимо было перестроить заново, с приспособлением его к клиническому преподаванию. В то же время предстояло приступить к постройке специальной клинической больницы баронета Вилье на завещанный им капитал.

С усилением средств Медико-хирургической академии и числа ее слушателей можно было надеяться, что комплектование военно-медицинского состава по штатам мирного времени будет обеспечено. Но в военное время потребность в усилении врачебного персонала так велика, что необходимо было изыскать особые средства для удовлетворения этой важной потребности армии. Поэтому в программе предположенных по военному ведомству многочисленных мероприятий уже была заявлена мысль об образовании «резерва» врачей.

Артиллерийская часть. Опыт Крымской войны наглядно показал нам, до какой степени превосходство в оружии дает перевес той армии, которая успела в этом отношении опередить своего противника. Мы могли убедиться в необходимости самых деятельных и неотлагательных мер для приведения вооружения нашей пехоты и артиллерии в уровень с его современным состоянием в Западной Европе.

К сожалению, при громадной численности наших войск и ограниченности наших средств, финансовых и технических, нам было крайне трудно поспевать за быстрым развитием артиллерийской и ружейной техники в Европе и Северной Америке. Несмотря на все усердие и знание дела наших артиллеристов, мы значительно отстали от других государств. Вот в каком жалком положении было тогда наше вооружение.

Вооружение пехоты. С 1857 года у нас вводились 6-ти линейные нарезные винтовки (взамен прежних 7-ми линейных); но по 1861 год имелось этого оружия только 260 тысяч экземпляров; ими вооружены были все стрелковые части, линейные роты пехотных полков 1-го, 2-го, 3-го и 5-го армейских корпусов и батальоны 2-й, 3-й и 5-й резервных дивизий; прочие же войска оставались при старом оружии, оказавшемся в Крымскую войну весьма плохим. Оружейные наши заводы могли ежегодно изготовлять не более 100 тысяч ружей, так что перевооружение всех наших войск едва могло быть окончено в 1865 году. Только с 1861 года положено было впредь изготовлять ружья со стальными стволами и железные шомпола заменить стальными. А

между тем прусская армия была уже вооружена игольчатыми ружьями; в других армиях также поднят был вопрос о введении ружей, заряжающихся с казенной части. Таким образом, нам угрожала опасность опять отстать от остальной Европы.

Полевая артиллерия находилась также в переходном состоянии. Только что начато было перевооружение легких батарей 4-х фунтовыми нарезными медными орудиями. К концу 1861 года отпущено было в батареи только 96 таких орудий*; полагалось все действующие легкие батареи перевооружить в течение 1862 года. Относительно же батарейных батарей тогда не было еще решено, какими орудиями будут они снабжены; делались только опыты нарезки прежних 12-ти фунтовых пушек. При тогдашних технических средствах наших заводов и арсеналов и при ограниченном размере ежегодно отпускаемых сумм не было возможности в короткий срок изготовить все количество нарезных орудий, потребных для вооружения нашей полевой артиллерии с надлежащим запасом.

Крепостная артиллерия находилась в положении еще более неудовлетворительном. Как сухопутные, так и приморские наши крепости были вооружены прежними гладкостенными орудиями на деревянных, большею частию подгнивших лафетах и платформах. Требовались громадные усилия и денежные средства, чтобы поставить вооружение наших крепостей в уровень с современными требованиями. На первый раз только приступлено было в Петербургском арсенале к нарезке некоторого числа имевшихся 12-ти и 24-х фунтовых пушек, медных и чугунных, для прибалтийских крепостей. Для крепостей же Западного и Южного округов предполагалось производить эту работу в Новогеоргиевске, Брест-Литовске и Херсоне; но пока еще только ожидалась доставка в эти пункты нарезательных станков. В Петербургском и Брянском арсеналах изготовлялись и новые орудия тех же калибров, но с некоторыми изменениями в чертеже, так как нарезаемые прежние гладкостенные орудия выдерживали стрельбу только при слабом заряде. Вообще орудия медные и чугунные означенных калибров были очевидно недостаточны, чтобы действовать с успехом против броненосного фло-

* 7-го июля Высочайше повелено дать новые орудия 9 батареям: по одной в трех гвардейских бригадах и в шести армейских. Батареям этим присвоено было название: «нарезных легких».

та; предвиделась уже необходимость перехода к большим калибрам и к стальным орудиям. Но тогда сталелитейное дело еще не было у нас в ходу; попытки горного инженера Обухова установить это производство в основанном им на Урале «Князе-Михайловском» заводе не имели успеха; задумано было устройство другого сталелитейного завода в Петербурге (за Шлиссельбургской заставой). По Высочайшему повелению образован был особый комитет из артиллеристов и моряков, под председательством бывшего министра народного просвещения графа Путятина, для изыскания средств к развитию у нас сталелитейного дела и для снабжения стальными орудиями артиллерии сухопутной и морской. Но какие бы ни были придуманы для того меры, во всяком случае практического результата на этом пути можно было ожидать только в отдаленном будущем; а между тем оставлять наши крепости при тогдашнем вооружении их – было невозможно. Предположенное изготовление 670 нарезных пушек (частию новых, частию старых — нарезанных) составляло лишь весьма малую долю общей цифры 12130 орудий, находившихся тогда на вооружении крепостей. А между тем действительное обеспечение наших крепостей требовало еще гораздо большего числа орудий. Для точного определения этого числа образована была особая смешанная комиссия из артиллеристов и инженеров под председательством генерал-адъютанта Тотлебена. Комиссия эта приступила к систематическому обозрению всех крепостей, чтобы для каждой из них составить проект нормального и переходного вооружения. Задача эта требовала многолетней работы.

Осадную артиллерию предполагалось снабдить теми же нарезными орудиями 12-ти и 24-х фунтовыми после уже снабжения ими крепостей.

Лафеты и станки для всех орудий предполагалось вводить железные; но к исполнению не было еще приступлено; даже не были еще утверждены чертежи новых лафетов.

Обоз артиллерийский и **парки** также оставались еще в прежнем обветшалом состоянии; не были еще решены ни образцы повозок, ни самый состав парков, ни количество содержащихся в них зарядов. Не было сомнения лишь в том, что существовавшие парки были совершенно недостаточны для удовлетворения потребности современной войны и ввиду предполагавшегося развития наших вооруженных сил.

Точно также установленная норма для хранения в артиллерийских складах **запасов** пороха, селитры, серы, свинца* - по всем соображениям должна была возвыситься; но в каком именно размере — определить было еще невозможно при тогдашнем переходном положении всего вооружения.

Артиллерийские **технические заведения** ожидали коренного преобразования вследствие отмены обязательной работы приписанных к ним поселений и нижних чинов; предстояло тех и других заменить вольнонаемными рабочими; вместе с тем освободить заводское управление от заведования приписанными к заводам недвижными имуществами, равно как от хранения остававшихся при заводах запасов материалов и готовых изделий, с устройством особых артиллерийских складов. Предполагалось расширить производительность заводов, улучшить техническую часть снабжением новыми усовершенствованными станками и машинами; прием заводских изделий возложить на особые приемные комиссии... и т.д. Для уменьшения же новых ассигнований на покрытие всех предстоявших расходов положено было приостановить начатое устройство в больших размерах ракетного заведения в Николаеве, по проекту известного нашего специалиста по части ракет генерала Константинова**. Командированные за границу офицеры собирали сведения об устройстве управления и работ в иностранных технических заведениях артиллерийского ведомства.

Таким образом, артиллерийская часть у нас находилась в это время во всех отношениях в переходном состоянии, и чтобы привести ее сколько-нибудь в удовлетворительное положение, нужны были многие годы настойчивых усилий и весьма крупные денежные средства. Размер предстоявших огромных расходов в то время трудно было определить даже приблизительно, тем более, что самое развитие военной техники не останавливалось; с каждым годом возникали новые требования и новые расходы. При тогдашнем неблагоприятном положении наших финансов нельзя было рассчитывать, чтобы потребные громадные суммы были отпущены сразу или в короткий срок;

---

* В автографе зачеркнуто авторское примечание: «Имевшиеся тогда наличные запасы почти соответствовали существовавшей норме, количество некоторых предметов даже превышало норму». *(Прим. публ.)*

** Заказанные для этого завода за границей станки и машины только что доставлялись в Николаев в 1861 году.

необходимо было рассрочивать расходы на продолжительный период времени; а потому наше Военное министерство лишено было возможности принять на себя ответственность за скорое приведение артиллерийской части в уровень с ее состоянием в других государствах европейских.

Относительно **управления** артиллерийскою частию предполагались значительные перемены, как в центральном, так и в местном. Вопрос о слиянии департамента Артиллерийского со штабом генерал-фельдцейхмейстера возбужден был самим Государем еще в 1858 году; но учрежденная в то время по Высочайшему повелению особая комиссия для составления проекта означенного слияния встретила в своей работе многие затруднения, в сущности потому только, что генерал-фельдцейхмейстеру приходилось отречься от некоторой доли своей самостоятельности и независимого положения относительно военного министра. Дело было крайне щекотливое; я должен был вести его весьма осторожно, дабы не восстановить против себя обоих Великих Князей (Николая и Михаила Николаевичей), так как вопрос равно касался и части инженерной.

Затем предстояло разработать и новую организацию местных артиллерийских управлений в связи с предположенною общею военно-окружною системой. Не предрешая подробностей будущей организации, я ограничился заявлением своего мнения о возможности упразднения некоторых из существовавших инстанций, а следовательно, упрощения хода дел и отчасти сокращения расходов.

Инженерная часть. Число укрепленных пунктов на европейской нашей границе было незначительно, сравнительно с другими европейскими государствами. На всем протяжении от Финляндии до Азовского моря мы имели всего 16 крепостей, в том числе 7 приморских и 9 сухопутных.

Приморские крепости были: на Балтийском побережье – Кронштадт, Выборг, Свеаборг, Ревель и Динамюнде; на Черноморском – Керчь и Николаев. Стратегическое значение этих пунктов было обсуждаемо в последнее время особым комитетом под председательством генерал-адмирала Великого Князя Константина Николаевича. В дополнение к существовавшим укрепленным пунктам комитетом предложено было вновь укрепить вход в Днепровский лиман.

Из сухопутных крепостей пять находились в Царстве Польском: Новогеоргиевск, Александровская цитадель в Варшаве, Ивангород, Замостье и Брест-Литовск; одна – на южной границе – Бендеры, три во второй линии – Динабург, Бобруйск и Киев. Крепости эти сооружались в разное время и на основании разновременных стратегических соображений. Так, укрепленные пункты в Царстве Польском были определены преимущественно под влиянием польской революции 1830 года, когда наше правительство смотрело на Царство Польское как на передовой бастион, выдвинутый клином в центр Европы и когда главною заботою было — стать твердою ногой на этой угрожающей позиции. При этом, по-видимому, не принималась в соображение возможность нового вражеского нашествия на Россию в случае коалиции континентальных держав против нас. В подобном случае положение выдвинутых вперед крепостей Царства Польского представило бы значительные невыгоды: крепости эти, поглощая для своей обороны значительную часть войск, настолько же ослабляли наши действующие силы; между тем передовая наша армия на Висле может быть обойдена с обоих флангов превосходными силами коалиции, не встречающими ни одного укрепленного пункта до Западной Двины и Днепра.

Соображение это, естественно, наводило на мысль о необходимости дополнения нашей системы обороны возведением некоторых новых укрепленных пунктов, как между прусскою границей и Двиной, так и на юге, между австрийскою границей и Днепром, то есть осуществлением тех предположений, которые входили в планы, начертанные еще в царствование Императора Николая I, и остались без исполнения*. Но прежде, чем приступить к новым фортификационным сооружениям (на которые не было у нас денежных средств), главною заботой нашей было – довершить и усовершенствовать существовавшие крепости. Несмотря на затраченные уже на постройку их громадные суммы, ни одна из них не могла считаться законченною; а некоторые были совсем не в состоянии обороняться**.

Признанный авторитетом в инженерном деле генерал-адъютант Тотлебен заявлял, что в отношении фортификационном наши крепости не уступали иностранным и даже имели пред ними не-

---

* В план обороны тридцатых годов входили укрепления: одно - около Луцка, другое - в Жванце, близ Хотина. О мерах обороны на севере менее заботились, полагаясь безусловно на вечную дружбу Пруссии.

** Суммы, постепенно отпускавшиеся на инженерные постройки означенных крепостей с 1807 года по 1861-й, исчислялись в 100 миллионов рублей.

которые преимущества; он находил, что виденные им приморские сооружения в Шербурге и Тулоне далеко уступали кронштадтским и свеаборгским, а важнейшие сухопутные крепости за границей не имели таких обширных казематированных помещений, как наши, и притом почти все представляли то важное неудобство, что заключали в себе обширные многолюдные города, тогда как наши крепости (за исключением Киева) были чисто военными пунктами. Однако ж сам же генерал Тотлебен не мог не признавать тогдашнего беззащитного состояния всех наших крепостей, независимо от слабости артиллерийского их вооружения. Наглядным доказательством тому служат производившиеся в позднейшее время обширные работы в тех же крепостях и под главным руководством того же генерала Тотлебена.

Из поименованных приморских пунктов балтийского побережья наиболее в готовности к обороне были Кронштадт и Свеаборг; но и в этих пунктах предстояли еще работы на многие годы; к укреплениям Выборга и подступов к нему (в Транзунде) только что приступали; Ревель совсем нельзя было считать крепостью, и возникло даже предположение исключить этот пункт из числа укрепленных.

Из черноморских пунктов только в Керчи фортификационные сооружения надлежащего вооружения могли оказать сопротивление прорыву неприятельского флота в Азовское море; но и в этом пункте предстояло еще много работ для выполнения утвержденного проекта. В Николаеве же сооружения, начатые еще во время Крымской войны, были весьма незначительны, а к укреплению самого устья Днепра не было еще приступлено.

Из сухопутных крепостей некоторые были лишены всякого значения: Бобруйск по своему изолированному положению среди Полесья мог разве только служить складочным пунктом для отступающей армии; Замостье, лежавшее уединенно в стороне от главных операционных линий, было старою крепостцой, в которой обветшалые верхи совершенно не соответствовали уже современным требованиям фортификации, почему предложено было мною совсем упразднить эту крепость. Бендеры, окруженные командующими высотами и слабо укрепленные, едва ли могли принести какую-либо пользу. Что касается до Киева, то сооруженная в царствование Императора Николая I крепость составляла только как бы цитадель, ограждавшую святыни Киево-Печерской Лавры; самый же город оставался открытым; занятие неприятелем господствующих над ним высот поставило бы в невозможность

оборонять и цитадель, которая не спасла бы Лавру от разрушения неприятельскою артиллерией. В тогдашнем своем виде киевская крепость не могла принести никакой пользы.

Почти то же можно сказать об Александровской цитадели в Варшаве. Она была сооружена собственно в виде угрозы самому городу и не принесла бы никакой выгоды в случае вторжения внешнего врага; по тесноте ее было бы даже трудно гарнизону держаться в ней.

Таким образом, оставались лишь три крепости, представлявшие серьезное значение, стратегическое и фортификационное: Новогеоргиевск, Ивангород и Брест-Литовск. На них и следовало обратить все внимание как на опорные точки нашего стратегического плацдарма на Висле. Но и в этих трех главных пунктах существовавшие фортификационные сооружения частию были в недоконченном виде, частию оказывались недостаточными для того, чтобы выдержать продолжительную осаду при тогдашнем состоянии артиллерийского дела.

Все эти недостатки наших крепостей признавал и генерал Тотлебен. Он указывал и причины неудовлетворительности их:

1) По недостатку денежных средств предполагавшиеся в первоначальных проектах отдельные передовые форты не были возведены, и многие другие работы остались недоконченными;

2) сооружение открытых с поля каменных оборонительных казарм и башен в несколько ярусов было нами заимствовано от немецких инженеров, которые, в свою очередь, основали свою систему на возникшей в свое время идее Монталамбертовых башен. Только в новейшее время, когда уже были потрачены громадные суммы на возведение по этой системе обширных крепостей, спохватились, что все каменные постройки, не прикрытые с поля земляными насыпями, не могли выдержать огня усовершенствованной артиллерии, и потому убедились в том, что все новейшие крепости требовали радикального исправления.

Для этого генерал Тотлебен предложил целый ряд работ, имевших целью прикрыть каменные постройки от огня неприятельской артиллерии возведением земляных насыпей, возвышением гласиса, сломкою верхних ярусов каменных построек, насыпкою на своды их толстого слоя земли и т.д. На все эти работы, разумеется, требовались новые огромные расходы,

которые в то время приблизительно исчислялись в размере не менее 48 миллионов рублей*.

Кроме того требовались немалые суммы на укрепления в Кавказском крае и на азиатских окраинах. На Кавказе мы имели одну только крепость на турецкой границе – Александрополь, да и та была недокончена. Еще во время моей службы в том крае был составлен проект усиления обороны Закавказья на случай новой войны с Турцией**. Проект этот[130] был предварительно одобрен Государем в январе 1860 года с тем, чтобы окончательное утверждение его отложить до 1861 года. Но и в этом году финансовое положение России не позволило ничего уделить на исполнение какой-либо части означенных предположений, которые притом могли во многом измениться с окончательным умиротворением Кавказа***.

---

* Далее в автографе зачеркнут следующий текст:

«На приморские крепости

Кронштадт	до 8030000 р.
Свеаборг	3350000
Выборг	600000
Динамюнде	456000
Керчь	6660000
Николаев и устье Днепра	665000
На сухопутные крепости	
Динабург	2880000
Новогеоргиевск	3661000
Александровская цитадель	2400000
Ивангород	3494000
Брест-Литовск	4311000
Киев	5323000
Бобруйск	2573000
Бендеры	1500000

С добавкою еще 1500000 рублей на случай возобновления укреплений в Севастополе и около 500 тысяч на устройство во всех крепостях рельсовых путей вся сумма, считавшаяся необходимою для довершения и исправления существовавших крепостей, достигала 48 миллионов рублей.

Цифра это, конечно, могла иметь только приблизительное значение для облегчения общих финансовых соображений.

В предположении ежегодного отпуска до 3 миллионов собственно на фортификационные работы в крепостях Европейской России можно было рассчитывать, что предполагавшиеся работы были бы окончены не ранее, как в 16 лет». *(Прим. публ.)*

** Далее в автографе зачеркнуто: «Предполагалось, кроме достройки Александрополя, усилить оборону Ахалциха, Ахалкалаха; возвести вновь укрепленные пункты в долине Риона и около Эривани (у села Кинахир) и, наконец, прикрыть самый Тифлис отельными фортами. На все эти постройки сумма расходов была исчислена в 5 миллионов рублей». (*Прим. публ.*)

*** Далее в автографе зачеркнуто: «Так, например, весьма было вероятно, что предполагавшееся укрепление Тифлиса окажется излишним». (*Прим. публ.*)

Что касается азиатских окраин, то в военную смету обыкновенно вносилась каждый год сравнительно незначительная сумма на степные укрепления, которые оказывалось нужным возводить то в одном, то в другом месте, сообразно ходу нашей борьбы с беспокойными кочевниками. Но в 1861 году имелись в виду два предположения, выходившие из размера ежегодно ассигнуемых средств на инженерные работы: предполагалось занять новый пункт на восточном берегу Каспийского моря для устройства укреплений «торговой фактории», а на противуположной оконечности нашей азиатской границы - обеспечить укреплениями Николаевск с устьями Амура, Владивосток и Новгородскую гавань*.

Итак, в общей сложности для приведения всех наших крепостей в удовлетворительное состояние по инженерной части вместе с артиллерийским перевооружением их по тогдашним предположениям требовалась страшная сумма – до 100 миллионов рублей. Само собою разумеется, что такой расход был нам не по силам; потребные средства могли быть отпускаемы лишь малыми частями ежегодно, и здесь я должен повторить сделанное уже замечание относительно артиллерийской части, что при рассрочке отпусков на продолжительные сроки надобно бы неизбежно ожидать постепенного возрастания первоначально исчисленных сумм. В течение времени должны возникать новые, непредвиденные потребности по мере постепенного и быстрого совершенствования всех сторон военного дела.

Суммы, ежегодно отпускаемые собственно на оборонительные (фортификационные) работы (около 3 миллионов рублей), составляли лишь 36 или 37% со всей сметы Инженерного департамента (около 8200000 рублей). Почти такая же сумма вносилась на постройки и ремонт воинских зданий; затем, около 1300000 рублей на квартирное довольствие, отопление и освещение, то есть на такую потребность, которая к строительной части вовсе не относится.

Суммы, отпускавшиеся как на постройки и ремонт воинских зданий, так и на квартирное довольствие, постоянно оказывались недостаточными для удовлетворения действительной потребности войск и администрации. По приблизительному расчету имелось казарм не более как на 100 тысяч человек, то

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «на то и другое предположения исчислялся расход примерно в полмиллиона рублей». (*Прим. публ.*)

есть на $^1/_2$ долю всего числа войск мирного времени; остальные войска размещались по обывательским квартирам в городах и селениях, что было весьма невыгодно для строевого образования, для поддержания внутреннего порядка и вместе с тем стеснительно для населения. Вопрос о казарменном размещении всех войск был чрезвычайно важен, а между тем размер отпускаемых ежегодно сумм был так ограничен, что не только не было возможности предпринять новые постройки, но даже и существовавшие здания поддерживались с трудом. Квартирные деньги далеко не обеспечивали помещением всех военнослужащих. Поэтому в программе моей заявлен был целый ряд предположений для постепенного, по мере возможности, улучшения войсковых помещений, а вместе с тем для более успешного производства строительных работ под руководством военных инженеров*.

Предполагалось произвести многие изменения вообще в порядке ведения дела и устройстве Корпуса военных инженеров в связи с введением военно-окружного управления и слиянием Инженерного департамента со штабом генерал-инспек-

---

* В автографе зачеркнута следующая первоначальная редакция текста: «Поэтому в моей программе заявлены были по этому предмету следующие предположения: 1) отложить на время всякие новые постройки с тем, чтобы обратить большие средства на поддержание существовавших зданий в исправности; 2) обыкновенный ремонт казарм по возможности возлагать на квартирующие в них войска; 3) привлекать частные капиталы к постройке необходимейших для войск и администрации помещений и 4) назначать в продажу те казенные строения, которых оставление в военном ведомстве признавалось для казны убыточным.

Если, с одной стороны, инженерное ведомство имело основание жаловаться на недостаточность отпускаемых ему денежных средств, то, с другой стороны, слышались укоры инженерам в недостаточном соблюдении интересов казны, в дороговизне казенных построек, даже прямо в хищении казенных сумм. В этом отношении военные инженеры пользовались в общественном мнении немного разве лучшею репутацией, чем инженеры путей сообщения и комиссариатские чиновники. Чтобы по возможности исправить давно вкоренившееся зло, признавались полезными некоторые изменения в установленных порядках и в устройстве управления. Предполагалось: 1) упростить формы отчетности по строительным работам, так чтобы, с одной стороны, сделать эту отчетность более доступною действительному контролю, а с другой - облегчить инженерным офицерам самое ведение отчетности, на которую они должны были употреблять большую часть своего времени, в ущерб личному наблюдению за производством работ; 2) составление смет основать преимущественно на единичных исчислениях, облегчить и ускорить рассмотрение и утверждение представляемых строительных смет, расширив права местных учреждений инженерного ведомства; 3) увеличить содержание служащих в инженерном ведомстве, особенно производителей работ и помощников их.

тора по инженерной части. Первым шагом к объединению этих двух учреждений было назначение (2-го декабря 1861 года) генерал-адъютанта Тотлебена на место генерала К.П. Кауфмана, начальником штаба генерал-инспектора с оставлением и директором Инженерного департамента. В ожидании дальнейших преобразований в Инженерном департаменте принята была в 1861 году полезная мера для устранения медленности рассмотрения строительных проектов и смет: работа эта, производившаяся предварительно в «чертежной» департамента, была возложена лично на членов Общего Присутствия департамента, и затем означенная «чертежная» упразднена.

Финансовое положение Военного министерства. По смете на 1861 год (со включением управления военно-учебных заведений) военные расходы были исчислены в 115965000 рублей — более предшествовавшего 1860 года (106654000 рублей) на 9311000 рублей. Сумма эта составляла 33,6% с общей цифры всей государственной росписи, и соразмерно с народонаселением приходилось по 1 рублю 68 копеек на душу.

При составлении смет на 1862-й год приложены были все старания к сокращению расходов, и результатом всех этих усилий было уменьшение общей цифры сметных расходов военного ведомства до 111697000 рублей - то есть на 4268000 рублей против предшествовавшего года. Несмотря на то, цифра эта составила уже 37,8% с общей суммы государственной росписи.

Военные расходы в такой соразмерности, конечно, были тягостны для государственного казначейства. Несмотря на все усилия Финансового комитета, министра финансов и Государственного Совета восстановить баланс в государственной росписи, каждый год приходилось покрывать дефициты выпуском новых серий кредитных билетов или займами.

Но сравнительно с военными расходами других больших держав едва ли справедливо было жаловаться на неумеренность требований нашего Военного министерства; напротив того, наши издержки на содержание военных сил, соразмерно с численностью войск, были поразительно умеренны: все военные расходы у нас не превосходили 120 рублей на каждого солдата наличного состава, тогда как в то же время во Франции приходилось до 264 рублей. Соразмерно с народонаселением приходилось на душу: у нас по 1 рублю 60 копеек, во Франции – до 2 рублей 87 копеек.

Однако ж нельзя при этом не заметить, что наши сметы в те времена далеко не выражали действительной стоимости военных сил. Каждое министерство тогда вело свое хозяйство самостоятельно, располагая некоторыми средствами, не входившими в государственную роспись. Только в 1860 году отобраны были от министерства так называемые «экономические» капиталы, накопившиеся до 52 миллионов рублей. Рядом с государственною росписью существовала смета государственных «земских» расходов. Собственно в военном ведомстве значительная часть потребностей войск удовлетворялась прямо от земства, частью «натурой», частью деньгами; таковы были: квартирная повинность, подводная, отпуск дров, соломы, осветительных материалов; наконец еще существовала в полной силе обязанность обывателей кормить квартирующих в их домах солдат.

Такой порядок довольствия войск, удержавшийся от прошлых патриархальных времен, не мог продолжаться. Порядок этот, обременительный для народа, вместе с тем подавал повод к неудовольствию и жалобам самих войск. Настало время положить ему конец – и было уже к тому приступлено: в Министерстве финансов учреждена комиссия для пересмотра всей системы податей и сборов; другая комиссия в Министерстве внутренних дел занималась вопросом об обращении натуральной квартирной повинности в денежную; в Военном министерстве предполагалось разработать новое положение о замене других земских повинностей денежными отпусками. Преобразование порядка составления и выполнения смет должно было вести к тому, чтобы финансовые сметы министерств и общая государственная роспись представляли полную картину всех финансовых средств и всех расходов государства.

При таком расширении рамок будущих смет следовало иметь в виду, что впредь простое сопоставление сметных итогов с итогами прежних лет не могло уже вести ни к какому правильному заключению. Какие бы ни были достигаемы уменьшения в расходах, общая сметная цифра должна была значительно возрасти. Признавать это повышение цифры за действительное возрастание расходов – было ошибочно.

С другой стороны, и по самому существу дела трудно было ожидать в будущем сокращения военных расходов. Все сбережения, какие только возможно было достигнуть улучшениями в администрации, уменьшением личного состава управлений, даже некоторым уменьшением наличного числа войск по штатам мир-

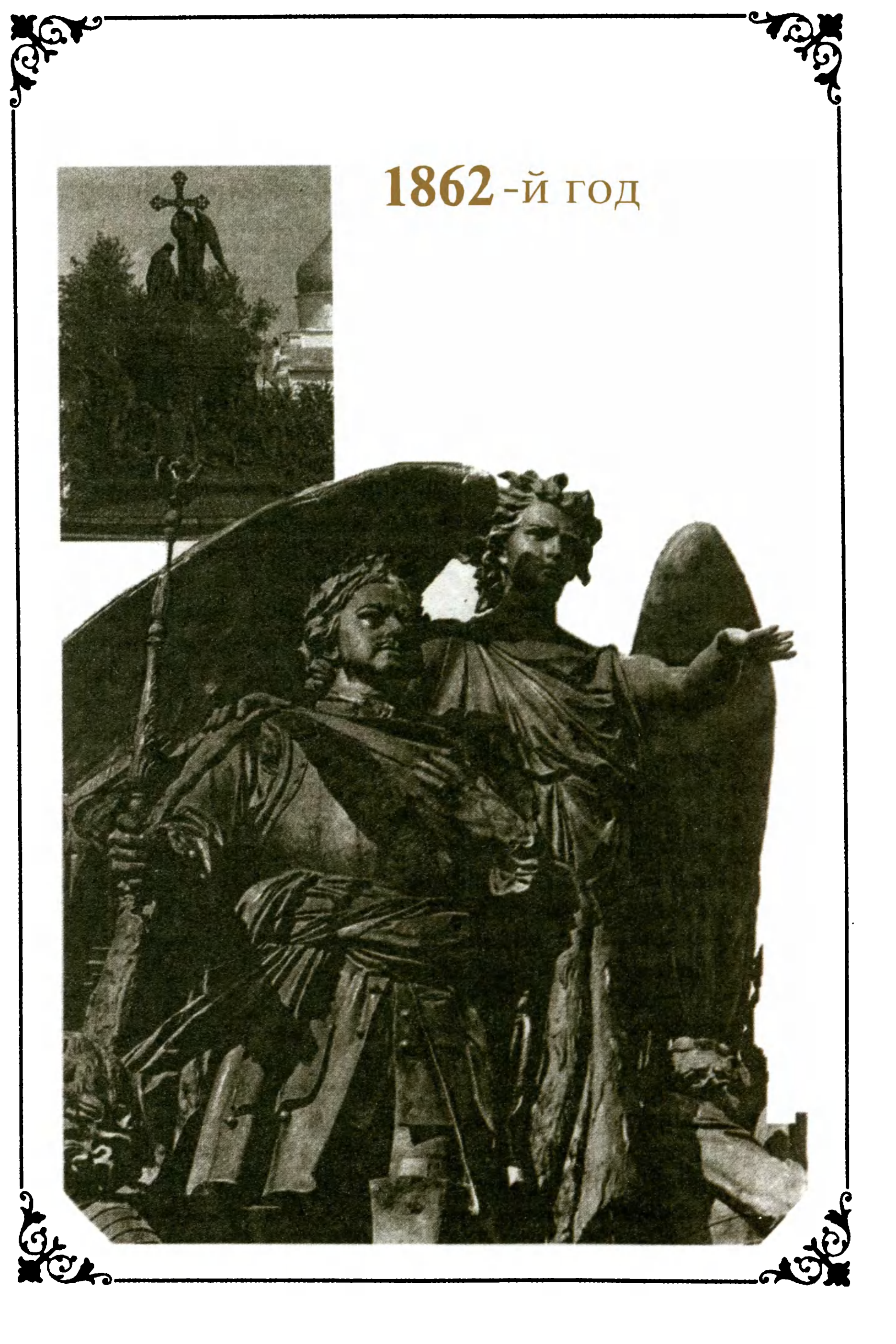
ного времени — далеко не могли покрыть тех громадных расходов, которые следовало предвидеть для осуществления всех перечисленных выше предположений, чтобы довести наши военные силы до надлежащего состояния, соответствующего силам других государств и современному состоянию военного дела.

Вот в каких выражениях была изложена задача Военного министерства в программе предстоявшей ему деятельности:

«Сознавая вполне крайнюю необходимость ограничения расходов при настоящем финансовом положении России, Военное министерство, конечно, поставит себе в непременную обязанность изыскивать возможные средства к достижению этой цели; но в то же время оно не может пренебречь другою своею обязанностию поддержать наши военные силы в положении, соответствующем настоящим силам других европейских государств и настоятельному требованию улучшений по разным отраслям военного устройства. Так как всякое улучшение в материальном состоянии войск и быте военнослужащих неизбежно сопряжено с новыми денежными расходами, то Военному министерству во всех действиях его представляется весьма трудная задача — согласовать по возможности две взаимно противоположные цели: с одной стороны, оно должно всемерно стараться облегчить то бремя, которое военные расходы составляют для государства, с другой — оно навлекло бы на себя тяжкий упрек, если б заботилось только о сокращении сметы, в ущерб благосостоянию и благоустройству армии».

1862-й год

НАЧАЛО ГОДА В ПЕТЕРБУРГЕ

В первый день Нового года происходил заведенным порядком большой выход в Зимнем дворце с обычным приемом дипломатического корпуса и столь же обычными толками о новостях дня в нашем официальном мире. Главными из этих новостей были: упразднение в Государственном Совете департамента по делам Царства Польского, как прямое последствие учреждения особого в Царстве Государственного Совета[131]; утверждение графа Д.Н. Блудова в должности председателя Государственного Совета и Комитета министров, с освобождением от председательства в Департаменте законов; назначение председателем этого департамента действительного тайного советника князя П.П. Гагарина, которому вместе с тем повелено председательствовать и в Комитете министров в случае болезни или отсутствия графа Блудова; назначение статс-секретаря П.Ф. Брока (бывшего министра финансов) председателем Департамента экономии на место действительного тайного советника графа Гурьева, давно уже оставившего занятия государственными делами по совершенному расстройству здоровья.

В тот же день последовало увольнение от должности министра государственных имуществ генерала от инфантерии Михаила Николаевича Муравьева. Официальным поводом к этому увольнению выставлялось, как обыкновенно, расстройство здоровья, которое, однако же, не мешало генералу Муравьеву оставаться в других должностях: председателя Департамента уделов и управляющего Межевым корпусом. Уволенный министр, как водится, получил благодарственный рескрипт за его пятилетнее управление государственными имуществами. Но действительною причиной увольнения его было явное несочувствие Мих<аила> Ник<олаевича> Муравьева к предпринятым реформам и всяким вообще либеральным мерам. Принадлежа к числу упорных ретроградов и крепостников под знаменем «русофильства», он противился требованию Государя, чтобы новое Положение о крестьянах было применено и к так называемым государственным крестьянам, с передачею их из ведения Министерства государственных

имуществ в общее управление. Так по крайней мере объяснял сам М.Н. Муравьев (в своих мемуарах) причину, побудившую его просить об увольнении от должности министра[132]. С другой же стороны, известно было и нерасположение самого Государя к М.Н. Муравьеву, который имел в себе мало симпатичного. Человек несомненно умный, с практическим смыслом, он отталкивал от себя жестокостью, угловатостью, резкостью; действовал то круто, то коварно, смотря по обстоятельствам*.

Управление Министерством государственных имуществ было возложено на товарища министра, генерал-майора свиты Александра Алексеевича Зеленого, произведенного при этом в генерал-лейтенанты. С А.А. Зеленым я был знаком еще в то время, когда он, оставив военную службу после Севастопольской кампании, поступил на должность председателя Межевой канцелярии в Москве, а впоследствии занял место помощника управляющего Межевым корпусом**. В отличие от своего начальника Зеленый был человек прямой, честный, благонамеренный, добрый и симпатичный. Я сошелся с ним очень близко, и впоследствии он был чуть ли не один из всего состава нашего высшего правительства в дружеских со мною отношениях.

Состоялось в Новый год и другое назначение, которому можно было только порадоваться: исправлявший должность статс-секретаря в упраздненном Департаменте Государственного Совета по делам польским тайный советник Жуковский назначен управляющим делами Главного комитета об устройстве сельского состояния. Это был человек высокой честности, истинно благонамеренный, искренно преданный делу освобождения крестьян. Председательствовавший в Главном комитете Великий Князь Кон-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «С М.Н. Муравьевым я имел случай быть одно время в частых сношениях по Географическому обществу, именно в сороковых годах, когда он был вице-председателем этого общества, а я - членом совета его и одним из деятельных участников того русского кружка, который пользовался в означенном обществе с целью вытеснить из него преобладавший немецкий элемент. Тогда М.Н. Муравьев был только управляющим Межевым корпусом в чине тайного советника; приняв наш молодой кружок под свое покровительство, он часто собирал нас у себя, чтобы за стаканом чая и сигарой сговариваться о плане ведения кампании против старых немецких ученых». *(Прим. публ.)*

** Далее в автографе зачеркнуто: «Зеленый начал службу моряком и, несмотря на то, что был в видимо хороших отношениях с начальником своим М.Н. Муравьевым, не имел ничего общего с ним в личных свойствах, кроме разве довольно сильной дозы «квасного патриотизма». (*Прим. публ.)*

М.Н. Муравьев

стантин Николаевич нашел в Степане Михайловиче Жуковском надежное орудие для благого направления крестьянского дела*.

В течение первых двух месяцев года произошли еще некоторые значительные перемены в личном составе нашей высшей администрации.

---

* В этом абзаце в автографе зачеркнуто: «В числе наград на Новый год более значительных были: орден Св. Владимира 1-й степени члену Государственного Совета действительному тайному советнику А.В. Кочубею, звание статс-секретаря и чин тайного советника управляющему делами Комитета министров Фед<ору> Петр<овичу> Корнилову». (*Прим. публ.*)

Важнейшею было увольнение (23-го января) действительного тайного советника Александра Максимовича Княжевича от должности министра финансов и назначение управляющим этим министерством статс-секретаря тайного советника Мих<аила> Христоф<оровича> Рейтерна. Последний служил в Морском министерстве, состоя членом Адмиралтейств-Совета и заведывающим Эмеритальною кассой этого министерства. Он пользовался большим расположением и покровительством Великого Князя Константина Николаевича, который доставил ему случай специально заняться финансовою частью. Таким образом, почти одновременно два министерских поста были заняты лицами по рекомендации Его Высочества генерал-адмирала: А.В. Головнин сделался министром народного просвещения[*], а М.Х. Рейтерн – министром финансов. Последний был в это время еще молодой, полный сил; теоретическое его образование и способности давали надежду, что он справится с возложенною на него важною и трудною задачей – привести наши финансы в лучшее устройство.

Прежнее место Рейтерна в Морском министерстве занял директор Комиссариатского департамента статс-секретарь действительный статский советник князь Дмитрий Александрович Оболенский[**], а вместо него директором названного департамента назначен вице-директор его действительный статский советник Дмитрий Николаевич Набоков; но оставался он недолго в этой должности[***].

Председатель Комитета о раненых генерал-адъютант граф Петр Петрович фон-дер-Пален, ветеран Отечественной войны, начавший службу еще в прошлом столетии и участвовавший в Персидском походе графа Зубова, по своим преклонным летам и болезни вынужден был просить об освобождении его от должности председателя. 22-го января последовало увольнение его и назначение на его место генерал-адъютанта графа Степана Федоровича Апраксина, которому не суждено было долго оставаться пред-

---

[*] А.В. Головнин, как уже было сказано, был назначен управляющим этим министерством 25-го декабря 1861 года.

[**] Далее в автографе зачеркнуто: «с назначением и членом Адмиралтейств-Совета». *(Прим. публ.)*

[***] Великий Князь Константин Николаевич, получив в конце мая назначение наместником в Царство Польское, пожелал взять с собою статс-секретаря Набокова в качестве доверенного при нем секретаря. Должность директора департамента оставалась незамещенною более года.

М.Х. Рейтерн

седателем комитета: он скончался 17-го мая того же 1862 года, и место председателя занял тогда генерал-адъютант граф Сергей Павлович Сумароков.

17-го февраля последовало назначение тайного советника Ивана Давыдовича Делянова снова попечителем Петербургского учебного округа. Генерал Филипсон после столь неудачного и тяжелого 6-месячного исправления этой обязанности получил назначение членом Главного Правления училищ, с оставлением в звании сенатора.

В конце февраля (28-го числа) последовала еще перемена на должности обер-прокурора Синода: вместо генерал-лейтенанта

графа Александра Петровича Толстого, назначенного членом Государственного Совета, занял означенную должность харьковский губернатор генерал-майор свиты Алексей Петрович Ахматов. Начав службу в Кавалергардском полку, Ахматов в молодых летах вращался при Дворе и в высшем петербургском обществе; но это не мешало ему заниматься богословскими вопросами и прослыть человеком серьезным и религиозным. Таким образом, с легкой руки графа Протасова, еще в царствование Императора Николая I назначенного синодальным обер-прокурором из флигель-адъютантов, полковников лейб-гусарского полка, – дела православного духовного ведомства оставались в продолжение многих лет в руках военных.

К числу личных перемен, состоявшихся в первые месяцы 1862 года в нашей администрации, следует добавить еще увольнение генерал-адъютанта Паткуля от должности петербургского обер-полицмейстера и назначение на это место начальника 1-го округа Корпуса жандармов (Петербургского) генерал-лейтенанта Ив<ана> Вас<ильевича> Анненкова, некогда бывшего вице-директором в Инспекторском департаменте Военного министерства, человека доброго, но весьма ограниченного и слабохарактерного. Место его по Корпусу жандармов занял гродненский губернатор генерал-майор свиты Дренякин, приобретший незавидную известность своим образом действий при усмирении крестьянского волнения в Пензенской губернии в 1861 году.

30-го января в Петербурге происходило погребение графа Сергея Степановича Ланского, бывшего министра внутренних дел (1855-1861), умершего 26-го числа после непродолжительной, но тяжкой болезни на 77-ом году жизни[*]. Несколько позже, 11-го марта, сошел в могилу другой, более знаменитый государственный человек – бывший государственный канцлер граф Карл Васильевич Нессельрод. Устраненный от заведования нашею дипломатиею с самого вступления на престол Императора Александра II и передав Министерство иностранных дел князю А.М. Гор-

---

[*] Далее в автографе зачеркнуто: «С квартиры покойного (в доме князя Чернышева на Малой Морской) тело покойного было перевезено в Адмиралтейскую церковь, где происходило отпевание в присутствии Государя, Великих Князей и многочисленного собрания высшего петербургского общества. По окончании церковного обряда процессия потянулась к Смоленскому кладбищу, к фамильному склепу Ланских». *(Прим. публ.)*

А.П. Ахматов

чакову, граф Нессельрод с тех пор не принимал участия в делах, хотя за ним и оставалось звание государственного канцлера. Он скончался на 82-м году жизни.

13-го марта, в день рождения прусского короля Вильгельма I, министр иностранных дел князь Горчаков, приехав с поздравлением к прусскому посланнику Бисмарку, лично вручил ему орден Св. Александра Невского. За большим парадным обедом в Зимнем дворце Государь провозгласил тост за здоровье короля. Так с давних времен заведено было при нашем Дворе справлять годовщину родственного и союзного короля.

25-го марта, в день Благовещения, также по давнишнему обычаю, справлялся полковой праздник конной гвардии, церковным парадом в полковом манеже, потом роскошным завтраком у командира полка (в то время генерал-майора свиты светлейшего князя Владимира Дмитриевича Голицына) и, наконец, парадным обедом во дворце. На этот раз полковой праздник послужил по-

водом к зачислению в полк (т.е. предоставлению права носить полковой мундир) некогда служивших в нем графа П.П. фон-дер-Палена и князя Вас<илия> Андр<еевича> Долгорукова; из строевых же офицеров полковник князь Маньелов получил звание флигель-адъютанта; наконец царскосельский комендант генерал-лейтенант барон Велио, также начавший службу в конной гвардии и лишившийся руки в польскую кампанию, произведен в генералы от кавалерии.

В том же марте месяце произошла довольно важная перемена в составе дипломатического корпуса в Петербурге: на место прусского посланника Бисмарка, перемещенного в Париж, назначен в Петербург граф Гольц. 27-го марта Бисмарк имел прощальную аудиенцию у Государя и вслед за тем уехал; новый же посланник прибыл в Петербург несколько позже и представил свои верительные грамоты 16-го апреля. Бисмарк занимал пост посланника в Петербурге с 1859 года. В 1862 году ему было 47 лет от роду. Наружность его не была привлекательна: высокого роста, плотный, широкоплечий, с красноватым лицом, большими рыжими усами и почти сплошною лысиной на голове. Мне случалось видеться с ним нередко, тем более, что мы были близкими соседями на Английской набережной, когда я жил в доме Челищева, а он — в доме графа Штейнбока-Фермора (где позже помещалось австрийское посольство). В своем разговоре и обращении он вовсе не был похож на чопорного дипломата; скорее можно было принять его за отставного военного. Говорил он просто, непринужденно, с видом человека откровенного, с примесью саркастического остроумия. В то время, конечно, никому не приходило в голову, что этому человеку суждено в близком будущем сделаться историческою знаменитостью, распорядителем судеб всего мира.

Начавшиеся еще с 1860 года проявления революционного движения внутри России все усиливались и к началу 1862-го года приняли уже угрожающий характер. Наши русские революционеры подавали руку польскому восстанию. Хотя последнее имело совершенно свои исторические корни и руководствовалось собственными, национальными побуждениями, не имевшими ничего общего с замыслами наших русских анархистов; тем не менее одновременность возникновения того и другого движения, сходство в образе действий и употребляемых средствах наводили, естественно, на мысль о связи между ними. Насколько в польском

восстании заметна была руководящая рука с Запада, настолько же во внутренней нашей крамоле подозревались (да и действительно, оказывались) польские козни и участие польских агентов. Как в Варшаве и Западном крае, так точно и внутри России, даже в самой столице, мирное население находилось под страхом ежедневных угроз, возмутительных воззваний, уличных демонстраций и, наконец, убийств, поджогов и всяких других средств терроризма.

Вся эта небывалая в прежние времена неурядица настигла наше правительство как бы врасплох и выказала бессилие не только нашей полиции, но и всей вообще администрации снизу и до верха. Это была эпоха упадка всякой власти, всякого авторитета. Над правительственными органами всех степеней явно издевались и глумились в публике и печати. Такое явление кажется непонятным при нашем самодержавном образе правления и при том самовластии, которое предоставлено каждому органу правительства.

Образчиком существовавшей в то время неурядицы и неуважения к законному порядку может служить выходка, которую позволило себе в феврале 1862 года собрание мировых посредников Тверской губернии; они внесли официально в губернское по крестьянским делам присутствие заявление о решении своем руководствоваться в исполнении возложенных на них обязанностей собственными своими убеждениями, не согласными с Положениями 19-го февраля 1861 года, так как всякий иной образ действий признан противным благу общественному. Странное это заявление было подписано тринадцатью лицами: членом губернского присутствия Бакуниным, председательствующими в мировых съездах уездными предводителями дворянства Бакуниным и Балкашиным, мировыми посредниками Кудрявцевым, Полторацким, Глазенапом, Харламовым, Лазаревым, Кислинским, Неведомским, Лихачевым и двумя кандидатами в мировые посредники — Щербаковым* и Демьяновым. Все эти 13 лиц по Высочайшему повелению были преданы суду Сената. Генерал-адъютанту Н.Н. Анненкову поручено было отправиться на место, арестовать всех виновных в означенном противозаконном заявлении, принять все меры к восстановлению законного порядка и к устранению предположенного на 1-е марта нового незаконного съезда посредников той же Тверской губернии. Генерал Анненков был

* Так в тексте; правильно: Широбоковым. *(Прим. публ.)*

облечен обширными полномочиями; в распоряжение его назначены были многие лица от Министерства юстиции, Корпуса жандармов и других ведомств; подчинены ему на время исполнения поручения все губернские власти и важные начальники. Такие чрезвычайные меры придали слишком уже большую важность неразумной выходке нескольких сумасбродов, с арестованием которых все вошло бы в обычный порядок. Случай этот, как и многие другие, выказывает только тогдашнее направление общества, а вместе с тем легкомыслие тех, которые затевали разные демонстрации против правительства, не имея ни почвы под собой, ни определенной цели пред собой.

Дело тверского съезда посредников кончилось тем, что Сенат приговорил всех 13 подсудимых к лишению некоторых особенных прав и преимуществ и к заключению в смирительном доме на разные сроки (от 2-х лет 2 месяцев до 2-х лет 4 месяцев). Приговор этот, Высочайше утвержденный 10-го июля, приведен был в исполнение 18-го числа того же месяца; но вслед за тем, 22-го числа, в день именин Императрицы, заключенным объявлено было Высочайшее помилование и все они освобождены.

Несмотря на закрытие Петербургского университета и высылку из Петербурга большого числа университетских студентов, возбужденное состояние в среде учащейся молодежи не прекращалось. Правительство было озабочено вопросом о восстановлении в учебной части нормального порядка. Новый министр народного просвещения А.В. Головнин принялся за дело разумно, спокойно и с наилучшими намерениями: он старался успокоить взволнованную молодежь, доставить распущенным студентам возможность продолжать учебные занятия, пристроить оставшихся без дела профессоров и укротить их раздражение. Вместе с тем он дал движение и новое направление начатым еще до него законодательным работам по составлению уставов для всех учебных заведений Министерства народного просвещения, начиная от народных училищ до университетов. Образованная еще графом Путятиным Комиссия, под председательством попечителя Дерптского учебного округа действительного тайного советника Брадке, для пересмотра университетского устава, представила 6-го января 1862 года выработанные ею предположения, и затем входившие в состав комиссии попечители учебных округов, ректоры и профес-

сора разъехались*. Но А.В. Головнин признавал вопрос университетского устава слишком важным, чтобы дать обычный бюрократический ход составленному проекту. Принятая А.В. Головниным система состояла в том, чтобы законодательные вопросы разрабатывались с самою широкою гласностью, с участием сколь можно большего числа компетентных лиц. Поэтому и проект университетского устава с Высочайшего разрешения был отпечатан и подвергнут свободному обсуждению в печати. Экземпляры его были разосланы большому числу известных ученых и педагогов. Вообще образ действий нового министра с первого приступа к делу заслужил большое сочувствие как в учебном ведомстве, так и в административных сферах. Весьма выгодное впечатление произвел на публику его отказ от занятия обширной министерской квартиры, в которой жили его предшественники, в казенном доме министерства, у Чернышева моста; Головнин предоставил это помещение под вновь учрежденную шестую гимназию и Географическому обществу, которое до того времени нанимало тесное и неудобное помещение на Мойке, у Певческого моста.

20-го января по докладу А.В. Головнина последовало Высочайшее повеление об учреждении временной комиссии для заведования делами Петербургского университета впредь до открытия его на новых основаниях. Комиссии этой предоставлены были права и обязанности университетского Совета и правления, с отпуском в ее распоряжение в полном количестве тех сумм, которые были ассигнованы на университет из Государственного казначейства. При этом повелено было всех профессоров закрытого университета временно причислить к министерству с полным содержанием; открыть неотлагательно факультет восточных языков, как «единственный в Империи и крайне необходимый для практических целей государственной жизни». Бывших студентов IV-го курса университета, приготовившихся к окончательному испытанию для получения ученых степеней, дозволено было допустить к этому испытанию, а студентов III-го курса — к переводному. В этих видах открыта особая «испытательная комиссия».

Означенная выше «временная комиссия» для заведования делами университета была образована под председательством быв-

---

* Председательствовавший в комиссии Брадке, человек преклонных лет, недолго прожил после своего выезда из Петербурга: он скончался 3-го апреля, и вместо него назначен попечителем Дерптского округа эстляндский предводитель дворянства граф Кайзерлинг.

шего ректора П.А. Плетнева из профессоров, избранных каждым факультетом: от историко-филологического были избраны: Срезневский, Благовещенский, Штейнман; от физико-математического – Ленц, Савич, Сомов; от юридического – Горлов, Ивановский; от восточного – Мухлинский, Чубинов, Березин. К сожалению, почтенный ректор П.А. Плетнев недолго председательствовал: вскоре он снова заболел, и с 24-го апреля место его в комиссии занял профессор Ленц*.

Распоряжениями своими новый министр умел значительно ослабить невыгодные последствия закрытия университета и облегчить дальнейшие меры к его восстановлению. На факультете восточных языков лекции открыты с 1-го февраля, в прежнем порядке и с прежними слушателями. В испытательной комиссии начались экзамены для студентов IV-го и III-го курсов. Независимо от того, по негласной инициативе А.В. Головнина устроились в зале Городской Думы, частью в Училище Св. Петра публичные лекции, на которые допускались как студенты, так и посторонние лица, по билетам, за определенную умеренную плату. Лекции эти читались профессорами Н.И. Костомаровым – по русской истории, Павловым – по древней истории, Стасюлевичем – по средней, Андреевским – по полицейскому праву, Горловым – по политической экономии, Кавелиным – по гражданскому праву и многими другими.

К сожалению, эти чтения продолжались недолго. Один из названных профессоров, Павлов, при чтении 2-го марта публичной лекции на литературном вечере в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам на тему «о тысячелетии России» (по поводу предстоявшего в этом году празднования этого юбилея) позволил себе некоторые выражения, не входившие в рукопись, предъявленную им предварительно в цензуру; выражения эти были признаны злонамеренными, клонившимися к возбуждению неудовольствия против правительства. За это Павлову запрещено было чтение публичных лекций, а вслед за тем он был выслан из Петербурга административным порядком**, под надзор полиции***. Высылка эта была произведена с излишнею суровостью и потому

* Здоровье Плетнева становилось все хуже, и в следующем 1863 году он должен был снова уехать за границу, откуда уже не возвращался: он скончался в Париже 24-го декабря 1865 года.

** Далее в автографе зачеркнуто: «в какой-то отдаленной уездный город». (*Прим. публ.*)

*** 15-го марта объявлены были вновь установленные правила относительно порядка разрешения литературных вечеров и публичных чтений[133].

возбудила снова раздражение и волнения в среде молодежи. Кружок студентов, принявший на себя распорядительные обязанности по устройству лекций, решил произвести демонстрацию против правительства, предложив профессорам прекратить чтение. К сожалению, профессора подчинились этому безрассудному постановлению группы молодежи и немедленно возвратили собранные со слушателей деньги. Один только Н.И. Костомаров имел мужество объявить, что будет продолжать свои лекции об Иоанне Грозном, – о чем просили его некоторые из слушателей. Тогда молодежь затеяла произвести на первой же его лекции скандал: едва вступил он на кафедру, раздались в зале крики, свистки, и произошел беспорядок.

Последствием этого прискорбного случая было объявление от Министерства народного просвещения, 21-го марта, о закрытии публичных лекций.

ПЕРВЫЙ ПРИСТУП К ВОЕННЫМ РЕФОРМАМ

В начале января окончена обширная работа, о которой уже мною упомянуто, – составление всеподданнейшего доклада, заключавшего в себе полный обзор положения дел по всем частям военного ведомства и предположений моих о необходимых улучшениях и преобразованиях. Доклад этот, в случае одобрения Государем, должен был служить программой для предстоявшей Военному министерству деятельности на многие годы вперед.

15-го января доклад представлен мною лично Государю[134]. Его Величество неотлагательно приступил к чтению его и по прочтении каждой отдельной статьи возвращал мне со своими отметками, вполне одобрительными; при личном же свидании подтверждал мне свое одобрение. На первой статье, в которой излагались соображения относительно численного состава, организации и комплектования войск, положена была следующая собственноручная резолюция: «Внести в Совет министров. Все изложенное в этой записке совершенно согласно с моими давнишними желаниями и видами».

В исполнение этой резолюции I-я статья доклада была прочитана в Совете министров 25-го января; но затем Государь пожелал, чтобы также были прочитаны в Совете министров и некоторые другие статьи, представлявшие по своему содержанию более

общий интерес, а именно: II-я, посвящена организации управлений; IV – о военно-судной части; V – о комиссариатской и провиантской; IX – об иррегулярных войсках и X – по Военному министерству соображения. Чтение этих статей продолжалось несколько четвергов сряду, каждый раз часа по два и более. Государь имел терпение присутствовать все время, слушая статьи, уже прочитанные им самим; изредка вставлял он свои пояснения по тем вопросам, которые казались менее понятными для невоенных членов Совета.

Отметки, сделанные Государем на некоторых из читанных статей, почти предрешали уже важнейшие вопросы. Так, например, на I-ой статье, там, где излагались предположения об упразднении Корпуса внутренней стражи и замене его кадрами запасных войск, на поле было отмечено Государем: «Совершенно согласно с тем, что я хотел и изложил даже письменно бывшему военному министру генерал-адъютанту Сухозанету». Против другого места – о необходимости образования истинно-боевого резерва отмечено: «Совершенно справедливо». Относительно необходимости возобновления рекрутских наборов и производства их ежегодно с обеих полос Империи, в установленном размере – была отметка: «Необходимо».

Особенное внимание обратило на себя заявление о необходимости пересмотра рекрутского устава. В первом же заседании Совета министров, по прочтении I-ой статьи, принято было решение возложить эту работу на особую комиссию, составленную из делегатов от надлежащих министерств: Военного, Морского, внутренних дел, государственных имуществ, уделов, финансов и от II-го отделения Собственной Е.В. Канцелярии. Председателем комиссии избран был статс-секретарь действительный тайный советник Николай Иванович Бахтин – один из самых деловитых членов Государственного Совета, человек развитой и с просвещенным взглядом. Избрание членов комиссии было предоставлено подлежащим министрам. Комиссия эта образовалась в первых числах февраля и немедленно открыла свои заседания. Кроме прямой задачи — пересмотра рекрутского устава — на ту же комиссию возложено было изыскание средств к обеспечению положения нижних чинов в отставке и в бессрочном отпуску*.

---

* Об учреждении комиссии было опубликовано 25-го февраля, одновременно с первым заявлением о предположенном в начале следующего года рекрутском наборе.

На II-ой статье, заключавшей в себе изложение основных начал предположенной военно-окружной системы управления, Государем было отмечено: «Предварительно одобряю», и, кроме того, против того места, где высказано было, что корпусное деление армии в мирное время почти никогда не сохранялось неизменным во время войны, – Государь, в подтверждение этого замечания, написал: «Ни один корпус действительно не оставался в полном своем составе».

Не были читаны в Совете отделы, имевшие характер более специальный; а именно: II-й о строевом состоянии и образовании войск; VI-й, VII-й и VIII-й – о военно-врачебной части, артиллерийской и инженерной. На последних трех статьях сделано было Государем наиболее отметок. На все предположенные меры выражалось согласие и одобрение. На статье VII-й – по артиллерийской части – была следующая общая резолюция: «Часть эта требует особого нашего внимания; а потому прошу ускорить, сколько возможно, разрешение тех вопросов, от которых зависит дальнейшее устройство в особенности крепостного вооружения. Уверен, что Его Высочество генерал-фельдцейхмейстер употребит, со своей стороны, всевозможные старания к приведению вверенной ему части в то устройство, в котором она должна находиться». Относительно выраженной мною надежды на скорое осуществление предположения о слиянии Артиллерийского департамента со штабом генерал-фельдцейхмейстера была на поле отметка: «Надеюсь и я». Такая же отметка сделана была и там, где говорилось в докладе о слиянии Инженерного департамента со штабом генерал-инспектора по инженерной части. Общая резолюция на инженерном отделе была такого содержания: «Для приведения крепостей в должное устройство представить соображение по годам, что и будет служить руководством при составлении будущих смет».

Отметка эта подала мне повод к представлению Государю особого доклада о безвыходном положении, в которое поставлено министерство, имея в виду, с одной стороны, столь неотложные и важные задачи, как устройство обороны государства, а с другой — настоятельные требования сокращения расходов на инженерные постройки. Чтобы выйти из этого заколдованного круга, Государь приказал обсудить вопрос в особом совещании, из представителей министерств Военного, Морского и финансов, под председательством генерал-адмирала Великого Князя Константина Николаевича.

В последнем, X-м отделе, заключавшем в себе общие соображения по устройству Военного министерства и по финансовой части, Государь положил резолюцию: «С главными мыслями совершенно согласен». На полях сделано было несколько частных отметок, касавшихся преимущественно вопроса об отношениях, в которые должны быть поставлены отделы военно-окружного управления к соответствующим отделам министерства. Отметки эти показывали, что Государь с первого уже раза вошел вполне в смысл предложенного мною общего преобразования военного управления и усвоил себе цель и дух этого предположения.

В заключение моего доклада было сказано, что в случае, если представленная программа будет признана согласною с Высочайшею волей, я прошу дозволения приступить к более подробной разработке изложенных лишь в общих чертах предположений. Против первой половины этого заключения была отметка: «В общих мыслях совершенно»; против второй – «Прошу приступить к этому неотлагательно».

По окончании чтений моего доклада в Совете министров я испросил разрешение Государя налитографировать этот доклад и разослать его к министрам, которые прослушали только некоторые отделы, а не всю программу в целом ее объеме, и некоторым другим высшим должностным лицам, которым полезно знать Высочайше одобренную программу предстоявшей Военному министерству деятельности. Государь не только разрешил, но и выразил желание, чтобы подобные же программы были представлены другими министрами.

Из числа тех лиц, которым были разосланы литографированные экземпляры доклада, от многих получил я письменные или словесные выражения одобрения; никаких возражений или замечаний на мои предположения я в то время не слышал. Таким образом, чтение в Совете министров, отнявшее столько времени у моих коллег, не принесло той пользы, которую можно было бы ожидать, если бы те министры, до которых наиболее касалось приведение в исполнение этих предположений, отнеслись внимательнее к предпринятому по Военному министерству преобразованию и высказали откровенно свои взгляды. В числе их прежде всех дело касалось министра финансов. Но в оправдание их надобно заметить, во-первых, что многие из этих министров были новички на своих местах (Рейтерн, Зеленый, Головнин только что были назначены, а Валуев управлял министерством всего какие-нибудь 8 месяцев); во-вторых, что выраженное Государем

предварительное одобрение в собственноручных отметках и при самом чтении – было как бы предрешением вопросов и устраняло серьезное и откровенное обсуждение.

Получив от Государя предварительное одобрение главных оснований предположенных преобразований, Военное министерство должно было приступить к колоссальному труду – к разработке всех затронутых вопросов по всем частям военного устройства. Почти все существовавшее военное законодательство подлежало переделке. Обширная работа должна была производиться частью в самих Департаментах министерства, частью особыми, специально каждому вопросу образованными комиссиями. Для соблюдения же необходимого единства в работах полагалось привлечь к участию в них состоявшую в составе министерства Военно-кодификационную комиссию.

Комиссия эта была учреждена в 1859 году собственно для пересмотра только что отпечатанного нового издания Свода военных постановлений, в тех видах, чтобы усовершенствовать его редакцию, согласовать с общей системой нашего законодательства, очистить его от излишней, мелочной регламентации. В инструкции, данной комиссии, поставлено было ей в обязанность – отделить «законы» от «постановлений» и частичных инструкций.

Последняя эта задача представляла большие затруднения, так как ни положительное законодательство, ни наука не давали критериума к точному разграничению между «законом» и «постановлением». Находя, что такая задача подлежала решению не в виде частного вопроса для одного Военного министерства, а как общее основание для всего нашего законодательства, я испросил Высочайшее соизволение на передачу этого вопроса на заключение главноуправляющего II-м отделением Собственной Е.В. Канцелярии статс-секретаря барона Модеста Андреевича Корфа как самого компетентного лица в подобном деле. Но вместе с тем я выразил мнение, что существовавшая в Военном министерстве Кодификационная комиссия, имевшая тогда характер исключительно редакционный, работала бы бесплодно над редакцией Свода военных постановлений в то время, когда почти все военное законодательство подлежало полной переработке. Я находил более полезным, чтобы комиссия сама приняла деятельное участие в предстоявших новых работах.

Соображения эти были изложены в моем всеподданнейшем докладе 15-го января, и Государь по этому пункту положил от-

метку: «справедливо». Вследствие этого разрешения приостановлена была работа, возложенная прежде на комиссию, а взамен того постановлено, чтобы каждый из разрабатываемых новых проектов, каждое изменение в прежних узаконениях, прежде внесения в Военный Совет, проходило через редакцию Кодификационной комиссии, обязанной блюсти о согласовании всех законодательных работ и приведения их к единству.

В предпринятой обширной работе приняли также деятельное участие: по вопросам, относившимся к строевой части войск – Комиссия для улучшений по военной части, состоявшая под председательством командира Гвардейского корпуса генерал-адъютанта Плаутина и получившая вскоре новую организацию; по внутреннему хозяйству войск – комитет генерала Лауница; по преобразованию рекрутской повинности – вновь образованная комиссия под председательством статс-секретаря Бахтина. Наибольшее число вопросов разрабатывалось в Инспекторском департаменте под руководством дежурного генерала графа Гейдена. При этом департаменте продолжала свои работы комиссия, образованная по организации армии, под председательством генерал-лейтенанта Баумгартена. Другая капитальная работа по составлению Положения о военно-окружном управлении была разделена на три крупные части: одна часть, касавшаяся устройства окружных штабов и войсковых управлений, разрабатывалась в Инспекторском департаменте; другая – по комиссариатской, провиантской и военно-врачебной частям – под руководством тайного советника Ф.Г. Устрялова; третья - артиллерийская и инженерная – в подлежащих департаментах. Могу повторить, что работа кипела. По всем департаментам составлялись частные комиссии, собирались на совещания компетентные лица; запрашивались у других письменные мнения*.

Само собою разумеется, что все возбужденные в это время бесчисленные вопросы и разнообразные работы сосредотачива-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «В это же время представлялись на предварительное рассмотрение Государя некоторые отдельные вопросы, возникавшие в разных комиссиях. В конце января и в феврале представлены были Его Величеству образцы предложенных комитетом генерала Лауница изменений в форме обмундирования и снаряжения воинов: головные уборы, ранцы, патронные сумы и т.п. Главное внимание при этих предположениях было обращено на упрощение формы и облегчение солдата. В числе этих новых предложений, получивших в это время Высочайшее одобрение, были: замена касок и киверов мягкими шапками с козырьками, получившими в обычном разговоре французское название «кепи»; введение башлыка; гладкие пуговицы в армии и т.д.» *(Прим. публ.)*

лись в моих руках. Не проходило дня без каких-нибудь совещаний. Теперь, когда обращаюсь в своих воспоминаниях к тому времени, мне самому как-то не верится, что я успевал вести разом столько разнообразных работ, видеть столько личностей, обсуждать столько вопросов, – и между тем ежедневно ездить с докладом во дворец, аккуратно присутствовать в заседаниях Государственного Совета, Комитета министров, Военного Совета, в других комитетах и совещаниях. Непомерное это напряжение сил не могло не отозваться на моем здоровье; особенно недостаточность сна была причиною постоянного нервного состояния. Государь, оказывавший мне самое благосклонное внимание, без сомнения замечал на моем лице следы утомления. Когда в апреле месяце назначен был переезд Царской фамилии в Царское Село, Государь милостиво предложил мне весьма существенное облегчение: вместо ежедневных поездок с докладом приезжать только три раза в неделю – по вторникам, четвергам и субботам. Эти дни докладов удержались и по возвращении Государя в Петербург и вошли в такую привычку, что до самой кончины Императора Александра Николаевича в те же дни он принимал мои доклады во всякое время, при всякой обстановке: зимой и летом, на месте и в путешествии, даже во время больших маневров и в Ливадии.

Поговорка, что – привычка вторая натура, – нигде не имеет такой силы, как у наших Государей. Ежедневные доклады военного министра, введенные, как кажется, Императором Николаем, вошли в такую привычку, что обратились почти в безусловную необходимость. Впрочем, и сами министры по понятным причинам весьма дорожили важным преимуществом – видеть Государя ежедневно, хотя бы на несколько минут. Рассказывают, что во времена князя Чернышева случалось ему посылать адъютанта по всем департаментам искать докладов на завтрашнее утро. В мое время это не могло уже случаться; всегда был избыток докладов, тем более, что по заведенному порядку доводилось до Высочайшего сведения о самых мелочных подробностях и испрашивалось Высочайшее разрешение по самым ничтожным делам. Никакая причина в личном составе гвардии, не только относительно службы каждого офицера, но даже о переводе солдата из одного полка в другой или из армии в гвардию – не допускалась без Высочайшего соизволения. Поэтому, когда число докладных дней в неделю сократилось с семи на три, а в то же время поднято было бесчисленное множество новых вопросов по всем частям военного ведомства, доклады мои, разумеется, сделались очень

продолжительными. Мне случалось оставаться в кабинете Государя по полутору часу и более, не считая тех случаев, когда доклад мой заканчивался или прерывался каким-нибудь экстренным совещанием. Несмотря на такую продолжительность докладов, нередко случалось, что за множеством мелочных вопросов не успевал я доложить основательно наиболее серьезные дела.

Государь держался так педантически расписания докладных дней министров, что не допускал изъятий в самые большие праздники, ни по каким чрезвычайным случаям. Не только в Новый год, в дни больших Царских выходов и церемоний, но даже в печальные дни погребений особ Царской семьи – доклад все-таки не отменялся; допускалось только разве изменение часа. В прежнее время час доклада военного министра был 9 $^1/_2$ часов утра; потом в 10, а в последние годы уже в 10 $^1/_2$ часов. Несмотря на то, что изменение определенного часа случалось весьма редко, – ежедневно, около 9 часов утра, приезжал ко мне дежурный при Государе фельдъегерь с объявлением часа доклада. В назначении часа соблюдалась педантическая точность; например – назначалось в 10 часов и 20 минут или в 11 часов без 10 минут, и когда случалось Государю по какому-либо особому случаю принять доклад несколькими минутами позже назначенного времени, то он всегда извинялся.

Позволю себе привести здесь некоторые случаи, характеризующие строгое соблюдение привычного порядка. Один из первых моих докладов по отъезду генерала Сухозанета в Варшаву пришелся в четверг; накануне получил я из Аудиториатского департамента довольно объемистую пачку докладов по военно-судным делам. Имея на тот день много других докладов, я отложил военно-судные дела до следующего дня. К удивлению моему Государь спрашивает меня: «А где же аудиториатские дела?» Тут только я смекнул, что по заведенному искони порядку дела эти докладывались по четвергам.

Другой случай: в Страстной Четверг, когда Государь причащался, не желая утомлять его после продолжительной церковной службы, я послал его Величеству на утверждение только приказ на тот день, приложив записку, что никаких спешных дел не имею, а сам приехал прямо в церковь, к обедне, чтобы вместе с другими принести обычное поздравление с причащением. Каково же было мое удивление, когда Государь, по окончании службы, обходя всех присутствовавших, строго мне заметил, что я напрасно так поступил.

Замечая, что продолжительные доклады утомляли Государя, которому приходилось после меня выслушивать еще несколько докладов, – я пробовал предложить Его Величеству исключить некоторые маловажные предметы из числа дел, требующих Высочайшего разрешения. Но Государь никогда на это не хотел согласиться и требовал, чтобы все шло по-прежнему, без малейшего изменения. Одно только было допущено для сокращения продолжительности моих личных докладов: в те дни недели, когда личных докладов не было, я посылал утром Государю, кроме дневного приказа (который по давнишнему порядку должен был неупустительно являться каждый день), еще некоторые письменные доклады по таким делам, которые вовсе не требовали объяснений, ни длинного изложения, а в особенности наградные списки. Последними Государь любил заниматься лично и делал на них собственноручные отметки, хотя иногда и жаловался на эту скучную работу. И действительно, поступавшие в течение года представления к наградам составляли такую страшную массу, что для рассмотрения их требовалось очень много времени. Для облегчения Государю этой работы придумана была особая наглядная форма списков, которая так понравилась Его Величеству, что приказано было принять эту форму и в других министерствах.

В представленной мною Государю программе предстоявшей деятельности Военному министерству я вовсе не коснулся вопроса о военно-учебных заведениях, за исключением лишь юнкерских училищ и так называемых «училищ военного ведомства». Как уже сказано, все другие военно-учебные заведения не были тогда подчинены военному министру; главный начальник этих заведений (Великий Князь Михаил Николаевич, также как и предшественники его Великие Князья Михаил Павлович и Наследник Цесаревич Александр Николаевич) пользовался полною самостоятельностью, на равных правах с министрами.

В конце декабря 1861 года получил я, в числе многих других, приглашение от Его Высочества главного начальника военно-учебных заведений изложить мое мнение относительно тогдашнего состояния этих заведений и тех мер, которые я полагал полезным принять для улучшения их. Вопрос был щекотливый: тогдашние кадетские корпуса были близко мне знакомы по моей прежней службе в штабе военно-учебных заведений во времена Я.И. Ростовцева. И тогда я находил большие недостатки в организации и духе кадетских корпусов. С тех пор не произошло в них

заметной перемены, кроме разве той, о которой я уже говорил не раз, а именно проникшей в эти заведения (несмотря на их замкнутость) заразы тогдашнего ложного либерализма, пренебрежения к военной службе, отрицания всяких авторитетов, а тем паче военной дисциплины. Большое число молодых офицеров, вовлеченных в политические преступления, служило очевидным доказательством распущенности и ложного направления воспитания в этих заведениях. Мне, в качестве военного министра, невозможно было уклониться от правдивого и откровенного ответа на запрос Великого Князя; интересы военного ведомства были тесно и непосредственно связаны с устройством и направлением того рассадника, который снабжает армию офицерами. Поэтому я счел своею обязанностью, не стесняясь личными отношениями, изложить мое мнение откровенно, хотя, разумеется, в самых мягких формах, наименее неприятных и Великому Князю, и самому Государю. В записке, сообщенной мною Его Высочеству 10-го февраля[135], высказана была та главная мысль, что соединение в одном заведении общего образования и воспитания детей с образованием специально-военным юношей – противно как педагогическим началам, так и требованиям военной службы. Вести вместе воспитание детей с 10-летнего возраста и юношей до 20-летнего крайне неудобно в общем нравственном отношении; но всего важнее то, что подчинение тех и других общему строевому расчету и военной обстановке ведет неизбежно к двойной невыгоде: с одной стороны, условия педагогические не дозволяют в деле воспитания малолетних детей применять к ним военную дисциплину и формы военной службы; с другой же стороны, допускаемые по необходимости в воспитательном заведении отступления от настоящих требований военной службы приучают юношей до самого выхода в офицеры смотреть на эти требования слегка, как на игрушку. Из этого соображения я выводил необходимость совершенного отделения общевоспитательных заведений от специально-военных, которые должны быть устроены для юношеского возраста с непременным условием строгого соблюдения всех действительных требований военной службы.

Мне осталось неизвестным, какое впечатление произвело заявленное мною мнение на начальство военно-учебных заведений. Знаю только, что мысль о разделении заведений на две категории: общевоспитательные и специально-военные была впоследствии принята в основание переустройства кадетских корпусов.

Сам Великий Князь Михаил Николаевич ни разу не заговаривал со мною об этом вопросе. Государь только раз, в Царском Селе, коснулся моей записки о кадетских корпусах и дал мне возможность хотя в нескольких словах пояснить ему изложенную мною основную мысль, которую он выслушал молча.

Позже, уже в октябре, последовало Высочайшее повеление об учреждении, под председательством самого Великого Князя Михаила Николаевича, новой комиссии для обсуждения составленного в штабе главного начальника военно-учебных заведений проекта преобразования кадетских корпусов. О результате работ этой комиссии скажу в своем месте.

ПОЛЬСКИЕ ДЕЛА В НАЧАЛЕ ГОДА

Со вступлением генерал-адъютанта Лидерса временно в управление Царством Польским и в командование 1-й армией (за отсутствием графа Ламберта, сохранявшего еще звания наместника и командующего армией) наступило в Варшаве и во всем Царстве Польском некоторое затишье. Уличные беспорядки, сборища, манифестации – почти прекратились, так что в исходе февраля 1862 года варшавское начальство признало возможным допустить некоторые облегчения в строгих полицейских правилах, установленных 2 октября 1861 года при объявлении края на военном положении. Вместе с тем повелено было не возбуждать преследование по тем нарушениям порядка, которые были совершены до означенного срока; в случае же открытия важных политических преступлений не иначе начинать дело, как с особого разрешения исправлявшего должность наместника.

Видимое успокоение в Царстве Польском отразилось, конечно, и на тогдашнем настроении петербургских правительственных сфер. Из двух противоположных течений общественного мнения относительно польского вопроса решительный перевес склонился на сторону политики примирительной, уступчивой, гуманной. В годовщину 19-го февраля объявлено было, в числе Царских милостей, помилование или облегчение участи многих арестованных и сосланных поляков. Большое число лиц, участвовавших в прежних беспорядках и манифестациях, возвратилось на родину, чтобы снова приняться за прежнюю ситуацию.

Маркиз Велепольский, вызванный в Петербург еще в ноябре 1861 года, провел там всю зиму и оставался до мая месяца следу-

ющего года. Продолжая с большим успехом пропаганду своей политической теории относительно Царства Польского между нашими государственными сановниками и в великосветских салонах, он все более приобретал влияние в правительственных сферах. Велепольский имел наружность внушительную: высокого роста, плотный, широкоплечий, с густыми седыми бакенбардами, он держал себя с большой важностью; говорил на чистом французском языке, тоном человека, знающего, чего хочет, и убежденного в том, что говорит. Такая личность не могла не производить впечатления в нашем обществе. С ка́ким-то любопытством и уважением смотрели на человека, высказывающего решительно свои самостоятельные взгляды, предлагающего целый план переустройства Царства Польского с твердым убеждением в том, что предлагаемое им решение польского вопроса есть единственное средство рассечь гордиев узел, которого никто у нас не умел распутать. Его самоуверенность, логическая последовательность его планов казались чем-то новым для наших государственных людей, привыкших к шаткости и бесцветности нашей канцелярской деятельности. Позволю себе употребить иностранное выражение – маркиз «импонировал» нашим государственным людям. Как уже было мною сказано, в числе наиболее поддавшихся его чарам были Великий Князь Константин Николаевич, князь А.М. Горчаков, князь Вас<илий> Андр<еевич> Долгоруков, Валуев. Велепольский был принимаем с почетом и любезностями у Великой Княгини Елены Павловны, даже в Зимнем дворце; его слушали с любопытством и приглашали на совещания по польским делам. Он, можно сказать, руководил в то время законодательной работой по Царству Польскому. Не занимая пока официального положения в управлении Царства и проживая в Петербурге, он уже проводил негласно свой план преобразования. Подаваемые им записки и проекты отправлялись в Варшаву для разработки подробностей в тамошнем главном управлении.

В половине марта возобновились, под председательством генерал-адъютанта Лидерса, заседания Государственного Совета Царства Польского. На обсуждение его предложен был целый ряд новых законопроектов, из которых главными можно признать Положение об очиншевании (или замене барщины и натуральных повинностей в пользу помещика денежным оброком), переустройство губернских, уездных и городских советов, организацию всей учебной части в Царстве и т.д. Все эти дела первостепенной важности решались в том направлении, которое давал

маркиз Велепольский, то есть в смысле полной и безусловной автономии Царства Польского с преобладанием аристократического начала.

План Велепольского, как уже отчасти было мною объяснено, заключался, в сущности, в том, чтобы Царство Польское, оставаясь только в династической связи с Россией, получило свое отдельное, самостоятельное государственное устройство, со своими законами, своими финансами, своею армией. Велепольский безусловно исключал из управления Царством все русское; даже полагал ополячить другие народности, входящие в состав населения Царства. Притом идеалом его была прежняя Польша, шляхетская и клерикальная. Во всех своих проектах Велепольский прежде всего и систематически ограждал интересы и влияние крупной аристократии и католического духовенства. Этой заботой проникнуты были все его преобразования: так, в губернских и уездных советах дано было решительное преобладание помещичьему элементу*; в крестьянском вопросе он отстаивал прежние права помещиков в устройстве гмины и гминного суда; в правилах очиншевания (утвержденных 12/24-го мая) все направлено было к ограждению помещичьих интересов. В особенности выразились тенденции маркиза в плане учебной организации (введенной в действие 20-го мая): по этому плану начальные школы (народные) были поставлены в полную зависимость от местных помещиков и ксендзов; даже специальные училища (как, например, агрономические) были предоставлены в распоряжение помещиков, которые имели даже право пользоваться в своих имениях работой учеников. Во всех учебных заведениях не допускалось никакого различия во внимании к национальностям и вероисповеданиям. Несмотря на то, что почти целая треть населения Царства состояла из евреев, немцев и малороссов, все школы и все учебные заведения были исключительно польские и католические; а между тем посещение школ было признано обязательным для всех детей, без различия. Наибольшее гонение было обращено на русскую национальность: оказавшиеся во всем Царстве 49 преподавателей русских были все уволены; многие из них совсем удалены из Царства; наложено было положительное запрещение обучать русскому языку. Существовавшие в крае учебные заведения для девиц были все закрыты и упразднены с той

---

* В 89 уездных советах из всего числа 615 членов состояло 540 из крупных землевладельцев.

целью, чтобы устранить всякую конкуренцию воспитанию девиц в монастырях.

Таким образом, весь план Велепольского направлен был к двум главным целям: с одной стороны, восстановить прежнее значение аристократии и духовенства для противодействия вторжению ненавистных демократических элементов, а с другой стороны, совершенно вытеснить русское влияние. Нельзя не отдать справедливости мастерству и логической последовательности, с которыми проведены были эти цели во всех частях и подробностях плана Велепольского; но спрашивается, каким образом могла подобная программа найти сочувствие в русском правительстве?

Как могли такие личности, как Великий Князь Константин Николаевич, князь Горчаков и другие увлечься теорией, прямо направленной к тому, чтобы вырвать Польшу из-под русского влияния и передать ее всецело в руки двух самых враждебных нам классов польского населения – аристократии и католического духовенства?

Были, конечно, и противники идей Велепольского. Многие голоса восставали вообще против уступок и потворства польским притязаниям. Не без основания высказывалось, что поляки никакими уступками не удовлетворятся, пока не добьются полного отделения от России не только Царства, но и всей западной полосы Империи до Двины и Днепра; что только силой оружия можно подавить польскую крамолу и только отменой всех следов прежней польской автономии закрепить власть России на берегах Вислы. Но подобные мнения имели мало веса при том настроении, которое тогда взяло верх в высших сферах петербургских; мнения эти считались несовместными с духом времени. Влиятельнейшие из наших государственных людей признавали, что строгостями полицейскими и военной силой невозможно водворить спокойствие и русскую власть среди народа, сохранившего дух независимости и стоящего притом на высшей степени цивилизации сравнительно с Россией (таков был у многих взгляд на польский народ); что единственное надежное орудие против революции, подкопавшей все основы русской власти в Польше, заключается в планах Велепольского. В глазах нашего шефа жандармов польский вопрос сливался с внутренней борьбой против революции; предлагаемое же польским аристократом средство успокоения и умиротворения наиболее приходилось по характеру князя Василия Андреевича, имевшего наклонность все сглаживать, примирять и не терпевшего ничего резкого, крутого. Со своей стороны министр иностранных дел заботился о поддержании добрых

отношений с Европой и даже смотрел на польское дело сквозь призму иностранной дипломатии и заграничной печати. Что же касается до министра внутренних дел Валуева, то его симпатии вообще клонились более к полякам, немцам, ко всему иностранному, чем к своему русскому, более к аристократии, чем к демократии. Таким образом, есть возможность объяснить себе, почему названным трем нашим сановникам нравились глубоко обдуманные планы польского аристократа, несмотря на то, что эти планы явно клонились к полному отторжению Польши от России. Но труднее понять, как могли подобные планы увлечь Великого Князя Константина Николаевича, как мог он сочувствовать ультра-аристократическим и клерикальным тенденциям Велепольского, направленным совершенно вразрез общему духу совершавшихся в России реформ? В то время, как в Империи крестьянское сословие освобождалось от ига помещиков, Велепольский предлагал в Царстве Польском упрочить полновластие панов и зловредное влияние ксендзов.

Что же касается самого Государя, то в его мыслях как мне казалось, происходила тяжелая борьба двух противоположных течений: с одной стороны, всякое проявление революционных притязаний поляков, пренебрежения их к русской власти, уличные беспорядки и дерзкие выходки возбуждали в нем негодование, возмущали его; он огорчался неблагодарностью, с которой поляки принимали все оказываемые им услуги и даруемые льготы; под впечатлением этих чувств являлось у него требование строгих репрессивных мер, энергических распоряжений, не исключая и употребления оружия; с другой же стороны, его мягкое сердце и природное благодушие склоняли его к мерам кротким, примирительным, внушали ему желание испробовать все средства к установлению доброго согласия между Россией и Польшей; для этого он был готов на всякие уступки, на всякие пожертвования, совместные с достоинством и пользами Империи. Мне кажется, что Государь склонен был к тому, чтобы Царству Польскому предоставить такое же положение в отношении к Империи, в какое поставлено Великое Княжество Финляндское. Думаю, что Польша могла бы достигнуть такого же, вполне благоприятного положения, если бы только вожаки польские обладали таким же здравым смыслом, таким же спокойным, сдержанным характером, какими отличаются финляндцы.

При таком колебании Государя между двумя противоположными побуждениями, при полном отсутствии определенных взглядов на способ решения польского вопроса в среде ближайших

советников царских, при высказанном бессилии всех чередовавшихся местных властей в самой Польше можно ли удивляться тому, что предъявленный Велепольским с такой самоуверенностью готовый план был охотно выслушиваем Царем, особенно при дружной поддержке таких лиц, как шеф жандармов, министры иностранных и внутренних дел, а также и Великого Князя Константина Николаевича*, относившегося с живым участием к польским делам. Те же из министров, которые не разделяли с названными лицами сочувствия к планам Велепольского и к его личности, не высказывались определительно против него, да и не могли бы перевесить его голос. К этой категории причисляю и себя; хотя мне и случалось выражать сомнения в успешном результате предлагаемого образа действий относительно польских дел, однако же мнения мои в то время не могли еще повлиять на решение столь важного и сложного вопроса. На мою долю приходилось уже довольно и своих забот специально по военной части.

В самом начале года последовало окончательное назначение патера Фелинского на должность варшавского архиепископа (остававшуюся вакантной со смерти Фиалковского). Фелинский был уроженец Волынской губернии; по окончании курса в Московском университете он путешествовал за границей и потом уже, решившись посвятить себя духовному званию, поступил в житомирскую семинарию, прошел курс Петербургской римско-католической духовной академии; затем назначен капелланом той же академии и профессором философии. Ему было всего 37 лет, когда пал на него выбор правительства на высокий пост варшавского римско-католического архипастыря. По получении официального на то согласия Ватикана и папской буллы последовал 12-го января указ о назначении Фелинского, а 14-го числа исполнен был со всею торжественностью, по католическим правилам в католической церкви Иоанна Иерусалимского (в здании Пажеского корпуса), обряд возложения на нового архиепископа присланного от Папы паллиума митрополитом римско-католическим Жилинским при участии трех епископов: могилевского – Станевского, тельшевского – Бересневича и варшавского – графа Платера. На другой день, 15-го числа, митрополитом Жилинским дан был в честь нового архиепископа парадный обед, на котором после

* Далее в автографе зачеркнуто: «выказывавшего колебания». *(Прим. публ.)*

тоста за здоровье Государя министром внутренних дел возглашен был тост за здоровье Папы Пия IX-го. В сказанной при этом речи статс-секретарь Валуев восхвалял установившиеся, наконец, искренние отношения между римско-католической церковью и русским правительством. Затем предложен был также министром внутренних дел Валуевым тост за здоровье присутствовавшего на обеде маркиза Велепольского.

Несколько дней спустя, 23-го января последовал указ о назначении Фелинского постоянным членом Государственного Совета Царства Польского. При представлении нового архиепископа Государю Его Величество лично высказал ему свои благие виды относительно Польши и сетования римско-католического духовенства. Фелинский выразил Государю самые положительные заверения в своем благонамеренном усердии и стремлении к восстановлению мира и согласия в католической церкви Царства Польского.

По приезду в Варшаву, 28-го января, новый архиепископ был встречен на станции железной дороги католическим духовенством in corpore, а 1/13-го февраля были вновь открыты и освящены остававшиеся еще запечатанными костелы: кафедральный Св. Яна и Бернардинский; богослужение возобновлено во всех прочих костелах. При открытии лично кафедрального костела Фелинский произнес прекрасную речь, в которой убеждал свою паству не вмешивать политические демонстрации в дело религии: «Почитаю себя счастливым, – сказал он, – открывая ныне церкви, в которых опять начнем молиться; но заклинаю вас, во имя любви к краю, перестаньте петь воспрещенные песни...» «Ныне прихожу к вам, – продолжал архиепископ, – чтобы объявить, обрадовать вас доброю вестью, что Монарх истинно желает удовлетворить нужды края. Я говорил с Монархом, говорил долго, и он сказал мне, что не хочет лишать нас ни народности, ни веры нашей; что обещания свои выполнит и что все даст, чего желаем; но с одним условием - чтобы край успокоился, чтобы пение воспрещенных песен прекратилось...» и т.д. По окончании этой речи вся присутствовавшая паства преклонила колени; казалось, что слова архипастыря произвели на многих благотворное впечатление.

Но такая благонамеренная речь не пришлась по вкусу вожакам революции. Даже в среде варшавского духовенства послышались оскорбительные толки о новом архиепископе. К нему явилась депутация «от народа» с открытым протестом против сказанных им слов и с требованием, чтобы он шел по стопам своего

предместника покойного Фиалковского. В первое время Фелинский твердо держался предначертанной им программы: пренебрегая все возраставшим против него раздражением, он в продолжение всего Великого поста, каждую неделю, по четвергам, произносил проповеди в прежнем благонамеренном смысле; но когда он отказался совершить 27-го марта/8-го апреля панихиду в годовщину прошлогодней народной демонстрации на площади Замка, тогда агитаторы устроили скандал: в первый после этого четверг (29-го марта/10-го апреля) обычная его проповедь была прервана шумом и свистками; вожаки беспорядков начали выгонять народ из церкви, дабы «не слушал нечестивого пастыря». При выходе из костела полицией арестованы 14 человек замеченных вожаков произведенного беспорядка*.

С этого времени опять возобновились пение запрещенных гимнов и открытое сопротивление полицейским мерам. 20-го и 21-го апреля (2-го и 3-го мая) в некоторых костелах пение запрещенных гимнов снова подало повод к столкновениям: в первый день, по распоряжению полицейского начальства, некоторые из виновных арестованы при выходе из церкви; во второй же день собравшаяся значительная толпа начала бросать в полицейских камни и была рассеяна прибывшими на помощь полиции военными командами. В пении преимущественно участвовали женщины, хотя и они не избавлялись от ареста.

Архиепископ Фелинский все еще надеялся подействовать убеждением на духовенство и прихожан для прекращения кощунства в храмах; по его просьбе генерал Лидерс согласился испытать еще раз меры кротости, приказав устранить всякое вмешательство полиции при предстоявшей в субботу и воскресенье следующей недели (5-го/17-го и 6-го/18-го мая) церковной службе. Однако же опыт оказался безуспешным; пение гимнов и разные манифестации в костелах продолжались, так что пришлось снова прибегать к расправе полицейской и военной. Да и сам Фелинский не мог долго устоять против поднявшихся на него со всех сторон нападков и преследований, тем более, что и надежды, возникшие было на перемену в образе действий Ватикана относительно польских дел, оказались напрасными.

Начавшиеся в конце 1861 года переговоры с курией о предполагавшемся назначении в Петербург чрезвычайного посла пап-

* Из них один, признанный зачинщиком, предан военному суду; из остальных некоторые отданы в солдаты, другие подвергнуты аресту на несколько недель.

ского не привели к желанному установлению modus vivendi между русским правительством и Ватиканом*. Последний, по своему обыкновению, не удовлетворился предложенной ему важной уступкой со стороны нашего правительства и пытался достигнуть большего успеха в своих властолюбивых стремлениях. В феврале 1862 года кардинал Антонелли, при объяснениях с нашим посланником Киселевым, поставил ему вопрос: будет ли распространяться и на папского нунция существующее воспрещение прямых сношений польского духовенства с римским престолом? На это князь Горчаков ответил (27-го марта), что присутствие папского посла в Петербурге не может изменить установленный конкордатом порядок сношений местного католического духовенства, что порядок этот существует даже и в тех государствах, в которых римско-католическая церковь признана господствующей. После этого переговоры затянулись; Ватикан не торопился воспользоваться сделанным ему, в его же интересах, предложением**. Как уже было замечено, в Риме имело большую силу польское

---

* Еще 9-го/21-го января 1862 года посланник в Риме Ник<олай> Дм<итриевич> Киселев писал своему брату графу Павлу Дм<итриевичу> Киселеву: «La perspective d'avoir un Nonce chez nous (et ce sera un Nonce et non autre chose par le rang même du prélat qu'on sera obligé d'envoyer en mission **temporaire**, avec la chance de l'y laisser en permanênce) — cause une joie extrême au bon vieux Pape. Cette idée le «rajeunit et il ne cache pas son contentement...»
(«Перспектива иметь у нас нунция (и это будет нунций и не что-либо другое по самому прелатскому чину того, кого должны будут прислать с временной миссией, с возможностью оставить на постоянно) является причиной чрезвычайной радости для старого доброго Папы. Эта идея его омолодила, и он не скрывает своего удовольствия...») (*Пер. с фр.*)[136]

** В письме от 8-го марта (нов. ст.) Н.Д. Киселев писал своему брату графу Павлу Дмитриевичу Киселеву: «Le Papa et le Cardinal (т.е. Антонелли) continuent de s'occuper sérieusement du choix du personnage a envoyer chez nous, et s'ils ne se pressent pas de le proclamer, c'est qu' on veut ménager l'individu et lui eviter «les horreurs d'un voyage chez nous dans la mouvaise saison...»
Но 1-го/13-го мая наш посланник уже писал в ином смысле: «Le bon Papa fait gratuitement des maladresses, pour troubler la bonne entente avec nous, qui prenait, une si bonne direction; mais j' éspère que tout n'est pas encore gaté et que nos affaires avec la St. Siège ne perdront pas le bonne assiette que nous étions parvenu a leur donner...» («Папа и кардинал продолжают всерьез интересоваться выбором лица, чтобы послать к нам, и если они не торопятся его объявлять, так это потому, что хотят поберечь этого человека и избавить его от ужасов «путешествия к нам в плохое время года...» «Добрый Папа щедро творит препятствия, чтобы поколебать доброе согласие, установившееся между нами, которое развивалось в столь благоприятном направлении; но я надеюсь, что не все испорчено, и что наши дела со Святым Престолом не утратят хорошей основы, которую нам удалось под них подвести...») (*Пер. с фр.*)[137]

революционное влияние, для которого было, конечно, невыгодно сближение Ватикана с русским правительством. В то самое время, когда велись означенные дипломатические переговоры, Папа опять обратился к новому варшавскому архиепископу с тайным посланием, которым приглашал Фелинского прибыть в Рим. Князь Горчаков, в депеше от 11-го апреля[138], поручил Н.Д. Киселеву объясниться по этому случаю с кардиналом Антонелли и заявить ему, что при таком образе действий Ватикана предполагавшееся соглашение сделается невозможным. Папское послание не могло не повлиять на самого Фелинского: забыты были прежние его благие намерения, данные им лично Государю обещания, произнесенные в костеле Св. Яна разумные речи, – все стушевалось под давлением поглощавшей его революционной среды и внушений из Рима. Фелинский сделался таким же участником революционного движения, какими были его предместники на архиепископской кафедре. С апреля возобновились в Варшаве не только запрещенные гимны в костелах, но и духовные процессии с целью политических манифестаций. На замечание наместника по этому предмету Фелинский дерзко отозвался, что духовенство исполняет свой долг; что он сам, архиепископ, лично явится во главе процессии, запрещать которые правительство не в праве. Он даже позволил себе циническое выражение, что предпочтет видеть на земле 10 тысяч трупов человеческих, чем отказаться от самой незначительной доли прав, присвоенных ему каноническими уставами*. Слова эти были сообщены официально римской курии; но, разумеется, сообщение это оставлено было без всяких последствий.

Революционное движение в Царстве Польском, несмотря на видимое затишье в зиму 1861–1862 г., не только не укрощалось, но, напротив того, собиралось с новыми силами, организовалось и вместе с тем все более распространялось на западные губернии Империи. Втихомолку делались приготовления к открытому восстанию: заготовлялось оружие, молодежь обучалась военному делу; заграничная печать разжигала общественное мнение Европы против России; деятельно велась пропаганда не только в польском населении, но и в среде русской молодежи и даже в войсках.

---

* Об этом факте упоминается в официальной мемории князя Горчакова[139], опубликованной впоследствии, 10-го января 1867 года.

В самой Варшаве образовался местный центр революционной организации, под названием «Центрального революционного комитета». Подпольная эта власть долго оставалась тайною для русской полиции и действовала анонимно. Только в позднейшее время открылось, что во главе «Центрального комитета» в начале 1862 года стоял ссыльный Гиллер, только что возвращенный из Сибири, один из ярых сторонников партии «красных». Членами же комитета были: Маевский, ксендз Кошевский, Авейде (бывший студент Петербургского университета) и Подлевский, бывший артиллерийский офицер. Личности эти принадлежали к разным партиям, одни, как, например, Маевский, – были поклонники Мерославского; другие, как Авейде, – находились в близких связях с партией «белых». Из названных лиц особенной энергией и страстностью отличался Подлевский.

Варшавский революционный комитет, сохраняя связи с заграничными руководителями, должен был по возможности ладить с обеими враждовавшими между собою партиями «белых» и «красных». Борьба между этими двумя лагерями эмиграции продолжалась сильнее, чем когда-либо. Hôtel Lambert, т.е. партия «белых» (князя Чарторыйского) старалась всеми средствами привлекать на свою сторону более личностей смелых и энергичных, переманивая их из противного лагеря и подрывая авторитет Мерославского в среде «красных». Для этого употреблялись всякие козни. Мерославский, заведуя тогда польской военной школой в Генуе, приобретал чрез то большое влияние на польскую молодежь, из которой готовились вожди будущего вооруженного восстания. Чтобы столкнуть Мерославского с его места, подсылались в Геную тайные агенты, прикидывавшиеся сторонниками «красных»: сперва Лангевич, отставной прусский офицер, завербованный графом Дзялинским (зятем князя Чарторыйского), главным революционным заправилой в Познанской области, а потом Подлевский. Последнему удалось уличить Мерославского и бывшего у него секретарем и кассиром истого революционера Куржину в подлогах в отчетности по расходованию сумм революционной кассы и тем сильно поколебать авторитет Мерославского, который и был вследствие того устранен от начальствования школой. Место его занял Высоцкий, но ненадолго; ибо вызванный означенными разоблачениями скандал и возникшие беспорядки между воспитанниками польской военной школы послужили итальянскому правительству поводом к закрытию этой школы, причинявшей ему немало затруднений в политическом отношении. Питомцы упраздненной шко-

лы рассеялись в разные стороны и почти все попали потом в шайки повстанцев.

Стараясь парализовать своих противников, князь Чарторыйский и его сподручники сознавали однако же, что сами они не могли непосредственно стать во главе открытого мятежа в Польше. Чтобы не компрометировать себя пред дипломатией и удержать за собою роль ходатаев за Польшу пред европейскими кабинетами, они придумали создать из своих клиентов особую партию, под названием «партия действия», которая, не сливаясь с «красными», могла бы действовать под негласным руководством и при содействии Отеля Ламбер. Такая тонкая уловка доставила «белым» возможность оторвать от партии «красных» большое число действующих лиц, из которых многие сами даже не подозревали о своей солидарности с партией «белых». Этим обстоятельством объясняется многое, что казалось темным и странным в последующих действиях и отношениях главных участников восстания.

Так и в составе образовавшегося в Варшаве местного революционного комитета сошлись личности, принадлежавшие к противным партиям, – что не мешало им действовать с равным задором.

Представители той и другой партии работали с одинаковым усердием над «организацией» восстания в крае, вербуя в свои ряды сколько можно большее число новобранцев. При этом держались известной системы десяточной, то есть лица каждого десятка знали только своего десятника и никого из прочих участников организации. Кроме названных выше членов первоначального состава Варшавского центрального комитета, постепенно число главных деятелей возрастало. Они старались перещеголять друг друга своей революционной ревностью, предлагая самые крайние средства и не останавливаясь ни пред какими злодейскими изобретениями.

В числе таких личностей явился в Варшаве, в апреле 1862 года, Хмеленский – разорившийся помещик, бывший артиллерийский офицер, человек безнравственный и жестокосердный. Отвергнутый партией «белых», он бросился в среду «красных» и сделался самым ярым деятелем этой партии. Он первый внес в Центральный комитет злодейскую мысль – прибегнуть к убийствам посредством подкупленных негодяев из низшего слоя населения. Гнусная эта мысль была, разумеется, охотно принята, и решено неотлагательно привести ее в исполнение, избрав первыми жертвами высшие правительственные власти, а затем применять ко

всем вообще личностям, признаваемым наибольшею помехой успеху революционного дела.

В Западном крае хотя и не было еще открытых, резких нарушений общественного спокойствия и безопасности, однако же польская революционная работа очевидно продолжалась и делала успехи в северо-западных губерниях. Как уже было прежде замечено, все, что творилось в Варшаве, отражалось как эхо в Вильне. И там полиции приходилось бороться с польскими манифестациями, ношением траура и национальных польских костюмов, с пением патриотических гимнов пред образами и распятиями, выставленными на улицах и площадях.

В Вильне образовался и свой местный революционный комитет. Впоследствии оказалось, что он состоял в начале года из следующих личностей: капитана Генерального Штаба Жвирждовского*, служивших на железной дороге двух поручиков Корпуса инженеров путей сообщения Малаховского и Вериго, врача Длуского и бывшего кандидата Петербургского университета Калиновского. Затем устроена была в крае целая сеть революционной администрации: назначены были начальники «воеводств»; при каждом из них особый комиссар; начальники уездов и т.д. Состав виленского комитета был столь же разнороден, как и тогдашнего варшавского «Центрального» комитета. Жвирждовский сочувствовал партии «белых», мечтал о слиянии Западного края Империи с Царством Польским под королевским знаменем Чарторыйских; он действовал с замечательными коварством и скрытностью: будучи во главе революционного движения в Литве, он между тем оставался на службе в Генеральном Штабе и умел вкрасться в полную доверенность генерала Назимова; в летнее время даже проживал у него в генерал-губернаторском загородном помещении. Противоположность ему составлял Калиновский – сын ткача, принадлежавший к партии «красных» и проповедовавший самые крайние меры, как, например, раздачу земель крестьянам для привлечения их на сторону мятежа; он противился подчинению Западного края Польше, а мечтал о самобытной Литве, организованной на демократических началах и в федеральной связи с Польшей.

Русской местной администрации, при вкоренившейся с давних времен беспечности и доверчивости, при весьма плохой по-

---

* Кончил курс в Академии Генерального Штаба в 1858 году и переведен в Генеральный Штаб в 1860 году.

лиции, трудно было справляться с настойчивостью и лукавством польской крамолы, которая исподтишка и с лицемерной покорностью всюду пускала свои корни, подкапывая все здание русского господства в крае. В Петербурге не замечали успехов этой враждебной нам работы и не придавали большой важности получаемым по временам донесениям местных начальств. Уже в исходе 1861 года виленский генерал-губернатор генерал-адъютант Назимов обращал внимание шефа жандармов князя Долгорукова и главноуправляющего путями сообщений генерал-адъютанта Чевкина на двусмысленные распоряжения управления только что открытой железной дороги и на личный состав этого управления, почти исключительно из поляков и иностранцев. Указание это осталось без всяких последствий. Получив от попечителя Виленского учебного округа князя Ширинского-Шихматова сведение, что польские помещики заводят для народа свои польские школы, очевидно, с той целью, чтобы парализовать распоряжения правительства о распространении русской грамоты, генерал Назимов предписал земской полиции наблюдать за подобными попытками польских помещиков и не допускать учреждения польских школ; но вслед за тем в «Северной Почте» – официальном органе Министерства внутренних дел, – появилась статья, восхвалявшая педагогическую деятельность польских помещиков и дам. Такое же противодействие было встречено виленским генерал-губернатором со стороны министерства и шефа жандармов, когда генерал-адъютант Назимов нашел весьма подозрительным, что польские помещики, под предлогом недостатка рабочих рук в крае, стали выписывать целые партии польских семей из Познани и Галиции; генерал Назимов видел в этом действии замысел усилить польский элемент в тех частях края, где помещики не могли полагаться на сочувствие местного сельского населения польскому движению. Как бы в ответ на заявленное генералом Назимовым опасение состоялось в начале 1862 года Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о разрешении землевладельцам входить, помимо всякого вмешательства правительственной власти, в соглашение с иностранными подданными, изъявляющими желание водворяться в России[140].

Правительство наше не только не принимало мер для противодействия польской работе в Западном крае, но даже помогало ей в некоторых отношениях, вследствие ложной системы покровительства польской аристократии, составляющей

будто бы консервативный элемент в крае, опору самодержавия! Система эта заставляла местные власти оказывать польским помещикам поддержку против крестьян и часто принимать против последних очень крутые меры в случаях вопиющей несправедливости и притеснений со стороны первых. Чрез это угнетенное, забитое крестьянское население, разумеется, отдавалось вполне в руки польских панов и дворовой их челяди. Шляхта смотрела на простой народ как на рабочий скот, а крестьяне были вынуждены выносить всякие угнетения и несправедливости.

Несмотря на такое вековое угнетение, крестьянское население в большей части края все-таки сохранило свою веру и язык; оно было пропитано ненавистью к польским помещикам и шляхте. Когда же раздался благовест о Царском манифесте 19-го февраля, народ, несмотря на все польские ухищрения и на несообразный образ действий местных властей, понял, что настало время избавления от тяжкого рабства и что этим избавлением он обязан Царю. Польской крамоле уже нельзя было рассчитывать на содействие массы сельского населения. Не говоря уже о юго-западных губерниях, где сельское население почти все православное, но и в большей части северо-западных губерний все старания вожаков революции привлечь на свою сторону крестьян остались напрасными. В этом крае контингент польской революционной силы заключался почти исключительно в польской шляхте, католическом духовенстве, городском пролетариате и отчасти в мелком чиновничестве.

В то время, когда в Петербурге маркиз Велепольский давал направление решениям высшего правительства относительно Царства Польского, Северо-Западный край также имел своего представителя и ходатая в лице графа Старжинского, о котором упоминалось уже прежде. Он также представлял нашим министрам разные записки, давал советы и вел польскую пропаганду в петербургском высшем обществе. Между прочим, он настаивал на учреждении в Вильне кредитного общества, на издании там польской газеты, и проч. К счастью, предложения его не имели успеха. Тем не менее граф Старжинский, как увидим, продолжал и позже интриговать в пользу ополячения края под маской заботливого и благонамеренного ревнителя его спокойствия и благосостояния.

НОВЫЙ ФАЗИС В ПОЛЬСКИХ ДЕЛАХ
АПРЕЛЬ, МАЙ, ИЮНЬ

Пасха в 1862 году (8-го апреля) не ознаменовалась ничем в официальном нашем мире; обычные в этот день награды и назначения были отложены на 17-е апреля — годовщину рождения Государя. В этот день в Зимнем дворце происходил утром большой выход, а вечером — бал. Министр иностранных дел князь Горчаков получил звание государственного вице-канцлера; управлявший Министерством государственных имуществ генерал-лейтенант Зеленый утвержден в должности министра; генерал-адъютант граф Лидерс назначен членом Государственного Совета с оставлением, однако же, за ним временного исправления должности наместника в Царстве Польском и главнокомандующего 1-й армией*.

На другой день, 18-го апреля, происходил осмотр Государем топографических и гидрографических работ Военного и Морского министерств в залах Зимнего дворца, а 20-го числа — так называемый «майский парад» на Марсовом поле**.Вслед за тем их Величества переехали в летнее свое местопребывание — Царское Село.

В это время получено было известие о смерти коменданта Петербургской крепости генерала от инфантерии Мандерштерна, умершего в Висбадене 19-го апреля. На его место назначен член Военного Совета инженерный генерал-лейтенант Сорокин — человек почтенный, кроткий, считавшийся в свое время хорошим инженером.

30-го апреля происходили похороны генерала от инфантерии Леонтия Васильевича Дубельта, — управлявшего в царствование Императора Николая I-го третьим отделением Собственной Е.В. Канцелярии, т.е. тайной полицией***. В былые времена одно имя Дубельта приводило в трепет; чрез него же обделывались и вся-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Самыми крупными наградами были: орден Св. Андрея барону Петру Казимировичу Мейендорфу, председателю Кабинета Е.В., Св. Владимира 1 ст. — обер-гофмаршалу графу Андрею Петровичу Шувалову и алмазные знаки Св. Александра Невского — московскому военному генерал-губернатору генерал-адъютанту Тучкову. По военному ведомству последовало большое производство в чины. Управлявший Морским министерством генерал-адъютант Краббе произведен в вице-адмиралы». *(Прим. публ.)*

** Далее в автографе зачеркнуто: «На этом смотру находилось 32 батальона, 44 эскадрона и 12 $^1/_2$ батарей». *(Прим. публ.)*

*** Далее в автографе зачеркнуто: «под главным начальством князя Алексея Федоровича Орлова». *(Прим. публ.)*

кие дела, не подчинявшиеся гласному и законному порядку. На Дубельта сваливали и граф Бенкендорф, и князь Орлов все мелкие дрязги и все, что было наиболее ненавистного в функциях того учреждения, над которым они были поставлены высшими блюстителями.

С 19-го апреля (1-го мая нов. ст.) открыта была в Лондоне всемирная выставка, в которой находился и русский отдел, из 750 экспонатов. Английские газеты отзывались о нашем отделе с похвалой.

С переезда Царского семейства в Царское Село начались мои поездки туда с докладом; но как уже сказано мною, — не ежедневные, а только по три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам. Случались и сверх того поездки экстренные, как-то в Царские дни, по случаю каких-нибудь совещаний или по особым приказаниям. Впрочем, в этом году и сам Государь приезжал довольно часто в Петербург по разным случаям. Беспрестанные совещания происходили то в Царском Селе, то в Зимнем дворце. Иногда Государь принимал мои доклады в вагоне железной дороги по пути из Царского Села в Петербург.

Моя семья с половины мая водворилась на лето, так же, как и в прошлом году, во флигеле Каменно-островского дворца Великой Княгини Елены Павловны. Мне приходилось мало пользоваться дачной жизнью. Кроме частых поездок в Царское Село, беспрестанных заседаний и совещаний, я был завален работой по министерству. Во всех отделах его шла самая напряженная деятельность, как по разработке предпринятых обширных преобразований, так и вследствие общего тревожного положения дел.

Торжественный день 17-го апреля дал повод к оказанию новых Царских милостей полякам. Множество лиц, высланных из Польши административным порядком или сосланных по суду, было помиловано и возвращено на родину. В этом числе и ксендз Белобржеский возвращен к прежней своей должности в варшавском капитуле. Но, как уже сказано, помилованные возвращались из ссылки еще более ожесточенными и принимались с новым рвением за прежнюю свою революционную работу. Эти рецидивисты даже приобретали известный авторитет, так как вынесенные ими кары составляли как бы похвальный для них аттестат в глазах революционеров.

Прошло уже более полугода с тех пор, как наместник в Царстве Польском и командующий 1-й армией генерал-адъютант граф

Ламберт должен был выехать из Варшавы, оставив управление краем на попечении временно заместившего его генерала Лидерса. Всю зиму граф Ламберт прожил на острове Мадейра; здоровье его не только не поправилось, но даже становилось все хуже. Состоявший при нем генерал-майор Веригин писал мне от 20-го февраля/4-го марта: «В последние числа декабря все симптомы легочных повреждений возобновились с прежней силой, и с тех пор беспрестанные страдания довели графа до крайнего изнеможения, так что он с трудом может говорить; ночи проводит без сна и для прогулок носят его в гамаке...»[141] При письме Веригина было приложено составленное местными врачами (15/27-го февраля) медицинское свидетельство, в котором объяснено, что граф Ламберт страдает наследственной болезнью — чахоткой, что найденные у него в обоих легких туберкулы заметно усилились в начале года вследствие простуды; в заключение врачи высказали мнение, что в случае, если силы больного укрепятся и если возвратится аппетит, он может еще бороться с недугом; в противном же случае можно опасаться весьма быстрого его развития. С наступлением весны врачи присоветовали больному предпринять поездку по морю. Пред отправлением своим граф Ламберт поручил генерал-майору Веригину съездить в Петербург для личного доклада Государю о положении больного и совершенной невозможности возвратиться ему на службу. Тогда только Государь решился на увольнение графа Ламберта от занимаемых им должностей и на окончательное его замещение другим лицом. 21-го апреля состоялся приказ об увольнении графа Ламберта*.

Но оставался нерешенным крайне затруднительный вопрос о выборе нового лица, которое удовлетворяло бы всем условиям для соединения в себе обеих должностей — наместника и главнокомандующего. Генерал Лидерс, при всех своих достоинствах, не признавался к тому вполне способным; при тогдашнем положении дел нужен был для управления краем иной человек. Явились разные предположения, одни несообразнее других. Между прочим, была речь о разделении власти между двумя, независимыми друг от друга лицами: главнокомандующим армией и начальни-

* Позже граф Ламберт, переселившись в Лиссабон, в письме ко мне от 22-го августа/3-го сентября[142] возобновил просьбу об увольнении его вовсе от службы, так как усилившаяся болезнь его лишает всякой надежды на возвращение в отечество. Государь долго откладывал решение, и только в октябре получил я приказание уведомить графа Ламберта о разрешении ему оставаться спокойно за границей сколько нужно, продолжая считаться на службе.

ком гражданского управления, — и на последнюю эту должность прочили маркиза Велепольского. Я счел своим долгом, насколько было в моих силах, восстать против такого безрассудного предположения. Мне удалось убедить Государя в опасных последствиях разделения власти в крае, взволнованном революционным движением; в неизбежности столкновений между двумя независимыми друг от друга властями и т.д. Соглашаясь с мыслью о назначении особого доверенного лица собственно для заведования гражданским управлением в Царстве, я был, однако же, убежден в необходимости подчинения этого лица наместнику и главнокомандующему, в качестве его помощника. С этим мнением согласился Государь; но маркиз Велепольский, которого прочили в начальники гражданского управления, положительно заявил нежелание возвратиться по-прежнему в подчиненное положение относительно генерала Лидерса. Приискивая другое лицо на означенную должность, Государь совершенно неожиданно, — могу даже сказать, к моему крайнему удивлению, — обратил свой выбор на моего брата Николая. Я пробовал отклонить Государя от этой мысли, не только потому, что знал, с каким отвращением отзывался мой брат о каком бы ни было назначении его на службу в Царство Польское (о чем уже не раз возникали толки), но и потому, что действительно был убежден в том, что брат мой может оказать гораздо более важные услуги работой по предстоявшим еще внутренним преобразованиям в Империи, чем в управлении краем, вовсе ему неизвестном, при незнании польского языка и при том направлении, которое тогда взяло верх в образе действий нашего правительства относительно Царства Польского. Того же мнения были Великая Княгиня Елена Павловна, Великий Князь Константин Николаевич, А.В. Головнин, Ал<ександр> Аг<геевич> Абаза и другие искренние доброжелатели моего брата, не перестававшие заботиться о том, чтобы снова привлечь его к делу внутренних реформ. Великий Князь не раз высказывал намерение просить Государя о назначении моего брата членом Главного комитета по устройству сельского состояния, о чем в начале января (1862 г.) даже поручал А.В. Головнину предварить моего брата.

Несмотря на все мои возражения против выбора моего брата на должность начальника гражданского управления в Царстве Польском, Государь поручил мне немедленно же вызвать его в Петербург. Как уже сказано было прежде, брат мой провел зиму в Риме со всей своей семьей и сестрой Мордвиновой, вполне на-

слаждаясь жизнью под прелестным южным небом, среди классических памятников древности. Он рад был нравственно отдохнуть после непрерывной, в продолжение 25 лет, трудовой жизни на севере, особенно же после тех неприятностей и забот, которые вынес в последнее время. Притом он находил полезным продлить свое пребывание за границей для здоровья своего, жены и детей; но, с другой стороны, он как бы совестился оставаться долго в бездействии, или — как он сам выразился в письме ко мне от 18/30-го декабря 1861 года — быть «дармоедом». Не раз он высказывал в своих письмах, что готов пожертвовать и здоровьем, и отдыхом и не замедлил бы явиться на службу, если бы труды его признавались нужными для государства; но **напрашиваться** на работу не хотел и даже сомневался в том, может ли участие его в делах действительно принести пользу при тогдашней обстановке в Петербурге. «Идти на прежнюю борьбу я не в силах», — писал он мне; получить какую-либо самостоятельную должность (например, министра) он не рассчитывал, так как «это было бы возможно лишь при полном доверии Государя...» Поэтому он убедительно просил своих друзей «отнюдь не вызывать и даже не ускорять какое бы то ни было для него назначение»*.

В январе месяце, узнав о болезни графа Павла Дмитриевича Киселева, брат решился съездить в Париж, оставив свою семью в Риме. Прибыв в Париж 18/30-го января, он провел там около месяца, к большому удовольствию старика-дяди. В первые же дни своего пребывания в Париже, брат получил письмо от А.В. Головнина с извещением о намерении Великого Князя Константина Николаевича просить о назначении брата в члены Главного комитета. В то же время пришло и письмо Великой Княгини Елены Павловны (от 26-го января/7-го февраля)[144], которая настойчиво советовала брату принять предлагаемое назначение, чтобы оказать помощь в стоявших на очереди важных работах законодательных, особенно же по крестьянскому и земскому делу. Но брат не соблазнился этими предложениями: в ответах своих Великой Княгине и Головнину, выразив чистосердечную свою признательность за благосклонное внимание к нему Их Высочеств, он, однако же, объяснил откровенно соображения, побуждавшие его не спешить с возвращением в Петербург; он находил, что те при-

* Письмо из Рима от 18/30-го декабря 1861 года[143], из которого было уже приведено несколько выписок.

чины, по которым за год пред тем признавалось нужным устранить его от дел, нисколько с тех пор не изменились и что при таких условиях возвращение его в Петербург едва ли могло быть полезно. Притом он намекнул на неловкое положение, в которое он был бы поставлен в Главном комитете, не состоя в то же время, как все прочие участвующие в нем лица, членом Государственного Совета. В письме к А.В. Головнину брат припоминал с горечью, сколько он натерпелся, нося около двух лет звание «**временно** исправляющего должность товарища министра»; возвратиться снова в такое же неловкое положение, не пользуясь доверием свыше, было бы крайне тягостно. Тем не менее брат повторял, что совестясь жить в бездействии, пользуясь содержанием, он принял бы на себя с радостью такую работу, которую мог бы исполнять, оставаясь пока за границей, причем указал на вопрос о преобразовании местных управлений, которыми он уже много занимался. Высказав все эти соображения, брат окончательно решился просить о продлении его заграничного отпуска, срок которому истекал 11/23-го мая. Просимая отсрочка была дана без затруднений, даже бессрочная. В половине февраля он возвратился к своей семье в Рим, с намерением провести предстоявшее лето на водах в Германии.

Великая Княгиня Елена Павловна, в письмах своих к графу П.Д. Киселеву от 2/14-го и 18/30-го марта, выражала сожаление, что брат мой устраняется от участия в делах, в которых мог бы принести большую пользу[145]. Высоко ценя способности его, Великая Княгиня полагала, что он один мог бы вывести стоявшие на очереди вопросы (особенно выкуп крестьян и земские учреждения) из «хаоса» и «путаницы» («confusion gènèrale des idès»*); впрочем, она не отрицала основательности причин, побуждавших брата не спешить с возвращением в Петербург: «Il fait bien de s'èloignèr d'un champ d'action où on est usè ses forces tout en calomniaut ses intestious. Ce n'est que dans une position, où il serait a même d' être jugé par le maître lui-même, qu'il aurait pour lui des chances du succés et d'utilité véritable...»**

После всего сказанного можно легко себе представить, как были неожиданны для брата полученный чрез меня вызов его в

* Буквально - «всеобщее смятение идей». *(Пер. с фр.)*

** «Он прав в том, что удаляется от поля деятельности, где потратили бы его силы, продолжая клеветать на его намерения. И лишь когда он был бы представлен на суд самого Государя, у него были бы шансы на успех и на то, что он был бы действительно полезен...» *(Пер. с фр.)*

Петербург и намерение Государя возложить на него управление Царством Польским. Одновременно с моим уведомлением получил он и письмо А.В. Головнина (от 20-го апреля)[146], который, признавая всю трудность ожидавшего его назначения, утешал его тем, что выбор его на такую должность во всяком случае показывает личное к нему доверие Государя и высокое мнение Его Величества о способностях его. Однако же Головнин присовокупил, что Великий Князь Константин Николаевич имел в виду для брата совсем другое — ходатайствовать о назначении его, в день 30-го августа, членом Государственного Совета и прочить его со временем на должность министра внутренних дел; для назначения же в Варшаву считал более подходящим Валуева, знающего польский язык и несколько уже знакомого с Польшей; но сам же Головнин в своем письме замечал, что Государь не доверяет Валуеву в вопросах, касающихся Польши.

Брат мой был поражен как громом предположенным назначением его; он никогда не готовился к подобному роду деятельности; все помышления его, все внимание были до сих пор направлены совсем в другую сторону. Первым его движением было — отказаться; он даже заподозрил в этом предположении интригу врагов, с целью отстранить его от прямой, знакомой ему дороги. И в самом деле, не странно ли было, что он, прослывший красным, революционером, человеком опасным, теперь призывается для подавления революции, для восстановления мира и порядка! Однако же поразмыслив и посоветовавшись, он собрался в путь и 11-го мая прибыл в Петербург.

Путешествие его было не быстрое, потому что в то время еще не установилось правильное движение по железной дороге от прусской границы до Петербурга. А пока он ехал, положение дел в Петербурге уже приняло новый оборот. Поклонники маркиза Велепольского постарались отклонить Государя от назначения моего брата, утверждая, что для гражданского управления Царством Польским совершенно необходим поляк, а не русский. В самый день своего приезда брат мой получил от Великой Княгини Елены Павловны записочку с положительным советом не принимать назначения в Польшу: «Laissez-moi vous dire, — писала она, — que tous mes voeux se réunissent pour vous voir éviter le poste périlleux de Varsovie, qui vous perdra pour la Russie saus que vous ayez la chance sérieuse de réussir dans un pays hostile, dout la langue, les lois, les teudauces sout a étudier et qui

tera longtemps encore des victimes des Russes qui y serout envoyés...»*

В то же время и А.В. Головнин, еще до личного свидания с братом, спешил предварить его, что Великий Князь Константин Николаевич очень советует ему уклониться от предполагаемого назначения[147]. То же самое было высказано и лично Его Высочеством, когда брат мой явился к нему на другой день по приезду. Что же касается до самого Государя, то он не торопился увидеться с братом; представление его откладывалось со дня на день, под разными предлогами, и последовало только 16-го мая. А в этот промежуток времени ближайшие советники Государя успели окончательно повлиять на его решение: родилось предположение назначить на пост наместника самого Великого Князя Константина Николаевича, который принял это назначение весьма охотно**. В помощь Его Высочеству предположено дать маркиза Велепольского, в звании начальника гражданского управления, и другого помощника по военной части. При такой комбинации Велепольский уже не противился стать в подчиненное наместнику положение.

Прежде окончательного решения такого предположения Государь счел нужным подвергнуть его обсуждению в Совете министров. Вопрос был действительно важный. С одной стороны, возникали сомнения: своевременно ли было при тогдашнем положении дел в Царстве Польском поставить во главе его управления Великого Князя, Царского брата? Не будет ли щекотливо и даже опасно его положение в крае, обуреваемом мятежом? С другой стороны, предположенное сочетание Великого Князя с Велепольским имело значение окончательного и полного утверждения предположенного последним плана будущего государственного устройства Царства Польского. В Совете министров, по обык-

---

* «Позвольте мне сказать, что все мои желания сводятся к одному — увидеть вас избежавшим гибельного поста в Варшаве, отнявшего вас у России, хотя при этом у вас и не будет серьезной возможности преуспеть во враждебной стране, язык, законы и склонности которой предстоит изучить и которая еще долго будет приносить жертвы из посланных туда русских...» *(Пер. с фр.)*

** 24 года спустя, в 1886 году, в годовщину покушения на жизнь Великого Князя Константина Николаевича, 21 июня, А.В. Головнин в письме[148] ко мне припоминал, как покойный Государь, по получении известия об этом происшествии, немедленно позвал к себе Головнина и, показав ему телеграмму из Варшавы, со слезами на глазах рассказал всю историю назначения Великого Князя в Варшаву, повторив раза два, что назначение это согласно желанию Его Высочества.

новению, не было основательного и глубокого обсуждения вопроса: все ограничилось лишь общими, поверхностными разглагольствованиями; почти никто из участвовавших в совещании не имел ясного и отчетливого представления о плане Велепольского и сущности его стремлений. Впрочем, вопрос был уже предрешен; всякие возражения против внушенной Государю комбинации были бы напрасной оппозицией, тем более неуместной, что никто не мог противопоставить другую кандидатуру, обещающую более успеха.

Принятое Государем решение было полным поворотом в русской политике относительно Царства Польского; в сущности, это было возвращение к порядку вещей, существовавшему до революции 1830 года: полная автономия с отдельным самостоятельным управлением; во главе его — поляк; наместник — Великий Князь, брат Царский! Не доставало только особого войска польского; но и в этом отношении сделан был первый шаг: решено было переместить в Варшаву те гвардейские полки, которые, по своим названиям и мундирам, напоминали прежние полки польской армии времен Великого Князя Константина Павловича; именно — 3-ю гвардейскую пехотную дивизию и два кавалерийских полка: лейб-гвардии Уланский Его Высочества и Гродненский гусарский. Все эти шесть полков отличались теми именно цветами, которые были присвоены прежним полкам польской гвардии.

Распространившийся немедленно слух о предстоявшем назначении Великого Князя Константина Николаевича произвел в городе самое разнородное впечатление: насколько одни возрадовались удалению Его Высочества из Петербурга, то есть устранению его от внутренних дел, настолько же другие скорбели об этом. Великая Княгиня Елена Павловна, уже выехавшая в то время за границу, писала мне 1/13-го июня[149] из Карлсбада: «Le départ du grand duc Constantin est un événemeut si grave et si désolant que je ne saurai m'en consoler et je ne puis m'empêcher de lui en vouloir de déserter sa patrie, la cause d'un sage progrés et les amis qui out toujours marché avec lui aux dépens de leur tranquilité et souvent au péril de leur existence politique...»*

* «Отъезд Великого Князя Константина — столь тяжелое и печальное событие, что я не смогу утешиться и не могу не упрекать его в желании покинуть родину, дело мудрого прогресса и друзей, которые всегда шли рядом с ним в ущерб своему спокойствию и часто под угрозой своему политическому существованию...» *(Пер. с фр.)*

Что касается до моего брата, то он, конечно, был чрезвычайно обрадован, узнав, что испугавшая его гроза прошла мимо. Он даже избежал неприятности отвечать Государю отказом на выражение Царского доверия. Представление его состоялось 16-го мая, в Царском Селе. Государь принял его весьма милостиво и вначале с некоторым смущением; вошел в подробное объяснение соображений, побудивших его изменить свои виды относительно устройства управления в Царстве Польском; в заключение же весьма благосклонно спросил брата о личных его видах и желаниях.

Брат со всей откровенностью и прямотой высказал, что было у него на душе: хотя здоровье его и жены требовало продлить еще на некоторое время отпуск за границей, однако же он всегда готов принести в жертву свои личные интересы для пользы службы; но ему кажется, что те причины, по которым он должен был в минувшем году отстраниться от служебной деятельности, еще не перестали существовать; а при том раздражении и той ненависти, которые он навлек на себя в то время, можно опасаться, что возвращение его теперь же к делам могло бы привнести более вреда, чем пользы; впрочем, — сказал он, — никто не может быть судьей в собственном деле; а потому вопрос о том, когда и в каком виде участие его в делах государственных может сделаться полезным, — может быть решен только самим Государем. Выслушав с большой благосклонностью эти объяснения, Его Величество заключил разговор, предоставив брату провести еще предстоявшее лето за границей и возвратиться осенью, причем упомянул о своем намерении назначить его членом Государственного Совета и Главного комитета.

Вполне довольный приемом и решением Государя, брат мой оставался в Петербурге до конца мая и во все это время не имел отдыха: ежедневно получал разные приглашения, посещал и принимал множество лиц, а немногие свободные часы проводил у меня на Каменном острове; по ночам же работал, по своему обыкновению, над составлением записок по разным государственным вопросам, по которым Государь и некоторые из министров пожелали знать его мнения и соображения. Кратковременное его пребывание в Петербурге оставило в нем впечатление не совсем утешительное: он нашел, что обстановка в нашем официальном мире нисколько не улучшилась в течение его годового отсутствия; что важные дела велись без толку, без общей руководящей идеи; скорбел о том, что и в тех реформах, над которыми он в свое

время трудился с любовью, дело не только не развилось, но принимало во многом ложное направление. На польские дела взгляд его был вообще пессимистический: от нового назначения Великого Князя Константина Николаевича и маркиза Велепольского он не ожидал счастливых результатов и сожалел о том, что Его Высочество отрывался от той деятельности, которая приносила такую неоценимую пользу.

В начале июня брат мой возвратился в Париж, где нашел уже свою семью, прибывшую из Рима, с тем, чтобы оттуда отправиться на воды в Германию.

27-го мая последовало назначение Великого Князя Константина Николаевича наместником в Царстве Польском, а графа Александра Велепольского, маркиза Гонзаго-Мышковского — начальником гражданского управления. Наместнику подчинены войска, расположенные в Царстве, на правах главнокомандующего; помощником же по военной части назначен командир Отдельного гренадерского корпуса генерал-адъютант барон Эдуард Андреевич Рамзай, с званием командующего войсками в Царстве. В тот же день генерал-адъютант Лидерс возведен в графское достоинство и получил благодарственный рескрипт. В указе было выражено, что назначение Великого Князя есть новое доказательство благоволения Государя к своим подданным Царства Польского. Круг действия и права наместника были определены указом в таком смысле: поставленный во главе исполнительной и административной власти, он действует не иначе, как чрез начальника гражданского управления, а по военной части — чрез командующего войсками; поэтому прежняя Канцелярия наместника упразднена. Наместник председательствует в Государственном Совете Царства и также в Совете Управления в тех случаях, когда признает нужным; в отсутствие же его в обоих Советах председательствует начальник гражданского управления. Наместник может остановить исполнение всякого постановления Совета; он же утверждает приговоры судебные по делам политическим, имеет право помилования и смягчения приговоров в установленных пределах.

О новых назначениях было немедленно же сообщено в Варшаву по телеграфу, и 29-го числа (10-го июня) граф Лидерс официально объявил о них в заседании Государственного Совета Царства как о новой Монаршей милости, открывающей Польше новую эру политического преуспеяния.

Но благодушная и кроткая политика русского Государя, очевидно, не согласовывалась с планами вожаков революции. Они сочли нужным, еще до приезда нового наместника и начальника гражданского управления, заявить свою непримиримую вражду против русской власти и решили произвести первый опыт задуманных политических убийств. И кого же избрали они первой жертвой? Графа Лидерса, накануне, можно сказать, передачи им власти в новые руки. 15/27-го июня, в 7 $^1/_2$ часов утра, когда граф Лидерс имел обычай гулять по Саксонскому саду, наемный злодей почти в упор выстрелил в него из пистолета и, ранив в заднюю часть шеи навылет под губой, скрылся в виду всей толпы гулявших.

Рана, нанесенная графу Лидерсу, оказалась весьма серьезной и причиняла ему сильные страдания. Немедленно же по получении об этом известия Государь выразил ему по телеграфу свое прискорбие и, освободив его от служебных занятий, разрешил ему отправиться за границу для лечения. Выезд Великого Князя наместника из Петербурга был ускорен, а Велепольский вступил в управление гражданской частью и 16/28-го июня, собрав под своим председательством Государственный Совет Царства, произнес речь, в которой выразил прискорбие свое по случаю вчерашнего гнусного покушения, затем объявил о целом ряде состоявшихся в последнее время Высочайших решений по важнейшим предметам; указал на дарованные вновь крупные льготы католическому духовенству, на облегчение сношений этого последнего с Ватиканом при посредстве русского посольства в Риме и на благоприятное направление, данное многим другим делам; маркиз закончил свою речь следующими словами: «Милостивый наш Монарх открыл дорогу к улучшениям в общественном порядке, к устранению многих недостатков и к обеспечению благосостояния своих подданных. С этой дороги, указанной благодетельной рукой Его Величества, правительство не даст себя отклонить. С помощью Божьей оно исполнит свою задачу, рассчитывая на поддержку вашу и всей страны»[150].

Со вступлением в должность Велепольского переменились и некоторые из главных директоров правительственных комиссий: действительный статский советник Крживицкий заменил тайного советника Губе во главе народного просвещения и духовных дел, а взамен тайного советника Крузенштерна, в Комиссии внутренних дел, назначен бывший минский губернатор действительный статский советник граф Келлер.

20-го июня (2-го июля), в 5 часов пополудни, прибыл в Варшаву и новый наместник с Великой Княгиней Александрой Иосифовной (бывшей тогда в последнем периоде беременности). На вокзале железной дороги встретили их несметное множество всех чинов гражданских и военных, масса публики и толпы народа. Прием был вполне торжественный. На другой день, 21-го числа, утром, происходил у Великого Князя, в замке, общий прием служащих; затем Его Высочество отправился торжественно в православный собор, а потом в католический, которые оба были переполнены народом, равно как и улицы, по которым проезжал Великий Князь.

Начало казалось недурным; первая встреча произвела благоприятное впечатление на Великого Князя и окружавших его. Но разочарование наступило скорее, чем можно было ожидать. Вечером того же дня, 21-го числа, Его Высочество был в театре; при выходе оттуда, когда Великий Князь садился в коляску, стоявший у подъезда злодей выстрелил в него из пистолета, в присутствии сопровождавших Великого Князя обер-полицмейстера, адъютанта Его Высочества князя Ухтомского, адъютанта графа Лидерса барона Бремзена и еще нескольких других лиц. К счастью злодейское это покушение причинило только незначительную ссадину кожи на левой ключице. Преступник на этот раз был схвачен и оказался портным подмастерьем, по имени Ярошинский, 22-летний молодой человек, подкупленный Хмеленским. Впоследствии дознано было, что, кроме Ярошинского, подговорены были Хмеленским еще двое и что первоначально предполагалось совершить покушение в самый день приезда Великого Князя на станции железной дороги. Ярошинский сознался, что тогда уже он подстерегал свою жертву, но не нашел возможности привести в исполнение свое намерение, так же как и на другой день, при проезде Его Высочества в собор. Одновременно предполагалось совершить покушение и на Велепольского. Оказалось, что и злодей нанесший рану графу Лидерсу, был также подговорен Хмеленским*.

На другой день происшествия, 22-го числа (4-го июля), утром, съехались в замке все высшие должностные лица граждан-

* Ярошинский был приговорен судом к смертной казни повешением; приговор этот, по желанию Его Высочества наместника, был передан на пересмотр в Полевой аудиториат, так что конфирмация Великого Князя последовала только 7/19-го августа, а приведена в исполнение 9/21-го августа, в Александровской цитадели.

П.П. Гагарин

кого и военного ведомств, для принесения Его Высочеству поздравлений с благополучным исходом злодейского покушения и выражения общего негодования. Великий Князь, подойдя к членам Совета, высказал им, что несмотря на два преступных выстрела в течение одной недели, он не считает эти прискорбные злодейства поводом к отступлению от предначертанного Государем пути реформ, столь желательных для блага Царства Польского. В то же утро в католическом кафедральном соборе Св. Яна архиепископ Фелинский отслужил благодарственное молебствие и произнес прекрасную речь, в которой осуждал в сильных выражениях злодейские покушения не только с религиозной, но с

политической точки зрения: «Только ослепленнейший безумец, — сказал архиепископ, – не уразумеет эту очевидную истину; только негодяй и бессердечный человек не возвысит голоса в такую знаменательную минуту и не окажет содействия пресечению зла... В подобном случае безмолвствовать, значит – соучаствовать...»

Великий Князь получил сочувственные телеграммы от всех членов Царского семейства, от иностранных государей и от множества других лиц. 24-го числа все иностранные консулы собрались в замок in corpore для принесения личного приветствия от имени своих государей. Король прусский прислал в Варшаву майора фон Рауха с собственноручным письмом.

22-го июня прибыли в Варшаву молодые Великие Князья Константин и Дмитрий Константиновичи и Великие Княжны Ольга и Вера Константиновны. 26-го июня, в день рождения Великой Княгини Александры Иосифовны, собрались к обедне в Лазенковском дворце высшие гражданские и военные чины; вечером город был иллюминован.

1/13-го июля Великая Княгиня Александра Иосифовна благополучно разрешилась от бремени; новорожденный был назван Вячеславом. По этому случаю отслужено было 4/16-го числа благодарственное молебствие, как в православном соборе, так и в католическом Св. Яна. В тот же день Великий Князь принимал поздравления собравшихся в дворце высших чинов, духовенства, магистрата и консулов. К членам магистрата Его Высочество обратился с речью на польском языке. В ознаменование того же семейного события оказаны были разные милости, и многие лица, приговоренные судом к наказаниям за политические преступления, получили облегчения или помилованы.

Между тем граф Лидерс все еще оставался в Варшаве по причине страданий от ран, не позволявших ему предпринять путешествие. Только 6/18-го июля, получив некоторое облегчение, выехал он в Берлин*.

Вследствие назначения Великого Князя Константина Николаевича наместником в Царстве Польском и отъезда его в Варшаву последовало 16-го июня Высочайшее повеление, чтобы в Главном комитете по устройству сельского состояния председатель-

---

* В течение лета граф Лидерс залечил свою рану и 21-го сентября возвратился в Варшаву, проездом в Одессу, куда прибыл 5-го октября.

ствовал граф Д.Н. Блудов; но престарелый наш председатель Государственного Совета и Комитета министров только что выдержал продолжительную и тяжелую болезнь, после которой врачи признали необходимым отъезд его и лечение за границей. Поэтому повелено было, в отсутствие его, председательствовать как в Государственном Совете и Комитете министров, так и в Главном комитете действительному тайному советнику князю Павлу Петровичу Гагарину.

В тот же день последовало назначение действительного статского советника князя Сергея Николаевича Урусова (занимавшего должность директора Духовно-учебного управления при Синоде) помощником синодального обер-прокурора.

По военному ведомству назначение Великого Князя Константина Николаевича вызвало значительные перемены. Государь не считал возможным сохранить в лице Его Высочества прежнее слияние должностей наместника и главнокомандующего 1-й армией; но в то же время не признавалось возможным и отделить военную власть от гражданской в Царстве Польском, особенно при тогдашнем положении дел. Из этого проистекала необходимость подчинения Великому Князю лишь тех войск, которые находились в пределах Царства, с образованием для этих войск особого управления; а следовательно, существовавшая организация 1-й армии с ее обширным управлением подлежала упразднению. По тем же соображениям признано было полезным и те части 1-й армии, которые были расположены в западных губерниях Империи, подчинить генерал-губернаторам виленскому и киевскому, с образованием при них особых военных управлений в Вильне и Киеве. Таким образом, сама сила обстоятельств и практическая необходимость заставили ускорить осуществление той мысли, которая была положена в основание представленных мной предположений о преобразовании общей системы нашего военного управления. Распадение 1-й армии на три части, с подчинением каждой из них главному начальству края — дало начало образованию трех первых «военных округов»: Варшавского, Виленского и Киевского, к числу которых вскоре добавлен еще четвертый - Одесский[151]*.

С образованием этих округов связано было упразднение корпусных управлений: 1-го, 2-го и 3-го (входивших в состав 1-й армии), 5-го (расположенного в Новороссийском крае) и Сводно-

* Положение об образовании Одесского военного округа Высочайше утверждено 10-го декабря 1862 года и объявлено в приказе 12-го декабря.

го кавалерийского*. Личный состав главного штаба 1-й армии и названных корпусных штабов доставил материал для сформирования новых четырех окружных управлений, в первоначальном их ограниченном и несовершенном устройстве. Но первое время пришлось довольствоваться временной организацией окружных штабов, а в Варшавском, сверх того, — управлений начальников артиллерии и инженеров и интендантского. Пока не было разработано полное Положение о предположенной военно-окружной системе, хозяйственная часть военного управления должна была по необходимости оставаться в непосредственном ведении подлежащих департаментов министерства. Только в исходе года образованы были интендантские управления в округах Виленском, Киевском и Одесском, открывшие свои действия с 1-го января 1863 года и то лишь по одной провиантской части; вещевое же довольствие оставалось в непосредственном распоряжении Комиссариатского департамента до самого утверждения Положения о военных округах**.

Было предположение тогда же образовать военный округ в Москве и возложить на первое время на московского военного генерал-губернатора обязанности командира Гренадерского корпуса; но предположение это не состоялось, и командиром означенного корпуса, на место генерал-адъютанта Рамзая, назначен был начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии генерал-адъютант Гильденштуббе***.

С приведением в исполнение всех изложенных перемен последовал целый ряд новых личных перемещений: в Варшавском округе, вместе с назначением генерал-адъютанта Рамзая командующим войсками, переменились и все прежние начальствующие лица: начальником штаба назначен генерал-майор Минквиц (бывший начальником же штаба 1-го армейского корпуса); начальником артиллерии — генерал-лейтенант Шварц (бывший на-

---

*Из четырех дивизий, входивших в состав этого корпуса, одна (3-я) поступила в состав войск Киевского военного округа; другая (5-я) - в Одесский округ; остальные две (4-я и 6-я) временно причислены к бывшим 4-му и 6-му корпусам, переименованным в 1-й и 2-й резервные.

**В начале следующего абзаца в автографе зачеркнуто: «С упразднением названных четырех армейских корпусов оказалось нужным изменить нумерацию двух остальных прочих, еще продолжавших существовать — 4-го и 2-го резервных». *(Прим. публ.)*

***О предполагавшемся образовании Московского военного округа предварительно сообщено было мною в письме от 7-го июля генерал-адъютанту П.А. Тучкову[152], который почему-то нашел обидным для себя сделанный ему вопрос: позволит ли **состояние его здоровья** принять на себя новую должность сверх лежащих уже на нем обязанностей?

чальником артиллерии Гвардейского корпуса*); начальником инженеров — генерал-майор Фейхтнер (бывший начальник штаба инженеров 1-й армии); интендантом — полковник Хоментовский**. В Виленском и Киевском округах генерал-губернаторам генерал-адъютантам Назимову и князю Васильчикову*** присвоено было звание командующих войсками в этих округах; начальниками же штабов назначены: в Виленском — генерал-майор Циммерман, в Киевском — генерал-майор Ган (бывший дежурным генералом 1-й армии).

Одесский округ, как уже сказано, образовался несколько позже. Занимавший пост новороссийского и бессарабского генерал-губернатора генерал-адъютант Александр Григорьевич Строганов уволен от этой должности 1-го июля, причем получил благодарственный рескрипт и орден Св. Владимира 1-й степени. На место его назначен генерал-губернатором в Одессу — генерал-адъютант Павел Евстафьевич Коцебу****, которому потом присвоено и звание командующего войсками Одесского округа, на таких же основаниях, как в округах Виленском и Киевском.

Из числа бывших корпусных командиров трое: генерал от инфантерии барон Карл Карлович Врангель, генерал-адъютант барон Александр Евстафьевич Врангель и генерал от кавалерии барон Оффенберг, так же как и бывший начальник артиллерии 1-й армии генерал-адъютант Мерхелевич, назначены были членами Военного Совета; а бывший помощник командира Сводного кавалерийского корпуса, генерал от кавалерии барон Фитингоф, получил место помощника командующего войсками Одесского округа*****.

---

* На эту должность, вместо генерал-лейтенанта Шварца, назначен генерал-лейтенант Вилламов.

** Назначен был по личному указанию Государя, как один из строевых гвардейских офицеров, известных лично Его Величеству, особенно способных к службе по хозяйственной части.

*** За отсутствием князя Васильчикова, уволенного в отпуск, временное исправление обязанностей командующего войсками было возложено на бывшего командира упраздненного 3-го армейского корпуса генерала от инфантерии барона Карла Карловича фон Врангеля 1<-го>.

**** Далее в автографе зачеркнуто: «остававшийся без должности со времени оставления им места начальника главного штаба 1-й армии». *(Прим. публ.)*

***** Далее в автографе зачеркнуто: «Другие же, оставаясь без места, начальствующие лица получили новые назначения впоследствии. Упомяну здесь еще о последовавшей около того же времени личной перемене: петербургский комендант генерал-лейтенант барон Зальца умер 19-го июня от апоплексического удара, и на место его назначен комендантом начальник 3-й гренадерской дивизии генерал-лейтенант Крылов, некогда командовавший лейб-гвардии Финляндским полком». *(Прим. публ.)*

ВНУТРЕННЯЯ КРАМОЛА
МАЙ, ИЮНЬ, ИЮЛЬ

Замыслы наших доморощенных революционеров и анархистов, как уже было сказано, проявлялись все с большей дерзостью и предприимчивостью. В программу их входили разные злодеяния для возбуждения в народе тревожного состояния, ропота и неудовольствия. В числе таких гнусных средств занимали место и поджоги. Пожары составляют у нас на Руси привычное бедствие в летнее время; в иные годы, вследствие засухи, бедствие это усиливается; народ переносит свое несчастье с покорностью. Но с 1862 года «красный петух» принял уже такие размеры и такой характер, что не могло оставаться сомнения в преднамеренных поджогах. В особенности было это очевидно в пожарах, начавшихся в Петербурге с 16-го мая и постепенно все усиливавшихся. 22-го числа сгорело 27 домов в Ямской; на другой день, 23-го числа, утром, – 40 домов на Малой Охте, куда устремились почти все городские пожарные команды, и прежде чем они успели возвратиться в свои части, в 3 $^{1}/_{2}$ часа вспыхнул другой пожар – на Гороховой улице между Семеновским мостом и Садовой; вслед за тем загорелась снова Ямская, разом по обеим сторонам Лиговки, и в то же время в Лещуковом переулке. В Ямской истреблен пожаром целый квартал, и погибло много лошадей; а в Лещуковом переулке сгорели два дома. В 11 же часов вечера вспыхнул еще новый пожар на Невском проспекте, между Николаевской и Владимирской улицами. Таким образом в один этот день горело в пяти разных местах; пожарные команды были измучены; жители приведены в крайне тревожное состояние и в уныние. 24-го числа утром опять пожар на Гороховой улице в Московской части. Следующие три дня (25-е, 26-е и 27-е) были сравнительно днями отдыха; но зато 28-е мая было самым ужасным днем для Петербурга. Пожар начался в $5^{1}/_{2}$ часов дня на Апраксином дворе, где была обильная пища огню. В это время толпы народа, преимущественно из среднего и торгового класса, наполняли Летний сад, по случаю обычного в Духов день гуляния. Когда в толпе раздался голос: «горим», вся масса бросилась разом из сада, и тут началось открытое воровство, настоящий грабеж. Между тем огонь быстро распространялся по деревянным, гнилым баракам Апраксина двора, набитым всяким старым хламом; языки пламени скоро охватили огромное пространство к стороне Чернышева моста; перебросились чрез Фонтанку на обширные дровяные дворы и дости-

гали Загородного проспекта. Огонь распространялся так быстро перелетавшими по воздуху головнями, а может быть, и чрез новые поджоги, что все усилия пожарных команд не в силах были остановить разрушительное действие стихии.

Когда я приехал на пожар, около 7 часов вечера, мне представилось море пламени на всем протяжении от Гостиного двора (который, к счастью, не был тронут) до Загородного проспекта и от Пажеского корпуса (который также отстояли) до Апраксина переулка. Здание Министерства внутренних дел было все объято огнем; из окон выбрасывали тюки дел. На меня произвел сильное впечатление не столько самый вид пожарища, сколько теснившийся кругом народ: я был поражен присутствием большого числа подозрительных личностей, с циническим, диким видом и злорадством смотревших на пожар. В остальной же толпе замечалось ожесточение, громко выражались подозрение на поляков и негодование на своих таинственных извергов, до которых не могли добраться. Много заподозренных лиц было в этот вечер арестовано полицией или схвачено самим народом.

Уже поздно вечером сам Государь прибыл из Царского Села. Появление его на пожаре было приветствовано восторженными криками народа. К 2-м часам ночи распространение пожара было наконец остановлено на том месте Загородного проспекта, где потом была выстроена часовня в память этого события. Но многие дни после того огонь тлел под пепелищем, и продолжалась деятельно работа пожарных и полицейских. По собранным впоследствии сведениям и произведенной оценке оказалось, что от пожаров, происходивших в Петербурге с 20-го по 28-е мая включительно, потерпели 5 тысяч хозяев и убытка причинено почти на 12 миллионов рублей. Самая центральная часть города, где кипела мелкая торговля, представляла печальную картину черных развалин и обломков. Жалки были и многие окраины города, где беднейшая часть населения осталась без крова: в Ямской, на Охте и т.д.

Правительству и городскому начальству предстояло принять деятельные меры для облегчения положения разоренных горожан, для восстановления мелкой торговли, производившейся на Апраксином дворе, для успокоения встревоженного населения столицы, наконец – для предохранения города от дальнейших покушений злодеев. В этих видах сделаны были такие распоряжения: учрежден временный комитет, под председательством генерал-адъютанта Николая Васильевича Зиновьева, для приведения

в известность понесенных от пожара потерь, для сбора пожертвований и раздачи пособий наиболее нуждавшимся; в состав комитета назначены представители от разных ведомств и от города; 2) город разделен на три отдела, подчиненные особым временным военным губернаторам; 1-й – генерал-адъютанту Философову (Алексею Илларионовичу), 2-й – генерал-адъютанту Толстому (Ник<олаю> Матв<еевичу>) и 3-й – генерал-адъютанту Ланскому (Петру Петровичу); 3) особая комиссия учреждена для раскрытия причин обыкновенных пожаров и виновников поджогов; для содействия этой комиссии все жители столицы приглашались сообщать ей имевшиеся у них сведения, замечания и соображения; 4) всех арестованных с зажигательными веществами и обвиняемых в поджогах повелено судить по законам военного времени[153].

Для размещения на первое время погорельцев, по Высочайшему повелению, отведены были некоторые из зданий первого военно-сухопутного госпиталя, казармы лейб-гвардии Стрелкового батальона (бывшие Московского полка, у Семеновского моста), старый арсенал (на Литейной); многие из домовладельцев изъявили желание поместить у себя некоторое число погорельцев. Для возобновления же, по возможности, мелкой торговли, производившейся на Апраксином дворе, отведен Семеновский плац, на котором неотлагательно началось устройство временных лавок и балаганов. Первыми поступившими в комитет пожертвованиями на пособия пострадавшим были пожалованные Их Величествами 50 тысяч рублей. Всего же собрано было пожертвований в течение первого месяца до 300 тысяч рублей, а до исхода года до 950 тысяч рублей.

Для обеспечения спокойствия в Петербурге признано было нужным отступить от обыкновенного порядка ежегодного сбора гвардейских войск в Красносельском лагере. Вся 2-я гвардейская пехотная дивизия была удержана в городе, за исключением стрелковых рот. Командование войсками, выступившими в лагерь в начале июня, было возложено на начальника 3-й гвардейской пехотной дивизии генерал-лейтенанта Павла Ивановича Корфа. Дивизия эта, как уже было упомянуто, получила потом приказание выступить в Варшаву.

Почти одновременно с петербургскими пожарами происходили опустошения и в других местностях России; 27-го мая сгорела половина города Боровичей; 31-го мая – сильный пожар в Чернигове; с 6-го июня начались частые пожары в Москве, по-

А.А. Суворов

том в Одессе, во многих других городах и селениях. Поэтому Высочайшее повеление о предании военному суду обвиняемых в поджогах в Петербурге распространено было и на все другие местности. Но уличать поджигателей с полной достоверностью удавалось редко; только один еврей в Одессе, по приговору военного суда, был расстрелян (26-го июля). Раскрыты были и такие случаи поджогов (в той же Одессе), которые имели только корыстные цели – спекуляцию на страховые премии.

6-го июня Государь с Императрицей приехали из Царского Села в Петербург, в 10 $^1/_2$ часов утра. У вокзала железной дороги они были встречены толпой погорельцев, временно приютив-

шихся на Семеновском плаце в палатках и шалашах. Их Величества подошли к ним; депутация из нескольких выборных, на коленях, поднесла хлеб-соль и со слезами благодарила за принятое Их Величествами участие в их судьбе. Государь поднял стариков, сказал им несколько одобрительных слов и затем, сев в коляску с генерал-адъютантом Толстым, уехал при криках «ура» в Зимний дворец. Императрица же, в другой коляске, проехала по Семеновскому плацу, в сопровождении петербургского военного генерал-губернатора князя А.А. Суворова. Густая толпа следовала за экипажем. Торговцы подносили Императрице разные мелкие вещицы, за которые Ее Величество щедро расплачивалась. Затем Императрица проехала в казармы у Семеновского моста, где была размещена, как уже сказано, часть погорельцев; Ее Величество раздавала беднякам пособие и раздарила им все накупленные у торговцев Семеновского плаца вещи.

13-го июня Императрица вторично посетила Семеновский плац и другие места размещения погорельцев, и снова толпы народа теснились везде около Царского экипажа с восторженными криками «ура».

Злодейства, к которым прибегали анархисты, производили на все слои населения тем большее впечатление, что настоящие виновники оставались неизвестными. Таинственность поражает ужасом. Все принимаемые полицейские меры оставались без успеха: ежедневные обыски, аресты, следствия ничего не открывали; усиление полиции военными командами, ночные патрули, угроза военным судом и смертной казнью – не останавливали пожаров, подбрасывания возмутительных воззваний и безымянных писем с угрозами.

Высшее правительство, конечно, чувствовало необходимость энергических мер к восстановлению власти, водворению порядка и прекращению безнаказанных злодеяний. У Государя в кабинете почти ежедневно происходили совещания, независимо от официальных заседаний Совета министров по четвергам. В этих собраниях и совещаниях говорилось много о мерах строгости, об энергическом подавлении крамолы; но больше было слов и письма, чем дела.

21-го мая, вследствие решения Совета министров, последовало Высочайшее повеление учредить следственную комиссию,

под председательством действительного тайного советника князя Александра Федоровича Голицына (председателя Комиссии прошений), для расследования обстоятельств распространения в последнее время преступных воззваний и покушений к возбуждению неудовольствия против правительства. В составе этой комиссии назначены: петербургский обер-полицмейстер и делегаты от Министерства внутренних дел, юстиции, Военного и от III-го отделения Собственной Е.В. Канцелярии. Представителем от военного ведомства назначен был, по выбору самого Государя, генерал-майор свиты Слепцов, бывший в прежнее время адъютантом Его Величества как Наследника престола.

Пока эта комиссия собирала данные для раскрытия тайн подпольной работы, делались многочисленные аресты и привлекалось к допросу множество личностей, возбуждавших подозрения. Инженерному ведомству повелено было (8-го июня) сколь можно поспешнее приспособить в казематах Петербургской (Петропавловской) крепости помещения на 26 политических арестантов. Между тем принимались многие частные меры для прекращения преступной пропаганды: еще 14-го мая Высочайше утверждены составленные в Министерстве внутренних дел правила о надзоре за типографиями, литографиями и другими того же рода заведениями, в которых фабриковались произведения подпольной литературы и возмутительные воззвания. Затем, в начале июня, по распоряжению военного генерал-губернатора закрыт шахматный клуб в Петербурге, как один из источников, «из которых распространялись всякие тревожные слухи и превратные суждения»; также закрыты все «читальни», которые вместо полезного чтения распространяли в народе вредные и превратные толкования. В то же время (5-го июня), вследствие положительно обнаруженного распространения вредных анархических и социалистических учений в двух петербургских «воскресных» школах (Самсоньевской и Введенской), закрыты все «воскресные» школы; наряжена особая следственная комиссия по этому случаю, и Высочайше повелено пересмотреть на будущее время самое Положение о воскресных школах. Соответственно этому Высочайшему положению сделано (7-го июня) и по Военному министерству распоряжение о закрытии таких же воскресных школ, существовавших при некоторых частях войск; запрещено впредь вообще допускать в казармах, под каким бы ни было предлогом, сборища посторонних лиц, к войскам не принадлежащих.

Предстоявшая Нижегородская ярмарка могла доставить злоумышленникам удобный случай для применения преступной их деятельности. Решено было на время ярмарки назначить в Нижний высшее начальствующее лицо, с особыми полномочиями. Для такого поручения выбран был командир отдельного Корпуса внутренней стражи генерал от кавалерии фон-дер Лауниц, энергичный характер которого мог служить вполне обеспечением спокойствия и порядка в массе собирающегося на ярмарку народа. Генерал Лауниц прибыл в Нижний и принял там начальство в половине июля.

В числе разнообразных сторон, на которые правительство наше должно было обращать внимание в своих распоряжениях и принимаемых экстренных мерах, немало озабочивало его тогдашнее настроение учащейся молодежи и печати.

Относительно молодежи, всегда впечатлительной и легко поддающейся лукавым внушениям, общественное мнение в то время разделено было на две стороны: крупное большинство осуждало юношей, сетовало на распущенность их, требовало более строгих мер для водворения дисциплины в школе; меньшинство же брало их сторону, скорбело об участи стольких несчастных молодых людей, поплатившихся всею своей будущностью за юношеские увлечения, и сваливало вину на начальство, на власти, доведшие молодежь до крайнего раздражения своими неразумными распоряжениями. В простом же народе, не разбиравшем поводов и причин, дело предоставлялось только в смысле уличного буйства. «Студент бунтует» – вот выражение, которое обрисовывало взгляд простонародия на студенческие демонстрации и на все так называемые «студенческие истории». Поэтому в народе не только не было сочувствия к беспорядкам молодежи, но даже проявлялось некоторое озлобление. Студентов заподозрили и в поджогах и в подметных письмах; им сделалось уже опасным появляться на улице в прежней своей форменной одежде, которую многие еще донашивали. Были случаи, что ради этой одежды бывшие студенты Петербургского университета (да и в других университетских городах) подвергались побоям от народа. Поэтому петербургским оберполицмейстером, 22-го мая, было подтверждено, чтобы студенты университетские не носили форменной одежды долее назначенного срока (21-го июля) для донашивания старой одежды. Но весьма многие из этих молодых людей были так бедны, что затруднялись приобрести себе иную одежду. На помощь им пришло

Общество для пособия нуждающимся литераторам; оно решило построить* обыкновенную (не форменную) одежду на 200 беднейших из бывших студентов. В Обществе этом образовалось особое отделение собственно для воспособления учащейся молодежи. Но высшее правительство взглянуло подозрительно и неодобрительно на эту заботливость Общества о нуждах учащейся молодежи. В Совете министров, 10-го июня, возбужден был вопрос о том, может ли быть допущено такое вмешательство Общества литераторов в дело, выходящее совершенно из сферы его прямого назначения, и решено означенное отделение Общества немедленно закрыть.

Со своей стороны министр народного просвещения А.В. Головнин не переставал заботиться о той массе учащихся, которая была оторвана от своих учебных занятий, так же как о значительном числе профессоров, для которых он еще не мог приискать полезной деятельности. Еще в конце апреля поручено было министром «временной комиссии», заведовавшей делами Петербургского университета, обсудить вопрос о возможности открытия лекций на некоторых факультетах, не ожидая утверждения проектированного нового устава, для проведения которого установленным законодательным порядком требовалось не мало времени. Предположения комиссии и министра по этому предмету были внесены 10-го июня на обсуждение Совета министров, и согласно заключению его, последовало Высочайшее повеление открыть с начала нового учебного года, то есть с предстоявшего сентября, один факультет (физико-математический); открытие прочих двух факультетов (юридического и историко-филологического) отложить еще на год, в том соображении, что к началу следующего учебного года последует и утверждение нового устава.

В том же заседании Совета министров 10-го июня было решено допускать публичные лекции в Петербурге не иначе, как по соглашению министров народного просвещения и внутренних дел с главным начальником III-го отделения Собственной Е.В. Канцелярии и с петербургским генерал-губернатором.

Что касается до вопроса о печати, то в заседании Совета министров 5-го июля внесена была представленная министром внутренних дел записка[154] о мерах противодействия неблагонамеренному направлению нашей журналистики. Статс-секретарь Валуев не находил для того иных средств, кроме следующих трех пред-

---

* Так в тексте. *(Прим. публ.)*

ложений: во-первых — подтвердить цензорам, чтобы усугубили строгость; во-вторых — поставить в обязанность всем министрам, в ведении которых издаются официальные журналы, помещать в этих изданиях статьи в разъяснение мер, принимаемых или предположенных правительством для улучшения разных отраслей администрации и законодательства; и в-третьих — внушить частным редакторам повременных изданий более справедливое и благонамеренное направление. Вот все, что было придумано в такое время, когда обстоятельства требовали энергических мер. Особенно третий из приведенных пунктов бросается в глаза своей наивностью.

Впрочем, энергия правительства выразилась вскоре наложением запрещения на некоторые периодические издания «за неоднократные нарушения цензурных правил»: 20-го июля объявлено Высочайшее повеление о прекращении на 8 месяцев «Современника» и «Русского Слова» и запрещение Ив<ану> Серг<еевичу> Аксакову издавать газету «День»[155]. Однако же и это последнее распоряжение было смягчено дозволением Аксакову передать редакцию «Дня» Юрию Федоровичу Самарину, под именем которого и продолжала выходить газета; а чрез самое короткое время (в пребывание Государя в Москве, в августе) последовало Высочайшее разрешение И.С. Аксакову вступить снова с 1-го января в звание редактора.

Я имел уже случай указать на тот странный факт, что в описываемое время даже правительственные повременные издания приняли направление «обличительное» и проводили идеи, вовсе не согласовавшиеся с видами правительства. В этом отношении отличалась газета Военного министерства «Русский Инвалид», предоставленная моим предместником в частные руки — подполковнику Генерального Штаба Писаревскому, на коммерческом основании. Хотя Писаревский и состоял на службе при «Военно-топографическом депо», в должности заведующего «фотографическим павильоном», однако же это служебное положение его нисколько не служило обеспечением в отношении направления издаваемой им газеты, которая, нося на своем заголовке государственный герб, наполнялась статьями не только обличительными, но и социалистическими. Мне приходилось бороться с редакцией для прекращения такой несообразности. Писаревский оправдывался разными случайностями, давал обещания быть осмотрительнее, — и все было напрасно. Если не он сам, то его сотоварищи по изданию газеты не подчинялись моим требовани-

ям и продолжали помещать статьи, совершенно не соответствовавшие официальному изданию. Связанный контрактом и щадя имущественные интересы подчиненного мне офицера, я сначала пробовал, не прибегая к крутым мерам, устранить по крайней мере внешнюю несообразность, отделив от официального издания «Русского Инвалида» неофициальную часть в виде особой газеты, на что контрагент Военного министерства охотно изъявил согласие, конечно, в тех видах, чтобы еще свободнее проводить революционные и социалистические идеи. Неудобство принятой паллиативной меры выказалось весьма скоро, и я вынужден был, наконец, совсем расторгнуть контракт на издание официальной части газеты, а подполковнику Писаревскому предложено было оставить службу. С 1-го декабря 1862 г. «Русский Инвалид» перешел снова на положение издания правительственного, то есть на казенный счет, редакция была возложена на полковника Генерального Штаба Романовского, которого я близко узнал во время моей службы на Кавказе[*].

Военное ведомство, как я уже не раз упоминал, не избегло вредного влияния тогдашнего революционного духа. Между молодыми офицерами было немало увлеченных теми либеральными теориями, которые открыто проповедовались в то время и в печати, и со школьной кафедры, и в кружках, собиравшихся около пропагандистов революции. Много было таких офицеров, которые с цинизмом отвергали основные принципы военной службы и, нося военный мундир, отзывались с пренебрежением о военном звании. Некоторые из них сами приняли на себя пропаганду революционных идей, даже между нижними чинами. Первым уличенным формально в таком преступном действии был поручик лейб-гвардии Измайловского полка Владимир Александрович Обручев[**], который, однако же, не состоял уже на службе. 31-го мая 1862 года ему объявлен был на площади приговор к каторжной работе на заводах на 3 года «за распространение сочи-

* Дм<итрий> Ил<ларионович> Романовский начал службу в саперах; кончил курс в Военной академии 1850 г.; но за ссору пред фронтом был разжалован в рядовые. Служа в кавказских войсках, он снова получил офицерский чин и за боевые отличия переведен в Генеральный Штаб подполковником.

** Офицер этот кончил курс в Николаевской Академии Генерального Штаба в 1858 году и причислен был к Генеральному Штабу, но в 1859 году уволен от службы.

нений против установленного образа правления и верховной власти». Затем обнаружен целый ряд преступных действий офицеров разных родов оружия, не исключая гвардейских и Генерального Штаба.

10-го мая один студент Яковлев, пробравшись в казармы гвардейского Саперного батальона, вздумал было пропагандировать революционные идеи между солдатами; но был задержан фельдфебелем (3-й роты) Павлом Минихом и приведен к дежурному по батальону офицеру, поручику гвардейского Саперного батальона Еллинскому (прикомандированному к гвардейскому батальону), который вместо того, чтобы отправить задержанного пропагандиста в распоряжение полицейского начальства, принял его под свое покровительство, привел в дежурную комнату и, оставшись с ним вдвоем, дал ему время уничтожить бывшие при нем письменные улики злонамеренной его цели. В этом нарушении порядка службы соучаствовали с поручиком Еллинским два другие офицера гвардейского Саперного батальона: штабс-капитан Энгель и поручик Посников. Оба они вместе с Еллинским были преданы военному суду, а фельдфебель Миних, принявший своевременно меры, чтобы не допустить исполнения преступного намерения, был награжден за оказанную заслугу чином 12-го класса, а потом получил потомственное дворянство[156]. Что же касается самого пропагандиста Яковлева, то следствие и суд над ним продолжались весьма долго, в видах раскрытия сообщников его, и только в исходе года состоялся приговор Генерал-аудиториата, который, признав студента (Петербургского университета) Яковлева подлежащим смертной казни расстрелянием «за распространение между нижними чинами сочинений возмутительного содержания и преступных мыслей об ограничении верховной власти и об изменении существующего порядка правления», постановил, однако же, ходатайствовать пред Государем о замене смертной казни каторжной работой на 12 лет. Приговор этот Высочайше утвержден 7-го декабря, с сокращением срока каторжной работы до 6 лет.

Около того же времени, в мае и июне, обнаружены политические преступные действия нескольких офицеров в войсках, расположенных в Царстве Польском. Приказом генерала Лидерса 5-го июня преданы военному суду два офицера 4-го стрелкового батальона: поручик Арнольд* и подпоручик Сливицкий, обви-

---

* Так в тексте; правильно: Арнгольдт. *(Прим. публ.)*

ненные «в оскорблении священной особы Его Величества, в распространении между нижними чинами ложных и дерзких рассказов об особе Его Величества и о Царствующем доме, в порицании действий правительства по крестьянскому делу и в отношении к Царству Польскому, в возбуждении нижних чинов к явному неповиновению и даже бунту». Кроме того обвинялись поручик того же батальона Каплинский и столоначальник штаба начальника артиллерии 1-й армии поручик Абрамович в хранении и распространении возмутительных сочинений. По этому делу последовала 14-го июня конфирмация графом Лидерсом приговора военного суда: поручик Арнольд, подпоручик Сливицкий и еще привлеченный к тому же делу унтер-офицер Ростковский приговорены к смертной казни расстрелянием; поручик Каплинский — к каторжной работе на 6 лет; а поручик Абрамович — к отставлению от службы и заключению в каземате на 3 месяца и затем к отдаче под надзор полиции; наконец, рядовой Шура приговорен к наказанию шпицрутенами и к ссылке в каторжную работу в рудниках на 12 лет. Приговор этот приведен в исполнение 16/28-го июня: поручик Арнольд, подпоручик Сливицкий и унтер-офицер Ростковский расстреляны на гласисе Новогеоргиевской крепости.

Казнь эта подала повод к новому ряду преступных действий и судебных преследований: 14-го июля преданы военному суду три офицера — поручики 5-го стрелкового батальона Готский-Данилович, 6-го стрелкового — Огородников и Олонецкого пехотного полка — Зейн, как распорядители панихиды, отслуженной 24-го июня по расстрелянным офицерам в виде политической демонстрации. Все эти три офицера, по конфирмации Великого Князя Константина Николаевича (в сентябре), отставлены от службы и подвергнуты заключению в крепости (двое на 2 года, а третий на 9 месяцев).

По тому же поводу расстрелянию офицеров в Новогеоргиевске - отслужена была 6-го июля панихида в Боровичах девятью находившимися там на учебной съемке офицерами Николаевской Академии Генерального Штаба. На произведенном по этому случаю следствии офицеры дали показание, что вовсе не имели в виду сделать какую-либо демонстрацию; что панихиду отслужили не в знак сочувствия к преступлению, а как религиозный долг умершим товарищам по воспитанию. Государь, по докладе ему этого дела, повелел, не предавая офицеров суду, выдержать их под арестом 6 недель, затем возвратить их в те полки, где числят-

ся, без дозволения продолжать курс в Академии, и обойти при первом производстве в следующие чины.

Я не упоминаю здесь о тех офицерах польского происхождения, которые оказались причастными к делу польской революции. Некоторые из них предварительно вышли в отставку; другие бежали и впоследствии захвачены в рядах мятежных шаек; но были и такие, которые принимали втайне деятельное участие в польском революционном движении, оставаясь на службе и прикидываясь усердными служаками. К числу таких принадлежал упомянутый уже полковник Генерального Штаба Жвирждовский, а впоследствии оказался таким же предателем полковник же Генерального Штаба Сераковский. Поручик 4-й артиллерийской бригады Хмеленский бежал за границу, состоя на службе в Варшаве, за что приговорен заочно судом к смертной казни.

Повторявшиеся одно за другим проявления политической заразы в среде офицеров армии и гвардии глубоко огорчали Государя и внушали серьезные опасения. Я счел своей обязанностью обратить внимание начальников частей войск на угрожавшее зло и в секретном циркуляре 8-го июля (предварительно одобренном Государем) указывал меры к предохранению войск от опасной пропаганды и в особенности молодых офицеров от пагубной заразы, подрывающей воинский дух и дисциплину. Но запущенная болезнь нелегко излечивается и, во всяком случае, не искореняется сразу. Случаи преступных действий офицеров продолжали обнаруживаться и позднее: 22-го июля предан суду подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Григорьев за распространение между нижними чинами возмутительных мыслей против правительства и верховной власти. Он был впоследствии приговорен судом к лишению чинов, дворянского достоинства, всех прав состояния и ссылке в отдаленные места Сибири на поселение (Высочайшая конфирмация последовала 11-го октября). За такое же преступное действие подполковник резервного дивизиона Александрийского гусарского полка Красовский приговорен Генерал-аудиторнатом к расстрелянию; по конфирмации Государя смертная казнь заменена каторжными работами в рудниках на 12 лет. Подобные же случаи были и в морском ведомстве; гардемарин Дьяконов «за распространение возмутительных сочинений, враждебных общественному порядку в России», был приговорен судом (3-го ноября) к заключению в крепости на 3 месяца и обойден к производству в офицеры.

По собранным впоследствии сведениям оказалось, что в 1862 году за политические преступления подверглись формальному следствию и суду до 130 офицеров, в том числе 4 штаб-офицера, 15 капитанов и штабс-капитанов и 111 младших чинов.

Большим счастьем могли мы считать, что за исключением ничтожного числа случаев вся масса нижних чинов в нашей армии не поддалась искушениям злоумышленников. Все попытки к совращению солдат остались без успеха. Были случаи, что нижние чины сами выдавали начальству злонамеренных пропагандистов. Немногие случаи совращения нижних чинов относились почти исключительно к нестроевым.

С другой стороны, надобно с прискорбием заметить, что в числе начальствующих лиц было немало таких, которые, не имея твердых убеждений и, так сказать, сбитые с толку новыми либеральными влияниями, сами содействовали подрыву воинского духа и дисциплины своим снисходительным отношением к увлечениям молодежи потворством им и желанием приобрести в среде офицеров популярность. Для примера назову начальника 4-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Столпакова, начавшего службу в конно-пионерах, человека усердного к службе, но довольно ограниченного и давшего себя водить за нос поляку — начальнику штаба дивизии полковнику Савицкому; оба они были, по Высочайшему повелению, устранены от должностей[157]. Другого рода примером можно указать на одного из образованнейших и развитых генералов Генерального Штаба, начальника корпусного штаба К.*, который был смещен с должности вследствие жалоб корпусного командира на его образ действий, подрывавший дисциплину в войсках. Произведенное секретное дознание показало, что в образе действий генерала К. не было ничего другого, кроме легкомысленного и бестактного увлечения новыми гуманными стремлениями к смягчению прежних жестких отношений начальника к подчиненным, к подъему нравственному солдата и развитию офицерства. Все это само по себе не имело цели преступной; но и благие стремления, неосторожно и неловко применяемые к делу, могут приводить к результатам вредным и опасным. Генерал К. позволял себе неуместную болтовню, искал популярности и, при тогдашнем смутном положении дел, становился человеком весьма неудобным на влиятельном служебном посту. Но впоследствии ему была снова открыта служебная

---

* В тексте автографа напротив инициала надпись: Кармалин. *(Прим. публ.)*

дорога, на которой он получил возможность приложить с пользой свои способности и достигнуть высшего служебного положения[158].

Еще приведу прискорбный случай, относящийся к описываемой эпохе и характеризующий дух времени: 8-го июня Высочайше повелено уволить от службы двух флигель-адъютантов — обоих сыновей покойного Якова Ивановича Ростовцева — и кто мог бы ожидать — за сношения их с заграничными революционерами. Старший из них, Николай Яковлевич, полковник Генерального Штаба*, молодой человек, скромный, спокойного характера, дельный, состоял в бессрочном отпуску и в путешествие свое за границу имел неосторожность посетить в Англии нашего известного эмигранта Герцена. Полковник Ростовцев объяснял это странное посещение тем, что считал своим священным долгом оправдать своего покойного отца от нарекания, которым заграничная русская печать оскорбляла память Якова Ивановича Ростовцева по поводу его поступков в 1825 году относительно заговора 14-го декабря. Если и действительно была такова цель свидания с издателем «Колокола», то все-таки едва ли можно было признать уместным подобный поступок для флигель-адъютанта русского Императора[159].

Несмотря на все принимаемые правительством меры для восстановления законного порядка и уважения к власти, подпольная работа анархистов продолжалась даже с возраставшей дерзостью. Приказ петербургского обер-полицмейстера генерал-лейтенанта Анненкова от 6-го июля возвещал возобновление в столице подбрасывания безымянных писем и возмутительных воззваний, а потому полицейским чинам подтверждалось усугубить надзор.

Как же объяснить то загадочное бессилие, которое проявлялось в действиях нашего правительства в такое время, когда со всех сторон надвигались на государство грозовые тучи? Главной этому причиной считаю расшатавшийся устарелый механизм администрации и отсутствие единства в самом составе высшего правительства. Министры, главноначальствующие, председатели и влиятельные члены высших государственных учреждений не имели между собой ничего общего, никакой солидарности. Каждый смотрел, думал, говорил и действовал сам по себе; нередко один про-

* Кончил курс Николаевской Академии в 1854 году.

тиводействовал другому. Государь как будто систематически поддерживал рознь между ближайшими своими советниками, проверяя одного другим и не давая исключительного влияния ни которому из них. Так было по крайней мере в описываемую эпоху (позже было уже не то). Ни к кому из тогдашних министров Государь не оказывал предпочтительного доверия и не допускал, чтоб один затрагивал дела чужого ведомства. По временам между некоторыми из министров установлялось как бы соглашение; но это делалось негласным образом, имело характер заговора против других министров, не принадлежавших к той же клике. Поэтому, когда назначалось по какому-либо вопросу совещание между министрами, под председательством одного из них или председателя Государственного Совета, то большей частью одна группа, спевшись заранее, дружно поддерживала свою тему, так что мнения других, одиночек принимали характер некоторой оппозиции. Остающийся в меньшинстве или не видевший ни от кого поддержки считал даже излишним настаивать на своем мнении, а роль председательствующего заключалась в том, чтобы сглаживать обнаруживавшееся разногласие, привести к единогласному заключению, дабы не представить Государю протокола с несколькими мнениями и тем не поставить Его Величество в затруднение при решении дела. Для этого, разумеется, необходимы были взаимные уступки, компромиссы, умолчания. Такой способностью сглаживания мнений, приведения их к одному знаменателю отличались в особенности граф Д.Н. Блудов, барон М.А. Корф, П.А. Валуев. Последний умел превосходно отделываться округленными фразами, с риторическими украшениями, сглаживать всякие шероховатости, разводить все бесцветной водой и приводить самые важные вопросы к нулю, подобно алгебраическим формулам. Эта именно способность, развитая в тогдашних государственных дельцах, вследствие долговременной привычки угождать, сглаживать — и вела к тому, что в самых важных обстоятельствах не умели принять мер действительных, а ограничивались привычными канцелярскими фразами.

При таком настроении высшего правительства трудно было ожидать успеха в борьбе с враждебными силами, тайными и явными, восставшими против России. Мы вращались в тесном кругу старых, укоренившихся понятий и привычек; советники Государя или не решались высказывать en toutes lettres* свои убежде-

* Полностью, без сокращений. *(Пер. с фр.)*

ния, или думали только об одном — угодить и понравиться своими округленными речами. Поэтому и происходившие в кабинете Государя совещания и заседания Совета министров под его же личным председательством большей частью были бесплодны, скажу более — иногда бывали даже вредны. Обыкновенно Государь открывал заседание уже подготовленный одним из министров в известном смысле; иногда под каким-либо посторонним влиянием; ловкие министры, как истые царедворцы, старались угадать, в какую сторону августейший председатель желает направить дело, и сообразно тому произносили свои речи. Если же кто имел неловкость высказать что-либо в противном смысле, то председатель прерывал его, а иногда обрывал весьма резко*. Если заседание затягивалось долее определенного часа (пред председателем всегда лежали на столе часы), то все разглагольствования вдруг прекращались и председатель произносил безапелляционное решение.

Не достаточно ли приведено мной указаний, чтобы дать ключ к разрешению загадочного вопроса: почему в нашем самодержавном правлении в эпоху внутреннего брожения и смуты проявилось так мало силы и энергии?

ИЮЛЬ И АВГУСТ

В исходе июня Государь с Императрицей, Наследником Цесаревичем и младшими детьми приехали из Царского Села в Петергоф; вся остальная семья Царская разъехалась: Великие Князья Александр и Владимир Александровичи, в сопровождении генерал-майора свиты графа Б.А. Перовского, вместе с княжнами Романовскими: Марией и Евгенией Максимильяновнами и воспитательницей их графиней Елизаветой Андреевной Толстой, отправились в Либаву, для морских купаний; Великий же Князь Алексей Александрович с Великим Князем Николаем Константиновичем, в сопровождении свиты контр-адмирала К.Н. Посьета, отправились 2-го июля в практическое плавание в финляндские шхеры на фрегате «Рюрик». До Кронштадта проводили их сам Государь и Наследник Цесаревич Николай Александрович. При этом Его Величество посетил суда, только что возвратившиеся

* Здесь в автографе предполагалась сноска: «Припоминаю подобный случай в позднейшее время относительно тогдашнего Наследника Цесаревича Александра Александровича». (*Прим. публ.)*

из Тихого океана. На одном из них, фрегате «Светлана», представлена была Государю привезенная любопытная коллекция японских вещей[*].

Несколько дней спустя Государь с Императрицей и Наследником Цесаревичем предприняли поездку в Прибалтийский край. Выехав из Петергофа 7-го июля утром, сухим путем, августейшие путешественники ночевали в Динабурге, где на другой день, 8-го числа, в воскресенье, слушали обедню в крепостном соборе, а потом происходил смотр собранным в лагере войскам. Из Динабурга Их Величества отправились в Ригу по железной дороге. На пути назначен был ночлег в Кокенгаузене, где лифляндское дворянство приготовило торжественную встречу, обед и вечернюю прогулку с иллюминацией и фейерверком[**]. На другой день опять блистательная встреча в Риге на вокзале железной дороги, затем молебствие в православном соборе[***], общий прием в замке[****] и смотр расположенным в Риге войскам; вечером бал, данный городским обществом в здании биржи.

10-го июля Их Величества посетили Митаву. После молебствия в соборе происходил смотр Митавскому батальону внутренней стражи, затем общее представление; обед от курляндского дворянства и к вечеру возвращение в Ригу. Здесь, во дворе замка, обществом певцов (Sängerverein) устроена была серенада. На другой день, утром, Их Величества и Наследник Цесаревич выехали в так называемую Лифляндскую Швейцарию, посетили имения графа Борха (обер-церемониймейстера) и князя Ливена (лифляндского предводителя дворянства) и возвратились в Ригу вечером 12-го числа. На другой день осматривали достопримечательности города; к Царскому обеду были приглашены начальствующие и почетные лица. На ночь Их Величества и Наследник Цесаревич перешли на яхту «Штандарт», которая на рассвете 14-го июля снялась с якоря и отплыла в Либаву[*****]. 15-го числа, в 10 часов

---

[*] Далее в автографе зачеркнуто: «По окончании смотра Государь прибыл на фрегат «Рюрик» и здесь простился с молодыми Великими Князьями, которые в ту же ночь снялись с якоря и отплыли в Гельсингфорс».

[**] Далее в автографе зачеркнуто: «9-го числа после утренней прогулки в парке Их Величества продолжили путь по железной дороге и прибыли в Ригу в 2 $^1/_2$ часа дня». *(Прим. публ.)*

[***] Здесь в автографе зачеркнуто: «Александровской церкви». *(Прим. публ.)*

[****] Здесь в автографе зачеркнуто: «начальствующих лиц, чинов военных, гражданских и духовных и представителей разных сословий». *(Прим. публ.)*

[*****] Далее в автографе зачеркнуто: «По случаю свежей погоды плавание несколько замедлилось, и встретилось некоторое затруднение при входе в Митавскую гавань». *(Прим. публ.)*

утра, при выходе на берег, Их Величества были встречены молодыми Великими Князьями и Княжнами, представителями местного дворянства, духовенства и города. Помещение для Их Величеств было приготовлено в частном доме. Вечером того же дня устроен был народный праздник с угощением для крестьян и иллюминацией.

В Либаве Их Величества провели почти две недели[*]. В день именин Императрицы, 22-го июля, после обедни в православной церкви, Ее Величество принимала поздравления съехавшихся к этому дню начальствующих лиц и дворян; почетнейшие лица были приглашены к Царскому обеду; вечером представление в театре.

Окрестное дворянство старалось всячески доставлять Их Величествам развлечения устройством охоты, праздников, прогулок, так, чтобы пребывание в Либаве оставило в Царском семействе приятное впечатление.

24-го июля Великий Князь Александр Александрович выехал из Либавы в Варшаву на крестины новорожденного Великого Князя Вячеслава Константиновича; 27-го же числа выехали также Их Величества сухим путем, чрез Митаву и Ригу и возвратились 29-го числа в Петергоф[**].

Накануне возвращения Их Величеств из Прибалтийского края прибыл морем в Петербург английский принц Альфред герцог Эдинбургский, один из сыновей королевы Виктории. Он путешествовал на фрегате «St. George», incognito, а потому не было почетной встречи; поселился он в доме английского посольства.

В самый день приезда Их Величеств прибыло также морем из Свинемюнде в Кронштадт, на русском пароходе, фрегат<е> «Смелый», японское посольство, состоявшее из 38 человек. Во главе посольства состоял один из важных сановников, малорослый, как все японцы, весьма невзрачный, имевший бесконечно длинное имя: Такено-уци-Симодахе-но-Камо; при нем находились еще два товарища. Посольство это вышло на берег в Петербурге, на

---

[*] Далее в автографе зачеркнуто: «16-го числа утром происходил прием дворянства, дам, консулов, затем смотр находившемуся в Либаве батальону Невского пехотного, а вечером Их Величества присутствовали в театре». *(Прим. публ.)*

[**] Далее в автографе зачеркнуто: «В самый день выезда из Либавы генерал-губернатору барону Ливену пожалован орден Св. Владимира 1-й степени». *(Прим. публ.)*

Английской набережной. После торжественной встречи на пристани, по установленному церемониалу, японцев провезли в парадных каретах, пред толпившейся массой любопытных зрителей, в Зимний дворец, где было приготовлено помещение на так называемой «запасной половине».

Прием японского посольства Государем происходил 2-го августа с большой торжественностью. Их привезли в девяти позолоченных каретах от запасной половины к Посольскому подъезду и провели по парадной лестнице чрез «Аванзал» в «Николаевский» зал, где было приготовлено угощение. Самая же аудиенция происходила в «Георгиевском» зале. Государь принял послов, стоя впереди трона, имея по правую сторону Императрицу, а по левую — Наследника Цесаревича. По сторонам трона собраны были: справа — чины Двора, слева — члены Государственного Совета, министры и другие сановники. Посол с обоими своими ассистентами, войдя в зал, приостановился на средине его и потом, по приглашению церемониймейстера, приблизился к ступеням трона, произнес речь на японском языке и поднес Государю письмо тайкуна. По прочтении речи в переводе Государь отвечал краткой речью, в которой, конечно, выражались дружественные отношения России к Японии и надежда на продолжение этой дружбы в будущем. После этого обмена речей подведена была к подножью трона и свита японского посла, который представил Государю всех своих спутников. Посольство возвратилось в свое помещение прежним путем и с прежней торжественностью.

На другой день, 3-го августа, Государь ездил с принцем Альфредом в Кронштадт; посетил английский фрегат «St. George», на котором встречен был с установленными почестями; потом показывал принцу форт «Князь Меншиков», адмиралтейство, пароходный завод, морской госпиталь и возвратился на яхте «Александрия» в Петергоф.

В это же время прибыло в Петербург итальянское посольство, во главе которого был генерал Соннац, игравший некоторую роль в последней кампании пьемонтской армии в Ломбардии[160]. В своем месте я объясню, что подало повод к присылке этого посольства. Генерал Sonnaz - маленький, худощавый старичок, с белыми волосами и седой бородкой, с умным выражением, внушавшим доверие. Свита его состояла из 12 лиц, в числе которых 9 военных офицеров разных родов оружия; все они были весьма милые, благовоспитанные ребята. 5-го августа генерал Соннац со свитой представлялся в Петергофе Их Величествам и Наследнику

Цесаревичу. Несколько дней спустя, 9-го августа, Их Величества принимали возвратившегося после временной отлучки французского посла герцога Монтебелло, а 12-го числа – находившегося в Петербурге проездом из Китая чрез Сибирь в Западную Европу бывшего французского же посла в Пекине de Bourboulon с супругой.

11-го августа Государь опять ездил в Кронштадт* и произвел смотр прибывшему из Тихого океана клиперу «Стрелок».

Великие Князья Алексей Александрович и Николай Константинович, во время своего практического плавания в шхерах, посетили, кроме Гельсингфорса, многие другие прибрежные и внутренние пункты Финляндии: Тавастгуз, Тамерфорс, Або, Бьернборг**. 5-го августа Их Высочества отплыли из Гельсингфорса в Стокгольм на яхте «Забава» в сопровождении парохода «Онега»; на пути присоединились еще яхты: «Виктория» и «Никса». Вся эта маленькая эскадра прибыла 9-го числа к Стокгольму, где Великие Князья провели три дня. Шведская королевская семья находилась в то время в Норвегии. На обратном пути из Стокгольма эскадра заходила еще раз в Гельсингфорс, где молодые Великие Князья присутствовали на закладке русской церкви; а 16-го августа прибыли, наконец, в Петергоф, после шестинедельного плаванья.

Японское посольство оставалось в Петербурге более месяца. Любознательным японцам показывали достопримечательности города, возили их по окрестностям, между прочим, и в Кронштадт (29-го августа). В то время для них все европейское было еще ново; но они держали себя с большим тактом, любезностью и достоинством. 2-го сентября посольство было принято Государем в прощальной аудиенции, в Царскосельском дворце, а 4-го сентября выехало из Петербурга.

В полночь с 16-го на 17-е августа Государь выехал по Николаевской железной дороге. Прибыв в Тверь в 10 часов утра 17-го числа, Его Величество принял во дворце начальствующих лиц,

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «в сопровождении Наследника Цесаревича». *(Прим. публ.)*

** Здесь автором предусматривалась сноска: «Во время пребывания Их Высочеств в Финляндии 11-го июля праздновался 50-летний юбилей тамошнего генерал-губернатора барона Рокасовского, которому по этому случаю пожалованы алмазные знаки Св. Александра Невского». *(Прим. публ.)*

представителей дворянства и города, а потом произвел смотр уланской и гусарской бригадам 7-й кавалерийской дивизии и Тверскому батальону внутренней стражи; посетил собор, гимназии и богоугодные заведения. К обеду во дворец приглашены были военные и гражданские начальники и почетные лица, а вечером Его Величество присутствовал на скачке кавалерийских офицеров и нижних чинов. На другой день, 18-го числа, после учения означенным двум кавалерийским бригадам, Государь выехал из Твери и прибыл в тот же день, в 8-м часу вечера, в Москву.

19-го числа, в воскресенье, после обедни в дворцовой церкви, происходил в 1 час пополудни обычный выход, шествие с Красного крыльца в соборы и затем на Царской площадке развод Фанагорийскому гренадерскому полку*. К обеду в Кремлевском дворце приглашены были почетные лица и местные власти.

Во второй день своего пребывания в Москве, 20-го числа, Государь произвел учение кадетам, а следующие четыре дня были вполне посвящены собранным в лагере на Ходынке войскам гренадерского корпуса. На эти дни Его Величество переехал в загородный Петровский дворец**.

Ежедневные смотры и учения закончились 24-го числа маневром на две стороны, в ближайших окрестностях Ходынки. В тот же день Государь посетил университетский музей и Елизаветинский институт, а вечером выехал из Москвы и утром 25-го числа возвратился в Царское Село.

Торжественный день 30-го августа праздновался в Петербурге обычным порядком. Государь, прибыв утром в Аничковский дворец, сопровождал верхом, с многочисленной свитой, духовную процессию в Александро-Невскую Лавру, куда съехалось все Цар-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «После того Государь посетил Екатерининский и Александровский девичьи институты». *(Прим. публ.)*

** Далее в автографе зачеркнуто: «21-го числа происходил общий смотр, после которого на Ходынском поле приготовлено было московским купечеством угощение для нижних чинов. К 5 часам военные начальники и старшие чины войск были приглашены к обеду в Петровский дворец. На следующий день — смотр стрельбы: утром — артиллерии и всех стрелковых частей корпуса, а вечером — линейных рот; кроме того, утром же — смотр гимнастических упражнений. 23-го августа устроено было учение драгунской бригаде 7-й кавалерийской дивизии; к концу учения вызвали «по тревоге» все прочие войска лагерного сбора. В этот день Государь был на обеде у военного генерал-губернатора генерал-адъютанта П.А. Тучкова на даче в Петровском парке, а вечером посетил театр». *(Прим. публ.)*

ское семейство и чины всех ведомств. По окончании торжественной литургии и молебствия все присутствовавшие собрались к завтраку у митрополита Исидора и затем разъехались. День этот, по обыкновенью, был ознаменован множеством наград, производством в военные чины и некоторыми довольно значительными переменами в высших должностях.

Важнейшей из этих перемен по военному ведомству было – назначение Великого Князя Николая Николаевича командиром Отдельного гвардейского корпуса, вместо генерал-адъютанта Н.Ф. Плаутина, уволенного от этой должности по расстроенному здоровью, с назначением членом Государственного Совета. Его Высочество заместил генерала Плаутина также и в звании председателя Комиссии для улучшений по военной части, получившей новую организацию и наименование «Специального Комитета по устройству и образованию войск».

Вместе с тем последовала перемена и начальника штаба Гвардейского корпуса: на место генерал-адъютанта Эдуарда Трофимовича Баранова (принимавшего в то время деятельное участие в совете Главного общества российских железных дорог) назначен начальник 1-й гвардейской кавалерийской (кирасирской) дивизии генерал-адъютант граф Бреверн-де-Лагарди, отличавшийся строгостью и крутым нравом. Устранение графа Баранова, также как и генерала Плаутина, было последствием неудовольствия Государя на излишнюю их мягкость, которой приписывались распущенность и упадок дисциплины в среде офицеров гвардии. По всем вероятиям, Государь выразил это неудовольствие графу Баранову, к которому имел особенное личное расположение и относился как к человеку, близкому Царскому семейству. Вскоре после увольнения его от должности начальника штаба, когда возник вопрос о назначении генерал-губернатора в Киев и сделано было предложение графу Баранову, он уклонился от этого назначения, мотивируя свой отказ тем, что «утратил всякую доверенность к самому себе после того, что с ним сбылось в кругу прежних его служебных занятий».

30-го же августа состоялось формальное увольнение от поста русского посла в Париже графа Павла Дмитриевича Киселева, вследствие поданного им, еще в мае, прошения — о чем будет подробнее объяснено ниже, так же как об увольнении генерал-адъютанта М<ихаила> Гр<игорьевича> Хомутова от должности наказного атамана Донского казачьего войска, с назначением членом Государственного Совета и награждением орденом Св. Андрея Первозванного.

М.Г. Хомутов

Тот же орден Св. Андрея пожалован вице-канцлеру князю Горчакову и послу нашему в Лондоне барону Бруннову. В числе наград пожалован мне орден Св. Александра Невского; тифлисский генерал-губернатор князь Гр<игорий> Дм<итриевич> Орбельяни произведен в полные генералы; дежурный генерал генерал-лейтенант граф Фед<ор> Лог<гинович> Гейден и начальник 3-й гвардейской пехотной дивизии генерал-лейтенант барон Павел Ив<анович> Корф получили звание генерал-адъютанта, а Великий Князь Александр Александрович - звание флигель-адъютанта.

В личном составе Военного министерства состоялась еще перемена по медицинскому управлению: директором департамента назначен действительный статский советник Ф<едор> Ст<епанович> Цыцурин на место лейб-медика Енохина, которому присвоено было почетное звание главного инспектора медицинской части в армии.

1-го сентября подписан манифест о рекрутском наборе в предстоявшем январе месяце. Это был первый набор после 6-летнего перерыва. На этот раз он производился уже не с одной полосы, как бывало прежде, а со всей Империи, со включением и Царства Польского.

Увольнение генерал-адъютанта М<ихаила> Гр<игорьевича> Хомутова от должности наказного атамана Донского казачьего войска последовало вследствие собственного его прошения; но вызвано было не столько преклонностью его лет* и расстройством здоровья, сколько тогдашним положением дел на Дону.

Генерал-адъютант Хомутов еще в 1839 году, состоя командиром лейб-гусарского полка, был назначен начальником штаба Донского казачьего войска, а в 1848 году, по смерти наказного атамана генерала Власова, занял его место. С тех пор, в продолжение 14 летнего его управления Донским войском, сделано было немало полезного для края, как то: сравнение окладов жалованья донских казачьих офицеров с армейскими, улучшение путей сообщения (Ольгинская дамба, железная дорога к Грушевским каменноугольным копям), новочеркасский водопровод, в особенности же по учебной части (сравнение Новочеркасской гимназии с другими губернскими гимназиями, учреждение второй гимназии Усть-Медведицкой, учреждение в Новочеркасске девичьего института и женской гимназии). Михаил Григорьевич Хомутов, человек разумный, благородный, благонамеренный, заслужил на Дону общее уважение и любовь. Но с летами заметно ослабели его силы и энергия; в последнее время он поддался влиянию своего начальника штаба генерал-лейтенанта князя Дондукова-Корсакова, человека весьма ловкого, гибкого, с увлекательными формами, но привыкшего при тифлисском маленьком дворе князя М.С. Воронцова (при котором долго состоял адъютантом) к интригам и сплетням. Заискивая популярности в среде казаков, князь Ал<ександр> Мих<айлович> Дондуков образовал около себя партию, которая, под видом охранения старинных казачьих привилегий и обычаев, оказывала сопротивление всем предпринимаемым Военным министерством нововведениям. Все, что клонилось к развитию в Донской области гражданственности, про-

---

* Генерал Хомутов был на 6 или 7 лет моложе заместившего его генерал-адъютанта Граббе. Первый родился в 1795 году, а второй в 1787 году.

П.Х. Граббе

мышленности, к сближению административного устройства с общими учреждениями государственными, — встречало на Дону оппозицию. Начальник штаба, вместо разъяснения настоящих целей нововведений, вместо содействия приведению их в исполнение, сам громче всех порицал получаемые из Петербурга распоряжения и возбуждал между казаками превратные толки о воображаемых намерениях правительства вести к уничтожению казачества.

Летом 1862 года генерал Хомутов сам прислал прошение об увольнении от должности, на что и последовало Высочайшее со-

изволение. Как уже было упомянуто, 30-го августа он назначен членом Государственного Совета и получил орден Св. Андрея при благодарственном рескрипте. С того времени он жил в Петербурге, хворал, редко посещал заседания Государственного Совета и чрез два года скончался (в июле 1864 года).

Для замещения должности атамана Государь обратил внимание на старика генерал-адъютанта Граббе, которому тогда было уже 75 лет от роду. Несмотря на эти преклонные лета, он был еще довольно бодр и телом и духом. С тех пор, как он оставил в 1843 году место командующего войсками Кавказской линии и Черномории, он жил в полном уединении, в своей полтавской деревне и скучал своим бездействием. Когда я сообщил ему по телеграфу, от имени Государя, предложение занять место атамана, он принял это предложение не только охотно, но с радостью. 12-го сентября состоялся приказ о его назначении, и вскоре он приехал в Петербург. Мы встретились с ним как старые сослуживцы, вспоминая 1839 год, когда я, молодым еще офицером Генерального Штаба, командирован был временно на Кавказ под его начальство и пользовался особенным его добрым расположением. Мы имели несколько обстоятельных разговоров о положении дел на Дону, я высказал ему откровенно все, что было мне известно, и конечно, не скрыл своего мнения о вредном влиянии князя Дондукова-Корсакова. Необходимо было найти ему преемника. Перебрав разных кандидатов из донских казаков, мы остановились на генерал-майоре Чеботареве, занимавшем должность помощника начальника Управления иррегулярных войск; на место же Чеботарева я имел в виду полковника Фомина, которого знал на Кавказе как лучшего из командиров донских полков. Государь уже одобрил оба эти выбора; но мы условились с генералом Граббе отложить назначения обоих названных лиц месяца на два, пока он войдет в дела. Генерал Граббе отправился на Дон; на границе области встретил его князь Дондуков и немедленно же околдовал старика. Небольшого труда стоило настроить его против Чеботарева; к тому же вышло какое-то недоразумение от неверно переданной моей телеграммы, – и дело чуть не дошло до ссоры. Генерал Граббе почему-то нашел оскорбительным одно из моих писем и готов уже был отказаться от своей новой должности. Я поспешил успокоить его, удостоверив, что мне не могло прийти и на мысль сделать что-либо неприятное старому моему начальнику, которого я всегда душевно любил и

уважал*. Тронутый моим письмом, старик ответил мне в примирительном смысле**, и хорошие наши отношения восстановились. Но оставался еще нерешенным вопрос о начальнике штаба. Князь Дондуков-Корсаков, обиженный удалением его от должности, отказался от всякого нового назначения и подал в отставку; но ему предложено было, от имени Государя, увольнение в бессрочный отпуск. Впоследствии на его место назначен был полковник Фомин с производством в генерал-майоры. Назначением этим генерал Граббе был вполне удовлетворен.

Командированные на Дон в начале 1863 года, по Высочайшему повелению, генерал-адъютант граф Орлов-Денисов и флигель-адъютант Мезенцев вполне подтвердили имевшиеся в министерстве сведения о существовании на Дону партий и сильного разлада. И туда проникли новые либеральные веяния; но там они были мало опасны: они глохли в инертной среде старого казачества, более заботившегося о сохранении своих обветшалых порядков, чем о каких-нибудь незнакомых новшествах.

Состоявшееся 30-го августа увольнение от должности нашего посла в Париже графа П.Д. Киселева было предрешено ранее, еще в мае месяце. Уже с 1861 года здоровье графа Павла Дмитриевича заметно ослабело. Не раз случались с ним головокружения, доходившие до потери сознания. Такой случай был с ним 3/15-го апреля 1862 года, на Страстной неделе, при возвращении его из церкви. Под впечатлением этого, третьего уже предостережения, он написал духовное завещание и решился выйти в отставку по возвращении с вод в предстоявшую осень. Но обстоятельства ускорили исполнение этого намерения: в мае месяце, получив от князя Горчакова извещение о том, что в помощь ему, графу Киселеву, посылается в Париж тайный советник барон Будберг, бывший до того посланником в Берлине, граф Павел Дмитриевич сейчас же написал письмо к Государю, с просьбой об увольнении от должности и вовсе от службы, мотивируя эту просьбу дряхлостью и расстройством здоровья, не позволяющего ему «выполнять служебные обязанности с той ревностью и отчетливостью, которые считал всегда первым своим долгом»***. Но в то же

* Письмо от 2-го января 1863 года[161].

** Письмо генерала Граббе 11-го января 1863 года[162].

*** Письмо это помещено в биографии графа П.Д. Киселева, составленной А.П. Заблоцким-Десятовским III. 297[163].

время в письме к князю Горчакову граф П.Д. Киселев прямо высказал, что такое решение он принял вследствие присылки барона Будберга, «дабы облегчить исполнение предположенного Министерством иностранных дел распоряжения sans dommage pour personne...»* В том же письме граф Павел Дмитриевич упомянул, что по причине отсутствия из Парижа в летнее время как императора Наполеона, так и министра иностранных дел, считал более удобным отложить увольнение до осени, когда будет возможно графу Киселеву исполнить лично формальность вручения Наполеону отзывных грамот; на летнее же время просил отпуск на воды.

Одновременно с означенными письмами граф Киселев прислал мне, то есть на имя военного министра, формальное прошение об увольнении от службы.

Все эти бумаги были отправлены 3/15-го мая с моим братом Николаем, вызванным в то время в Петербург.

Граф Павел Дмитриевич в письме к своему брату Николаю Дмитриевичу от 1/13-го мая выражал свое сожаление лишь о том, что «несколько запоздал»; ему казалось, что «месяцем ранее он вышел бы сам, а теперь – его заставили выйти».

Прошение графа Киселева было принято Государем весьма благосклонно; когда же я доложил о полученном мной формальном рапорте по военному ведомству об увольнении от службы, то Его Величество приказал оставить его без последствий и сказал мне, что намерен сам отвечать графу Киселеву. Вот самый текст Государева рескрипта из Царского Села, от 13/25-го мая:

«J'ai vu avec peine, mon cher comte, par la lettre que Vous m'avez adressée, que Vous ne croyéz plus pouvoir coucilier les fatiguer d'un service actif avec les soins réclamés par l'état de votre santé. Les motifs qui Vous inspireut cette conviction doivent être bieu urgents, puisqu'ils l'emportent sur le dévouement dont vous avez donné taut de preuves a mon Père, et sur lequel Vous m'avez habitué a compter. — en détérant au vocu que Vous m'exprimez, je n'aurais en vue l'intérêt de votre santé; mais je ne saurais consentir a me séparer entiérement de vous en vous accordant la retraite définitive que vous sollicitez. Indépendamment de l'affection que je vous ai voué, je ne puis pas oublier, mon cher comte, que Vous portez sur vos épaulettes le chiffres de l'Empereur Alexandre I, et je tions a vous conserver au nombre de mes aides-de-camp Généraux. Le désire également que Vous gardiez

* Без ущерба для кого-либо. *(Пер. с фр.)*

votre qualité de membre du Conseil de l'Empire. Laissez-moi espérer que Vous serez encore a même d'y mettre les lumiéres de votre expérience au service de l'Etat. Le serai heureux de vous voir près de moi; mais avant tout je désire que Vous consacriez vos soins au rétablissement de vos forces, et je vous laisse a cet égard toute la latitude possible.

Le vous renouvelle, mon cher Comte, l'assurance de mon estime et de ma sincère amitié.

Votre affectionné
Alexandre»*.

Не могло быть ответа более благосклонного и любезного. Согласно желанию самого графа Киселева увольнение его отложено было до сентября, когда по возвращении с вод в Париж он будет иметь возможность представить лично Наполеону III свои отзывные грамоты.

Рескрипт Государя и ответное письмо князя Горчакова были получены в Париже 21-го мая (2-го июня нов. ст.). Между тем 15/27-го числа приехал барон Будберг, прибытие которого совпало с прибытием нового прусского посланника Бисмарка. Граф Киселев принял барона Будберга любезно, но не скрыл от него своего удивления тому, что данные ему инструкции не были

---

* «Я с грустью понял из вашего письма ко мне, дорогой граф, что вы более не считаете возможным сочетать тяготы деятельной службы с заботами, которые диктует состояние вашего здоровья. Мотивы, внушающие вам это убеждение, должны быть весьма настоятельны, поскольку они возобладают над преданностью, столь много доказательств которой вы представили моему отцу и к которой заставили привыкнуть и меня. Уступая выраженной вами просьбе, я имел бы в виду только ваши собственные интересы, давая окончательную отставку, о которой вы просите. Независимо от привязанности, которую я к вам питал, я не могу забыть, дорогой граф, что вы носите на эполетах шифр Императора Александра I, и я стремлюсь сохранить вас в числе моих главных помощников. Я в равной степени надеюсь, что вы сохраните свой пост члена Государственного Совета. Позвольте мне надеяться, что вы еще будете в силах применить ваши огромные знания и опыт на службе государству. Я был бы счастлив видеть вас рядом с собой; но прежде всего надеюсь, что вы направите ваши заботы на восстановление сил, и я оставляю вам в этом отношении всю возможную свободу действий. Я вновь выражаю вам, дорогой граф, уверения в моем почтении и в моей искренней дружбе.

Любящий вас
Александр».

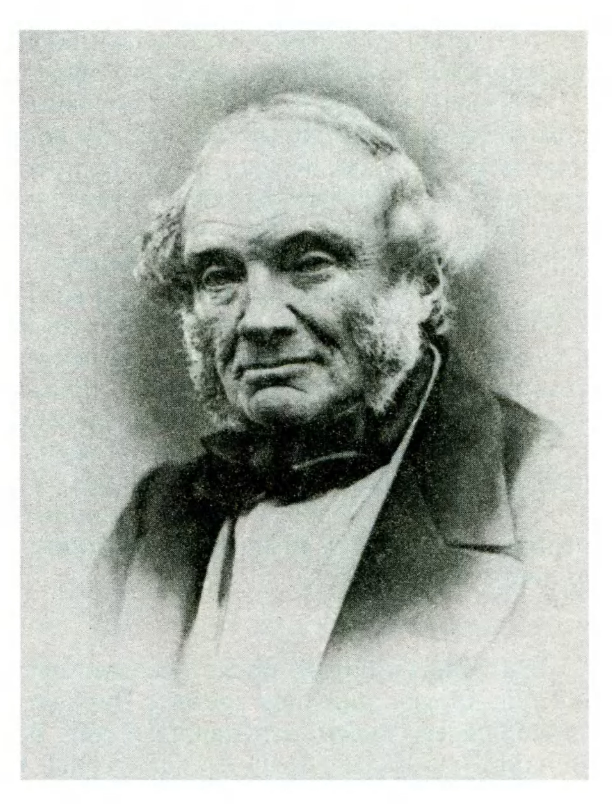
(Пер. с фр.)

сообщены послу. 22-го мая/3-го июня барон Будберг представился императору Наполеону, а пять дней спустя (27-го мая/8-го июня) представился ему и граф Павел Дмитриевич, чтобы предварить его о предстоявшем своем увольнении от должности и вместе с тем выразить свою признательность за постоянную любезность и внимательность, которыми он пользовался в продолжение 6 лет со стороны императора Наполеона и императрицы Евгении.

28-го июня/10-го июля граф Киселев выехал из Парижа в Баден, где в то время находились Великий Князь Михаил Николаевич, Великие Княгини Ольга Федоровна и Елена Павловна, а потом (с начала августа) король и королева прусские. В половине июля Великий Князь Михаил Николаевич с Великой Княгиней Ольгой Федоровной выехали из Бадена чрез Остенде в Англию, на морские купания (в С.-Леонардо), где провели около шести недель и возвратились в Петербург 4-го сентября. В Бадене граф Киселев виделся ежедневно с Великой Княгиней Еленой Павловной, и когда Её Высочество переехала в Рагац, граф Киселев отправился туда же. В то время в Рагаце находились наследный принц вюртембергский с супругой Великой Княгиней Ольгой Николаевной.

Великая Княгиня Елена Павловна постоянно оказывала самое трогательное внимание к моему дяде. По случаю предстоявшего увольнения его от должности посла Её Высочество заботилась о том, чтобы назначена была ему приличная пенсия, чтобы увеличена была получаемая им аренда и чтобы в рескрипте, которым обыкновенно сопровождается удаление со сцены государственного человека, отдана была справедливость заслугам его в звании посла. Еще в мае Великая Княгиня просила об этом и вице-канцлера, и министра государственных имуществ; о том же получил я от нее несколько писем. Хлопоты Её Высочества увенчались полным успехом. Князь Горчаков, довольный в душе удалением графа Кисѐлева, не только сделал все, чего желала Великая Княгиня, но даже предоставил мне редактировать Высочайший рескрипт, – о чем я не замедлил сообщить Её Высочеству (18-го августа).

Граф Киселев, пробыв в Рагаце около двух недель, выехал оттуда 4/16-го сентября в Париж, где уже нашел Высочайший указ 30-го августа и рескрипт. По возвращении императора Наполеона из Биарица в С.-Клу граф Киселев имел у него 4/16-го октября последнюю официальную аудиенцию и принят был

Д. Рассел

чрезвычайно любезно. Как император, так и императрица выражали ему непритворное свое сожаление об оставлении им своего поста. 6/18-го октября русской колонией в Париже дан был графу Павлу Дмитриевичу прощальный обед. Число желавших принять участие в этом заявлении сочувствия к бывшему послу было так велико, что едва могло поместиться в большой зале ресторана «Les frères provinciaux»*. За обедом произнесено было много речей; но сам граф Павел Дмитриевич был так растроган и взволнован, что не в силах был произнести приготовленную им речь.

Прежний посол остался жить в Париже частным человеком, переместился в наемную квартиру в Faubourg St. Germain** и про-

* «Провинциальные братья». *(Пер. с фр.)*
** Предместье Сен-Жермен. (*Пер с фр.*)

должал до конца жизни пользоваться общим уважением и вниманием в высшем кругу парижского общества.

Назначение барона Будберга посланником в Париж последовало только 5/17-го ноября, так что во все лето и до приезда нового посланника делами русского посольства в Париже заведовал советник посольства действительный статский советник Павел Петрович Убри, который и был назначен на место барона Будберга посланником в Берлин. Только 11-го ноября барон Будберг выехал из Петербурга и 30-го ноября (12-го декабря) представил свои верительные грамоты императору Наполеону, который в своей ответной речи новому русскому посланнику сказал: «Я успел оценить прямодушие вашего Государя и питаю к нему искреннюю дружбу». Действительно, в течение последних шести лет представителем России в Париже графом Киселевым сделано было все, что то него зависело, чтобы установить дружественные отношения между двумя империями и внушить правителю Франции доверие к политике русского самодержца.

Брат мой Николай, после поездки своей в Петербург в мае месяце, провел короткое время в Париже, а в половине июня, со всей своей семьей, отправился в Эмс. Воды эмсские принесли заметную пользу здоровью его жены. В начале августа вся семья переехала на остров Wight и поселилась в Вентноре. Парижские врачи советовали брату провести еще одну зиму на юге; однако же не требовали этого безусловно, а потому вопрос о будущей зиме оставался пока открытым. Но вопрос этот крайне беспокоил брата; он убедительно просил и меня, и А.В. Головнина разъяснить ему положение дел в Петербурге и дать благой совет. «При настоящих обстоятельствах от работ и жертв отказываться нельзя», – писал он мне из Эмса 1-го августа[164].

По мере того, как подвигалось время к зиме и как положение дел у нас все усложнялось, усиливалось и раздумие брата. Ему совестно было пользоваться спокойствием и отдыхом за границей, когда, по-видимому, столько было дела в отечестве. А.В. Головнин, при одном из своих докладов Государю (в половине сентября) о ходе работ по университетскому уставу, попробовал завести речь о назначении моего брата членом Государственного Совета; но из ответа Его Ве-

А.М. Горчаков

личества вывел заключение, что для возвращения брата к служебной деятельности время еще не наступило. В таком смысле Головнин написал моему брату, который на этом основании и решился провести еще одну зиму в Париже, к великому удовольствию дяди графа Киселева. Приехав со всей семьей в Париж в конце сентября, брат поселился в уютном домике в Champs-Elysés, rue Goujon*.

* На Елисейских Полях, улица Гужон. *(Пер. с фр.)*

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ

На основании авторитета древнего русского летописца 1862 год от Р.Х. был признан тысячным годом существования русского государства; а потому решено было отпраздновать этот знаменательный юбилей открытием памятника, сооруженного в Новгороде. Днем торжества избрано было 8-е число сентября, совпадавшее с годовщиной поражения татар Дмитрием Донским на Куликовом поле в 1380 году и со днем рождения Наследника русского престола Великого Князя Николая Александровича.

Для сооружения памятника объявлен был конкурс еще в 1859 году. Из 53 представленных проектов дано было предпочтение проекту молодого художника Микешина, под наблюдением которого и воздвигался памятник в Новгороде, на площади пред Софийским собором и зданием губернских присутственных мест. Самая постройка была поручена инженерам: генерал-майору Евреинову и штабс-капитану Адамсу. Памятник, высотой в 7 сажень, гранитный, с бронзовыми фигурами и горельефами, обошелся более чем в полмиллиона рублей.

Ко дню торжества город подчистился и принарядился по-праздничному. В предположенной церемонии назначено было принять участие войскам, в числе около 10 тысяч человек. Для этого собран был отряд из сводных частей гвардии и армии*. Войска эти были стянуты заблаговременно и расположены на тесных квартирах в ближайших окрестностях Новгорода.

Накануне торжественного дня, 7-го сентября, Их Величества, в сопровождении большей части Царского семейства, выехали в

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «От каждой из шести пехотных дивизий Гвардейского и Гренадерского корпусов сформировано было по одному батальону пятиротного состава; от гвардейских стрелковых батальонов также сформирован сводный стрелковый батальон с добавлением роты Гвардейского Экипажа и роты Гвардейского саперного батальона; образцовый пехотный полк в полном составе служил представителем всей армейской пехоты. От гвардейской кавалерии, сверх расположенных вблизи от Новгорода двух полков: лейб-гвардии Драгунского и Гродненского гусарского в полном составе, сформировано было два сводных полка, из 8 эскадронов остальных полков, по одному из каждого; затем сводный эскадрон из гвардейских жандармов, две батареи гвардейской артиллерии и Собственный Е.В. конвой; наконец, в параде должен был участвовать местный батальон внутренней стражи и расположенные в недальних расстояниях от Новгорода Гренадерский саперный батальон и Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус». *(Прим. публ.)*

полдень с Колпинской станции по Николаевской железной дороге до Соснинской пристани и оттуда на пароходе по Волхову. На обоих берегах реки толпы народа приветствовали пароход криками «ура». В самом Новгороде, куда Их Величества прибыли около 7 часов вечера, они были встречены на пристани приехавшими туда вперед Великим Князем Николаем Николаевичем с супругой Александрой Петровной, местными властями, командирами частей войск и многочисленной свитой, также собравшейся заблаговременно. Тут же выстроен был почетный караул, Государь сел с Императрицей в открытый экипаж и проехал в Софийский собор; за ним помчалась бесконечная вереница экипажей. Из собора Их Величества проехали в приготовленное для них помещение в архиерейском доме. С наступлением темноты город иллюминовался, насколько позволил начавшийся дождь.

Число лиц придворных и военных, составлявших свиту Их Величества и Их Высочеств, было громадное*. Нелегко было разместить всю эту массу приезжих по частным квартирам небольшого города; теснота была страшная.

Дождливый вечер накануне торжественного дня внушал некоторые сомнения в успешном выполнении программы; но к общему удовольствию, в самый день 8-го сентября погода оказалась прекрасной, и церемония удалась вполне. С раннего утра началось

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Ограничусь перечислением лишь наиболее видных лиц:

Из высших придворных чинов при Их Величествах: министр Двора граф Влад<имир> Фед<орович> Адлерберг, обер-гофмаршал граф Андрей Петр<ович> Шувалов, обер-гофмейстер граф Матвей Юрьевич Вильегорский, вице-президент Конюшенной конторы граф Григ<орий> Алекс<андрович> Строганов, вице-президент Придворной конторы граф Алексей Иван<ович> Мусин-Пушкин и помощник председателя Департамента уделов граф Юлий Иванович Стенбок.

Собственно при Государе, кроме меня, шеф жандармов генерал-адъютант князь Вас<илий> Андр<еевич> Долгоруков, командующий Императорскою Главной квартирою граф Александр Влад<имирович> Адлерберг, управляющий делами того же управления генерал-адъютант граф Иосиф Карл<ович> Ламберт и чины Военно-походной канцелярии. Кроме того, управляющий Морским министерством генерал-адъютант Ник<олай> Карл<ович> Краббе, обер-прокурор Синода генерал-майор свиты А.П. Ахматов, прусский полковник барон Лоон, лейб-медик Карел, походный шталмейстер полковник Лефлер и главный священник протопресвитер В<асилий> Бор<исович> Бажанов.

При Императрице: статс-дама княгиня Екатерина Вас<ильевна> Салтыкова, камер-фрейлина графиня Екат<ерина> Фед<оровна> Тизенгаузен, фрейлины: княжна Алек<сандра> Серг<еевна> Долгорукова, Анна Фед<оровна> Тютчева, две Бартеневы (Прасковья и Надежда Алексеевны), две баронессы Фредерикс (София и Мария Петровны), лейб-медик Гарт.

движение к Кремлю войск и массы народа. Войска выстроились кругом памятника и на других площадках Кремля. Между тем Государь принимал дворянство и при этом произнес краткую речь; потом вышел на подъезд и, сев верхом, при криках «ура», в сопровождении блестящей свиты, объехал войска и затем вошел в Софийский собор, где собралось все Царское семейство, чины Двора, власти и духовенство. После торжественной литургии, совершенной митрополитом Филаретом, отслужено было молебствие, причем знаменитый наш архипастырь вставил в прочитанную им молитву следующее на этот собственно случай добавление:

«Просветившим Россию христианской православной верой равноапостольным Великому Князю Владимиру и Великой Княгине Ольге; преемственно в течение веков созидавшим и укреплявшим единодержавие России, благоверным Царем и Князем; новосозидавшим Российское Царство и расширившим, и прославившим оное, в Бозе почившим благочестивейшим Императорам и Императрицам – вечная память».

«Всем избранным сынам России, в течение веков верно подвизавшимся за ее единство, благо и славу, на поприщах благочестия, просвещения, управления и победоносной защиты отечества – вечная память».

«Времена и лета в руце своей положивый, Господи, Твоим премудрым, всеблагим Промыслом тысячелетие сохраняемому и возвращаемому Царству Всероссийскому прояви велию милость Твою и сохраняй оное в вере и правде во благосостоянии и благоустроении – на лета и веки многие».

По выходе из собора Государь, Великие Князья и военная свита снова сели верхом; затем выступила из собора духовная процессия с хоругвями, образами, крестами, сопровождаемая Императрицей, Великими Княгинями, придворными дамами и чи-

---

При Наследнике Цесаревиче и младших его братьях: генерал-адъютант граф Серг<ей> Григ<орьевич> Строганов, генерал-адъютант граф Бор<ис> Алексеевич Перовский, контр-адмирал К.П. Посьет, флигель-адъютант Рихтер, капитан-лейтенант Шеллинг, штабс-ротмистр Литвинов и др.

В числе генерал-адъютантов находились М<ихаил> Гр<игорьевич> Хомутов, барон Ег<ор> Фед<орович> Мейендорф, Пав<ел >Ал<ександрович> Витовтов, Илья Гавр<илович> Бибиков, барон Александр Ив<анович> Будберг, барон Карл Карл<ович> Приствиц, и т.д., и т.д.

Кроме прочих лиц военной свиты и придворных чинов собралось многочисленное духовенство, затем множество низших чиновников, пажей и проч. и проч.» *(Прим. публ.)*

Э.Т. Баранов

нами. По мосткам, покрытым красным сукном, шествие направилось между рядами войск к памятнику, с которого торжественно сдернуто покрывало. Обойдя памятник кругом, вслед за духовной процессией, Царское семейство остановилось на платформе, под навесом; Государь и свита сошли с коней, и началось молебствие с водосвятием. По окончании церковной службы митрополит окропил памятник освященной водой; Государь и Царское семейство прикладывалось к кресту, и затем духовная процессия возвратилась прежним путем в собор. Тогда стоявшие вокруг памятника войска начали перестраиваться для прохождения мимс его

церемониальным маршем. Сам Государь проехал во главе войск, имея за собой военную свиту.

По окончании церемонии войска собрались на площади позади здания «дворянского собрания», на которой было приготовлено местным купечеством угощение для солдат и офицеров. На площади расставлены столы с яствами и питьями; особый стол под навесом приготовлен для офицеров. Когда все было готово, приехали Государь с Императрицей и некоторые члены Царского семейства. Встреченный представителями купечества, Государь поблагодарил их и, подойдя к одному из столов, выпил за здоровье солдат, обошел столы и затем уехал вместе с Императрицей. Угощение солдат продолжалось еще долго.

Все съехавшиеся на торжество лица духовные, гражданские, военные были в этот день приглашены к Царскому обеду, в помещение дворянского собрания (за теснотой архиерейского дома, где помещались Их Величества). После обеда Государь и Царское семейство ездили на катере на «Рюриково городище», а вечером город был иллюминован; толпы народа и экипажи двигались по освещенным улицам до поздней ночи.

Торжественный день тысячелетнего юбилея России ознаменовался учреждением медали в память этого события и наградами, пожалованными многим ученым из русских и заграничных славян, а именно: из первых – Плетневу, Калачеву, Далю, Погодину, Срезневскому, Шевыреву, Кунику, Соловьеву, Бодянскому; из заграничных – Палацкому, Кукулевичу, Куземскому, Добрянскому, Миклошичу, Ригеру, Субботичу, Шафарику, Смоляру, Главацкому и другим. Художник Микешин получил пенсию и орден Св. Владимира 4-й степени. В память этого дня учреждено в каждом из русских университетов по четыре стипендии во имя Св. Кирилла и Мефодия, в пользу молодых людей, посвящающих себя специально филологии.

В тот же день Наследник Цесаревич Николай Александрович произведен в генерал-майоры свиты.

День 3-го сентября праздновался и в Петербурге. После торжественной литургии в Исаакиевском соборе отслужено молебствие на площади между собором и памятником Петру Великому, пред строем войск и в присутствии массы народа; потом устроен был народный праздник на Царицыном лугу и в Летнем саду, а вечером иллюминация и бесплатные представления в театрах.

9-го сентября, утром, Государю подносили хлеб-соль депутация от крестьян из окрестностей Новгорода. Его Величество об-

ратился к ним с речью, в которой предостерегал их от распространяемых злонамеренными людьми ложных слухов и превратных толков, замедляющих окончательные сделки между крестьянами и помещиками; Государь внушал крестьянам, чтобы скорее оканчивали эти сделки на основании Положения 19-го февраля 1861 года. В тот же день Государем приглашено было к обеду купечество, а вечером дан бал в залах дворянского собрания.

Наконец, утром 10-го сентября происходил смотр Новгородскому графа Аракчеева кадетскому корпусу; затем Царское семейство посетило Юрьев монастырь, а в полдень назначен был выезд из Новгорода. Пред самым отъездом Государя собравшееся дворянство новгородское поднесло Его Величеству адрес с изъявлением верноподданнической благодарности за внимание, которого оно было удостоено, и с выражением сочувствия к великим реформам, которыми Государь ознаменовал исход тысячелетия Российского государства: «Мы непритворно радуемся, – говорилось в адресе, – великим начинаниям Вашим и, искренно веря отеческой заботливости о благе всех членов нашей обширной семьи, спокойно и светло смотрим в будущее...»

В полдень, когда Государь со всем своим семейством и многочисленной свитой сошел на пристань и вступил на пароход, оба берега Волхова, усыпанные толпами народа, оглашались восторженными «ура». На всем пути по речке местное население сбегалось к берегам и приветствовало Царя теми же возгласами. На Любанской станции приготовлен был обед. К 8 часам вечера Их Величества возвратились в Царское Село, а мы – лица свиты – в Петербург.

По возвращении с новгородских торжеств Государь в первый же четверг (13-го сентября) собрал у себя Совет министров для выслушивания и обсуждения отчета, представленного статс-секретарем князем Александром Федоровичем Голицыным, о ходе занятий учрежденной под его председательством Следственной комиссии для расследования распространяемых в Петербурге печатных воззваний преступного содержания и попытки к возбуждению нижних чинов против правительства. Комиссия в отчете своем объяснила, что подлежавший прямо ее исследованию вопрос имел тесную связь «с преступной деятельностью злоумышленников, направленной вообще к ниспровержению существовавшего порядка правления, посредством охлаждения к вере и

неуважения к правительству»; а так как эта деятельность, по убеждению комиссии, «была развита в больших размерах и на пространстве всего государства», то комиссия «признала необходимым принять самые строгие и решительные меры к открытию всех путей и источников преступной пропаганды, к предупреждению и пресечению всех вообще способов ее распространения и развития, подвергнув виновных суду и наказанию без всякого замедления...»

По обсуждении заявления статс-секретаря князя Голицына в Совете министров последовало Высочайшее повеление, чтобы Следственная комиссия, не ограничиваясь возложенной на нее первоначальной задачей, «продолжала исследование всех вообще путей направленной противу правительства как заграничной, так и внутренней пропаганды, всех средств, предпринимаемых злоумышленниками для поколебания в народе доверия и уважения к правительству», – и чтобы »принимала самые строгие и решительные меры для предупреждения и пресечения вредных и опасных намерений и действий злоумышленников...» В этих видах предоставлено было комиссии прямо сноситься со всеми министрами и главноуправляющими отдельными частями, требовать от них всякого содействия успешному выполнению возложенной на комиссию работы. Вместе с тем подтверждено, чтобы производившиеся по разным ведомствам (министерствам юстиции, военному и морскому) судные дела о лицах, прикосновенных к означенным действиям, «были решаемы без малейшего замедления и без очереди, дабы виновные получали следующее им по закону наказание сколь возможно скорее»[165].

Но дела эти, при всем старании ускорить их ход, затягивались на продолжительное время, как по трудности, с которой достигались полные улики преступных замыслов, так и потому, что в каждом случае открывалось много прикосновенных личностей и связь с делами о других подсудимых. Поэтому приговоры о военных офицерах, преданных военному суду еще в июле, как уже было упомянуто, состоялись окончательно лишь по прошествии нескольких месяцев: о подпоручике лейб-гвардии Измайловского полка Григорьеве и подполковнике Красовском – в октябре; об офицерах Гвардейского саперного батальона – в конце года.

В числе того же рода дел производилось в военно-судном ведомстве дело о бывшем учителе Лугского уездного училища Викторове, преданном военному суду за найденные у него запрещенные книги преступного содержания и за произведенный 2-го июня, в нетрезвом виде, поджог в самом здании названного учи-

А.Е. Тимашев

лица. Викторов был присужден к лишению чинов, прав состояния и сослан на житье в Иркутскую губернию. Высочайшая конфирмация этого приговора последовала лишь 22-го ноября.

Ровно два месяца Их Величества провели в Царском Селе с возвращения из Новгорода до переезда в Москву*. Время это прошло тихо и спокойно; Государь имел более досуга для занятия

* Далее в автографе зачеркнуто: «с 10-го сентября по 10-е ноября». (*Прим. публ.)*

серьезными делами государственными, требовавшими особенного его внимания. В числе таких дел важнейшим было – Высочайше утвержденные 29-го сентября основные начала предстоящего преобразования судебной части. Этим же временем и я воспользовался, чтобы доложить Его Величеству о некоторых из важнейших работ Военного министерства.

По случаю передвижения в Варшаву полков 3-й гвардейской пехотной дивизии Государь произвел 16-го сентября смотр двум выступавшим из Петербурга полкам: Литовскому и Волынскому; прочие же два (гренадерские) полка, имевшие квартиры в Ямбурге и Нарве, выступали прямо из мест своего расположения.

В течение октября состоялись две перемены в личном составе нашего высшего управления.

11-го октября генерал-адъютант Конст<антин> Влад<имирович> Чевкин уволен от должности главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями; на его место назначен инженер путей сообщения генерал-лейтенант Павел Петрович Мельников, считавшийся одним из лучших наших строителей, получивший известность с постройки Николаевского моста на Неве (вместе с Кербедзом) и Николаевской железной дороги; притом отличавшийся в среде инженеров путей сообщения несомненной честностью и правдивостью.

21-го октября уволен от должности и министр юстиции граф Виктор Никитич Панин, не сочувствовавший началам, положенным в основание предстоявшей судебной реформы. Место его занял товарищ министра тайный советник Дмитрий Николаевич Замятнин – человек, хотя и не обладавший выдающимися способностями государственными, но разумный, честный и сочувствовавший предпринятым преобразованиям.

Таким образом, в течение одного 1862 года выбыли и замещены новыми лицами шесть министров и главноуправляющих, а в составе Комитета министров выбыло 8 лиц. Сравнительно же с составом его в 1860 году остались из прежних только трое: принц Петр Георгиевич Ольденбургский, генерал-адъютант граф Влад<имир> Фед<орович> Адлерберг и князь Ал<ександр> Мих<айлович> Горчаков. Если же принять в соображение, что эти три лица не принимали деятельного участия в делах внутреннего управления, то можно сказать, что в течение двух лет обновился весь состав нашего высшего правительства.

25-го октября праздновался 100-летний юбилей 2-го кадетского корпуса в присутствии Государя, Великих Князей и значи-

тельного числа съехавшихся лиц из бывших питомцев корпуса. После церковной службы и церемонии освящения нового знамени происходил завтрак в самом корпусе, позже обед во дворце; на другой же день, 26-го числа, был в корпусе бал. Ни на самом торжестве юбилея, ни на бале я не мог присутствовать по причине боли в ногах, которая тогда начала меня беспокоить, по временам исчезая и потом снова возвращаясь.

Осенью 1862 года явилась новая забота для правительства – голод в Финляндии. Принимались все возможные меры к облегчению народного бедствия; по всей России открыта была подписка на пожертвования, и русский народ отозвался сочувственно на этот призыв к помощи голодавшим братьям.

ПОЛЬСКИЕ ДЕЛА ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ ГОДА

Образ действий русского правительства относительно Царства Польского со времени назначения Великого Князя Константина Николаевича наместником Царским выказывал так явственно твердое желание Императора удовлетворить польские национальные стремления, даровав Царству широкую автономию, что даже покровители и защитники поляков в Западной Европе не могли не отдавать справедливости великодушию русского Государя и полагали, что открылся путь к умиротворению края. На самих же поляков новые уступки русского правительства произвели разнообразное впечатление. В лагере «белых» возникла было фракция, предположившая воспользоваться этими уступками для достижения заветной цели — полного отделения Царства Польского от России, с провозглашением самого наместника Царского, Великого Князя Константина Николаевича королем польским. Но фракция эта, весьма немногочисленная, была принята враждебно даже в среде «белых»; ей дали прозвище «желтых» (намек на цвет мундиров прибывших в Варшаву русских гвардейских полков). Партию эту, как полагали, поддерживал сам Велепольский; но мы знаем, что маркиз имел сторонников даже и в среде польской аристократии, в пользу которой он так усердно работал. В противоположном же лагере «красных» новые уступки русского правительства только усилили самонадеянность и предприимчивость. Вожаки «красной партии», как уже сказано, сочли нужным прибегнуть к самым крайним средствам, чтобы заявить свой про-

тест против всякой мысли о примирении с русской властью. Населению Варшавы было внушено, чтобы отнюдь не оказывать наместнику, Царскому брату, никаких внешних знаков почтения, так сказать, игнорировать его. В это же время, вследствие распоряжения итальянского правительства о закрытии польской военной школы в Генуе[166], распущенные на все четыре стороны питомцы ее, большей частью горячие юноши, одушевленные самым пылким патриотическим фанатизмом, усилили контингент для пополнения боевых сил готовившегося восстания. Революционная работа в самой Варшаве продолжалась деятельно, и подпольная власть готовила свету новые сюрпризы.

В начале июля (11/23-го числа) начальник гражданского управления в Царстве маркиз Велепольский предложил Совету Управления Царства обратиться in corpore к Великому Князю наместнику с просьбой, чтобы он впредь не выезжал без эскорта. Благоразумный этот совет был принят Его Высочеством. Но первая опасность со стороны злодеев угрожала самому маркизу; на него была направлена злоба вожаков революции.

На 27-е июля (8-го августа н. ст.), в годовщину рождения Императрицы, назначены были крестины новорожденного Великого Князя Вячеслава Константиновича*. Восприемником был Великий Князь Александр Александрович, прибывший в Варшаву из Либавы 25-го июля. К предстоявшему торжественному дню ожидались, по обыкновению, новые Царские милости. Желая, по всем вероятностям, помешать обнародованию этих милостей и вызвать, напротив того, новые суровые меры со стороны русской власти, вожаки революции избрали как раз канун означенного торжества для нового покушения на жизнь Велепольского. 26-го июля (7-го августа нов. ст.), утром, когда маркиз подъехал к дому Комиссии финансов и выходил из кареты, в него сделан был выстрел из револьвера. К счастью, злодей дал промах; он был схвачен и оказался 20-летним работником-литографом, по имени Людвиг Рыл. Расчеты подпольных вожаков не удались; торжество крестин совершилось со всей обычной обстановкой, с объявлением помилования или облегчения участи 114 лицам, осужденным за разные преступления и проступки во время бывших беспорядков. В тот же день Велепольского посетили Великие Князья Константин Николаевич и Александр Александрович. Все

* Незадолго пред тем назначен был тайный советник граф Хрептович управляющим Двором Его Высочества.

высшие чины управления, представители города, иностранные консулы съехались в Брюлевский дворец (где жил Велепольский) для принесения ему поздравления с благополучным исходом покушения. Вместе с тем маркиз получил сочувственные телеграммы от Государя, Великой Княгини Елены Павловны и множества других лиц. Великий Князь Александр Александрович оставался в Варшаве до 29-го числа и возвратился 31-го июля в Либаву.

Вожаки революции выказывали замечательную настойчивость в своих гнусных замыслах. 3/15-го августа они повторили покушение на жизнь Велепольского: в 7 часов вечера, когда он ехал в открытом экипаже по аллее, ведущей от города к Бельведерскому дворцу, убийца бросился на него с кинжалом в руке; но опять промахнулся: удар попал в экипаж; кинжал оказался отравленным. Преступник был опять подмастерье – литограф, по имени Ржонца, и также, как виновники предшествовавших покушений – подкуплен таинственными руководителями революционной работы.

По случаю вторичного покушения на жизнь Велепольского маркиз опять получил множество сочувственных приветствий. В кафедральном соборе Св. Яна было совершено 5/17-го числа благодарственное молебствие; а на другой день, 6/18-го, посетили его Великий Князь наместник и только что вставшая с постели Великая Княгиня Александра Иосифовна. Члены Совета Управления приехали in corpore просить маркиза, чтобы впредь ездил не иначе, как с эскортом.

Оба виновника последних двух злодейских покушений – Рыл и Ржонца приговорены были судом к смертной казни. Приговор приведен в исполнение 14/26-го августа. Допросы как этих двух преступников, так и Ярошинского повели к раскрытию многих тайн существовавшей в Царстве Польском революционной организации и некоторых из деятельных участников ее. Между прочим открыто безрассудное намерение произвести внезапное нападение на Александровскую цитадель. В одной записке, помеченной 24-м июля, изложена была вся организация подпольного комитета в Варшаве и его отделов не только в Литве и в «Руси» (т.е. в Юго-Западном крае), но и в Познани и Галиче. В том же документе подтверждалось известное уже распределение всей массы участников революционного движения на десятки и сотни, личный состав которых был известен исключительно лишь стоявшим во главе каждого десятка и каждой сотни[167].

В исходе августа, по инициативе графа Андрея Замойского, съехалось в Варшаву от 200 до 300 панов со всех частей Царства Польского, с тем будто бы похвальным намерением, чтобы подписать и поднести Великому Князю адрес с выражением порицания образа действий революционных вожаков и негодования польской аристократии на совершенные в последнее время злодейские покушения. Но адрес был только благовидным предлогом, чтобы в многочисленном собрании польского дворянства поднять самые жгучие политические вопросы. Результатом было — составление акта в форме адреса (на имя графа Замойского), помеченного 11-м числом сентября нов. ст. (т.е. 30-го августа ст. ст.), с выражением желаний, или, лучше сказать, требований польского **народа** (?!). В этом акте прямо высказывалось, что дарованные Царству в последнее время и предположенные новые учреждения не удовлетворяют нужд Польши и не отвратят угрожающих стране бедствий; что никакие меры репрессивные, ни военная сила, ни военные суды, ни казни не подавят стремления Польши к своему освобождению, а только вызовут крайнее раздражение во всей стране; что за неимением законного органа для выражения истинных нужд Польши собравшиеся лица решились обратиться к нему, графу Замойскому, с просьбой заявить Великому Князю наместнику настоятельное стремление польской нации к возвращению ее прежних конституционных учреждений, полной свободы выборов и прений и к воссоединению всех областей, входивших некогда в состав Королевства Польского.

Граф Замойский, приняв этот адрес, обязался передать его Великому Князю наместнику. Адрес этот немедленно же появился в заграничных польских газетах с замечанием, что означенный съезд дворянства в Варшаве был устроен графом А. Замойским будто бы по поручению самого Великого Князя наместника. Газета «Journal de St. Pétersbourg» опровергла этот вымысел, а граф Замойский был вызван в Петербург для объяснений. В польских революционных кружках были уверены, что графа Замойского ожидала суровая кара, и выставляли уже его новым мучеником за польское дело. Но они в этом совершенно ошиблись. Все последствия ограничились тем, что граф Замойский дал письменное удостоверение в несправедливости приведенного выше толкования заграничных польских газет и сам признал противозаконность созванного им собрания. Он не понес никакого другого взыскания, кроме только воспрещения пребывания в Царстве Польском; а потому он немедленно же уехал за границу и с того

времени спокойно проживал в Париже, играя видную роль в тамошнем лагере польских эмигрантов.

Последние происшествия в Варшаве и злодейские покушения на жизнь графа Лидерса, Великого Князя, Велепольского произвели в России сильное впечатление. Все это как бы подтверждало предвещания тех, которые смотрели с недоверием на заманчивые планы маркиза, и отрезвило многих, проповедовавших сближение с поляками, удовлетворение их национальных домогательств. Новая выходка графа Замойского и созванного им собрания польских дворян высказала наглядно, что маркиз Велепольский не имел поддержки в среде польской аристократии, которая открыто заявляла несбыточное требование — чтобы воссоединены были все части старинного Королевства Польского до разделов его. Следовательно, весь предложенный Велепольским план реформ оказался выстроенным на воздухе.

Несмотря на все это, русское правительство не поколебалось в принятой системе действий относительно Польши. Великий Князь наместник вместе с маркизом Велепольским настойчиво продолжали свои опыты умиротворения края; план маркиза приводился в исполнение неукоснительно. С конца июля последовали следующие главные распоряжения:

Упразднена должность варшавского генерал-губернатора, что дало более простора в действиях маркизу Велепольскому.

24-го июля/5-го августа постановлено Советом Управления приступить с 13/25-го августа к постепенному открытию уездных советов в новом составе, начав с Радомской губернии.

31-го июля/12-го августа последовало Высочайшее повеление учредить в Царстве Польском особое Управление почт, взамен существовавшего Почтового округа.

7/19-го августа — такое же Высочайшее повеление об учреждении особого Управления путей сообщения, взамен прежнего VII округа.

В это же время президентом города Варшавы, на место Казимира Войде, назначен сын начальника гражданского управления камергер Сигизмунд Велепольский, а начальником Варшавского военного отдела и командующим войсками в Варшаве, на место генерал-лейтенанта Хрулева, назначен начальник 6-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Семека.

Вследствие объявленного подпольной революционной властью жителям Варшавы запрещения носить общепринятые цилиндрические шляпы начальник гражданского управления, со своей

стороны, отдал приказ (6/18 августа), чтобы все служащие чиновники носили эти шляпы для того именно, чтобы показать, что они не подчиняются шайке злодеев.

15/27-го августа обнародована прокламация Великого Князя наместника к населению Царства по поводу бывших злодейских покушений на жизнь Его Высочества, графа Лидерса и Велепольского. Указав на благие намерения Государя и на предпринятые реформы для удовлетворения истинных нужд страны, наместник убеждал благоразумных поляков не допускать, чтобы горсть злодеев воспрепятствовала осуществлению этих благих намерений. «Положитесь на меня, — говорил Великий Князь, — с тем же доверием, с которым я на вас полагаюсь».

Вслед за тем, 27-го августа/8-го сентября, Великим Князем наместником объявлено о Высочайшем соизволении на постепенное снятие военного положения в разных частях Царства. Мера эта, для первого начала, применена в Радомской губернии, с оставлением в силе лишь правил относительно дозволения иметь оружие и порядка подсудности военному суду по преступлениям политического свойства. Месяцем позже — (28-го сентября/10-го октября) также снято военное положение в губерниях Люблинской и Августовской, за исключением городов: Люблина, Седлеца и Сувалок.

8/20-го сентября объявлена новая милость Царская: Указ 19-го февраля 1860 года о прекращении розыска имений, подлежавших конфискации вследствие революции 1830 года, распространен на имения лиц, вновь подвергшихся уголовным карам за политические преступления последнего времени*.

10/22-го сентября последовало открытие двух факультетов «Главной школы»: юридического и физико-математического. 16/18-го числа Великий Князь наместник принимал в Лазенковском дворце профессоров этих двух факультетов, причем высказаны были взаимно обычные в таких случаях любезности. Несколько дней спустя (24-го сентября/6-го октября) открыты еще два факультета: историко-филологический и медицинский (заменивший прежнюю Медико-хирургическую академию). Ректором Главной школы утвержден доктор медицины Мяновский, знакомый Петербургу, где он занимался многие годы врачебной практикой. Кроме того, открыт в конце того же месяца (30-го сентября/12-го

* Высочайшее это повеление подтверждено указом Сенату 6-го декабря 1862 года.

октября) Политехнический институт в Новой-Александрии (близ Пулавы)*.

Таким образом гражданское управление Царства Польского не теряло времени и выказывало замечательную деятельность. 19-го же сентября (1-го октября нов. ст.) открыта лично Великим Князем наместником новая сессия Государственного Совета Царства, причем Его Высочество снова заявил, что печальные события последнего времени нисколько не охладили в нем благих намерений, и затем указал на те законодательные вопросы, которые подлежали обсуждению Совета в видах дальнейшего улучшения административного строя и развития автономии Царства. Программа предстоявших Совету работ была полновесная. Маркиз Велепольский, председательствовавший в обыкновенных заседаниях, подготовил к обсуждению Совета целый ряд законопроектов и предложений, входивших в его план преобразования, который приводился в исполнение настойчиво, без малейшего внимания к тогдашнему смутному положению страны и к возраставшей силе подпольной революционной власти. Совет, исключительно составленный из поляков, усердно помогал маркизу во всех мерах, прямо клонившихся к полному обособлению Царства Польского, к искоренению всего, что напоминало еще русскую власть и русское имя. Так, например, введены прежние польские меры, польские надписи на гербовых и других бумагах, постановлено не употреблять наименования греко-униатов, а признавать их католиками, от которых они отличаются, по мнению Совета, исключительно лишь церковным обрядом.

При всей наклонности наместника к удовлетворению национальных и либеральных стремлений поляков Великий Князь вынужден был в некоторых своих резолюциях на представленных на его утверждение постановлениях Совета сдерживать слишком уже неумеренные стремления. Между прочим Совет принял единогласно предложение, внесенное архиепископом Фелинским, об установлении положительным законом гарантий личной свободы граждан, а именно: чтобы никто не мог быть арестован без предварительного письменного извещения, с объяснением повода к такой мере; чтоб арестованный передан был на усмотрение суда не позже третьего дня и чтобы дальнейшему задержанию не подвергался иначе, как по судебному приговору. Также

---

* В следующем месяце, 26-го октября, открыт в Варшаве Александро-Мариинский институт для девиц.

одобрено было Советом и другое, столь же необычное предложение Фелинского – чтобы постановленные судом наказания отбывались не иначе, как в пределах Царства Польского, что, в сущности, было равносильно отмене ссылки в Сибирь и высылки в разные губернии Империи. Конечно, оба эти постановления Совета не были утверждены наместником.

В числе крупных постановлений Совета, получивших Высочайшее утверждение (16/28-го октября), была отмена подушной подати с дворовых людей и коморной подати с евреев, с возмещением отмененных статей дохода возвышением акциза на винокурение.

Между тем стал на очередь щекотливый вопрос о рекрутском наборе, назначенном во всей Империи в начале будущего 1863 года, после шести лет перерыва наборов. Общее это распоряжение решено было распространить и на Царство Польское, о чем последовало объявление 24-го сентября/6-го октября. Вместе с тем по предложению маркиза Велепольского было положено, ввиду ненормального положения Царства, не применять на этот раз утвержденного в 1858 году нового Положения о порядке рекрутских наборов в этом крае на основании общей во всем населении жеребьевки, а пополнить определенный контингент рекрут **выбором**, как делалось в прежние времена, и притом исключительно лишь из городского пролетариата. Цель такого предложения, очевидно, заключалась в том, чтобы избавить страну от известной части наиболее беспокойного и неудобного для администрации элемента в населении края, а вместе с тем дать льготу как сельскому населению, так и классу землевладельцев, об интересах которых наиболее заботился Велепольский. Цель эта была прямо высказана в секретной инструкции, данной маркизом губернаторам от 24-го ноября/6-го декабря.

Объявление о предстоявшем рекрутском наборе, конечно, послужило новым оружием вожакам революции для возбуждения в народе неудовольствия и раздражения. Некоторые из вновь открытых уездных советов отказались от выбора членов в состав рекрутских комиссий. По этой причине закрыт и распущен (30-го сентября/12-го октября) совет Седлецкого уезда.

Подпольный революционный комитет продолжал свою работу.

26-го октября совершено новое политическое убийство: управляющий секретным отделением особой канцелярии наместника по делам военного положения надворный советник Фелькнер найден близ своей квартиры убитым и с отрубленным ухом.

Убийца оставался более года неизвестным, и только в исходе 1863 года удалось обнаружить его: это был молодой человек Катковский, поступивший по набору 1863 года в солдаты в Харьковский губернский батальон. Он сознался в том, что совершил убийство по решению тайной революционной власти и что потом еще убил женщину на Праге, которая могла обнаружить совершенное Катковским преступление.

В описываемое время, как открыто было впоследствии, стояли во главе Варшавского революционного комитета Подлевский и Бобровский – наиболее энергичные и способные из вожаков революции. Но приверженцы Мерославского старались поддерживать в общественном мнении авторитет своего «диктатора», и, вероятно, с этой целью, в опубликованной в то время в заграничных польских газетах организации «Национального комитета», поставлен был во главе его «генерал Людвик Мерославский». Цель организации указывалась в том, чтобы «восстановить Польшу на началах демократических и в тех пределах, в которых она существовала до разделов». Для достижения этой цели единственным средством признавалось **вооруженное восстание**. Все участники этой революционной организации группировались уже не по десяткам, как прежде, а пятками. Значительное место в программе этой организации отведено денежным сборам со всего вообще населения. Сведения об этой новой организации были опубликованы в варшавской официальной газете, хотя, по всей вероятности, это было не что иное, как одна из многих мистификаций, которыми вожаки польского движения имели привычку морочить и своих и чужих, иногда с целью простого вымогательства материальных средств во имя патриотического дела.

В то же время в заграничных газетах (в «Колоколе» Герцена) появилось подложное письмо, будто бы полученное Великим Князем Константином Николаевичем от русских офицеров, предупреждавших его, что в случае восстания Польши армия откажется действовать для усмирения мятежа. Когда этот № «Колокола»[168] дошел до Великого Князя, он приказал означенное подложное письмо прочесть пред собранием офицеров каждой части войск. Возмущенные такой наглой ложью, офицеры испросили разрешение начальства явиться к Его Высочеству и лично выразить ему свое негодование на клевету, свою верность присяге и долгу службы. Великий Князь принял их 4/16-го ноября и объявил им, что приказание его – прочесть подложное письмо, опуб-

ликованное враждебными заграничными газетами, служит именно выражением его доверия к их честным чувствам и верности.

В половине ноября последовало увольнение от должности министра статс-секретаря по делам Царства Польского, действительного тайного советника Тымовского, занимавшего этот пост уже около шести лет, человека слабохарактерного, бесцветного и не имевшего никакого значения ни между поляками, ни между русскими. Место его занял тайный советник Ленский, состоявший до того времени членом Совета Управления и председательствующим в правительственной Комиссии финансов, поляк в душе, скрытный и льстивый. Впрочем, перемена эта не имела почти никакого значения в отношении хода дел в Царстве Польском. Министр статс-секретарь даже не приглашался на совещания, происходившие у Государя по делам польским.

С 29-го ноября (11-го декабря) открылись в Варшаве, в залах так называемого дворца Паца, публичные заседания военного суда над 64-мя лицами, обвиненными в тайном революционном сообществе. Подсудимые большей частью были из низших сословий, люди, действовавшие под руководством других вожаков, остававшихся пока за кулисами.

В начале декабря снято военное положение в губерниях Варшавской и Плоцкой, за исключением однако же городов Варшавы, Калиша, Плоцка и уездов Пиотроковского и Липновского. Наоборот, восстановлено военное положение в уезде Красноставском (Люблинской губернии); а в Праснышском уезде закрыт и распущен уездный совет, позволивший себе выйти из границ своей компетенции и постановить совершенно неуместные политические заявления.

Кроткий и благодушный образ действий, которым русское правительство надеялось умиротворить Царство Польское, прилагался и к западным губерниям Империи. Пользуясь наступившим затишьем в Северо-Западном крае, виленский генерал-губернатор генерал-адъютант Назимов объявил 1-го октября Высочайшее соизволение на постоянное снятие военного положения, установленного в августе предшествовавшего года, начав с города Вильны и Виленского уезда, с теми же, впрочем, ограничениями, какие были признаны нужными в Царстве Польском.

Наглядным доказательством несвоевременности такого распоряжения были дерзкие и возмутительные выходки польского

дворянства в некоторых из западных губерний. В Подольской губернии дворянское собрание, открытое губернатором действительным статским советником Брауншвейгом 16-го сентября, не приступая к прямой своей цели – выборам, занялось обсуждением заранее приготовленного адреса, в котором требовалось самым дерзким образом воссоединение того края с Польшей как единственное средство к избавлению народа от всех гнетущих его бедствий. Дворянство польское – это минимальное меньшинство населения – имело наглость с неимоверным цинизмом утверждать в своем адресе, что только в означенном воссоединении заключается основа свободного развития благосостояния **всего народа** Подолии, потому будто бы, что главной чертой польских учреждений была всегда полная равноправность, без всяких сословных различий и привилегий!! Могут ли далее этого простираться нахальство и ложь? Несмотря на все старания губернатора отклонить такой противозаконный адрес, последний был подписан 18-го сентября и отправлен к министру внутренних дел. Лишь только в Петербурге получено было об этом известие по телеграфу, немедленно же последовало (22-го сентября) Высочайшее повеление, чтобы собрание закрыть, все постановления его признать недействительными и всех предводителей дворянства предать суду Сената, отправив их арестованными в Петербург. На место их повелено назначить других лиц от правительства.

Пример подольского дворянства не остался без подражания. Дворянство Минской губернии (присоединенной лишь в августе 1862 года к Виленскому генерал-губернаторству) в заседании 17-го ноября также подписало адрес Государю в том же смысле: приписав себе заслугу первого возбуждения вопроса об освобождении крестьян от крепостного состояния, минское дворянство имело дерзость высказать, что последствием совершившейся великой реформы и средством к дальнейшему развитию края они признают - возвращение к прежним национальным традициям и воссоединение с Польшей.

Генерал Назимов, получив донесение о таком безумном поступке минского дворянства, немедленно же своей властью закрыл собрание. Распоряжение это снова подало повод к пререканию с министром внутренних дел Валуевым, который нашел его произвольным и неправильным. Однако же Государь, получив прямо от генерала Назимова донесение во время пребывания Его Величества в Москве, вполне одобрил сделанное распоряжение.

В то же время граф Старженский явился в Москву, чтобы подать Государю новую меморию о положении дел в Западном крае и средствах разрешения польского вопроса. Благодаря опять покровительству Валуева граф Старженский был принят Государем весьма милостиво, приглашался ко Двору и прямо из Москвы уехал в Варшаву, будто бы с поручением Его Величества представить означенную меморию Великому Князю наместнику в Царстве Польском. Какие последствия имели эти происки графа Старженского, мне осталось неизвестным; но генерал Назимов был крайне озадачен и недоволен оказанным графу Старженскому приемом в Москве и систематической поддержкой его интриг министром внутренних дел и шефом жандармов.

Дерзость, с которой польское дворянство западных губерний осмелилось прямо заявить свои стремления к отторжению этого края от Империи, открыла наконец глаза нашему правительству на истинное положение дел. Необходимо было положить резкую грань между вопросом о Царстве Польском и делами Западного края. Насколько Государь был склонен к предоставлению автономии Царству, настолько же он твердо противился всяким польским притязаниям на западные наши губернии. Убедившись теперь в необходимости серьезных мер, чтобы положить конец систематическому ополячиванию этого края и упрочить его связь с Империей, Государь решил, осенью 1862 года, образовать особый «Комитет по делам Западного края», под председательством князя Павла Павловича Гагарина. Членами комитета были министры: внутренних дел, юстиции, государственных имуществ, финансов, военный, шеф жандармов и некоторые еще другие; управляющим делами комитета – статс-секретарь Федор Петрович Корнилов. Заседания комитета начались в ноябре, в помещении Комитета министров, и большей частью назначались по вторникам, после заседания этого последнего комитета. В течение первых двух месяцев (ноября и декабря) предложено было на обсуждение нового комитета немало предложений, заключавшихся в записках министров внутренних дел и народного просвещения, также в записке неизвестного автора, помеченной 25-м февраля 1862 года, в записке самого председателя князя Гагарина, наконец, в представлениях генерал-губернаторов: Назимова и князя Васильчикова. Предположения эти преимущественно относились к улучшению положения православного духовенства, на которое предлагалось возложить обучение в народных школах; указывалась необходимость скорейшего прекращения зависимости крестьянского населения

от помещиков, на увеличение числа русских землевладельцев в крае и т.д. Было, между прочим, даже предложение – предоставить помещикам польского происхождения перечисляться в Царство Польское (?)[169].

Более цельное изложение образа действий правительства в Западном крае заключалось в записке министра внутренних дел 18-го декабря[170]. К сожалению, Валуев имел обыкновение излагать свои соображения в форме, более соответствующей теоретическому трактату, чем программе правительственных распоряжений. Поэтому вносимые им представления большей частью давали повод лишь к продолжительным разглагольствованиям и редко приводили к положительному, конкретному мероприятию.

На 27-е декабря назначено было заседание Западного комитета в Зимнем дворце, под председательством самого Государя, для обсуждения общего направления, которое следовало дать разным предположениям. Заседание это было не плодотворнее других: по большей части пунктов решение было предоставлено на дальнейшее обсуждение комитета. Вообще, можно сказать, что и в этом комитете, так же как и в других, было больше слов, чем дела. Не было выработано ни одной существенной меры, которая обещала бы дать новую жизнь краю, ополяченному благодаря недальновидности и неспособности самой администрации. Все постановления комитета имели характер полумер, обставленных такими условиями, которые обращали их в одни платонические пожелания. Правительство сознавало необходимость сделать что-нибудь – и только выказывало свою немощь.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ НА КАВКАЗЕ И В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Продолжительное отсутствие с Кавказа главного его начальника фельдмаршала князя Барятинского не могло не отзываться на ходе дел в том крае. В ожидании обещанного им возвращения в апреле 1862 года многие вопросы местной администрации откладывались до его приезда. Добродушный и всеми уважаемый князь Григорий Дмитриевич Орбельяни как временный начальник не брал на себя никакой инициативы и даже уклонялся от решения дел более важных. Начальник же штаба генерал-лейтенант Карцов, человек разумный и дельный, но еще новый в крае, не мог распоряжаться самостоятельно, не имея за собой опоры.

Между тем о фельдмаршале князе Барятинском в течение всей зимы не получалось никаких известий; не знали даже, где именно он находился. Только в феврале 1862 года, наконец, получил я от него письмо (от 2/14-го числа) из Малаги, где он находился с половины ноября, в полном incognito, так что пребывание его в этом городе было тайной даже для русского посланника в Испании графа Стакельберга. Замечательно, что в то же время проживал на острове Мадейре, а позже в Лиссабоне, другой русский главнокомандующий и наместник — граф Ламберт. В означенном письме от 2/14-го февраля князь Барятинский писал мне, что положение его здоровья не позволит ему ехать на Кавказ в апреле, как предполагалось, и что он намерен еще одно лето полечиться у Вальтера[171]. В первых числах апреля он прибыл в Женеву, откуда я получил от него второе письмо от 10/22-го апреля[172]; а вскоре затем он переехал на Рейн в имение сестры своей княгини Зейн-Витгенштейн (близ Кобленца).

На Кавказе продолжали ожидать с нетерпением приезда фельдмаршала. К счастью, в это время в крае все было благополучно. И в Дагестане, и в Терской области, под управлением генерал-адъютанта князя Левана Меликова и генерал-лейтенанта князя Дм<итрия> Ив<ановича> Святополк-Мирского, водворилось полное спокойствие. В Кубанской области, которая оставалась единственным театром военных действий, распоряжался генерал-адъютант граф Ник<олай> Ив<анович> Евдокимов. Там продолжалось систематическое выполнение предположенного плана — вытеснения из гор последних оставшихся еще горских племен и устройства новых казачьих станиц. Сосредоточенная в этой части края масса войск почти вся употреблена была на рубку просек, проложение дорог, расчистку местности под казачьи поселения и прикрытие вновь водворенных передовых станиц.

Почти все прежнее население гор между верховьями Кубани и Белой было уже вытеснено оттуда; частью оно переселилось на указанные графом Евдокимовым места на Закубанской равнине, частью же ушло на южный склон Кавказского хребта с намерением переселиться в Турцию. Но более крупные и воинственные племена абадзехов и шапсугов решили продолжать сопротивление до последней крайности. Они еще пытались, где только могли, противодействовать заселению края казаками, нападая не только на передовые наши отряды и выдвинутые далеко в горы казачьи станицы, но и предпринимая по временам нападения на задние станицы, как бы в напоминание о былых смелых набегах на наши линии.

Так 3-го января высланная из «Абадзехского» отряда, между р. Фарсом и Этокой, небольшая колонна майора Граббе для рубки леса была атакована горцами и понесла потери, причем сам майор Граббе ранен. В феврале сосредоточен был на р. Белой довольно сильный отряд для рубки просеки от «Ханского брода» к р. Пшишу, под личным начальством самого графа Евдокимова. Горцы предпринимали нападения 24-го и 27-го февраля и 2-го марта; последнее было весьма горячее, и не обошлось без потерь с нашей стороны; однако же каждый раз горцы были отбиваемы, и работа продолжалась безостановочно.

В апреле граф Евдокимов, снова собрав отряд на р. Белой, на месте водворения новой станицы, получившей впоследствии наименование «Царской», двинулся 26-го числа в Даховское ущелье и занял его после нескольких встреч с горцами. Занятием этого ущелья обеспечился левый фланг Белореченской линии, которая, таким образом, совсем уже примкнула к главному Кавказскому хребту; вместе с тем получена твердая опора для дальнейших действий в горные котловины, простирающиеся к западу от р. Белой, между Главным хребтом и так называемыми «черными» горами.

В мае приступлено к очищению долины Куржипса (притока Белой с левой стороны), что не обошлось без боя. Абадзехи оказали упорное сопротивление; но после нескольких горячих дел были вытеснены из этой долины.

После того скопища горцев не раз проникали в ту горную полосу между верховьями Кубани и Белой, которая была уже совсем очищена от горского населения и прикрыта передовой Белореченской линией со стороны той части гор, где гнездились еще непокорные племена. В этих нападениях принимали участие, кроме абадзехов, и племена южного склона Главного хребта, умножившиеся массой беглецов, вытесненных нами с северной стороны. Так, в начале июня собравшееся с разных сторон разноплеменное скопище, в числе приблизительно до 5 тысяч человек, появилось в верховьях Фарса и Губса и в ночь на 14-е июня произвело отчаянное нападение на укрепление Хамкеты, обороняемое лишь тремя ротами. Несколько раз горцы были отражаемы и опять возобновляли натиск; с прибытием же подкреплений из соседних станиц они принуждены были отступить, понеся огромную потерю, простиравшуюся по нашим официальным сведениям до 600 человек убитых и раненых. В наших войсках также была потеря 15 убитых и 51 раненых (в том числе 2 офицера). Форштадт и склад сена были сожжены.

Жители Черноморского побережья Кавказа

Четыре дня спустя, 18-го июня, горцы в числе до 2 тысяч человек (вероятно, часть того же скопища, которое нападало на Хамкеты) покушались напасть на станицу Севастопольскую (верстах в 20 от названного укрепления); но наткнувшись на следовавшие в то время колонны войск, принуждены были бежать за Белую, бросив захваченный станичный скот, и понесли значительный урон.

Неудачи эти не отбили у горцев отваги и дерзости. 26-го июня и потом 8-го июля они произвели два раза отчаянные нападения на станицу Песменскую, в верховьях Большой Лабы. Первое нападение было предпринято скопищем до 4 тысяч человек (большей частью с южного склона хребта) так внезапно, на рассвете, что казачье население было захвачено совершенно врасплох. Ворвавшись в станицу, горцы начали жечь и грабить; но казаки, оправившись от первого замешательства, выбили неприятеля, а подоспевшие резервы преследовали горцев и принудили их бросить часть добычи. Однако же они увели до 37 человек пленных. Вто-

Лезгинский танец

ричное нападение было также произведено на рассвете скопищем в 2 тысячи человек, и опять горцам удалось ворваться в одном месте станичной ограды; но в этот раз ворвавшиеся в станицу были все перебиты казаками; скопище было отбито с потерей 50 человек.

Таким образом, в Кубанской области лето 1862 года было довольно тревожное; но можно сказать, что эти попытки сопротивления со стороны горцев были как бы последними конвульсивными движениями умирающего. Водворение новых казачьих станиц на обширном протяжении к западу от р. Белой продолжалось успешно. К числу водворенных в прошлом году прибавилось еще несколько новых станиц. Еще в марте последовало распоряжение о сформировании трех новых полков: Адагумского, №№ 24-го и 25-го, из которых образовалась новая 8-я бригада Кубанского казачьего войска. В мае внесено было в Кавказский комитет предположение о дальнейшем заселении предгорий западного Кавказа. После продолжительных прений положено предоставить кавказскому

начальству и Военному министерству ежегодно определять возможный размер переселения, сообразно имеющимся на то средствам, так однако же, чтобы в общем итоге кавказская финансовая смета ежегодно уменьшалась в известной постепенности.

Сам граф Евдокимов должен был значительную часть лета провести на водах в Ессентуках; заведывание отрядами за Кубанью было возложено на черноморца — генерала Бабича. Тем не менее все главные распоряжения исходили от графа Евдокимова, и принятый им план приводился в исполнение с настойчивостью и беспощадной суровостью относительно вытесняемого из гор туземного населения. Горцы были на него так озлоблены, что, по слухам, решили убить его, для чего выбрали из своей среды 8 человек, обязавшихся привести это решение в исполнение. Однако же заговор этот не осуществился.

Окончательному утверждению нашему за Кубанью предполагалось оказать содействие движением отряда со стороны Абхазии, в нагорную страну Пеху и проложением в этом направлении дороги на северный склон Главного хребта чрез перевалы Доу и Ахбырц. Для этого движения предназначался отряд в 6 батальонов с 4 орудиями, то есть почти все, что было свободных войск в Кутаисском генерал-губернаторстве. Предприятие это, как известно, по личной воле Государя предполагалось возложить на владетеля Абхазского генерал-адъютанта князя Михаила Шервашидзе. Но князь Михаил, привыкший во всю свою жизнь действовать двулично и по своим личным побуждениям, неохотно принял на себя это поручение. Можно полагать, что он был связан своими прежними тайными сношениями с горскими племенами, соседними с Абхазией, или даже продолжал вести интриги для поддержания своего влияния в крае. Каковы бы ни были его затаенные цели, во всяком случае, он видимо искал предлогов, чтобы отклонить предположенное движение отряда в горы и проложение новой дороги. В письме к начальнику главного штаба Кавказской армии генерал-лейтенанту Карцову князь Михаил требовал, чтобы отряд, назначавшийся под его начальство, был значительно усилен и чтобы он, владетель, был избавлен от всяких сношений с кутаисским генерал-губернатором генерал-лейтенантом Колюбакиным. Сношения с ним почему-то казались унизительными для достоинства князя Шервашидзе. Ненависть князя Михаила к Колюбакину доходила до того, что раз он даже высказал желание, чтобы последнему было запрещено произносить имя владетеля. Князь Гр<игорий> Дм<итриевич> Орбельяни, зная сво-

енравный характер князя Михаила, командировал в Сухуми генерал-квартирмейстера Кавказской армии генерал-майора Зотова с поручением объяснить лично владетелю Абхазскому невозможность удовлетворения его требований и уверить его, что генерал Колюбакин не только не будет в чем-либо ему прекословить, но готов даже стать под его начальство, в звании начальника штаба отряда. Ничто не подействовало; приходилось или устранить князя Михаила от командования отрядом, или совсем отменить предприятие. Решение этого вопроса было предоставлено на ближайшее усмотрение генерал-адъютанта князя Орбельяни, о чем сообщено ему в моем письме от 25-го марта[173]; по получении же донесения его обо всех обстоятельствах Государь решил (6-го апреля) отложить экспедицию. В то же время, по Высочайшему повелению, сообщено мною о поведении владетеля Абхазского фельдмаршалу князю Барятинскому, для получения его мнения по этому предмету.

Князь Барятинский, которому вполне известны были и характер князя Михаила Шервашидзе, и обычный его образ действий, считал, однако же, нужным относиться к нему снисходительно, как к лицу влиятельному в приморской полосе Кавказа. При одном из своих с ним свиданий фельдмаршал даже имел неосторожность объявить ему, что русское правительство не коснется прав владетеля до конца его жизни и что только с кончиной его, князя Михаила, будет введено в Абхазии русское управление. Факт этот подтвержден самим князем Барятинским в ответе его от 28-го апреля/10-го мая из Зайна на мое письмо от 7-го апреля. В этом ответе выражалось мнение, что князя Михаила нельзя ни в чем винить, кроме только некоторой резкости его письма, объясняемой частью природной его гордостью, частью недостаточным знанием русского языка. В заключение высказано, что владетель Абхазии мог еще быть для нас полезен, если только щадить его самолюбие, не раздражать его и не выказывать ему недоверия[174]. Затем дело это было оставлено без последствий.

Князь Барятинский, пробыв некоторое время в замке Зайн, у своей сестры княгини Витгенштейн, провел остальное лето в Вильдбаде. Видевший его на Рейне доктор Вальтер нашел здоровье его в удовлетворительном состоянии и обнадежил, что ему можно будет возвратиться на Кавказ. Сам фельдмаршал писал мне из Вильдбада, 1-го июля, что чувствует себя хотя не так хорошо, как за месяц пред тем, однако же надеется осенью приехать в Петербург и затем отправиться на Кавказ[175]. Таким обра-

зом, в течение лета все еще не покидалась мысль о его возвращении к своему посту. Я продолжал сноситься с ним по главнейшим делам кавказским и спрашивал его мнения по вопросу, преимущественно тогда заботившему Военное министерство, — о сокращении расходов на Кавказскую армию. Настояния Финансового комитета о сокращении вообще военной сметы заставляли меня придумывать разные меры к достижению этой цели, но по возможности без ущерба боевой силы государства, которая, по моему убеждению, требовала не сокращений, а большего еще развития. Положение дел на Кавказе значительно изменилось со времени взятия Шамиля и усмирения всей восточной части края[176]; поэтому мне казалось возможным именно там сделать многие перемены, как в численном составе армии, развившейся под влиянием случайных обстоятельств непрерывной 60-летней войны, так и в некоторых традиционных порядках военного хозяйства, не ослабляя действительной боевой силы. В таком смысле предложен был мной кавказскому начальству ряд мер, представлявших, между прочим, и ту выгоду, что сближали организацию кавказских и прочих войск русской армии, как, например, приведение пехотных полков в 3-х батальонный состав, а кавалерийских (драгунских) — в 4-х эскадронный. Кавказское начальство приняло почти все предложенные сокращения и даже пошло несколько далее, так что с первого раза финансовая смета на 1863 год сокращалась на $2\,^1/_2$ миллиона рублей. Но князь Барятинский не все одобрил из того, на что согласилось временное начальство в Тифлисе; в особенности же восстал он против упразднения 4-х и 5-х батальонов. Окончательно решено было Государем упразднить только пятые батальоны; четвертые же привести в кадровый состав, а драгунские полки — в четырехэскадронный. При таком сокращении Государь изъявил согласие на оставление резервной кавказской дивизии на Кавказе еще на один год.

Наступила осень. В Кубанской области продолжались по-прежнему работы по водворению новых станиц и формированию новых казачьих полков. По временам отряды предпринимали поиски в горы для истребления остававшихся еще аулов. Но и горцы были почти постоянно в сборе: абадзехи и шапсуги, поддерживаемые населением южного склона гор, старались всячески препятствовать успеху работ. 3-го октября многочисленное скопище, в числе от 5 до 7 тысяч горцев, напало на станицу Ново-Баканскую (на дороге от низовий Кубани к Новороссийску) и ворвалось было в ограду; но подоспевшие резервы выбили горцев

и заставили их поспешно уйти в горы, бросив часть добычи. Попытка эта стоила горцам значительной потери; и с нашей стороны было до 26 убитых (в том числе 2 офицера и 2 женщины) и 73 раненых (в том числе 4 офицера).

Самый дерзкий, давно небывалый набег совершен горцами 19-го сентября. Шайка прорвалась чрез наши три кордонные линии и напала на правой стороне Кубани, между станицами Тифлисской и Казанской, на проезжавшего генерал-майора Кухаренко с молодым артиллерийским офицером Иогансоном. Оба они были схвачены и увезены в горы к абадзехам. После двух суток быстрого, почти безостановочного бега они очутились в горных трущобах за Белою, недалеко от Майкопа. Горцы требовали за пленных 22 тысячи рублей выкупа. Генерал Кухаренко пользовался влиянием в среде черноморских казаков и был уважаем самими горцами как боевой генерал. Вследствие чрезмерного утомления, изнеможения физического и нравственного он разболелся и 26-го числа умер. После долгих переговоров горцы согласились выдать молодого офицера и тело покойного генерала в обмен за 20 горских семейств. Тело генерала Кухаренко было привезено в Екатеринодар и погребено 6-го октября с подобающими почестями.

В сентябре прусский принц Альбрехт (брат короля Вильгельма) предпринял путешествие на Кавказ. Проехав чрез Австрию и княжества Дунайские в Одессу, Николаев, далее в землю Войска Донского, в Ставрополь и Владикавказ, принц прибыл 8/20-го сентября в Тифлис; пробыл здесь три дня; затем объехал большую часть Закавказья: посетил Кахетию, Нуху, Шемаху, Баку, Шушу, Елизаветполь, Эривань, Кутаис, Гурию и обратно по Военно-Грузинской дороге проехал чрез Ставрополь и Прочный Окоп в Майкоп, куда прибыл 31-го октября. Здесь приготовлено было ему помещение у командира 21-го стрелкового батальона подполковника Бюнтинга, бывшего прусского офицера. К тому же времени прибыл в Майкоп и граф Евдокимов, под личным начальством которого Даховский отряд, расположенный на Куржипсе, должен был предпринять наступательное движение в верховье Пшехи. Принц участвовал в этой семидневной экспедиции (с 4-го по 10-е ноября) и в стычках с горцами 5-го и 9-го числа, стоивших нам до 7 убитых и 39 раненых. На принца возложено было графом Евдокимовым командование частью отряда, конечно, более почетное, чем действительное. По возвращении отряда на прежнее место стоянки на Куржипсе (11-го числа) принц, чрезвычайно довольный, выразил и словесно, и письменно по-

хвалу нашим войскам, закончив свой приказ по отряду словами: «Да здравствует Россия, и Боже Царя храни!» В тот же день, после трогательного прощания, он оставил отряд; в Майкопе снова были проводы, и затем принц проехал чрез Ставрополь и Новочеркасск в Москву, посетив на пути Хреновский конный завод.

Даховский отряд, по отъезде принца Альбрехта, снова предпринял, 15-го ноября, движение, под начальством полковника Геймана, вверх по р. Белой и занял с боя котловину, в которой обитало прежде племя хамышейское. По этой котловине пролегает летняя дорога к убыхам. В то же время (16–24-го декабря) другой отряд — Пшехский, под начальством генерал-майора Преображенского, делал набеги на горские аулы в долинах притоков Пшехи и Пшиша.

Так прошел весь 1862 год на Кавказе, все в ожидании возвращения наместника и главнокомандующего. В октябре фельдмаршал, наконец, решился ехать в Петербург. Возвращение его на Кавказ считалось уже делом решенным, так что 17-го октября последовал на имя князя Григ<ория> Дм<итриевича> Орбельяни Высочайший рескрипт, которым слагалось с него временное исполнение обязанностей наместника и главнокомандующего. В Царском Селе сделаны были все распоряжения к приему фельдмаршала и помещению его в тамошнем дворце. Но вдруг 20-го октября получена в Петербурге телеграмма, что князь Барятинский остановился в Режице и не мог продолжать путешествие по причине сильного приступа подагры. Чрез три дня перевезли его не без труда в Вильну, где он и пролежал более трех месяцев.

На азиатских наших окраинах в этом году не произошло ничего замечательного. Только в самом начале года (в январе) начальник Сыр-Дарьинской линии генерал-лейтенант Дебу, с разрешения оренбургского начальства (генерал-адъютанта Безака), собрав небольшой отряд, подступил к Дин-кургану — новой крепостце, возведенной коканцами в 8 верстах выше отнятого у них и срытого в прошлом году Яны-кургана. Коканцы защищались; но были выбиты из укрепления, потеряв до 70 человек убитых и раненых. В нашем отряде было 4 убитых и 12 раненых. Это было последним военным предприятием генерала Дебу, который в сентябре того же года скончался. На место его начальником Сыр-Дарьинской линии назначен полковник Веревкин, пользовавшийся репутацией отличного офицера, разумного и энергичного.

Кроме разрушения коканской крепостцы Дин-кургана в этом году возведено, по распоряжению оренбургского начальства, новое степное укрепление на р. Эмбе, названное Эмбенским.

По случаю смерти коканского хана Мулах-хана возникла война между Бухарой и Коканом. Эмир бухарский Музафар-хан (вступивший на престол в 1860 году), постоянно домогавшийся преобладания над Коканом, желал возвести на ханство Коканское своего зятя Худояр-хана и, дабы поддержать его против враждебной ему партии, собрал в конце апреля свои войска при Ура-тюбе, а в конце мая двинулся в коканские владения, овладел Ташкентом, Ходжентом и некоторыми другими пунктами.

Начальствовавший в Семиреченской области полковник Колпаковский, собрав в начале октября отряд при укреплении Верном, предпринял движение к коканской крепости Пишпеку, которая была уже раз взята нами в 1860 году и снова восстановлена коканцами. Крепость была взята вторично, с 6-сотенным гарнизоном и 9 орудиями. Потеря в наших войсках состояла из 13 убитых и 17 раненых.

ПРЕБЫВАНИЕ ГОСУДАРЯ В МОСКВЕ НОЯБРЬ И ДЕКАБРЬ

В ноябре Государь вторично отправился в Москву, но уже вместе с Императрицей, с Великим Князем Сергеем Александровичем и Великой Княжной Марией Александровной, притом на более продолжительное время. Выехав из Царского Села 10-го ноября, в субботу, рано утром, Их Величества прибыли в белокаменную в 10 $^1/_2$ часов вечера. На другой день, 11-го числа, в воскресенье, после обедни в дворцовой церкви, происходил большой выход в Кремлевском дворце, обычное шествие с Красного крыльца в соборы и развод в манеже (экзерциргаузе) от лейб-гренадерского Екатеринославского Е.В. полка.

Первую неделю в Москве Их Величества провели в домашнем своем кругу, вследствие легкого нездоровья Императрицы; только небольшое число лиц приглашалось к обеду во дворец. Но во второе воскресенье, 18-го числа, утром после обедни происходил во дворце большой прием московского дворянства и съехавшихся в Москву дворянских предводителей других губерний. В числе московских дворян явились князь Александр Сергеевич Меньшиков, московский военный генерал-губернатор Пав<ел> Алекс<е-

евич> Тучков, обер-гофмаршал граф Андрей Петр<ович> Шувалов, князь Василий Андреевич Долгоруков, Серг<ей> Павл<ович> Шипов, Мих<аил> Алекс<андрович> Офросимов (начальник резервов армейской пехоты) и много других из высших чинов. Прием происходил в Андреевском зале. Государь, войдя в зал вместе с Императрицей, обратился к собранию дворян с речью, в которой выразил полное свое доверие к преданности этого сословия, к его единодушной готовности поддержать правительство для блага отечества и т.д. Речь эта, конечно, была приветствована возглашением «ура»; затем Их Величества подходили поочередно ко многим из присутствовавших дворян и беседовали с ними довольно долго. Вообще в этот приезд в Москву замечалось более обыкновенного желание Государя, так сказать, задобрить дворянство, устранить то охлаждение, которое было последствием освобождения крестьян и других реформ последнего времени.

21-го числа дан был во дворце большой обед, к которому были приглашены все местные власти и предводители дворянства, а на другой день утром происходил большой прием дам и разных чинов гражданских и военных; затем 23-го числа прием московского купечества, а 24-го — большой обед во дворце для разных почетных лиц.

В воскресенье, 25-го ноября, после обедни Государь принимал в Георгиевском зале городских голов, волостных старшин и сельских старост Московской губернии. Приняв от них поднесенные хлеб-соль и затем выступив на средину зала, Его Величество обратился к представителям крестьянства с речью, в которой между прочим сказал: «Я дал вам свободу; но помните — свободу законную, а не своеволие. Поэтому я требую от вас прежде всего повиновения властям, мною установленным...» На эти слова отозвались несколько голосов: «будем слушаться...» Государь продолжал свою речь в том же смысле наставления крестьянам, чтобы точно отбывали повинность, исполняли свои обязанности и скорее составляли уставные грамоты, не ожидая никакой «новой воли».

В этот же день прибыл в Москву с Кавказа принц прусский Альбрехт. Государь принял его весьма радушно и пожаловал ему орден Св. Георгия, так что на другой день, 26-го ноября, на торжестве Георгиевского ордена, принц участвовал в шествии с прочими кавалерами нашего военного ордена, а в следующие два дня, 28-го и 29-го ноября, присутствовал на военных смотрах: в первый день — двум гренадерским полкам (Киевскому и Таври-

ческому), а во второй — сводному дивизиону из третьих эскадронов обоих гусарских полков 7-й кавалерийской дивизии (Нарвского и Митавского), 2-й гренадерской артиллерийской бригаде и Московскому батальону внутренней стражи.

30-го ноября в Кремлевском дворце дан большой бал, на который приглашено было более 1000 лиц. В числе присутствовавших на бале были: принц Альбрехт и прусский посланник граф Гольц, приехавший в Москву для представления своих отзывных грамот, по случаю перемещения его в Париж*.

На другой же день после бала принц Альбрехт, вполне довольный оказанным ему радушием со стороны Государя, выехал в Петербург, где пробыл несколько дней. Удостоив меня своим посещением, он восхвалял мне кавказские войска и все виденное им на Кавказе, высказывал неоднократно в самых теплых выражениях свою признательность за все оказанные ему в России знаки внимания**. Принц возвратился чрез Вержболово в Берлин 9/21-го декабря.

4-го декабря прибыл в Москву Наследник Цесаревич Николай Александрович в сопровождении генерал-адъютанта графа Серг<ея> Григ<орьевича> Строганова и флигель-адъютанта полковника Рихтера.

С самого отъезда Государя в Москву моя боль в ногах так усилилась, что я должен был некоторое время оставаться безвыходно дома, в полулежачем положении. Припоминаю, что по этому случаю я удостоился посещения Наследника Цесаревича. Это был прелестный юноша, отлично воспитанный и образованный. Преподаватели его отзывались с большими похвалами об его любознательности, прилежании и благодушии. Он рос и воспитывался под ближайшим влиянием матери, передавшей ему свои прекрасные качества ума и души. Воспитатель и попечитель Его Высочества генерал-адъютант граф Серг<ей> Григ<орьевич> Строганов доставил мне потом случай бывать у Цесаревича, беседовать с ним и сообщать ему сведения о важнейших реформах, предположенных по военному ведомству. Наследник Цесаревич относился ко мне весьма любезно и внимательно.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «который был принят Государем в официальной аудиенции только 9-го декабря». *(Прим. публ.)*

** Впоследствии принц прислал мне экземпляр изданного им путешествия под заглавием: «Im Caucasus. 1862». Berlin, 1865.

По случаю смерти киевского генерал-губернатора и командующего войсками Киевского военного округа князя Иллар<иона> Иллар<ионовича> Васильчикова возник в это время вопрос о замещении обеих этих должностей. Соединение в одном лице власти гражданской и военной было в то время более чем когда-либо необходимо при тогдашних обстоятельствах в Западном крае. За отсутствием Государя я вошел в предварительные переговоры с министром внутренних дел относительно кандидатов на обе означенные должности; окончательное решение вопроса должно было последовать по личному докладу Государю статс-секретаря Валуева, который в то время собирался ехать в Москву, по случаю предстоявшего представления Его Величеству дворянства, городских голов и представителей крестьянского сословия. Прибыв в Москву, Валуев прежде всего, конечно, вошел в объяснения с князем Вас<илием> Андр<еевичем> Долгоруковым, который, по непонятной мне причине, восстал было против соединения в одном лице власти гражданской и военной, тогда как ему-то, шефу жандармов, более чем кому другому, следовало бы, напротив того, настаивать на единстве власти в главных центрах управления в крае, взволнованном мятежным движением. Перебирая разных кандидатов, князь Долгоруков и Валуев не могли остановиться ни на одном из имевшихся в виду лиц и полагали облегчить выбор назначением вместо одного лица на обе должности двух лиц — одного генерал-губернатором, другого — командующим войсками военного округа. А между тем, кроме замещения этих должностей в Киеве, шла речь также о смене генерал-адъютанта Назимова в Вильне. Статс-секретарь Валуев, как уже упоминалось, не ладил с Владимиром Ивановичем Назимовым и прочил на его место генерал-адъютанта графа Эдуарда Трофимовича Баранова, которого считал более всех других кандидатов соответствующим требованиям главного начальника в Западном крае — именно по его мягкости характера. В одном из писем ко мне из Москвы (от 16-го ноября) Валуев прямо высказал, что «в Западном крае нужна не сила, которой столько потрачено там без пользы генералом Бибиковым, но умение ладить и жить с людьми...»[177] Но граф Баранов, как уже сказано, положительно отклонил всякое новое назначение на какую-либо должность; другого же валуевского кандидата — генерал-адъютанта князя Паскевича пришлось также исключить из списка потому, что этот отъявленный крепостник дулся и подал прошение об увольнении в бессрочный отпуск. Притом, и самое предположение Валу-

ева о смене генерала Назимова на этот раз не осуществилось. Государь, еще не усматривая в этом надобности, приостановился и решением вопроса о замещении должностей в Киеве, поручив статс-секретарю Валуеву, по возвращении в Петербург, еще переговорить со мною.

Немедленно же после происходившего 25-го ноября приема Государем городских голов и представителей крестьянства статс-секретарь Валуев выехал из Москвы, и 27-го числа я имел с ним свидание в Комитете министров. Но мы не могли прийти к соглашению. В тот же вечер министр внутренних дел отправил в Москву свой доклад, в котором указывал своих кандидатов отдельно на должность генерал-губернатора; я же, со своей стороны, двумя днями позже представил Государю свой доклад (от 29-го ноября), в котором выставил все неудобства и даже опасность разделения власти между двумя независимыми друг от друга лицами при тогдашнем положении дел в западных губерниях, объяснив притом, что предполагаемое министром внутренних дел и шефом жандармов разделение властей даже и не облегчает нисколько выбора кандидатов на обе должности, так как, при современных обстоятельствах, необходимо и в административном отношении, чтобы главным начальником края было лицо военное. В заключение своего доклада я указывал трех кандидатов на такую должность в Киеве: генерал-адъютантов Коцебу, Безака и Анненкова и в случае выбора первого из них предлагал заместить его в Одессе генерал-адъютантом бароном Александром Евстафьевичем Врангелем.

Доклад этот был возвращен мне с такой резолюцией Государя, помеченного 1-го декабря: «Я совершенно разделяю твои мысли и остановил мой выбор на генерал-адъютанте Анненкове, за которым послал по телеграфу, чтобы с ним лично объясниться. Здесь я всеми войсками и всем, что видел, весьма доволен. Крайне сожалею, что здоровье твое не позволяет тебе прибыть сюда. Дай Бог, чтобы к возвращению моему я нашел тебя совершенно здоровым»[178].

Итак, вопрос, наконец, разрешился назначением в Киев государственного контролера генерал-адъютанта Ник<олая> Ник<олаевича> Анненкова. Это был человек вполне подготовленный к занятию такого поста, на котором требовалось соединение опытности в делах административных с условиями высшего начальствования войсками. Генерал Анненков с 1815 года по 1838-й служил в гвардии, сначала в Семеновском полку, потом командо-

вал Измайловским; а в 1835 году был назначен начальником штаба 6-го армейского корпуса, которого корпусная квартира находилась тогда в Москве. Император Николай I выбирал в начальники корпусных штабов не офицеров Генерального Штаба, а большей частью строевых, преимущественно из командиров полков или флигель-адъютантов, знатоков строевого дела и отличавшихся педантизмом в службе. Ник<олай> Ник<олаевич> Анненков вполне принадлежал к этой категории, хотя вместе с тем был человек образованный, благовоспитанный, с формами несколько изысканными, а в молодости он даже пописывал стихи. Служба в 6-м корпусе была тогда на виду: Государь ежегодно делал смотры войскам, расположенным в Москве и окрестностях; от них требовалась безукоризненная выправка. Такой начальник штаба, как Н.Н. Анненков, был совершенно на своем месте. В 1842 году прямо с этого места он попал в директоры канцелярии Военного министерства, а в 1848 году — в члены Государственного Совета. Во время Крымской войны он начальствовал в Новороссийском крае, составлявшем тогда базис действий обеих наших армий — и на Дунае, и в Крыму. Снабжение той и другой всеми потребностями представляло чрезвычайные затруднения. Генерал Анненков трудился деятельно и делал все, что было в его силах, хотя все-таки не избег нареканий и жалоб. С 1855 по 1862 год, в должности государственного контролера, он старался по возможности дать этой части высшего государственного управления действительное значение; но существенная заслуга, оказанная им в этой должности, та, что по его распоряжению командирован был за границу действительный статский советник В.А. Татаринов для изучения устройства контрольной части в других государствах. Этому счастливому распоряжению обязана Россия совершившимся коренным преобразованием нашей системы сметной, кассовой и отчетности. Анненков приготовил себе преемника, оказавшего важную услугу нашим финансам.

Назначение генерала Анненкова в Киев последовало 6-го декабря; замещение же должности государственного контролера было отложено до 1-го января.

Известия, ежедневно получаемые Государем из Вильны о ходе болезни фельдмаршала князя Барятинского, давали мало надежды на скорое его выздоровление. 12-го ноября посетили его Великий Князь Михаил Николаевич с супругой и сыном Николаем

Михайловичем, в проезд их из Петербурга в Варшаву. Их Высочества пробыли часа два у постели больного и нашли его крайне ослабевшим и исхудалым. Сам князь Барятинский чувствовал, что ему трудно будет когда-либо возвратиться к деятельной службе на Кавказе и в таком смысле написал письмо к Государю. Тогда, по поручению Его Величества, граф Александр Владимирович Адлерберг, который был всегда в отличных отношениях с князем Барятинским, отправился в Вильну, для личных с ним объяснений. Возвратившись оттуда в Москву, граф Адлерберг доложил Государю, что фельдмаршал окончательно решился просить увольнения от должности и что указал кандидата в преемники ему — Великого Князя Михаила Николаевича.

Немедленно же Его Высочество был вызван в Москву из Варшавы, где он намеревался провести недели две с Великим Князем Константином Николаевичем. Вместо того он поспешил выехать оттуда 20-го ноября и прибыл 23-го числа в Москву. Сделанное ему Государем предложение — занять место князя Барятинского на Кавказе Великий Князь принял с радостью, и 6-го декабря состоялось его назначение наместником кавказским и командующим кавказской армией, со всеми правами и властью, какие были присвоены его предместнику. Князю Барятинскому, при увольнении, пожалованы алмазные знаки ордена Св. Андрея, при весьма милостивом рескрипте, в котором было выражено сожаление о том, что тяжкая болезнь вынудила фельдмаршала оставить свой пост, на котором он в течение шести лет оказал столь важные заслуги.

Новый наместник, по возвращении из Москвы в Петербург, вторично отправился 13-го декабря в Вильну, чтобы посоветоваться с фельдмаршалом и получить от него некоторые указания. Болезнь удерживала князя Барятинского еще более месяца в Вильне, откуда он выехал обратно за границу только 25-го января 1863 года.

Таким образом сошел со сцены этот блестящий любимец Царский, баловень счастья, соединявший в себе столько замечательных способностей и столько слабостей. Князь Барятинский не раз говорил мне (еще в то время, когда я был у него начальником штаба и когда его отношения ко мне были самые благодушные, почти дружеские), что для него не существует другого служебного положения, как только на Кавказе; что в Петербурге он чувствует себя не на своем месте. Когда же я возражал, что он может там иметь большое влияние на общий ход государственных дел

как близкий советник Царский, то он отвечал: «Нет, в Петербурге теперь все решается в советах, комитетах, совещаниях, в которых берет верх дар слова; теперь уже там есть мастера говорить. Впрочем, я уверен, что искусство ораторское будет у нас все более развиваться; я же, как вы знаете, не могу говорить; я конфужусь в самом небольшом собрании...» И действительно, мне часто приходилось дивиться тому, что человек, так высоко поставленный, человек с таким авторитетом и притом умеющий так смело и легко занимать своим разговором целый дамский «салон», приходил в совершенное смущение и терялся, когда попадал в какое-либо деловое совещание, хотя бы самого скромного состава. Но кроме этой своеобразной черты характера, была и другая, более существенная причина тому, что князь Ал<ександр> Ив<анович> Барятинский чувствовал себя неспособным играть видную роль в общих государственных делах: он не имел привычки к деловой работе, относился к делам слишком поверхностно; вел их как балованный вельможа, не входя в подробности и не останавливаясь на реальной почве. Вот почему в серьезных прениях он оказывался невооруженным, бессильным.

Впрочем, это черта довольно общая в среде высокопоставленных государственных людей известной категории. Другой выдающийся в этом отношении экземпляр — наш знаменитый государственный канцлер князь Александр Михайлович Горчаков.

6-го декабря, в день именин Наследника Цесаревича, происходил в Кремлевском дворце большой выход, а вечером дан московским дворянством блестящий бал. Выше уже сказано, что этот день ознаменовался двумя важными назначениями: Великого Князя Михаила Николаевича — на Кавказ и генерал-адъютанта Анненкова — в Киев. Кроме того, А.В. Головнин и М.Х. Рейтерн утверждены в должностях министров, объявлены и некоторые награды; в том числе начальник Кавказской гренадерской дивизии генерал-лейтенант барон Николаи получил звание генерал-адъютанта, которым однако же пользовался недолго, так как вскоре он оставил службу, уехал за границу и сделался траппистом.

Бывший министр государственных имуществ Мих<аил> Ник<олаевич> Муравьев, уволенный от этой должности в самом начале года (1-го января), оставался еще в двух других прежних должностях: председателя Департамента уделов и управляющего Межевым корпусом. Увольнение его от этих должностей последовало только 29-го ноября; новые же назначения на его место объявлены лишь 6-го декабря. Преемниками генерала Муравь-

ева были помощники его по обеим должностям: по Департаменту уделов — действительный статский советник Юлий Иванович Стенбок, а по Межевому корпусу — Генерального Штаба генерал-майор Иван Мих<айлович> Гедеонов, некогда бывший моим адъюнктом в Военной академии по преподаванию военной статистики.

Продолжительное пребывание Их Величеств в Москве придавало первопрестольной столице оживление, выходившее из обычного течения ее жизни. В городе не было других предметов разговора, кроме толков о том, что делалось при Дворе, где был Государь, что сказал и т.д. При этом, разумеется, воображение создавало целые легенды, рассказывались подробности небывалые и невозможные. Богатый материал для таких толков доставила большая охота на медведей и лосей, устроенная для Государя Московским обществом охотников 9-го и 10-го декабря в окрестностях Павловского посада, верстах в 60 от Москвы. Со своей стороны, Государь и Императрица с особенным благодушием выказывали городу свое внимание и расположение. Их Величества посетили Мещанское училище и городского голову Королева, у которого пили чай. Какая неисчерпаемая тема для городской болтовни!

В заключение Царского пребывания в белокаменной дан был 16-го декабря, в воскресенье, блестящий бал в Кремлевском дворце. 20-го числа, утром, Их Величества выехали из Москвы, при обычных криках «ура», и в 11 часов вечера того же дня прибыли в Петербург, где встречены были теми же криками. На станции Николаевской железной дороги собралось множество военных генералов и офицеров, гражданских чинов, дам. На платформе ожидали члены Царского семейства, высшие власти и почетный караул. От станции до Зимнего дворца весь путь был иллюминован и украшен флагами; по обеим сторонам улиц тянулись непрерывные полосы народа. Государь ехал в санях; Императрица с Наследником Цесаревичем — в карете. Все офицеры Кавалергардского полка и конной гвардии провожали верхом Царские экипажи.

ОБЩЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В 1862 ГОДУ

Во всем рассказе своем о 1862 годе я ничего не упоминал о делах внешней политики, имея ввиду посвятить им отдельную статью. Впрочем, этот год в отношении общей политики европейской можно признать одним из самых мирных и благополуч-

ных, если только выделить дела «восточные», то есть касающиеся Балканского полуострова. Временное это затишье в международных отношениях больших держав объясняется тем, что каждая из них имела достаточно своих домашних забот и затруднений.

Так, Австрия все еще не могла найти твердой опоры для своего государственного устройства, и все усилия центрального правительства связать в одно целое разноплеменный состав Империи разбивались, встречая упорное противодействие со стороны некоторых национальностей, особенно же мадьяр, домогавшихся полной автономии для Венгерского королевства. Лишившись большей части своих итальянских областей, Австрия в то же время видимо теряла и прежнее свое преобладание в составе Германского Союза, в котором все более усиливалось значение Пруссии.

Во всей Германии общественное мнение было в высшей степени занято вопросом о преобразовании политического и военного устройства Союза, в смысле упрочения его единства и могущества. Но переговоры, которые велись по этому важному вопросу между кабинетами, не приводили ни к какому результату — и по весьма понятной причине: вследствие соперничества между обеими главными державами, домогавшимися главенства в Союзе. Второстепенные же государства Союза относились с большим недоверием и опасением к предполагаемому объединению Германии и в особенности боялись прусской гегемонии. Поэтому из выработанных трех проектов — австрийского, прусского и саксонского — ни один не мог привести к соглашению. Между тем, образовавшееся еще с 1859 года «народное собрание» (National Verein) из вожаков либеральных партий всей Германии снова собралось в сентябре 1862 года в Веймаре для обсуждения оснований желанного преобразования союзного статута. Собрание решило образовать из 40 избранных делегатов свой постоянный комитет, который, имея пребывание во Франкфурте, рядом с союзным сеймом, следил бы за действиями правительства по вопросу, разрешения которого нетерпеливо ожидала Германия.

Пруссия, домогаясь преобладания в Германском Союзе, настойчиво работала над организацией и развитием своих военных сил; но как уже было упомянуто прежде, правительство встречало в этом отношении упорное сопротивление со стороны палаты народных представителей (Landtag). При открытии заседаний ее, 2/14-го января 1862 года, король Вильгельм в своей тронной речи

так же, как и в предшествовавшем году, настаивал на необходимости утверждения палатами предпринятых военных реформ и дополнительных военных кредитов, а также развития флота для защиты берегов Германии. Однако же и на этот раз палата отвергла внесенное министерством представление и вследствие того была распущена (27-го февраля/11-го марта). Вместе с тем переменился и личный состав министерства: президентом кабинета назначен князь Гогенлоэ; но министром иностранных дел остался граф Бернсторф. Положение дел в Пруссии было весьма натянутое; вдобавок возникли недоразумения с курфюрстом Гессен-Кассельским, едва не вызвавшие военного столкновения.

Произведенные в апреле новые выборы в прусскую палату дали результат вовсе невыгодный для министерства. В новом своем составе ландтаг открыт 7/19-го мая. На утверждение его внесен уже измененный проект бюджета с некоторыми сокращениями; при этом президентом кабинета выражена была надежда, что ввиду этой уступки со стороны министерства палата уже не встретит препятствия к одобрению сделанных правительством реформ в военной организации. Однако же и на этот раз палата оказала сопротивление. Возникшие снова пререкания между министерством и ландтагом вызвали новую перемену в кабинете: 12/24-го сентября князь Гогенлоэ оставил свой пост, и президентом кабинета назначен состоявший в то время посланником прусским в Париже известный нам Бисмарк-Шёнгаузен.

Новый президент кабинета дебютировал (17/29-го сентября) объявлением ландтагу, что правительство, ввиду отказов на неоднократные его представления, признало бесполезным подвергать рассмотрению ландтага бюджет на 1863 год и берет его назад, предоставляя себе внести его в следующую сессию, вместе с бюджетом 1864 года и оставляя в силе сделанные уже военные реформы. Вслед за тем палаты были закрыты. В то же время вышел из министерства граф Бернсторф, и портфель иностранных дел принял сам Бисмарк. Прусским посланником в Париж назначен граф Гольц, вместо которого в Петербург перемещен из Брюсселя граф Редерн.

Западные морские державы Франция и Англия в начале года были заняты предпринятою ими, вместе с Испанией, мексиканской экспедицией. Еще в 1861 году, в сентябре и октябре, велись переговоры между этими тремя кабинетами о том, чтобы соединенными силами заставить республиканское правительство удовлетворить претензии, заявленные подданными этих государств по

случаю вспыхнувших в Мексике в 1856 году междоусобий и неурядицы. Переговоры привели к заключению договора, подписанного в Лондоне 31-го октября (нов. ст.): положено было неотлагательно снарядить союзную эскадру с десантными войсками. С необыкновенной поспешностью приступлено было к исполнению. Испанская эскадра, предупредив другие, подошла к Вера-Круцу 8-го декабря (нов. ст.) и высадила на берег до 8 тысяч человек; эскадры же английская и французская прибыли лишь в самом конце 1861 года. В это время мексиканский генерал Альмонте разъезжал по европейским столицам и вел переговоры в Париже, Вене и Брюсселе относительно возведения на мексиканский престол австрийского эрцгерцога Максимильяна (женатого на дочери бельгийского короля Леопольда I, Шарлотте). Мысль о возведении эрцгерцога на мексиканский престол принадлежала Наполеону III и проникла в печать уже в исходе 1861 года; но министерство французское еще в марте 1862 года официально отрицало это намерение пред палатами. Быть может, оно в то время находило нужным не тревожить преждевременно вашингтонское правительство, которое уже в феврале поручало своим представителям в Париже, Лондоне и Мадриде протестовать против предполагавшегося восстановления монархии в Мексике. Вместе с тем можно думать, что император французов хотел сохранить за собой свободу действий, пока не обрисовалось положение дел в самой Мексике. Надобно заметить, что предприняв мексиканскую экспедицию, союзники основали свои планы на показаниях некоторых личностей, бежавших от смут, вызванных в Мексике раздорами между разными политическими партиями. Личности эти, конечно, принадлежали к партии, потерпевшей поражение. Как мало можно было полагаться на их заявления — выказалось с первого же шага европейских войск на мексиканский берег. Союзники были сильно разочарованы в своих ожиданиях, не найдя вовсе в стране того сочувствия к восстановлению монархии, о котором возглашали приехавшие в Европу авантюристы и интриганы. Появление внешнего врага только способствовало укреплению республиканского правительства Хуареса.

Испанский генерал Прим, приняв главное начальство над высаженными войсками, в начале года двинулся от Вера-Круца вовнутрь страны; но между союзными начальниками, как бывает обыкновенно, начались с первых же дней несогласия. Признавая опасным удалиться от своей базы, то есть от морского берега,

Прим поспешил войти в переговоры с республиканским генералом Добладо и 7/19-го февраля подписал в Соледадо мирный договор. Лондонский кабинет удовлетворился достигнутым результатом; мадридский кабинет, хотя на первых порах и не одобрил поспешности своего генерала, однако же потом утвердил договор. Эскадры английская и испанская получили приказания возвратиться в Европу. Одна Франция отвергла с негодованием Соледадскую конвенцию и решила продолжать войну с республиканским правительством.

С этого времени явственно выказалось, что император Наполеон III, затеяв мексиканскую экспедицию, преследовал свои особые политические цели. Прежние союзники упрекали друг друга в нарушении заключенной между ними конвенции. Все дальнейшее ведение экспедиции приняла на себя одна Франция. Оставшимся на мексиканском берегу французским войскам посланы были, в марте, подкрепления под начальством генерала Лорансэ (Lorencez), который и принял главное начальство над экспедиционным корпусом. В половине апреля он предпринял наступательное движение, занял беспрепятственно Оризабу и 22-го апреля/4-го мая подступил с 5 тысячами войска к Пуэбле. Но тут французы встретили сильный отпор и с потерей принуждены были отступить к Оризабе, где и остались в оборонительном положении, в ожидании новых подкреплений.

Известие об этой неудаче произвело во Франции тяжелое впечатление. Тут только император Наполеон увидел, в какое заблуждение был он введен проходимцами, уверявшими его, что в Мексике достаточно появления французского мундира, чтобы «похититель власти» Хуарес был свергнут самими мексиканцами. Пришлось отправлять в Мексику новые, более значительные силы (до 25 тысяч человек); главное начальство вверено генералу Форе, который прибыл на театр войны 8/20-го июля. Войска же и запасы, необходимые для продолжительной экспедиции, прибывали лишь постепенно, и потому до самой осени французский экспедиционный корпус должен был оставаться как бы в блокаде, окруженный партиями республиканских гверильясов, нередко прерывавших даже сообщение с морским берегом.

Мексиканская экспедиция была одной из самых неудачных и тягостных для Франции затей Людовика-Наполеона. Она связала ему руки на многие годы, быть может, на благо остальной Европе. Однако же она не мешала Наполеону III продолжать по-прежнему свое вмешательство в дела Италии, удерживая за собой

роль опекуна над подрастающим детищем. Постоянно балансируя между двумя целями — поддержанием папского престола в угоду клерикалам и покровительством национальным стремлениям народа итальянского, Наполеон III изыскивал средства к установлению какого-либо modus vivendi между Ватиканом и туринским кабинетом; но усилия его оказывались безуспешными, по невозможности согласовать цели диаметрально противоположные. Встреченные в этом отношении затруднения усугубились в начале описываемого года разладом, возникшим между обоими представителями Франции в Риме, дипломатическим и военным — между посланником маркизом Лавалеттом и командующим оккупационным корпусом генералом Goyon. Последний был заменен (в мае) генералом Монтебелло (братом французского посла в Петербурге), а вслед за тем маркиз Лавалетт был вызван в Париж и в половине июня привез Папе Пию IX новый проект соглашения с туринским правительством; но предложение это было решительно отвергнуто Ватиканом.

Со своей стороны, туринский кабинет, образовавшийся в феврале 1862 года под председательством Раттацци из самых видных деятелей нового королевства (генерала Чиальдини, адмирала Персано, Дурандо, Депретис, Пеполи, Манчини), держался в то время политики примирительной и выжидательной. На долю итальянского правительства выпала нелегкая задача: с одной стороны, принимать энергические меры для прекращения разбойничества в южной части полуострова, с другой — сдерживать увлечения слишком пылких патриотов, нетерпеливо требовавших присоединения Рима и Венеции. Благодаря сдержанной и осторожной политике туринского кабинета ему удалось, при сильной поддержке императора французов, достигнуть признания королевства Итальянского дворами берлинским и петербургским. Об этом важном успехе объявлено было туринским палатам 6/18-го июля. В циркуляре же русского вице-канцлера от 6/18-го августа объяснено было, что итальянское правительство, поддерживаемое большинством в палатах, дало достаточные ручательства в твердом намерении своем подавить всякую попытку нарушения мира со стороны крайних партий и тем открыло возможность петербургскому кабинету восстановить прерванные дипломатические сношения с туринским двором. Вследствие того, русским посланником в Турине снова назначен генерал-адъютант граф Стакельберг, занимавший уже этот пост до 8/20-го октября 1860 года, а потом состоявший представителем России в Мадриде. Граф Ста-

кельберг, прибыв в Турин 31-го августа/12-го сентября, представил 6/18-го сентября свои верительные грамоты королю Виктору-Эммануэлю, который принял русского посланника с особенным радушием. Король, со своей стороны, отправил в Петербург, как уже было сказано, чрезвычайное посольство с генералом Соннац<ем> во главе. Место русского посланника в Мадриде занял князь Волконский, бывший прежде посланником при короле неаполитанском Фердинанде II.

Признание королевства Итальянского Россией и Пруссией, разумеется, было весьма неприятно венскому двору, продолжавшему относиться враждебно к туринскому правительству. Неудовольствие венского двора по этому случаю усугубило натянутые отношения, возникшие в то время между Австрией и Россией по поводу восточных дел.

Однако же все усилия дипломатии оказались не в силах сдерживать патриотический пыл итальянцев. В конце июля снова поднялась тревога, вследствие новых затей Гарибальди, который разъезжал по Италии, произнося везде зажигательные речи об освобождении Рима; затем появился в Сицилии, где начали опять собираться волонтеры со всех частей Аппенинского полуострова*. Воззвания народного трибуна производили во всей стране сильное возбуждение; во многих городах королевства и в самом Риме произошли революционные демонстрации. Правительство принимало всякие меры против образования гарибальдийских шаек: объявило в Сицилии военное положение; усилило войска на границах папских владений; приказало итальянским судам присоединиться к английским и французским для охранения берегов Аппенинского полуострова от высадки гарибальдийцев. Заседания палат были закрыты.

Несмотря на все принятые меры, Гарибальди с небольшой шайкой приверженцев незаметно переправился 8/20-го августа, на английском судне, из Катании к берегам Калабрии и высадился у Мелито (близ мыса Спартивенто). Тогда в Южной Италии объявлено было военное положение, и начальствовавший там войсками генерал Ламарморе был облечен широкими полномочиями. 15/27-го августа гарибальдийская шайка имела первую встречу с королевскими войсками, а 17/29-го числа была

---

* В начале следующего предложения в автографе зачеркнуто: «Несмотря на прокламацию Виктора-Эммануила, осуждавшего всякое покушение против Рима». *(Прим. публ.)*

совершенно разбита при Аспромонте, окружена и забрана в плен; сам предводитель ее Гарибальди, раненый, отправлен в Специю, где содержался некоторое время в заключении; но вскоре потом получил амнистию и уехал на свой остров Капреру.

События эти снова подняли тревогу в клерикальной партии и отозвались на взаимных отношениях Италии и Франции. В октябре произошла в Париже перемена кабинета: на место Тувенеля, министром иностранных дел назначен Друэн-де-Люис (Drouyn de Lhuys), а министром внутренних дел — маркиз Лавалетт, место которого в Риме занял князь де Латур-д'Оверн; в то же время, как посланником французским в Турине назначен граф Сартиж, на место Бенедети, считавшегося горячим сторонником кавуровской политики объединения Италии*.

Общее мирное настроение европейской политики в 1862 году, как уже было замечено, нарушалось лишь событиями на Балканском полуострове: военные действия между Турцией и Черногорией, равно как и вооруженное восстание в Боснии и Герцеговине, продолжались большую часть года; между Турцией и Сербией возникли серьезные столкновения; в соединенном княжестве Молдо-Валахии велась по-прежнему насильственная ломка всего внутреннего строя; наконец, в Греческом королевстве совершился династический переворот.

Черногорцы в продолжение многих месяцев упорно отстаивали свои горы от вторжения значительных сил Омер-паши и держали в блокаде турецкий гарнизон в Никшиче. Хотя константинопольские газеты беспрестанно вводили Европу в заблуждение известиями о мнимых победах турок; но в действительности оказывалось, что в большей части столкновений успех оставался на стороне черногорцев. Два раза (в апреле и мае) турки пытались освободить гарнизон Никшича и оба раза были отражаемы с большой потерей. Сам Омер-паша был ранен, и место его временно заступал Дервиш-паша.

Петербургский кабинет, желая остановить эту кровопролитную борьбу, убеждал Порту признать независимость Черногории;

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Несколько позже (19-го ноября/1-го декабря) переменилось министерство и в Турине: кабинет Раттацци уступил место кабинету Фарини, в котором портфель иностранных дел принял Пазолини, военный - генерал Ровере, а финансов - Мингети». (*Прим. публ.*)

но предложение это было отвергнуто. Омер-паше предписано возобновить наступательные действия. Князь черногорский обращался к европейским консулам с протестом против образа действий турок и с просьбой к европейским державам оказать поддержку Черногории. Но кроме России, никто не выказал участия к крошечной этой стране, геройски отстаивавшей свою независимость против всех усилий Оттоманской Империи. Австрия же и Англия даже подстрекали Порту к подавлению строптивых горцев. Силы и средства Черногории были истощены продолжительной и неравной борьбой. В течение августа турки начали брать верх; они вторглись, наконец, вовнутрь страны и угрожали самой столице княжеской Цетинье. Тогда князь Николай был вынужден принять суровый ультиматум турецкого главнокомандующего, поставившего условием занятие черногорской границы турецкими блокгаузами и право владеть военной дорогой сквозь все княжество. Вслед за тем изъявили покорность боснийские и герцеговинские инсургенты.

Русское правительство предписало (10/22-го сентября) своему посланнику в Константинополе князю Лобанову-Ростовскому, по соглашении с представителями других держав, протестовать против турецкого ультиматума, условия которого, по мнению петербургского кабинета, были равносильны военному занятию княжества Черногорского и составляли потому прямое нарушение status quo, установленного международной конвенцией 1858 года. Лондонский же кабинет, с обычной своей жестокостью, одобрял суровые условия, предписанные Черногории победителем. В депеше графа Росселя к английскому поверенному в делах в Петербурге Ломлею (от 18/30-го сентября) весьма рельефно выказался взгляд британского правительства. Английский министр прямо выражал, что для Англии исключительный интерес в этом деле заключается в поддержании целости и неприкосновенности Оттоманской Империи на точном основании Парижского трактата и что она не допустит чужого вмешательства в отношения султана к его христианским подданным*. Если же Черногория считает себя независимою, то, по мнению графа Росселя, она должна нести и последствия войны, затеянной ею же самой для поддержания возмутившейся турецкой области (т.е. Боснии и Герцеговины), и следовательно Порта, одержав воен-

* Позднейшие действия Англии показали, насколько она осталась верна этому основному принципу ее политики.

ный успех, имеет полное право поставить побежденному такие условия, какие считает нужными для своего обеспечения на будущее время.

Высказанную с таким цинизмом теорию великобританского кабинета опровергал князь Горчаков в депеше к барону Бруннову от 28-го сентября/10-го октября[179]. Не останавливаясь на общей точке зрения графа Росселя относительно международных прав Турции в черногорском вопросе, русский вице-канцлер указывал на собственные обещания самой Порты, данные при начале войны с Черногорией — не нарушать существовавшего status quo; занятие же турками военной дороги чрез территорию Черногории, по мнению князя Горчакова, давало право другим державам напомнить Порте ее обещания. Далее вице-канцлер развивал свой взгляд на положение христианского населения Оттоманской Империи, среди которого беспрерывные волнения и возмущения угрожают общественному миру и спокойствию; успокоение же этого населения возможно не иначе, как устранением поводов к его неудовольствию и жалобам. Князь Горчаков опровергал поставленную английским министром прискорбную дилемму: или полное подавление христианского населения, или распадение Турецкой Империи. Напротив того, самое сохранение этой Империи, собственные ее интересы требуют водворения мира и спокойствия, а единственное средство для достижения этой цели состоит в умеренной и примирительной политике, в успехах цивилизации и культуры.

По поводу обмена этих депеш возникла горячая полемика между газетами «Morning post» и «Journal de St. Pétersbourg». В органе Пальмерстона появилась яростная статья, в которой выставлялась в извращенном виде вся политика России относительно Турции и отвергалось право России выступать в роли защитницы Черногории. На резкие и недобросовестные выходки английской газеты «Journal de St. Petersbourg» отвечал победоносно, хотя и в сдержанном тоне[180].

Несмотря на противодействие лондонского кабинета и на пассивный образ действий других кабинетов, заступничество России не осталось без последствий: Порта отказалась потом от занятия военной дороги чрез Черногорию.

Давнишние враждебные отношения между Сербией и Турцией приняли в 1862 году острый характер. Порта не раз протестовала против принимаемых сербским правительством деятель-

ных мер к развитию своих военных сил*, а в начале 1862 года начала сосредоточивать войска на сербской границе. Как уже было замечено, главным поводом к неудовольствиям было присутствие турецких гарнизонов в некоторых укрепленных пунктах сербской территории, в особенности же в белградской цитадели. 12/24-го мая 1862 года произошло там резкое столкновение между турецкими солдатами и сербской полицией. Турки затеяли драку, отбили у полиции двух арестантов, причем два сербских жандарма тяжело ранены. Городское население пришло в сильное волнение; турецкий паша отказал в удовлетворении. Несколько времени спустя, 3/15-го июня случилась новая, еще более серьезная схватка между сербами и турецкими солдатами, причем убито 13 сербов и двое турок. Сербское правительство начало принимать военные меры; в городе было сильное раздражение. Турецкий комендант, со своей стороны, приготовился к защите, а 5/17-го числа вздумал бомбардировать город.

Тогда в Белграде было объявлено военное положение. Сенат предоставил князю широкие полномочия; войска приступили к осаде крепости. Находившиеся в Белграде европейские консулы, по совещании между собой, протестовали против нарушения турками международного права. В совещании не участвовал только австрийский консул, который держал постоянно сторону турок и находился в близких сношениях с турецким комендантом крепости, а пред самым открытием бомбардирования уехал из Сербии. Английский консул также действовал двусмысленно. Лондонский кабинет пробовал свалить всю вину случившегося столкновения на сербов и даже предлагал занять Белград австрийскими войсками; но русское правительство положительно воспротивилось такому умыслу.

Князь сербский Михаил обратился к султану с требованием вывода турецких гарнизонов из всех пунктов, занятых ими в пределах Сербии. В Константинополе переполошились. Комендант крепости был сменен; прислан в Белград комиссар для расследования дела. Комиссар этот признал, что повод к столкновению был дан турками; вместе с тем констатировано, что бомбардированием повреждено в городе до 157 домов. Вследствие объяснений турецкого комиссара с князем Михаилом и после обмена дипломатических нот между державами положе-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «и устройству полиции». (*Прим. публ.*)

но было подвергнуть возникший вопрос обсуждению конференции в Константинополе.

Конференция эта открылась 13/25-го июля. После долгих споров между представителями держав и Порты постановлено, чтобы турки очистили крепости Сокол и Ужицу (находившиеся среди сербской территории), но сохранили за собой прочие, лежавшие по Дунаю крепости (Шабач, Белград, Семендрию и Ада-кале), с тем однако же, чтобы в Белграде турки исключительно держались в цитадели и не допускались в город. Кроме того, определено, чтобы турецкое правительство вознаградило жителей Белграда за поврежденные дома. При этом оставлено без внимания, что турки занимали еще Малый Зворник, на правом (то есть сербском) берегу Дрины. Постановление конференции получило утверждение держав, и затем приступили было к приведению его в исполнение. Особая смешанная комиссия была назначена в Белграде для оценки поврежденных бомбардированием имуществ и для проведения делимитационной линии между гласисами крепости и городом.

Сербское правительство продолжало принимать деятельные меры к устройству своих военных сил; но при враждебном к Сербии отношении Австрии встречались большие затруднения в приобретении необходимой для сербских войск материальной части, особенно оружия и артиллерии. Помощь в этом отношении могла быть оказана одной только Россией. В начале августа получил я от Министерства иностранных дел сообщение, что вследствие просьбы сербского правительства о доставлении ему от 30 до 40 тысяч ружей последовало Высочайшее повеление сообразить, каким способом просьба эта могла быть удовлетворена, при условии совершенной тайны. По этому щекотливому делу я вошел в личное соглашение с директором Азиатского департамента генерал-адъютантом Н.П. Игнатьевым, и вот что мы с ним придумали. В то время спекуляторы скупали везде старое оружие для отправления в другие части света, а быть может, втайне и для снабжения разных повстанцев, не исключая и польских. Мы также вели тогда переговоры с одним гамбургским коммерческим домом о продаже ему старых 7-линейных ружей, остававшихся в складах за перевооружением армии новыми 6-линейными нарезными ружьями; но мы ставили непременным условием — вывоз оружия в Америку. Под предлогом подобной продажи в частные руки старого нашего оружия решено было отправить просимые Сербией 40 тысяч ружей

из наших южных артиллерийских складов (Киева и Херсона). Для сохранения же в тайне истинного назначения оружия я принял на себя вести все дело лично и командировал состоявшего при мне для поручений полковника Слуцкого со словесным наставлением выбрать оружие из складов, упаковать его и перевезти до нашей границы на Пруте, где передавать грузы в распоряжение сербского агента Николича, для дальнейшего провоза чрез княжества Молдавию и Валахию. Все это было исполнено с полным успехом: в течение октября и ноября вывезено было около 40 тысяч ружей, 3 тысяч сабель и несколько других предметов вооружения; тайна не была нарушена в наших пределах[181]. Только один из транспортов чуть было не испортил всего дела: при перевозке по Дунаю один из ящиков как-то разбился и возбудил сомнение турецкой таможенной стражи. По этому поводу возникли дипломатические объяснения, оставшиеся, впрочем, без последствий. Но иностранная печать не упустила случая поднять тревогу. В английских газетах («Morning Post» — орган Пальмерстона) появились снова яростные нападки на интриги и коварство России; заподозрили, что провозимое оружие назначалось болгарам. Отвечая на эти нападки, наша дипломатическая газета «Journal de St. Petersbourg» (11-го января 1863 г.) возражала, что оружие провозилось частными лицами, скупавшими его из наших складов точно так же, как скупается старое оружие во всех государствах, и что, во всяком случае, сербское правительство, пользуясь по существующим договорам правом содержать свою армию, не может быть лишено и права приобретать оружие везде, где найдет для себя удобным.

Открытое в Бухаресте 25-го января/6-го февраля, с большой торжественностью, народное собрание обоих соединенных княжеств Валахии и Молдавии дебютировало постановлением — присвоить этим княжествам общее наименование «Румынии». Название это, очевидно, было придумано для того, чтобы тверже закрепить за созидаемым новым государством родство с Западной Европой, на основании исторического предположения о происхождении молдо-валахского наименования от древних римлян — военных поселян на берегах Дуная.

Князь Куза продолжал с большой настойчивостью и самоуверенностью предпринятое им полное преобразование всего устройства в княжествах. Поддерживаемый Францией, он по-пре-

жнему систематически вытеснял влияние России и старался порвать все связи с ней. Ко всем другим поводам к неудовольствию нашего правительства на образ действий князя Кузы прибавился в 1862 году вопрос о греческих или «посвященных» монастырях.

Монастыри эти имели особенное значение для православных христиан на востоке. С тех пор, как Сирия подпала под владычество мусульманского правительства, означенные монастыри служили хранилищами всех пожертвований, приносимых благочестивыми христианами в дар «Святым местам». Молдавия и Валахия, хотя и подвластные султану, пользовались однако же такой автономией, что жертвователи считали тамошние монастыри наиболее обеспеченными складочными местами пожертвований своих. Таких монастырей считалось до 70; в них накопились веками значительные имущества, движимые и недвижимые. «Посвященные» монастыри пользовались искони особыми правами, утвержденными договорами и султанскими фирманами; внутреннее в них управление, распоряжение капиталами и хозяйством были вполне изъяты из ведения местной светской власти. Настоятели монастырей носили звание наместников константинопольского патриарха. Права эти всегда уважались не только местными христианскими властями, но и самой Портой. Монастыри находились под особенным покровительством русского правительства. После временного занятия княжеств русскими войсками и организации в них нового управления П.Д. Киселевым[182] господари, получив более прежнего самостоятельности, начали домогаться установления правительственного контроля над имуществами и капиталами «посвященных» монастырей и даже обращения некоторой доли доходов их в пользу государственной казны. Однако же монастыри, под защитой русского правительства, отстаивали свои права; для разрешения же некоторых спорных вопросов учреждена была особая комиссия, которая, однако же, ни к какому решению не пришла, и занятия ее были прерваны наступившей войной 1853 – 1856 годов. Парижский договор 1856 года совершенно изменил отношения России к княжествам. После войны господари возобновили свои притязания на известную долю монастырских доходов; вопрос был подвергнут обсуждению конференции, которая постановила 30-го июля 1858 года предоставить решение полюбовному соглашению между княжеским правительством и монастырями в годичный срок. С избранием в то же время князя Кузы господарем обоих княжеств дело приняло вдруг

резкий оборот. Вопреки протоколу конференции 1858 года он издал декрет о наложении секвестра на монастырские имущества. По настоянию России этот декрет был отменен; вызваны в Бухарест поверенные от монастырей для переговоров о полюбовном решении спорных вопросов на основании протокола 30-го июля 1858 года. Переговоры длились бесплодно более года, в течение которого ни разу не было допущено общее собрание вызванных делегатов; а между тем в 1860 году князь Куза издал самовольно новый декрет, которым воспрещалось монастырям возобновлять контракты на отдачу монастырских имуществ в аренду, что лишало их весьма крупной цифры дохода. Делегаты от монастырей разъехались, и тогда (в июле 1860 г.) представители пяти держав в Константинополе обратились к Порте с нотой, в которой напоминали о неисполнении князем Кузой обязательств, возложенных на него решением международной конференции. Порта, со своей стороны, обращалась к князю с теми же напоминаниями; но властитель соединенных княжеств не обращал уже внимания на протесты Европы и в ноябре 1862 года позволил себе открыто насильственные распоряжения: он наложил секвестр на все доходы монастырей, обязав последние все получаемые арендные уплаты вносить в княжеское казначейство; самовольно сменил некоторых из настоятелей, избранных духовными властями; мало того, воспретил в монастырях церковную службу на греческом языке, заключил в тюрьму архимандрита Кирика и, несмотря на протесты представителей пяти держав, продержал его в заключении несколько месяцев. В ответной ноте представителям держав князь Куза свалил вину всех своих противозаконий на греческое же духовенство и требовал предоставления ему права решать своей властью все дела о монастырских имуществах. Не ожидая решения держав, он самовольно перечислил монастырские имущества в категорию имуществ государственных; по распоряжению правительства и с содействием военных команд забраны из монастырских хранилищ все ценности, не исключая церковной утвари; на содержание же монастырей положено было отпускать из казны определенную годовую сумму.

Такое беспримерное самовластие вызвало целый ряд жалоб, протестов и возбудило негодование в русском правительстве. Но князь Куза, вполне уверенный в поддержке Франции, знал, что Россия, при тогдашних обстоятельствах, не решится из-за монастырей ссориться с Наполеоном и рисковать поднять снова грозный «восточный вопрос».

В королевстве греческом положение дел давно уже было крайне шаткое и тревожное. Король Оттон, в продолжение 30-летнего своего царствования, не умел приобрести ни любви, ни доверия народа; он оставался всецело баварцем, равнодушным к интересам страны, избравшей его в свои короли*. Неудовольствие росло с каждым годом; политические партии были в постоянной борьбе; министерства сменялись беспрерывно; в самой палате происходили бурные столкновения и скандальные сцены; образовались тайные общества и заговоры.

С начала же 1862 года дело дошло до народного восстания; мятежники даже овладели цитаделью в Навплии. Войска нередко выказывали сочувствие к мятежу. В октябре вспыхнул бунт в самых Афинах, и в ночь с 11/23-го на 12/24-е провозглашено низложение баварской династии. Король и королева, бывшие в то время в отсутствии из столицы, немедленно же покинули страну. Образовалось временное правительство, под председательством Бульгариса.

По первому известию о совершившемся в Греции перевороте три «покровительствующие» державы вошли между собой в соглашение и условились устраниться от прямого вмешательства во внутренние дела Греции, если временное правительство окажется в силах удержать страну от анархии и нападения на турецкую территорию. Только эскадрам трех держав предписано было собраться у греческих берегов для наблюдения за дальнейшим ходом дел.

Переворот в Афинах произошел с замечательным спокойствием. Но предстоял вопрос – о замещении вакантного престола. Выбор кандидата был нелегкий. Со стороны петербургского кабинета было немедленно заявлено (19/31-го октября), что Россия остается верной протоколу 3-го февраля 1830 года, в силу которого на греческий престол не может быть допущен никто из принцев трех покровительствующих держав. Несмотря на то, английская и французская печать с бессовестной наглостью не замедлила обвинить Россию в честолюбивых видах, от которых она будто бы вынуждена была отказаться только вследствие настояния лондонского и парижского кабинетов, тогда как в действительности случилось совершенно наоборот: именно заявление России заставило Англию отказаться от кандидатуры принца Аль-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Ему также ставили в упрек и то, что он находился под влиянием королевы (принцессы Ольденбургской)». *(Прим. публ.)*

фреда герцога Эдинбургского, имевшей в Афинах поддержку довольно сильной партии. В Лондоне опасались, что в Греции возьмет верх партия республиканская; знали также, что на Ионических островах возбуждено сильное неудовольствие на английский протекторат. Лондонский кабинет объявил формально (5/17-го декабря), что в случае восстановления в Греции прочного порядка на монархических началах Англия готова отказаться от своих прав на означенные острова и присоединить их к Королевству эллинов.

10-го/22-го декабря последовало в Афинах торжественное открытие народного собрания.

Политика европейская не могла оставаться совершенно чуждой важным событиям, происходившим за океаном. С самого возникновения междоусобия в Северо-Американском Союзе в 1861 году уже обнаружилось неодинаковое влияние этой прискорбной войны на отношения великой американской республики к европейским державам. Отношения к Англии и Франции становились все более натянутыми, тогда как между петербургским и вашингтонским кабинетами упрочивались дружественные сношения и продолжался обмен взаимных и доброжелательных заявлений. Советы России содействовали мирному решению столкновения Северо-Американского Союза с лондонским кабинетом по поводу захвата федеральным крейсером английского судна «Трент». Князь Горчаков, в депеше 9-го января к русскому посланнику в Вашингтоне Стеклю, одобрив уступчивость американского правительства в этом деле, вновь давал совет оказывать такую же умеренность и во внутренних делах Союза, восстановление которого петербургский кабинет считал необходимым условием общего политического равновесия. В ответ на это американский статс-секретарь по иностранным делам Сюард, в депеше от 6/18-го февраля, снова благодарил русское правительство за добрые и разумные советы: «Я уверен, – писал он, – что настоящее несчастное междоусобие окончится полным и прочным восстановлением Союза, а тогда человечество окажет глубокое сочувствие и удивление той правдивости, постоянству и разумности, с которыми Император Всероссийский содействовал столь великому результату своими советами и влиянием... Взаимное доверие и дружба между республиканским правительством на западе и великой, благотворной монархией на востоке - доставят новые, важные гарантии мира, порядка и свободы всем народам...» [183]

К началу 1862 года силы враждующих сторон на главном театре войны – на Потомаке доходили до 180 тысяч федералистов (северян) и до 150 тысяч сепаратистов (южан). Морские силы Союза были доведены до 264 судов, вооруженных 2557 орудиями, с 22 тысячами человек экипажа. Из этого числа 33 судна блокировали порты южан. Второй этот год войны начался довольно успешно для федеральных войск: союзному генералу Борнсайду удалось уничтожить небольшие морские силы сепаратистов, а в апреле (14/26-го) федералисты овладели Новым Орлеаном. Но вообще военные действия велись вяло и не имели решительных результатов. Три раза федеральные войска возобновляли наступательное движение за Потомак к Ричмонду – столице южан (в июне, июле и сентябре); каждый раз столкновения противников были чрезвычайно кровопролитными, и тем не менее дело кончалось отступлением федералистов на прежние позиции. В исходе года (30-го октября/11-го ноября) главнокомандующий федеральной армией престарелый генерал Макклеллан был сменен; место его занял генерал Борнсайд, который в четвертый раз возобновил (1/13-го декабря) наступление к Ричмонду и опять принужден был, с огромной потерей, отступать за Рапаганок.

Так прошел второй год войны без всякого ощутительного изменения в положении обеих сторон. По официальным показаниям оба первые года войны стоили Союзу до 500 миллионов долларов. К концу 1862 года силы федералистов были доведены до 660 тысяч человек (в том числе только 20 тысяч регулярных войск); у южан - до 448 тысяч (одной милиции).

В октябре парижский кабинет обратился к петербургскому и лондонскому с предложением войти в соглашение относительно средств к прекращению кровопролитной борьбы в Северной Америке. Предположение Наполеона III заключалось в том, чтобы не входя в разбирательство поводов к возгоревшейся междоусобной войне, обратиться коллективно от имени трех держав к обеим воюющим сторонам с увещанием о заключении перемирия на полгода. Лондонский и петербургский кабинеты уклонились от такого непрошеного вмешательства в американскую распрю. Наш вице-канцлер в депеше от 27-го октября/8-го ноября заявил, что русское правительство, сочувствуя всякой попытке к примирению враждующих, опасается, однако же, чтобы предположенное императором французов формальное предложение от имени трех европейских держав не показалось вашингтонскому правительству некоторым давлением со стороны Европы и не повредило

делу; тем не менее князь Горчаков прибавил, что если б парижский кабинет остался при своем намерении и обратился бы от своего только имени с означенным предложением к воюющим сторонам, то наш посланник в Вашингтоне окажет в дружественной форме поддержку этой гуманной попытке. Задуманное Наполеоном III предложение было сделано парижским кабинетом и встретило со стороны вашингтонского правительства такой прием, какой предвидел наш вице-канцлер, так что французский посланник поспешил взять назад свою ноту.

Остается для полноты моего обзора сказать несколько слов о положении дел на крайнем востоке Азии.

1862 год ознаменовался важным переворотом в Японии. После продолжительных междоусобий удалось, наконец, «даймиосам» (мелким феодальным владельцам) свергнуть «тайкуна», присвоившего себе полновластие в государстве, и восстановить верховную власть «микадо»[184]. Последствием этого переворота было объявление недействительными всех договоров, заключенных с европейскими государствами от имени тайкуна.

В Китае продолжался обширный мятеж «тайпинов», властвовавших уже во многих областях «Срединной» Империи. Они овладели Нанкином, некоторыми другими приморскими городами и осадили Шанхай. Мятежные толпы везде, где брали верх, жестоко расправлялись с правительственными властями, беспощадно грабили, истребляли все, что оказывало им сопротивление. Пекинское правительство, так недавно еще не допускавшее сношений с Европой и надменно относившееся ко всем иностранцам, теперь уже искало их помощи против внутренних бунтовщиков. Уже в 1861 году в некоторых случаях китайские местные власти в борьбе с тайпинами пользовались руководством американских офицеров, а в 1862 году само правительство официально обратилось к начальникам остававшихся еще в китайских водах эскадр Англии, Франции и Америки. Иностранные офицеры обучали китайских солдат в Тянцине и Шанхае; даже принимали начальство над китайскими отрядами. С помощью европейцев Шанхай был освобожден от угрожавшей этому торговому городу опасности быть взятым и разграбленным тайпинами. Последние были прогнаны из всей окрестной страны; но лишь только иностранные офицеры оставили китайских военачальников на собственные их силы, мятежники опять появились под стенами Шанхая.

Осенью 1862 года снова пришли на помощь европейцы, снова тайпины удалились; однако же они удержались в ближайших от Шанхая городах: Нинг-По, Чу-Чжею, Хан-Чжею и других.

Таким образом, англо-французская экспедиция 1859 – 1860 гг. не только сломила высокомерную замкнутость «Срединной» Империи и заставила пекинское правительство открыть европейской торговле доступ в известные приморские пункты страны, но еще положила начало постепенному развитию в будущем нравственного и политического влияния Западной Европы на крайнем востоке Азии.

ВНУТРЕННЯЯ НАША ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, АДМИНИСТРАТИВНАЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ

1862 год не уступал предшествовавшему году в напряженной деятельности нашего правительства по внутренним преобразованиям. Работа шла безостановочно по всем министерствам, по всем отраслям управления, хотя, конечно, не с одинаковой энергией и последовательностью. Перечислить все эти работы не берусь, не имея для того под рукой никаких материалов, ни справок; ограничусь указанием на главнейшие успехи, достигнутые в этом году, насколько поможет мне собственная память, которой, к сожалению, не могу похвалиться.

Введение в действие Положения 19-го февраля 1861 года продолжалось довольно успешно. Составление «уставных грамот» сначала шло туго, с одной стороны, по недоверчивости крестьян, которые воображали себе, что подписанием грамот они снова «закрепят» себя и лишатся права на получение впоследствии всей земли даром; с другой стороны, вследствие естественного желания помещиков достигнуть возможно выгоднейших для себя условий с крестьянами. В этих-то видах многие из помещиков поспешили воспользоваться статьей Положения о даровых или четвертных наделах, заслуживших по справедливости прозвание «нищенских»[185]. Несмотря на все это, в течение 1862 года дело уставных грамот много подвинулось вперед: из всего числа 107 тысяч помещичьих имений представлено было 92 тысячи уставных грамот, из которых получили утверждение по 65 тысячам имений, заключавших в себе 6100000 ревизских душ, что составляло уже около $^{2}/_{3}$ всего числа бывших крепостных крестьян. Сверх того до 786 тысяч душ выкупили свои земельные наделы или получили

четвертной надел, а 2800000 душ временно оставались еще на оброчном положении или на барщине; но везде образовались волостные и сельские управления на основании Положения 19-го февраля[186]. Мировые посредники большей частью оказались на высоте своего призвания[187]. Таким образом, мы могли смело похвалиться, что у нас переход народа от крепостного состояния к свободному совершился быстрее и спокойнее, чем во всех европейских государствах, в которых освобождение это затягивалось на десятки лет, а в иных не обошлось без кровавых столкновений.

Влияния произведенной реформы на благосостояние крестьян, конечно, нельзя было ожидать с первого же года. Существенной стороной упразднения крепостного состояния было нравственное поднятие и возрождение к гражданской жизни 20-ти миллионов порабощенного народа, и в этом отношении результат Положения 19-го февраля выказался неотлагательно — народ сразу поднялся духом, и за немногими лишь исключительными случаями, вообще переход от рабства к свободе совершился спокойно, разумно, без всякого проявления буйства и своеволия. Что же касается материального или экономического положения народа, хозяйства крестьянского, то влияние реформы могло обнаружиться лишь по прошествии многих лет и притом зависело вполне от дальнейших мер, законодательных и административных, которые правительству предстояло еще принять в развитие и дополнение Положения 19-го февраля. Вот в этом, к прискорбию, и погрешили те, в чьи руки попало приведение в действие означенного Положения. Они не только не сумели и не хотели подвигать дело вперед путем, указанным 19-м февраля 1861 года, но даже поставили себе задачей — по возможности отодвинуть его вспять. Охранение помещичьих интересов выступило на передний план.

Отмена крепостного права и коренное изменение состояния бывших помещичьих крестьян, естественно, повели к пересмотру положений о сельском населении всех других категорий[188]. Нельзя было, конечно, допустить, чтобы те крестьяне, которые дотоле считались свободными, остались в худшем положении, чем бывшие помещичьи крепостные. Таким образом, оказалось необходимым согласовать с Положением 19-го февраля 1861 года устройство крестьян государственных, удельных, дворцовых, а также разных ведомств поселян, состоявших в обязательных отношениях к казенным учреждениям, как то: при горных заводах,

в военном ведомстве (при оружейных и пороховых заводах), в морском ведомстве и т.д. Возникли даже вопросы относительно казачьего населения. Поэтому в разных министерствах шла разработка новых Положений, применительно к Положению 19-го февраля 1861 года; работа эта производилась особыми комиссиями, с участием представителей от других министерств, для надлежащего единства в направлении.

Из всех предстоявших преобразований в государственном устройстве ближайшую связь с отменой крепостного состояния имело устройство местного управления вообще, в особенности же полиции. По этой части в Министерстве внутренних дел разрабатывались проекты преобразования полиции, городской и земской, и новых учреждений земских. По обоим этим предметам работы были давно уже предприняты в министерстве; ими занимался с особенной заботливостью мой брат Николай, который весьма скорбел о том, что ему не привелось осуществить свои мысли по обоим вопросам, имевшим в его глазах чрезвычайно близкое отношение к крестьянской реформе. С удалением брата обе работы велись уже обычным канцелярским порядком, то есть без общей руководительной мысли, положенной в основу дела одной самостоятельной головой. К сожалению, весьма многие из совершившихся у нас преобразований носят на себе именно эту черту — отсутствие общей основной мысли. Проекты составлялись обыкновенно коллективным трудом многих личностей, из которых большинство смотрело на дело с чиновничьей точки зрения; потом проекты проходили чрез многие инстанции; в каждой из них претерпевали какое-либо видоизменение, не всегда способствовавшее к улучшению, и выходили, наконец, из Государственного Совета уже вовсе лишенными жизненной силы. Этот недостаток в особенности выказывался в работах, исходивших от Министерства внутренних дел, — что объясняется многими причинами: с одной стороны, самым свойством вопросов, подлежащих ведению этого министерства, имеющих почти всегда соприкосновение с компетенцией других ведомств; а с другой стороны, личными свойствами самого министра, который не всегда мог открыто и твердо проводить в своих проектах собственные воззрения, а потому должен был идти на уступки, на компромиссы с другими министрами и членами Государственного Совета. Некоторые же работы, по той же причине, велись весьма туго, затягивались или вовсе оставались без окончательного решения.

Великий Князь Николай Николаевич

В течение 1862 года Министерство внутренних дел успело провести только следующие работы: 1) указом 20-го марта объявлено о новом устройстве городского управления в Москве, на таких же основаниях, на каких введено было в Петербурге еще в 1846 году; 2) в сентябре напечатано в официальной газете министерства («Северной Почте») предположение Комиссии, образованной в 1859 году, о главных основаниях земских учреждений; 3) в конце же года (25-го декабря) состоялся указ о временном (впредь до преобразования судебной части) устройстве полиции. Преобразование это было не только временное, но вместе с тем и несущественное. Оно заключалось собственно в слиянии уездной (земской) полиции с городской, в введении «исправника», получившего поэтому наименование «уездного» взамен прежнего названия «земского», и с упразднением должности городничего. Сущность этой перемены была та, что исправник уже сделался чиновником коронным (по назначению от правительства) и что означенное слияние должностей дало средство несколько возвысить оклады содержания полицейских должностей, впрочем, оставшиеся все-таки весьма скудными.

Недостатки и безобразия старого нашего судоустройства давно уже сознавались не только общественным мнением, но и самим правительством. Еще в царствование Императора Николая I возложено было на II-е отделение Собственной Е.В. Канцелярии составление проекта о преобразовании судебной части. Отделение это занималось многие годы составлением проектов разных отдельных частей судебного устава и с 1857 года вносило последовательно свои работы в Государственный Совет. Но рассмотрение этих проектов в Соединенных департаментах законов и гражданских дел тянулось медленно, тормозилось под разными предлогами, в сущности же потому, что вносимые по частям отрывочные работы II-го отделения не составляли ничего цельного, основанного на общем, твердо поставленном начале. Только в 1861 году, наконец, представлен был Государю составленный в Государственной канцелярии доклад о положении этого дела, причем было выражено мнение о необходимости предварительного установления главных начал, на которых должно быть основано все преобразование. С октября того же 1861 года и в той же Государственной канцелярии приступлено было, с содействием нескольких опытных юристов от Министерства юстиции и II-го

отделения, к разработке означенных основных начал. Выработанный проект рассматривался в 16 заседаниях Соединенных департаментов Государственного Совета, происходивших в течение четырех месяцев 1862 года (с апреля по июль), а затем в трех заседаниях общего собрания: 27-го августа, 3-го и 4-го сентября. Почти все предположения Соединенных департаментов были одобрены единогласно в общем собрании; лишь немногие пункты, возбудившие разногласие, были представлены на личное решение самого Государя, и 29-го сентября 1862 года последовало Высочайшее утверждение тех общих начал, на основании которых предстояло затем разрабатывать самый проект судебного устава*. Работа эта была возложена на особую «Редакционную» комиссию, образованную при Государственной канцелярии, под главным руководством Государственного секретаря Влад<имира> Петр<овича> Буткова, из чинов Государственной канцелярии, II-го отделения Собственной Е.В. Канцелярии и Министерства юстиции.

Тогдашний министр юстиции граф Панин, отличавшийся крайней косностью ума и односторонностью взгляда, не сочувствовал принятым началам судебной реформы; а потому замещение его в должности министра Дм<итрием> Ник<олаевичем> Замятниным (в октябре) было весьма благоприятным условием для успеха дела. Новый министр оказался усердным и искренним сторонником предположенных начал реформы.

При многолюдном составе комиссии признано было полезным подразделить ее на три отдела, между которыми распределена была предстоявшая работа. Первое отделение, на которое возложено было составление проекта судоустройства, состояло под председательством тайного советника Плавского (служившего тогда в Государственной канцелярии) из следующих членов: действительного статского советника барона Врангеля (директора департамента Министерства юстиции), Даневского (II-го отделения), двух чиновников Государственной канцелярии Есиповича и Желтухина, обер-секретаря Сената Крейтера и губернских прокуроров Ровинского и Принтца. Другое отделение — по уголовному судопроизводству состояло под председательством обер-прокурора Сената Буцковского, из следующих лиц: тайного советника Бреверна (II-го отделения), действительного статского со-

* Эти главные начала были тогда же опубликованы в «Журнале Министерства юстиции»[189].

ветника Зубова, Есиповича, Любимова и Утина (все четверо чиновники Государственной канцелярии), обер-прокурора Сената Ковалевского, чиновника II-го отделения коллежского советника Перетца, губернских прокуроров Попова и Принтца и чиновников Министерства внутренних дел статского советника Розова и М. Зарудного. Наконец, третье отделение — по гражданскому судопроизводству, состояло под председательством действительного статского советника Зарудного (статс-секретаря по Департаменту законов), из чиновников Государственной канцелярии Шубина, князя Волконского и Вилинбахова, чиновника II-го отделения действительного статского советника Бычкова, чиновников Министерства юстиции Калачева и Книрима, председателя гражданской палаты Шечкова, товарищей председателей палат Баршевского и Гурина, обер-секретарей Сената действительного статского советника Победоносцева и Квиста и секретаря Сената Репинского.

Сверх поименованных членов еще принимали участие в общем собрании комиссии сенаторы тайный советник Любощинский и Матюнин. Независимо от постоянного состава комиссии предоставлено было статс-секретарю Буткову приглашать в заседания и привлекать к работам и других опытных юристов, участие которых могло быть признано полезным. На этом основании приглашались многие лица, известные своими юридическими познаниями из числа обер-прокуроров, обер-секретарей Сената, аудиторов Военного и Морского министерств, профессоров, председателей палат, стряпчих, следователей и т.д.

Комиссия приступила к работам в октябре 1862 года и начала с того, что затребовала массу разных сведений; обратилась ко множеству лиц, от которых могла получить дельные мнения и соображения; вызвала гласное содействие печати. В короткое время доставлено было в комиссию до 450 ответов. Мнения эти и замечания печатались по мере поступления; из них составилось 6 больших томов материалов, к которым впоследствии присоединен еще 7-й том, заключивший в себе общий свод всех разнообразных предположений относительно переустройства судебной части.

Работы комиссии, как сказано, велись гласно; печать принесла при этом немалую пользу; вместе с тем собирались обстоятельные сведения об устройстве судебной части в других государствах, и, таким образом, накопился громадный материал. Комиссия работала усердно, то в отделениях, то в общем собрании.

Так продолжалась работа во всю зиму и во весь 1863 год. Окончательно разработанный комиссией проект был внесен в Государственный Совет только 24-го декабря 1863 года[190].

Наиболее результатов в 1862 году достигнуто было по финансовой части. 4-го января последовало Высочайшее повеление опубликовать утвержденную на этот год финансовую роспись. Это был весьма важный шаг к приведению в порядок нашего государственного хозяйства. Однако же нашлись люди, которые испугались и этого нововведения, ибо до тех пор считалось нужным держать государственную роспись и финансовые сметы в глубокой тайне. Опубликование их почему-то казалось нашим пугливым консерваторам новым шагом к революции. Роспись на 1862 год, Высочайше утвержденная только 22-го января этого года, появилась уже 25-го числа в газетах[191]. Общая сумма государственных расходов выразилась цифрой 310619739 рублей, превышавшей доходы на 14757899 рублей. Этот дефицит покрывался из чрезвычайного ресурса, именно из остатков прежнего $4^1/_2$ процентного займа.

В начале этого же года окончена обширная работа, начатая еще в 1859 году комиссией, учрежденной при Государственном контроле, под председательством статс-секретаря Вал<ериана> Ал<ексеевича> Татаринова: Положение о составлении, утверждении и исполнении Государственной росписи и финансовых смет министерств. Разработкой этого Положения достигнута важная выгода: приведение в стройный порядок и в единообразную форму смет по всем ведомствам, подчинение всех сумм, поступающих в ресурсы казны и расходуемых на государственные нужды, — общей отчетности и проверке Государственным контролем. Достигнуть этой цели было нелегко, потому что до того времени каждое министерство вело свое отдельное хозяйство, имея свои специальные ресурсы или экономические суммы, расходование которых ускользало от Государственного контроля. Естественно, что министерства отстаивали существовавший порядок и весьма неохотно подчинились новым требованиям, ставившим их в зависимость от Государственного контроля и Департамента экономии Государственного Совета. Составленное под руководством статс-секретаря Татаринова новое Положение получило Высочайшее утверждение 22-го мая 1862 года, причем было повелено принять это Положение к исполнению при предстоявшем составлении смет на 1863 год.

Назначение нового министра финансов оживило деятельность этого министерства: 19-го июля Высочайше утверждено Положение о земских и городских банках[192]; разрабатывались новые Положения о сберегательных и ссудных кассах, о соляном налоге, о пошлинах за право торговли и промыслов, о фабричной и ремесленной промышленности и т.д. Между тем делались под руководством директора Департамента податей и сборов, тайного советника Конст<антина> Карл<овича> Грота приготовительные распоряжения к повсеместному введению в действие с 1-го января 1863 года нового Положения (Высочайше утвержденного 4-го июля 1861 года) об акцизе на винокурение, взамен прежней откупной системы.

Последнее это преобразование не нравилось многим; оно было вовсе не по сердцу крупным капиталистам, державшим в своих руках питейный доход — главный из ресурсов государственной казны[193]. Не мудрено, что К.К. Грот нажил этим благим делом много врагов и недоброжелателей, которые пользовались всяким поводом, чтобы выместить на нем свою злобу на реформу. Даже в то время, когда уже все подготовлялось к введению нового порядка, откупные тузы пытались еще подкопаться под это Положение и представили Государю, за подписью 49 лиц, целый проект о том, чтобы взамен предположенного акцизного управления учредить агентство или товарищество на паях, которое соединило бы в одних руках взимание акцизного сбора на вино и пиво с постройкой железных дорог во всей Империи. На докладе министра финансов по поводу этого чудовищного проекта Государь положил собственноручно, 25-го мая, такую резолюцию: «Объявить им, что проект их решительно отвергается и что моя непременная воля состоит в том, чтобы утвержденная мной акцизная система была введена в действие с 1-го января 1863 года».

В числе первых финансовых мер, которыми, можно сказать, дебютировал новый министр, наиболее обратило на себя внимание и вызвало наиболее осуждения открытие размена бумажных денег на звонкую монету. Указ по этому предмету подписан 4-го апреля, а 25-го числа определен самый порядок производства размена, открытого с 1-го мая. Разменный фонд Государственного Банка определен был в 79 миллионов рублей золотой и серебряной монетой и 12 миллионов в государственных бумагах. В подкрепление этого фонда заключен 14-го апреля внешний заем 5-процентный, под названием «седьмого», в 15 миллионов фунт. ст., чрез банкирские дома Ротшильдов в Лондоне и Париже. В

связи с этой операцией состоялся 25-го мая указ об отмене последовавшего 29-го декабря 1850 года запрещения вывоза за границу серебра в монете и слитках.

Размен производился по установленному правительством курсу (с постепенным в течение известного времени возвышением ценности кредитного рубля до приведения его к al pari*). Вначале операция пошла было удачно. В течение 1862 года (т.е. 8-ми месяцев) выпущено из банка звонкой монеты только 16780591 рубль. Заграничный курс нашего рубля поднялся в Лондоне с $33^1/_2$ до $34^1/_2$ пенс., в Париже — с 361 фр. до 371 фр. Но впоследствии дело приняло другой оборот, что приписывалось многим неблагоприятным обстоятельствам, в особенности польскому мятежу и политическим осложнениям, так что пришлось (в ноябре 1863 года) прекратить размен, издержав напрасно $72^1/_2$ миллиона рублей звонкой монеты и не достигнув цели. Поэтому финансовая эта операция навлекла сильные порицания на нового министра и на составителя проекта действительного статского советника Евгения Ив<ановича> Ламанского, занимавшего тогда должность товарища управляющего Государственным Банком (барона Штиглица). Но порицания эти едва ли могли по справедливости падать на Ламанского: поданный им еще в ноябре 1861 года проект не был принят в полном его объеме; при обсуждении его в Финансовом комитете и Министерстве финансов этот проект подвергся изменениям в весьма существенных его чертах; а потому вся ответственность за неудачу операции должна лечь на Финансовый комитет и Министерство финансов.

Впрочем, неудачный исход операции размена, как уже сказано, обнаружился лишь в следующем году; в течение же описываемого 1862 года наше финансовое положение представлялось вообще в благоприятном виде; по крайней мере можно было обольщаться радужными надеждами на будущее. Нам казалось тогда, что и по финансовой части мы вступаем в новую эру возрождения; мы ждали блестящих результатов от разнообразных преобразований, частью уже утвержденных и вводившихся в действие, частью находившихся еще в разработке, по всем частям государственного хозяйства[194].

Такие же блестящие надежды подавал успешный ход железнодорожного дела. В течение 1862 года открыто вновь движение по рельсовым линиям на протяжении 1247 верст, тогда как до

---

* Поровну, наравне. *(Пер. с ит.)*

этого года все протяжение железных наших дорог составляло всего 1954 версты; следовательно, в течение одного этого года приращение составляло до 64%. Движение открывалось в следующем порядке: 19-го января — от Гельсингфорса до Тавастгуса; 24-го апреля — от Динабурга до Ковны (хотя движение не было еще согласовано с заграничными поездами); 18-го мая — от Белостока до Варшавы; 20-го июля — от Москвы до Коломны (участок Рязанской дороги); 1-го августа — от Владимира до Нижнего; 18-го августа — от Москвы до Сергиевского посада (участок Ярославской дороги); 6-го сентября — от Вильны до Гродны (следовательно, установилось с этого только времени полное сообщение Петербурга с Варшавой); 28-го ноября — от Варшавы до Бромберга (следовательно, открылось и сообщение с Берлином).

Остается еще указать на одно ведомство, выказавшее в этом году особенную деятельность — на Министерство народного просвещения. Я уже говорил о том, как новый министр статс-секретарь Головнин приступил к делу и какие меры были приняты им для восстановления закрытого в прошлом году Петербургского университета; также о принятой им разумной системе в новых законодательных работах. На первой очереди стоял университетский устав. Как уже прежде было мной замечено, существовавший устав 1835 года совершенно устарел и не мог служить руководством на практике. Давно уже чувствовалась необходимость нового устава. Еще в 1858 году назначенный тогда попечителем Петербургского университета князь Щербатов приступил к его разработке; но составленный им проект не получил хода, и только в конце 1861 года, вследствие случившихся в университете смут, граф Путятин снова поднял дело, учредив Комиссию из попечителей учебных округов и профессоров под председательством действительного тайного советника Брадке. Составленный этой комиссией проект, представленный 6-го января министру А.В. Головнину, был напечатан и разослан многим компетентным лицам; а бывший профессор Петербургского университета К.Д. Кавелин командирован за границу для подробного изучения устройства университетов в Германии, Швейцарии и Франции; наконец, спрошены были мнения некоторых из иностранных авторитетов. Собранные всеми этими путями сведения и мнения были отпечатаны и послужили материалом для окончательной выработки нового устава, который в ноябре 1862 года был под-

вергнут предварительному рассмотрению особой комиссии из высших государственных лиц: генерал-адъютанта графа Сергея Григ<орьевича> Строганова, статс-секретаря барона М.А. Корфа, барона Александра Казимировича Мейендорфа, генерал-адъютанта князя Вас<илия> Андр<еевича> Долгорукова, министра внутренних дел П.А. Валуева и министра народного просвещения А.В. Головнина. Только после одобрения этой комиссией проект был внесен в Государственный Совет и после продолжительного, весьма тщательного обсуждения в Департаменте законов и в общем собрании был утвержден в июне следующего года[195]. Из этого видно, что устав 1863 года не был плодом скороспелым; видно, как были неправы те недобросовестные хулители его, которые впоследствии свалили на этот устав и лично на Головнина всю вину продолжавшейся в наших университетах неурядицы.

Другой вопрос, обративший на себя в первое же время внимание нового министра, — было положение нашей цензуры. Учреждение это, имевшее многочисленный состав и свой высший совет, под наименованием «Главного Управления цензуры»*, вызывало постоянно жалобы и неудовольствие с противоположных сторон: писатели и издатели роптали на придирчивость цензуры, на полный произвол ее требований, иногда подававших повод к смешным анекдотам, а с другой стороны, правительственные лица, блюстители государственного благочиния, безопасности и общественной нравственности вопили о распущенности печати, о бездействии и послаблениях цензуры. В прежнее время цензор знал «a quoi s'en tenir»**; он заботился исключительно о том, чтобы не подвергнуться служебному взысканию от начальства, и хотя строгость его возбуждала и тогда ропот со стороны писателей, однако же он мог пренебрегать их колкими намеками и эпиграммами. Положение цензора совсем изменилось с тех пор, как с высших сфер начались новые веяния, как правительство решительно выступило на путь преобразований, открыто сознав всю несостоятельность прежнего порядка вещей. С того времени уже не было возможности безусловно прятать истину, держать ее как

---

* Председателем Главного Управления считался сам министр народного просвещения; председателями цензурных комитетов в Петербурге и Москве были личности весьма почтенные — генерал-лейтенант барон Ник<олай> Вас<ильевич> Медем и сенатор тайный советник Щербинин; председателем иностранной цензуры — известный остроумный поэт Фед<ор> Ив<анович> Тютчев.

** «Чем довольствоваться». *(Пер. с фр.)*

в закупоренной банке. Пришлось хоть несколько ослабить строгость цензуры, и тогда истина начала разом выбиваться из банки в виде так называемой «обличительной» литературы. Тогда сделалось весьма трудным, почти невозможным провести определенную черту разграничения между дозволенным и недозволенным в печати; нарекания на цензуру усилились; положение цензора сделалось невыносимым. Он находился между двух огней: он подвергался выговорам и потере места за какое-нибудь ничтожное, пропущенное им выражение в печати, показавшееся недозволительным нашим аргусам; а с другой стороны, делался предметом насмешек писателей и публики. В этом отношении случалось даже различие во взглядах разных министров: издания официальные одного ведомства осуждались другим. А.В. Головнин был сторонником гласности и свободы выражения мнений; но ему следовало прилаживаться к другим, более влиятельным голосам, особенно к чрезмерно чуткому и пугливому III отделению. Да и сам он не мог не признавать, что при тогдашнем настроении нашего общества не было возможности совсем разнуздать печать. Он нашел необходимым приступить к пересмотру устарелого цензурного устава, изменить самую организацию цензуры, дать ей в руководство какой-либо критериум, насколько это было возможно. К этой работе он счел нужным привлечь и другие ведомства, с которыми Министерству народного просвещения приходилось разделять заботы и ответственность по части контроля за печатью.

Приступая к этой задаче, следовало прежде всего вывести из неопределенного и фальшивого положения существовавшее «Главное Управление цензуры»*. Доклад статс-секретаря Головнина по этому предмету был внесен 8-го марта в Совет министров, и результатом обсуждения предположений министра было Высочайшее повеление — упразднить Главное Управление цензуры, возложить на Министерство внутренних дел наблюдение за выходящими в свет книгами, периодическими и другими изданиями; в случае замеченного упущения цензора министру внутренних дел сноситься с министром народного просвещения или другим ведомством, к кругу которого издание относится. Вместе с тем по-

* Членами этого Управления состояли в то время: генерал-лейтенант барон Медем и тайный советник Щербинин (по должностям их, как председатели цензурных комитетов), генерал-адъютант граф Ал<ександр> Вл<адимирович> Адлерберг, тайный советник Пршеславский, генерал-адъютант Тимашев как начальник штаба корпуса жандармов и еще несколько второстепенных лиц.

ложено все издания правительственных учреждений освободить от общей цензуры. Вследствие этого назначение от разных ведомств специальных цензоров было отменено; некоторые же из членов бывшего Главного Управления цензуры были перечислены в состав совета министра внутренних дел, в качестве специалистов по делам печати[196].

Составление проекта нового устава о печати было возложено на особую комиссию, под председательством статс-секретаря князя Дмитрия Александровича Оболенского, служившего в Морском министерстве и только что назначенного на место Рейтерна членом Адмиралтейств-совета, заведывающего эмеритурой морского ведомства. Членами комиссии были назначены: тайный советник Цеэ, академик К<онстантин> Ст<епанович> Веселовский, действительный статский советник Воронов и профессор Андреевский. Председателю предоставлено было приглашать к совещанию и других лиц, содействие которых признавалось бы полезным.

Комиссия князя Оболенского открыла свои заседания 19-го марта. Возложенная на нее работа требовала продолжительного времени; а между тем чувствовалась неотложная необходимость какого-либо, хотя временного, руководства для цензоров. По соглашению между министрами внутренних дел и народного просвещения выработанный проект таких временных правил, по рассмотрении в Совете министров, был Высочайше утвержден и опубликован 15-го июня[197].

По многим другим работам, предпринятым в 1862 году в Министерстве народного просвещения, результаты появились лишь в следующие годы. Здесь же упомяну еще о мерах, принятых статс-секретарем Головниным для пополнения на будущее время учебного персонала в университетах и других высших учебных заведениях. Положено было командировать известное число молодых ученых на трехлетний срок в заграничные университеты, для пополнения их знаний и приготовления к профессорскому званию. Общее руководство занятиями этих будущих профессоров принял на себя знаменитый наш хирург Ник<олай> Ив<анович> Пирогов, бывший попечитель Киевского учебного округа и состоявший затем членом Главного Правления училищ[198].

В июне 1862 года последовало Высочайшее повеление об учреждении в Одессе нового университета, под названием «Новороссийского», с упразднением Ришельевского лицея[199].

В заключение следует здесь упомянуть о положении дела, поднятого в 1861 году относительно предположенного созыва финляндского сейма.

На основании последовавшего в том году (29-го марта/10-го апреля) Высочайшего повеления выбраны были делегаты от всех сословий Финляндии, в числе 48 человек, в комиссию, учрежденную для предварительного обсуждения составленного финляндским сенатом перечня государственных вопросов, требовавших разрешения, частью законодательным порядком чрез сейм, частью непосредственно верховной властью. Комиссия эта собралась в Гельсингфорсе в самом начале 1862 года и приступила 8-го января к своим занятиям, а в конце апреля представила свой доклад на Высочайшее утверждение. В числе предметов, вызвавших в комиссии продолжительные прения, был вопрос об употреблении в официальном делопроизводстве и на суде финского языка, незнание которого многими чиновниками причиняло народу большие неудобства. По этому предмету постановлено было огромным большинством (43 голосами из 48) подать Государю адрес с просьбой об учреждении особой комиссии собственно для обсуждения означенного вопроса.

Окончательно утвержденный Государем перечень вопросов, подлежавших внесению в сейм, был обнародован финляндским сенатом 23-го августа/4-го сентября. Из числа 52 вопросов, перечисленных в общем перечне сената, признаны были подлежащими внесению в сейм 31 вопрос. Затем 10-го ноября 1862 года финляндскому сенату объявлено Высочайшее повеление об учреждении особых комиссий для подготовления означенных дел к обсуждению в предстоявшем в следующем 1863 году собрании сейма.

ДЕЛА ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В 1862 ГОДУ

1862 годом начался для Военного министерства продолжительный период последовательных преобразований по всем его частям. В этом году приступлено к разработке существеннейших вопросов будущего нашего военного устройства и законодательства. Работы шли с напряженной деятельностью во всех департаментах и многочисленных специальных комиссиях.

Д.А. Милютин

Хотя в течение этого года еще ни одно из предположенных главных преобразований не было выработано в окончательной форме, однако же уже приняты некоторые важные меры, послужившие как бы первыми шагами к осуществлению заявленных предположений. В рассказе моем были указаны перемены, произведенные в устройстве нашего военного управления и самой армии вследствие событий в Польше, вслед за назначением Великого Князя Константина Николаевича наместником в Царстве, именно упразднение 1-й армии, 1-го, 2-го, 3-го, 5-го и Сводного кавалерийского корпусов и образование четырех военных ок-

ругов: Варшавского, Виленского, Киевского и Одесского*. Мера эта, вызванная обстоятельствами и принятая наскоро, без предварительной подготовки, ускорила и значительно облегчила осуществление вырабатываемых в министерстве реформ.

Первоначально учрежденным четырем военным округам дано было по необходимости лишь временное устройство, которое**, как само собой разумеется, и не могло представлять той стройной организации, какую военные округа получили впоследствии. В округе Варшавском, где имелись уже все отделы полевого управления армии, образовались, кроме окружного штаба, и другие отделы: интендантский, артиллерийский, инженерный, в состав которых вошли и прежние управления «западных» округов артиллерийского и инженерного. В прочих же трех округах (Виленском, Киевском и Одесском) учреждены на первый раз одни окружные штабы; главным начальникам округов (они же и генерал-губернаторы) подчинены только полевые войска, в округе расположенные; местные же войска и военные учреждения оставались до времени в подчинении прежним своим начальствам по принадлежности: округов внутренней стражи, артиллерийских, инженерных и т.д. Окружные интендантства должны были образоваться лишь с 1-го января 1863 года и то исключительно для заведования провиантской частью.

Тем не менее и временное это устройство первых военных округов служило уже фактическим опровержением того опасения, что предположенное преобразование повлечет за собой увеличение расходов. Оказалось, что с упразднением 1-й армии, четырех армейских корпусов и двух кавалерийских, с заменой всех этих управлений военно-окружными, личный состав управлений сократился уже на 9 генералов, 123 офицера и чиновника и 249 нижних чинов, с уменьшением расхода на их содержание на 128 тысяч рублей.

Разработка Положения о военно-окружном управлении подвигалась с большой настойчивостью. Уже в начале мая представлена мной Государю записка, в которой изложена была в общих чертах предполагаемая организация означенного управления, с указанием

---

* Далее в автографе зачеркнуто продолжение: «Башкирского войска. Положение об окончательном перечислении его в гражданское ведомство было уже рассмотрено в Военном Совете и внесено в Государственный Совет». *(Прим. публ.)*

** Далее в автографе зачеркнуто: «впредь до разработки окончательного Положения о военно-окружном управлении». *(Прим. публ.)*

круга действий каждого отдела его, отношений к главному начальнику округа и к центральному управлению. В той же записке намечено было и территориальное распределение округов*.

Первоначально проектированное разделение несколько отличалось от установившегося впоследствии. Предполагалось в Европейской России образовать следующие 11 округов: 1) Финляндский; 2) Петербургский – из губерний Петербургской, Новгородской и Олонецкой (т.е. без Псковской и Архангельской); 3) Балтийский – из губерний Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Псковской и Витебской; 4) Северо-Западный – из губерний Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и Могилевской; 5) Царства Польского; 6) Юго-Западный – из губерний Киевской, Волынской и Подольской; 7) Южный – из губерний Херсонской, Бессарабской, Екатеринославской и Таврической; 8) Московский – из губерний Московской, Ярославской, Тверской, Владимирской, Смоленской, Калужской, Тульской и Рязанской; 9) Харьковский – из губерний – Харьковской, Курской, Орловской, Черниговской, Полтавской и Воронежской; 10) Верхне-Волжский – из губерний Казанской, Пермской, Вятской, Костромской и Нижегородской, с главной квартирой в Казани; 11) Нижне-Волжский – из губерний Саратовской, Самарской, Симбирской, Пензенской и Тамбовской, с главной квартирой в Саратове. Затем намечены были округа: 12) Кавказский, 13) Оренбургский, 14) Западно-Сибирский и 15) Восточно-Сибирский. Таким образом, губернии Архангельская, Вологодская и Астраханская не были включены ни в один из округов, по отдаленности их и малому числу находящихся в них войск. Земля Войска Донского оставалась также вне военно-окружного распределения. Впрочем, в самой записке была сделана оговорка, что намеченное разделение было только «примерное» и что окончательное решение требует ближайших соображений.

Из числа предположений, изложенных в означенной записке, некоторые вовсе не осуществились, как, например, учреждение «дивизионных интендантов», которым имелось в виду придать отчасти характер контролеров по войсковому хозяйству, по образцу французского интендантства. По артиллерийской части указывался двоякий способ устройства управления: или с сохранением прежних начальников артиллерийских дивизий, то есть с выделением полевой артиллерии из подчинения начальнику во-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «с приложением карты». *(Прим. публ.)*

енно-окружного артиллерийского отдела, который в таком случае ведал бы только местными артиллерийскими частями и техническими учреждениями, или же с подчинением одному начальнику всей артиллерии в округе. Также оставлен был без предрешения вопрос о подчинении саперных войск начальству военно-окружного инженерного управления. Подчинить ли госпитали военно-окружному медицинскому начальству или особому окружному инспектору госпиталей – осталось вопросом открытым до решения самого устройства госпиталей.

Означенная записка была возвращена мне Государем 13-го мая, без всяких резолюций. С дозволения Его Величества она была отпечатана и разослана, в числе 211 экземпляров, на заключение главных начальников и компетентных лиц. Отзывы получены были от 134 лиц; из этого числа только 10 лиц выразили сомнения в пользе предположенной территориальной системы управления вообще; все же прочие высказались с большим или меньшим одобрением основной мысли предположенного преобразования, с некоторыми однако же, частными замечаниями, относившимися более к подробностям исполнения. В замечаниях этих оказалось чрезвычайное разноречие, - чего, впрочем, и следовало ожидать при обсуждении такого проекта, который коснулся всех отраслей военной администрации и шел вразрез вкоренившихся издавна понятий и привычек. Из всех полученных мнений составлен был свод, который и представлен Государю, а затем приступлено к обсуждению всех сомнительных и спорных вопросов, при содействии приглашаемых на совещание компетентных лиц.

Рядом с разработкой Положения о военно-окружном управлении велась и другая не менее значительная работа - по организации и внутреннему устройству войск. Как уже было сказано, основные начала организации войск обсуждались предварительно в комиссии генерала Баумгартена. Главной задачей поставлено ей - дать армии такой состав, чтобы при наименьшей численности в мирное время она могла в случае надобности развернуть наибольшие силы и притом в кратчайший по возможности срок. Комиссия признала непременным для того условием, чтобы переход армии от мирного положения к военному совершался исключительно пополнением каждой части людьми и лошадьми, без всякого формирования новых частей, то есть - чтобы для каждой намеченной в военном составе тактической единицы суще-

Э.И. Тотлебен

ствовал и в мирное время кадр, хотя бы в самом ограниченном числе рядов. В этих видах предполагалось увеличить в нашей армии число практических единиц обращением существовавших четвертых батальонов действующих полков в отдельные резервные полки, которые держать в кадровом составе, во внутренних округах Европейской России. В случае приведения этих полков на военное положение и выступления их из мест расположения выделялись бы из них же кадры для запасных батальонов, на которых возлагалась бы тогда местная служба и пополнение убыли в действующих армиях. Затем Корпус внутренней стражи, как уже было решено прежде, подлежал упразднению.

Соображения комиссии, изложенные в простой форме записки, были напечатаны и разосланы на заключение начальствующих лиц; по получении же от них мнений доложены были Государю в общих чертах. Для дальнейшего обсуждения предположений комиссии в связи с полученными мнениями начальников образована, по Высочайшему повелению, новая комиссия, под председательством члена Военного Совета генерала Даненберга.

Что касается внутреннего устройства войск, а именно; полкового хозяйства, довольствия, снаряжения, обмундирования войск, то эта сторона работы велась с большой деятельностью упомянутой уже комиссией генерала Лауница, а специальной задачей устройства полкового обоза занималась особая комиссия, под председательством члена Военного Совета генерала Липранди. Множество мелких вопросов, близко касавшихся строевых интересов войск, предварительно обсуждались в существовавшей при Гвардейском корпусе так называемой «Комиссии для улучшений по военной части», преобразованной (приказом 31-го октября 1862 года) в «Специальный комитет по устройству и образованию войск», вошедший в состав министерства. Оставшись по-прежнему под председательством Великого Князя Николая Николаевича, этот комитет сохранил и ту полезную, отличительную черту, что в состав его входили, кроме членов постоянных из числа должностных лиц, члены временные, призываемые попеременно из строевых генералов и штаб-офицеров. Занятия комитета имели тесную связь с кругом деятельности комиссии генерала Лауница, и потому этот последний был назначен вице-председателем Специального комитета, в помощь Великому Князю.

Работы всех названных комиссий в дальнейшем своем направлении сосредоточивались в Инспекторском департаменте Военного министерства. Стоявшие во главе этого департамента, сперва генерал Герстенцвейг, а потом граф Ф.Л. Гейден принимали живое участие в занятиях комиссий. Под их же руководством разрабатывалось в самом департаменте множество вопросов и предположений, обнимавших различные стороны устройства войск, их образование, личное положение военнослужащих и проч.

В ожидании результатов предпринятых крупных преобразовательных работ произведены в течение 1862 года в составе и организации армии лишь немногие перемены, имевшие преимущественно прежнюю цель – сокращение небоевого и нестроевого

элемента в составе армии. Кроме инвалидных и военно-рабочих рот и многих других подобных команд, уже ранее упраздненных, последовала в 1862 году отмена причисления неспособных нижних чинов к батальонам внутренней стражи; упразднены: штаб Гвардейского резервного кавалерийского корпуса*, дивизионный штаб в 24-й пехотной дивизии**, пятые и шестые эскадроны в кавалерийских полках, пятые батальоны в пехотных полках Кавказской армии; четвертые же батальоны тех же полков, равно как и батальоны 2-й, 3-й и 5-й резервных дивизий приведены в кадровый состав***.

Всеми этими упразднениями и отменами достигнуто в общей сложности сокращение численности войск и управлений на 83552 нижних чинов и до 800 офицеров. Но в то же время пришлось наоборот призвать вновь на службу более 23 тысяч отпускных нижних чинов на пополнение некомплекта в Кавказской армии и в возвратившейся с Кавказа, в кадровом составе, 18-й пехотной дивизии. Также укомплектована 3-я гвардейская пехотная дивизия, по случаю перемещения ее в Варшаву. Таким образом, действительное уменьшение численности регулярных войск в течение 1862 года составило всего около 40 тысяч. К концу года наличный состав этих войск выразился цифрой 818 тысяч человек, а вместе с иррегулярными войсками до 897 тысяч (вместо 946 тысяч состоявших в конце 1861 года).

Запас нижних чинов для пополнения войск до полного военного состава состоял к концу 1862 года из 186 тысяч отпускных нижних чинов. Как уже было сказано, признавалась совершенная необходимость восстановления ежегодных рекрутских наборов, после шестилетнего перерыва их. В конце 1862 года обнародован Высочайший манифест о производстве набора в январе следующего года, в размере 5 рекрут с 1000 ревизских душ, в обеих полосах Империи и в Царстве Польском. Набор этот должен был дать от 80 до 90 тысяч рекрут. Вливая этот свежий контингент в состав войск, предстояло уволить из них в бессрочный отпуск до

---

* Упразднение это последовало 30-го августа, вместе с назначением Великого Князя Николая Николаевича командиром Отдельного гвардейского корпуса.

** Входившие в состав этой дивизии линейные батальоны поступили под начальство местных военных губернаторов Западной Сибири, соответственно местам расположения этих батальонов.

*** Далее в автографе зачеркнуто: «также упразднены конно-пионеры - род войск, существовавший только в нашей армии». (*Прим. публ.*)

60 тысяч старослужащих, пробывших в строю не менее 10 лет, и на столько же должна была возвыситься цифра запасных нижних чинов.

Ввиду предстоявшего набора составлялось в Инспекторском департаменте Положение об установлении на будущее время точного порядка ежегодного увольнения нижних чинов в отпуски (в запас) и в отставку. Вместе с тем проектировались меры для улучшения самой процедуры рекрутских наборов, сохранявших с давних времен традиционную суровость и безобразную обстановку. К сожалению, учрежденная с этой целью комиссия статс-секретаря Бахтина даже и не приступила еще к составлению нового рекрутского устава, занимаясь пока собиранием исторических материалов и справок о существующих в иностранных государствах порядках. Подлежали еще обсуждению два принципиальные государственные вопроса: в какой мере могли быть ограничены существовавшие у нас многочисленные изъятия и льготы по отбыванию рекрутской повинности, освобождавшие от нее до 20% населения, и во-вторых, насколько возможно было, с отменой крепостного состояния, изменить гражданское положение отслужившего свой срок солдата, оторванного с поступлением на службу от первобытного своего состояния. От решения этих двух основных вопросов зависело направление всей работы составления нового рекрутского устава. Поэтому было бы несправедливо укорять комиссию Бахтина в медленности; но по случаю предстоявшего в начале 1863 года набора требовалось от нее неотложно указание хотя бы частных временных мер для возможного смягчения рекрутства. Предложенные комиссией нововведения вошли в Высочайший манифест о наборе 1863 года и были первым шагом к большему впоследствии облегчению тягостной для народа повинности[200]. Только со временем можно было достигнуть желанной цели – изменить воззрение самого народа на звание рекрута и солдата.

Не перечисляя других разнообразных нововведений* в устройстве войск, снаряжении их, обмундировании**, упомяну здесь

---

* Вместо этого слова зачеркнуто: «частных мер, принятых в течение года по Инвентарскому департаменту и по представлениям комиссии генерала Лауница». *(Прим. публ.)*

** Между прочим, изменен головной убор: тяжелые каски, заимствованные у пруссаков, заменены легкими мягкими шапками, которым в просторечии было присвоено французское название «кепи»; введены башлыки, облегчен ранец, упрощена амуниция и проч.

Б.А. Перовский

только об одной мере, принятой для успокоения тех, кто высказывал опасение, что с распределением войск по округам может нарушиться единообразие в устройстве и образовании армии. Мера эта заключалась в том, что некоторым из членов Военного Совета присвоено звание «инспектора войск», с обязанностью производить по временам смотры войскам, по особому каждый раз Высочайшему повелению, независимо от установленных инспекторских смотров прямых начальников, и представлять свои отчеты по осмотру прямо Его Величеству. Новая эта должность была присвоена (приказом 12 декабря 1862 года) следующим членам Военного Совета: барону Офенбергу, Ланскому (Павлу Петровичу), Липранди, барону Карлу Карловичу Врангелю, барону Александру Евстафьевичу Врангелю, Мерхелевичу и Лутковскому. В руководство им при производстве смотров составлена особая инструкция.

С учреждением военных округов и подчинением расположенных в каждом округе частей войск окружному начальнику являлся, естественно, вопрос о подчинении тому же начальству стрелковых батальонов, с изъятием их из прямого подчинения инспектору герцогу Георгу Мекленбург-Стрелицкому, на которого с большей пользой могли быть возложены обязанности чисто инспекторские по части стрельбы во всех вообще войсках, что казалось и вполне соответствовавшим присвоенному герцогу званию – председателя Оружейного отдела Артиллерийского комитета. По этому предмету вошел я в переписку с герцогом Георгом, который сам подал к тому повод своим письмом от 26-го июня. В этом письме (неофициальном) он высказывал мнение о нерациональности существования стрелковых рот в пехотных полках, в том соображении, что вся вообще пехота должна считать своей специальностью - стрелковое дело, из чего выводил он заключение о необходимости учреждения звания генерал-инспектора специальных родов оружия. В ответе своем герцогу от 3-го июля я выразил полное согласие с его взглядом на стрелковое дело в пехоте, но выводил совершенно иное заключение: я воспользовался случаем, чтобы затронуть вопрос о существовании стрелковых батальонов как особого специального рода войск и приходил к тому выводу, что было бы рациональнее, взамен инспектора стрелковых батальонов, учредить должность инспектора стрелковой части во всех войсках[201]. Однако же герцог не согласился с этим выводом и при первом нашем свидании горячо отстаивал стрелковые батальоны как свое детище. Затронутый вопрос остался до времени без последствий и разрешился гораздо позже, уже по смерти герцога Георга.

Из предположенных преобразований в составе самого Министерства военного первым приступом было в 1862 году соединение департаментов артиллерийского и инженерного со штабами генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектора инженерной части. Разные затруднения, долго замедлявшие осуществление этой необходимой меры, несмотря на неоднократное заявление желания самого Государя, были, наконец, устранены личными совещаниями моими с Великими Князьями Николаем и Михаилом Николаевичами, с участием генералов Баранцова и Тотлебена. Впрочем, по части инженерной дело было значительно облегчено состоявшимся уже ранее соединением, в лице Тотлебена, зва-

Г. Мекленбург-Стрелицкий

ний директора департамента и начальника штаба; по части же артиллерийской решению вопроса много помогло новое назначение Великого Князя Михаила Николаевича и предстоявший отъезд его на Кавказ. Прежние опасения его окончательно успокоились, когда решено было поставить во главе нового Управления артиллерийского человека, вполне преданного Его Высочеству – генерала Баранцова. Щекотливый вопрос о личных отношениях Великих Князей к министру также разрешился к общему удовольствию присвоением начальникам обоих управлений звания товарищей генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектора инженерной части. Но должность товарища генерал-фельдцейхмейстера уже существовала, и звание это имел старый генерал барон Николай Иванович Корф. Пришлось сложить с него это звание, с оставлением лишь членом Государственного Совета, о чем объявлено в приказе на 6-е декабря, а 24-го числа того же

месяца последовало Высочайшее утверждение «временных» Положений и штатов вновь образованных Главных управлений артиллерийского и инженерного. Устройством этих управлений достигнуто было некоторое сокращение личного состава, что дало возможность несколько повысить содержание служащих; но полного результата в этом отношении можно было ожидать лишь по переустройстве местных, т.е. окружных управлений по артиллерийской части; ибо тогда только могло выказаться ощутительное облегчение для центральных управлений. Вот почему утвержденным Положениям и штатам первых Главных управлений Военного министерства дано было название «временных».

Установление единства в управлении этими двумя важными отделами министерства дало возможность вести впредь дело с большей энергией, что было особенно желательно по части артиллерийской, чтобы вывести ее из тогдашнего, можно сказать, печального положения.

К сожалению, в течение 1862 года дело по этой части подвинулось весьма мало, как по ограниченности ассигнованных по смете денежных средств, так и по слабому развитию наших технических заведений. Впрочем, артиллерийская техника во всей Европе находилась тогда еще в переходном состоянии; все в деле оружия было вопросом спорным, предметом испытаний, изысканий, изобретений.

Наши оружейные заводы успели в 1862 году изготовить всего 97331 ружей (нарезных 6-линейных), так что все наличное количество нового пехотного оружия составляло 375757 экземпляров; но самое вооружение войск нисколько не подвинулось вперед; напротив того, из выданного прежде оружия часть была отобрана обратно в склады, по случаю сделанных в штатах мирного времени некоторых сокращений, так что к концу года состояло новых ружей: в войсках – всего 239630*, в складах – 136127. Запас этот был бы почти достаточен для вооружения остальных частей действующей пехоты, но признавалось более осторожным приступить к перевооружению их только тогда, когда запас ружей будет достаточен для полного вооружения всей действующей пехоты с ее резервными частями по военному комплекту и с надлежащим избытком для пополнения убыли оружия в военное время. Рассчитывая ежегодное производство наших оружейных заводов в

---

* Именно во всех стрелковых частях и линейных ротах Гвардейского, 1-го, 2-го, 3-го и 5-го армейских корпусов.

том же размере, в каком они работали в последние годы, мы могли довести наши склады до нормального размера (конечно, при тогдашнем составе войск) не ранее 1865 года.

Между тем шли своим чередом изыскания и опыты относительно разных вновь придумываемых ружей, заряжаемых с казенной части. В Оружейной комиссии Артиллерийского комитета и в стрелковой офицерской школе испытывалось ружье с двойной пулей, названное «obturateur» потому, что в этом образце задняя пуля служила при выстреле как бы пробкой, препятствующей выходу газов назад. Другой образец американца Грина полагалось испытать в войсках, для чего выписано было из Америки 3 тысячи экземпляров. Оружейной комиссией проектировались солдатские пистолеты нарезные, уменьшенного калибра. Приступали к изготовлению ружейных стволов из литой стали.

В полевой артиллерии большая часть легких батарей была уже снабжена 4-фунтовыми нарезными пушками; на все остальные легкие батареи требуемое число таких же орудий имелось налицо; но снарядов к новым орудиям было еще недостаточно. Батарейные же батареи оставались с прежними 12-фунтовыми гладкостенными орудиями; полагалось заменить их такими же нарезными по изготовлению полного числа орудий и снарядов на все батареи. Однако же уже в это время поднят был вопрос о переходе от медных орудий к стальным. Для первых опытов заказано было по нескольку орудий 4-х и 8-ми фунтовых на Князе-Михайловском сталелитейном заводе Обухова.

Для осадной артиллерии предназначались 24-фунтовые медные нарезные орудия. 50 таких орудий изготовлялись в Петербургском и Брянском арсеналах.

Крепостная артиллерия была предметом особенных наших забот. На первый раз приступлено к нарезке 600 медных и чугунных пушек, 12-ти и 24-х фунтовых, и заказано Князе-Михайловскому заводу 310 стальных пушек тех же калибров. Но следовавшие быстро одно за другим усовершенствования в броненосном судостроении указывали уже на необходимость перехода к большим калибрам. Наши артиллеристы проектировали разные образцы как стальных, так и чугунных скрепленных стальными кольцами орудий. Для испытания их заказаны были: в Германии, заводу Круппа – стальное 9-дюймовое орудие; в Англии, заводу Блекли – чугунное, скрепленное кольцами орудие в 10,75 дюймов для стрельбы круглыми ядрами; олонецким и уральским заводам – несколько чугунных 3-пудовых пушек, отлитых по американско-

му способу с готовым каналом, скрепленных стальными кольцами или железной проволокой; Петербургскому и Брянскому арсеналам – 40 нарезных мортир $^{1}/_{2}$ пудовых, и т.д.

Все эти распоряжения и проекты могли доставить результаты только в далеком будущем; а между тем наши технические заведения были в таком состоянии, что не выполняли к сроку и обыкновенных заказов. За горными заводами всегда числилась большая недоимка. Князе-Михайловский завод Обухова не в силах был отливать и проковывать 24-фунтовые орудия и даже 12-фунтовые изготовлял с накладными цапфами. Учрежденный в прошлом году, по Высочайшему повелению, комитет графа Путятина, признавая крайне необходимым развить у нас сталелитейное дело, вошел в переговоры с Обуховым и его агентом в Петербурге Путиловым об устройстве в обширных размерах сталелитейного завода в Петербурге, а также с английским заводчиком Блекли; но заявленные ими условия были признаны слишком невыгодными для казны*; начались переговоры по тому же предмету с немецким заводчиком Бергером, и приступлено к изучению нового бессемеровского способа отливки стали.

В представленном мной Государю кратком отчете за 1862 год[202], я предложил, между прочим, учредить постоянную комиссию, под председательством генерал-фельдцейхмейстера или его товарища, из членов от сухопутной артиллерии, морского ведомства, горных и военных инженеров, для установления тесной связи между министерствами военным, морским и финансов, относительно развития вообще технических заведений всех трех ведомств и для наблюдения за исполнением заводами даваемых им нарядов. По моему мнению, дело это было столь важно и настоятельно, что, несмотря на стесненное наше финансовое положение, не следовало скупиться на денежные затраты, требуемые для обеспечения артиллерийской части. «Затрата на этот предмет неизбежна, дабы новая война не застала нас неподготовленными к борьбе с неприятелем, владеющим всеми современными усовершенствованными средствами»**.

Артиллерийское ведомство в своих технических заведениях вводило разные частные улучшения, снабжало их новыми маши-

---

* Здесь в автографе зачеркнуто: «но генерал-фельдцейхмейстер Великий Князь Михаил Николаевич нашел предложенные Путиловым условия слишком невыгодными для казны». *(Прим. публ.)*

** Против этого места моего отчета была отметка Государя: «совершенно справедливо».

нами и станками, вводило новые способы работы и т.п. Одной из важнейших задач было улучшение заводской администрации и хозяйства при замене обязательного труда вольнонаемным. В Туле, Ижеве, Сестрорецке образованы комиссии из представителей министерств военного, внутренних дел и государственных имуществ, для составления положений об устройстве быта оружейников*. Обсуждался вопрос о передаче Тульского оружейного завода в арендное содержание командиру этого завода генерал-майору Стандершельду.

Вопрос о ракетном заводе в Николаеве, устройство которого решено было приостановить в видах уменьшения расходов, снова был поднят по настоянию генерал-майора Константинова и обсуждался в особом совещании, под председательством генерал-фельдцейхмейстера. Согласно заключению совещания последовало Высочайшее повеление продолжать работы в размере вносимых ежегодно в смету ассигнований на этот предмет.

Взамен существовавших при технических заведениях школ для солдатских детей положено устроить специальные школы для подготовления мастеров: техническую, пиротехническую и оружейные. Положения для этих школ приготовлялись к внесению в Военный Совет**.

Инженерная часть в 1862 году была поставлена в весьма невыгодные условия чрезмерным сокращением сметы. Я уже говорил о совещании, которое по Высочайшему повелению было назначено под председательством Великого Князя Константина Николаевича, вследствие моего заявления (во всеподданнейшем докладе 15-го января) о необходимости огромных расходов на крепостные сооружения, для приведения всей нашей системы обороны в состояние сколько-нибудь удовлетворительное. Великий Князь генерал-адмирал почему-то откладывал совещание, и только пред самым отъездом его в Варшаву, в мае месяце, мы имели

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Особая комиссия разрабатывала Положение об управлении в заводах и арсеналах». (*Прим. публ.*)

** Далее в автографе зачеркнут абзац: «Вот существенные черты деятельности артиллерийского ведомства в 1862 году. Заключением ее, как уже сказано, было преобразование центрального управления слиянием Департамента артиллерийского со штабом генерал-фельдцейхмейстера. Мера эта, несомненно, должна была произвести самое полезное влияние на дальнейший ход дела». (*Прим. публ.*)

два заседания, результатом которых было следующее заключение: так как усовершенствования по части артиллерии и броненосных судов идут с большой быстротой и следует ожидать еще дальнейших успехов, то в настоящее время, при всей необходимости приведения наших укрепленных пунктов в положение, соответствующее современным средствам атаки и обороны, было бы преждевременно затрачивать на это огромные суммы, при затруднительном нашем положении финансовом; а потому совещание постановило: ограничиться пока некоторыми только подготовительными работами по укреплению Кронштадта и Керчи, оставив Свеаборг, Динамюнде, Николаев, устья Днепра и Амура в существующем их виде; по сухопутным же крепостям и казарменным зданиям никаких новых работ не предпринимать, а ограничиться приведением в исправность и поддержкой существующих строений. Все суммы сбережений от инженерных работ совещание полагало обратить на развитие горнозаводского производства, для изготовления в больших размерах артиллерийских орудий, лафетов, снарядов, частью же на постройку броненосных батарей и судов, без которых оборона приморских пунктов не может ныне обходиться.

Такое заключение совещания нельзя оспаривать при безусловной невозможности увеличения расходов. Удовлетворяя преимущественно требования морского и горного ведомств, оно косвенно содействовало и обороне приморских пунктов, и успеху артиллерийского дела; но, с другой стороны, это заключение обрекало нас на многолетнее бездействие по инженерной части, на оставление еще надолго всей нашей оборонительной системы в том же печальном положении, которое было изображено в моем докладе 15-го января. Все наши сухопутные крепости должны были оставаться на неопределенное время в незаконченном виде, с каменными постройками, не прикрытыми с поля от разрушительного действия новых артиллерийских орудий. По вопросу об укреплении Выборга – совещанием вовсе не было выражено никакого мнения, хотя необходимость этой меры была несомненна для обороны Финляндии.

Военное министерство вынуждено было, скрепя сердце, покориться приговору совещания, утвержденному Государем*.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Я счел долгом в новом своем докладе Государю о положении дел по Военному министерству в 1862 году снова высказать, что приостановление всех фортификационных работ на продолжительное время считаю крайне опасным. Тем не менее предполагавшиеся многие работы были отложены, некоторые уже начатые - приостановлены, даже с нарушением заключенных контрактов». *(Прим. публ.)*

Александр II

При составлении сметы на 1863 год строительные расходы были уменьшены еще на 1139994 рублей против 1862 года, и внесено на все фортификационные постройки в Империи всего 1028190 рублей. Положено продолжать работы только в Кронштадте и Керчи; некоторые старые крепости, утратившие стратегическое значение, как-то — Нарву, Новодвинскую – упразднить. Вместе с тем сокращены работы и по воинским зданиям; а ремонтное содержание казарм гвардейских полков передано на попечение самих войск; несколько старых казенных строений продано*.

В ожидании общего преобразования всей военной администрации принимались по инженерному ведомству некоторые частные меры, в видах улучшения хода дел; разработаны правила о составлении смет**; установлен порядок для своевременного представления проектов и смет на строительные работы; проектированы новые облегчительные правила отчетности. Личный состав инженерного корпуса определен новыми штатами, с переименованием «гарнизонных» инженеров в «местные». Введенное в последнее время в некоторых приморских крепостях, в виде опыта, назначение инженерным офицерам добавочного содержания, оказавшее хорошее на них влияние в нравственном отношении, распространено на служащих в крепостях Варшавского военного округа.

Из громадной цифры военных расходов наибольшая часть падает на долю **Комиссариатского и Провиантского департаментов**. Упорядочение хода дел в этих двух департаментах представлялось неотложной задачей. Первым же приступом к ее решению было приведение в порядок внутреннего хозяйства в самих войсках, и в этом отношении большую услугу оказала комиссия генерала Лауница, о которой уже говорилось выше.

Комиссия эта летом 1862 года представила полное предположение об установлении размера отпусков и порядка довольствия войск. Составленные комиссией новые табели и положения поступили на рассмотрение в подлежащие департаменты министер-

* Далее в автографе зачеркнуто: «Большая часть ассигнованных сумм обращена была на капитальное исправление тех зданий, которые до 1857 года состояли в ведении Департамента военных поселений и находились в крайне запущенном состоянии». (*Прим. публ.*)

** Далее зачеркнуто: «по единичным начислениям». (*Прим. публ.*)

ства и приготовлялись к внесению в Военный Совет. Сложная эта работа была исполнена добросовестно и сравнительно в короткий срок. Главная цель ее, как уже было объяснено, состояла в том, чтобы все отпуски на довольствие войск, денежные и вещевые, сколь можно ближе соответствовали действительной потребности, дабы в полковом хозяйстве не было уже надобности прибегать к негласным изворотам, не поддающимся открытой отчетности и контролю. Только при таком условии оказалось возможным установить правильный порядок полкового хозяйства: не устраняя командира части от главных распоряжений и ответственности по хозяйству, предположено возложить все подробности исполнения на одного из штаб-офицеров, с званием помощника командира или заведующего хозяйством, с участием и ответственностью прочих должностных лиц, заведывающих разными отделами полкового хозяйства.

Введение новых табелей сопряжено было, конечно, с некоторым повышением сметных ассигнований; но эта неизбежная во всяком случае невыгода вознаграждалась вполне водворением в войсковом хозяйстве законности и порядка, прекращением негласных доходов командиров, а следовательно, устранением вреднейшей нравственной язвы нашей армии.

По департаментам Комиссариатскому и Провиантскому достигнут был в 1862 году немаловажный результат в том отношении, что торги, как на поставку комиссариатских вещей, так и провианта, произведенные своевременно и с некоторыми изменениями в условиях платежей, оказались успешнее, чем в предшествовавшие годы. По комиссариатской части не только не встретилось затруднений к обеспечению текущего довольствия войск, но даже пополнена значительная часть «неприкосновенного запаса»*. По части провиантской, несмотря на неурожайный 1861 год, достигнуто значительное понижение цен; введен новый порядок заготовления провианта для Кавказской армии, начальство которой само вызвалось принять на себя это заготовление во внутренних губерниях, — что дало возможность упразднить существовавшие в Астрахани обширные склады провианта и тамошний провиантский комитет, служивший передаточным органом между внутренним провиантским ведомством и кавказским

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «что сравнительно с тогдашним нормальным размером этого запаса (положенным на 379734 человека и 34884 лошади) недоставало лишь весьма немногое (преимущественно холста, аммуничных вещей и конских приборов)». *(Прим. публ.)*

интендантством. Кроме того, в Провиантском департаменте, по мысли нового директора его генерал-лейтенанта Данзаса, учреждено статистическое отделение, для собирания сведений о ходе хлебной торговли, о ценах и других данных, имеющих влияние на успех провиантских заготовлений.

Я уже говорил о предположении установить по возможности точные мерила для оценки качества вещей, при приеме их в казну от поставщиков, с целью обоюдного ограждения интересов, как войска, так и подрядчика. В этих видах признано было необходимым содействие сведущих техников. Военному министерству удалось привлечь к этому делу профессора технологии в Московском университете статского советника Модеста Яковлевича Киттары, которому поручено было предварительно осмотреть военно-хозяйственные учреждения Франции, Англии и Германии; по возвращении же его из-за границы образована под его председательством особая комиссия из опытных чиновников комиссариатских и провиантских для обсуждения тех технических способов, которые могли быть применяемы у нас при приеме вещей и провианта. Первоначально профессор Киттары принимал участие в этих работах как частное лица, оставаясь в своей профессорской должности в Москве; только впоследствии он совсем перешел на службу в Военное министерство и принес ему несомненную пользу своими специальными сведениями, опытностью и любовью к делу.

Существенные изменения и улучшения по обоим означенным ведомствам ожидались только с введением военно-окружной системы. Лучшее устройство интендантской части составляло главную и самую сложную часть при разработке проекта Положения о военно-окружном управлении. В этой работе, под руководством тайного советника Устрялова, принимали деятельное участие тайный советник Якобсон (заведовавший временно Комиссариатским департаментом), генерал-лейтенант Данзас (директор Провиантского департамента) и многие другие компетентные лица. Составленное ими временное Положение по интендантской части в первых четырех учрежденных округах должно было доставить полезные указания для дальнейшей работы.

По **части военно-врачебной**, так же как и по другим, все существенные вопросы находились еще в разработке или на рассмотрении и обсуждении; принимались пока только некоторые

частные улучшения*. По представлению Комиссариатского департамента (в ведении которого состояли еще госпитали) постановлено впредь довольствие госпиталей отдавать в подряд не на годичный срок, а по крайней мере на 4-летний, в том соображении, что при таком сроке подрядчик имел возможность выгоднейшим способом устроить довольствие, при сравнительно умеренных ценах. Мера эта оправдалась с первого же года: все госпитали были разобраны с торгов, с значительным понижением цен, и не было уже повода к передаче довольствия госпиталей чиновникам, на коммерческом праве, как это велось до того времени.

По Медицинскому департаменту в 1862 году сделано было распоряжение о снабжении госпиталей усовершенствованными инструментами и приборами; некоторые казенные аптеки и Лубенский ботанический сад упразднены, равно как и прежние инспекторы по аптекарской части, признанные совершенно лишней инстанцией, и т.д.

Медико-хирургическая академия получила в апреле 1862 года новое Положение и штат. Замена прежних 300 казеннокоштных воспитанников 50-ю стипендиатами дала значительное сбережение в денежных средствах, которые были обращены на пополнение академической библиотеки, на устройство военно-санитарного музея и другие меры к развитию учебной части. Президентом Академии тайным советником Дубовицким возбужден был целый ряд вопросов и предположений, имевших цель поднять уровень военно-медицинского образования. В то же время разрабатывались предположения о приспособлении 2-го военно-сухопутного госпиталя к клиническому его назначению, об устройстве в одном из флигелей старого академического здания клиники душевных болезней; делались приготовления к постройке нового анатомического здания, учебной оранжереи и клиники баронета Вилье.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Так устройство лазаретов при частях войск, входившее в обширный труд комитета генерала Лауница, находилось на рассмотрении надлежащих департаментов министерства. Комитет генерал-лейтенанта Вольфа после четырехлетней работы представил 1-ю часть Госпитального устава[203], заключавшую в себе управление госпиталями; также составлено предположение о новом распределении госпиталей, примененное к современной дислокации войск и действительное по требованиям. Обе эти работы были отпечатаны и разосланы на заключение начальникам и компетентным лицам. По другим частям госпитального устройства проекты были подготовлены, а по другим собирались еще дополнительные сведения». *(Прим. публ.)*

Войска иррегулярные. В течение 1862 года произведены в строевом составе иррегулярных войск следующие изменения:

В Донском войске – упразднен «рабочий полк».

В Кубанском – с водворением новых 25 станиц за Кубанью (49-ти офицерских и 4130 казачьих семейств) образованы 3 новые конные полка (один Адагумский вдоль кордонной линии того же наименования, другие два – между Лабой и Белой) и новая 8-я бригада.

В Терском – конные полки переформированы из 6-сотенных в 4-сотенные, в видах восстановления нормальной соразмерности строевого состава с численностью населения.

В Азовском – по случаю переселения трех станиц в состав Кубанского войска уменьшен наряд на службу с 26 до 22 команд.

В Башкирском – из 9 служащих кантонов три перечислены в разряд неслужащих, и затем осталось только 6, отбывающих службу на казачьем положении.

Вновь сформирован на Кавказе Кутаисский конно-иррегулярный полк по образцу Дагестанского и Терского полков.

В общей сложности по всем иррегулярным войскам штатный состав (183544 нижних чина при 3977 офицерах) уменьшился весьма незначительно против прошлогоднего (на 769 нижних чинов); но списочный состав служащих, считая с башкирами, уменьшился на 6500 человек и составил уже 296491 нижних чинов (вместо прежних 302961) при 4919 генералах и офицерах.

Из этого числа на действительной службе состояло всего в штатных частях 78771 нижних чинов и сверх того около 500 башкир, что составляло почти 43% всего штатного состава.

Таким образом, несмотря на все старания министерства уменьшить наряд на действительную службу, казаки все еще несли крайне обременительную службу. В течение 1862 года оказалось возможным уменьшить число командированных на Кавказ донских полков еще тремя, сверх семи, уже спущенных в предшествовавшие годы (1859 - 1861); и несмотря на то, состояла еще на службе половина всего штатного состава Донского войска. Еще тягостнее была служба Кубанского и Терского казачьих войск, которые почти в полном составе участвовали в военных действиях и в охранении края. В Оренбургском войске на службе состояло несколько менее половины полков.

По строевому образованию казачьих войск в течение года выпущено новое издание строевого устава и разрабатывалось руководство для полевой службы казачьей конницы.

Главная задача Военного министерства по Управлению иррегулярных войск заключалась в разработке новых положений для всех казачьих войск. Предварительно составленная общая программа этих положений была разослана конфиденциально на заключение атаманов, от которых требовалось мнение о том, в какой мере положенные в основание программы общие начала применимы к каждому из казачьих войск. Главная цель министерства при составлении этой программы заключалась в том, чтобы отбываемая казачьим населением военная повинность не лишила его средств к поддержанию и развитию экономического его благосостояния, для чего предполагалось, кроме установления нормальной соразмерности наряда на службу с численной силой населения, открыть доступ в казачьи области посторонним лицам, облегчить переход их в казачье сословие, равно как и выход из него; допустить в известной мере личную поземельную собственность, разграничить военное управление от гражданского и судебную часть от административной.

Почти все атаманы и главные начальники казачьих войск отозвались одобрительно о предположенных в программе основных началах, а некоторые даже признали эти начала «благодетельными». Исключение составляло только начальство Войска Донского: в своем месте было уже упомянуто о недоразумениях, возникших со стороны генерал-адъютанта Хомутова и его начальника штаба генерал-лейтенанта князя Дондукова-Корсакова. Атаман Уральского войска генерал-майор свиты Аркадий Дмитриевич Столыпин еще ранее получения программы министерства составил свой проект для этого войска и даже отпечатал его; но проект его оказался крайне своеобразным, так что не было возможности дать ему ход. Обиженный этой неудачей, генерал Столыпин подал прошение об увольнении от должности (в апреле) и уехал за границу. На его место назначен был полковник Генерального Штаба Дандевиль.

Местные казачьи комитеты не могли представить возложенных на них работ к назначенному сроку – 1-му января 1863 года; а потому пришлось отсрочить еще на 6 месяцев, для Сибирского же войска – на целый год. Вместе с тем, разрешено комитетам представлять проекты по отдельным вопросам, не ожидая окончания всей работы. На этом основании атаманом Донского войска представлен был целый ряд проектов: о сокращении срока полевой службы казаков, об учреждении ремесленного общества по примеру торгового, об увеличении числа членов последнего,

о соляном промысле. Все эти проекты рассматривались в Управлении иррегулярных войск и приготовлялись к внесению в Военный Совет. Между тем в Донском войске деятельно приводилось в исполнение Положение 19-го февраля 1861 года об устройстве крестьянского сословия*; принимались меры к развитию в крае промышленности; составлялось новое Положение о разработке Грушевских каменноугольных копей; строилась к этим копям железная дорога от Аксайской пристани; приступлено к устройству в Новочеркасске водопровода и т.д.

В других казачьих войсках также принимались многие частные меры улучшений. В Оренбургском – учреждена Межевая комиссия; в Сибирском – полагалось расширить межевые работы. Что же касается Башкирского войска, то Положение об окончательном перечислении его в гражданское ведомство было уже рассмотрено в Военном Совете и внесено в Государственный Совет.

По части военно-судной продолжалась в 1862 году разработка новых уставов. Составленный сенатором Капгером проект нового устава о воинских преступлениях и наказаниях рассматривался в особой комиссии при II отделении Собственной Е.В. Канцелярии[204]. По другой его работе – о преобразовании военно-арестантских рот, – собраны замечания начальствующих лиц, на заключение которых препровождался этот проект. Сенатор Капгер, пробыв часть года за границей по болезни, не мог еще приступить к переделке своей работы, которая притом имела связь с другой частью преобразований по военно-судной части – положением о взысканиях дисциплинарных, налагаемых без суда.

При рассмотрении составленного по этому предмету проекта Положения[205] встретились в мнениях начальствующих лиц большие разногласия. Для окончательного обсуждения дела, столь важного для благоустройства армии, образован был, по Высочайшему повелению (в июле 1862 года), особый комитет из старших генералов, под председательством бывшего военного министра генерал-адъютанта Сухозанета. И в этом высшем ареопаге оказалось по многим пунктам значительное разномыслие, особенно относительно телесных наказаний, которые полагалось если не совсем отменить, то по крайней мере весьма ограничить. При-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «встречавшее там гораздо более затруднений, чем во всех других частях Империи». *(Прим. публ.)*

верженцы розог и палок ссылались на невозможность замены их арестом, по недостатку мест заключения. Необходимо было изыскать средства к устранению этого затруднения: составлялись и обсуждались разные предположения об устройстве хотя бы временных тюремных помещений и карцеров при частях войск. Признано было полезным собрать сведения о существовавших в других государствах местах заключения военных арестантов, и с этой целью командирован за границу полковник Генерального Штаба Сераковский, на которого еще до моего вступления в управление министерством возлагались поручения по осмотру военно-арестантских рот. Тогда, конечно, никто не мог подозревать, что этот ретивый и смышленый офицер вскоре появится в числе видных действующих лиц в польском восстании.

Что касается военного судопроизводства и судоустройства, то составление проекта было приостановлено, пока в Государственном Совете обсуждались основные начала судебного устава; когда же эти начала были утверждены и в исходе года образовалась при Государственном Совете особая комиссия для разработки самого устава, тогда и в Военном министерстве учреждена была, под председательством генерал-адъютанта Крыжановского, комиссия для составления проекта военно-судебного устава, применительно к основным началам общего устава[206].

Независимо от работ по преобразованию военно-судной части приняты были в течение 1862 года некоторые временные меры, вызванные современным положением дел. Вследствие упразднения 1-й армии оказалось нужным установить правила о производстве следственных и военно-судных дел в войсках, расположенных в Царстве Польском. Вместе с тем установлен более точным образом порядок судебного процесса в полевом военном суде, в котором, как известно, уже с давних времен у нас введено было устное и гласное производство, с защитником и прокурором. Это был, можно сказать, первообраз того военного суда, который был создан у нас впоследствии.

В заключение обзора деятельности Военного министерства за 1862 год приведу несколько цифр по финансовой части.

По смете на этот год ассигновано было в общей сложности (со включением и расходов по военно-учебным заведениям) – 111697000 рублей, менее против предшествующего года на 4268000 рублей. Принужденное уступить настоятельным требованиям Финансового комитета о сокращении расходов, Военное министерство должно было ограничиваться лишь удовлетворением самых

неотложных, насущных потребностей, отказавшись от всяких предприятий и улучшений, сопряженных с новым расходом.

Сметы на следующий 1863 год составлялись в первый раз по новым правилам и формам. Наиболее затруднений в этой работе, конечно, встретилось Военному министерству, как по громадности цифр его бюджета, так и по сложности военного хозяйства. Требовалось не простое перемещение цифр по новым подразделениям сметы на параграфы и статьи, но коренной пересмотр всех расходов по существу, для указания законных оснований каждого расхода. При самых усидчивых трудах и усердии чиновников в Департаментах и канцелярии министерства оказалось невозможным окончить такую сложную работу к определенному сроку. Рассмотрение составленных смет в Министерстве финансов и Государственном контроле, предшествовавшее внесению в Государственный Совет, также сопряжено было с большими трудами; немало встречалось недоумений, новых вопросов, требовавших разъяснений и соглашений. Работы эти захватили и начало наступившего нового года.

КОММЕНТАРИИ И УКАЗАТЕЛИ

КОММЕНТАРИИ

[1] Кавказ занимал очень важное место в политике самодержавия после окончания Крымской войны. В годы наместничества князя А.И. Барятинского было завершено присоединение Кавказа к России, решались вопросы создания новых казачьих станиц, организации административного устройства и т.д. Кавказ поглощал огромные средства из бюджета в то время, когда страна находилась на грани финансового кризиса. Военное министерство решительно требовало от наместника Кавказа сокращения расходов.

[2] Имеется в виду Императрица Мария Александровна.

[3] В конце 1860 - начале 1861 гг. завершилась подготовка крестьянской реформы. После закрытия Редакционных комиссий 10 октября 1860 г. кодифицированные проекты реформы были переданы в Главный комитет по крестьянскому делу, который под председательством Великого Князя Константина Николаевича начал их рассмотрение.

[4] Т.е. Императора Николая I.

[5] Упомянутое Милютиным высказывание П.Д. Киселева действительно приведено А.П. Заблоцким-Десятовским в т. 3 его книги о Киселеве (с. 202 - 203). Сказано это было Киселевым А.М. Горчакову в Варшаве в конце октября 1860 г., во время их разговора о председательстве в Государственном Совете.

[6] Несмотря на краткость своего пребывания в Петербурге и крайнюю занятость, Д.А. Милютин подметил необычность обстановки и новые явления в общественно-политической жизни. Вот что он писал 28 октября 1857 г. из Петербурга на Кавказ А.И. Барятинскому: «Здесь вообще нашел я поразительное явление: стремления к преобразованиям, к изобретению чего-то нового обуяли всех и каждого; хотят, чтобы все прежнее ломали тут же, прежде, чем обдумано новое» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 13. Ед. хр. 2. Л. 188).

[7] Принятие закона об отмене крепостного права ожидалось ко дню воцарения Александра II - 19 февраля.

[8] «Колокол» - первая русская революционная газета, издававшаяся А.И. Герценом и Н.П. Огаревым в Лондоне и Женеве (1857 - 1867).

[9] «Военный Сборник» - ежемесячный военный журнал, выходивший в 1858-1917 гг. в Петербурге; с 1862 г. - орган Военного министерства.

[10] «Русский Инвалид» - военная, политическая и литературная газета, издававшаяся в Петербурге (1813 - 1917); с 1869 г. - орган Военного министерства.

[11] С.С. Ланской был сторонником крестьянской реформы, о чем свидетельствует его записка об освобождении крестьян, представленная в Секретный комитет по крестьянскому делу в 1857 г. Ланской покровительствовал представителям либеральной бюрократии, в частности Н.А. Милютину.

[12] Финансовое положение России в связи с Крымской войной стало критическим. Еще с середины 40-х гг. наблюдался постоянный рост дефицита, но в годы войны с 1853 г. по 1856 г. он резко подскочил - с 52 млн. до 307 млн. руб. сер. В то же время колоссально возрос выпуск кредитных билетов, что нарушало равновесие между обязатель-

ствами России за границей и возможностями их выполнения. Среди статей дохода вырос удельный вес винных откупов с $^1/_3$ в 1845 г. до 43% в 1853-1856 гг. Денежная система и кредитные учреждения пришли в полное расстройство. Уменьшилась золотая обеспеченность бумажных денег более чем на 50%. Наличность банковых касс упала со 150 до 13 млн. руб. с июня 1857 г. до июня 1859 г.

В архиве Д.А. Милютина сохранилось много писем А.В. Головнина, в которых он, в частности, регулярно сообщал о крайне тяжелом финансовом положении в стране в конце 50-х - начале 60-х гг. и о мерах, предпринимаемых правительством. Особенно интересны в этом отношении письма последних месяцев 1859 г. Так, в одном из них, из Петербурга от 19 ноября, Головнин писал Милютину на Кавказ о состоянии финансов: «<...> если не будет принята целая система самых энергических мер, то государственное банкротство, т.е. потеря всякого кредита за границей и понижение на 50% и более ассигнаций, т.е. кредитных билетов в Империи, неизбежно. Это уже началось... Вы говорите, что Россия богата, что надобно отыскивать новые источники дохода. Да, Россия богата, но в будущем и с условием затраты на нее капиталов, а их-то и нет, и некогда ждать будущих доходов, ибо надобно жить и платить деньги. Россия - это огромное поместье, которое владелец получил с лесами, рыбными ловлями, минеральными богатствами в недрах земли, но без капиталов и с огромными долгами. Это имение может дать много в будущем, но надобно исправить настоящее...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 26. Л. 13 - 14).

[13] Действительно, правительство опасалось волнений крестьян и принимало меры предосторожности. В Петербурге был разработан специальный план: «Вызов войск на случай беспорядков».

[14] После подавления польского восстания 1830 - 1831 гг. была отменена конституция 1815 г., ликвидированы сейм, самостоятельная польская армия, закрыты польские университеты. В 1846 г. произошло очередное восстание на территории Краковской республики и прилегающих округов Галиции, подавленное австрийскими войсками. В 1848 г. вспыхнуло Познанское восстание против прусского господства.

[15] Т.е. с включением в состав Польши части украинских и белорусских земель, отошедших к России по разделам 1793 и 1795 гг.

[16] Парижский трактат 1856 г., заключенный между Россией, Францией, Англией, Турцией, Австрией, Пруссией и Сардинией, завершил Крымскую войну 1853 - 1856 гг.

[17] В связи с коронацией Александра II 26 августа 1856 г. была объявлена амнистия политическим заключенным: декабристам, петрашевцам, участникам польского восстания 1830 - 1831 гг.

[18] В мае 1856 г. Александр II был в Варшаве, где встречался с представителями австрийского императора, прусского короля, английской королевы и короля Бельгии, которые поздравляли его с воцарением; а также со своими родственниками - великим герцогом Карлом Александром Саксен-Веймарским, Великой Княгиней Ольгой Николаевной и ее супругом, Карлом-Фридрихом-Александром, наследным принцем Вюртембергским.

[19] Имеется в виду перемирие между Францией и Австрией, заключенное 11 июля 1859 г. в Виллафранке (Северная Италия).

[20] Центральный национальный комитет, созданный 17 октября 1861 г., был руководящим центром повстанцев в период подготовки и развертывания польского восстания 1863 - 1864 гг. С начала восстания комитет объявил себя Временным национальным правительством, которое затем было пе-

реименовано в Национальное правительство (Жонд Народовы).

[21] Батиньольская фракция - часть левого крыла польской демократической эмиграции, связанной с так называемыми «красными». Названа от Батиньольской школы, основанной в 1842 г. польскими эмигрантами в парижском пригороде Батиньоле.

[22] Возможно, Д.А. Милютин имеет в виду самое начало сплочения революционно-демократических сил в Петербурге, которое к осени 1861 г. привело к организации «Земли и воли». Действительно, связи были обширные - с Москвой, Казанью, Нижним Новгородом, Украиной и др. Однако указания и руководство шли не из Царства Польского, хотя связи с польскими революционерами имелись. Вдохновителем создания «Земли и воли» был Н.Г. Чернышевский, организаторами - Н.А. и А.А. Серно-Соловьевичи, А.А. Слепцов, Н.Н. Обручев. Но, возможно, что Милютин подразумевал революционно настроенных польских студентов Петербургского университета.

[23] 20 - 26 октября 1860 г. в Варшаве состоялась встреча Александра II, австрийского императора Франца-Иосифа и прусского принца-регента Вильгельма, дяди Царя. Обсуждался вопрос о позиции держав в случае войны Сардинского королевства с Австрией.

[24] *Кунтуши* - верхний кафтан у поляков и украинцев в старину; *конфедератка* - шапка с четырехугольным дном и кисточкой наверху, которую польские революционеры носили с 1768 г.

[25] В Кракове находился один из старейших в Европе университетов - Ягеллонский, основанный в 1364 г.

[26] Крепостное право в Польше отменил Наполеон I принятием для Княжества Варшавского Конституции 22 июля 1807 г. и декрета о юридическом положении крестьян 21 декабря 1807 г.

[27] «Земледельческое общество» было создано с разрешения царского правительства в 1857 г. для обсуждения вопросов экономики и сельскохозяйственного производства.

[28] Манифест и Положения об отмене крепостного права в России были опубликованы Великим Постом - с 7 марта по 2 апреля 1861 г. (в Петербурге и Москве - 5 марта).

[29] Конечная цель крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. в России состояла в освобождении крестьян обязательно с землей, сначала в постоянное пользование, а затем в собственность за выкуп. Польские помещики не желали подобного решения крестьянского вопроса в своих владениях.

[30] Инвентарные правила 26 мая 1847 г. и 29 декабря 1848 г., введенные в Юго-Западном крае, определяли размеры наделов и повинностей крепостных крестьян, ограничивая власть помещика.

[31] Рескрипт 20 ноября 1857 г. на имя генерал-губернатора В.И. Назимова, подписанный Александром II, давал первую правительственную программу крестьянской реформы.

[32] Мировой посредник - новый институт, введенный Положениями 19 февраля 1861 г. для реализации реформы. Назначался из дворян с определенным цензом, обладал юридически независимостью (от дворянства и администрации) и несменяемостью. В компетенции мировых посредников были разбор споров между помещиками и крестьянами, составление уставных грамот.

[33] Затруднения в Главном комитете все-таки были. Возник даже контрпроект. Великому Князю Константину Николаевичу с трудом удалось «отбить» Панина у оппозиции.

[34] 28 января 1861 г. Александр II, открывая заседание, мотивировал необходимость завершить рассмотрение дела в течение первой половины февраля.

[35] Обсуждение проектов реформы проходило в Государственном Совете по

параграфам, как и в Главном комитете. Оппозиция не выдвинула своего контрпроекта, однако выступила против основных программных положений проектов Редакционных комиссий и оказалась в большинстве. Однако Александр II утвердил мнение меньшинства. Не добившись коренного пересмотра проекта, оппозиция повлияла на окончательное определение величины крестьянского землевладения, уменьшив его за счет отрезков и «дарственного надела».

[36] «Положения 19 февраля 1861 г.» - законодательные акты, оформившие отмену крепостного права в России; состояли из 17 документов: «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», положений об устройстве дворовых людей, о выкупе, о крестьянских учреждениях, местных и др. Документам предпосланы «Манифест» и «Указ Сенату» о проведении в жизнь «Положений».

[37] Главный комитет об устройстве сельского состояния был учрежден 19 февраля 1861 г. в связи с проведением крестьянской реформы. Он заменил собой Главный комитет по крестьянскому делу, учрежденный в 1858 г. на основе преобразованного Секретного комитета.

[38] Губернские по крестьянским делам присутствия учреждались для введения в действие «Положений 19 февраля 1861 г.» В их состав входили: губернский предводитель дворянства, управляющий палатой государственных имуществ, губернский прокурор, четыре члена из местных дворян-помещиков; председателем был губернатор.

[39] Посессионные крестьяне - категория крестьян, принадлежавших частным предприятиям; образована указами 1721 г. о покупке людей к заводам и 1736 г. о прикреплении мастеровых. Освобождены реформой 1861 г.

[40] Александровская больница для рабочего населения была открыта в Петербурге в 1867 г.

[41] Восстание крестьян в Казанской губернии в ответ на крестьянскую реформу 1861 г. началось в с. Бездна Спасского уезда в апреле 1861 г.

[42] Имеются в виду восстания крестьян в апреле 1861 г. в Чембарском и Керенском уездах Пензенской губернии, в Моршанском и Кирсановском уездах Тамбовской губернии.

[43] Еще в 1859 г. председатель Редакционных комиссий Я.И. Ростовцев тревожился о том, чтобы крестьяне поняли закон, и намеревался пригласить крестьянских старост в Комиссии для предварительного ознакомления с проектами крестьянской реформы. Такие мысли у него возникли, видимо, под влиянием впечатлений, вызванных крестьянскими волнениями в Эстляндии в 1858 г. Однако предположения Ростовцева не были осуществлены.

[44] По «Положениям 19 февраля 1861 г.» создавалось крестьянское самоуправление двух уровней: сельское общество имело сельский сход, волость - волостной сход; крестьяне выбирали должностных лиц - сельского старосту и старшину в волости и др. Крестьяне имели и свой волостной суд.

[45] Н.А. Милютин и его покровитель С.С. Ланской неожиданно для себя получили отставку в середине апреля 1861 г. Ланской вскоре умер. Здоровье Милютина было подорвано внезапностью этого отстранения в момент предельного напряжения сил и, казалось, удачного завершения дела его жизни. Другие деятели реформы также были отстранены от активной государственной и общественной жизни.

[46] Конскрипция (от лат. conscriptio - внесение в списки, набор) - способ комплектования войск, основанный на принципе всеобщей воинской повинности. Существовал в конце XVIII - XIX вв. во Франции; в России вводился только для жителей Польши в 1815 - 1874 гг.

[47] Грыховское (Гроховское) сражение (близ Варшавы) произошло 13 февра-

ля 1831 г. между восставшими и правительственными войсками.

[48] Адрес, поданный наместнику депутацией архиепископа Фиалковского, Царь не пожелал принять «за неприличием и неуместностью заключающихся в нем желаний».

[49] В циркуляре А.М. Горчакова от 8 (20) марта 1861 г. к русским миссиям за границей отмечалось, что Александр II, выполняя «долг искренней заботливости», открыл Царству Польскому «путь правильного прогресса», что «его самое сильное желание видеть сохранение и развитие в нем этого прогресса».

[50] Согласно указу Александра II от 14 (28) марта 1861 г. в Царстве Польском создавались: Государственный Совет под председательством наместника; Правительственная комиссия духовных дел и народного просвещения во главе с поляком-католиком; губернские, уездные и городские советы, главная школа.

[51] По условиям Фридрихсгамского договора 5 (17) сентября 1809 г., завершившего русско-шведскую войну, Финляндия отошла к России, сохранив государственную автономию.

[52] Уже во время своей первой поездки по Финляндии, предпринятой на исходе Крымской войны, Александр II обещал финляндскому Сенату проведение некоторых реформ. Однако они касались в основном экономической жизни.

[53] Весной 1861 г., отказав финляндским представителям в созыве сейма из-за «несвоевременности момента», правительство России приняло решение о создании так называемой выборной комиссии, которая должна была взять на себя функции представительного органа. Комиссии, состоящей из 48 членов от всех четырех сословий, поручалось рассмотрение всех тех вопросов, которые подлежали юрисдикции сейма.

[54] Наиболее радикальные представители либерального дворянства, буржуазии, местного правительства, печати в знак протеста против указа 10 апреля 1861 г., нарушающего основные законы Финляндии, решили подать «национальный адрес» Александру II.

[55] Уже через два дня после состоявшейся 22 апреля демонстрации в Гельсингфорсе Александр II, получивший исчерпывающую информацию о событиях, вынужден был дать специальное разъяснение относительно задач выборной комиссии, о котором говорит Милютин.

[56] 17 апреля 1861 г. был издан сенатский указ, в котором говорилось, что «исполнители подготовки реформы оправдали оказанное им доверие примерною деятельностью, неутомимым трудом и ревностным исполнением возложенных на них обязанностей».

[57] Подробные сведения о состоянии здоровья Н.А. Милютина в первые месяцы после отставки содержатся в письме А.В. Головнина к Д. Милютину от 2 июля (2 августа) 1861 г. из Брюсселя. Сообщая о встрече с Н. Милютиным и С.С. Ланским в Висбадене, он так резюмирует свое впечатление о здоровье Н. Милютина: »Все это весьма важно и требует серьезного лечения» и далее поясняет цель своего письма: «Чтоб Вы знали, что ему необходимо провести за границей зиму и будущее лето, и потому чтобы противодействовали намерению, **если таковое явится**, вызвать его в Петербург» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 25. Л. 24 - 25).

[58] Бородино было с 1837 г. земельной собственностью Александра II.

[59] Сохранился автограф письма Н.О. Сухозанета к Д.А. Милютину от 9 (21) июля 1861 г. из Варшавы. Письмо свидетельствует об интересе Сухозанета к кадровым вопросам и одновременно о его недальновидности. Он считал ситуацию в Варшаве спокойной. Спустя месяц, 14(26) августа, Сухозанет писал Милютину совершенно в ином тоне - крайнего беспокойства: «Уси-

ление войск в Царстве решительно необходимо и всякое отлагательство в стол может иметь вредные последствия; если нельзя дать дивизию, то необходимо теперь же двинуть 1-ю бригаду 7-й дивизии и два драгунских полка, подвинув 8-ю и 9-ю дивизии ближе к границе, замещая оные резервными батальонами. Двинутые Вами 12 батальонов в Литву и Минскую губернию едва ли будут достаточны... Я предвижу необходимость военного положения; желал бы только, чтобы оно началось с Литвы и уже в крайней лишь необходимости было объявлено в Польше, после обнаружения действий губернских и уездных избранных советов» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 75. Ед. хр. 85. Л. 13 - 14об., 21 - 25).

[60] Люблинская уния 1569 г. - соглашение (утверждено 1 июля) об объединении Польши и Великого княжества Литовского в единое государство - Речь Посполитую.

[61] Временное Положение о полицейских судах было принято в Комитете министров 8 августа 1861 г., затем 7 ноября принят Временный наказ уездным полициям западных губерний.

[62] В фонде Д.А. Милютина сохранилось 14 писем В.А. Лимановского, одного из его сослуживцев по Кавказу, с августа 1860 г. до конца 1861 г. Здесь уместно привести выдержки из двух писем, ярко характеризующие личность Милютина. В письме от 29 сентября 1860 г. из Тифлиса, после отъезда Милютина, Лимановский писал: «Душевное волнение, испытываемое мною в последние дни перед разлукою Вашею с Тифлисом, лишило меня возможности высказаться..., а потому пользуюсь настоящим случаем, чтобы уверить Ваше Превосходительство, что благодеяния, которыми я обязан Вам и которые одни вывели меня на дорогу и составили не только настоящее, но и будущее мое положение, свежи в моей памяти и никогда из нее не изгладятся. Сердечная благодарность за Ваше ко мне расположение в течение трехлетних ежедневных сношений и за то доверие, которым я имел великую честь пользоваться, умрут только вместе со мною... Оставляю за собой приятную обязанность считать себя всегда Вашим должником и молить Бога, чтобы он не отказал мне в возможности в течение всей моей жизни, прямо или косвенно, быть для Вас хотя чем-либо полезным». Письмо Лимановского от 18 ноября 1861 г. свидетельствует уже об отношении многих людей к Милютину: «Неясные слухи, распространившиеся в Тифлисе о Вашей болезни в Москве, сильно нас встревожили. Вопросы, действительно ли это правда, сыпались на меня со всех сторон и, к сожалению, я не мог сказать ничего успокоительного ни для себя, ни для других. Наконец, письмо Елизаветы Дмитриевны к М.А. Опочининой, извещавшее о прибытии Вашем в Петербург, вывело нас из сомнения. В несколько часов весь город знал уже подробности сообщенных известий, а фельдмаршалу, согласно его желанию, послана была даже выписка из письма обо всем, что в нем говорилось о Вас и Вашем семействе» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 67. Ед. хр. 63. Л. 15 - 18). И далее текст, который приводит Милютин в Воспоминаниях, отчеркнутый карандашом на полях его рукой.

[63] Упомянутое письмо Александра II к А.И. Барятинскому от декабря 1860 г. не сохранилось.

[64] В письме к Д. Милютину от 18 декабря 1860 г. из Тифлиса Г.И. Филипсон доказывал невозможность сократить бюджет Кавказской армии. Признавая, что с 1857 г. до 1861 г. он увеличился на 800 тыс. руб., Филипсон писал: «Главная причина того, что бюджет Кавказской армии не может безусловно уменьшаться, несмотря на все старания, состоит в том, что с 1857 г. совершенно изменена система наших действий на Кавказе. В прежнее время

война на Кавказе была чисто оборонительной или ограничивалась незначительными наступательными действиями, о результатах общих, о возможности окончания войны никто и не думал... Совершенное изменение системы действий на Кавказе повело к решительным результатам... Конец войны стал виден не одним главным деятелям, но и каждому солдату Кавказской армии. Но самый естественный ход дел наших в этом крае сделал необходимым усиление издержек по многим статьям расходов».

Филипсон также решительно возражал против вывода 18-й дивизии с Кавказа. «Для удержания покоренного края в повиновении нужны войска и дороги», которые в значительной степени прокладываются и строятся силами армии. На этом письме на полях помета, что оно показано Александру II 1 января 1861 г., и личная подпись Сухозанета (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 76. Ед. хр. 79. Л. 7 -17).

[65] В ответ на письмо Барятинского от 21 февраля 1861 г., в котором речь шла, в частности, о нездоровье наместника, Александр II писал 7 марта 1861 г. о согласии на его поездку за казенный счет за границу для лечения, пожелав счастливой поездки и выздоровления. См.: The Politics of Autocracy. Letters of Alexander II to Prince A.J. Bariatinskii (1857 — 1864). Paris. 1966. P. 143 - 145.

[66] Вскоре после опубликования «Положений 19 февраля 1861 г.» в марте того же года, Александр II предложил Барятинскому начать подготовку отмены крепостного права на Кавказе. «Местное Положение» для Тифлисской губернии было издано 13 октября 1864 г.

[67] Кавказский комитет - особый межведомственный орган, созданный в 1840 г. для разрешения вопросов, связанных с включением Кавказа в состав Российской Империи. Был закрыт в 1882 г.

[68] Оба эти письма А.В. Головнина к Д. Милютину из Дрездена от 27 мая (8 июня) и 30 мая (11 июня) 1861 г. содержат подробное описание состояния здоровья А.И. Барятинского (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 25. Л. 20 - 22).

[69] В фонде Д.А. Милютина действительно сохранилось несколько писем А.И. Барятинского к нему за 1860 - 1862 гг., в которых содержатся деловые соображения и предложения (Там же. Карт. 57. Ед. хр. 35 — 37).

[70] Автограф письма Евдокимова к Милютину об этих событиях сохранился, но датировано оно не 27 мая, как в тексте, а 27 июня 1861 г. Евдокимов писал из Ставрополя: «Из затруднений, встреченных в Кубанской области при наряде казаков на переселение, выяснилось, что особенных правительственных мер требует Черноморье. Большинство тамошнего дворянства, наследуя и храня заповеди бывшего малороссийского гетмана Мазепы, старается поддерживать дух отдельной национальности в мысли простого народа, им же угнетенного. Оно ропщет на присоединение 6-ти бригад кавказских казаков единственно от того, что боится внесения в Черноморию внешних идей и изменения прежнего порядка, утвердившего в Черномории дух ненависти к москалям и за панами право безнаказанного притеснения казаков. Я только теперь узнал Черноморию и убедился, что это язва на теле русской земли излечима только при совершенном слиянии ее с кавказскими казаками и при уменьшении панства. Что же касается до казаков хоперских, то расселение по станицам передовой линии без пособия 4-х станиц, ослушавшихся приказания, и наказания более виноватых зачинщиков, будет вполне достаточно для погашения вредного примера ослушания. Очищение на горной полосе северо-западной части Кавказа от туземного населения начато». Этот текст письма отчеркнут на полях Милютиным карандашом (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 63. Ед. хр. 38. Л. 3об. - 4).

[71] Барятинский писал 14 (26) июня

1861 г. из Дрездена к Милютину по этому поводу о действиях Евдокимова: «Весьма прискорбно было для меня увидеть, какой неблагоприятный оборот приняло казачье дело... Я, признаться, удивлен, до какой степени он в этом случае не оправдал моих ожиданий... По-моему, какие бы ни возникали временные затруднения, мы должны ненарушимо соблюдать основную нашу цель, состоящую в постепенном перенесении казачьих линий на дальнейшие пункты и с этою целью всеми мерами заинтересовать казачьи сословия к переселению». Далее, приветствуя мысль о наделении казаков, переселяющихся на передовую линию, землею в личное и потомственное пользование, Барятинский писал: «По моему мнению, следует сделать весьма ясную и громкую оговорку этого исключения в пользу Кавказского казачьего войска и не в пример другим, так как оно стоит в исключительном положении, столь долго лицом к лицу с неприятелем... Нет никакого сомнения, что все эти недоразумения и неурядицы были следствием подстрекательств так называемого казачьего дворянства и в особенности черноморских панов... С самого моего прибытия главнокомандующим на Кавказ я с каким-то невольным недоверием смотрел на черноморских казаков. Поэтому я в особенности почел долгом слить их в одно, по возможности скорее, с прекрасным нашим казачьим русским элементом на Кавказе». Барятинский советует Милютину вызвать в Петербург генерала Кухаренко и тем самым удалить его на время от влияния на Кавказе, т.к. располагает информацией, что Кухаренко стремится стать атаманом черноморцев с отдельным управлением. Позднее, 29 августа (10 сентября) и 3 (15) сентября 1861 г. Барятинский писал Александру II, который в это время собирался посетить Кавказ, о своей позиции по поводу переселения казаков, а также и о польском вопросе и мерах по его урегулированию. См.: *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. М. 1890. Т. II. С. 377 - 382, 381 - 383.

[72] 31 января 1861 г. в Комитете министров слушалось дело о торгах на питейные откупа в губерниях, прилегающих к земле Войска Донского. Суть этого запутанного дела заключалась в нарушении принятого в октябре 1858 г. «Высочайше» утвержденного «Положения о Войске Донском». См.: РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2881. Л. 394 - 414об.

[73] Указ 4 июля 1861 г. отменял систему винных откупов, которая существовала с 1767 г. Подготовка этого важного акта началась еще в 1858 г., однако энергично дело стало подвигаться только с 1860 г., когда его возглавил А.П. Заблоцкий-Десятовский, председатель Департамента экономии Государственного Совета, привлекший к работе убежденного противника винных откупов К.К. Грота. Их поддержал Великий Князь Константин Николаевич. 4 июля 1861 г. проект акцизной реформы был одобрен Александром II.

[74] Главное общество российских железных дорог было основано 28 января 1857 г. для строительства в течение 10 лет, а затем содержания в течение 85 лет сети железных дорог, передаваемой затем бесплатно в собственность казны.

[75] У Милютина здесь маленькая и редкая для его Воспоминаний неточность. Письмо Н.О. Сухозанета из Варшавы в ответ на письмо Милютина от 21 июня (3 июля) датировано не 29-м, а 27 июня (9 июля) 1861 г. Письмо большое и содержит ряд деловых вопросов и рекомендаций. Но в тот же день Сухозанет послал Милютину другое письмо. Его текст не оставляет сомнения в важности послания: «Из числа 2-х экземпляров «Колокола», высланных на имя военного министра из Парижа и Лондона, я имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего Превосходительства, чтобы подполковник

Новицкий, находящийся при нашем посольстве в Лондоне, присылал свой экземпляр прямо ко мне в Варшаву. Сверх того не оставьте присылкою ко мне тех номеров «Колокола» (в одном экземпляре), кои получены после моего отъезда» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 75. Ед. хр. 85. Л. 8 - 11).

[76] Н.А. Новосельский писал из Дрездена Милютину 27 июня (9 июля) 1861 г. об улучшении здоровья Барятинского и надеждах на его выздоровление. И далее, переходя к делам, он писал: «При таком положении вещей я счел возможным провести только следующие идеи. Рассказав князю, по какому поводу я вынужден был говорить с А. Адлербергом и Великим Князем Константином Николаевичем об интригах против назначения Вас министром, я предупредил его, что Вас будут стараться назначить ему в помощь на Кавказ именно только с целью удаления Вас из Петербурга, тогда как если Вы будете министром, то ему спокойно можно будет оставаться за границей до совершенного выздоровления» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 71. Ед. хр. 50. Л.1об. - 2).

[77] В письме к Д. Милютину из Дрездена от 15 (27) августа 1861 г. Сухозанет сообщал о предстоящем ему лечении в Вильдбаде по рекомендации доктора Вальтера, о плохом состоянии своего здоровья. Далее, о хорошем самочувствии Барятинского он пишет, что нашел его «молодцом», а не «молодым», как в тексте у Милютина (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 75. Ед. хр.86. Л. 2 - 4).

В письме из Вильдбада от 1 (13) сентября 1861 г. Сухозанет уже сообщал об успешности лечения. И вновь появились разные служебные темы и не только по своему ведомству. В связи с предстоящей ему поездкой в Париж и Штутгарт, он просит Милютина узнать у министра иностранных дел А.М. Горчакова, нет ли у него каких поручений (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 75. Ед. хр. 86. Л. 3 - 4).

[78] Письма Н.О. Сухозанета к Д. Милютину из Дрездена от 15 (27) августа и 1 (13) сентября 1861 г. см. там же, ед. хр. 85, 86.

[79] 21 июля (2 августа) 1861 г. А.В. Головнин писал Д. Милютину: «Кончив лечение в Франценсбаде, я поехал в Соден, чтоб увидеться с Николаем Алексеевичем, и провел у него целый день, а потом другой день провел с ним и с Ланским в Висбадене. Мария Агеевна имеет вид более здоровый, чем в Петербурге, у детей - румянец, которого в Петербурге я никогда не видел, но самому Николаю Алексеевичу следует серьезно лечиться». Затем идет большой перечень болезней Н. Милютина: «Я это пишу Вам по двум причинам: 1) ибо сомневаюсь, чтоб он сам написал, и 2) чтоб Вы знали, что ему необходимо провести за границей зиму и будущее лето...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед хр. 25. Л. 24 - 25).

[80] 30 августа — день тезоименитства Александра II.

[81] В письме из Тифлиса от 29 сентября 1861 г. генерал Карцов сообщал Милютину: «Путешествие Государя кончилось благополучно, Государь всем и всеми остался совершенно доволен. Особенно понравился ему тот край, в котором селятся наши новые станицы. Он несколько раз выразил свое удовольствие, говоря, что страна эта напоминает ему Богемию. В том, что положение казаков не представляет никаких опасений, Государь тоже убедился. Черноморцы, встретившие его со страхом, провожали с восторгом, когда узнали, что он приказал освободить арестованных. Они служили по Его отъезде благодарственный молебен». Как видим, последние слова в тексте Милютина, хотя и переданы по содержанию верно, но не дословно (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 8. Л. 5).

[82] Такие сведения действительно содержатся в письме А.В. Адлерберга к Милютину от 18 сентября 1861 г., где он сообщал, что «с дозволения князя Орбелиани» абадзехов, шапсугов и убыхов пришло, «говорят», до 10 000

человек, но «допущено представиться Государю» только 60 (Там же. Карт. 56. Ед. хр. 6. Л. 2).

[83] Копию адреса Александру II, подписанного: «народ абадзехский», от августа-сентября 1861 г. см. там же, ед. хр. 4, л. 39 - 40.

[84] Письмо А.В. Адлерберга от 18 сентября 1861 г. к Д. Милютину написано в станице Лабинской и передает непосредственное, живое впечатление от кавказского путешествия Александра II. Адлерберг имел время для письма по случаю «не слишком позднего привода на ночлег» и извиняется за «нескладный слог и нечеткий почерк» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 56. Ед. хр. 6. Л. 1 - 2). Приведенные Милютиным строки действительно в письме содержатся.

Следующее письмо от 30 сентября послано уже из Ливадии, по окончании путешествия. В нем повторяются те же положительные оценки путешествия и впечатления Александра II. Содержатся также сведения о приезде Императора в Кутаис. Затем Адлерберг сообщает о предполагаемом возвращении Александра II из Ливадии: 11 октября отъезд в Симферополь, 13-го в Николаев, так что прибытие в Царское Село предполагается 18-го (Там же. Л. 5 - 6).

[85] «Великоросс» - первая нелегальная печатная прокламация в России (июнь-октябрь 1861 г., № 1 - 3; 1863 г. № 4). Призывала образованное общество оказывать давление на правительство с целью наделения крестьян землей, созыва народных представителей для выработки конституции, предоставления независимости Польше.

«К молодому поколению» - революционная прокламация Н.В. Шелгунова; напечатана в Лондоне. Требовала установления республиканского строя в России, национализации земли, свободы слова и т.д.

Прокламация «К офицерам» выступала за реформы и распространялась в Петербурге в начале апреля 1862 г.

[86] Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских российских университетов 26 июля 1835 г. в значительной степени ликвидировал университетскую автономию.

[87] Правила 31 мая 1861 г. «О некоторых преобразованиях по университетам» состояли из 17 пунктов. Среди них: о запрещении «всяких сходок без разрешения начальства», об укреплении дисциплины, в частности, обязательном посещении лекций, запрещении выражать свое (т.е. студентов) мнение, одобрение или порицание лекций профессоров, об исключении из университета всех, не исполняющих эти правила, и другие меры, ограничивающие корпоративные права студентов, ужесточающие контроль администрации. См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. СПб. 1865. Стб. 635 - 638.

[88] Имеется в виду русско-японский мирный договор, заключенный в 1855 г. в Симоде.

[89] Речь идет о Тяньцзинском трактате, подписанном между Россией и Китаем 1 (13) июня 1858 г.

[90] Введение «матрикул» в университете послужило поводом к волнениям студентов. «Матрикулами» предусматривалось введение ряда стеснительных мер в отношении студентов и их общественных организаций, в частности, были запрещены сходки. В результате волнений 24 сентября Петербургский университет был закрыт. 12 октября 1861 г. в связи с волнениями студентов было арестовано 280 человек.

[91] В особом журнале Комитета министров 29 августа 1861 г. зафиксировано рассмотрение представления управляющего Военным министерством «Об издании наставления воинским начальникам при употреблении войск для усмирения народных волнений и беспорядков». По письменным требованиям губернаторов, исправников и городничих все войска должны содействовать усмирению народных волнений и прекращению беспорядков. За

неимением других войск, командируется и артиллерия без орудий, которые берутся только в случаях особенной важности по требованию губернатора. Начальники воинских команд сами распоряжаются, когда можно прибегать к силе оружия (например, если городничий или исправник будут захвачены восставшими или будут угрожать их жизни). Комитет министров полагал, что на употребление войск необходимо испрашивать «Высочайшее соизволение». 4 сентября 1861 г. особый журнал читал в Ливадии Император. Об этом есть его помета: «Исполнить» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1905. Л. 436 - 443).

[92] Чиншевиками назывались крестьяне, уплачивавшие только денежные (или денежные и натуральные) оброки в Польше, а также в украинских, белорусских и литовских землях, входивших в состав Речи Посполитой. Так называемое чиншевое право регулировало отношения между чиншевиками и феодалами. Чиншевики являлись бессрочными наследственными арендаторами земель помещиков, которым они платили специальный денежный оброк (чинш), упраздненный в 1860-х гг.

[93] В фонде Д. Милютина (ОР РГБ. Ф. 169) письма А.Д. Герстенцвейга за 1861 г. не сохранились, что является редким исключением для очень бережно сохраненной и полной подборки писем корреспондентов.

[94] Совет министров был образован в ноябре 1857 г. как совещательный орган по общегосударственным делам под председательством Царя. Создание Совета было оформлено законом 12 ноября 1861 г. Задачей Совета было объединение и координация действий министерств в вопросах, касавшихся составления новых законопроектов и принятия важнейших административных мер.

[95] Милютин точно пересказывает содержание дипломатических документов: письма А.М. Горчакова к Н.Д. Киселеву от 9 (21) октября 1861 г. (Архив внешней политики (далее - АВПР). Ф. Канцелярия. 1861. Д. 134. Л. 462 - 463об.); ответа Киселева от 29 октября (10 ноября) 1861 г. с отчетом о беседе с Антонелли (Там же. Л. 281 - 287об.); письма Горчакова к Н.Д. Киселеву от 27 ноября (9 декабря) 1861 г. (Там же. Л. 401 - 410).

[96] Милютин пересказывает донесение Н.Д. Киселева о беседе с Антонелли от 19 (31) декабря 1861 г. (АВПР. Ф. Канцелярия. 1861. Д. 134. Л. 332 - 333). Впервые папское бреве было опубликовано во французской прессе и в познанской газете «La semaine catholique» осенью 1861 г. (См. письмо А.М. Горчакова к Н.Д. Киселеву от 26 ноября (7 декабря) 1861 г. там же. Л. 301об.).

[97] См.: Espoizizione documentata sulle costanti cure del sommo pontifice Pio IX a riparo dei mali che soffre la chiesa cattolica nei domini di Rusia e Polonia. Roma. 1866. P. 162-163.

[98] Отчет Н.Д. Киселева об аудиенции у Папы содержится в его донесении А.М. Горчакову от 19 (31 декабря) 1861 г. (АВПР. Ф. Канцелярия. 1861. Д. 134. Л. 335 — 341); его телеграмма о назначении Фелинского - там же (л. 369).

[99] Письмо К.Д. Кавелина к Д. Милютину от 24 октября 1861 г. см. в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 64. Ед. хр. 60. Л. 15 - 16). Сохранилось другое письмо Кавелина к Милютину, написанное несколькими днями раньше - 20 октября, о студенческих беспорядках и их причинах. «Волнения произошли не вследствие политических причин, а вследствие совершенной неспособности и безумной крутости министра Путятина, который разве мертвых не выведет из терпения и не взбунтует». Далее, говоря о полной благонамеренности профессоров, Кавелин писал: «Министр Путятин не понимает, что кроме обязанности исполнять его приказания, профессора имеют обязанность беречь юношей и хранить свою честь, чтоб сохранить свой авторитет над студентами, если не для чего другого, так

именно для того, чтобы иметь возможность, когда Путятина не будет, сохранять в университете мир и порядок, так глубоко им потрясенный. Профессора борются и будут бороться до последней крайности против мер министра, а не против повелений Государя, хотя бы им пришлось поплатиться за это своими местами и куском хлеба, а может быть, судом и крепостью». Говоря о необходимости отказаться от мер Путятина, Кавелин заключал: «Надобно, чтобы правила были пересмотрены в университете профессорами, а не канцеляристами...» (Там же. Л. 11 - 14).

[100] В связи со студенческими волнениями Путятин во всеподданнейшем докладе от 20 декабря 1861 г. предлагал: «1) Закрыть Петербургский университет впредь до пересмотра университетского устава. 2) Открыть вновь Петербургский университет после утверждения нового устава. 3) Всех нынешних студентов считать окончательно из него уволенными. 4) Всех профессоров и других должностных лиц университетского управления считать остающимися за штатом. 5) По открытии университета предоставить профессорам и студентам поступать в него с разрешения начальства на новых правилах. 6) Исполнение этих распоряжений возложить на министра народного просвещения». На докладе резолюция Императора: «Исполнить» (РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 231. Л. 53 - 55). Одновременно Высочайшим повелением от 20 декабря 1861 г. петербургскому генерал-губернатору А.А. Суворову была отпущена значительная сумма для пособий нуждающимся студентам.

[101] Подлинник письма Н.А. Милютина от 18 (30) декабря 1861 г. из Рима см. в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 11. Л. 9 - 14); опубликовано Л.Г. Захаровой («Российский Архив». 1991. Т. I. С. 95 - 100).

[102] Письмо А.И. Барятинского от 28 октября (10 ноября) 1861 г. из Дрездена, на рус. яз., см. в ОР РГБ (Ф. 169. Карт 57. Ед. хр. 36. Л. 1 - 3). Кроме сведений, приведенных Милютиным, в нем речь идет о Шамиле и других кавказских делах.

[103] Письма А.П. Карцова к Д. Милютину от 22 октября и 28 декабря 1861 г. из Тифлиса и Ставрополя действительно сообщают сведения о личной жизни А.И. Барятинского. Кроме того, в них много интересного о кавказских делах, об обстановке в Дагестане, Чечне, Терской области. Карцов выражает опасение, что «с отозванием 18-й дивизии вспыхнет общее восстание в Чечне, и дай Бог, чтоб оно ограничилось ею» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 8. Л. 9 - 10, 21 — 22).

[104] Милютин имеет в виду успехи национально-освободительного движения в целом и, конкретно, деятельность короля Сардинии Виктора-Эммануила II, ставшего в 1861 г. первым королем объединенной Италии.

[105] Во время свидания в Теплице 26 июля 1860 г. принц-регент Пруссии Вильгельм обещал австрийскому императору помощь, если Австрия подвергнется нападению со стороны Франции. Что же касается упоминаемого Милютиным съезда в Бадене, то имеется в виду съезд государей германских государств, приуроченный к переговорам 15 июня 1860 г. в Бадене принца-регента Вильгельма с императором Наполеоном III.

[106] Имеется в виду Священный Союз европейских монархов, заключенный после крушения наполеоновской империи, 26 октября 1815 г. в Париже, Александром I, австрийским императором Францем I и прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III.

[107] Русский посол в Париже П.Д. Киселев в своем дневнике упоминает о полученных от А.М. Горчакова в августе 1860 г. нескольких письмах подобного содержания. В первую очередь министр желал достичь договоренно-

сти с Францией о совместных действиях в случае кризиса на Балканах. См.: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. СПб. 1882. Т. 3. С. 194.

[108] Свидание императоров российского и австрийского и принца-регента прусского в Варшаве 10 (22) - 14 (26) октября 1860 г. было вызвано их недовольством французской политикой в Италии.

[109] Милютин здесь не совсем точен. Полученный в Петербурге меморандум от 25 сентября (н.ст.) 1860 г. французского министра иностранных дел Тувенеля не сопровождался каким-либо письмом Наполеона III. Письмо Александру II, выражавшее озабоченность предстоявшим варшавским свиданием, было составлено Наполеоном III только 3 октября (см.: La questione italiana dalle annessioni al regno d'Italia nei rapporti fra la Francia e l'Europa. Roma. 1968. Vol. 4. P. 1 - 2). Поскольку в этом документе Наполеон III не высказал своего отношения к меморандуму Тувенеля, Александр II вернулся к данному вопросу на аудиенции Монтебелло. Только 20 октября, когда Царь уже отбыл в Варшаву, Наполеон III в письме на его имя полностью одобрил меморандум Тувенеля (Там же. Р. 26 — 27).

[110] Аудиенция Монтебелло состоялась 28 сентября (10 октября) 1860 г.

[111] Очевидно, речь идет о записке П.Д. Киселева без даты и названия (АВПР. Ф. Канцелярия. 1860. Д. 151. Л. 392 - 396).

[112] В действительности П.Д. Киселеву было поручено передать Э. Тувенелю два письма: Рехберга и главы прусского кабинета князя А. Гогенцоллерна, с изложением позиций Австрии и Пруссии.

[113] «Императорский декрет 20 октября 1860 г.», так называемый «Октябрьский диплом», наделял ландтаги отдельных земель правом посылать депутатов в имперский совет (рейхсрат). Вопросы внутренних дел отдельных земель, юстиции, просвещения и т.д. передавались в ведение ландтагов. Допускалось употребление венгерского языка в государственных учреждениях.

[114] 26 февраля 1861 г. австрийский император Франц-Иосиф издал патент, который фактически пересмотрел положения «Октябрьского диплома» 1860 г. В составе рейхсрата создавалась верхняя палата, назначаемая императором, вводилась система выборов в ландтаги, которая закрепляла преимущества крупной буржуазии и помещиков, главным образом австрийских. Венгерский сейм бойкотировал рейхсрат. В августе 1861 г. в Венгрии было введено осадное положение.

[115] Имеется в виду свидание в Бадене Наполеона III и прусского принца-регента Вильгельма 15 июня 1860 г. Император заверил принца в том, что Франция не имеет агрессивных замыслов в отношении германских государств.

[116] Крестьянская реформа в Молдавии была проведена в 60-70-х гг. XIX в. на основе «Положения» 14 июля 1868 г.

[117] «Хатти Хумаюне», изданный султаном 18 февраля 1856 г., провозглашал юридическое равенство всех подданных Османской Империи без различия вероисповедания и национальности; упразднял подушный налог с христиан, открывал доступ им к государственным должностям; провозглашал реформы в области финансов, уголовного и гражданского судопроизводства. Фактически не исполнялся.

[118] Материалы публикации прусских дипломатических документов весны 1860 г. полностью подтверждают оценку Милютина. См.: Die Aúswärtige Politík Prussens. Oldenburg. 1933. Abt. 1. Bd. 2. S. 368 - 429.

[119] Речь идет, очевидно, о циркуляре российского Министерства иностранных дел от 20 мая (2июня) 1860 г. См.: *Татищев С.С.* Император Александр II.

Его жизнь и царствование. Т. I. СПб. 1911. С. 243 - 244.

[120] Милютин неточен. Конвенция, о которой идет речь, была подписана 24 августа (5 сентября) 1860 г. Положенный в ее основу протокол подписан 22 июля (3 августа) 1860 г.

[121] Конфедеративные штаты Америки - в 1861 - 1865 гг. объединение 11 южных рабовладельческих штатов США, отделившихся от Союза и развязавших гражданскую войну.

[122] Эта депеша опубликована в журнале «Красный архив». 1939. № 3. С. 115 - 117. А в письме-инструкции Клею 7 июня 1861 г. Сьюард писал: «Заверьте Его Императорское Величество в том, что президент и американский народ с восхищением и симпатией следили за великими и гуманными усилиями, какие он за последнее время приложил для материального и морального прогресса Империи, распространения телеграфа и железных дорог и уничтожения связанного с рабством бесправия» (Цит. по кн.: *Малкин М.М.* Гражданская война в США и царская Россия. М. 1939. С. 40 - 41). В июле 1863 г. к американским берегам Атлантики и в Сан-Франциско была направлена русская эскадра. Когда опасность вмешательства стран Запада в польские дела миновала, а войска северян перешли в наступление по всему фронту, в июле 1864 г. русские корабли покинули Соединенные Штаты.

[123] Создание военных поселений было начато при Александре I и продолжено в царствование Николая I. Военные поселения начали ликвидироваться после окончания Крымской войны и передавались в ведение Министерства государственных имуществ, а пахотные солдаты - Министерству уделов. Процесс передачи продолжался до 1865 г. Сословие кантонистов упразднено в 1856 г.

[124] 5 апреля 1859 г. была учреждена Военно-кодификационная комиссия под председательством генерал-лейтенанта А.А. Непокойчицкого.

[125] Копия «Всеподданнейшего доклада по Военному министерству от 15 генваря 1862 г.» с грифом «секретно» и пометами Александра II хранится в РГВИА (Ф. 1. Оп. 1. Т. 44. Д. 496. Л. 1 - 128). Состоит из десяти частей: численный состав войск, их образование и комплектование; штаты и управление; строевое состояние войск, их образование и личный состав; военно-судная часть; комиссариатское и провиантское довольствие; военно-врачебная часть; артиллерийская часть; инженерная часть; иррегулярные войска; общие соображения по Военному министерству. Текст Воспоминаний передает кратко и литературно содержание этого доклада.

[126] В 1855 г. было проведено два рекрутских набора: в Восточной полосе 10 человек с 1 тыс. душ и в Западной полосе 12 человек с 1 тыс. душ, а в целом набор - 379148 рекрут. В том же году было три указа о сборе народного ополчения. Рекрутский набор на 1856 г. не назначался, и в последующие три года наборов не было. В 1859 г. особым постановлением от 8 сентября взамен 22-х и 25-летнего сроков службы в зависимости от родов войск и 15-ти, 20-ти и 25-летнего сроков в зависимости от происхождения было установлено два срока: 15-летний для поступивших на службу после 8 сентября 1859 г., и 20-летний для поступивших на службу до того. Одновременно устанавливался новый, сокращенный срок для увольнения в бессрочный отпуск: 12-летний для поступивших в войска после 8 сентября 1859 г. и 15-летний для поступивших до того. Главный источник пополнения армии в 1860 - 1862 гг. - временно-отпускные, в 1863 г. было два усиленных набора, а в дальнейшем проводилось по одному набору в 5 или 4 человека с 1 тыс. душ вплоть до принятия военной реформы 1870 г.

[127] «Комиссия для улучшения по военной части» под председательством Ф.В. Ридигера была образована 20 июня

1855 г. Д. Милютин вошел в состав комиссии в феврале 1856 г. Генерал-адъютант Н.Ф. Плаутин был назначен председателем комиссии 30 сентября 1856 г.

[128] В 1798 г. в Оренбургской, Самарской, Уфимской, Вятской и Пермской губерниях было сформировано иррегулярное войско из башкир, разделенное на 12 кантонов, которые делились в свою очередь на отделения и команды. Войско состояло под главным начальством командира Отдельного Оренбургского корпуса. Кантонами управляли чиновники из башкир. Главная обязанность войска заключалась в содержании кордонов по Оренбургской линии. Находясь на службе, башкиры сами обеспечивали себя, получая из казны на человека жалованья по 1 руб. ассигнациями в месяц. Вскоре к башкирскому войску были присоединены мещеряки, которые до того составляли особое войско. В 1855 г. к башкирско-мещеряковскому войску были присоединены тептери и бобыли, и повелено было это войско именовать Башкирским.

[129] 29 марта 1856 г. Д.А. Милютин представил в Комиссию под председательством Ридигера записку, озаглавленную «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и о средствах к устранению оных», где ставил вопрос о коренной реорганизации армии. Подлинник записки см. в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 22. Ед. хр. 29).

[130] По-видимому, речь идет о составленной Милютиным всеподданнейшей записке от 6 апреля 1856 г. (Там же. Карт. 20. Ед. хр. 36).

[131] Государственный Совет - высший орган суда, управления и финансов - был создан в Царстве Польском на основе Конституции 1815 г. Председательствовал в нем либо Император, либо наместник. Совет реформирован Органическим статутом 1832 г. в консультативный орган российского Государственного Совета. Ликвидирован в 1841 г., восстановлен указом Александра II от 14 (26) марта 1861 г. во время реформ А. Велепольского. Департамент по делам Царства Польского был упразднен указом 1 января 1862 г.

[132] В начале мемуаров об управлении Северо-Западным краем М.Н. Муравьев упоминал о своей отставке с поста министра государственных имуществ, называя в качестве одной из причин нерасположение Александра II. Возможно, что Милютин имеет в виду именно эти воспоминания Муравьева. См.: *Муравьев М.Н.* Записки об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа 1863 - 1866 гг. // Русская старина. 1882. Т. 36. С. 389.

[133] «Правила для литературных чтений в С.-Петербурге», утвержденные 10 марта 1862 г., см.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. СПб. 1865. № 378.

[134] В фонде Д. Милютина, кроме литографированного экземпляра всеподданнейшего доклада от 15 января с пометами министра и Александра II, сохранились дополнительные материалы к докладу. В их числе: 1) Перечень вопросов по улучшению и усовершенствованию разных частей военного устройства; 2) Свод предположений, изложенных в докладе, с показанием распоряжений, сделанных к приведению оных к исполнению (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 28. Ед. хр. 15. Карт. 22. Ед. хр. 41 - 42). Документы по обсуждению доклада в Совете министров см. в РГИА (Ф. 1275. Оп. 1. Д. 27).

[135] Писарской экземпляр записки Милютина от 10 февраля, озаглавленной «Мнение о военно-учебных заведениях», см. в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 24. Ед. хр. 3).

[136] ОР РГБ. Ф. 129 (Киселевы). Карт. 15. Ед. хр. 23. Л. 2.

[137] Там же. Л. 8об. - 9, 14.

[138] Депеша А.М. Горчакова к Н.Д. Ки-

селеву от 11 апреля 1862 г. опубликована в отрывках в приложении к его же циркулярной депеше от 7 (19) января 1867 г. Речь в ней шла о посылке Папой Пием IX Фелинскому, втайне от русских властей, письма с приглашением приехать в Рим. Горчаков считал действия Папы недопустимыми ни по форме (тайная переписка), ни по содержанию (отъезд Фелинского мог усилить брожение среди польского духовенства). Киселеву было поручено заявить протест и предупредить, что действия папского престола способны ухудшить отношения с Россией. См.: Annuaire dilomatique de l'Empire de Russie. 1868. St.-Petersbourg. 1868. P. 124 - 125.

[139] Речь идет о циркулярной депеше А.М. Горчакова от 7 (19) января 1867 г. по поводу разрыва дипломатических отношений с Ватиканом и отмены Конкордата 1847 г. В приложении к депеше были обнародованы русские дипломатические документы об отношениях с папским престолом с конца 1850-х гг. (в «Journal de St.-Petersbourg» за январь 1867 г.). См. в кн.: Annuaire diplomatique... P. 103 - 138. Фелинский обвинялся в преднамеренной, несмотря на просьбы властей, организации на празднике Св. Марка уличных манифестаций, которые привели к столкновениям с властями и жертвам (P. 125 - 126).

[140] В опубликованной описи дел Архива Государственного Совета за 1862 г. указанных материалов нет.

[141] ОР РГБ. Ф. 169. Карт 67. Ед. хр. 25. Л. 3 - 3об., 5 - 6.

[142] Там же. Л. 1 - 2.

[143] Там же. Карт. 69. Ед. хр. 11. Л. 9 - 14.

[144] Отрывок из письма Великой Княгини Елены Павловны к Н. Милютину от 26 января (7 февраля), относящийся к данному вопросу, см. в кн.: *Leroy-Beaulieu A.* Un homme d'Etat Russe. (Nicolas Milutine). Paris. 1884. P. 124 - 125.

[145] Там же. P. 125 - 126. Ниже цит. отрывок из письма от 18 (30) марта.

[146] Письмо А.В. Головнина от 20 апреля 1862 г. полностью опубл. там же (P. 129 - 130).

[147] Записка Великой Княгини Елены Павловны и письмо Головнина от 11 мая 1862 г. полностью опубл. там же (P. 132 - 133).

[148] Подлинное письмо А.В. Головнина от 21 июня 1886 г. с пометой: «День выстрела в Варшаве в 1862 г.» см. в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 62. Ед. хр. 4. Л. 11 - 11об.).

[149] Там же. Карт. 63. Ед. хр. 43. Л. 6 - 6об.

[150] ГАРФ. Ф. 978. Оп. 1. Д. 28. Л. 222об.

[151] В начале мая 1862 г. Д. Милютин представил Александру II записку «Главные основания предполагаемого устройства военного управления по округам» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. хр. 3; печатный экземпляр с авторскими пометами и черновой вариант под названием «О разделении Империи на округа и система резервов»). На основании этих предложений Военное министерство в том же году приступило к разработке детального проекта реформы.

[152] Местонахождение подлинника письма Д. Милютина к П.А. Тучкову от 7 июля 1862 г. не установлено.

[153] 1 июня 1862 г. был утвержден особый Временный комитет о пожарах под председательством генерал-адъютанта Н.В. Зиновьева. Комитет должен был расследовать причины пожаров в Петербурге, принять чрезвычайные меры по охране безопасности столицы, учесть потери и распределить пожертвования пострадавшим // Полное собрание законов (далее - ПСЗ). Собр. 2-е. Т. 37. Отд. 1-е. № 38336. О деятельности комитета см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Д. 260.

[154] РГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 39. Л. 1 - 7.

[155] «Современник» - основанный А.С. Пушкиным в 1836 г. литературный и общественно-политический журнал; выходил в Петербурге до 1866 г.; в 1855 - 1862 гг. издавался Н.А. Добролюбовым и Н.Г. Чернышевским. «Рус-

ское слово» — журнал, издававшийся в Петербурге в 1859 - 1866 гг. Г.Е. Благосветловым. До своего запрещения в 1866 г. журнал трижды приостанавливался. «День» - славянофильская газета, издававшаяся в Москве И.С. Аксаковым в 1861 - 1865 гг.

[156] В фонде Д. Милютина по этому делу сохранились два документа: докладные записки генерала К.П. Кауфмана и В.Д. Философова к Милютину по вопросу о порядке судопроизводства над офицерами лейб-гвардии Саперного батальона, от 20 - 21 сентября 1862 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 39. Ед. хр. 13, 24).

[157] Сохранившиеся в фонде Д. Милютина документы об увольнении от должности Н. Столпакова и Савицкого за июль-август 1862 г. содержат: письмо Столпакова к Милютину от 7 августа, переписку Милютина с М.Л. Дубельтом, управляющим III Отделением А.Л. Потаповым и командиром Сводного кавалерийского корпуса И.П. Офенбергом (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 39. Ед. хр. 52 - 57).

[158] Документы по делу Н.Н. Кармалина за май-август 1862 г. (письма к Милютину от 8 мая и 27 июня, заключение Милютина по объяснительной записке Кармалина от 20 августа, переписку Милютина с А.И. Веригиным, А.Н. Лидерсом, К.К. Врангелем, С.Е. Кушелевым) см. там же. Ед. хр. 42 - 51.

[159] Имеется в виду, что Я.И. Ростовцев накануне восстания декабристов сообщил властям о готовившемся выступлении, не скрывая этого от своих друзей, а 14 декабря он участвовал в подавлении восстания.

М.Я. и Н.Я. Ростовцевы были арестованы за то, что оба они ездили к А.И. Герцену объясняться относительно неоднократных упоминаний в статьях «Колокола» имени их отца, Я.И. Ростовцева, как доносчика на декабристов.

[160] Подразумеваются военные действия армий Франции и Пьемонта против австрийских войск во время австро-итало-французской войны (29 апреля - 8 июля 1859 г.).

[161] В фонде Д. Милютина, среди его переписки с П.Х. Граббе за 1857 - 1865 гг. (6 писем Милютина за 1862 - 1864 гг. и 10 писем Граббе за 1857 - 1865 гг.), сохранился черновик письма к Граббе от 2 января 1863 г., в котором Милютин приносил извинения за свои не совсем точно истолкованные адресатом выражения в письме от 4 декабря 1862 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 52. Ед. хр. 1. Л. 6 - 9, 10 - 13). См. также письмо Граббе к Милютину от 18 декабря 1862 г. (Там же. Карт. 62. Ед. хр. 32. Л. 11 - 12).

[162] Подлинник письма Граббе к Милютину от 11 января 1863 г. см. там же, л. 17 - 18. Оно представляет интерес для прояснения позиции Граббе по вопросу о кандидатуре на должность начальника штаба Донского казачьего войска - теме, ставшей предметом обсуждения и разногласий в вышеназванных письмах. По этому поводу Граббе, в частности, писал: «...Вы, без сомнения, желаете, чтобы избран был способнейший из известных мне теперь в крае. В двухмесячное мое управление я удостоверился, что удовлетворяющий главным условиям звания начальника штаба есть нынешний председатель Комитета о пересмотре Донского положения, отставной генерал-майор Шумков» (Л. 17 - 17об.). Кандидатуры Чеботарева и Фомина были для Граббе неприемлемы, в чем он расходился с Петербургом.

[163] Речь идет о кн.: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. СПб. 1882. Т. 3; кроме упомянутого письма к Александру II, в этом же томе помещено и упоминаемое Милютиным письмо П.Д. Киселева к А.М. Горчакову (С. 296 - 300).

[164] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 11. Л. 16.

[165] Отчет статс-секретаря А.Ф. Голицына см. в РГИА (Ф. 1275. Оп. 1. Д. 41. Л. 3 - 13); в фонде Д. Милютина сохранилось полученное им от П.П. Ланского изве-

щение о возложении Александром II на военного министра поручения принять меры к немедленному решению дел по докладу Следственной комиссии от 21 сентября 1862 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 40. Ед. хр. 8).

[166] Польская военная школа была основана в Генуе в октябре 1861 г., под покровительством итало-польского комитета в составе: генералов Осчипинте и Нино-Бикшо, князя Марцеллия Любомирского и депутата итальянского парламента Валерио. На устройство школы было выделено итальянским правительством единовременно 100 тыс. франков, а потом отпускалось ежемесячно до 10 тыс. фр. До марта 1862 г. директором школы был генерал Людвиг Мерославский, затем до закрытия - генерал Иосиф Высоцкий. Воспитанников было 211 человек. В марте 1862 г., вследствие опасения возможного участия воспитанников в движении Гарибальди, школа была переведена в Кунео, а в августе 1862 г., после признания Россией Итальянского королевства, школа в Кунео закрылась.

[167] Имеется в виду программа действий революционной партии, выпущенная Центральным народным комитетом в Варшаве 12 (24) июля 1862 г. Копия с нее была послана наместником В.А. Долгорукову.

[168] Речь идет о публикации 22 октября 1862 г. в № 148 «Колокола» адреса русских офицеров в Польше на имя Великого Князя Константина Николаевича (Колокол. Факсим. изд. М. 1962. Вып. 5. С. 1221). Сообщенные Милютиным сведения о реакции наместника на этот адрес подтверждаются письмом Великого Князя Константина Николаевича к Александру II от 24 октября 1862 г. См.: Переписка наместников Королевства Польского. 1861 - 1863. Документы и материалы. Wroclaw. 1973. Т. 2. С. 290.

[169] Западный комитет, образованный 20 сентября 1862 г., просуществовал до декабря 1865 г. Ему предшествовал Комитет западных губерний (1831 - 1848). Деятельность Комитета заключалась главным образом в разработке мер по борьбе с польским влиянием в Северо-Западном крае и на Правобережной Украине. Архив Западного комитета хранится в РГИА (Ф. 1267).

В фонде Д. Милютина сохранились печатные экземпляры обсуждавшихся в Комитете записок, отчетов и докладов с сопроводительными письмами к Милютину статс-секретаря Ф.П. Корнилова (ОР РГБ. Ф. 169. Карт 42. Ед. хр. 1 - 14). Собственно Милютину принадлежат только черновые заметки к одному из докладов (Там же. Ед. хр. 2).

[170] Имеется в виду записка П.А. Валуева, озаглавленная «Дополнительные соображения к очерку положения дел Западного края, внесенному министром внутренних дел в Западный комитет» (РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 12. Л. 87 - 101).

[171] Подлинник письма А.И. Барятинского, в котором, кроме описания своего физического состояния, выражено удовлетворение назначением Милютина военным министром, см. в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 37. Л. 1 - 3об.). Всего в фонде Милютина сохранилось восемь писем Барятинского за 1862 г.

[172] Там же. Л. 4 - 5.

[173] Там же. Карт. 54. Ед. хр. 14. Л. 1 - 1об.

[174] Письмо Милютина к Барятинскому от 26 марта (7 апреля) 1862 г. см. там же, карт. 50, ед. хр. 58, л. 3 - 4. В нем Милютин писал о состоянии дел на Кавказе в связи с предполагаемой экспедицией в Пеху. Приведем отрывок из этого письма: «<...> Сколько мне известно, князь Григ<орий> Дм<итриевич> Орбельяни просит между прочим наставлений Ваших относительно образа действий в Абхазии. Поэтому долгом считаю довести до сведения Вашего Сиятельства, что по дошедшим уже частным сюда сведениям о затруднениях, встречаемых для приведения в исполнение предположения о движении в Пеху и проложении туда дороги, особенно о явном разрыве меж-

ду князем Михаилом Шервашидзе и генерал-лейтенантом Колюбакиным, Государь Император изволил разрешить князю Орбельяни действовать в этом отношении по ближайшему соображению обстоятельств, не стесняясь данными Его Величеством положительными повелениями князю Михаилу; ибо, как ни желательно исполнение означенного предположения, однако же, есть в крае предприятия еще более важные и от которых было бы жаль отвлекать войска, тем более, что при настоящей обстановке едва ли и можно было бы ожидать серьезных результатов от сбора многочисленного отряда в Абхазии. Поэтому князю Орбельяни разрешено, если он признает нужным, отложить до другого времени предположенное движение в Пеху» (л. 3об. - 4).

Среди писем Барятинского к Милютину за 1862 г. два письма датированы 10 мая (28 апреля): одно - действительно содержит оценку князя Шервашидзе, другое - распоряжения князю Орбельяни по организации и управлению Кавказской армией (там же. Карт. 57. Ед. хр. 37. Л. 6 - 9, 10 - 13). О своем отношении к Шервашидзе Барятинский писал довольно пространно. Сказанное Милютиным считаем необходимым дополнить выдержкой из письма фельдмаршала: «<...> Вашему Превосходительству давно уже известен мой образ действий относительно владетеля Абхазии, в деле которого, по моему мнению, могут быть только два исхода: или у князя Шервашидзе и его потомства должно отнять владения совсем, к чему по настоящее время я не вижу достаточных причин без явного нарушения справедливости и достоинства правительства, или же следует держаться в отношении владетеля такой системы, чтобы хорошим с ним обхождением приласкать и заставить его быть нам пожизненно полезным. <...> В преследовании князя Шервашидзе я не вижу никакой надобности, а скорее вред. Влияние его в Абхазии и на соседние племена, как мне известно, еще очень важно, чему лучшим доказательством служит то, что всю причину неуспеха последней экспедиции генерала Колюбакина приписывают единственно отсутствию князя Шервашидзе; <...> доверив ему экспедицию, он окажет нам услуги при исполнении общего плана покорения правого крыла, когда наступит надобность действовать со стороны Абхазии <...>» (л. 7 — 8).

[175] В письме из Вильдбада А.И. Барятинский действительно писал о намерении возвратиться в Петербург, но не оговаривал срока в связи с ухудшением здоровья (Там же. Л. 18).

[176] Речь идет о пленении Шамиля в 1859 г.

[177] Хранящиеся в фонде Д. Милютина семь писем П.А. Валуева за 1862 г., как и упомянутое письмо, посвящены вопросу о назначении генерал-губернатора в Северо-Западный край (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 59. Ед. хр. 32. Л. 5).

[178] Автограф доклада с резолюцией Александра II см. там же (Карт. 50. Ед. хр. 21. Л. 1).

[179] Депеша британского министра иностранных дел Д. Рассела поверенному в делах в Петербурге Ломлею от 18 (30) сентября 1862 г. и ответная депеша А.М. Горчакова российскому послу в Лондоне Ф.И. Бруннову от 28 сентября (10) октября 1862 г. были опубликованы в русской печати (Санкт-Петербургские ведомости. 1862. 14 октября. № 224).

Депеша Рассела была направлена против попыток России добиться пересмотра в пользу Черногории условий мирного договора с Турцией. В депеше Горчакова не оспаривался призыв Англии к сохранению целостности Османской Империи, но выдвигалось требование к Турции соблюдать права христианских подданных.

[180] Имеются в виду редакционные статьи газет «Morning Post» (1862, 3 ноября) и «Journal de St.-Petersbourg» (1862, 30 октября (10 - 11 ноября). В

этих же газетах были опубликованы депеши Рассела и Горчакова.

«Journal de St.-Petersbourg» - ежедневная газета, издававшаяся на французском языке Министерством иностранных дел в 1825 - 1914 гг.

«The Morning Post» - английская ежедневная газета, выходившая в Лондоне в 1772 - 1937 гг.

[181] Хранящиеся в фонде Д. Милютина материалы о поставках российского оружия сербам содержат его переписку за август-декабрь 1862 г. с Н.П. Игнатьевым, А.М. Горчаковым, вице-директором Артиллерийского департамента генерал-майором Н.П. Соловцовым, полковником Я.А. Слуцким (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 36. Ед. хр. 40 - 43, 47, 51).

[182] Речь идет об управлении П.Д. Киселевым дунайскими княжествами в 1828 - 1834 гг. в качестве полномочного председателя диванов Молдавии и Валахии.

[183] Депешу А.М. Горчакова Стеклю от 9 (21) января 1862 г. по поводу «Трента» см.: Красный архив. 1939. № 3/94. С. 121 - 122; ответ Сьюарда на имя Стекля от 6 (18) февраля 1862 г. дан в пересказе там же (1930. № 1/38. С. 152).

[184] Милютин ошибочно датирует свержение сегуна в Японии 1862 г. На самом деле это произошло в январе 1868 г., в результате гражданской войны 1863 - 1867 гг., известной в истории как реставрация Мэйдзи.

[185] Положение о дарственном или четвертном наделе было принято 11 февраля 1861 г. по инициативе члена Государственного Совета П.П. Гагарина. Этим положением помещикам предоставлялось право по добровольному соглашению с крестьянами передавать им в дар часть надела, а крестьянам - отказываться от обязательного пользования остальной частью своего надела, которая и поступала в полное распоряжение помещика. Размер дарственного надела, со включением усадебной оседлости, должен был составлять не менее $^1/_4$ утвержденных норм высшего и указного надела.

[186] «Положения 19 февраля» создавали новую структуру крестьянского самоуправления: мирское сельское самоуправление состояло из мирского схода и мирского старосты, который совещался с «лучшими стариками». Волостное самоуправление - из волостного схода, волостного старшины и правления, состоящего из мирских старост.

[187] Мировые посредники первого призыва (1861 - 1863), о которых здесь идет речь, были в значительной части убежденными сторонниками отмены крепостного права.

[188] 26 июня 1863 г. было утверждено «Положение об удельных крестьянах». См.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. Отд. 1-е. № 39792.

Реформа на государственных землях была проведена законами 18 января и 24 ноября 1866 г. См.: Там же. Т. 41. Отд. 1-е. № 42899; Отд. 2-е. № 43888.

[189] См.: Журнал Министерства юстиции. 1862. Т. XIV. С. 11 - 71.

[190] Комиссия по разработке проектов судебных уставов работала до середины 1864 г. Составленные ею проекты обсуждались в августе-сентябре 1864 г. Государственным Советом. См.: Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Подготовительные материалы. Т. 1 - 12. СПб. 1884 - 1894. Архив комиссии находится в РГИА (Ф. 1190).

[191] Имеется в виду «Табель доходов и расходов государственного казначейства на 1862 год»; опубл.: Санкт-Петербургские ведомости. 1862. 25 января. № 19.

[192] 19 июля 1862 г. был утвержден сенатский указ «Об учреждении общественного банка в г. Кунгуре Пермской губернии», а 6 февраля 1862 г. - «Положение о городских общественных банках». См.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 37. Отд. 1. №№ 38479, 37950.

[193] Питейный налог традиционно составлял от $^1/_4$ до $^1/_3$ государственных доходов.

[194] Имеются в виду законы, принятые правительством Александра II в первой половине 1860-х гг.: установление гласности государственного бюджета (1861), утверждение новых бюджетных правил с целью обеспечения бюджетного и кассового единства государственных доходов и расходов, превращение Государственного контроля в единый ревизионный орган с правом документальной проверки всех государственных учреждений (1862), упразднение старых кредитных учреждений и создание Государственного банка (1860), утверждение уставов первых в стране частного учреждения краткосрочного кредита (1863) и акционерного коммерческого банка (1864), принятие нового торгово-промышленного законодательства (1863 - 1865), отмена винных откупов и введение питейного акциза (1861), прекращение казенной продажи соли и передача государственной соляной торговли в частные руки (1862) и др. Плоды этих мероприятий в полной мере проявились лишь впоследствии.

[195] Новый университетский устав, утвержденный 18 июня 1863 г., восстанавливал автономию университетов, сведенную почти к нулю уставом 1835 г.

[196] РГИА. Ф. 1275. Д. 31; Д. 36. Л. 5 - 6.

[197] Временные правила по цензуре вводились вместо всех постановлений 1828 - 1861 гг. См.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 37. Отд. 1-е. № 38270.

[198] Список отправленных на стажировку за границу лиц был напечатан в «Журнале Министерства народного просвещения» (1863. № 8. С. 389 — 390). Всего в 1862 г. за границу для подготовки к профессуре было послано 46 человек.

[199] Ришельевский лицей в Одессе был создан в 1817 г. по инициативе губернатора герцога Ришелье на основе Коммерческой гимназии и Благородного воспитательного института. При лицее были пансион и педагогический институт.

[200] Имеется в виду Манифест 1 сентября 1862 г., которым объявлялись некоторые изменения порядка военного призыва рядовых и отмена варварских приемов рекрутства. См.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 37. Отд. 2-е. № 38622.

[201] Автограф письма Г. Мекленбург-Стрелицкого от 26 июня 1862 г. см. в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 68. Ед. хр. 53. Л. 1 - 4); ответное письмо Д. Милютина от 3 июля - там же (Карт. 53. Ед. хр. 74. Л. 1 - 6).

[202] В фонде Д. Милютина сохранился литографированный экземпляр всеподданнейшего отчета по Военному министерству за 1862 г. от 1 января 1863 г. с резолюцией Александра II и пометами Милютина (Там же. Карт. 28. Ед. хр. 16).

[203] Разработка проекта Госпитального устава была завершена в первой половине 1869 г. Главным военно-госпитальным комитетом, образованным в 1867 г.

[204] Воинский устав о наказаниях от 5 мая 1868 г. см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 43. № 45813.

[205] «Положение об охране воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных» было введено в июле 1863 г. Оно легло в основу дисциплинарного устава 1869 г. См. там же. Т. 44. № 47287.

[206] Проект Военно-судного устава был утвержден 15 мая 1867 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Милютин Д.А.

М 60 Воспоминания. 1860—1862. — М.: «Редакция альманаха «Российский Архив», 1999. — 559 с.; ил.

ISBN 5-86566-015-2

Воспоминания историка, генерала-фельдмаршала, военного министра Александра II охватывают период с 1860 по 1862 г. - важнейшие годы Эпохи Великих Реформ, повествуют об отмене крепостного права и начале военной реформы, польском восстании, студенческих беспорядках, положении на азиатских окраинах Империи, жизни Императорского Двора и высшей бюрократии. Мемуары выдающегося государственного деятеля-реформатора публикуются без каких-либо сокращений. Издание иллюстрировано портретами, снабжено научно-справочным аппаратом.

Книга рассчитана как на специалистов-историков, так и на широкий круг читателей.

ББК 63.3 (2) 51

Дмитрий Алексеевич Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ 1860—1862

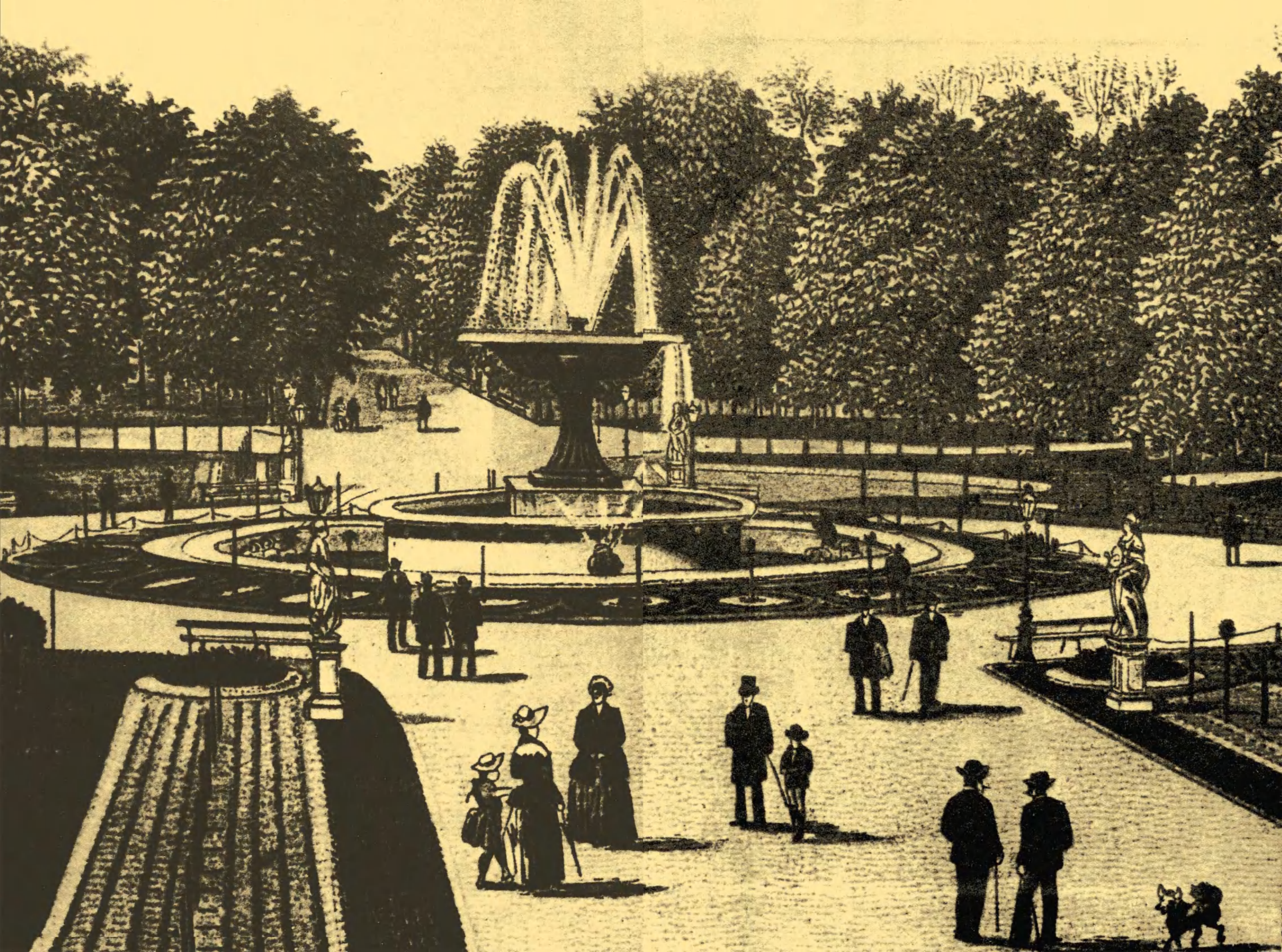
Редакция альманаха «Российский Архив»

Редактор *В.И. Сахаров*
Технический редактор *Т.Б. Любина*
Корректор *Н.А. Несмеева*

Издат. лицензия ЛР № 064800 от 21.10.1996 г.

Подписано к печати 03.09.99. Формат 60x90 $^1/_{16}$
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 35.
Тираж 3000 экз. Изд. № 15. Заказ № 2675
Редакция альманаха «Российский Архив»
103001, Москва, Мал. Козихинский пер., 11

ГП тип. им. П. Ф. Анохина
185630, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4

1860

Д.А.Милютин ВОСПОМИНАНИЯ

1862